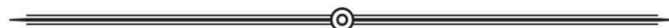

////////////////////////////////////

МЕЖДУНАРОДНЫЙ НАУЧНЫЙ ВЕСТНИК

научно-правовой журнал

№ 8 август 2026 год

Учредитель:

Грудцына Людмила Юрьевна

Журнал включен в Российский индекс

научного цитирования (РИНЦ) и

зарегистрирован в Научной электронной

библиотеке E-library с 2013 г.

Издатель: Издательство “ЮРКОМПАНИ”

Журнал основан в 2012 году

Сетевое издание зарегистрировано

в Национальном центре ISSN

(Свидетельство о регистрации

ISSN 2782-3849 от 13 декабря 2021 г.)

Выходит один раз в месяц

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций
(Свидетельство о регистрации СМИ Эл № ФС 77-49715 от 4 мая 2012 г.)

МЕЖДУНАРОДНЫЙ
НАУЧНЫЙ
ВЕСТНИК

сетевой научно-правовой журнал

Ежемесячный аналитический научный журнал, посвященный актуальным проблемам юридической науки и практики, а также законотворческой и правоприменительной деятельности, вопросам образования, социологии и педагогики

Главный редактор:

Людмила Грудцына

Первый заместитель главного редактора:

Марат Шайхуллин

Заместитель главного редактора:

Валерий Рыжов

Корректор: **Вера Козлова**

Компьютерная верстка: **Юлия Дребезгова**

Дизайн: **Роман Ерцев**

Материал подготовлен с использованием СПС «ГАРАНТ» (www.garant.ru)

Адрес офиса редакции:

121596, г. Москва, ул. Горбунова, д. 2, стр. 3. Офис А 802.2. Этаж 8.

Бизнес-центр “Гранд Сетунь Плаза”.

Для писем: 121614, г. Москва, ул. Крылатские Холмы, д. 28, кв. 57.

Home page: www.r.law-books.ru

E-mail: mail@law-books.ru

WhatsApp: +7-903-672-55-88

Многоканальный: +8-800-700-45-88

При использовании опубликованных материалов ссылка на журнал «Международный научный вестник» обязательна. Материалы, опубликованные в журнале, могут быть размещены в электронных правовых базах и справочных системах. Все присланные рукописи проходят обязательное рецензирование. Автор рукописи извещается о принятом решении.

Мнение редакции может не совпадать с мнением автора.

Редакционная коллегия:

Главный редактор: **Грудцына Людмила Юрьевна**, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры гражданского права и гражданского процесса Северо-Западного института (филиала) Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), эксперт Центра научной и экспертной аналитики Международного центра компетенций Российской государственной академии интеллектуальной собственности, эксперт РАН, Почетный адвокат России

Первый заместитель главного редактора: **Шайхуллин Марат Селирович**, доктор юридических наук, доцент, руководитель Центра государственно-правовых исследований Евразийского научно-исследовательского института проблем права

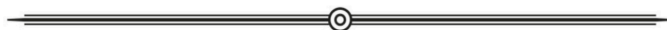
Заместитель главного редактора: **Рыжов Валерий Борисович**, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры государственного и муниципального управления Института социально-гуманитарного образования Московского педагогического государственного университета

- **Е.В. Алферова** – кандидат юридических наук, заведующая отделом правоведения Института научной информации по общественным наукам РАН
- **Е.Г. Багреева** – доктор юридических наук, профессор, профессор Департамента правового регулирования экономической деятельности ФГБУ ВО «Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации»
- **А.В. Барков** – доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры гражданского права Саратовской государственной юридической академии, Заслуженный юрист России.
- **Н.И. Беседкина** – кандидат юридических наук, доцент, доцент Департамента правового регулирования экономической деятельности Финансового университета при Правительстве Российской Федерации
- **Е.В. Богданов** – доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры гражданско-правовых дисциплин Российского экономического Университета им. Г.В. Плеханова.
- **О.Н. Булаков** – доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой конституционного и международного права Российского государственного гуманитарного Университета
- **Е.В. Воевода** – доктор педагогических наук, доцент, заведующая кафедрой педагогики и психологии, профессор кафедры английского языка № 2 Московского государственного института международных отношений (Университета) МИД России
- **А.В. Гаврилин** – доктор педагогических наук, профессор, действительный член АПСН, заведующий кафедрой теории и методики воспитания Владимирского института развития образования им. Л.И. Новиковой
- **М.А. Газимагомедов** – кандидат юридических наук, и.о. профессора кафедры уголовного права и криминологии Института финансов и права, член Ассоциации юристов России, член-корреспондент Российской академии естественных наук, Почетный профессор права Института адвокатуры, нотариата и международных отношений
- **М.А. Гончаров** – доктор педагогических наук, доцент, директор Института «Высшая школа образования», профессор кафедры педагогики Института «Высшая школа образования» Московского педагогического государственного университета

- **С.А. Гримальская** – кандидат юридических наук, доцент Департамента правового регулирования экономической деятельности ФГБОУ ВО «Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации»
- **И.В. Дойников** – доктор юридических наук, профессор, профессор Московского городского университета управления Правительства Москвы
- **А.А. Дорская** – доктор юридических наук, профессор, заведующая кафедрой международного права Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена
- **С.О. Елишев** – доктор социологических наук, доцент, ученый секретарь, профессор кафедры современной социологии социологического факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова
- **В.Б. Израелян** – кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры юриспруденции Московского городского университета управления Правительства Москвы, ведущий научный сотрудник Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации
- **А.С. Кагосян** – доктор педагогических наук, профессор, директор Академического колледжа Международного инновационного университета (г. Сочи), Почетный работник среднего профессионального образования РФ
- **Р.А. Каламкарян** – доктор юридических наук, профессор, ведущий научный сотрудник сектора международно-правовых исследований Института государства и права Российской академии наук, профессор кафедры международного права Российского университета дружбы народов
- **В.П. Камышанский** – доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой гражданского права ФГБОУ ВПО «Кубанский государственный аграрный университет», заведующий кафедрой гражданского права и процесса Института международного права, экономики, гуманитарных наук и управления имени К.В. Россинского, Почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации
- **И.А. Конюхова** – доктор юридических наук, профессор, руководитель отдела конституционного права и профессор кафедры конституционного права Российской академии правосудия
- **Н.Н. Косаренко** – кандидат философских наук, кандидат юридических наук, доцент кафедры государственно-правовых дисциплин Московского гуманитарного университета
- **Н.В. Кроткова** – кандидат юридических наук, ведущий научный сотрудник сектора конституционного права и конституционной юстиции Института государства и права Российской академии наук, заместитель главного редактора журнала «Государство и право»
- **З.И. Курцева** – доктор педагогических наук, доцент, профессор кафедры риторики и культуры речи Института философии Московского педагогического государственного университета
- **А.Н. Левушкин** – доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры предпринимательского и корпоративного права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина, профессор кафедры гражданского права Российского государственного университета правосудия.

- **В.Э. Меламуд** – доктор педагогических наук, член-корреспондент Международной академии менеджмента, Почетный работник общего образования РФ, директор Измайловской гимназии № 1508 г. Москвы
- **В.С. Меськов** – доктор философских наук, профессор, профессор кафедры педагогики Института «Высшая школа образования» Московского педагогического государственного университета
- **А.Х. Миндагулов** – доктор юридических наук, профессор (Республика Казахстан)
- **В.О. Миронов** – доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры «Государственное право и управление таможенной деятельностью» Владимирского государственного университета им. А.Г. и Н.Г. Столетовых
- **Ю.В. Николаева** – доктор юридических наук, профессор, профессор Департамента правового регулирования экономической деятельности Финансового университета при Правительстве РФ
- **А.В. Рагулин** – доктор юридических наук, доцент, руководитель центра исследования проблем организации и деятельности адвокатуры Евразийского научно-исследовательского института проблем права, Председатель комиссии по защите прав адвокатов-членов адвокатских образований Гильдии Российских адвокатов
- **А.В. Рогова** – доктор педагогических наук, профессор, профессор кафедры педагогики психолого-педагогического факультета Забайкальского государственного университета, член Научного Совета по проблемам истории образования и педагогической науки при Институте теории и истории педагогики РАО, Заслуженный учитель Российской Федерации, Почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации
- **Н.В. Семенова** – доктор педагогических наук, профессор, профессор кафедры педагогики Педагогического института Тихоокеанского государственного университета, Почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации
- **А.Б. Синельников** – доктор социологических наук, профессор, профессор кафедры социологии семьи и демографии социологического факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова
- **Д.С. Сомов** – доктор педагогических наук, директор гимназии № 710 Российской академии образования
- **А.А. Спектор** – доктор юридических наук, профессор кафедры предпринимательского права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина
- **Р.Ф. Степаненко** – доктор юридических наук, профессор кафедры теории и истории государства и права юридического факультета Казанского (Приволжского) федерального университета
- **Д.П. Стригунова** – доктор юридических наук, доцент, доцент кафедры международного и интеграционного права Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации
- **В.Н. Ткачев** – доктор юридических наук, профессор, Заслуженный юрист России, профессор кафедры гражданско-правовых дисциплин Российского экономического Университета им. Г.В. Плеханова

- **Н.Е. Толстая** – доктор философских наук, профессор, Почетный работник высшего профессионального образования РФ, ректор Сергиево-Посадского гуманитарного института
- **А.Г. Тюриков** – доктор социологических наук, профессор, профессор Департамента социологии ФГБОУ ВО «Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации»
- **М.С. Халиков** – доктор социологических наук, профессор, профессор кафедры управления персоналом Института государственной службы и управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы
- **Н.П. Ходакова** – доктор педагогических наук, доцент, профессор департамента методики обучения Института педагогики и психологии образования Московского городского педагогического университета
- **Г.Г. Черемных** – доктор юридических наук, профессор, Заслуженный юрист России, нотариус г. Москвы, член Правления Московской городской нотариальной палаты
- **Х.С. Шагбанова** – доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры философии, иностранных языков и гуманитарной подготовки сотрудников органов внутренних дел ФГКУ ДПО «Тюменский институт повышения квалификации сотрудников МВД России», член-корреспондент РАЕН
- **Г.Г. Шинкарецкая** – доктор юридических наук, главный научный сотрудник сектора международного права Института государства и права РАН, член Совета по международному праву при Министерстве иностранных дел Российской Федерации

Editorial Board:

Editor-in-chief: **Grudtsina Ludmila Yurievna**, doctor of law, professor, professor of the Department of civil law and civil process of the Northwestern Institute (branch) of the O.E. Kutafin University (Moscow State University), expert of the Center for scientific and expert analytics of the International competence center of the Russian State Academy of Intellectual Property, expert of the Russian Academy of Sciences, Honorary Lawyer of Russia

First Deputy Editor-in-Chief: **Shaikhullin Marat Selyovich**, Doctor of Law, Associate Professor, Head of the Center for State Legal Research of the Eurasian Research Institute of Law Problems

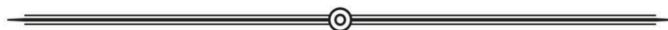
Deputy Editor-in-Chief: **Ryzhov Valery Borisovich**, Ph.D., associate professor, associate professor, Department of state and municipal administration, Institute of Social and Humanitarian Education, Moscow Pedagogical State University

- **E.V. Alferova** – Candidate of Legal Sciences, Head of the Department of Law of the Institute of Scientific Information in the Social Sciences of the Russian Academy of Sciences
 - **E.G. Bagreeva** – Doctor of Law, Professor, Professor, Department of Legal Regulation of Economic Activities of FSOBU VO «Financial University under the Government of the Russian Federation»
 - **A.V. Barkov** – Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of Civil Law of the Saratov State Law Academy, Honored Lawyer of Russia.
 - **N.I. Besedkina** – Candidate of Legal Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Legal Regulation of Economic Activities of the Financial University under the Government of the Russian Federation
 - **E.V. Bogdanov** – Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of Civil Law Disciplines of the Russian University of Economics named after G.V. Plekhanov
 - **O.N. Bulakov** – Doctor of Law, Professor, Head of the Department of Constitutional and International Law of the Russian State University for the Human
 - **E.V. Voevoda** – Doctor of Pedagogical Sciences, Associate Professor, Head of the Department of Pedagogy and Psychology, Professor of the Department of English No. 2 of the Moscow State Institute of International Relations (University) of the Russian Ministry of Foreign Affairs
 - **A.V. Gavrilin** – Doctor of Pedagogical Sciences, Professor, Full Member of the APSN, Head of the Department of Theory and Methods of Education of the Vladimir Institute for the Development of Education named after L.I. Novikova
 - **M.A. Gazimagomedov** – candidate of legal sciences, acting professor of the Department of Criminal Law and Criminology of the Institute of Finance and Law, member of the Association of Lawyers of Russia, corresponding member of the Russian Academy of Natural Sciences, Honorary Professor of Law of the Institute of Law, Notary and International Relations
 - **M.A. Goncharov** – Doctor of Pedagogical Sciences, Associate Professor, Director of the Institute «Higher School of Education,» Professor of the Department of Pedagogy of the Institute «Higher School of Education» of Moscow Pedagogical State University
 - **S.A. Grimalskaya** – candidate of legal sciences, associate professor of the Department of Legal Regulation of Economic Activities of FSOBU VO «Financial University under the Government of the Russian Federation»
-

- **I.V. Doinikov** – Doctor of Law, Professor, Professor, Moscow City University of Management of the Moscow Government
- **A.A. Dorskaya** – Doctor of Law, Professor, Head of the Department of International Law of the Russian State Pedagogical University named after A.I. Herzen
- **V.B. Israelyan** – Candidate of Legal Sciences, Associate Professor, Associate Professor of Jurisprudence, Moscow City University of Management of the Moscow Government, Leading Research Fellow at the Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation
- **A.S. Kagosyan** – Doctor of Pedagogical Sciences, Professor, Director of the Academic College of the International Innovation University (Sochi), Honorary Worker of Secondary Professional Education of the Russian Federation
- **R.A. Kalamkaryan** – Doctor of Law, Professor, Leading Researcher in the International Legal Research Sector of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, Professor of the Department of International Law of the Russian University of Peoples' Friendship
- **V.P. Kamyshansky** – Doctor of Law, Professor, Head of the Department of Civil Law, FSBOU VPO «Kuban State Agrarian University,» Head of the Department of Civil Law and Process, Institute of International Law, Economics, Humanities and Management named after K.V. Rossinsky, Honorary Worker
- **I.A. Konyukhova** – Doctor of Law, Professor, Head of the Department of Constitutional Law and Professor of the Department of Constitutional Law of the Russian Academy of Justice
- **N.N. Kosarenko** – candidate of philosophical sciences, candidate of legal sciences, associate professor of the Department of State Legal Disciplines of Moscow Humanities University
- **N.V. Krotkova** – candidate of legal sciences, leading researcher in the sector of constitutional law and constitutional justice of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, deputy
- editor-in-chief of the journal «State and Law»
- **Z.I. Kurtseva** – a doctor of pedagogical sciences, the associate professor, professor of department of rhetoric and the standard of speech of Institute of philosophy of the Moscow pedagogical state university
- **A.N. Levushkin** – Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of Entrepreneurial and Corporate Law of the Moscow State Law University named after O.E. Kutafin, Professor of the Department of Civil Law of the Russian State University of Justice
- **V.E. Melamud** – Doctor of Pedagogical Sciences, Corresponding Member of the International Academy of Management, Honorary Worker of General Education of the Russian Federation, Director of the Izmailovsky Gymnasium No. 1508 of Moscow
- **V.S. Meskov** – Doctor of Philosophy, Professor, Professor, Department of Pedagogy, Institute «Higher School of Education» of Moscow Pedagogical State University
- **A.Kh. Mindagulov** – Doctor of Law, Professor (Republic of Kazakhstan)
- **V.O. Mironov** – Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of State Law and Customs Management of Vladimir State University named after A.G. and N.G. Stoletovs

-
- **Yu.V. Nikolaeva** – Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of Legal Regulation of Economic Activities of the Financial University under the Government of the Russian Federation
 - **A.V. Ragulin** – Doctor of Law, Associate Professor, Head of the Center for Research on the Organization and Activities of the Bar of the Eurasian Research Institute of Law, Chairman of the Commission for the Protection of the Rights of Lawyers of the Russian Bar Guild
 - **A.V. Rogova** – Doctor of Pedagogical Sciences, Professor, Professor of the Department of Pedagogy of the Psychological and Pedagogical Faculty of Transbaikals State University, member of the Scientific Council on the Problems of the History of Education and Pedagogical Science at the Institute of Theory and History of Pedagogy RAO, Honored Teacher of the Russian Federation, Honorary Worker of Higher Professional Education
 - **N.V. Semenova** – Doctor of Pedagogical Sciences, Professor, Professor, Department of Pedagogy, Pedagogical Institute of Pacific State University, Honorary Worker of Higher Professional Education of the Russian Federation
 - **A.B. Sinelnikov** – doctor of sociological sciences, professor, professor, Department of sociology of the family and demography, sociological faculty, Lomonosov Moscow State University
 - **D.S. Somov** – Doctor of Pedagogical Sciences, Director of Gymnasium No. 710 of the Russian Academy of Education
 - **A.A. Spector** – Doctor of Law, Professor of the Department of Entrepreneurial Law of Moscow State Law University named after O.E. Kutafin
 - **R.F. Stepanenko** – Doctor of Law, Professor of the Department of Theory and History of State and Law, Faculty of Law, Kazan (Volga) Federal University
 - **D.P. Strigunova** – Doctor of Law, Associate Professor, Associate Professor of International and Integration Law of the Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation
 - **V.N. Tkachev** – Doctor of Law, Professor, Honored Lawyer of Russia, Professor of the Department of Civil Law Disciplines of the Russian University of Economics named after G.V. Plekhanov
 - **N.E. Tolstaya** – Doctor of Philosophy, Professor, Honorary Worker of Higher Professional Education of the Russian Federation, Rector of the Sergiev Posad Humanitarian Institute
 - **A.G. Tyurikov** – doctor of sociological sciences, professor, professor, Department of sociology, FSOBU VO «Financial University under the Government of the Russian Federation»
 - **M.S. Khalikov** – doctor of sociological sciences, professor, professor, Department of personnel management, Institute of public service and management, Russian Academy of national economy and public service
 - **N.P. Khodakova** – Doctor of Pedagogical Sciences, Associate Professor, Department of Teaching Methods, Institute of Pedagogy and Psychology of Education, Moscow City Pedagogical University
 - **G.G. Cheremnykh** – Doctor of Law, Professor, Honored Lawyer of Russia, Notary of Moscow, Member of the Board of the Moscow City Notary Chamber
-

- **H.S. Shagbanova** – doctor of philology, associate professor, professor of the Department of philosophy, foreign languages and humanitarian training of employees of the Internal Affairs Bodies of the Tyumen Institute of advanced training of employees of the Ministry of internal affairs of Russia, corresponding member of the Russian Academy of natural sciences
- **G.G. Shinkaretskaya** – Doctor of Law, Chief Researcher, International Law Sector, Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, Member of the Council on International Law at the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation

РУБРИКИ ЖУРНАЛА

Специальность: 5.1.4. – Уголовно-правовые науки (юридические науки)

- ТЕОРИЯ УГОЛОВНОГО ПРАВА
- УГОЛОВНОЕ ПРАВО И ПРОЦЕСС
- КРИМИНОЛОГИЯ
- ПРЕСТУПЛЕНИЕ И НАКАЗАНИЕ
- КРИМИНАЛИСТИКА
- ПРОБЛЕМЫ РОССИЙСКОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА
- ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

Специальность: 5.1.5. – Международно-правовые науки (юридические науки)

- ПРАВА ЧЕЛОВЕКА В МИРЕ
- МЕЖДУНАРОДНЫЕ ПРАВООТНОШЕНИЯ
- МЕЖДУНАРОДНОЕ ПРАВОТВОРЧЕСТВО
- МЕЖДУНАРОДНОЕ ПУБЛИЧНОЕ ПРАВО
- МЕЖДУНАРОДНОЕ ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ПРАВО
- МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО

JOURNAL HEADINGS

Specialty: 5.1.4. – Criminal Law Sciences (Law Sciences)

- THEORY OF CRIMINAL LAW
- CRIMINAL LAW AND PROCESS
- CRIMINOLOGY
- CRIME AND PUNISHMENT
- FORENSICS
- PROBLEMS OF RUSSIAN LEGISLATION
- OPERATIONAL-SEARCH ACTIVITIES

Specialty: 5.1.5. - International legal sciences (legal sciences)

- HUMAN RIGHTS IN THE WORLD
- INTERNATIONAL LEGAL RELATIONS
- INTERNATIONAL LAW MAKING
- PUBLIC INTERNATIONAL LAW
- INTERNATIONAL ECONOMIC LAW
- INTERNATIONAL LEGAL COOPERATION

ПОРЯДОК РЕЦЕНЗИРОВАНИЯ

научных статей, направленных в редакцию научно-правового журнала
«Международный научный вестник»

1. Рецензируемое научное издание – научно-правовой журнал «Международный научный вестник» осуществляет рецензирование всех поступающих в редакцию материалов, соответствующих тематике журнала, с целью их экспертной оценки. Все рецензенты являются признанными специалистами по тематике рецензируемых материалов, докторами или кандидатами юридических наук, и имеют в течение последних трех лет публикации по тематике рецензируемой научной статьи. Рецензии хранятся в издательстве и в редакции рецензируемого научного издания в течение пяти лет.

2. Редакция научно-правового журнала «Международный научный вестник» направляет авторам представленных материалов копии рецензий и/или мотивированный отказ, а также обязуется направлять копии рецензий в Министерство науки и высшего образования Российской Федерации при поступлении в редакцию научно-правового журнала «Международный научный вестник» соответствующего запроса.

3. Рецензент оценивает основные достоинства и недостатки рукописи статьи, руководствуясь при этом следующими критериями: соответствие содержания статьи профилю журнала, актуальность избранной темы, научный и методологический уровень, использование необходимых методик исследования, новизна и оригинальность основных положений и выводов, практическая полезность. При анализе представленных материалов, рецензентом уделяется внимание следующим вопросам:

а) общий анализ научного уровня, терминологии, структуры статьи, актуальности темы;

б) оценка подготовленности статьи к изданию в отношении языка и стиля, соответствия установленным требованиям по оформлению материалов статьи;

в) научность изложения, соответствие использованных автором методов, методик, рекомендаций и результатов исследований современным достижениям науки и практики;

г) место рецензируемой работы среди других работ на подобную тему: что нового в ней или чем она отличается от них, не дублирует ли содержание рукописи работы других авторов или ранее напечатанные работы данного автора);

д) допущенные автором неточности, ошибки, нарушение правил цитирования.

4. Срок подготовки рецензии экспертом редакционной коллегии журнала устанавливается по согласованию с рецензентом, но не может превышать две недели с момента поступления рукописи к рецензенту.

5. Окончательное решение о принятии статьи автора и размещении ее в одном из номеров журнала принимается на заседании редакционной коллегии журнала либо главным редактором журнала.

6. По результатам рецензирования могут быть приняты следующие решения:

а) рекомендовать принять рукопись к публикации;

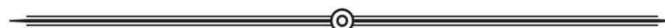
б) рекомендовать принять рукопись к публикации с внесением технической правки;

в) рекомендовать принять рукопись к публикации после устранения автором (авторами) замечаний рецензента, с последующим направлением на повторное рецензирование тому же рецензенту (при рекомендации сокращения или переработки рукописи статьи в рецензии конкретно указывается, за счет чего должна быть сокращена рукопись, что в ней должно быть исправлено, чтобы помочь автору (авторам) в

дальнейшей работе над рукописью). В случае если автор (авторы) не устранил замечания рецензента, редакционная коллегия Журнала вправе отказать в публикации рукописи с направлением автору (авторам) мотивированного отказа);

г) рекомендовать отказать в публикации рукописи по причине ее несоответствия требованиям, предъявляемым к научному уровню (в данном случае редакционная коллегия Журнала имеет право направить рукопись на рецензирование другому рецензенту либо направить автору (авторам) мотивированный отказ в публикации рукописи, с приложением копии отрицательной рецензии).

7. Опубликование представленного материала осуществляется в соответствии с планом работы редакции, с учетом необходимости формирования различных рубрик в каждом номере журнала и обеспечения финансирования выпуска журнала.

Содержание:**ТЕОРИЯ УГОЛОВНОГО ПРАВА**

Шигонин Б.А. * К вопросу о личности преступника.	18
Горюнова Д.С. * Об общественной опасности побоев.	21
Тарновский А.В. * Противодействие преступлениям, посягающим на объекты культурного наследия, как направление российской уголовной политики.	29
Макоева Е.Р., Кравцова А.М. * О некоторых вопросах противодействия и профилактики коррупции.	37
Факов А.М. * Общие меры противодействия финансированию террористической деятельности: системный анализ и пути совершенствования.	41
Кодзокова Л.А., Курлович П.Н. * К понятию девинтного поведения как негативного социального явления.	48
Далелов М.Л. * Новые вызовы и современные решения в противодействии терроризму и преступлениям экстремистской направленности.	52

УГОЛОВНОЕ ПРАВО И ПРОЦЕСС

Машуков А.С. * О вопросе успешности борьбы с экстремизмом в условиях цифровизации современного общества.	55
Казначеев В.А., Крапивин О.В., Горкун М.И., Москвинов Р.О. * К вопросу педагогической модели физической подготовки сотрудников уголовно-исполнительной системы.	58
Грохотова Е.А. * Самостоятельность несовершеннолетнего потерпевшего по уголовным делам частного обвинения.	64
Бочаров В.М., Шогенов Т.М., Бураева Л.А. * Актуальные вопросы противодействия дистанционной радикализации несовершеннолетних.	70
Карабанов Р.М. * Системный подход к социально-педагогическому посредничеству в вопросах ресоциализации, социальной адаптации и социальной помощи осужденным к лишению свободы.	76
Майстренко Г.А. * Вопросы цифровизации уголовного судопроизводства в России.	84

ПРЕСТУПЛЕНИЕ И НАКАЗАНИЕ

Дымовских А.Ф. * Совершенствование института административной преюдиции в преступлениях против безопасности дорожного движения: проблемы законодательной конструкции и перспективы реформирования.	92
Кангезов М.Р. * Обстоятельства, исключающие преступность деяния: современные проблемы толкования и применения.	97
Кубатина К.С. * Особенности совершения мошенничеств в сфере оказания юридических услуг.	102
Кодзокова Л.А., Романюк В.С. * Проблемы ответственности за умышленный поиск экстремистских материалов.	105
Тарновский А.В. * Квалификация преступлений, связанных с незаконным обращением археологических предметов: проблемы теории и правоприменительной практики по статьям 243.2 и 243.3 УК РФ.	108
Раджабов Ш.Р., Нисредов Д.С. * Постпенитенциарная пробация как ключевой фактор предотвращения рецидива: доктринальные подходы и правовые проблемы реализации.	115

ПРОБЛЕМЫ РОССИЙСКОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

Тхазеплов Т.М. * Эффективная государственная политика в сфере противодействия экстремизму как фактор достижения высокого уровня межнационального и межконфессионального согласия.	123
Иовенко А.Р. * К вопросу об установлении временных рамок правомочности исполнения функций должностным лицом.	127
Чепурная И.В., Коростелев Д.Д., Ценева А.В. * Круг контролируемых должника лиц при субсидиарной ответственности в банкротстве: практика определения.	134
Морозов В.И., Половинкин С.С. * Актуальные проблемы квалификации состава жестокого обращения с животными и пути совершенствования.	143
Маркелова М.М. * Пропорциональное раскрытие финансирования третьей стороной в инвестиционном арбитраже: от мягкого права к смешанной модели регулирования.	151

ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

Кузов А.И., Дудко А.С., Пищулин С.Н. * Формирование у сотрудников полиции специальных навыков, необходимых для несения службы в экстремальных ситуациях.	156
Мисроков Т.З. * К вопросу о совершенствовании речевых навыков сотрудников органов внутренних дел Российской Федерации в процессе осуществления их профессиональной подготовки.	161

Борисова М.И., Климентьев И.О. * Проблемы психологической реабилитации сотрудников органов внутренних дел Российской Федерации, участвовавших в выполнении задач в особых условиях. .	165
ПРАВА ЧЕЛОВЕКА В МИРЕ	
Тараненко А.К. * «Тварь ли я дрожащая или право имею...»: к вопросу об истории становления международной системы прав человека.	171
Воинцев А.Н. * Труд осужденных к лишению свободы в России и странах западной Европы: сравнительно-правовой анализ.	176
Пеленицына М.В., Халикова А.А. * Анализ правоприменительной практики в сфере защиты прав несовершеннолетних.	182
МЕЖДУНАРОДНЫЕ ПРАВООТНОШЕНИЯ	
Кузьминых М.А. * Катарский кризис 2017–2021 годов как тест-кейс механизмов мирного урегулирования в рамках Лиги Арабских Государств.	187
Яковлева Е.С. * Регистрация фирменного наименования в странах Европейского Союза.	192
Турова А.В., Коростелев Д.Д., Ценева А.В. * Автономия воли сторон и ограничивающие ее императивные нормы в договорах морской перевозки грузов: сравнительный анализ права России и Англии.	197
Бурт А.А., Бажанов С.А. * Сравнительный анализ зарубежного опыта установления санитарно-защитных зон на границе объектов пенитенциарной системы.	205
Игошин В.Г., Потехин Д.С. * Сравнительно-правовой анализ требований по обеспечению режима в уголовно-исполнительных системах России и США.	210
СУДЕБНЫЙ ПРОЦЕСС	
Майстренко Г.А. * Вопросы цифровизации гражданского судопроизводства в России.	216
Чернявская М.С. * Этические проблемы использования нейротехнологий в судебной экспертизе.	221
Князев К.С., Чичин С.В. * Трансформация принципа состязательности сторон в «цифровом» гражданском процессе: вызовы и перспективы.	228
Каминская О.О. * Защитник по назначению в досудебном производстве: пределы формального и реального обеспечения права на защиту.	234
МЕЖДУНАРОДНОЕ ПРАВОТВОРЧЕСТВО	
Яковлева Е.О., Ружина А.П., Малахова Е.А. * Тенденции современного правового регулирования технологий ИИ (на примере стран США и Китая).	241
Фокина С.П. * Подготовка персонала исправительных учреждений США в условиях кризиса ментального здоровья заключенных.	250
МЕЖДУНАРОДНОЕ ПУБЛИЧНОЕ ПРАВО	
Горбунов В.Е. * Государственный суверенитет как основа соблюдения международных законов войны, гуманитарного права и всеобщей безопасности.	256
Дрогалина С.А. * Проблема определения искусственного интеллекта в международном публичном праве: от онтологических споров к функциональным решениям.	275
ОБРАЗОВАНИЕ И ПРАВО	
Маздогова З.З. * Педагогические этнопедагогические факторы противодействия экстремизму в современных условиях.	281
Карпова А.В., Ключко Ю.В., Юрин А.М. * Организация научно-исследовательской деятельности курсантов и слушателей в образовательных организациях системы МВД России: проблемы и пути решения.	285

Content:**CRIMINAL LAW THEORY**

Shigonin B.A. * On the issue of the offender's personality.	18
Gorunova D.S. * The social dangerousness of battery.	21
Tarnovsky A.V. * Countering crimes that encroach on cultural heritage sites as part of russian criminal policy.	29
Makoeva E.R., Kravtsova A.M. * On some issues of combating and preventing corruption.	37
Fakov A.M. * General measures to counter the financing of terrorist activities: system analysis and improvement tendencies.	41
Kodzokova L.A., Kurlovich P.N. * Towards the concept of deviant behavior as a negative social phenomenon.	48
Dalelov M.L. * New challenges and modern solutions in countering terrorism and extremist crimes.	52

CRIMINAL LAW AND PROCESS

Mashukov A.S. * On the successful fight against extremism in the context of digitalization of modern society.	55
Kaznacheev V.A., Krapivin O.V., Gorkun M.I., Moskvinov R.O. * On the question of a pedagogical model of physical training of employees of the criminal-executive system.	58
Grohotova E.A. * Independence of a minor victim in criminal cases of private prosecution.	64
Bocharov V.M., Shogenov T.M., Burayeva L.A. * Actual issues of countering remote radicalization of minors.	70
Karabanov R.M. * Systematic approach to social and pedagogical mediation in matters of resocialization, social adaptation and social assistance sentenced to imprisonment.	76
Maistrenko G.A. * Issues of digitalization of criminal proceedings in Russia.	84

CRIME AND PUNISHMENT

Dymovskikh A.F. * Improving the institute of administrative judicature in crimes against road safety: legislative construction problems and reform prospects.	92
Kangezov M.R. * Circumstances precluding criminality: contemporary problems of interpretation and application.	97
Kubatina K.S. * Features of fraudulent activities in the field of legal services.	102
Kodzokova L.A., Romanyuk V.S. * Problems of liability for the deliberate search for extremist materials.	105
Tarnovsky A.V. * Qualification of crimes related to illegal circulation of archaeological objects: problems of theory and law enforcement practice under articles 243.2 and 243.3 of the criminal code of the Russian Federation.	108
Rajabov Sh.R., Nisredov J.S. * Post-penitentiary probation as a key factor in preventing recidivism: doctrinal approaches and legal problems of implementation.	115

PROBLEMS OF RUSSIAN LEGISLATION

Tkhazeplov T.M. * Effective state policy in countering extremism as a factor in achieving a high level of interethnic and interfaith harmony.	123
Iovenko A.R. * On the issue of establishing a time frame for the validity of an official's functions.	127
Chepurnaja I.V., Korostelev D.D., Tseneva A.V. * The circle of persons who control the debtor in subsidiary responsibility in bankruptcy: practice of determining.	134
Morozov V.I., Polovinkin S.S. * Current problems of qualifying the elements of animal cruelty and ways for its improvement.	143
Markelova M.M. * Proportionate disclosure of third-party funding in investment arbitration: from soft law to a mixed regulatory model.	151

OPERATIONAL-SEARCH ACTIVITIES

Kurov A.I., Dudko A.S., Pishchulin S.N. * Training police officers in special skills necessary for serving in extreme situations.	156
Misrokov T.Z. * To the question of improving speech skills of employees of the ministry of internal affairs of the Russian Federation during their professional training.	161
Borisova M.I., Klimentyev I.O. * Problems of psychological rehabilitation of employees of the internal affairs bodies of the Russian Federation who participated in performing tasks in special conditions.	165

HUMAN RIGHTS IN THE WORLD

Taranenko A.K. * "Whether i am a trembling creature or whether i have the right...": on the history of the formation of the international human rights system.	171
--	-----

Vointsev A.N. * Labor of prisoners in Russia and western European countries: comparative legal analysis	176
Pelenitsyna M.V., Khalikova A.A. * Analysis of law enforcement practice in the field of protection of minors' rights.	182
INTERNATIONAL LEGAL RELATIONS	
Kuzminykh M.A. * The 2017–2021 Qatar crisis as a test case for the peaceful dispute settlement mechanisms of the League of Arab States.	187
Yakovleva E.S. * Registration of a company name in the European Union.	192
Turova A.V., Korostelev D.D., Tseneva A.V. * Autonomy of the parties' will and imperative norms limiting it in contracts for the carriage of goods by sea: a comparative analysis of Russian and English law.	197
Burt A.A., Bazhanov S.A. * Comparative analysis of foreign experience in establishing sanitary protection zones at the boundaries of penitentiary system facilities.	205
Igoshin V.G., Potekhin D.S. * Comparative legal analysis of requirements for regime in the criminal-executive systems of Russia and The United States.	210
LITIGATION	
Maistrenko G.A. * Issues of digitalization of civil proceedings in Russia.	216
Chernyavskaya M.S. * Ethical challenges to the use of neurotechnology in forensics.	221
Knyazev K.S., Chichin S.V. * Transformation of the adversarial principle in digital civil procedure: challenges and prospects.	228
Kaminskaya O.O. * Appointed defence counsel in pre-trial proceedings: the boundaries between formal and effective safeguarding of the right to defence.	234
INTERNATIONAL JURISPRUDENCE	
Yakovleva E.O., Ruzhina A.P., Malakhova E.A. * Trends in modern legal regulation of AI technologies (using the example of the USA and China).	241
Fokina S.P. * Training U.S. correctional personnel in a mental health crisis for inmates.	250
INTERNATIONAL PUBLIC LAW	
Gorbunov V.E. * State sovereignty as a basis for compliance with international laws of war, humanitarian law and universal security.	256
Drogalina S.A. * The problem of defining artificial intelligence in international public law: from ontological disputes to functional solutions.	275
EDUCATION AND LAW	
Mazdagova Z.Z. * Pedagogical and ethnopedagogical factors in countering extremism in modern conditions.	281
Karpova A.V., Klochko Yu.V., Yurin A.M. * Organizing research activities for cadets and students in educational institutions of the Russian ministry of internal affairs system: problems and solutions.	285

ТЕОРИЯ УГОЛОВНОГО ПРАВА

Дата поступления рукописи в редакцию: 31.07.2026 г.

DOI: 10.24412/2782-3849-2026-8-18-20

Дата принятия рукописи в печать: 22.08.2026 г.

ШИГОНИН Б.А.,

преподаватель кафедры уголовного права, Крымского
филиала ФГБОУВО «РГУП им. В.М. Лебедева»,
г. Симферополь, Россия,
e-mail: boss15shigonin@mail.ru

К ВОПРОСУ О ЛИЧНОСТИ ПРЕСТУПНИКА

Аннотация. В статье представлен теоретико-правовой анализ понятия «личность преступника» в отечественной криминологии, исследуется разграничение категорий «человек» и «личность», а также обосновывается условный характер данного термина, актуального лишь с момента совершения деяния, предусмотренного Уголовным кодексом РФ. Автор определяет личность правонарушителя как многоуровневую структуру социально-типичных признаков, биологических и психологических особенностей, сформированных под влиянием негативной среды и детерминирующих общественную опасность, подчеркивая необходимость применения принципа встречной детерминации для системной профилактики и ресоциализации.

Ключевые слова: личность преступника, человек, преступление.

SHIGONIN B.A.,

Lecturer at the Department of Criminal Law, Crimean Branch of the
Lebedev Russian State Unitary Enterprise, Simferopol, Russia

ON THE ISSUE OF THE OFFENDER'S PERSONALITY

Annotation. The article presents a theoretical and legal analysis of the concept of the "offender's personality" within domestic criminology; it examines the distinction between the categories of "human being" and "personality" and substantiates the conditional nature of the term, which becomes relevant only upon the commission of an act defined by the Criminal Code of the Russian Federation. The author defines the offender's personality as a multi-level structure comprising socio-typical traits and biological and psychological characteristics—shaped by a negative environment and determining the act's social danger—while emphasizing the need to apply the principle of reciprocal determination for the purposes of systemic prevention and resocialization.

Key words: offender's personality, person, crime.

А. П. Закалюк отмечал, что нельзя отождествлять в криминологии понятия «человек» и «личность». Человек – это тот образ (лицо) человека, которым он представляется в общественных отношениях, которым его воспринимают участники этих отношений, общественной активности и деятельности. Личность преступника – это совокупность социально-типичных признаков, сформировавшихся в процессе неблагоприятного социального развития личности, отличающихся своей общественной неприемлемостью и крайней формой последней – общественной опасностью, обуславливающих криминогенную мотивацию и криминальную активность лица, непосредственно вызывают совершение уголовного правонарушения [1].

Л.С. Смиян определяет лицо, совершившее преступление, как сочетание личностных качеств, имеющих социальную значимость и влияющих вместе с внешними обстоятельствами на

криминальное поведение. В отличие от уголовного права, где преступником считается физическое лицо, осуществившее запрещённое Уголовным кодексом РФ общественно опасное деяние и несущее за него ответственность, криминология сталкивается с трудностью четкого определения личности преступника. Причина заключается в том, что данное понятие носит условный и формальный характер, а признание конкретных действий преступными зависит исключительно от решения законодателя, который способен исключить уголовную ответственность даже за деяния, ранее признававшиеся противоправными. Стоит учитывать, что среди лиц, совершивших преступления по неосторожности, часто отсутствуют характерные признаки, свойственные традиционным правонарушителям [5].

Ю. В. Никитин, И. В. Никитина считают, что криминология изучает личность преступника в неразрывной связи с антисоциальным поведением.

ем, но при этом опирается как на теоретические концепции, так и на практические выводы именно личностных качеств лица, совершившего уголовное преступление. Личность является носителем уникальным набором, определенных личностных качеств, сформировавшихся под влиянием негативных элементов социальной среды. Личность как целостная структура представляет собой социальное качество человека, которое не дается от рождения, а формируется в процессе деятельности и всегда связано с обществом [3].

И.М. Даншин выделил ряд ключевых черт и характеристик личности преступника, позволившие ему сформулировать такое определение: личность преступника представляет собой совокупность важных и стабильных социальных свойств, а также значимые биологические и психологические особенности индивида, проявляющиеся в фактическом совершении конкретного уголовного преступления. Эти характеристики делают содеянное опасным для общества, наделяют виновное лицо свойствами социальной угрозы, вследствие чего оно подлежит привлечению к установленной уголовным правом ответственности [2].

О.М. Джужа и А.В. Микитчик подчеркнули, что личность преступника представляет собой систему социально значимых признаков, связей и взаимоотношений, характеризующих человека, нарушившего нормы закона об уголовной ответственности. Исходя из данного определения, можно сделать следующие выводы:

Негативные социальные и экономические обстоятельства способствуют формированию личности преступника, что выражается в самом факте совершения уголовного нарушения.

Самих по себе криминогенных свойств недостаточно для признания лица преступником до момента совершения им реального уголовного преступления.

Следует учитывать как криминогенные факторы, отражённые в сознании индивида и обуславливающие способность совершать уголовные преступления, так и конкретные обстоятельства, повлиявшие на совершение определённого уголовного деяния.

Криминология изучает конкретных людей, одни из которых совершают преступления, а другие обеспечивают предотвращение этого антисоциального явления и определяет закономерности этих отношений для организации научно обоснованного контроля с целью недопущения совершения уголовно наказуемых действий. При этом необходимо учитывать принцип встречной детерминации развития личности.

Суть этого принципа в данном контексте заключается в том, что система мер воздействия на личность преступника должна соответствовать

его индивидуальным особенностям, стилю жизни и мотивации. Наибольшая эффективность реализации этого принципа достигается при системной и целенаправленной профилактике и ресоциализации преступников. Следовательно, определить и внедрить эти отношения с криминологической точки зрения возможно только через исследование конкретных личностей и их взаимоотношений с другими субъектами. Именно указанные отношения, возникающие в процессе подготовки и совершения уголовных преступлений, ведение антисоциального образа жизни, характерны для правонарушителей и определяют формирование особого типа личности, именуемого в криминологии личностью преступника. Таким образом, применяя термин «личность преступника как лицо, подлежащее уголовной ответственности (субъект уголовного преступления)», важно понимать, что речь идет о социально-правовой характеристике человека, совершившего уголовно наказуемое деяние.

Объектом криминологического изучения являются: индивидуальные лица, совершившие уголовные преступления; разные группы преступников, включая несовершеннолетних и рецидивистов; а также разнообразные криминологические типы преступников. Одновременно объектом исследований становятся и граждане, соблюдающие закон и не допускающие нарушений. Такое изучение позволяет сопоставлять показатели поведения и условий среды между преступниками и людьми, ведущими правопослушный образ жизни, что важно при применении методов сравнительного анализа и формирования контрольных групп [5].

Согласно точке зрения И.М. Даншина, термин «личность преступника» становится актуальным лишь в момент наступления юридического факта – совершения лицом деяния, предусмотренного Уголовным кодексом РФ. Ведь именно через поступки, деятельность, мотивации и установки проявляются любые человеческие качества, включая специфические черты преступников. По сути, общественная опасность выступает материальной чертой преступления, и лицо, совершая подобное деяние, обретает это качество. Значит, возникновение самого термина «личность преступника» непосредственно связано с моментом совершения преступления. Когда осужденный отбывает наказание, достигла целей правосудия и перестала представлять угрозу обществу, необходимость употреблять этот термин исчезает. Тем не менее, на практике нередко наблюдается отсутствие полноценного исправления, однако даже в таком случае правильнее называть такую личность не преступником, а человеком, обладающим потенциалом для повторных опасных деяний. К таким людям применяются администра-

тивные меры контроля и профилактики (например, установление административного надзора, постановка на профилактический учёт) [4].

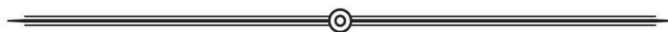
Таким образом, рассмотрев личность преступника, сделаны выводы о дальнейшей актуализации этой проблематики. Для всестороннего осмысления уголовно-противоправного поведения, включая преступления, рекомендуется воспринимать "личность уголовного правонарушителя" как многоуровневую структуру. Она охватывает социально важные характеристики, свойства, черты, взаимоотношения и связи конкретного человека, признанного виновным в рамках российского законодательства, а также принимает во внимание внешние (ненепосредственно личные) факторы и обстоятельства, воздействующие на его поступки.

Список литературы:

- [1] Закалюк А. П. Курс современной украинской криминологии: теория и практика: В 3 кн. Киев: Издательский Дом «Ин Юре», 2007. Кн. 1: Теоретические основы и история украинского криминологической науки. - 424 с.
- [2] Криминология: Общая и Особенная части: учебник / И. М. Даньшин, В. В. Голина, М. Ю. Валуйская и др. ; под общ. ред. В. В. Голины. 2-е изд. перераб. и доп. Харьков: Право, 2009. - 288 с.
- [3] Криминология: учебник / А. М. Бабенко, А. Ю. Бусол, А. М. Костенко и др. ; под общ. ред. Ю. В. Никитина, С. Ф. Денисова, Е. Л. Стрельцова. 2-е изд., перераб. и доп. Харьков: Право, 2018. - 416 с.
- [4] Криминология: учебник / В. В. Голина, Б. М. Головкин, М. Ю. Валуйская и др.; под ред. В. В. Голины, Б. М. Головкина. Харьков: Право, 2014. - 440 с.
- [5] Криминология: Учебник / Под общ. ред. Л. С. Смиана, Ю. В. Никитина. Киев: Национальная академия управления, 2010. - 496 с.
- [6] Криминология: учебник [Текст] / О. М. Джужа, В. В. Василевич, В. В. Черней, С. С. Чернявский и др. ; под общ. ред. д-ра юрид. наук, проф. В. В. Чернея; по науч. ред. д-ра Юрид. наук, проф. О. М. Джужи. Киев: Нац. акад. внутр. дел, 2020. - 612 с.

References:

- [1] A. P. Zakalyuk. Course of modern Ukrainian criminology: theory and practice: In 3 books. Kyiv: Publishing House "In Yure," 2007. Kn. 1: Theoretical foundations and history of Ukrainian criminological science. - 424 s.
- [2] Criminology: General and Special parts: textbook/I. M. Danshin, V. V. Golina, M. Yu. Valuyskaya and others; under the general. ed. V.V. Golina. 2nd ed. reworked. and add. Kharkov: Pravo, 2009. - 288 p.
- [3] Criminology: textbook/A. M. Babenko, A. Yu. Busol, A. M. Kostenko and others; under the general. ed. Yu. V. Nikitin, S. F. Denisov, E. L. Streltsova. 2nd ed., Revised and add. Kharkov: Right, 2018. - 416 s.
- [4] Criminology: textbook/V.V. Golina, B.M. Golovkin, M. Yu. Valuyskaya and others; ed. V.V. Golina, B.M. Golovkina. Kharkov: Pravo, 2014. - 440 s.
- [5] Criminology: Textbook/Under the general. ed. L. S. Smiana, Yu. V. Nikitina. Kyiv: National Academy of Management, 2010. - 496 p.
- [6] Criminology: textbook [Text]/ O. M. Dzhuzha, V. V. Vasilevich, V. V. Cherney, S. S. Chernyavsky and others; under general. ed. Dr. Jurid. Sciences, prof. V.V. Cherney; according to scientific. ed. Dr. Jurid. Sciences, prof. O. M. Juzhi. Kyiv: Nats. acad. int. affairs, 2020. - 612 s.

Дата поступления рукописи в редакцию: 14.07.2026 г.

DOI: 10.24412/2782-3849-2026-8-21-28

Дата принятия рукописи в печать: 06.08.2026 г.

ГОРЮНОВА Дарья Сергеевна,

Адъюнкт адъюнктуры Санкт-Петербургского университета
МВД России, Санкт-Петербургский университет МВД России,
Санкт-Петербург, Россия,
e-mail: dashabluum@gmail.com

ОБ ОБЩЕСТВЕННОЙ ОПАСНОСТИ ПОБОЕВ

Аннотация. В статье рассматриваются уголовно-правовые особенности побоев как самостоятельного насильственного посягательства на личность. Обосновывается, что их общественная опасность не исчерпывается причинением физической боли, поскольку побои нарушают телесную неприкосновенность и личную безопасность потерпевшего, а также могут свидетельствовать об устойчивом противоправном поведении виновного. Предлагается оценивать побои с учётом причинённого вреда, мотива, повторности, характера взаимоотношений сторон и конфликтного контекста.

Ключевые слова: административная преюдиция, дифференциация ответственности, криминализация деяний, общественная опасность, побои, преступления против личности, телесная неприкосновенность, уголовное право.

GORUNOVA Daria S.,

Adjunct Student at the St. Petersburg University of the Ministry of
Internal Affairs of Russia, St. Petersburg University of the Ministry of
Internal Affairs of Russia, St. Petersburg, Russia

THE SOCIAL DANGEROUSNESS OF BATTERY

Annotation. The article examines the criminal-law characteristics of battery as an independent form of violent offence against the person. It is argued that the social dangerousness of battery is not limited to the infliction of physical pain, since such conduct infringes upon the victim's bodily integrity and personal security and may also indicate a persistent pattern of unlawful behaviour on the part of the offender. It is proposed that battery be assessed with due regard to the harm caused, the offender's motive, the repeated nature of the conduct, the relationship between the parties, and the broader context of the conflict.

Key words: administrative preclusion, differentiation of liability, criminalization of acts, social dangerousness, battery, offences against the person, bodily integrity, criminal law.

В современном уголовном праве Российской Федерации вопрос относительно общественной опасности побоев, на сегодняшний день является достаточно актуальным, поскольку законодатель отказался от нормативного закрепления побоев исключительно в качестве уголовно-наказуемого деяния и выстроил многоуровневую модель правового реагирования. В рамках статьи 116 УК РФ преступным деянием признаются побои, общественная опасность которых усиливается специальными мотивами или способом совершения: хулиганскими побуждениями, мотивами политической, идеологической, расовой, национальной либо религиозной ненависти или вражды, а равно ненависти или вражды в отношении какой-либо социальной группы, а также совершением деяния публично либо с использованием средств массовой информации или информационно-телекоммуникационных сетей. Самостоятельное значение имеет статья 116.1 УК РФ,

предусматривающая уголовную ответственность не за указанные мотивированные формы побоев, а за повторное нанесение побоев лицом, ранее подвергнутым административному наказанию за аналогичное деяние либо имеющим судимость за преступление, совершенное с применением насилия [1]. Иные случаи, при отсутствии уголовно значимых признаков, образуют состав административного правонарушения, предусмотренного статьей 6.1.1 КоАП РФ [2]. Конституционным Судом Российской Федерации при оценке практики применения статьи 116.1 УК РФ отмечено, что повторные эпизоды побоев обладают повышенной общественной опасностью и не могут быть оставлены без надлежащей реакции государства [3]. Исходя из этого следует, что основная проблема заключается не в наличии либо отсутствии общественной опасности побоев как таковых, а в ее характере, степени и способе выражения.

В теории уголовного права обществен-

ная опасность традиционно рассматривается как способность деяния причинять вред охраняемым уголовным законом общественным отношениям либо создавать угрозу его причинения. При этом вредоносность деяния выступает не абстрактной морально-нравственной категорией, а оценивается в соответствии с уголовно-правовым критерием, позволяющим различать преступное и не преступное поведение [6, с. 45–46]. Именно поэтому уголовно-правовое значение имеют не только фактически наступившие последствия, но и само посягательство, его социальная направленность, затрагиваемые блага и вероятность дальнейшего распространения вреда [6, с. 46–47]. Так, в случае с побоями, отсутствие выраженного вреда здоровью не означает отсутствие общественной опасности совершенного деяния, поскольку сам факт причинения физической боли уже свидетельствует о применении насилия в отношении другого лица, что подпадает под действие уголовного закона.

Рассматривая понятие «физическая боль» в контексте уголовного права, следует отметить, что данный термин, заимствованный из медицины, определяет собой негативное сенсорное переживание, которое сопровождается эмоциональной реакцией, нарушением работы внутренних органов, произвольными движениями и стремлением избавиться от раздражителя. Важно подчеркнуть, что боль, по нашему мнению, является субъективным переживанием и не может быть объективно измерена. Интенсивность боли зависит от индивидуальных особенностей здоровья, особенностей восприятия человека, его поло-возрастных характеристик и ряда других факторов. То, что для здорового взрослого может остаться без внимания, способно стать причиной сильных страданий у пожилого или травмированного человека. Именно поэтому при определении виновности лица важно учитывать субъективное ощущение боли.

Физическая боль, причиняемая в рамках исследуемого деяния, несомненно, выступает одним из ключевых моментов. Опасность такого деяния для общества заключается в использовании силы, которая не несёт в себе угрозу для жизни или здоровья человека. Согласно пункту 21 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27 декабря 2002 года № 29, побои классифицируются как вид насилия, который, несмотря на свою физическую природу, не приводит к серьёзным травмам или смертельным исходам [4].

Однако, несмотря на это, оценка общественной опасности побоев только по факту причинения физической боли методологически неверна, поскольку данный признак является наиболее очевидным внешним проявлением исследуемого деяния. На наш взгляд, содержатель-

ная сторона общественной опасности побоев имеет более широкую конструкцию, и включает в себя: насильственное воздействие на телесную неприкосновенность другого человека; демонстрацию силы с целью разрешения конфликтной ситуации; использование различных приемов физического воздействия в качестве деструктивной формы межличностного взаимодействия виновного лица с потерпевшим; формирование негативных эмоций в виде страха, опасения за жизнь и здоровье потерпевшего, отчаяния, бессилия, отвращения, ненависти и пр. у лиц, являющихся очевидцами данных преступных событий (особенно в ситуациях их неоднократности и длительности); унижение потерпевшего, а также создание условий, при которых он находится в состоянии страха или подчинения его воли; формирования риска повторного совершения насилия.

В юридической литературе справедливо отмечается, что действие норм уголовного и административного законодательства о побоях направлено на охрану здоровья человека, а для их правильной квалификации недостаточно обнаружения формальных юридических признаков. Для наиболее верной правовой оценки побоев следует исключить наличие в действиях лица, совершившего деяние, признаков более общественно-опасного или специального состава, а также оценить реальные социальные последствия. Кроме того, подобное деяние обладает прецедентным значением: оно демонстрирует возможность применения насилия как допустимой модели поведения, создает риск повторения аналогичных действий как самим виновным, так и иными лицами, а потому выходит за пределы сугубо индивидуального конфликта между виновным и потерпевшим.

Проблема определения общественной опасности побоев после их частичной декриминализации.

Декриминализация побоев в 2016-2017 годах, сущность которой состояла в изменении отраслевой формы правового реагирования (часть деяний, ранее охватывавшихся нормами уголовного права, была переведена в сферу административной ответственности), не означала переоценки данного деяния в качестве нейтрального либо социально-одобряемого поведения, так как законодателем на данном этапе была изменена не правовая природа насильственного воздействия, а уровень репрессивного реагирования в зависимости от характера и степени общественной опасности. Современная конструкция правовых норм, закрепляющих ответственность за побои, построена по дифференцированному принципу и включает в себя статью 6.1.1 КоАП РФ и статьи 116, 116.1 УК РФ. В ней отражается позиция законодателя: побои всегда вредоносны, но не каждые побои достигают того уровня обще-

ственной опасности, который требует немедленного применения уголовного наказания. Исходя из этого, законодателем выстроена нормативная градация одного и того же насильственного деяния.

Общественная опасность побоев, предусмотренных ст. 116 УК РФ, обусловлена мотивом и публичным способом совершения деяния. Хулиганские побуждения свидетельствуют о демонстративном пренебрежении к общепринятым правилам поведения и о стремлении самоутвердиться через насилие в отношении другого человека. Экстремистские мотивы имеют еще более негативный социальный эффект, поскольку переводят причинение боли конкретному лицу в плоскость вражды по отношению к группе лиц, определяемой в зависимости от социальных, гендерных, религиозных, национальных и иных признаков. Наконец, публичная демонстрация побоев, включая распространение соответствующего контента в информационно-телекоммуникационных сетях, трансформирует единичный акт насилия в пример социально заразительного поведения, расширяя круг потерпевших за счет лиц, подвергающихся вторичной виктимизации и запугиванию. В таком случае общественная опасность определяется уже не только интенсивностью физического воздействия, но и деструктивным коммуникативным эффектом насилия. Данную позицию подтверждает Т.Б. Оздоева, которая высказала мнение о повышенной общественной опасности побоев, сопряженных с демонстрацией насилия, поскольку воздействие оказывается не только на потерпевшего, но и на более широкий

круг лиц [16, с. 101].

Проблемы определения общественной опасности побоев при их повторности.

Достаточно показательна норма статьи 116.1 УК РФ, основанная на идее административной преюдиции и усиленного уголовного реагирования на повторно совершенное деяние. Сам факт того, что лицо, уже подвергнутое административному наказанию или имеющее судимость за данное деяние, вновь прибегает к аналогичному насилию, что свидетельствует о неэффективности уже примененного в отношении виновного лица предупредительного воздействия и об устойчивости его противоправной установки. Конституционный Суд РФ прямо указал на повышенную общественную опасность повторных эпизодов побоев, подчеркнув при этом, что систематичность насильственного поведения делает пробел в уголовно-правовой защите конституционно недопустимым [3]. Исходя из этого, можно сделать вывод о содержательном значении повторных побоев, которое заключается в превращении ситуационного насилия в модель поведения субъекта, что, в свою очередь, приводит к возрастанию общественной опасности указанного деяния.

Согласно сводным статистическим сведениям о состоянии судимости в России за 2020-2024 год по форме № 10-а «Отчет о числе осужденных по всем составам преступлений Уголовного кодекса Российской Федерации», подготовленной Судебным департаментом при Верховном Суде Российской Федерации [5], при анализе ст. 116.1 УК РФ выявлены следующие показатели:

Год	Ч. 1 ст. 116.1 УК РФ / общий показатель до выделения ч. 2	Ч. 2 ст. 116.1 УК РФ	Всего по ст. 116.1 УК РФ	Доля ч. 2 в общем числе
2020	1 629	—	1 629	—
2021	1 809	—	1 809	—
2022	1 919	—	1 919	—
2023	1 612	4 168	5 780	72,1 %
2024	1 240	5 120	6 360	80,5 %

Таблица 1 – «Сведения о состоянии судимости по ст. 116.1 УК РФ в России за 2020-2024 год из формы № 10-а «Отчет о числе осужденных по всем составам преступлений Уголовного кодекса Российской Федерации».

В 2020 году по указанной статье было осуждено 1 629 лиц, в 2021 году — 1 809 лиц, а в 2022 году, с учетом введения части второй ст. 116.1 УК РФ, общее число осужденных достигло 2 190 лиц. При этом по ч. 1 ст. 116.1 УК РФ было осуждено 1 919 лиц, а по ч. 2 — 271 лицо. Уже этот показатель свидетельствует о том, что новая уголовно-правовая конструкция (ч. 2 ст. 116.1 УК РФ)

начала применяться судами практически сразу после ее появления, хотя на первоначальном этапе ее удельный вес еще оставался сравнительно небольшим.

Достаточно важным для решения вопроса относительно дифференциации уголовной ответственности за побои является изменение внутренней структуры осуждений по ст. 116.1 УК РФ. В 2023 году по ч. 1 указанной статьи было осуждено 1 612 лиц, тогда как по ч. 2 — 4 168 лиц. Иными словами, на ч. 2 ст. 116.1 УК РФ пришлось около 72,1 % всех осуждений по данной статье. В 2024 году эта тенденция стала еще более выраженной:

по ч. 1 осуждено 1 240 лиц, а по ч. 2 — 5 120 лиц, то есть доля части второй достигла примерно 80,5 %. Таким образом, современная практика применения ст. 116.1 УК РФ фактически сместилась в сторону ответственности лиц, уже имеющих криминально значимый опыт насильственного поведения.

При этом, согласно сводным статистическим сведениям о состоянии судимости в России за 2021-2024 год по форме № 10-а «Отчет о числе осужденных по всем составам преступлений Уголовного кодекса Российской Федерации», подготовленной Судебным департаментом при Верховном Суде Российской Федерации [5], при анализе ст. 116 УК РФ, в 2021 году по указанной статье было осуждено 511 лиц, в 2022 году — 448 лиц, в 2023 году — 425 лиц, а в 2024 — 370 лиц, что свидетельствует о снижении количества осужденных по указанному составу. Тем не менее, несмотря на то число лиц, осужденных по ст. 116 УК РФ постепенно снижается, то по ст. 116.1 УК РФ показатель неуклонно растет. Из этого вытекает вывод о большей общественной опасности побоев, нанесенным лицом, подвергнутым административному наказанию или имеющим судимость.

Проблемы оценки побоев в семейно-бытовом и зависимом контексте.

Наиболее значим и актуален вопрос повторности побоев в сфере семейно-бытовых и иных отношений, сопряженных с зависимостью. В ходе анализа статьи 116.1 УК РФ Конституционным Судом РФ [3] отмечена высокая латентность побоев в личных, бытовых и семейных отношениях; особая уязвимость лиц, в отношении которых совершаются указанные деяния, их зависимость от лица, причиняющего физическую боль; факт цикличности насилия, а также повышенный риск перерастания побоев в более тяжкие преступления. Указанные обстоятельства имеют особое значение при решении вопроса относительно определения общественной опасности побоев.

Показателен приговор Электростальского городского суда Московской области от 23 июня 2025 г. по делу № 1-119/2025, по которому лицо обвинялось по ч. 2 ст. 116.1 и ч. 1 ст. 119 УК РФ. Гражданин Н., имея непогашенную судимость за насильственное преступление, в ходе ссоры нанес гражданке П. удары по лицу и голове, толкнул ее на диван, ограничивал движения, закрывал рот и сдавливал шею, одновременно высказывая угрозы убийством. В результате потерпевшей были причинены физическая боль, затруднение дыхания, множественные кровоподтеки и ссадины лица и головы [20].

Практика квалификации побоев в совокупности с угрозой убийством показывает, что физическая боль в таких делах является лишь

внешним минимальным последствием, тогда как реальная общественная опасность поведения заключается в формировании ситуации страха, подчинения и угрозы последующего посягательства на жизнь или здоровье потерпевшего.

Состав административного правонарушения, предусмотренного статьей 6.1.1 КоАП РФ, во многом тождественен уголовным деяниям, закреплённым в статьях 116 и 116.1 УК РФ, за исключением отсутствия мотивов, связанных с хулиганством, политической, расовой, религиозной, национальной или социальной враждой, публичной демонстрацией насилия, а также признака административной наказуемости либо судимости за насильственное преступление. После вступления федерального закона от 7 февраля 2017 года № 8-ФЗ «О внесении изменения в статью 116 Уголовного кодекса Российской Федерации», из диспозиции указанной статьи исключены побои в отношении близких лиц, из чего следует, что ответственность за аналогичные действия, как мы полагаем, в основном перешла в административную плоскость.

Данная позиция также нашла свое отражение в работе М.С. Дикаевой и Е.С. Дикаевой, которые проанализировали административную преюдицию и указали, что побои традиционно рассматривались как деяние, подлежащее уголовному наказанию, поскольку они обладают высоким превентивным потенциалом: своевременное реагирование на побои, по их мнению, позволяет предупреждать более тяжкие насильственные преступления против здоровья [13, с. 143]. В свою очередь, Л.Л. Кругликов и А.Л. Санташов выражают критику в отношении непоследовательности законодателя, поскольку, по их мнению, конструкция ст.ст. 116 и 116.1 УК РФ содержит спорные решения, в том числе в части административной преюдиции и разграничения уголовной и административной ответственности [14, с. 167]. При этом, при решении вопроса относительно общественной опасности побоев актуальна и позиция И.А. Клепицкого, который высказывается против частичной декриминализации побоев, поскольку насильственное посягательство против личности не должно рассматриваться как административный поступок, а законодатель проявляет чрезмерную терпимость к насилию [15, с. 141].

При анализе побоев, совершенных в сфере семейно-бытовых отношений, причинение даже сравнительно малого по интенсивности физического воздействия нередко совершается с целью принуждения, запугивания или контроля зависимого лица.

Показателен приговор мирового судьи судебного участка № 2 по Уфимскому району Республики Башкортостан от 21 марта 2021 г. по делу

№ 1-23/2021. Находясь в состоянии алкогольного опьянения, гражданин А. в ходе конфликта нанес несколько ударов сожительнице, державшей на руках малолетнюю дочь. Один из ударов пришёлся по ребёнку, вследствие чего мать и девочка упали, а последней были причинены физическая боль и телесные повреждения. Первоначально действия А. квалифицировались по ч. 1 ст. 115 и ч. 1 ст. 116 УК РФ. После примирения с сожительницей производство по ч. 1 ст. 115 УК РФ было прекращено, однако А. признан виновным по ч. 1 ст. 116 УК РФ за применение насилия к малолетнему ребёнку [19].

Данный факт позволяет сделать вывод о наличии социального вреда, наносимого побоями, выражаемого не столько в причинении физической боли, сколько в разрушении состояния безопасности личности, формировании у потерпевшего чувства страха, состояния длительного стресса, а также в некой «нормализации» и «допустимости» насильственного способа разрешения конфликтов, случившихся на почве отношений внутри семьи.

Проблемы уголовно-правовой оценки побоев при разовом применении физической силы.

Рассмотрение общественной опасности побоев невозможно без анализа смежных составов, поскольку в диспозициях статьи 6.1.1 КоАП РФ, статей 116, 116.1 УК РФ указано, что квалификация по данным статьям возможна лишь в случае отсутствия последствий в виде причинения вреда здоровью (ст. 115 УК РФ), а также при отсутствии систематичности соответствующих деяний. Так, если же результатом акта насилия становится причинение вреда здоровью человека, то содеянное может быть квалифицировано по статьям 111, 112 или 115 УК РФ, а наличие систематичности и единого умысла позволяют провести правовую оценку деяния в соответствии со статьей 117 УК РФ. Это разграничение представляется достаточно значимым в вопросе оценки общественной опасности побоев, поскольку данное деяние не является «малой версией» причинения вреда здоровью или истязания, а являются самостоятельным типом насильственного воздействия, которое можно охарактеризовать как кратковременное, болезненное, но не влекущее медицински-значимого вреда и не достигающее степени систематического мучения. Исходя из этого, логичным представляется вывод о промежуточной, но вполне самостоятельной степени общественной опасности побоев в иерархии насильственных преступлений, совершаемых против личности.

В связи с данным фактом, юридически неверно «завышать», либо наоборот недооценивать общественную опасность побоев. С одной стороны, законодатель не может автоматически

криминализировать любое причинение физической боли, игнорируя при этом институт малозначительности деяния и не анализируя конкретную ситуацию конфликта. О.В. Артюшина высказала позицию, согласно которой нанесение одного удара, пощечины или совершение иного единичного насильственного действия, повлекшего исключительно физическую боль, в отдельных случаях могут образовывать малозначительное деяние, не достигающего необходимого уровня общественной опасности [7, с. 149]. Данное мнение поддерживается и Р.М. Жилиевым, который указывает, что побои не могут обладать достаточной степенью общественной опасности для установление уголовно-правового запрета [18, с. 115].

С другой стороны, подобное положение не может быть абсолютным, поскольку единичность действия не может исключить причинение социального вреда, поскольку насилие так или иначе совершено. Так, В.М. Лебедев полагает, что решающим фактором для квалификации преступления является не число ударов, а наличие физической боли, которая может возникнуть даже при единичном ударе [9, с. 621]. Данной позиции в своих научных трудах придерживается и Т.Г. Каракулов, который обосновывает вывод об общественной опасности побоев в том числе при нанесении одного удара потерпевшему, поскольку полагает, что общественная опасность побоев выражается не только в последствиях, но и в самом факте насильственного нарушения телесной неприкосновенности [12, с. 23].

В данном случае, правильная правовая оценка должна включать в себя анализ силы воздействия, обстановки, мотива, личности потерпевшего, отношений зависимости, демонстративности поведения виновного, и того, выступал ли данный акт элементом более широкой модели насилия. Указанный подход позволяет рассматривать малозначительность не в качестве формального подсчета числа актов причинения боли, а как результат материально-правовой оценки конкретного случая совершения насилия. Данная позиция поддерживается Н.Ю. Скрипченко, которая отмечает в своей работе, что после проведенных реформ центр тяжести общественной опасности побоев сместился от объективных признаков насилия (интенсивности физической боли, количества и характера воздействий) — к субъективным признакам, прежде всего мотиву и специальному субъекту. Скрипченко также отмечает, что чрезмерно широкое понимание побоев может привести к «обесцениванию» общественной опасности данной формы насилия [11, с. 63].

Исходя из этого, следует отметить, что общественная опасность побоев должна описываться не через один конкретный признак, а через совокупность критериев:

непосредственный вред, причиняемый телесной неприкосновенности, выражающийся в причинении боли и насильственном вторжении в физическую сферу другого человека;

мотивационный критерий, позволяющий соотнести проявление демонстративного, хулиганского, экстремистского либо доминирующего мотивов с повышенной опасностью;

повторность, подтверждающая устойчивость насильственной установки лица и сниженный превентивный эффект предшествующего административно-правового либо уголовно-правового реагирования;

контекстуальность, включающая наличие устойчивых личных взаимоотношений между субъектом причинения побоев и потерпевшим, формы зависимости потерпевшего от виновного лица, закрытый семейно-бытовой характер конфликта, публичную демонстрацию насилия и риски его последующей эскалации;

разграничительный, заключающий в себе смысл оценки общественной опасности побоев в сопоставлении со смежными составами во избежание избыточной либо запаздывающей уголовно-правовой репрессии в отношении виновного лица [8, с. 59–60].

Указанная позиция дает основания для критической оценки упрощенных подходов, согласно которым побои – лишь малозначительное бытовое правонарушение. Подобная трактовка игнорирует структурные признаки данного насилия: его распространенность, способность воспроизводиться в замкнутых отношениях, связь с унижением личности, потенциал развития и особую латентность в семейной сфере. Даже в рамках административно-правовой оценки побоев законодателем и правоприменителем не отрицается их общественная опасность. В этой связи рационально рассуждать не о противопоставлении «опасных» преступных и «неопасных» административных побоев, а о едином насильственном явлении, внутри которого законодатель проводит дифференциацию по степени опасности, устойчивости и социальной направленности действий лица. Такая постановка вопроса в большей мере соответствует материальному пониманию преступления и предотвращает формализацию уголовно-правовой оценки.

В результате анализа законодательства и судебной практики становится очевидно, что общественная опасность разных видов побоев неодинакова. Законодатель дифференцирует ответственность по признакам мотива (для ст. 116 УК РФ), повторности деяния и наличия судимости (для ст. 116.1 УК РФ), что отражает признание им различных степеней общественной опасности соответствующих деяний (на уровне уголовного и административного права). Эта дифференциация

межотраслевого характера и градация санкций демонстрируют: наиболее опасными считаются побои с определенными мотивами, менее опасными являются совершенные повторно лицом, подвергнутым административному наказанию за тождественное деяние, а единичное насилие без юридически значимых обстоятельств – наименее опасным. Анализ же карательной практики подтверждает эту оценку: побои в большинстве случаев наказываются мягко или вовсе квалифицируются как малозначительные.

Список литературы:

- [1] Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 1996. № 25. Ст. 2954.
- [2] Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2002. № 1. Ч. 1. Ст. 1.
- [3] Постановление Конституционного Суда РФ от 08.04.2021 № 11-П « По делу о проверке конституционности статьи 116.1 Уголовного кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданки Л.Ф. Саковой» // Российская газета. 2021. 20 апр.
- [4] О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27 декабря 2002 г. № 29 (с изм. от 16 мая 2017 г.) // Российская газета. – 2003. – 18 янв. – № 9.
- [5] Судебный департамент при Верховном Суде Российской Федерации. Данные о назначенном наказании по статьям УК РФ // Судебный департамент при Верховном Суде Российской Федерации. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: <https://stat.xn----7sbqk8achja.xn--p1ai/stats/ug/t/14/s/17> (дата обращения: 10.06.2026).
- [6] Хилjuta В. В. Общественная опасность и криминализация в системе мер безопасности // Вестник Югорского государственного университета. 2022. Вып. 4 (67). С. 44–50.
- [7] Артюшина О. В. Квалификация побоев как насилия, не опасного для жизни или здоровья // Правоприменение. 2020. Т. 4. № 4. С. 141–152.
- [8] Артюшина О. В. Алгоритм квалификации побоев для оперативного реагирования на сообщения, поступающие в дежурную часть органов внутренних дел // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2025. Т. 16. № 2 (60). С. 55–63.
- [9] Лебедев В.М. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации. Т. 2: Особенная часть / В. М. Лебедев. – М.: Юрайт, 2025. – 941 с.
- [10] Уголовная ответственность за побои: проблемы регулирования и реализации // Вестник

Томского государственного университета. Право. 2025. № 57. С. 59–78.

[11] Скрипченко Н.Ю. Уголовная ответственность за побои: проблемы регулирования и реализации // Вестник Томского государственного университета. Право. 2025. № 57. С. 59–78.

[12] Каракулов Т.Г. Уголовная ответственность за побои (ст. 116 УК РФ): эволюция закона и проблемы квалификации // Уголовная юстиция. 2020. № 15. С. 21–27.

[13] Дикаева М. С., Дикаева Е. С. О криминологической обоснованности установления административной преюдиции за уголовно наказуемые побои (ст. 6.1.1 КоАП РФ и ст. 116.1 УК РФ) // Уголовная политика и правоприменительная практика / Сборник статей по материалам V Международной научно-практической конференции: 3 ноября 2017 г. // Северо-Западный филиал ФГБОУВО «Российский государственный университет правосудия» - СПб; ИД «Петрополис», 2017. – 446 с. С. 141–147.

[14] Кругликов Л. Л., Санташов А. Л. Ответственность за нанесение побоев в действующем законодательстве: небесспорные положения Федерального закона от 07.02.2017 № 8-ФЗ // Вестник Костромского государственного университета. 2017. № 4. С. 165–168.

[15] Клепицкий И.А. Побои и угроза насилием в уголовном праве России и Англии // Вестник Университета имени О. Е. Кутафина. 2018. № 12. С. 137–147.

[16] Оздоева Т.Б. Уголовная ответственность за побои и преступления против телесной неприкосновенности по законодательству Российской Федерации, США и Англии: сравнительно-правовой анализ // Полицейская и следственная деятельность. 2025. № 4. С. 94–113.

[17] Румянцева Ю.Н. Уголовно-правовая защита жертв домашнего насилия: дифференциация ответственности в зависимости от субъектного состава // Пролог: журнал о праве. 2023. № 3. С. 112–119.

[18] Жилияев Р.М. И снова о юридической ответственности за побои // Закон и право. 2019. С. 114–116.

[19] Приговор Судебного участка № 2 по Уфимскому району Республики Башкортостан от 21 марта 2021 г. по делу № 1-23/2021 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: www.sudact.ru (дата обращения: 25.06.2026).

[20] Приговор Электростальского городского суда (Московская область) от 23 июня 2025 г. по делу № 1-119/2025 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: www.sudact.ru (дата обращения: 25.06.2026).

References:

[1] The Criminal Code of the Russian

Federation of 13.06.1996 No. 63-FZ // Collection of legislation of the Russian Federation. 1996. № 25. Art. 2954.

[2] Code of Administrative Offenses of the Russian Federation of 30.12.2001 No. 195-FZ // Collection of Legislation of the Russian Federation. 2002. № 1. PART 1. Art. 1.

[3] Decision of the Constitutional Court of the Russian Federation of 08.04.2021 No. 11-P" In the case of checking the constitutionality of Article 116.1 of the Criminal Code of the Russian Federation in connection with the complaint of citizen L.F. Sakova" // Rossiyskaya Gazeta. 2021. 20 Apr.

[4] On judicial practice in cases of theft, robbery and robbery: Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of December 27, 2002 No. 29 (as amended on May 16, 2017) // Rossiyskaya Gazeta. – 2003. – Jan. 18 - No. 9.

[5] Judicial Department under the Supreme Court of the Russian Federation. Data on the imposed punishment under the articles of the Criminal Code of the Russian Federation // Judicial Department under the Supreme Court of the Russian Federation. [Electronic resource]. - Access mode: URL: <https://stat.xn----7sbqk8achja.xn--p1ai/stats/ug/t/14/s/17> (access date: 10.06.2026).

[6] Hilyuta V.V. Public danger and criminalization in the security system // Bulletin of Ugra State University. 2022. No. 4 (67). S. 44–50.

[7] Artyushina O. V. Qualification of beatings as violence not dangerous to life or health // Law enforcement. 2020. VOL. 4. № 4. S. 141–152.

[8] Artyushina O. V. Algorithm for qualification of beatings for prompt response to messages received by the duty unit of the internal affairs bodies // Bulletin of the Kazan Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2025. T. 16. № 2 (60). S. 55–63.

[9] Lebedev V.M. Commentary on the Criminal Code of the Russian Federation. T. 2: Special part/V. M. Lebedev. - M.: Yurayt, 2025. - 941 p.

[10] Criminal liability for beatings: problems of regulation and implementation // Bulletin of Tomsk State University. Right. 2025. № 57. S. 59–78.

[11] Skripchenko N.Yu. Criminal liability for beatings: problems of regulation and implementation // Bulletin of Tomsk State University. Right. 2025. № 57. S. 59–78.

[12] T.G. Karakulov. Criminal liability for beatings (Article 116 of the Criminal Code of the Russian Federation): evolution of the law and problems of qualification // Criminal justice. 2020. № 15. S. 21–27.

[13] Dikaeva M.S., Dikaeva E.S. On the criminological validity of establishing administrative prejudice for criminal beatings (Article 6.1.1 of the Administrative Code of the Russian Federation and

Article 116.1 of the Criminal Code of the Russian Federation) // Criminal policy and law enforcement practice/Collection of articles based on the materials of the V International Scientific and Practical Conference: November 3, 2017 // North-West Branch FSBEI "Russian State University of Justice" - St. Petersburg; Publishing House "Petropolis," 2017. - 446 p. S. 141-147.

[14] Kruglikov L. L., Santashov A. L. Responsibility for beatings in the current legislation: the controversial provisions of the Federal Law of 07.02.2017 No. 8-FZ // Bulletin of Kostroma State University. 2017. № 4. S. 165-168.

[15] Klepitsky I.A. Beatings and threat of violence in the criminal law of Russia and England // Bulletin of the University named after O. E. Kutafin. 2018. № 12. S. 137-147.

[16] Ozdoeva T.B. Criminal liability for beatings and crimes against bodily integrity under

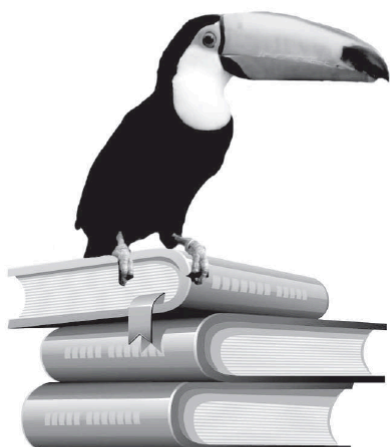
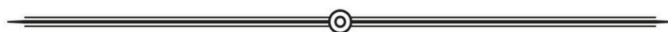
the legislation of the Russian Federation, the USA and England: comparative legal analysis // Police and investigative activities. 2025. № 4. S. 94-113.

[17] Rumyantseva Yu.N. Criminal Law Protection of Victims of Domestic Violence: Differentiation of Responsibility Depending on the Subject Composition // Prologue: Law Journal. 2023. № 3. S. 112-119.

[18] R.M. Zhilyaev And again on legal liability for beatings // Law and law. 2019. S. 114-116.

[19] Verdict of the Judicial District No. 2 in the Ufa District of the Republic of Bashkortostan dated March 21, 2021 in case No. 1-23/2021 [Electronic Resource]. - Access mode: URL: www.sudact.ru (access date: 25.06.2026).

[20] Verdict of the Elektrostal City Court (Moscow Region) of June 23, 2025 in case No. 1-119/2025 [Electronic Resource]. - Access mode: URL: www.sudact.ru (access date: 25.06.2026).

ЮРКОМПАНИ

www.law-books.ru

Юридическое издательство

«ЮРКОМПАНИ»

Издание учебников,
учебных и методических
пособий, монографий,
научных статей.

Профессионально.

В максимально
короткие сроки.

Размещаем
в РИНЦ, E-Library.

Дата поступления рукописи в редакцию: 08.07.2026 г.

DOI: 10.24412/2782-3849-2026-8-29-36

Дата принятия рукописи в печать: 31.07.2026 г.

ТАРНОВСКИЙ Александр Владимирович,
аспирант кафедры уголовного права ФГБОУ ВО
«Юго-Западный государственный университет»,
e-mail: ccrupt@mail.ru

ПРОТИВОДЕЙСТВИЕ ПРЕСТУПЛЕНИЯМ, ПОСЯГАЮЩИМ НА ОБЪЕКТЫ КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ, КАК НАПРАВЛЕНИЕ РОССИЙСКОЙ УГОЛОВНОЙ ПОЛИТИКИ

Аннотация. Предметом настоящей статьи являются уголовно-правовые и криминологические основания противодействия преступлениям, посягающим на объекты культурного наследия, рассматриваемые в качестве самостоятельного направления российской уголовной политики. Исследованию подвергнуты нормы Уголовного кодекса Российской Федерации, устанавливающие ответственность за уничтожение, повреждение, хищение культурных ценностей, их незаконный оборот и трансграничное перемещение, а также деяния, сопряжённые с фальсификацией охранной документации и манипулированием правовым статусом охраняемых объектов. Проанализированы проблемы правоприменительной практики, обусловленные рассогласованностью уголовно-правовых запретов с административно-регистрационными процедурами, конкуренцией смежных составов преступлений и доказательственными затруднениями при установлении причинной связи и вины в условиях многоактности и полисубъектности посягательств.

Методологическую основу исследования составили формально-юридический метод, применённый при анализе диспозиций и санкций уголовно-правовых норм; системно-структурный метод, использованный для классификации видов посягательств на объекты культурного наследия по характеру причиняемого вреда; сравнительно-правовой метод при соотнесении материально-правовых и регуляторных режимов охраны; криминологический метод при оценке латентности, структуры и детерминант преступности в рассматриваемой сфере.

Научная новизна состоит в разработке авторской четырёхзвенной классификации преступных посягательств на культурное наследие, охватывающей весь жизненный цикл охраняемого объекта — от стадии выявления до реставрации и гражданского оборота. Выявлены структурные дефекты правового регулирования, порождающие квалификационные «серые зоны» вследствие неполноты учётно-регистрационных процедур. Обоснована необходимость перехода от модели постфактум-реагирования к превентивной модели уголовно-правовой охраны, предполагающей транспарентность государственных реестров, дифференциацию санкций по степени общественной опасности и восстановление повреждённого объекта как конечную цель уголовного преследования. Сформулированы предложения по укреплению межведомственной координации между органами государственной охраны культурного наследия, правоохранительными структурами и институтами гражданского общества, а также по институциональному закреплению виктимологической профилактики в отношении объектов с повышенной уязвимостью.

Ключевые слова: уголовная политика; объекты культурного наследия; культурные ценности; квалификация преступлений; хищение предметов, имеющих особую ценность; незаконный оборот культурных ценностей; межведомственное взаимодействие; латентность преступлений; охранный статус; превентивная модель охраны; дифференциация уголовной ответственности; виктимологическая профилактика.

TARNOVSKY Alexander Vladimirovich,
graduate student of the Department of Criminal Law of the
Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education
"Southwestern State University"

COUNTERING CRIMES THAT ENCROACH ON CULTURAL HERITAGE SITES AS PART OF RUSSIAN CRIMINAL POLICY

Annotation. The subject of this article is the criminal law and criminological grounds for countering crimes that encroach on objects of cultural heritage, considered as an independent

direction of Russian criminal policy. The study was subjected to the norms of the Criminal Code of the Russian Federation, establishing responsibility for the destruction, damage, theft of cultural property, their illegal circulation and transboundary movement, as well as acts involving falsification of security documentation and manipulation of the legal status of protected objects. The problems of law enforcement practice caused by the inconsistency of criminal law prohibitions with administrative registration procedures, competition of related corpus delicti and evidentiary difficulties in establishing causation and guilt in conditions of multi-act and multi-entity encroachments were analyzed.

The methodological basis of the study was the formal legal method used in the analysis of dispositions and sanctions of criminal law; the system-structural method used to classify the types of encroachments on cultural heritage objects by the nature of the harm caused; comparative legal method when correlating material legal and regulatory protection regimes; criminological method in assessing latency, structure and determinants of crime in the area under consideration.

Scientific novelty consists in the development of the author's four-link classification of criminal encroachments on cultural heritage, covering the entire life cycle of a protected object - from the stage of detection to restoration and civil circulation. Structural defects of legal regulation were revealed, giving rise to qualification "gray areas" due to incomplete accounting and registration procedures. The need for a transition from an after-the-fact response model to a preventive model of criminal law protection, which presupposes transparency of state registers, differentiation of sanctions according to the degree of public danger and restoration of a damaged object as the ultimate goal of criminal prosecution, is justified. Proposals have been formulated to strengthen interdepartmental coordination between state bodies for the protection of cultural heritage, law enforcement agencies and civil society institutions, as well as to institutionalize victimological prevention in relation to objects with increased vulnerability.

Key words: criminal policy; cultural heritage sites; cultural values; qualification of crimes; theft of items of special value; illicit trafficking in cultural property; interagency interaction; crime latency; security status; preventive security model; differentiation of criminal liability; victimological prevention.

В доктрине уголовного права Российской Федерации преступления, объектом которых выступают культурные ценности и объекты культурного наследия (далее — ОКН), образуют гетерогенную совокупность составов, объединённых единым родовым объектом уголовно-правовой охраны. Указанный объект включает как материальный субстрат культурного достояния (вещественные носители историко-культурной информации), так и корреспондирующую систему общественных отношений, складывающихся в сферах государственного учёта, консервации, правомерного гражданского оборота и обеспечения публичного доступа к культурным благам [1, с. 48]. Принятие такой исследовательской оптики имеет методологическое значение: оно исключает редукцию анализируемой проблематики к узкому кругу «преступлений против памятников» и позволяет установить, что криминогенные факторы распределены по всему жизненному циклу ОКН — от первичного выявления и присвоения правового статуса до режимов хранения, трансграничного перемещения и проведения реставрационных работ [2, с. 364].

Первую классификационную группу составляют преступления, результатом совершения которых является полная либо частичная утрата историко-культурных свойств объекта или существенное ограничение возможности его дальней-

шей эксплуатации в культурно-просветительских целях. С позиций криминологической оценки причинённого вреда необходимо констатировать, что ущерб в подобных случаях, как правило, обладает свойством необратимости: физическая реконструкция утраченных элементов не тождественна восстановлению аутентичных материалов, авторских технологических приёмов и историко-средового контекста памятника [3, с. 147].

В объективную сторону рассматриваемых посягательств входят, в частности, производство строительных, ремонтных и перепланировочных работ с нарушением охранных обязательств, акты вандализма, а равно умышленное разрушение объекта. Для целей квалификации определяющее значение приобретает надлежащее установление предмета преступления. Действующее законодательство распространяет охранительный режим как на объекты, включённые в Единый государственный реестр объектов культурного наследия, так и на выявленные ОКН, правовой статус которых возникает с момента принятия уполномоченным органом решения о включении в соответствующий перечень. Данное нормативное решение преследует превентивную цель: распространение уголовно-правовой защиты на объекты, находящиеся на стадии идентификации, призвано минимизировать стимулы к их упреждающему уничтожению заинтересованными лицами до заверше-

ния процедуры постановки на государственную охрану.

Вторую устойчивую группу образуют корыстные преступления, направленные на противоправное безвозмездное обращение в свою пользу или в пользу третьих лиц предметов, обладающих культурной, а в ряде случаев — особой историко-художественной или научной ценностью [4, с. 102].

Криминологическая специфика данных посягательств проявляется в нескольких аспектах. Во-первых, хищениям культурных ценностей свойственна повышенная латентность, обусловленная тем, что факт выбытия предмета из фондов или экспозиции может оставаться неустановленным на протяжении значительного периода ввиду несовершенства учётных процедур [5, с. 61]. Во-вторых, существенные трудности для уголовного преследования создаёт необходимость доказывания индивидуально-определённых признаков похищенного предмета, его уникальности и провенанса (истории бытования и происхождения) [6, с. 34].

Отдельного криминологического внимания заслуживают ситуации, при которых субъектом хищения выступает лицо, наделённое правом доступом к культурным ценностям, — сотрудник учреждения культуры, подрядчик реставрационных работ, экспертный специалист. Наличие легитимного основания для контакта с предметом существенно снижает трансакционные издержки преступника и одновременно ослабляет эффективность внутриорганизационных контрольных механизмов. Отсюда следует, что противоправное изъятие культурных ценностей методологически корректно рассматривать не только через призму классических форм хищения (ст. 164 УК РФ), но и как индикатор системной уязвимости режимов фондового хранения, инвентаризационного учёта и внутренней безопасности учреждений культуры.

Третий классификационный блок охватывает деяния, связанные с контрабандным перемещением культурных ценностей через таможенную границу, их незаконным вывозом и транзитом, фальсификацией документов о происхождении в целях легализации похищенного, а также с невозвращением на территорию Российской Федерации культурных ценностей, временно вывезенных на законных основаниях (ст. 190 УК РФ) [7, с. 16].

Общественная опасность указанных деяний имеет бинарную природу. С одной стороны, их совершение влечёт утрату суверенного контроля государства над предметами, составляющими национальное культурное достояние. С другой стороны, подрывается институциональное доверие к легальному арт-рынку и к международным механизмам выставочного обмена. В специальной

литературе отмечается, что в структуре рассматриваемых преступлений наибольший удельный вес занимают хищения предметов, обладающих особой ценностью, и невозвращение культурных ценностей из-за рубежа. Указанная криминологическая закономерность обосновывает практическую рекомендацию о концентрации превентивных усилий именно на этапах трансграничного перемещения и контроля возврата, что предполагает координацию уголовно-правовых, таможенных и экспертно-оценочных инструментов.

Четвёртую группу составляют деяния, внешне тяготеющие к административно-правовой сфере, однако обладающие выраженной криминальной направленностью ввиду целенаправленного обхода публично-правовых ограничений, установленных в отношении ОКН. В объективную сторону таких посягательств входят: фальсификация актов технического состояния объекта, подмена подлинных предметов копиями или иными объектами, заключение фиктивных договоров хранения и реставрации, а также манипулирование административным статусом ОКН (в том числе инициирование процедур исключения объекта из охранных перечней при отсутствии законных оснований).

Причиняемый вред в данном случае носит опосредованный характер: непосредственного физического разрушения может не происходить, однако целенаправленно формируются юридические и фактические предпосылки для последующего отчуждения объекта, его перепрофилирования, несанкционированной перестройки либо «растворения» в нерегулируемом имущественном обороте. Тем самым подрывается сама институциональная основа государственной охраны культурного наследия.

Приведённая классификация основных видов преступных посягательств на культурное наследие свидетельствует о необходимости построения комплексной модели уголовно-правовой охраны, обеспечивающей защиту подлинности и физической целостности объектов, гарантирующей прослеживаемость провенанса и правомерность оборота культурных ценностей, а равно учитывающей повышенную уязвимость объектов на ранних стадиях их выявления и постановки на государственную охрану.

Вместе с тем необходимо указать на ограничение предложенной типологии: она исходит из аналитического разграничения составов, тогда как в правоприменительной практике единое преступное деяние нередко аккумулирует признаки нескольких классификационных групп. Так, повреждение объекта может выступать способом облегчения хищения, а фальсификация документов — необходимым этапом контрабандного вывоза. Данное обстоятельство обуславливает по-

требность в межсоставном (интегративном) анализе при уголовно-правовой оценке конкретных эпизодов преступного поведения и при совершенствовании соответствующих квалификационных моделей.

Правоприменительная практика по делам о посягательствах на ОКН свидетельствует о том, что центральные затруднения коренятся не в дефиците уголовно-правовых запретов как таковых, а в структурной рассогласованности норм уголовного закона с регуляторными режимами учёта, регистрации и распоряжения охраняемыми объектами. Первый узел противоречий образует неравномерная юридическая определённости статуса объекта охраны: отсутствие либо неполнота актов регистрации права государственной собственности, дефекты документальной фиксации границ и характеристик ОКН порождают квалификационные «серые зоны», в которых сам факт отнесения конкретного участка или находки к охраняемым становится предметом процессуального спора. Подобные пробелы учётно-регистрационных процедур вынуждают сторону обвинения восполнять недостающие формализованные основания посредством экспертных заключений и косвенных доказательств, тогда как сторона защиты получает возможность строить позицию на недоказанности предмета посягательства. Второй узел связан с конкуренцией смежных уголовно-правовых составов: тождественные фактические обстоятельства — характер физического воздействия на объект, способ извлечения имущественной выгоды, стадийность производственных работ — допускают конкурирующие квалификационные интерпретации, следствием чего является неоднородная региональная практика. При разграничении решающее значение приобретают два параметра — точное установление предмета посягательства и объективной стороны деяния, а при их спорности — углублённое исследование субъективной стороны. Третий узел составляют доказательственные трудности, обусловленные многоактностью и полисубъектностью рассматриваемых преступлений: длительный цикл строительных или земляных работ, множественность участников (заказчик, генеральный подрядчик, субподрядные организации, технический надзор), разрыв между принятием управленческого решения и непосредственным причинением вреда приводят к «расщеплению» причинной связи и формы вины на цепочку разнородных действий, что существенно затрудняет уголовно-правовую оценку содеянного.

Наряду с квалификационными и доказательственными проблемами правоприменение выявляет системный дисбаланс между охранительной целью уголовного запрета и экономико-организационными условиями хозяйственно-

го использования ОКН. Действующее законодательство допускает гражданский оборот и хозяйственное освоение отдельных категорий объектов при соблюдении специальных режимов, однако на практике нарушение процедурных требований — порядка согласований, условий проведения экспертиз, содержания охранных обязательств — нередко превращается в единственное «ядро» уголовного дела. Уголовно-правовой запрет тем самым фактически замещает собой административно-регуляторный контроль: вместо раннего предотвращения вреда посредством надзорных предписаний государственная реакция наступает постфактум, когда ущерб уже приобрёл необратимый характер. Указанное обстоятельство обосновывает необходимость смещения акцента уголовной политики в сторону превентивного компонента, что предполагает не столько ужесточение санкций, сколько формирование устойчивых правил учёта, транспарентных реестров и единообразных критериев допустимости вмешательства в материальную ткань памятника [8, с. 159].

Результативность уголовной политики в анализируемой сфере находится в прямой зависимости от качества межведомственного взаимодействия, которое выступает не факультативным, а системообразующим условием охраны ОКН, поскольку криминогенные угрозы формируются на стыке компетенций нескольких отраслевых регуляторов — органов управления в сфере культуры, имущественных отношений, землепользования, таможенного и пограничного контроля, а также правоохранительных структур. Координация необходима, прежде всего, на стадии правового закрепления статуса объекта: процедура регистрации прав на объекты археологического наследия представляет собой многозвенную последовательность действий (информирование уполномоченного органа по управлению имуществом, подача заявления о регистрации, собственно регистрационные действия), каждое из которых предполагает устойчивый канал межведомственного обмена юридически значимыми сведениями. Разрыв любого звена создаёт «окно уязвимости», в пределах которого объект воспринимается потенциальными нарушителями как ресурс, свободный от публично-правовых обременений. На этапе выявления и расследования преступлений межведомственная координация реализуется через согласованные протоколы осмотров и фиксации повреждений с привлечением профильных специалистов (реставраторов, археологов, музейных работников), через оперативный обмен информацией между территориальными органами охраны ОКН и следственными подразделениями, а также через интеграцию ведомственных баз данных — реестров объектов, разрешений на

производство работ, сведений о правообладателях и результатов надзорных проверок [9, с. 290].

Самостоятельным элементом механизма уголовно-правовой охраны культурного наследия выступает участие общественных институтов — профессиональных сообществ, научных и образовательных организаций, музейных ассоциаций, волонтерских объединений, общественных советов при органах охраны. Их вклад реализуется по двум направлениям: снижение латентности посягательств и формирование устойчивой нормативной мотивации к сбережению наследия. Государственный контроль объективно не способен охватить мониторингом всю совокупность охраняемых объектов, и первичный сигнал о нарушении зачастую возникает у местных жителей, краеведов и профильных специалистов раньше, чем у надзорных инстанций. Вместе с тем вовлечение общественности нуждается в процессуально корректных формах: создании понятных каналов обращений, обеспечении правовой защиты заявителей, выработке критериев фильтрации добросовестных сообщений. Не менее значимо профилактическое воздействие, осуществляемое через просветительские программы, повышение правовой грамотности собственников, арендаторов и подрядчиков, разъяснение содержания охранных обязательств и мер ответственности за их нарушение [10, с. 52].

Дальнейшее развитие уголовной политики в области ОКН обусловлено потребностью в одновременном достижении двух взаимосвязанных целей: обеспечения предсказуемости и единообразия квалификации посягательств на охраняемые объекты, а также последовательного перехода от модели постфактум-реагирования к модели раннего предупреждения причинения вреда. Учитывая, что ОКН обладают особой общественной ценностью, не сводимой к имущественному эквиваленту, уголовно-правовой инструментарий нуждается в системной согласованности с административными режимами охраны, градостроительным регулированием и контрольно-надзорной практикой. Исходя из данной посылки, оценка законодательных инициатив должна строиться не по критерию количества вводимых запретов, а по степени устранения правовых лакун, сокращения возможностей обхода охранных требований и обеспечения реального восстановления нарушенных общественных отношений [11, с. 47].

Первоочередным направлением совершенствования выступает уточнение законодательной техники в части разграничения смежных уголовно-правовых составов, предусматривающих ответственность за посягательства на культурные ценности. Действующее регулирование порождает устойчивый риск конкуренции норм в ситуациях, когда объективные признаки деяния

допускают несколько квалификационных интерпретаций, что влечёт неоднородность судебной практики в различных субъектах Российской Федерации. Устранение данного дефекта предполагает нормативное закрепление — на уровне уголовного закона либо разъяснений Пленума Верховного Суда Российской Федерации — чётких разграничительных критериев по двум основным параметрам. Первый параметр — предмет посягательства, определяемый через принадлежность объекта к соответствующему реестру и наличие установленного охранного статуса. Второй параметр — способ и характер преступного воздействия: уничтожение, повреждение, производство незаконных работ, оборот предметов, полученных в результате посягательства. В пограничных случаях квалификационную неопределённость надлежит преодолевать посредством углублённого исследования субъективной стороны деяния — осознания виновным охранного статуса объекта, целевой направленности действий и мотивации, что позволяет минимизировать ошибки при правовой оценке содеянного.

Самостоятельной задачей реформирования является построение дифференцированной системы ответственности и санкций, адекватно отражающей градацию общественной опасности различных форм посягательств на ОКН. Действующая нормативная модель не в полной мере обеспечивает разграничение между неосторожным повреждением объекта при проведении хозяйственных работ и умышленным разрушением памятника либо систематическим извлечением имущественной выгоды из незаконной деятельности. Перспективной представляется конструкция, при которой дифференциация проводится по совокупности взаимодополняющих критериев: значимость объекта, определяемая уровнем его охранного статуса (федеральный, региональный, муниципальный) и степенью уникальности; характер причинённого вреда, включая необратимость утраты подлинных элементов и стоимость восстановительных работ; способ совершения деяния — использование служебного положения, совершение группой лиц, применение специальных технических средств; тяжесть наступивших последствий — создание реальной угрозы разрушения, причинение крупного ущерба. Подобная дифференциация призвана повысить не только соразмерность наказания, но и генеральный превентивный потенциал уголовно-правовой нормы. Параллельно законодательному ужесточению необходимо развитие восстановительного компонента уголовной политики: расширение практики возложения на виновных обязанностей по восстановлению и консервации повреждённых объектов, привлечение специалистов для оценки нематериальных составляющих ущерба (утрата историче-

ской аутентичности, научной информативности), а также нормативное разграничение уголовно-правовых последствий и гражданско-правового возмещения во избежание ситуаций, при которых формальная денежная компенсация подменяет реальную обязанность восстановить объект.

Наконец, устойчивое развитие уголовной политики в рассматриваемой сфере невозможно без институционального закрепления комплексной превенции, адресованной как потенциальным правонарушителям, так и субъектам, уполномоченным на использование ОКН. Поскольку посягательства на культурное наследие опосредуются факторами «среды риска» — низким уровнем правовой культуры, физической доступностью объектов, слабостью охранных режимов, конфликтом экономических интересов в сфере землепользования и строительства, — профилактическое воздействие должно включать виктимологическую составляющую: выявление объектов с повышенной уязвимостью, обучение собственников и пользователей правилам обращения с охраняемыми объектами, интеграцию основ виктимологии и конфликтологии в образовательные программы, связанные с управлением историко-культурным наследием. Для обеспечения ответственности превентивных мер необходима их институциональная формализация — через установление минимальных стандартов охраны для правообладателей и пользователей ОКН, обязательных процедур уведомления о выявленных угрозах, требований к информированию лиц, осуществляющих работы на территории охранных зон. Вместе с тем усиление уголовно-правовых средств при сохранении неопределённости охранного статуса объектов и непрозрачности административных процедур несёт риск расширительного толкования запретов и необоснованного ограничения законной хозяйственной деятельности. Минимизация данного риска требует сопровождения каждой уголовно-правовой инициативы мерами нормативного уточнения статуса ОКН, цифровизации сведений об охранных обязательствах и разработки верифицируемых методик оценки причинённого вреда, что позволит интегрировать уголовно-правовую охрану в единый межотраслевой контур: точная квалификация — дифференцированная санкция — профилактика уязвимости — восстановление объекта как конечный измеримый результат государственной политики.

Итоги настоящего исследования дают основания утверждать, что действующий механизм уголовно-правового обеспечения сохранности объектов культурного наследия в Российской Федерации не отвечает в полной мере требованиям системности и внутренней согласованности. Выявленные дефекты носят не точечный, а струк-

турный характер и затрагивают три ключевых уровня правового регулирования. На материально-правовом уровне сохраняется рассогласованность уголовных запретов с административно-регистрационными процедурами, определяющими охранный статус объекта: неполнота реестровых записей, отсутствие актов регистрации права публичной собственности и недостаточная документальная фиксация границ и характеристик памятников создают зону правовой неопределённости, препятствующую надлежащей квалификации деяний. На уровне правоприменительной техники не преодолена проблема конкуренции смежных составов преступлений: тождественные фактические обстоятельства посягательства допускают альтернативные квалификационные решения, что влечёт разнородность судебной практики и подрывает принцип правовой определённости. На уровне санкционной политики отсутствует последовательная дифференциация ответственности, способная отразить градацию общественной опасности — от неосторожного повреждения объекта при производстве хозяйственных работ до умышленного уничтожения памятника федерального значения или систематического извлечения имущественной выгоды из незаконного оборота культурных ценностей.

Криминологическая составляющая исследования позволила установить, что посягательства на объекты культурного наследия характеризуются высокой латентностью, полисубъектностью и многоактностью, вследствие чего традиционные модели выявления и расследования преступлений обнаруживают ограниченную эффективность. Причинная связь между действиями конкретного лица и наступившим вредом нередко опосредована цепочкой управленческих решений, подрядных отношений и контрольных процедур, что существенно усложняет доказывание вины и определение пределов уголовной ответственности каждого из соучастников. Преодоление указанных затруднений требует укрепления межведомственной координации на всех стадиях жизненного цикла охраняемого объекта. Органы государственной охраны культурного наследия, правоохранительные структуры, таможенные органы, учреждения культуры и институты гражданского общества должны быть интегрированы в единый информационно-аналитический контур, обеспечивающий оперативный обмен юридически значимыми сведениями — от момента первичного выявления объекта до завершения реставрационных работ и последующего мониторинга его состояния.

Центральным выводом проведённого исследования является положение о том, что результативность государственной уголовной политики в сфере охраны культурного наследия опре-

деляется не интенсивностью репрессии, а способностью правоприменительной системы обеспечить последовательный переход к превентивной модели охраны. Такая модель предполагает раннюю идентификацию криминогенных факторов на основании данных учётных реестров и надзорных проверок; транспарентность и актуальность государственных информационных ресурсов, содержащих сведения об охранных обязательствах и правовом режиме объектов; выработку единообразных экспертно-оценочных критериев определения размера причинённого вреда, включая его нематериальные компоненты — утрату исторической аутентичности, научной информативности, средовой целостности памятника; ориентацию уголовного преследования на реальное восстановление повреждённого объекта как конечную, верифицируемую цель правоприменительной деятельности, а не на формальное назначение наказания.

Итак, достижение обозначенных целей обусловлено рядом взаимосвязанных условий, выходящих за пределы собственно уголовного законодательства. Необходима комплексная модернизация нормативной базы, охватывающая уточнение диспозиций и санкций соответствующих статей Уголовного кодекса Российской Федерации, совершенствование подзаконных актов о порядке учёта и регистрации ОКН, а также принятие методических документов, регламентирующих проведение судебных экспертиз по делам данной категории. Одновременно требуется целенаправленное повышение профессиональной квалификации правоприменителей — следователей, прокуроров, судей — в части понимания специфики культурного наследия как особого объекта уголовно-правовой охраны, не сводимого к стандартным имущественным отношениям. Наконец, долгосрочная устойчивость охранительной политики невозможна без формирования в обществе нетерпимости к любым формам посягательств на национальное культурное достояние, что предполагает институциональное закрепление просветительских программ, развитие механизмов общественного контроля и создание действенных каналов взаимодействия граждан с уполномоченными государственными органами.

Список литературы:

[1] Манапова, А. Ф. Виктимологическая характеристика преступлений против культурных ценностей народов / А. Ф. Манапова // Вестник экономики, управления и права. – 2025. – Т. 18. – № 2. – С. 47-54.

[2] Манапова, А. Ф. Предупреждение преступных посягательств на культурные ценности народов / А. Ф. Манапова // Социальное управление. – 2024. – Т. 6, № 9. – С. 362–367.

[3] Миллеров, Е. В. Вопросы административной и уголовной ответственности в свете усиления государственной политики, направленной на защиту российских традиционных духовно-нравственных ценностей в сфере половых отношений / Е. В. Миллеров, Е. А. Миллерова // Северо-Кавказский юридический вестник. – 2024. – № 3. – С. 144–154.

[4] Селиверстов, Н. О. Проблемы разграничения статей 243 и 243.4 Уголовного кодекса Российской Федерации / Н. О. Селиверстов // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2021. – № 2 (90). – С. 99–103.

[5] Шапчиц, П. А. Регистрация права государственной собственности на объекты археологического наследия / П. А. Шапчиц // Россия в глобальном мире. – 2024. – Т. 27. – № 2. – С. 47–79.

[6] Корюкова, А. А. Особенности преступлений против культурных ценностей / А. А. Корюкова // Юридический факт. – 2022. – № 184. – С. 29-37.

[7] Бородин, А. В. Субъект преступлений против культурных ценностей по российскому и немецкому уголовному законодательству / А. В. Бородин // Судебная экспертиза и исследования. – 2025. – № 1. – С. 15-18.

[8] Гук, Я. Г. особенности объекта преступлений против культурных ценностей / Я. Г. Гук, Е. А. Попова // Актуальные проблемы уголовного права, криминологии, уголовного процесса и уголовно-исполнительного права: теория и практика : Материалы X Международной научно-практической конференции, Тамбов, 16–17 апреля 2021 года / Редколлегия: Э.Ю. Кузьменко, М.И. Кольцов, Е.А. Попова. – Тамбов: Издательский дом "Державинский", 2021. – С. 159-165.

[9] Румянцева, И. В. Хищение культурных ценностей как преступление против мира и безопасности человечества / И. В. Румянцева // Нюрнбергский процесс: история и современность : Сборник материалов научно-практической конференции V Международного научного форума, Ялта, 26–27 ноября 2020 года. – Симферополь: Крымский юридический институт (филиал) Университета прокуратуры Российской Федерации, 2021. – С. 288-291.

[10] Клебанов, Л. Р. Проблемы множественности преступлений против культурных ценностей / Л. Р. Клебанов // Уголовное право. – 2012. – № 2. – С. 51-57.

[11] Манапова, А. Понятие культурных ценностей народов в Российской Федерации / А. Манапова // Юрислингвистика. – 2025. – № 36(47). – С. 45-49.

References:

[1] Manapova, A.F. Victimological characteristics of crimes against cultural values of

peoples/A.F. Manapova // Bulletin of Economics, Management and Law. – 2025. – VOL. 18. – № 2. – S. 47-54.

[2] Manapova, A.F. Prevention of criminal encroachments on the cultural values of peoples/A.F. Manapova // Social management. – 2024. – T. 6, NO. 9. – S. 362-367.

[3] Millerov, E. V. Issues of administrative and criminal liability in the light of strengthening state policy aimed at protecting Russian traditional spiritual and moral values in the field of sexual relations/E. V. Millerov, E. A. Millerova // North Caucasian Legal Bulletin. – 2024. – № 3. – S. 144-154.

[4] Seliverstov, N.O. Problems of delimitation of articles 243 and 243 4 of the Criminal Code of the Russian Federation/N.O. Seliverstov // Bulletin of St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. – 2021. – № 2 (90). – S. 99-103.

[5] Shapchits, P. A. Registration of state ownership of objects of archaeological heritage/P. A. Shapchits // Russia in the global world. – 2024. – VOL. 27. – № 2. – S. 47-79.

[6] Koryukova, A. A. Features of crimes against cultural property/A. A. Koryukov // Legal fact. – 2022. – № 184. – S. 29-37.

[7] Borodin, A.V. Subject of crimes against cultural property under Russian and German criminal

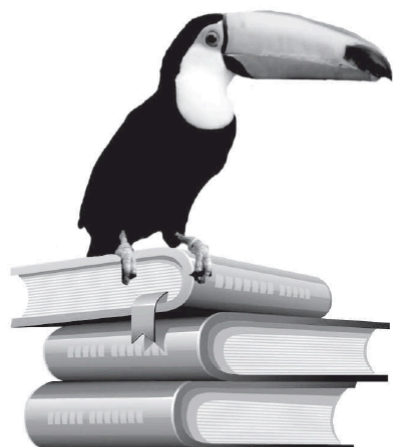
law/A.V. Borodin // Forensic examination and research. – 2025. – № 1. – S. 15-18.

[8] Guk, Ya. G. features of the object of crimes against cultural property/Ya. G. Guk, E. A. Popova // Actual problems of criminal law, criminology, criminal procedure and criminal enforcement law: theory and practice: Materials of the X International Scientific and Practical Conference, Tambov, April 16-17, 2021/Editorial board: E. Yu. Kuzmenko, M. I. Koltsov, E.A. Popova. – Tambov: Publishing house "Derzhavinsky," 2021. – S. 159-165.

[9] Rumyantseva, I.V. Theft of cultural property as a crime against the peace and security of mankind/I.V. Rumyantseva // Nuremberg trials: history and modernity: Collection of materials from the scientific and practical conference of the V International Scientific Forum, Yalta, November 26-27, 2020. – Simferopol: Crimean Law Institute (branch) of the University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation, 2021. – S. 288-291.

[10] Klebanov, L. R. Problems of the multiplicity of crimes against cultural property/L. R. Klebanov // Criminal law. – 2012. – № 2. – S. 51-57.

[11] Manapova, A. The concept of cultural values of peoples in the Russian Federation/A. Manapova // Jurislinguistics. – 2025. – № 36(47). – S. 45-49.

ЮРКОМПАНИ

www.law-books.ru

Юридическое издательство
«ЮРКОМПАНИ»

Издание учебников,
учебных и методических
пособий, монографий,
научных статей.

Профессионально.

В максимально
короткие сроки.

Размещаем
в РИНЦ, E-Library.

Дата поступления рукописи в редакцию: 10.07.2026 г.

DOI: 10.24412/2782-3849-2026-8-37-40

Дата принятия рукописи в печать: 02.08.2026 г.

МАКОЕВА Евгения Руслановна,

Доцент кафедры государственных и гражданско-правовых дисциплин Северо-Кавказского института повышения квалификации (филиал) Краснодарского университета МВД России, кандидат философских наук подполковник полиции, e-mail: mail@law-books.ru

КРАВЦОВА Анастасия Михайловна,

Старший преподаватель кафедры иностранных языков Ростовского юридического института МВД России, e-mail: mail@law-books.ru

О НЕКОТОРЫХ ВОПРОСАХ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ И ПРОФИЛАКТИКИ КОРРУПЦИИ

Аннотация. Противодействие коррупции включает в себя деятельность федеральных органов государственной власти, органов государственной власти субъектов РФ, органов местного самоуправления, институтов гражданского общества, организаций и физических лиц в пределах их полномочий. Авторами рассматриваются ключевые моменты по предупреждению коррупции, в том числе по выявлению и последующему устранению причин коррупции (профилактика коррупции). Основной упор делается на выявление, предупреждение, пресечение, раскрытие и расследование коррупционных правонарушений (борьба с коррупцией).

Также в качестве одного из основных направлений авторы выделяют минимизацию и (или) ликвидацию последствий коррупционных правонарушений.

В завершении делается вывод, что несмотря на весьма разветвленную классификацию видов коррупции, все они объединены общностью признаков. Любая коррупция носит межотраслевой характер, имеет специальный субъект, который совершает противоправные действия с использованием своего служебного положения. Сам характер коррупционного преступления обусловлен рядом причин (исторических, экономических, политических и правовых), изучение и понимание которых способствует грамотному формированию направлений антикоррупционной политики государства.

Ключевые слова: коррупция, преступления, противодействие, законодательство, государство, профилактика, политика, классификация.

МАКОЕВА Evgenija Ruslanovna,

Police lieutenant colonel, Associate Professor the Department of State and Civil Disciplines of the North-Caucasian Institute for Continuing Education (Branch) of the Krasnodar University of the Ministry of the Interior of Russian Federation, PhD in Philosophy

KRAVTSOVA Anastasia Mikhailovna,

Senior lecturer at the Department of Foreign Languages at the Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia

ON SOME ISSUES OF COMBATING AND PREVENTING CORRUPTION

Annotation. Combating corruption involves the activities of federal government bodies, government bodies of constituent entities of the Russian Federation, local governments, civil society institutions, organizations, and individuals within their respective jurisdictions. The authors examine key aspects of corruption prevention, including identifying and subsequently eliminating the causes of corruption (corruption prevention). The primary focus is on identifying, preventing, combating, exposing, and investigating corruption offenses (anti-corruption).

The authors also highlight the minimization and/or mitigation of the consequences of corruption offenses as a key focus.

In conclusion, the authors conclude that despite the extensive classification of types of corruption, they all share common characteristics. Any corruption is interdisciplinary in nature and involves a specific actor who commits illegal acts using their official position. The nature of corruption

is determined by a number of factors (historical, economic, political, and legal), the study and understanding of which contributes to the competent development of state anti-corruption policies.

Key words: corruption, crimes, counteraction, legislation, state, prevention, policy, classification.

Каждое государство имеет своей целью благополучно решать социально-экономические и политические задачи, приоритетной из которых является обеспечение высокого уровня и качества жизни населения. Для этих целей необходим наивысший уровень законодательства и устойчивый правопорядок, так как отступление от правового режима наносит урон обществу, государству и человеку.

Особенно опасными являются коррупционные правонарушения, которые проявляются в разных формах и в различных сферах общественных отношений.

Коррупция постоянно развивается и, как любое другое сложное социальное явление, не имеет строгих границ.

Признаки коррупционного правонарушения впервые были предложены Восьмым Конгрессом ООН в Гаване в 1990 году. К ним отнесены:

межотраслевой характер правонарушений (уголовные, дисциплинарные, административные);

специальный статус субъекта;

противоречащее закону использование своего должностного положения;

Разделить коррупционные причины возможно на группы:

исторические:

а) кормление: практика содержания чиновников до XVII века осуществлялась за счёт денежных средств, подаваемых местными гражданами;

б) постоянное расширение должностей государственных служащих - так, в 1928 году из 1000 человек количество служащих составляло 6,9, 1940 год показал ещё большее число служащих - 9,5, в 1950 году - 10,2; сегодня же число служащих в РФ около 16,3 из 1000 человек [13];

экономические:

а) количество чиновников было настолько велико, что не хватало средств в казне для оплаты их труда; подобная проблема существует и сегодня. Как показывает практика, размер взяток увеличивается в результате увеличения оклада чиновников;

б) у чиновников со временем вытесняются понятия о долге и деловой репутации, а государственная служба воспринимается как деятельность с фиксированной ставкой;

политические:

а) у руководства страны отсутствует решимость, которая так необходима для достиже-

ния положительных результатов в ходе борьбы с коррупцией. В ходе расследования громких уголовных дел наблюдается противопоставление здравому смыслу и логике;

б) борьба с коррупцией представляет собой некую ширму, используемую в целях «чистки кадров». Происходит ликвидация ненужных людей из системы. Не исключена и роль СМИ: в ответ на информацию о лице, которое «берёт взятку» незамедлительно появляется общественная реакция [14].

правовые;

а) недочёты юридической техники. Показательно растущее число антикоррупционных правовых норм является усложняющим фактором функционирования государственного аппарата;

б) согласно либертарианской системе правосознания, составленной Нерсисянцем В.С. [15], признак права есть равенство. Такое равенство выражается в наделении лиц с неравным статусом равными правами и одинаковой уголовной ответственностью.

в) нарушение принципа справедливости выражается в том, что наказание, предусмотренное статьями УК РФ, имеющими коррупционный характер, говорит о том, что взяткодатель может откупиться от правосудия, а коррупционер имеет возможность на оплату всего лишь штрафа, или же сядет в тюрьму условно, имея возможность быть помилованным в дальнейшем или освобождаться досрочно.

Особо опасные проявления коррупции принято делить на 2 вида: хищение государственного имущества и злоупотребление служебным положением при отсутствии признаков хищения.

Власти принимают меры по борьбе с коррупцией, которые носят главным образом правовой характер норм материального и процессуального права, ужесточение наказания несмотря на то, что главные причины коррупции находятся не только в юридической, но и в других сферах.

Дискуссионным в правовой доктрине является вопрос относительно определения особо крупного размера взятки (свыше одного миллиона рублей). На практике зачастую нарушаются принципы соразмерности и справедливости. Так, 8 мая была осуждена Васильева Е.Н. Чиновнице предъявлено обвинение в хищении 3 млрд. руб. из госбюджета. Подсудимая приговорена к 5 годам лишения свободы, при этом 25 августа была освобождена [16].

Если рассматривать коррупцию среди ря-

довых сотрудников, то она имеет наибольшее распространение в системе Министерства внутренних дел РФ. Опасность данного вида коррупционных правонарушений состоит в том, что для большинства граждан сотрудники полиции являются не только сотрудниками правоохранительных органов, но и представителями государства в целом, а значит при выявлении фактов вымогательства взятки со стороны сотрудников МВД РФ граждане неизбежно распространяют своё негативное отношение и на представителей власти. Коррупционность сотрудников МВД обусловлена служебным положением, опытом работы, знанием законодательной базы. Указанное способствует совершению коррупционных преступлений с более высокой подготовкой, на более сложном уровне и довольно продолжительное время.

По частоте совершения коррупционных действий выделяют эпизодический и систематический виды коррупции.

Сущность последнего состоит в том, что коррупционные связи, возникшие между физическими и юридическими лицами, носят продолжительный и устойчивый характер.

Эпизодическая же коррупция – это совершенно противоположный вид коррупции, который представляет собой отдельное деяние. Такое деяние совершается должностным лицом в целях личного обогащения. И не предполагает каких-либо межличностных отношений госслужащих с физическими или юридическими лицами. Как правило, стороны взаимодействуют один единственный раз, и должностное лицо, получив соответствующее вознаграждение, больше не встречается с «контрагентом».

Кроме систематичности в доктрине также существует критерий направленности. Выделяют горизонтальную (когда отношения устанавливаются между субъектами напрямую) и вертикальную (когда вышестоящее руководство получает определенную долю за молчание о противоправных действиях подчиненных) коррупцию.

Также можно классифицировать коррупцию по признаку активности лиц (активная и пассивная коррупция). Активная коррупция выражается в непосредственном получении незаконного денежного или иного вознаграждения, а пассивная – в противоправном бездействии и невыполнении своих прямых должностных обязанностей в целях обогащения.

Противодействие коррупции включает в себя деятельность федеральных органов государственной власти, органов государственной власти субъектов РФ, органов местного самоуправления, институтов гражданского общества, организаций и физических лиц в пределах их полномочий:

по предупреждению коррупции, в том числе по выявлению и последующему устранению причин коррупции (профилактика коррупции); выявлению, предупреждению, пресечению, раскрытию и расследованию коррупционных правонарушений (борьба с коррупцией); минимизации и (или) ликвидации последствий коррупционных правонарушений.

Таким образом, можно сделать вывод, что несмотря на весьма разветвленную классификацию видов коррупции, все они объединены общностью признаков. Любая коррупция носит межотраслевой характер, имеет специальный субъект, который совершает противоправные действия с использованием своего служебного положения. Сам характер коррупционного преступления обусловлен рядом причин (исторических, экономических, политических и правовых), изучение и понимание которых способствует грамотному формированию направлений антикоррупционной политики государства.

Противодействие коррупции, как любая целенаправленная деятельность, имеет длящийся характер. Исследование таких сложных и длящихся явлений как противодействие коррупции невозможно в статике, поскольку это не позволит выявить вектор развития антикоррупционной политики. Историческое исследование вопросов противодействия коррупции необходимо для определения принципов и технологий, применявшихся в разное время в антикоррупционной политике, чтобы использовать полезный опыт и не повторить ранее совершенных ошибок.

Список литературы:

- [1] Агапов И. О. К вопросу о понятии, уровне и причинах коррупции в России // Вестник уральского юридического института МВД России. 2016. № 3. С. 29-34.
- [2] Волженкин Б.В. Коррупция и уголовный закон // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 1991. № 6. С. 63-70.
- [3] Волженкин Б.В. Коррупция / Б. В. Волженкин. – Санкт-Петербург: СПбЮИ, 1998. С. 43.
- [4] Карпец И.И. Организованная преступность как социальная и юридическая проблема, ее тенденции и причины / И.И. Карпец // Организованная преступность – 2 – М., 1993. – С.10-26.
- [5] Конвенция о гражданско-правовой ответственности за коррупцию (заключена в г. Страсбурге 4 ноября 1999 года) // СПС «Консультант Плюс».
- [6] Кузнецова Н.Ф. Из выступления на конференции «Россия и мировой опыт противодействия коррупции» / Н.Ф. Кузнецова // Материалы конференции «Россия и мировой опыт противодействия коррупции». – М.: Спарк, 2000. С. 67-68.

[7] Максимов С.В. Комментарий об ответственности за коррупционные преступления в сфере негосударственной службы. Материалы конференции «Россия и мировой опыт противодействия коррупции». – М.: Спарк, 2000. – С. 204.

[8] Миньковский Г.М. Правовые и организационные проблемы борьбы с коррупцией. Материалы научно-практической конференции. – М.: Изд-во Акад. МВД РФ, 1993. С. 14-18.

[9] «Модельный закон о борьбе с коррупцией» (Принят в г. Санкт-Петербурге 03.04.1999 Постановлением 13-4 на 13-ом пленарном заседании Межпарламентской Ассамблеи государств-участников СНГ) // СПС «Консультант Плюс».

[10] Модельный закон «Основы законодательства об антикоррупционной политике» (Принят в г. Санкт-Петербурге 15.11.2003 Постановлением 22-15 на 22-ом пленарном заседании Межпарламентской Ассамблеи государств-участников СНГ // СПС «Консультант Плюс».

[11] О противодействии коррупции [Электронный ресурс]: федеральный закон 25 декабря 2008 г. № 273-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «Консультант Плюс».

[12] Уголовный кодекс Российской Федерации [Электронный ресурс]: федеральный закон № 63-ФЗ от 13 июня 1996 № 63-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

[13] URL:<https://inosmi.ru/world/20150320/226985705.html>.

[14] Моисеев В. В. Борьба с коррупцией в России: моногр./ В. В. Моисеев. – М.: Директ-Медиа, 2014. – С. 82.

[15] Нерсисянц В. С. Юриспруденция. Введение в курс общей теории права и государства: Для юридических вузов и факультетов — М.: Норма, Инфра-М, 1998. — С. 288.

[16] URL: <https://ria.ru/20150821/1194806373.html>.

References:

[1] Agapov I.O. On the question of the concept, level and causes of corruption in Russia // Bulletin of the Ural Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2016. № 3. S. 29-34.

[2] Volzhenkin B.V. Corruption and the criminal law // News of higher educational institutions. Jurisprudence. 1991. № 6. S. 63-70.

[3] Volzhenkin B.V. Corruption/ B.V. Volzhenkin. - St. Petersburg: St. Petersburg, 1998. С. 43.

[4] Karpets I.I. Organized crime as a social and legal problem, its trends and causes/ I.I. Karpets // Organized crime - 2 - М., 1993. - S.10-26.

[5] Convention on Civil Liability for Corruption (concluded in Strasbourg on November 4, 1999) // SPS "Consultant Plus."

[6] N.F. Kuznetsova. From a speech at the conference "Russia and the world experience in countering corruption "/N.F. Kuznetsova // Materials of the conference " Russia and the world experience in countering corruption. " - М.: Spark, 2000. S. 67-68.

[7] Maximov S.V. Commentary on Responsibility for Corruption Crimes in the Sphere of Non-Governmental Service. Materials of the conference "Russia and the world experience in combating corruption." - М.: Spark, 2000. - S. 204.

[8] Minkovsky G.M. Legal and organizational problems of combating corruption. Materials of the scientific-practical conference. - М.: Publishing house Acad. MINISTRY OF INTERNAL AFFAIRS OF THE RUSSIAN FEDERATION, 1993. S. 14-18.

[9] "Model Anti-Corruption Law" (Adopted in St. Petersburg 03.04.1999 Resolution 13-4 at the 13th plenary meeting of the Interparliamentary Assembly of CIS Member States) // SPS "Consultant Plus."

[10] Model Law "Fundamentals of Anti-Corruption Policy Legislation" (Adopted in St. Petersburg 15.11.2003 by Resolution 22-15 at the 22nd Plenary Meeting of the Interparliamentary Assembly of CIS Member States // SPS "Consultant Plus."

[11] Anti-Corruption Law [Electronic Resource]: Federal Law No. 273-FZ of December 25, 2008. Access from the Consultant Plus legal system.

[12] Criminal Code of the Russian Federation [Electronic Resource]: Federal Law No. 63-FZ of June 13, 1996 No. 63-FZ. Access from the ConsultantPlus legal system.

[13] URL:<https://inosmi.ru/world/20150320/226985705.html>.

[14] Moiseev V.V. The fight against corruption in Russia: monogr ./V.V. Moiseev. - М.: Direct-Media, 2014. - S. 82.

[15] Nersesyants V. S. Jurisprudence. Introduction to the course of the general theory of law and the state: For law schools and faculties - М.: Norma, Infra-M, 1998. - S. 288.

[16] URL: <https://ria.ru/20150821/1194806373.html>.

Дата поступления рукописи в редакцию: 10.07.2026 г.

DOI: 10.24412/2782-3849-2026-8-41-47

Дата принятия рукописи в печать: 02.08.2026 г.

ФАКОВ Азамат Мухажидович,

доцент кафедры деятельности органов внутренних дел в
особых условиях Северо-Кавказского института повышения
квалификации (филиал) Краснодарского университета МВД
России, к.ю.н., полковник полиции,
e-mail: mail@law-books.ru

ОБЩИЕ МЕРЫ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ФИНАНСИРОВАНИЮ ТЕРРОРИСТИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ: СИСТЕМНЫЙ АНАЛИЗ И ПУТИ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ

Аннотация. В представленной статье проведен комплексный анализ современного состояния и перспектив развития системы общих мер противодействия финансированию террористической деятельности. Автор уделяет пристальное внимание международно-правовому регулированию заявленной сферы, а также конкретизирует национальные подходы к применяемым мерам. Акцентируется внимание на институционально-организационной специфике функционирования отдельных субъектов противодействия финансированию терроризма с учетом актуальных тенденций распространения преступного поведения вышеназванной направленности. Отдельное внимание уделено новым вызовам – использованию криптовалют (USDT), децентрализованных бирж, систем хавала и неформальных переводов. На основе проведенного анализа выявлены законодательные и организационные проблемы применения общих мер противодействия финансированию терроризма, определены перспективные способы их решения.

Ключевые слова: финансирование терроризма, ФАТФ, криптовалюты, виртуальные активы, заморозка активов, Росфинмониторинг, хавала, неформальные финансовые системы, риск-ориентированный подход.

FAKOV Azamat Mukhazhidovich,

associate Professor, Department of Activities of Internal Affairs
Agencies in Special Conditions, North Caucasus Institute for
Advanced Training (branch) of Krasnodar University of the Ministry of
Internal Affairs of Russia, PhD in Law, colonel of Police

GENERAL MEASURES TO COUNTER THE FINANCING OF TERRORIST ACTIVITIES: SYSTEM ANALYSIS AND IMPROVEMENT TENDENCIES

Annotation. This article covers general measures to counter the financing of terrorism (CFT) in the Russian Federation and internationally. It examines legal, institutional, and technological components, including international FATF standards, national legislation (Federal Law No. 115, the Russian Criminal Code), the role of Rosfinmonitoring, and interagency cooperation. Special attention is paid to new challenges—the use of cryptocurrencies (USDT), decentralized exchanges, hawala systems, and informal transfers. Specific amendments to legislation and law enforcement practice are proposed. The results can be used in the development of departmental regulations by Rosfinmonitoring and the Bank of Russia.

Key words: terrorism financing, FATF, cryptocurrencies, virtual assets, asset freezing, Rosfinmonitoring, hawala, informal financial systems, and a risk-based approach.

Террористическая деятельность активно трансформируется в современных реалиях и важнейшее значение для ее развития имеет обеспеченность необходимыми ресурсами, в связи с чем значительно актуализируются проблемы финансирования терроризма. Динамика преступного функционирования проявляется в постоянном совершенствовании схем соответствующего финансирования. В настоящее время данная деятельность активно осуществляется посредством

использования криптовалют, неформальных систем перевода (хавала) и краудфандинговых платформ [1, с. 123].

Важно отметить, что вопросам борьбы с финансированием террористической деятельности уделяется пристальное внимание как на международной арене, посредством аккумуляции сил различных государств в контексте трансграничного характера анализируемой проблемы, так и в национальных правовых системах, которые кон-

кретизируют контртеррористические механизмы с учетом возникающих вызовов и угроз их финансирования. В рамках представленного исследования видится необходимым сосредоточить внимание на общих мерах противодействия финансированию террористической деятельности, поскольку они затрагивают наибольшее количество субъектов анализируемого функционирования и от их эффективности во многом зависят масштабы дальнейшего распространения соответствующего противоправного поведения. Несмотря на то, что в современной научной литературе заявленная проблематика исследуется регулярно [2, с.460], должного внимания общим мерам в части проведения комплексных исследований уделено ранее не было, что подчеркивает актуальность предпринятого научного анализа в контексте российских реалий и новых технологических вызовов.

Однако, прежде чем перейти к практическим аспектам организации и применения общих мер противодействия финансированию террористической деятельности видится целесообразным конкретизировать теоретико-правовые основы выбранной тематики. Отметим, что данное понятие не конкретизируется в действующем законодательстве, что с одной стороны приводит к наличию множества подходов к содержательным критериям разграничения общих и специальных мер, а с другой стороны – соответствует потребностям оперативного совершенствования соответствующей практики с учетом возникающих вызовов и угроз распространения поведения террористической направленности.

В рамках представленного исследования под общими мерами противодействия финансированию террористической деятельности предлагается понимать совокупность правовых, организационных, информационных и контрольных действий, направленных на выявление, предупреждение и пресечение операций с денежными средствами или иным имуществом, которые могут быть использованы для террористической деятельности. В отличие от специальных мер (например, оперативно-розыскных), общие носят превентивный, системный характер и распространяются на широкий круг субъектов – банки, небанковские кредитные организации, операторов платежных систем, некредитные финансовые организации, а также юридических лиц и индивидуальных предпринимателей [3]. Данный расширительный подход к субъектному составу объективно обусловлен необходимостью комплексного противостояния финансовой поддержке терроризма, что невозможно эффективно осуществить лишь посредством функционирования компетентных органов власти. Сочетание различного характера вышеназванных мер напрямую

связано с потребностями комплексного противодействия финансированию террористической деятельности.

Говоря об правовых основах анализируемой деятельности, следует подчеркнуть актуальность целого ряда международных документов и российских нормативно-правовых актов, которые регламентируют различные аспекты организации и применения общих мер противодействия финансированию террористической деятельности. Обратим внимание на международное регулирование, в рамках которого общие меры по противодействию вышеназванному преступному поведению рассматриваются в рамках деятельности как специализированных международных организаций, например, таких как ФАТФ и ЕАГ. Важнейшее значение имеют рекомендации ФАТФ, касающиеся противодействия отмыванию денег, финансирования терроризма и распространения оружия массового уничтожения [6, с. 447]. В рамках деятельности ЕАГ в 2025 году завершился очередной раунд оценки РФ, по итогам которого были отмечены успехи в создании правовой базы, но выявлены недостатки в контроле за виртуальными активами и применении целевых финансовых санкций [8]. Также меры противодействия финансированию террористической деятельности регламентируются актами органов иных международных организаций общей компетенции, например: резолюции Совета Безопасности ООН 1373 (2001) и 2462 (2019), обязывающие государства-члены незамедлительно замораживать средства лиц, причастных к терроризму [4, 5].

Международно-правовое регулирование способствует унификации и систематизации современных организационных подходов. Несмотря на то, что далеко не все международные нормы носят обязывающий характер, большинство современных стран стремятся использовать их в основе национальных подходов.

В России правовые основы анализируемой деятельности представлены целым рядом актов. В первую очередь подчеркнем наличие отдельного Федерального закона № 115-ФЗ «О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма», в котором конкретизируются организационно-правовые механизмы, реализуемые в данной сфере. Как отмечалось ранее, общие меры противодействия финансированию террористической деятельности в качестве самостоятельного элемента вышеназванных механизмов не фигурируют, однако их содержательные критерии корреспондируют законодательным подходам, регламентирующим в ст. 4 указанного закона меры, направленные на противодействие легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, финансированию

терроризма, экстремистской деятельности и финансированию распространения оружия массового уничтожения. Российский законодатель в качестве мер определяет внутренний контроль, процедуры на платформе цифрового рубля; обязательный контроль; запрет на информирование клиентов и иных лиц о принимаемых мерах[3]. Важно отметить, что данный перечень не является исчерпывающим и национальное законодательство, в том числе посредством подзаконных актов и ведомственного правотворчества активно дополняет соответствующий перечень.

Также в рамках заявленной проблематики следует подчеркнуть важнейшее практическое значение положений УК РФ. Во-первых, в УК РФ закреплён ряд составов преступлений, связанных с финансированием террористической деятельности. В данном случае речь идет не только о ст. 174 и ст. 174.1 прямо предусматривающих ответственность за легализацию (отмывание) денежных средств или иного имущества, приобретенных другими лицами преступным путем или в результате совершения ими преступления, но и значительно актуализируется применение ст. 205.1 УК РФ, которая предусматривает среди квалифицированных составов финансирование терроризма. Во-вторых, уголовно-правовые меры имеют ярко выраженные профилактико-предупредительный потенциал, что также обеспечивается российским законодателем посредством активной трансформации уголовно-правовых норм с учетом тенденций распространения соответствующей преступной практики, а также ужесточения санкций в контексте общественной опасности подобных деяний в современных реалиях, связанных с обострением геополитических конфликтов [9, с. 142].

Подчеркнем, что уголовно-правовые меры неразрывно связаны с судебной практикой, в которой происходит толкование и детализация многих содержательных аспектов преступного поведения террористической направленности. Так, например, Постановление Пленума Верховного Суда РФ № 1 от 2012 года разъяснило, что под финансированием терроризма понимается в том числе предоставление криптовалюты, если она может быть конвертирована в фиатные деньги или использована для приобретения средств совершения теракта [10]. Судебная практика позволяет своевременно актуализировать вопросы квалификации деяний, в том числе их предметно-объектные составляющие.

В рамках рассматриваемой проблематики важное значение имеют подзаконные нормативно-правовые акты, такие как Указ Президента РФ № 774 от 2025 года «О Межведомственной комиссии по противодействию финансированию терроризма и экстремистской деятельности», ко-

торый регламентирует организационно-правовую специфику указанного органа, действующего в целях координации мер противодействия легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма[11]. Прикладное значение приобретает ряд актов Банка России и Росфинмониторинга. Так, например, Положение Банка России от 18.06.2025 № 860-П конкретизирует требования к правилам внутреннего контроля кредитных организаций, что выступает основой их функционирования в рассматриваемой системе противодействия финансированию террористической деятельности [12]. Приказ Росфинмониторинга от 13.09.2022 № 203 закрепляет значимые процедурные аспекты, а именно – использование форм уведомлений о включении организаций и физических лиц в перечень организаций и физических лиц, в отношении которых имеются сведения об их причастности к экстремистской деятельности или терроризму. Ведомственные акты позволяют своевременно конкретизировать организационно-процессуальные особенности противодействия финансированию террористической деятельности, в том числе затрагивает отдельные аспекты применения общих мер, которые находят предметное отражение в зависимости от специфики рассматриваемых субъектов (например, кредитных организаций). Существенным потенциалом также обладают ведомственные разъяснения и методические рекомендации. Нормативная база в Российской Федерации в целом соответствует международным стандартам, однако имеются пробелы в регулировании децентрализованных бирж (DEX) и операций P2P без участия традиционных фиатных ворот.

Рассматривая общие меры противодействия финансированию террористической деятельности следует подчеркнуть необходимость своевременного совершенствования законодательной базы. Данная деятельность актуальна как на международном уровне, так и в национальных правовых системах, поскольку данные направления правового регулирования несмотря на различную целенаправленность имеют единые системные ориентиры создания комплексных подходов к борьбе с указанным преступным поведением. В данном контексте необходимо учитывать как специфику территориальных уязвимостей и необходимости конкретизации национальных подходов применения общих и специальных мер, так и объединение межгосударственных возможностей сотрудничества и координации соответствующего функционирования.

Среди общих мер противодействия финансированию террористической деятельности следует также подчеркнуть важнейшее практическое значение усиления контроля за финан-

совыми потоками. В данном контексте видится целесообразным конкретизировать внимание на субъектном составе противодействия финансированию террористической деятельности, который характеризуется качественным и количественным многообразием в Российской Федерации. В первую очередь подчеркнем значение функционирования Росфинмониторинга, чья деятельность напрямую связана со сбором и обработкой сообщений от поднадзорных организаций, формирование национального «черного списка» террористов и экстремистов (по данным на 01.01.2026 в него входят 8742 физических и 2103 юридических лиц) [13], направлением материалов в правоохранительные органы, а также международное сотрудничество. Согласно отчету за 2025 год, Росфинмониторинг обработал 3,2 млн сообщений о подозрительных операциях, приостановлено 18742 транзакции на общую сумму 47,3 млрд. рублей. При этом доля операций, связанных непосредственно с финансированием терроризма, составила около 6% [8].

Эффективность общих мер напрямую зависит от взаимодействия Росфинмониторинга с ФСБ, МВД, Банком России, Федеральной нотариальной палатой [14]. Согласно ст. 5 Федерального закона № 115-ФЗ «О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма» к числу организаций, обязанных применять общие меры противодействия финансированию террористической деятельности, относятся: банки, негосударственные пенсионные фонды, страховщики, ломбарды, микрофинансовые организации, операторы почтовых переводов, а с недавнего времени – провайдеры информационных систем, в которых осуществляется выпуск цифровых финансовых активов [4]. Их обязанности включают идентификацию клиента, выгодоприобретателя, фиксирование подозрительных операций и направление их в Росфинмониторинг, отказ в проведении операций при подозрениях. На практике микрофинансовые организации и ломбарды зачастую не имеют штатных финансовых мониторов.

В контексте совершенствования общих мер противодействия финансированию террористической деятельности важное значение приобретает борьба с развитием неформальных каналов финансирования. В данном случае речь идет как об использовании современных технологий, которые еще не в полной мере получили должное правовое регулирование в российской правовой системе, так и в части использования разнообразных, в том числе трансграничных схем, финансово-ресурсного обеспечения террористических организаций и сообществ. Так, в последние годы значительно масштабируется практика использования криптовалют в рамках финансирования

терроризма. В данном контексте значительно актуализируется использование криптомиксеров (CryptoMixer2, Tornado Cash и т.п.) которые позволяют намеренно запутывать следы проводимых транзакций. По оценкам экспертов, до 40% транзакций, связанных с терроризмом, проходят через хотя бы один криптомиксер [2, с. 465]. Российское законодательство пока не предусматривает механизмов для блокировки конкретного криптокошелька на уровне провайдера. Централизованные биржи могут заморозить средства по запросу Росфинмониторинга, но террористы переходят на DEX и P2P, проблемы правового статуса которых уже отмечались ранее.

Анализируя неформальные каналы финансирования террористической деятельности следует подчеркнуть актуальность использования системы хавала, которая получила наиболее масштабное применение на Ближнем Востоке, в Южной Азии и на Северном Кавказе. Принцип данной системы заключается в следующем – клиент передает деньги хавалатору в одном городе, тот связывается с партнером в другом, и партнер выдает эквивалентную сумму бенефициару без банковского следа. ФАТФ давно признает хавалу уязвимостью [7]. В России уголовная ответственность за организацию хавалы без лицензии наступает по ст. 172 УК РФ (незаконная банковская деятельность), но доказать причастность к финансированию терроризма в данном случае крайне сложно. В настоящее время многие эксперты и специалисты в финансовой сфере подчеркивают проблемные аспекты распространенности хавалы на Северном Кавказе, где она активно используется для перевода средств боевикам, однако количество возбужденных дел остается незначительным [7].

Несмотря на то, что платежные сервисы типа Payeer, Profex, Advcash, Qiwi, ЮMoney находятся под контролем Банка России, их псевдонимность остается проблемой: кошельки первого уровня (без верификации) допускают остаток до 15 тыс. рублей, что достаточно для финансирования мелких ячеек [15]. Кроме того, выявлены схемы использования цифровых подарочных карт (Apple Store, Steam) – они покупаются за наличные, а коды пересылаются террористам, которые затем конвертируют их в криптовалюту. Рекомендация ФАТФ предписывает применять к некоммерческим организациям риск-ориентированный подход, а не тотальную блокировку [7]. Однако в российской практике после 2022 года многие благотворительные фонды столкнулись с блокировкой счетов по «серым» спискам Росфинмониторинга, что создает двойственную ситуацию: с одной стороны, снижаются риски финансирования терроризма через НКО, с другой – страдает легальная гуманитарная деятельность. Указанные

примеры также наглядно демонстрируют необходимость предметного осмысления общих мер противодействия финансированию террористической деятельности с учетом практики преступного использования различных каналов и схем финансовой деятельности в современных реалиях.

На основе проведенного анализа общих мер противодействия финансированию террористической деятельности видится необходимым сделать вывод о том, что в целом данная система в Российской Федерации соответствует существующим международным подходам, однако существует целый ряд проблем:

наличие правовых пробелов в регламентации отдельных аспектов борьбы с финансированием терроризма, что касается в большинстве своем опережающего характера учета распространения конкретных средств, методов и схем преступного поведения указанной направленности;

наличие практических проблем, связанных с недостаточной степенью согласованности применения общих мер субъектами противодействия финансированию террористической деятельности;

сложности международного сотрудничества в условиях обострения геополитических конфликтов на постсоветском пространстве и активизации антироссийской пропаганды со стороны зарубежных государств.

Наибольшие риски сосредоточены в трех сферах: трансграничные переводы через неформальные каналы (включая хавалу), операции с криптовалютами через децентрализованные биржи и миксеры, а также использование небанковских электронных платежных сервисов с упрощенной идентификацией.

В целях устранения выявленных проблем перспективными представляются следующие направления совершенствования общих мер противодействия финансированию терроризма в Российской Федерации:

совершенствование действующего российского законодательства:

расширение диспозиции ст. 174 УК РФ и закрепление ответственности за конвертацию цифровых валют в фиатные средства без соблюдения требований Федерального закона № 115-ФЗ «О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма»;

распространение идентификационных процедур на всех систематических операторов обмена криптовалютой, включая физических лиц;

введение обязательной верификации всех R2P-криптоплощадок (в том числе функционирующих через мессенджеры) путем установле-

ния соответствующей обязанности для хостинг-провайдеров, а также внедрения механизмов DNS-блокировки криптомиксеров;

принятие специального закона о неформальных платежных системах, который бы вводил административную, а при повторных нарушениях – уголовную ответственность за организацию хавалы без лицензии.

совершенствования организационных механизмов:

усиление межведомственной координации через регулярные (не реже одного раза в неделю) заседания профильной рабочей группы при Национальном антитеррористическом комитете;

проведение систематического обучения персонала банков и микрофинансовых организаций методам выявления криптовалютных индикаторов;

введение обязательной сертификации финансовых мониторов для некредитных организаций;

создание на базе Росфинмониторинга отечественной системы блокчейн-аналитики («Крипторозж»), способной отслеживать потоки в сетях Bitcoin, Ethereum и Tron.

На международной арене целесообразным представляется инициирование разработки дополнительного стандарта ФАТФ, регламентирующего мониторинг децентрализованных бирж (DEX) и предусматривающего возможность приостановки смарт-контрактов по решению национальных регуляторов в рамках юрисдикций, применяющих антитеррористические санкции. Данная инициатива позволит сформировать универсальные подходы к организации и применению соответствующих мер с учетом более развитой зарубежной практики по данным вопросам.

В заключение следует подчеркнуть, что вопросы, связанные с организацией и применением общих мер противодействия террористической деятельности нуждаются в постоянной научно-исследовательской разработке и оценке эффективности их реализации. Перспективным представляется дальнейшее их совершенствование за счет алгоритмов искусственного интеллекта, предназначенных для автоматического выявления «теневых» криптокошельков, используемых террористическими структурами, на основе анализа транзакционных паттернов и сетевых связей. Однако подобные нововведения должны быть всесторонне оценены на предмет возникающих рисков и угроз, а также потенциальной результативности с учетом современной преступной практики и тенденций ее распространения на различных территориях.

Список литературы:

[1] Лукошина П.А. Механизмы финансирования экстремистской и террористической деятельности с использованием криптовалюты // Вестник Уральского юридического института МВД России. 2024. № 1. С. 121–124.

[2] Хабриева Т.Я. Противодействие легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма в условиях цифровизации экономики: стратегические задачи и правовые решения / Т. Я. Хабриева // Всероссийский криминологический журнал. 2018. Т. 12, № 4. С. 459–467.

[3] Федеральный закон от 07.08.2001 № 115-ФЗ «О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма» (ред. от 20.02.2026) // Собрание законодательства РФ. 2001. № 33 (часть I). Ст. 3418.

[4] Резолюция Совета Безопасности ООН 1373 (2001) // [Электронный ресурс] // Гарант: справочно-правовая система (дата обращения: 13.06.2026).

[5] Резолюция Совета Безопасности ООН 2462 (2019) // [Электронный ресурс] // Гарант: справочно-правовая система (дата обращения: 13.06.2026).

[6] Факов А.М. Использование информационных технологий в целях финансирования террористической деятельности // Криминологическая политика и практика противодействия преступности (памяти профессора кафедры В.А. Уткина). Сборник научных трудов Всероссийской научно-практической конференции. Москва, 2025. С. 446–450.

[7] ФАТФ. Международные стандарты по противодействию отмыванию денег, финансированию терроризма и финансированию распространения оружия массового уничтожения (Рекомендации ФАТФ) [Электронный ресурс] // Financial Action Task Force (FATF). URL: <https://www.fatf-gafi.org> (дата обращения: 14.06.2026).

[8] Евразийская группа по противодействию легализации преступных доходов и финансированию терроризма (ЕАГ). Годовой отчет за 2024–2025 годы [Электронный ресурс] // Евразийская группа по противодействию легализации преступных доходов и финансированию терроризма. URL: https://eurasiangroup.org/files/uploads/files/EAG_Annual_report_2025_12.12.pdf (дата обращения: 14.06.2026).

[9] Факов А.М. Основные направления совершенствования уголовно-правовых мер противодействия финансированию террористической деятельности // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2023. № 10. С. 139–145.

[10] Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 09.02.2012 № 1 «О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях террористической направленности» (в ред. от 03.11.2016) // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2012. № 4.

[11] Указ Президента РФ от 23.10.2025 № 774 «О Межведомственной комиссии по противодействию финансированию терроризма и экстремистской деятельности» (вместе с Положением о Межведомственной комиссии по противодействию финансированию терроризма и экстремистской деятельности) // Собрание законодательства РФ. 2025. № 43. Ст. 6389.

[12] Положение Банка России от 18.06.2025 № 860-П «О требованиях к правилам внутреннего контроля кредитной организации, филиала иностранного банка, через который иностранный банк осуществляет деятельность на территории Российской Федерации, в целях противодействия легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, финансированию терроризма и экстремистской деятельности» // Вестник Банка России. 2025. № 34.

[13] Приказ Росфинмониторинга от 13.09.2022 № 203 «Об утверждении форм уведомлений о включении организаций и физических лиц в перечень организаций и физических лиц, в отношении которых имеются сведения об их причастности к экстремистской деятельности или терроризму, а также в перечни организаций и физических лиц, связанных с террористическими организациями и террористами или с распространением оружия массового уничтожения, составляемые Советом Безопасности ООН или органами, специально созданными решениями Совета Безопасности ООН, в рамках реализации полномочий, предусмотренных главой VII Устава ООН, и уведомления об исключении организаций и физических лиц из указанных перечней» (Зарегистрировано в Минюсте России 09.11.2022 № 70877) // Официальный интернет-портал правовой информации <http://pravo.gov.ru>, 09.11.2022.

[14] Приказ Федеральной нотариальной палаты от 10.09.2024 № 12/пр «Об утверждении Порядка направления нотариусами сведений о сомнительных сделках» // Нотариальный вестник. 2024. № 10.

[15] Федеральный закон от 27.06.2011 № 161-ФЗ «О национальной платежной системе» (ред. от 09.04.2026) // Собрание законодательства РФ. 2011. № 27. Ст. 3872.

References:

[1] Lukoshina P.A. Mechanisms of financing extremist and terrorist activities using cryptocurrency // Bulletin of the Ural Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2024. № 1.

S. 121-124.

[2] Khabrieva T.Ya. Countering the legalization (laundering) of proceeds from crime and the financing of terrorism in the context of the digitalization of the economy: strategic tasks and legal decisions/T. Ya. Khabrieva // All-Russian Criminological Journal. 2018. T. 12, NO. 4. S. 459-467.

[3] Federal Law of 07.08.2001 No. 115-FZ "On Counteracting Legalization (Laundering) of Proceeds from Crime and Financing of Terrorism" (as amended by 20.02.2026) // Collection of Legislation of the Russian Federation. 2001. No. 33 (Part I). Art. 3418.

[4] United Nations Security Council Resolution 1373 (2001) // [Electronic resource] // Guarantor: Legal and Reference System (accessed on: 13.06.2026).

[5] UN Security Council Resolution 2462 (2019) // [Electronic resource] // Guarantor: Reference System (accessed: 13.06.2026).

[6] Fakov A.M. The use of information technologies for the purpose of financing terrorist activities // Criminological policy and practice of countering crime (in memory of the professor of the department V.A. Utkin). Collection of scientific works of the All-Russian Scientific and Practical Conference. Moscow, 2025. S. 446-450.

[7] FATF. International Standards for Combating Money Laundering, Financing Terrorism and Financing the Proliferation of Weapons of Mass Destruction (FATF Recommendations) [Electronic Resource] // Financial Action Task Force (FATF). URL: <https://www.fatf-gafi.org> (access date: 14.06.2026).

[8] Eurasian Group on Combating Money Laundering and Financing of Terrorism (EAG). Annual Report for 2024-2025 [Electronic Resource] // Eurasian Group for Combating Money Laundering and Terrorist Financing. URL: https://eurasiangroup.org/files/uploads/files/EAG_Annual_report_2025_12.12.pdf (дата обращения: 14.06.2026).

[9] Fakov A.M. The main directions for improving criminal law measures to counter the financing of terrorist activities // Humanitarian, socio-economic and social sciences. 2023. № 10. S. 139-145.

[10] Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of 09.02.2012 No. 1

"On some issues of judicial practice in criminal cases of terrorist crimes" (as amended by 03.11.2016) // Bulletin of the Supreme Court of the Russian Federation. 2012. № 4.

[11] Decree of the President of the Russian Federation of 23.10.2025 No. 774 "On the Interdepartmental Commission on Countering the Financing of Terrorism and Extremist Activities" (together with the Regulation on the Interdepartmental Commission on Countering the Financing of Terrorism and Extremist Activities) // Collection of Legislation of the Russian Federation. 2025. № 43. Art. 6389.

[12] Bank of Russia Regulation No. 18.06.2025, dated 860-P, "On Requirements to Internal Control Rules of a Credit Institution or a Branch of a Foreign Bank through which a Foreign Bank Operates in the Russian Federation for the Purpose of Countering Legalization (Laundering) of Proceeds from Crime, Financing of Terrorism and Extremist Activities" // Bank of Russia Bulletin. 2025. № 34.

[13] Order of Rosfinmonitoring dated 13.09.2022 No. 203 "On approval of notification forms on the inclusion of organizations and individuals in the list of organizations and individuals, for whom there is evidence of their involvement in extremist activities or terrorism, as well as in the lists of organizations and individuals associated with terrorist organizations and terrorists or with the proliferation of weapons of mass destruction, drawn up by the UN Security Council or bodies specially created by decisions of the UN Security Council, within the framework of the exercise of powers provided for by Chapter VII of the UN Charter, and notification of the exclusion of organizations and individuals from these lists" (Registered with the Ministry of Justice of the Russian Federation 09.11.2022 No. 70877) // Official Internet portal of legal information <http://pravo.gov.ru>, 09.11.2022.

[14] Order of the Federal Notary Chamber of 10.09.2024 No. 12/pr "On Approval of the Procedure for Notaries to Send Information about Dubious Transactions" // Notary Bulletin. 2024. № 10.

[15] Federal Law of 27.06.2011 No. 161-FZ "On the National Payment System" (as amended on 09.04.2026) // Collection of Legislation of the Russian Federation. 2011. № 27. Art. 3872.

Дата поступления рукописи в редакцию: 10.07.2026 г.

DOI: 10.24412/2782-3849-2026-8-48-51

Дата принятия рукописи в печать: 01.08.2026 г.

КОДЗОКОВА Ляца Арсеньевна,

старший преподаватель кафедры организации
правоохранительной деятельности Северо-Кавказского
института повышения квалификации (филиал) Краснодарского
университета МВД России, к.ю.н., подполковник полиции,
SPIN-код автора: 8639-2700,
e-mail: alida.eldarova@yandex.ru

КУРЛОВИЧ Павел Николаевич,

доцент кафедры административного права, административной
деятельности и управления органов внутренних дел
Казанского юридического института МВД России, к.фил.н.,
полковник полиции,
e-mail: mail@law-books.ru

К ПОНЯТИЮ ДЕВИАНТНОГО ПОВЕДЕНИЯ КАК НЕГАТИВНОГО СОЦИАЛЬНОГО ЯВЛЕНИЯ

Аннотация. Девиация заключается в насаждении в сознание индивида искаженных жизненных ценностей, неверных установок, способствующих деградации личности.[1] Девиантное поведение рассматривается как действия, нарушающие социальные нормы, как неформальные социальные правила (основанные на культуре, традициях и социокультурных ожиданиях), так и официально установленные в обществе правила и законы, которые регулируют поведение в обществе (законы, этические кодексы и нормы). Девиантное поведение – это социально неприемлемое поведение.

Ключевые слова: девиация, девиантное поведение, несовершеннолетние, правонарушения, преступления.

KODZOKOVA Lyatsa Arsenyevna,

Senior Lecturer at the Department of Organization of Law
Enforcement Activities of the North Caucasus Institute for Advanced
Studies (branch) of the Krasnodar University of the Ministry of Internal
Affairs of Russia, Ph.D. in Law, Police Lieutenant Colonel

KURLOVICH Pavel Nikolaevich,

Associate Professor of the Department of Administrative Law,
Administrative Activities and Management of Internal Affairs Bodies,
Kazan Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia,
Ph.D., Police Colonel

TOWARDS THE CONCEPT OF DEVIANT BEHAVIOR AS A NEGATIVE SOCIAL PHENOMENON

Annotation. Deviation involves instilling distorted life values and false attitudes in an individual's consciousness, which contribute to the degradation of the individual.[1] Deviant behavior is viewed as actions that violate social norms, both informal social rules (based on culture, traditions, and sociocultural expectations) and officially established rules and laws that regulate behavior in society (laws, ethical codes, and norms). Deviant behavior is socially unacceptable behavior.

Key words: deviation, deviant behavior, minors, offenses, crimes.

Введение

В девиантологии под девиантным поведением понимается устойчивое поведение личности, отклоняющееся от наиболее важных социальных норм, не соответствующее распространенным в обществе ценностям, правилам, стерео-

типам поведения, ожиданиям, установкам, причиняющее реальный ущерб обществу или самой личности, непосредственно угрожающее благополучию межличностных отношений, а также сопровождающееся ее социальной дезадаптацией.

[2]

Е.В. Змановская определяет «девиантное (отклоняющееся) поведение» как устойчивое поведение личности, отклоняющееся от наиболее важных социальных норм, причиняющее реальный ущерб обществу или самой личности, а также сопровождающееся ее социальной дезадаптацией.[3]

Девияция заключается в насаждении в сознание индивида искаженных жизненных ценностей, неверных установок, способствующих деградации личности.[1] Н.Е. Федотов рассматривает девиантное поведение как действия, не соответствующие существующим законам и социальным установкам.[5]

Советский и российский криминолог, социолог Я.И. Гилинский предлагал рассматривать девиантное поведение как «поступок, действие человека или социальное явление, выраженное в такой форме человеческой деятельности, которая не соответствует официально установленным или фактически сложившимся в данном обществе нормам (стандартам, шаблонам)».[6]

В настоящее время принято выделять несколько теорий девиантного поведения:

Биологическая теория - девиантное поведение обусловлено определенными физическими особенностями человека (Ч. Ламброзо, У. Шелдон);

Психологическая теория - девиация обусловлена определенными психологическими чертами, например, неустойчивость психики (З. Фрейд, А. Адлер);

Социологическая теория - причина девиации - аномия, дезорганизация общества, отсутствие или противоречивость социальных норм (Э. Дюркгейм, Р. Мертон);

Культурологическая теория - девиация - результат конфликтов между нормами различных социальных групп (субкультуры) (Г. Беккер, Н. Миллер);

Теория «радикальной криминологии» - девиация является результатом противодействия нормам капиталистического общества (Турк, Квинни, Тэйлор, Уолтон).

Каждая из указанных теорий предлагает свой взгляд на причины девиантного поведения, однако следует отметить, что они не исключают друг друга, а скорее дополняют, создавая полную картину социальных отклонений. Например, биологические и психологические факторы могут взаимодействовать с социальными условиями, усиливая или ослабляя тенденции к девиации. Социологическая теория подчеркивает влияние общества и его структур на личность, в то время как культурологическая акцентирует внимание на взаимодействии различных культурных норм и ценностей.

Общим для всех определений, применя-

емых в различных научных концепциях, является восприятие и представление девиаций как отклонений от норм и принципов, утвердившихся в обществе и, соответственно, разделяемых большинством членов общества. Такие отклонения могут проявляться в различных формах: от необычного поведения и нестандартных взглядов до нарушений общепринятых правил и законов. Однако необходимо отметить, что девиации не всегда воспринимаются однозначно – в зависимости от контекста и последствий они могут оцениваться как негативно, так и позитивно. Например, инновационные идеи и творческие проявления, которые вначале могут показаться отклонениями от нормы, зачастую становятся основой для прогресса и изменений в обществе.

В зависимости от способов взаимодействия с реальностью и нарушения тех или иных норм общества девиантное поведение разделяется на пять типов:

делинкветное (криминальное) отклоняющееся поведение в крайних своих проявлениях представляющее уголовно наказуемое деяние;

аддиктивное формирование стремления к уходу от реальности путем искусственного изменения своего психического состояния посредством приема некоторых веществ или постоянной фиксации внимания на определенных видах деятельности;

патохарактерологическое обусловленное патологическими изменениями характера, сформировавшимися в процессе воспитания;

психопатологическое основывается на психопатологических симптомах и синдромах, являющихся проявлениями тех или иных психических заболеваний;

на базе гиперспособностей.

Следует отметить, что по мере взросления девиантное поведение, проявляющееся в подростковом возрасте, может быть полностью компенсировано. Однако бывают ситуации, когда девиантное поведение закрепляется в личностных установках и ценностях и становится личностным и является основанием для устойчивого участия в преступном поведении во взрослом возрасте, что, в свою очередь, может привести к серьезным социальным и юридическим последствиям.

Девиантное поведение по-разному проявляется у несовершеннолетних в различные возрастные периоды.

В детском возрасте (от 5 до 12 лет) наиболее распространены такие формы девиантного поведения, как насилие по отношению к младшим детям или сверстникам, жестокое обращение с животными, воровство, мелкое хулиганство, разрушение имущества, поджоги, побеги из дома, бродяжничество, школьные прогулы, агрессивное поведение, злословие, ложь, воровство, вы-

могательство (попрошайничество).

У подростков (от 13 лет) преобладают такие виды девиантного поведения, как хулиганство, кражи, грабежи, вандализм, физическое насилие, торговля наркотиками, уходы из дома, бродяжничество, школьные прогулы или отказ от обучения, ложь, агрессивное поведение, промискуитет (беспорядочные половые связи), граффити (настенные рисунки и надписи непристойного характера), субкультуральные девиации (сленг, шрамирование, татуировки). Спецификой девиантного поведения в подростковом возрасте является его опосредованность групповыми ценностями. [7]

Цель и задачи

Изучить и рассмотреть понятие девиантного поведения как негативного социального явления.

Методы

Методологическую основу исследования составляет система философских, общенаучных и специально-юридических средств и способов познания, обеспечивающих объективность изучения заданной тематики. Применение в рамках исследования эмпирических методов сбора, обобщения и анализа информации позволило осуществить качественный сбор актуального и обоснованного с практической точки зрения исследовательского материала.

Результаты

Для понимания специфики развития девиантного и делинквентного поведения изучаются различные детерминирующие факторы, например, органические (биологические) факторы риска, факторы риска в истории жизни, индивидуальные и социальные факторы риска. Практика показывает, что нельзя говорить о роли какого-то одного фактора в генезе девиантного поведения, чаще всего говорится о различных факторах как предпосылках формирования нарушений поведения, однако ведущим выступает социально-средовой фактор.

Важно указать, что девиантное и делинквентное поведение рассматривается не просто как проблемное поведение, а как расстройство поведения. В частности, в МКБ-10 раздел F90 - F98 посвящен поведенческим расстройствам детского и подросткового возраста. При этом важно отметить, что расстройства поведения отличаются от проблемного поведения, которое может быть частью нормального развития либо результатом адаптации к неблагоприятным условиям окружающей среды. Более того, девиантное и делинквентное поведение может проявляться как на фоне нормального психического развития, так и сочетаться с аномальным психическим развитием (дисонтогенезом). Медицинская классификация поведенческих расстройств основана

на психопатологическом и возрастном критериях. В соответствии с ними выделяются поведенческие нарушения, сообразные медицинским диагностическим критериям, то есть достигающие уровня болезни. В ряде случаев на фоне нарушенного развития, эмоционально-волевой дисрегуляции поведения, недостаточной сформированности контроля и прогноза своих поступков возникает и находит свое выражение агрессивное, девиантное и делинквентное поведение. Если поведенческие нарушения проявляются на фоне тяжелых психических расстройств, то они не могут рассматриваться отдельно от клинической картины данных заболеваний.

Заключение

Практика работы с несовершеннолетними с проблемным и девиантным поведением показала, что это зачастую дети, которые находятся в трудной жизненной и (или) юридически значимой ситуации. При этом трудная жизненная ситуация характеризуется как объективно или субъективно создавшаяся ситуация, нарушающая социальное и психологическое благополучие, приводящая к осложнениям в функционировании в социуме, дисгармонирующая психическое развитие человека, причем ситуация, которую он не может преодолеть привычными средствами или самостоятельно. Юридически значимая ситуация - это ситуация с участием несовершеннолетнего (и его семьи), субъекты которой находятся в отношениях, обусловленных конфликтным взаимодействием в правовом контексте, что приводит не только к юридически значимым, но и к психологическим последствиям для ее участников.

Список литературы:

- [1] Майстренко Г.А. Девиантное поведение несовершеннолетних как причина роста преступности // Образование и право. 2021. № 9. С. 343.
- [2] Коробанова Ж.В., Полевая М.В. Девиантное поведение личности: социальные и психологические особенности // Социально-гуманитарные знания. 2020. № 1. С. 148.
- [3] Змановская Е.В. Девиантология: учеб.пособие для студентов вузов. М., 2003.
- [4] Федотов Н.Е. Особенности девиантного поведения при совершении преступлений в отношении окружающей среды // Девиации в обществе: риски современного мира: тез. докл. Всерос. науч.-практ. конф. с междунар. участием. Казань, 2020. С. 103.
- [5] Гилинский Я.И. Девиантология: социология преступности, наркотизма, проституции, самоубийств и другие «отклонения». СПб, 2020. С. 76.
- [6] Распоряжение Минпросвещения России от 28.12.2020 г. № Р-193 «Об утверждении методических рекомендаций по системе функци-

онирования психологических служб в общеобразовательных организациях» (ред. от 26.09.2023) // СПС «КонсультантПлюс».

References:

[1] Maistrenko G.A. Juvenile deviant behavior as a cause of rising crime // Education and law. 2021. № 9. S. 343.

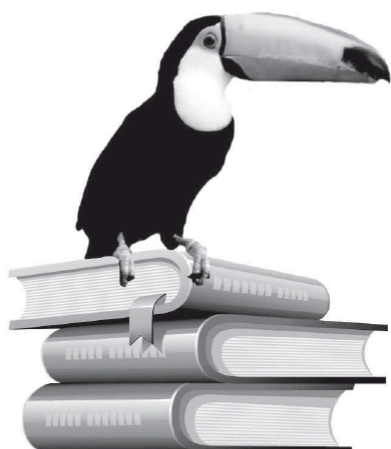
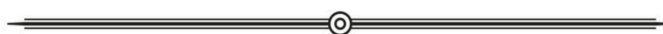
[2] Korobanova Zh.V., Polevaya M.V. Deviant behavior of the individual: social and psychological features // Socio-humanitarian knowledge. 2020. № 1. S. 148.

[3] Zmanovskaya E.V. Deviantology: study aids for university students. M., 2003.

[4] Fedotov N.E. Features of deviant behavior in committing crimes against the environment // Deviations in society: risks of the modern world: tez. doc. All-Russia. scientific-practical. conf. with international participation. Kazan, 2020. S. 103.

[5] Gilinsky Y.I. Deviantology: sociology of crime, narcotism, prostitution, suicide and other "deviations." St. Petersburg, 2020. S. 76.

[6] Order of the Ministry of Education of Russia of 28.12.2020 No. R-193 "On approval of methodological recommendations on the system of functioning of psychological services in educational institutions" (as amended by 26.09.2023) // SPS "ConsultantPlus".

ЮРКОМПАНИ

www.law-books.ru

Юридическое издательство
«ЮРКОМПАНИ»

Издание учебников,
учебных и методических
пособий, монографий,
научных статей.

Профессионально.

В максимально
короткие сроки.

Размещаем
в РИНЦ, Е-Library.

Дата поступления рукописи в редакцию: 09.07.2026 г.

DOI: 10.24412/2782-3849-2026-8-52-54

Дата принятия рукописи в печать: 30.07.2026 г.

ДАЛЕЛОВ Мухадин Леонович,старший преподаватель кафедры информационных технологий
и специальной техники ОВД,
e-mail: mail@law-books.ru**НОВЫЕ ВЫЗОВЫ И СОВРЕМЕННЫЕ РЕШЕНИЯ В ПРОТИВОДЕЙСТВИИ ТЕРРОРИЗМУ
И ПРЕСТУПЛЕНИЯМ ЭКСТРЕМИСТСКОЙ НАПРАВЛЕННОСТИ**

Аннотация. В представленной статье автор рассматривает современную ситуацию и отмечает, что она требует от всех стран постоянной адаптации и поиска новых решений. Успех в противодействии терроризму зависит не только от технологического превосходства или жесткости законов, но и от способности международного сообщества действовать как единый фронт, уделяя первостепенное внимание профилактике и защите прав человека. В заключение автор утверждает, что только комплексный подход, объединяющий силовые, технологические, правовые и воспитательные методы, способен дать адекватный ответ на вызовы современности.

Ключевые слова: терроризм, экстремизм, современные вызовы, противодействие, международное сообщество, профилактика, правоохранительные органы.

DALELOV Mukhadin Leonovich,Senior Lecturer, Department of Information Technology and
Specialized Equipment, Internal Affairs Directorate**NEW CHALLENGES AND MODERN SOLUTIONS IN COUNTERING TERRORISM
AND EXTREMIST CRIMES**

Annotation. In this article, the author examines the current situation and notes that it requires all countries to constantly adapt and seek new solutions. Success in countering terrorism depends not only on technological superiority or the strictness of laws, but also on the ability of the international community to act as a united front, prioritizing prevention and the protection of human rights. In conclusion, the author argues that only a comprehensive approach combining force, technology, legal, and educational methods can provide an adequate response to modern challenges.

Key words: terrorism, extremism, modern challenges, counteraction, international community, prevention, law enforcement.

Необходимость реализации мер, направленных на противодействие преступлениям экстремистской направленности, подтверждена проводимой государственной правовой программой. Так, Стратегией национальной безопасности Российской Федерации выявление, противодействие и пресечение экстремистской деятельности организаций и физических лиц является стратегической задачей России при обеспечении государственной и общественной безопасности [1].

Современные реалии указывают, что новые вызовы в значительной степени связаны с переходом в цифровое пространство. В рамках современных вызовов необходимо отметить, что кибертерроризм можно рассматривать как среду. Вербовка, координация и финансирование все чаще перемещаются в мессенджеры, которые становятся не просто каналом связи, а полноценным "множителем угроз".

Терроризм представляют его как сложное

социальное явление, деятельность, характеризующиеся деструктивной активностью человека, которая направлена на подрыв установленного порядка и создание угрозы стабильности общества [2]

Злоумышленники используют методы дистанционного социального инжиниринга, создают фейковые аккаунты и реалистичный контент с помощью искусственного интеллекта.

Именно искусственный интеллект выступает как инструмент. Террористы начали активно использовать его для радикализации, вербовки, создания пропаганды и планирования атак. Эта технология создает беспрецедентные правовые и этические проблемы. Следует учитывать, что первичная радикализация, как правило предшествует девиации. Подростки, как наиболее подверженная внешнему влиянию группа, становятся главной мишенью вербовщиков. Профилактическая работа с молодежью сегодня является клю-

чевой задачей.

Важным условием эффективности профилактической работы с молодежью являются новые технологии. Для совершения терактов все чаще используются беспилотники и 3D-печать, а данные передаются с помощью стеганографии. Эти тревожные тенденции уже отражаются на статистике. За период 2025 года в России было зафиксировано 4467 преступлений террористического характера, что на 75% больше, чем за аналогичный период прошлого года. Количество экстремистских преступлений также выросло почти на 29%.

Естественным встает вопрос о современных решениях и мерах противодействия. В ответ на новые угрозы государства и международные организации разрабатывают и внедряют комплексные меры, которые можно разделить на несколько ключевых направлений.

Эффективная борьба с терроризмом сегодня невозможна без применения передовых технологий: искусственный интеллект (ИИ) в защите. Технологии ИИ, включая машинное обучение и предиктивную аналитику, все чаще используются правоохранительными органами и спецслужбами для выявления и предотвращения преступлений. Они помогают анализировать огромные массивы данных и выявлять скрытые закономерности. Так же OSINT-мониторинг - методики анализа открытых источников данных (OSINT) внедряются для раннего предупреждения угроз. Например, в Казахстане OSINT-методики объединяют данные из соцсетей, визуальные данные и инфраструктурные следы для прогнозирования экстремизма.

Защита от стеганографии. Разрабатываются новые методы криминалистического обеспечения, позволяющие выявлять и изымать цифровые следы, скрытые с помощью методов стеганографии.

Рассмотрим правовые и регуляторные меры профилактики законодательство оперативно адаптируется к новым вызовам:

Противодействие финансированию. Уже становится ответственность за финансирование не только терроризма, но и экстремистской деятельности, что расширяет поле для правоприменения.

Контроль за интернет-пространством. Вводятся нормы, направленные на регулирование использования новых технологий. В частности, ведется работа над созданием согласованной на международном уровне модельной правовой базы для использования искусственного интеллекта в контртеррористической деятельности.

Следует рассматривать и вопросы ужесточения уголовной ответственности. Появляются новые составы преступлений, предусматривающие ответственность за пропаганду насилия в

интернете [3].

В рамках профилактики рассмотрим также и международное сотрудничество. В условиях глобального характера угроз только объединение усилий может привести к успеху. Активно развиваются антитеррористические конференции в рамках БРИКС+, а также ведется тесное взаимодействие с ООН и ее структурами.

В заключение отметим, что профилактика как основа безопасности предполагает, что без воспитания устойчивости населения к деструктивному влиянию любые силовые методы будут малоэффективны и в рамках данных мероприятий выделим следующие:

Рассматривать вопрос цифровой гигиены. Эксперты призывают каждого пользователя осознанно подходить к личной безопасности в сети и использовать принципы медиаграмотности.

Делать акцент на молодежь. Проводить масштабные профилактические мероприятия в образовательной среде, включая "Хакатоны Лигалтех" и форсайт-сессии, чтобы сформировать у молодого поколения иммунитет к экстремистской идеологии.

Контррадикализация. Разрабатывать программы дерадикализации, которые направлены на отказ людей от экстремистских убеждений, и внедрять даже такие инновационные методы, как использование ИИ-чат-ботов для контрпропаганды.

Профилактика базируется в первую очередь на комплексном подходе [4]. Без воспитания устойчивости населения к деструктивному влиянию любые силовые методы будут малоэффективны.

Для эффективного противодействия новым вызовам экстремизма требуется комплексный подход, включающий совершенствование нормативно-правовой базы, развитие технологий мониторинга и анализа угроз, а также повышение уровня взаимодействия между различными государственными и общественными институтами. В частности, необходимо расширение полномочий правоохранительных органов в сфере цифрового контроля, а также совершенствование методов выявления и пресечения экстремистской деятельности в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» [5]. Важным направлением является развитие систем раннего предупреждения, способных на основе современных технологий и системного анализа угроз экстремистского характера.

Список литературы:

[1] Фризен П. Д. К вопросу о понятии о соотношении экстремизма и терроризма в России // Вестник Барнаульского юридического института МВД России № 1 (38). 2020. С. 186. С. 186-187.

[2] Эргешов А. К., Эрматова А. К. К вопросу о понятии экстремизма // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2024. № 2-3 (89). С. 173-177.

[3] Машекуашева М.Х. О значимости информационно - психологической защиты индивида и социума: особенности воздействующего потенциала. Право и управление. XXI век. 2024. № 2. С. 375.

[4] Машекуашева М.Х. Ресурсный потенциал патриотизма и особенности его реализации в современной России в условиях противодействия экстремизму и терроризму. Право и управление. 2024. № 4. С. 35-37.

[5] Трушина И.П. Новые вызовы и современные решения в противодействии преступлениям экстремистской направленности // Криминологический журнал. 2025. № 1.

References:

[1] Friesen P. D. To the question of the

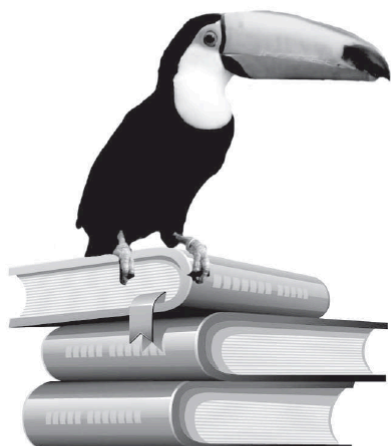
concept of the ratio of extremism and terrorism in Russia // Bulletin of the Barnaul Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia No. 1 (38). 2020. S. 186. S. 186-187.

[2] Ergeshov A.K., Ermatova A.K. To the question of the concept of extremism // International Journal of Humanities and Natural Sciences. 2024. № 2-3 (89). S. 173-177.

[3] Mashekuasheva M.Kh. On the importance of information and psychological protection of the individual and society: features of the influencing potential. Law and governance. XXI century. 2024. № 2. P. 375.

[4] Mashekuasheva M.Kh. The resource potential of patriotism and the peculiarities of its implementation in modern Russia in the context of countering extremism and terrorism. Law and governance. 2024. № 4. S. 35-37.

[5] Trushina I.P. New challenges and modern solutions in countering extremist crimes // Criminological Journal. 2025. № 1.

ЮРКОМПАНИ

www.law-books.ru

Юридическое издательство
«ЮРКОМПАНИ»

Издание учебников,
учебных и методических
пособий, монографий,
научных статей.

Профессионально.

В максимально
короткие сроки.

Размещаем
в РИНЦ, E-Library.

УГОЛОВНОЕ ПРАВО И ПРОЦЕСС

Дата поступления рукописи в редакцию: 09.07.2026 г.

DOI: 10.24412/2782-3849-2026-8-55-57

Дата принятия рукописи в печать: 30.07.2026 г.

МАШУКОВ Амур Сафарбиевич,

Преподаватель кафедры огневой подготовки,
Северо-Кавказского института повышения квалификации
(филиал) Краснодарского университета МВД России,
полковник полиции,
e-mail: mail@law-books.ru

**О ВОПРОСЕ УСПЕШНОСТИ БОРЬБЫ С ЭКСТРЕМИЗМОМ В УСЛОВИЯХ
ЦИФРОВИЗАЦИИ СОВРЕМЕННОГО ОБЩЕСТВА**

Аннотация. В статье предпринята попытка рассмотрения роли и места общественных институтов и потенциалу образовательных организаций в вопросах борьбы с экстремистскими угрозами, а также отмечается важность повсеместного повышения цифровой грамотности населения. Автор отмечает необходимость постоянного совершенствования нормативно-правового регулирования в сфере информационного противодействия экстремизму и использование технических решений для защиты населения России.

Ключевые слова: цифровизация общества, информационная безопасность, технологии нейросетей, защита граждан от цифровых угроз, информационная компетентность, цифровая грамотность, экстремистские угрозы в цифровом пространстве.

MASHUKOV Amur Safarbievich,

Lecturer, Department of Firearms Training, North Caucasus Institute
for Advanced Training (branch) of the Krasnodar University of the
Ministry of Internal Affairs of Russia, Police Colonel

**ON THE SUCCESSFUL FIGHT AGAINST EXTREMISM IN THE CONTEXT OF DIGITALIZATION
OF MODERN SOCIETY**

Annotation. This article examines the role and place of public institutions and the potential of educational organizations in combating extremist threats, and notes the importance of broadly enhancing the digital literacy of the population. The author emphasizes the need for continuous improvement of legal and regulatory frameworks in the field of information counteraction to extremism and the use of technical solutions to protect the Russian population.

Key words: digitalization of society, information security, neural network technologies, protecting citizens from digital threats, information competence, digital literacy, extremist threats in the digital space.

Современные средства и методы использования средств массовой информации и имеющихся ресурсов сети Интернет активно используются к сожалению в деструктивных направлениях и следует изменить вектор этого воздействия для правовой пропаганды, просвещения и информирования населения, разоблачения деструктивной информационной повестки, формируемой экстремистскими организациями и отдельными злоумышленниками.

Разумеется, приоритетным направлением информационной борьбы с экстремистскими организациями и их деструктивной деятельностью должна оставаться профилактическая работа. Недостаточным является лишь изучение актуальных тенденций в использовании цифрового пространства экстремистскими организациями.

Обстоятельно проработанная научно-теоретическая база должна иметь развитые механизмы реализации в практической плоскости и интеграции тех идей и предложений, которые обоснованно предлагаются на ведущих научных площадках нашей страны, где рассматриваются вопросы противодействия экстремизму. Нужна активизация работы органов государственной власти и местного самоуправления, а также вовлечение в эту деятельность общественных организаций и различных групп населения.

Требуется дальнейшее повышение бдительности граждан нашего государства, а также иных лиц, проживающих на его территории, необходимо постоянно информирование населения о признаках радикализации, обучение проверке достоверности интернет-ресурсов, а также форми-

рование у жителей страны культуры доверительных отношений с сотрудниками правоохранительных органов, в том числе с целью своевременного сообщения неравнодушными гражданами о любых подозрительных публикациях и негативных призывах, которые они выявили в цифровом пространстве.

Обязательным условием успешности борьбы с экстремизмом в условиях цифровизации современного общества является постоянное повышение информационной и цифровой грамотности населения с особым акцентом на наиболее уязвимые категории людей.

Необходимо повсеместное внедрение базовых знаний и навыков работы с информацией, безопасного пользования сетью Интернет, понимание алгоритмов и приёмов, используемых преступниками, чтобы в дальнейшем защититься от их противоправных действий [1].

Требуется широкое обучение жителей России кибергигиене, посредством повсеместного внедрения в школьные, вузовские и иные программы занятий по выявлению манипулятивного воздействия злоумышленников и противодействию ему. Для работающих граждан, а также пенсионеров следует также проводить мастер-классы и курсы, где доступными и понятными категориями доводились бы основы цифровой безопасности, информационной грамотности и способности самостоятельно противостоять деструктивному воздействию.

Наряду с указанными мерами объективно существует необходимость постоянного совершенствования отечественного законодательства, а также международных договоров Российской Федерации в сфере противодействия экстремизму.

Правовые нормы должны оперативно адаптироваться к новым видам преступлений, совершаемым с использованием цифровых технологий, а также следует рассмотреть возможность более обстоятельной проработки законодательства, устанавливающего ответственность за противоправное использование нейросетей, в том числе в части создания с их помощью экстремистского контента [2].

Следует подчеркнуть, что объем информации, ежедневно размещаемый в сети Интернет чрезвычайно велик и обеспечить её постоянный мониторинг силами ответственных должностных лиц невозможно. Необходима грамотная автоматизация процессов мониторинга цифрового пространства, с целью выявления контента, создаваемого и размещаемого экстремистскими организациями и отдельными злоумышленниками.

Успешность такой работы будет строиться на своевременном внедрении программных комплексов и грамотном определении алгоритмов,

позволяющих обрабатывать и фильтровать значительное количество информации, правильно определяя ту её часть, которая представляет потенциальную опасность для населения России [3].

В сложившихся условиях повсеместного распространения программных решений, предлагающих различные способы обхода блокировок ресурсов, признаваемых в Российской Федерации опасными и нежелательными для жителей России, следует рассмотреть возможность реализации и иного подхода, помимо ограничительного [4].

Речь идёт об использовании средств массовой информации и имеющихся ресурсов сети Интернет для правовой пропаганды, просвещения и информирования населения, разоблачения деструктивной информационной повестки, формируемой экстремистскими организациями и отдельными злоумышленниками.

Необходимо отыскание оптимального баланса между введением запретов и использованием иностранных информационных платформ в собственных социально полезных целях для взаимодействия с населением, информирования его, осуществления контрпропаганды и просвещения людей [5].

Поскольку методы и способы вовлечения населения в деятельность экстремистских организаций постоянно трансформируются и развиваются, требуется постоянное проведение научно-прикладных исследований текущих и перспективных тенденций в деструктивной деятельности экстремистских организаций с целью выработки оптимальных механизмов противодействия им, в том числе в информационной среде.

Список литературы:

- [1] Фризен П. Д. К вопросу о понятии о соотношении экстремизма и терроризма в России // Вестник Барнаульского юридического института МВД России № 1 (38). 2020. С. 186. С. 186-187.
- [2] Эргешов А. К., Эрматова А. К. К вопросу о понятии экстремизма // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2024. № 2-3 (89). С. 173-177.
- [3] Машекуашева М.Х. О значимости информационно - психологической защиты индивида и социума: особенности воздействующего потенциала. Право и управление. XXI век. 2024. № 2. С. 375.
- [4] Машекуашева М.Х. Ресурсный потенциал патриотизма и особенности его реализации в современной России в условиях противодействия экстремизму и терроризму. Право и управление. 2024. № 4. С. 35-37.
- [5] Трушина И.П. Новые вызовы и современные решения в противодействии преступлениям экстремистской направленности // Криминологический журнал. 2025. № 1.

References:

[1] Friesen P. D. To the question of the concept of the ratio of extremism and terrorism in Russia // Bulletin of the Barnaul Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia No. 1 (38). 2020. S. 186. S. 186-187.

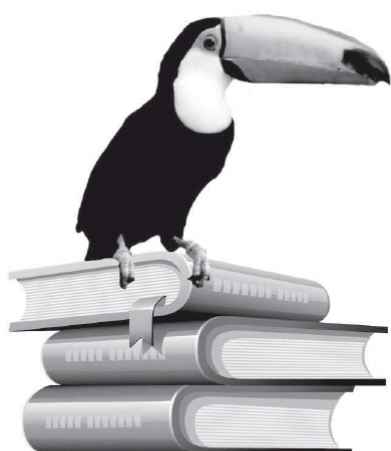
[2] Ergeshov A.K., Ermatova A.K. To the question of the concept of extremism // International Journal of Humanities and Natural Sciences. 2024. № 2-3 (89). S. 173-177.

[3] Mashekuasheva M.Kh. On the importance

of information and psychological protection of the individual and society: features of the influencing potential. Law and governance. XXI century. 2024. № 2. P. 375.

[4] Mashekuasheva M.Kh. The resource potential of patriotism and the peculiarities of its implementation in modern Russia in the context of countering extremism and terrorism. Law and governance. 2024. № 4. S. 35-37.

[5] Trushina I.P. New challenges and modern solutions in countering extremist crimes // Criminological Journal. 2025. № 1.

ЮРКОМПАНИ*www.law-books.ru***Юридическое издательство****«ЮРКОМПАНИ»**

Издание учебников,
учебных и методических
пособий, монографий,
научных статей.

Профессионально.

В максимально
короткие сроки.

Размещаем
в РИНЦ, Е-Library.

Дата поступления рукописи в редакцию: 27.06.2026 г.

DOI: 10.24412/2782-3849-2026-8-58-63

Дата принятия рукописи в печать: 20.07.2026 г.

КАЗНАЧЕЕВ Валерий Александрович,

кандидат психологических наук, доцент кафедры физической,
огневой и тактико-специальной подготовки Самарского
юридического института ФСИН России,
e-mail: mail@law-books.ru

КРАПИВИН Олег Владимирович,

Доцент Института Академии ФСИН России кафедра
физической подготовки и спорта,
e-mail: o.krapivin@list.ru

ГОРКУН Марина Ивановна,

старший преподаватель-методист группы контроля качества
образовательного процесса учебного отдела Университета
ФСИН России,
e-mail: mail@law-books.ru

МОСКВИНОВ Роман Олегович,

старший преподаватель кафедры физической подготовки
факультета психологии и probation Вологодский институт
права и экономики ФСИН России,
e-mail: mail@law-books.ru

К ВОПРОСУ ПЕДАГОГИЧЕСКОЙ МОДЕЛИ ФИЗИЧЕСКОЙ ПОДГОТОВКИ СОТРУДНИКОВ УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЫ

Аннотация. В статье рассматривается проблема разработки и внедрения педагогической модели физической подготовки сотрудников уголовно-исполнительной системы (УИС). Актуальность исследования обусловлена кадровым дефицитом в системе ФСИН России и необходимостью комплектования вакантных должностей гражданами, не имеющими специального образования, что предъявляет повышенные требования к эффективности первоначальной подготовки. Анализируются современные подходы к моделированию процесса физической подготовки, выявляются структурные компоненты моделей, побуждающих к физическому саморазвитию, и обосновывается их педагогическая целесообразность. Особое внимание уделяется проблеме ограниченности учебного времени в период первоначальной подготовки и поиску путей формирования устойчивой мотивации к самостоятельным занятиям физическими упражнениями как основы профессионального долголетия сотрудников УИС.

Ключевые слова: педагогическая модель, физическая подготовка, уголовно-исполнительная система, первоначальная подготовка, саморазвитие, профессионально-прикладная физическая подготовка, сотрудники УИС.

KAZNACHEEV Valery Aleksandrovich,

Candidate of Psychological Sciences Associate Professor,
Department of Physical, Firearms, and Tactical-Special Training
Samara Law Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia

KRAPIVIN Oleg Vladimirovich,

Associate Professor, Institute, Academy of the Federal Penitentiary
Service of Russia Department of Physical Training and Sports

GORKUN Marina Ivanovna,

Senior Lecturer-Methodologist Educational Process Quality
Assurance Group, Academic Department, University of the Federal
Penitentiary Service of Russia

MOSKVINOV Roman Olegovich,*Senior Lecturer, Department of Physical Training, Faculty of Psychology and Probation Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penitentiary Service of Russia***ON THE QUESTION OF A PEDAGOGICAL MODEL OF PHYSICAL TRAINING OF EMPLOYEES OF THE CRIMINAL-EXECUTIVE SYSTEM**

Annotation. *This article, using a comparative analysis, examines current challenges in improving the pedagogical system of legal training for cadets and students at departmental universities of the Federal Penitentiary Service of Russia and the Ministry of Internal Affairs of Russia. Common challenges and specific features of professional training in the penal system and internal affairs agencies are identified. The need for unifying pedagogical approaches, taking into account the specific professional activities of graduates, is substantiated. The author proposes an integrative model of legal training based on the unity of competency-based and practice-oriented approaches, ensuring the development of universal legal competence in law enforcement officers.*

Key words: *legal training, pedagogical system, cadets, students, Federal Penitentiary Service of Russia, Ministry of Internal Affairs of Russia, practice-oriented approach, professional competencies, comparative analysis.*

Физическая подготовка сотрудников уголовно-исполнительной системы является важнейшим компонентом их профессиональной деятельности, поскольку напрямую связана с обеспечением безопасности, поддержанием правопорядка и эффективным выполнением служебных задач. В современных условиях возрастают требования к уровню физической готовности, устойчивости к стрессу и способности действовать в нестандартных ситуациях, что обуславливает необходимость поиска новых подходов к организации подготовки личного состава.

В этой связи особую актуальность приобретает разработка педагогической модели физической подготовки, учитывающей специфику служебной деятельности, функциональные возможности сотрудников и задачи профессионального совершенствования. Изучение данного вопроса позволяет определить наиболее эффективные средства, методы и принципы обучения, направленные на формирование профессионально значимых качеств и повышение общей служебной надежности сотрудников уголовно-исполнительной системы.

Проблема физической подготовки сотрудников уголовно-исполнительной системы в современных условиях приобретает особую значимость, что обусловлено спецификой служебной деятельности, связанной с постоянным воздействием факторов риска, необходимостью оперативного реагирования на конфликтные ситуации и высокой ответственностью за обеспечение режима, безопасности и правопорядка в учреждениях исполнения наказаний. Сотрудник уголовно-исполнительной системы должен быть готов не только к выполнению повседневных служебных обязанностей, но и к действиям в нестандартных, стрессовых и физически напряженных обстоя-

тельствах, где от уровня его физической готовности зачастую зависит успешность решения служебной задачи, сохранность здоровья, а порой и жизнь участников инцидента.

Физическая подготовка в данном контексте выступает не как вспомогательный, а как один из ключевых компонентов профессиональной компетентности. Она обеспечивает способность сотрудника эффективно выполнять силовые, скоростные, координационные и выносливостные действия, необходимые при пресечении правонарушений, задержании, конвоировании, сопровождении осужденных, а также при обеспечении личной безопасности и безопасности окружающих. При этом особенности служебной деятельности в учреждениях уголовно-исполнительной системы требуют не абстрактной общей тренированности, а целенаправленного формирования прикладных двигательных умений и качеств, максимально приближенных к реальным условиям службы.

Актуальность рассматриваемой проблемы связана и с тем, что современная служба в уголовно-исполнительной системе характеризуется повышенной эмоционально-психологической нагрузкой, дефицитом времени на восстановление, вероятностью внезапного перехода от регламентированной деятельности к интенсивным физическим действиям. В таких условиях недостаточный уровень физической подготовленности снижает работоспособность, повышает риск профессионального травматизма, способствует быстрому утомлению и может отрицательно влиять на качество выполнения служебных обязанностей. Следовательно, физическая подготовка должна рассматриваться в единстве с психологической устойчивостью, дисциплиной, самоконтролем и готовностью к действию в экс-

тремальной ситуации.

Вместе с тем анализ практики показывает наличие ряда проблем, осложняющих организацию физической подготовки сотрудников. К ним относятся неоднородность исходного уровня физического развития и двигательной подготовленности, ограниченность времени на систематические занятия в условиях служебной занятости, недостаточная индивидуализация тренировочного процесса, а также необходимость согласования учебно-тренировочных задач с реальными требованиями служебной деятельности. Нередко существующие подходы ориентированы преимущественно на выполнение нормативов, тогда как профессионально-прикладной аспект подготовки, отражающий специфику деятельности сотрудника, остается недостаточно выраженным. Это обуславливает потребность в разработке педагогической модели, которая обеспечивала бы не только формальное достижение показателей, но и устойчивое развитие профессионально значимых физических качеств.

Таким образом, введение в проблему физической подготовки сотрудников уголовно-исполнительной системы связано с осознанием того, что данное направление является важнейшим условием профессиональной надежности и эффективности служебной деятельности. Совершенствование педагогических основ физической подготовки требует учета особенностей труда сотрудников, анализа существующих противоречий и поиска таких организационно-методических решений, которые позволят обеспечить целостное, системное и практико-ориентированное формирование готовности к выполнению служебных задач в любых условиях.

Построение педагогической модели физической подготовки сотрудников уголовно-исполнительной системы должно опираться на понимание того, что физическая готовность в данном случае не сводится лишь к развитию силы, выносливости или скоростных качеств. Она выступает как интегративная характеристика профессиональной компетентности, обеспечивающая способность действовать в условиях повышенного психофизического напряжения, дефицита времени, вероятной агрессии со стороны правонарушителей и необходимости строгого соблюдения правовых и этических норм. Следовательно, педагогические основы такой модели должны учитывать не только специфику служебной деятельности, но и общие закономерности обучения взрослых, поэтапного формирования двигательных навыков и развития профессионально значимых качеств личности.

В качестве базовой педагогической идеи выступает направленность подготовки на профессионально-прикладной результат. Это озна-

чает, что содержание, средства и методы занятий должны быть отобраны не по принципу общей физической тренированности, а по их соответствию типичным и экстремальным служебным ситуациям: задержанию, сопровождению, конвоированию, освобождению от захватов, преодолению сопротивления, действиям в ограниченном пространстве. При этом важна не только механическая отработка приемов, но и их перенос в изменяющиеся условия, что требует моделирования реальных ситуаций и развития у обучающихся способности к быстрому принятию решений.

Одним из ведущих принципов построения модели является принцип системности. Физическая подготовка сотрудников УИС должна рассматриваться как часть целостного профессионального становления, связанная с психической устойчивостью, правовой подготовленностью, тактико-специальными умениями и служебной дисциплиной. Системный подход предполагает взаимосвязь целей, задач, содержания, методов контроля и корректировки результатов. В педагогическом плане это означает, что каждое занятие должно быть включено в логически выстроенную программу, где общая физическая, специальная и прикладная подготовка дополняют друг друга.

Не менее значим принцип доступности и постепенности. Сложность физических и координационных упражнений должна возрастать поэтапно, с учетом исходного уровня подготовленности сотрудников, возрастных особенностей и стажа службы. Важно избегать как чрезмерных нагрузок, ведущих к переутомлению и снижению мотивации, так и излишне упрощенного содержания, не обеспечивающего должного развивающего эффекта. Педагогически обоснованное дозирование нагрузки позволяет формировать устойчивую адаптацию организма и поддерживать высокий уровень работоспособности.

Принцип сознательности и активности проявляется в том, что сотрудник должен понимать значение каждого упражнения для решения конкретных служебных задач. Осознание практической ценности занятий повышает внутреннюю мотивацию, способствует развитию ответственности за собственную физическую готовность и формирует установку на постоянное самосовершенствование. Активность обучающихся достигается через включение проблемных заданий, соревновательных элементов, парной и групповой работы, а также через анализ ошибок и разбор служебных ситуаций.

Особую роль играет принцип индивидуализации. Сотрудники уголовно-исполнительной системы отличаются уровнем физического развития, функционального состояния, профессионального опыта и психологической устойчивости.

Поэтому модель физической подготовки должна предусматривать вариативность средств и методов, позволяющую адаптировать тренировочный процесс к индивидуальным особенностям. Индивидуализация особенно важна при совершенствовании специальных действий, где успешность определяется не только физическими возможностями, но и уверенностью, координацией, точностью и самоконтролем.

Принцип профессиональной направленности требует тесной связи учебного процесса с реальными условиями службы. Для этого в содержание подготовки целесообразно включать упражнения, имитирующие внезапность, сопротивление, ограниченность пространства, необходимость взаимодействия с напарником и сохранение контроля над ситуацией. Именно такая организация занятий обеспечивает не абстрактное развитие физических качеств, а формирование служебно-прикладной готовности.

Таким образом, педагогические основы модели физической подготовки сотрудников УИС заключаются в ее целевой ориентации на профессиональную деятельность, системности, поэтапности, доступности, сознательной активности, индивидуализации и практической направленности. Реализация этих принципов позволяет создать действенную модель, обеспечивающую не только физическое совершенствование, но и повышение надежности выполнения служебных задач в условиях повышенного риска.

Структура педагогической модели физической подготовки сотрудников уголовно-исполнительной системы представляет собой целостную систему взаимосвязанных компонентов, обеспечивающих планомерное формирование профессионально значимых физических качеств, двигательных умений и навыков, необходимых для выполнения служебных задач в условиях повышенной психофизической нагрузки. В основе модели лежит интеграция целевого, содержательного, организационно-деятельностного и результативно-оценочного блоков, каждый из которых выполняет самостоятельную, но взаимодополняющую функцию. Целевой блок определяет направленность подготовки на развитие выносливости, силы, быстроты, координации, устойчивости к стрессу, а также на формирование готовности к действиям в ситуациях служебного риска. Содержательный блок включает систему знаний, умений и упражнений, ориентированных как на общую физическую подготовку, так и на специальную профессионально-прикладную подготовку. Организационно-деятельностный блок отражает формы, методы и средства реализации модели, а результативно-оценочный позволяет отслеживать динамику подготовленности и корректировать образовательный процесс.

Содержание педагогической модели должно строиться с учетом специфики служебной деятельности сотрудников уголовно-исполнительной системы, где физическая подготовленность выступает не только как показатель здоровья и работоспособности, но и как важнейшее условие безопасности личного состава, осужденных и иных участников служебного взаимодействия. В этой связи в содержание подготовки целесообразно включать упражнения на развитие общей и силовой выносливости, скоростно-силовых качеств, гибкости, ловкости, а также элементы единоборств, приемы задержания, освобождения от захватов, обезвреживания правонарушителя и перемещения в ограниченном пространстве. Особое значение имеет включение упражнений, моделирующих реальные служебные ситуации: ограниченная видимость, дефицит времени, необходимость принятия решения в условиях физического и эмоционального напряжения, взаимодействие в составе группы.

Методы реализации педагогической модели должны обеспечивать не только усвоение двигательных действий, но и устойчивое формирование профессионально важных качеств. Наиболее результативными являются практические методы: повторный, интервальный, круговой и соревновательный, позволяющие дозированно воздействовать на различные функциональные системы организма и поддерживать высокий уровень мотивации обучающихся. Эффективно применяются метод моделирования служебных ситуаций, метод поэтапного усложнения, а также методы частично-поисковой и проблемной организации занятий, ориентированные на самостоятельный выбор двигательного решения. Наряду с этим важны словесные методы — объяснение, инструктирование, разбор ошибок, а также наглядные методы, включая показ, демонстрацию и видеоанализ техники выполнения.

Реализация модели предполагает соблюдение принципов систематичности, доступности, индивидуализации, постепенности и профессиональной направленности. Индивидуализация достигается посредством учета уровня физической подготовленности, возраста, состояния здоровья и опыта служебной деятельности сотрудников. Постепенность позволяет избегать перегрузок и обеспечивает устойчивый рост результатов, а профессиональная направленность делает процесс подготовки максимально приближенным к реальным условиям исполнения служебных обязанностей. Важным условием выступает использование текущего и итогового контроля, включающего педагогическое наблюдение, тестирование, анализ нормативов и оценку прикладной эффективности двигательных действий.

Таким образом, структура, содержание

и методы реализации педагогической модели физической подготовки сотрудников уголовно-исполнительной системы должны образовывать единую систему, ориентированную на формирование готовности к эффективному, безопасному и оперативному выполнению служебных задач. Это обеспечивает не только повышение уровня физической подготовленности, но и развитие профессиональной надежности, устойчивости и компетентности сотрудника в условиях современной служебной деятельности.

Оценка эффективности физической подготовки сотрудников уголовно-исполнительной системы должна основываться не только на формальном выполнении нормативов, но и на степени готовности к реальным служебным ситуациям. Специфика деятельности персонала учреждений исполнения наказаний предполагает необходимость быстрого реагирования на угрозы, применения физической силы и специальных средств, сопровождения и конвоирования осужденных, а также сохранения работоспособности в условиях психоэмоционального напряжения. Поэтому критерием результативности следует считать не отдельный спортивный показатель, а комплексную служебно-прикладную подготовленность, включающую силу, выносливость, координацию, скорость принятия двигательных решений и устойчивость к стрессу.

В практике оценки эффективности целесообразно использовать многоуровневый подход. На первом уровне анализируются текущие результаты выполнения контрольных упражнений и соответствие установленным нормативам. На втором уровне оценивается динамика индивидуального прогресса, что позволяет учитывать исходный уровень физического состояния сотрудников и выявлять влияние педагогических средств. На третьем уровне необходима диагностика прикладной готовности в моделируемых служебных ситуациях: удержание правонарушителя, действия в ограниченном пространстве, перемещение в экипировке, работа в паре или группе. Именно этот уровень позволяет определить, насколько физическая подготовка трансформируется в профессионально значимое поведение.

Существенным показателем эффективности является снижение числа травматических случаев и ошибок при выполнении служебно-боевых действий. Если сотрудники обладают достаточным уровнем физической готовности, уменьшается вероятность перегрузок, несогласованных действий и нерационального расхода сил. Кроме того, следует учитывать мотивационный компонент: устойчивый интерес к занятиям, осознание их служебной значимости и готовность к самостоятельной физической тренировке свидетельствуют о более высоком качестве педагогической модели.

ческой модели.

Направления совершенствования физической подготовки должны быть связаны с ее большей адресностью и практической ориентированностью. В первую очередь необходимо дифференцировать содержание занятий с учетом возраста, должностных обязанностей, стажа службы и уровня подготовленности сотрудников. Для младшего и среднего начальствующего состава приоритетными являются быстрота реакции, силовая выносливость и навыки прикладного единоборства; для сотрудников, выполняющих охранно-режимные функции, важны длительная работоспособность, устойчивость к статическим нагрузкам и координация в условиях ограниченного пространства.

Перспективным направлением является интеграция физической и тактико-специальной подготовки. Упражнения должны выполняться в условиях, максимально приближенных к служебным: в форме и экипировке, после дозированной нагрузки, на фоне дефицита времени и внешних помех. Это повышает не только уровень физических качеств, но и способность сохранять эффективность действий при стрессе. Целесообразно шире использовать интервальные, круговые и ситуационные методы тренировки, а также элементы функционального тренинга, позволяющие развивать силовую и общую выносливость без чрезмерной спортивной специализации.

Важным резервом совершенствования является цифровизация контроля: применение тестовых комплексов, мониторинг сердечно-сосудистой реакции, фиксация индивидуальной динамики и построение адресных программ коррекции. Такой подход позволяет своевременно выявлять дефициты в подготовленности и корректировать нагрузку. Таким образом, эффективность физической подготовки сотрудников уголовно-исполнительной системы определяется степенью ее соответствия реальным служебным задачам, а совершенствование данной подготовки связано с индивидуализацией, прикладной направленностью, стресс-адаптацией и постоянным педагогическим контролем.

Список литературы:

[1] Васильева К.И., Жеребцов Д.В. Проблемы и перспективы совершенствования нормотворческой деятельности правоохранительных органов (на примере МВД РФ и ФСИН России) // Молодой ученый. 2020. № 48 (338). С. 201-202.

[2] Поникаров С.В. Теоретические аспекты взаимодействия подразделений специального назначения ФСИН России, Росгвардии и МВД России в сфере правоохранительной деятельности // Пенитенциарная наука. 2020. Т. 14. № 4

(52). С. 493-498.

[3] Молдованов Г.А., Непомнящих Д.А. Актуальные перспективы объединения ФСИН России и МВД России // Становление и развитие профессии юриста: наследие поколений (памяти юристов-фронтовиков посвящается). Тамбов: Издательский дом «Державинский», 2021. С. 277-284.

[4] Приказ Минюста России и МВД России от 4 октября 2012 г. № 190/912 «Об утверждении Регламента взаимодействия ФСИН России и МВД России по предупреждению совершения лицами, состоящими на учете уголовно-исполнительных инспекций, преступлений и других правонарушений».

[5] Игошин Н.А. К вопросу о научно-методическом обеспечении профессиональной правоохранительной подготовки // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2015. № 3 (33).

References:

[1] Vasilyeva K.I., Zherebtsov D.V. Problems and prospects for improving the rule-making activities of law enforcement agencies (on the example of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation and the Federal Penitentiary Service of Russia) // Young scientist. 2020. № 48

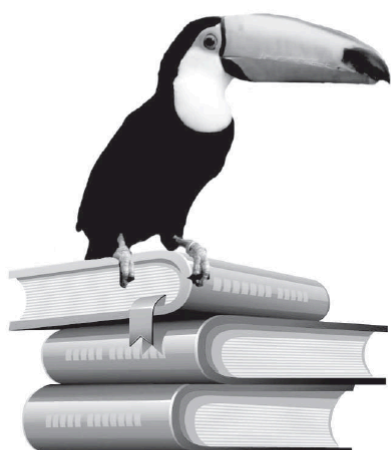
(338). S. 201-202.

[2] Ponikarov S.V. Theoretical aspects of interaction of special forces of the Federal Penitentiary Service of Russia, Rosgvardia and the Ministry of Internal Affairs of Russia in the field of law enforcement // Penitentiary science. 2020. T. 14. № 4 (52). S. 493-498.

[3] Moldovanov G.A., Nepomnyashchikh D.A. Actual prospects for the unification of the Federal Penitentiary Service of Russia and the Ministry of Internal Affairs of Russia // Formation and development of the legal profession: the legacy of generations (dedicated to the memory of front-line lawyers). Tambov: Publishing House "Derzhavinsky," 2021. S. 277-284.

[4] Order of the Ministry of Justice of Russia and the Ministry of Internal Affairs of Russia dated October 4, 2012 No. 190/912 "On approval of the Regulations for interaction between the Federal Penitentiary Service of Russia and the Ministry of Internal Affairs of Russia to prevent persons registered with criminal executive inspections, crimes and other offenses."

[5] Igoshin N.A. On the issue of scientific and methodological provision of professional law enforcement training // Legal science and law enforcement practice. 2015. № 3 (33).

ЮРКОМПАНИ

www.law-books.ru

Юридическое издательство
«ЮРКОМПАНИ»

Издание учебников,
учебных и методических
пособий, монографий,
научных статей.

Профессионально.

В максимально
короткие сроки.

Размещаем
в РИНЦ, Е-Library.

Дата поступления рукописи в редакцию: 01.07.2026 г.

DOI: 10.24412/2782-3849-2026-8-64-69

Дата принятия рукописи в печать: 24.07.2026 г.

ГРОХОТОВА Елена Александровна,

Старший преподаватель кафедры уголовного процесса
и криминалистики Юго-Западного государственного
университета,
e-mail: jusprofi@mail.ru

САМОСТОЯТЕЛЬНОСТЬ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНЕГО ПОТЕРПЕВШЕГО ПО УГОЛОВНЫМ ДЕЛАМ ЧАСТНОГО ОБВИНЕНИЯ

Аннотация. Не стихают споры вокруг института частного обвинения в уголовном процессе. Несмотря на многолетние и многочисленные исследования в этой области, определенные вопросы остаются нераскрытыми. Наиболее дискуссионным остается вопрос о возможности несовершеннолетнего потерпевшего по делам частного обвинения самостоятельно распоряжаться правом на возбуждение уголовного дела частного обвинения и возможность его прекращения в связи с примирением сторон. Нет точного понимания в решении об установлении минимального возраста, с которого такая самостоятельность вообще может возникнуть. Также требует определенности правовое положение законного представителя несовершеннолетнего, если есть необходимость его участия и какая роль отводится ему в процессуальных вопросах по данной категории уголовных дел. По итогам проведенной работы отмечены противоречия уголовно-процессуального толкования положений об участии несовершеннолетнего потерпевшего в разрешении уголовных дел частного обвинения. При вступлении в производство по уголовным делам частного обвинения несовершеннолетнего потерпевшего ему требуется либо участие с законным представителем, либо в определенных случаях привлечение правоохранительных органов в лице следователя или дознавателя для вопроса о возбуждении уголовного дела. Возникновение на практике такой ситуации вызывает сомнения в сохранении диспозитивности в отношениях участников уголовного судопроизводства. В таком случае деформируется сама сущность волеизъявления несовершеннолетнего потерпевшего, что приводит к исключению частных начал из процесса и трансформации уголовного дела в частно-публичное обвинение. Поэтому остается нерешенным вопрос следует ли несовершеннолетнему обвиняемому предоставлять самостоятельность, а если предоставить, как установить ее границы.

Ключевые слова: частное обвинение, несовершеннолетний потерпевший (частный обвинитель), законный представитель, диспозитивность, волеизъявление.

GROHOTOVA Elena Aleksandrovna,

Senior Lecturer, Department of Criminal Procedure and Forensics
Southwest State University

INDEPENDENCE OF A MINOR VICTIM IN CRIMINAL CASES OF PRIVATE PROSECUTION

Annotation. Disputes around the institution of private prosecution in criminal proceedings do not subside. Despite many years and numerous studies in this area, certain questions remain unsolved. The most controversial question remains the possibility of a minor victim in private prosecution cases to independently dispose of the right to initiate a criminal case of a private prosecution and the possibility of its termination in connection with the reconciliation of the parties. There is no exact understanding in the decision to establish a minimum age from which such independence can arise at all. The legal status of the legal representative of a minor also requires certainty, if there is a need for his participation and what role is assigned to him in procedural issues in this category of criminal cases. As a result of the work carried out, contradictions were noted in the criminal procedure interpretation of the provisions on the participation of a minor victim in the resolution of criminal cases of a private prosecution. When entering into criminal proceedings against a minor victim, he requires either participation with a legal representative, or in certain cases, the involvement of law enforcement agencies in the person of an investigator or an investigator for the issue of initiating a criminal case. The emergence in practice of such a situation raises doubts about the preservation of dispositiveness in the relations of participants in criminal proceedings. In this case, the very essence of the will of the minor victim is deformed, which leads to the exclusion

of private principles from the process and the transformation of the criminal case into a private-public prosecution. Therefore, the question remains unresolved whether the minor accused should be granted independence, and if provided, how to establish its boundaries.

Key words: private prosecution, minor victim (private prosecutor), legal representative, dispositiveness, expression of will.

Диспозитивные начала в уголовном процессе наиболее четко прослеживаются в рамках рассмотрения уголовных дел частного обвинения. Потерпевший-заявитель, а затем частный обвинитель является субъектом диспозитивного права на частное обвинение [2, 7; 17, 20]. Особенностью производства по данной категории уголовных дел является необходимость волеизъявления потерпевшего (пострадавшего) на принятие решений в ключевых моментах. Одни преступления влекут наказание независимо от воли потерпевшего, а другие - только в результате его обвинительной деятельности [11, 67]. Основной фигурой и единственным участником уголовного судопроизводства со стороны обвинения по делам частного обвинения является потерпевший. По общему правилу он является единственным инициатором возбуждения уголовного дела частного обвинения и прекращения уголовного дела в связи с примирением потерпевшего с обвиняемым [16, 57]. Ведь именно межличностный характер конфликта имеет значение для определения воли лица в необходимости начала производства по делу [7, 5; 4,7; 1,157]. Поскольку потерпевший сам может обратиться в суд за защитой своих прав и законных интересов, минуя процессуальные стадии досудебного производства [14, 10]. Своего рода индивидуализация уголовно-процессуальной формы [6, 170]. Это касается возбуждения уголовного дела и возможности его прекращения за примирением сторон. Когда речь идет о частном порядке уголовного судопроизводства, главная особенность, что он может быть реализован только в суде и только после непосредственного обращения туда заявителя [19, 20]. Специфика института частного обвинения особенно проявляется в сложных процессуальных вопросах, связанных с правосубъектностью потерпевшего (частного обвинителя). Хотелось бы обратить внимание на то, как волеизъявление проявляется у несовершеннолетних потерпевших (частных обвинителей) и какое значение приобретает в судебной практике.

Разъяснения практикующих и законотворческих источников не дают однозначного ответа может ли несовершеннолетний гражданин выступать в роли частного обвинителя. В своих рекомендациях они разъясняют, что дело частного обвинения возбуждается в суде по заявлению потерпевшего.

Однако, если потерпевшим является несовершеннолетний, руководитель следствен-

ного органа, следователь, а также с согласия прокурора дознаватель возбуждают уголовное дело о любом преступлении [10]. Такое разъяснение дает Верхнесалдинская городская прокуратура Свердловской области. Предполагаем, что подобное толкование норм обуславливается тем, что несовершеннолетнее лицо находится в зависимом или беспомощном положении в силу своего возраста и соответственно особенностей психофизического состояния. Эта позиция находит свое отражение в п. 28 постановления от 29 июня 2010 года № 17 «О практике применения судами норм, регламентирующих участие потерпевшего в уголовном судопроизводстве». Как разъяснил Пленум Верховного Суда Российской Федерации, уголовное дело частного обвинения возбуждается следователем, а также с согласия прокурора дознавателем в случаях, когда потерпевший в силу беспомощного состояния или по иным причинам не может защищать свои права и законные интересы, к которым следует относить, например, материальную и иную зависимость потерпевшего от лица, совершившего преступление, а к лицам, находящимся в беспомощном состоянии, могут быть отнесены, в частности, тяжелобольные и престарелые, малолетние дети, лица, страдающие психическими расстройствами, лишаящими их способности правильно воспринимать происходящее [12].

Следует отметить, что беспомощность несовершеннолетнего в силу возраста применима до 12 лет, по исполнению данного возраста лицо не признается беспомощным. Что же касается зависимого состояния, то учитывая сферу отношений, которым свойственно частное обвинение, а именно их межличностный, а зачастую семейный характер, получается, что несовершеннолетний потерпевший в большинстве случаев находится в зависимом материальном или другого плана состоянии (моральном, социальном) от лица, совершившего преступление. Данный факт ставит под сомнение или даже исключает диспозитивное начало, поскольку к вопросу о возбуждении уголовного дела необходимо привлекать правоохранительные органы.

Если преступление частного обвинения совершено вне рамок семейных отношений, например конфликт на улице, остается вопрос в «очевидности» сведений о лице, его совершившем. Если оно известно, то законный представитель может подать заявление в суд в интересах несовершеннолетнего частного обвинителя. Но, с

другой стороны, если обидчик неизвестен, то диспозитивность опять теряется и в дело вступают правоохранительные органы.

Важно отметить, что ч. 4 ст. 20 УПК РФ предусматривает именно публичный порядок возбуждения уголовного дела частного обвинения в данном случае, поскольку вступление правоохранительных органов исключает частный характер. Данные нормы выступают важными гарантиями в обеспечении прав несовершеннолетних потерпевших, но, если изначально мы убираем частный элемент при возбуждении уголовного дела частного обвинения, логично, что он будет исключен и в дальнейшем при производстве по этому делу. Сама сущность частного обвинения деформируется.

Следует подчеркнуть, что если нет необходимости вступления правоохранительных органов в производство, основной порядок возбуждения уголовного дела частного обвинения, если потерпевший несовершеннолетний, заключается в подачи соответствующего заявления законным представителем, что является особым способом реализации несовершеннолетними своих прав в уголовном процессе. Так, законом предусмотрено, что права и законные интересы несовершеннолетних представляются их законными представителями, в лице родителей, усыновителей, опекунов, попечителей. Таким образом порядок возбуждения уголовного дела частного обвинения заключается в следующем, законный представитель может обратиться в суд в интересах несовершеннолетнего потерпевшего с заявлением о возбуждении уголовного дела частного обвинения. В таком случае сохраняются диспозитивные начала производства и по делу не исключается в дальнейшем возможность примирения сторон в рамках реализации положений ч. 5 ст. 318 УПК РФ.

Однако, правильным ли является руководствоваться правом несовершеннолетнего на отстаивание своих интересов через законного представителя. С одной стороны, безусловно требуется контроль в обеспечении полноценности осуществляемой защиты прав несовершеннолетнего. С другой стороны, именно волеизъявление несовершеннолетнего потерпевшего (частного обвинителя) должно стать отправной точкой при возбуждении уголовного дела частного обвинения и соответственно в вопросе о возможности его прекращения в связи с примирением сторон.

Также остается неопределенным вопрос, с какого возраста несовершеннолетний может высказывать свое волеизъявление и проявлять самостоятельность в решении процессуальных вопросов.

Заслуживает внимания позиция Степановой В.Г., согласно которой необходимо допускать

несовершеннолетних потерпевших, достигших 16-летнего возраста к самостоятельному уголовному преследованию. Помимо этого, диссертант отмечает, что следует руководствоваться мнением 16-летнего частного обвинителя и в вопросе о прекращении уголовного дела в связи с примирением в рамках частного обвинения [15, 20]. О дальнейшем снижении самостоятельного возраста в рамках дел частного обвинения говорится в работе М. Нагуляк. Автор предлагает закрепить в ст. 25 УПК РФ положение, согласно которому при решении вопроса о прекращении уголовного дела в связи с примирением сторон потерпевшие, достигшие возраста 14 лет, вправе самостоятельно принимать решение о примирении с лицом, совершившем преступление [8, 8].

Таким образом, решающим действием в принятии процессуальных решений становится именно волеизъявление несовершеннолетнего частного обвинителя. Оставление выбора за этим лицом представляется справедливым, поскольку сохраняется диспозитивное начало.

При этом некоторые позиции вызывают противоречивое толкование. Так заключается, что по делам частного обвинения неявка несовершеннолетнего потерпевшего при условии явки его законного представителя не должна исключать рассмотрения дела [9, 10]. Действительно данное положение представляется логичным. Однако, понимаем, что в ходе судебного заседания мировой судья обращается к сторонам с вопросом о возможности примирения между ними. Получается, что решение данного вопроса возлагается на законного представителя. Каким образом мировому судье следует выяснять согласованность решения о примирении между несовершеннолетним и законным представителем. Является ли такое применение норм закона законным и справедливым.

При анализе судебной практики встречаем такую позицию, когда по делу частного обвинения мнение несовершеннолетнего потерпевшего по вопросу о примирении с обвиняемым и прекращении уголовного дела не совпадает с мнением его законного представителя, основания для прекращения уголовного дела в связи с примирением сторон отсутствуют [13]. Кроме того, отмечается, что мнение таких потерпевших, то есть несовершеннолетних должно быть определяющим. Подчеркивается, что участие законных представителей при этом не исключается [8, 16]. Полагаем, при наличии коллизии позиций несовершеннолетнего и его представителя определяющая роль должна принадлежать суду, для которого отказ от обвинения как потерпевшего, так и его представителя не должен носить безусловный характер.

Неоднократно отмечалось о исключении

диспозитивности при вступлении в уголовное дело частного обвинения правоохранительных органов, соответственно в таком порядке теряется и возможность примирения между сторонами, предусмотренная частными началами института частного обвинения. Поэтому в решении процессуальных вопросов, при разногласии несовершеннолетнего частного обвинителя и его законного представителя, приоритет следует отдавать именно мнению несовершеннолетнего лица и учитывать его волеизъявление.

При этом необходимо учитывать, что самостоятельно осуществлять уголовное преследование означает и самостоятельность в предоставлении фактов суду. Взрослый частный обвинитель не всегда готов к такой задаче [20, 51; 5, 350], тем более несовершеннолетний. Судьба процесса во многом будет зависеть от волеизъявления законного представителя, а не самого потерпевшего. Однако совсем не учитывать волю потерпевшего было бы неправильным, так как частное обвинение выступает индивидуальным средством защиты личных интересов именно потерпевшего. Законный представитель допускается в уголовное дело лишь для того, чтобы совершать процессуальные действия в интересах представляемого лица [18, 209].

Исключает ли несовершеннолетний возраст потерпевшего возможность рассмотрения уголовного дела в частном порядке. Получается, что участие правоохранительных органов в вопросе возбуждения уголовного дела и даже участие законного представителя деформируют возможность выражения несовершеннолетним своей воли. По сути получается, что дела частного обвинения в данной ситуации вовсе нет, поскольку несовершеннолетний не может самостоятельно реализовать свои права полноценно.

При этом, обоснованным и справедливым выступает утверждение, согласно которому возраст наступления уголовно-процессуальной дееспособности для всех участников уголовного процесса, не зависимо от статуса, должен быть одним: как для потерпевшего, так и для обвиняемого. Иначе выходит противоречивая ситуация, при которой лицо, достигшее 16-летнего возраста, обязано нести уголовную ответственность за содеянное, но при этом лишено возможности самостоятельно решить вопрос о привлечении к уголовной ответственности тех, кто нарушил его права [18, 210; 3,57]. В таком случае проявляется самостоятельность 16-летнего участника и соответственно сохраняется частный характер рассматриваемой нами категории уголовных дел.

Соответственно, необходимо либо признать, что в силу особенностей защиты несовершеннолетнего действуют публичные основания возбуждения уголовного дела и его прекращения,

либо позволить несовершеннолетнему, как минимум достигшего шестнадцатилетнего возраста, в полной мере реализовывать права частного обвинителя.

Список литературы:

- [1] Баранова М.А., Егоров Е.В. О проблемных аспектах примирения потерпевшего с обвиняемым по уголовным делам частного обвинения // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2018. № 6 (125). с. 155 -163.
- [2] Будылин Н.В. Выдвижение и изменение частного обвинения // Мировой судья. 2023. № 3. С. 6 - 13.
- [3] Галимов О.Х., Галимова М.А. Примирение сторон как средство защиты прав и интересов несовершеннолетнего потерпевшего в уголовном судопроизводстве // Вестник Сибирского юридического института МВД России. 2019. № 2 (35). С. 53-60.
- [4] Дорошков В.В. Нужна ли ликвидация частного обвинения? // Мировой судья. 2021. № 4. С. 3 - 11.
- [5] Институт мирового судьи: история, теория, законодательство, практика: монография / Л.В. Головкин; под общ. Ред. Д.В. Зотова. – Воронеж, 2019. – 509с.
- [6] Крипиневиц С.С. Идея индивидуализации и ее значение для обеспечения прав участников уголовного судопроизводства // Актуальные проблемы российского права. 2025. № 3. С. 156 - 171.
- [7] Маценко М., Грищенко Н. Реформа частного обвинения: работа над ошибками? // Адвокатская газета. 2026. № 6. С. 4-5.
- [8] Нагуляк М. Актуальные вопросы прекращения уголовного дела в связи с примирением сторон // Автореф. дисс. ...канд. юрид. наук. Челябинск, 2012. С.8.
- [9] Овсянников И.В. О последствиях неявки потерпевшего в судебное заседание по делу частного обвинения // Законы России: опыт, анализ, практика. 2021. № 10. С. 62-65.
- [10] Павлов А.С. Особенности производства по уголовным делам частного обвинения с несовершеннолетними. Разъясняет Верхнесалдинская городская прокуратура // Официальный Сайт правительства Свердловской области 18.03.2020.
- [11] Поклонская Н.В., Суходолов А.С. Неопределенность правового статуса потерпевшего по делам частного обвинения о преступлениях против здоровья // Законность. 2025. № 4. С. 67-71.
- [12] Постановление Конституционного суда РФ от 28.03.2024 № 13-П «По делу о проверке конституционности частей второй и четвертой

статьи 20, частей первой и второй статьи 31, части четвертой статьи 147, частей первой и третьей статьи 318 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданки Г.И.Баскаковой» // Собрание законодательства РФ, 01.04.2024, № 14, ст. 1958.

[13] Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 29.06.2010 N 17 (ред. от 16.05.2017) «О практике применения судами норм, регламентирующих участие потерпевшего в уголовном судопроизводстве» // Бюллетень Верховного Суда РФ, № 9, сентябрь, 2010.

[14] Рябина Т.К. Трудности производства по уголовным делам о побоях (ст. 116.1 УК РФ) // Мировой судья. – 2024. - № 10. С. 9-14.

[15] Степанова В.Г. Уголовное судопроизводство по делам частного обвинения // Автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. Иркутск, 2008. 28с.

[16] Суходолов А.С. Публичные и частные начала в уголовном преследовании: поиск модели взаимодействия // Российский судья. 2024. N 7. С. 55 - 60.

[17] Титов П.М. Надо ли в Российской Федерации ликвидировать частное обвинение? // Мировой судья. 2022. № 2. С. 18 - 21.

[18] Тензина Е.Ф. О праве ребенка на возбуждение уголовного дела частного обвинения // Вестник Оренбургского государственного университета. - 2012. - № 3. – с. 208-210.

[19] Хакимова Т.М. Начало уголовного судопроизводства по уголовным делам частного и частно-публичного обвинения // Мировой судья. 2026. № 2. С. 18 - 23.

[20] Цыреторов А.И. Упразднение института частного обвинения: pro et contra // Российский юридический журнал. 2022. № 6. С. 44 - 53.

References:

[1] Baranova M.A., Egorov E.V. On the problematic aspects of reconciliation of the victim with the accused in criminal cases of private prosecution // Bulletin of the Saratov State Law Academy. 2018. № 6 (125). from. 155 -163.

[2] Budylin N.V. Nomination and change of private prosecution // Magistrate. 2023. № 3. S. 6-13.

[3] Galimov O.Kh., Galimova M.A. Reconciliation of the parties as a means of protecting the rights and interests of a minor victim in criminal proceedings // Bulletin of the Siberian Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2019. № 2 (35). S. 53-60.

[4] Doroshkov V.V. Is it necessary to liquidate a private prosecution ? // Magistrate. 2021. № 4. S. 3-11.

[5] Justice of the Peace Institute: history, theory, legislation, practice: monograph/ L.V. Golovko; under the general. Ed. D.V. Zotova. - Voronezh, 2019. - 509s.

[6] Kripinevich S.S. The idea of individualization and its importance for ensuring the rights of participants in criminal proceedings // Current problems of Russian law. 2025. № 3. S. 156-171.

[7] Matsenko M., Grishchenko N. Private prosecution reform: work on mistakes ? // Lawyer newspaper. 2026. № 6. S. 4-5.

[8] Nagulyak M. Topical issues of termination of the criminal case in connection with the reconciliation of the parties // Author. diss.... cand. jurid. sciences. Chelyabinsk, 2012. S.8.

[9] Ovsyannikov I.V. On the consequences of the victim's failure to appear at the hearing in the case of a private prosecution // Laws of Russia: experience, analysis, practice. 2021. № 10. S. 62-65.

[10] Pavlov A.S. Peculiarities of proceedings in criminal cases of private prosecution with minors. Explains the Verkhnesaldinsky city prosecutor's office // Official Website of the Government of the Sverdlovsk Region 18.03.2020.

[11] Poklonskaya N.V., Sukhodolov A.S. Uncertainty of the legal status of the victim in cases of private prosecution of crimes against health // Legality. 2025. № 4. S. 67-71.

[12] Decision of the Constitutional Court of the Russian Federation of 28.03.2024 No. 13-P "In the case of checking the constitutionality of parts two and four of Article 20, parts one and two of Article 31, parts four of Article 147, parts one and three of Article 318 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation in connection with the complaint of citizen G.I. Baskakova" // Collection of legislation of the Russian Federation, 01.04.2024, No. 14, Art. 1958.

[13] Decision of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of 29.06.2010 No. 17 (ed. 16.05.2017) "On the practice of the application by the courts of the norms governing the participation of the victim in criminal proceedings" // Bulletin of the Supreme Court of the Russian Federation," No. 9, September, 2010.

[14] Ryabinina T.K. Difficulties in criminal cases of beatings (Article 116.1 of the Criminal Code of the Russian Federation) // Magistrate. – 2024. - № 10. S. 9-14.

[15] Stepanova V.G. Criminal proceedings in cases of private prosecution // Author. diss.... cand. jurid. sciences. Irkutsk, 2008. 28s.

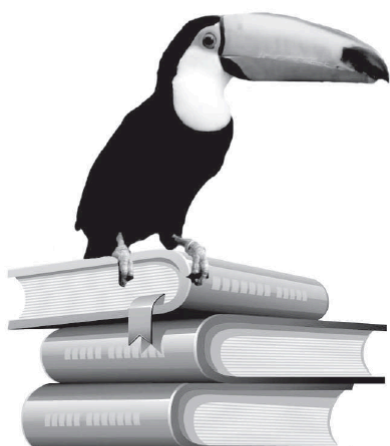
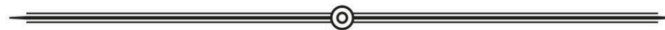
[16] Sukhodolov A.S. Public and private principles in criminal prosecution: search for a model of interaction // Russian judge. 2024. N 7. S. 55-60.

[17] Titov P.M. Is it necessary to eliminate private prosecution in the Russian Federation ? // Magistrate. 2022. № 2. S. 18-21.

[18] E.F. Tensina On the right of the child to initiate criminal proceedings against a private prosecution // Bulletin of Orenburg State University. - 2012. - № 3. - p. 208-210.

[19] Khakimova T.M. The beginning of criminal proceedings in criminal cases of private and private-public prosecution // Magistrate. 2026. № 2. S. 18-23.

[20] Tsyretorov A.I. Abolition of the institution of private prosecution: pro et contra // Russian Law Journal. 2022. № 6. S. 44-53.

ЮРКОМПАНИ

www.law-books.ru

Юридическое издательство
«ЮРКОМПАНИ»

Издание учебников,
учебных и методических
пособий, монографий,
научных статей.

Профессионально.

В максимально
короткие сроки.

Размещаем
в РИНЦ, E-Library.

Дата поступления рукописи в редакцию: 16.07.2026 г.

DOI: 10.24412/2782-3849-2026-8-70-75

Дата принятия рукописи в печать: 05.08.2026 г.

БОЧАРОВ Виталий Михайлович,

доктор педагогических наук, доцент, профессор кафедры
социально-правовых и гуманитарных дисциплин Российского
университета кооперации,
e-mail: vit.bernik@yandex.ru

ШОГЕНОВ Тимур Мухамедович,

кандидат экономических наук, заместитель начальника
кафедры деятельности ОВД в особых условиях
Северо-Кавказского института повышения квалификации
(филиал) Краснодарского университета МВД России,
e-mail: tima0301977@mail.ru

БУРАЕВА Людмила Александровна,

кандидат физико-математических наук, старший
научный сотрудник научно-исследовательской группы
Северо-Кавказского института повышения квалификации
(филиал) Краснодарского университета МВД России,
e-mail: luda_n1@mail.ru

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ДИСТАНЦИОННОЙ РАДИКАЛИЗАЦИИ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ

Аннотация. Статья посвящена актуальным вопросам противодействия дистанционной радикализации несовершеннолетних. Авторами проанализированы основные каналы и механизмы вовлечения подростков в деструктивную деятельность через цифровую среду (мессенджеры, игровые платформы, социальные сети), отмечены ключевые факторы уязвимости несовершеннолетних, обусловленные возрастными психологическими особенностями и недостаточным уровнем цифровой грамотности. Представлен комплекс мер профилактического и превентивного характера, включающий межведомственное взаимодействие, просветительскую работу в образовательных организациях и развитие инструментов раннего выявления рисков. Сформулированы практические рекомендации по совершенствованию системы защиты несовершеннолетних в онлайн-среде.

Ключевые слова: радикализация несовершеннолетних, деструктивная деятельность, терроризм, террористическая деятельность, цифровая среда, социальные сети, мессенджеры, онлайн вербовка.

BOCHAROV Vitaly Mikhailovich,

Doctor of Pedagogical Sciences, Associate Professor, Professor of
the Department of Social, Legal and Humanitarian Disciplines of the
Russian University of Cooperation

SHOGENOV Timur Mukhamedovich,

Candidate of Economic Sciences, Senior lecturer of the
North-Caucasian Advanced Training Institute (branch) of the
Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia

BURAYEVA Lyudmila Aleksandrovna,

Candidate of Physics and Mathematics Sciences, senior researcher
of the research direction of the North-Caucasian Advanced Training
Institute (branch) of the Krasnodar University of the Ministry of
Internal Affairs of Russia

ACTUAL ISSUES OF COUNTERING REMOTE RADICALIZATION OF MINORS

Annotation. The article is devoted to the current issues of countering the remote radicalization of minors. The authors analyze the main channels and mechanisms of involving teenagers in

✕ destructive activities through the digital environment (messaging, gaming platforms, and social networks), and identify the key factors of vulnerability of minors due to their age-related psychological characteristics and insufficient digital literacy. The article presents a set of preventive measures, including interagency cooperation, educational activities in educational organizations, and the development of early risk detection tools. The authors also provide practical recommendations for improving the system of protecting minors in the online environment.

✕ **Key words:** radicalization of minors, destructive activities, terrorism, terrorist activities, digital environment, social networks, instant messengers, online recruitment.

Введение.

Противодействие дистанционной радикализации несовершеннолетних в современных условиях представляет собой одну из наиболее острых проблем обеспечения общественной безопасности. Стремительное развитие цифровых технологий и повсеместное распространение интернет коммуникаций существенно расширили возможности субъектов деструктивной деятельности по вовлечению подростков в противоправную деятельность, в том числе террористического характера.

По заявлению председателя Следственного комитета РФ Александра Бастрыкина, сделанном на заседании расширенной коллегии ведомства, значительное воздействие на тиражирование идей терроризма и неонацизма в условиях специальной военной операции, оказывает развернутая спецслужбами Украины при содействии коллективного Запада широкая пропагандистская кампания по дезинформации и радикализации населения [1], которая, прежде всего, направлена на молодое поколение страны. Аналогичного мнения придерживается официальный представитель Национального антитеррористического комитета Андрей Пржездомский, который отмечает, что украинские спецслужбы и экстремистские организации с использованием интернет-ресурсов активно распространяют пропаганду, направленную на радикализацию молодежи [7].

По словам ветерана органов госбезопасности Вячеслава Назарова основные жертвы украинских спецслужб – дети и подростки, при этом вовлечение осуществляется в игровой форме, через так называемые геймы, где участники пошагово от уровня к уровню погружаются в радикализм и одновременно участвуют в сетевых атаках с целью формирования материальной базы запрещенного сообщества. Эксперт отмечает, что влияние террористической идеологии на подростков остается серьезным. Некоторые из них уже с 12 лет начинают совершать действия террористической направленности [9].

При этом специфика онлайн среды – анонимность, трансграничность, высокая скорость распространения контента – создаёт серьезные трудности для своевременного выявления и пресечения подобных угроз.

Особую уязвимость несовершеннолетних обуславливают возрастные психологические особенности: несформированность критического мышления, повышенная восприимчивость к манипулятивным техникам, потребность в социальной принадлежности и поиске авторитетов. В совокупности с недостаточным уровнем цифровой и правовой грамотности это повышает риск попадания подростков под влияние радикальных идеологий.

Актуальность исследования определяется необходимостью системного анализа существующих механизмов противодействия дистанционной радикализации и выработки комплекса мер, сочетающих технологические, правовые, образовательные и психолого педагогические инструменты. В статье рассматриваются основные каналы и тактики вовлечения несовершеннолетних в деструктивную деятельность, анализируются проблемы в системе профилактики и предлагаются направления совершенствования межведомственного взаимодействия в данной сфере [5].

Результаты исследования.

Проведём анализ каналов и механизмов дистанционного вовлечения несовершеннолетних в радикальную и террористическую деятельность. Основными площадками для распространения деструктивного влияния выступают мессенджеры, игровые чаты и закрытые сообщества в социальных сетях. Характерными чертами указанных площадок являются: высокая скорость обмена информацией, возможность анонимного администрирования и наличие инструментов автоматизации (боты, рассылки), что позволяет злоумышленникам выстраивать поэтапные схемы вербовки.

На практике процесс радикализации подростка реализуется по следующей схеме: установление доверительного контакта через общие интересы, постепенное оправдание насилия или «борьбы с несправедливостью», формирование чувства избранности и принадлежности к «закрытому кругу», а затем – вовлечение в конкретные действия. Для реализации данной схемы активно применяются элементы компьютерных игр: задания оформляются как «квесты» с системой поощрений, что еще больше повышает вовлечённость подростков. В качестве дополнительного рычага давления используется шантаж: после выполне-

ния первых заданий на несовершеннолетнего собирают компрометирующие материалы и используют их для удержания в схеме.

Рассмотренные каналы и модели вовлечения несовершеннолетних в деструктивную деятельность подтверждаются реальными фактами.

В 2025 году Следственный комитет РФ сообщил о ряде задержаний в нескольких регионах (Челябинская, Оренбургская, Брянская области, Башкортостан). По данным ведомства 14-летняя жительница Башкортостана вела переписку в социальной сети с целью пропаганды деятельности террористической организации и распространения информации о планировании массовых убийств в образовательных организациях. 15-летний подросток, проживающий в Оренбургской области, с 2024 по 2025 год в переписке в мессенджере выражал намерение за денежное вознаграждение повреждать имущество (поджоги, граффити неонацистского толка) [3].

В марте 2026 года в Иркутской области транспортные полицейские совместно с сотрудниками ФСБ России предотвратили вербовку 11-классницы. Злоумышленники связались с девочкой по телефону, вывели паспортные данные, представились сотрудниками правоохранительных органов и обвинили в госизмене. Запугав уголовной ответственностью, кураторы убедили её тайно уехать из дома, чтобы «стать тайным внештатным сотрудником». Школьница сообщила родственникам, получила от вербовщиков деньги на билет и отправилась в путь, постоянно докладывая о местоположении. Оперативники перехватили её в поезде [8].

Факторами уязвимости выступают возрастные психологические особенности: несформированность критического мышления, повышенная восприимчивость к авторитетам, потребность в признании и склонность к импульсивным решениям. Существенно усугубляет ситуацию дефицит цифровой и правовой грамотности, как у самих подростков, так и у их ближайшего окружения. Попаданию в радикальную среду, способствует отсутствие нормальных контактов с родителями, фактическая безнадзорность, конфликты со сверстниками, а также неучастие в творческой или спортивной деятельности. Молодежный экстремизм отличается от взрослого меньшей организованностью, стихийностью, отсутствием идеологической основы. Действия молодых экстремистов более жестоки, так как в силу своего возраста они не боятся смерти, тюрьмы, физических травм.

Одними из основных признаков того, что молодой человек или девушка находятся под воздействием экстремистской идеологии, является его (ее) манера поведения, которая становится значительно более резкой и грубой, в разговоре

начинает прогрессировать ненормативная либо жаргонная лексика. При этом, согласно аналитическим материалам МВД, у подростков резко меняется стиль одежды, они начинают следовать нормам и правилам, принятым в определённой субкультуре [2].

Масштабы распространения дистанционной радикализации несовершеннолетних наглядно подтверждаются данными центра общественных связей ФСБ России. В июне 2026 года в Республике Дагестан сотрудниками ведомства был задержан подросток, который не только являлся активным участником деструктивной среды, но и выступал в качестве организатора. Несовершеннолетний создал и администратировал крупное международное интернет-сообщество, целью которого было вовлечение подростков в террористическую деятельность. Данный факт отражает трансграничный характер угрозы и показывает, что сами несовершеннолетние могут становиться главными субъектами в распространении радикальных идеологий. По данным ведомства, его деятельность координировали иностранные спецслужбы. Задержанный вербовал российских подростков для совершения терактов и диверсий в школах, на объектах транспорта, а также для ложных сообщений о минировании. Затем завербованных обучали тактике совершения преступлений, передавали инструкции по изготовлению самодельных взрывных устройств, знакомили со средствами конспирации. На момент задержания аудитория сообщества составляла более 200 тысяч пользователей, из которых около 5 тысяч составляли активные участники [4].

Следует отметить, что подростки ищут либо группы по интересам, либо те группы, в которых их признают. Им очень важно показать себя, найти понимание и единомышленников, а администраторы деструктивных сообществ, которые зачастую действуют в интересах радикальных группировок с иностранными корнями и финансированием, дают подросткам такую возможность.

Анализ реальных кейсов позволяет выделить устойчивые механизмы дистанционного вовлечения несовершеннолетних в противоправную деятельность и системные уязвимости, которыми пользуются злоумышленники:

активно применяется психологическое давление и шантаж с использованием персональных данных (ключевой уязвимостью здесь выступает отсутствие у подростка навыков распознавания социальной инженерии, а также дефицит доверительных каналов связи с близкими, из-за чего своевременное обращение за помощью не состоялось);

мессенджеры и соцсети используются как площадки для поэтапного радикализирования и планирования реальных действий (онлайн комму-

никация служит не только для пропаганды, но и для координации конкретных противоправных действий, включая диверсионные схемы);

формируются масштабные сети вовлечения с централизованным управлением (при этом координация осуществляется из за рубежа).

Таким образом, механизмы вовлечения опираются на сочетание технологических возможностей цифровой среды и возрастных психологических особенностей подростков и требуют комплекса мер профилактического и превентивного характера.

Рассмотрим профилактические меры по противодействию дистанционной радикализации несовершеннолетних.

Важным аспектом в комплексе профилактических мер является создание позитивной среды в образовательных учреждениях, которая формирует альтернативу деструктивным сообществам и помогает самореализации несовершеннолетних. В данных целях осуществляется разработка программ, усиливающих воспитательную составляющую, направленных на вовлечение подростков в спорт, творчество и волонтерство. Эффективными примерами реализации указанных мер является организация театральных и медиа-студий, создающих постановки на социально значимые темы, снимающих короткие ролики и подкасты, ведущих школьное радио. При организации проектов патриотической и профориентационной направленности необходимо учитывать, что патриотическая работа должна быть основана на реальных примерах, а не на формальных мероприятиях. В частности, фонд «Защитники Отечества» активно занимается вовлечением ветеранов в патриотическое воспитание детей и молодежи. Уже более пяти тысяч ветеранов специальной военной операции занимаются с детьми и молодежью, встречаются с ними в школах, колледжах и вузах, а также становятся преподавателями. Почти 300 наших героев стали лекторами Российского общества «Знание» [10].

Обязательным элементом профилактической работы с несовершеннолетними является развитие у подростков критического мышления и медиаграмотности. Для этого целесообразно включить в учебный процесс модули, которые учат анализировать информацию, получаемую из интернет-контента, распознавать манипуляции, фейки и схемы социальной инженерии. Важно проводить тренинги с подростками, на которых в игровой или дискуссионной форме с ними отрабатываются сценарии отказа от опасных предложений.

Необходимым компонентом профилактической работы по противодействию дистанционной радикализации несовершеннолетних выступает правовое просвещение, направленное

на формирование у подростков осознанного отношения к нормам закона и понимание правовых последствий противоправного поведения. Для реализации данного направления проводятся различные мероприятия: беседы, лекции, круглые столы, в рамках которых подростки не только получают базовые правовые знания, но и учатся соотносить их с реальными жизненными ситуациями, прогнозировать юридические и социальные последствия своих действий.

Значимым элементом системы профилактики дистанционной радикализации является психолого-педагогическое сопровождение несовершеннолетних. Его задача – своевременно выявлять детей и подростков, находящихся в трудной жизненной ситуации или социально опасном положении, в том числе демонстрирующих признаки эмоциональной дестабилизации, отчужденности либо повышенного интереса к деструктивному контенту. Для реализации используется психологическая диагностика, индивидуальное и групповое консультирование, коррекционная поддержка, направленная на преодоление эмоциональных и социальных трудностей. Данные меры позволяют снизить уязвимость подростков к манипулятивным воздействиям в цифровой среде и сформировать устойчивые механизмы совладания со стрессом.

Семья, как ключевой институт социализации несовершеннолетнего, играет наиболее важное значение в системе профилактики дистанционной радикализации. Просветительские встречи с родителями направлены на формирование у них компетенций, необходимых для выстраивания доверительного диалога с детьми, распознавания ранних маркеров рискованного поведения, в том числе, эмоциональной нестабильности, социальной изоляции, повышенного интереса к деструктивному контенту. Отдельное направление работы – оказание адресной поддержки семьям, в которых присутствуют факторы риска: содействие в нормализации внутрисемейного микроклимата, профилактика конфликтных ситуаций и укрепление детско-родительских отношений. Такая работа снижает уязвимость подростка к манипулятивным воздействиям в цифровой среде и усиливает защитные факторы семьи.

В числе превентивных мер по противодействию дистанционной радикализации несовершеннолетних следует указать:

мониторинг цифровой среды (необходимо систематически отслеживать активность подростков в соцсетях, мессенджерах, на форумах, выявлять подписки на деструктивные сообщества, публикации, которые могут свидетельствовать о радикализации);

использование специализированных технологий (внедрение программного обеспечения

и алгоритмов для автоматического выявления в сети контента, который склоняет несовершеннолетних к противоправным действиям, а также для поиска информации о конкретных подростках, попавших в поле зрения злоумышленников);

оперативное межведомственное реагирование (необходимость усиления межведомственного и межгосударственного взаимодействия при выявлении конкретного риска);

работа с группами риска (при обнаружении признаков вовлечения подростка в деструктивную группу, необходима точечная превентивная работа: установление доверительного контакта с несовершеннолетним, разбор конкретных ситуаций, помощь в разрыве опасных связей);

ограничение доступа подростков к запрещённой информации (необходимо совместно с провайдерами и через школьные/домашние настройки блокировать доступ к ресурсам, распространяющим призывы к насилию, ненависти, инструкции по совершению противоправных действий). В образовательных учреждениях для этого сформируют кибердружины и медиапатрули [5].

Выводы.

В рамках исследования систематизированы меры противодействия дистанционной радикализации несовершеннолетних, которые целесообразно применять на разных уровнях. По итогам анализа рассматриваемой проблемы сформулированы рекомендации по совершенствованию системы профилактики в указанной сфере: разработка программ для педагогов, которые усиливают воспитательную компоненту, регулярный мониторинг цифровых рисков в образовательных организациях и развитие каналов обратной связи, позволяющих подросткам безопасно сообщать о подозрительных контактах.

На технологическом уровне перспективными считаются инструменты автоматизированного выявления и маркировки деструктивного контента. На организационном уровне важна стандартизация алгоритмов межведомственного взаимодействия: чёткое распределение ролей между правоохранительными органами, образовательными организациями и органами опеки, а также единые протоколы реагирования на инциденты. На профилактическом уровне наиболее результативными признаны программы формирования медиаграмотности и критического мышления, интегрированные в образовательный процесс, а также адресная работа с семьями и подростками из групп риска.

Список литературы:

[1] Баstryкин: спецслужбы Украины развернули кампанию по радикализации россиян. URL: <https://tass.ru/obschestvo/23060567> (дата обращения: 20.06.2026).

ращения: 20.06.2026).

[2] В МВД назвали признаки влияния экстремизма на подростков. URL: <https://tass.ru/obschestvo/25118543> (дата обращения: 12.06.2026).

[3] В четырех регионах РФ завели дела против вовлеченных в терроризм подростков. URL: <https://tass.ru/proisshestviya/25214959> (дата обращения: 12.06.2026).

[4] Задержан администратор канала, вербовавший подростков для терактов в России. URL: <https://ren.tv/news/kriminal/1438482-zaderzhan-administrator-kanala-verbovavshii-podrostkov-dlia-teraktov-v-rossii> (дата обращения: 28.06.2026).

[5] Кибердружины поборются с негативом в сети. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/8636168> (дата обращения: 08.07.2026).

[6] Место равнодушных родителей займут быстро: психолог о подростках и запрещенных группах. URL: <https://www.tatarinform.ru/news/subkultura-i-agressiya-pedagog-psixolog-ob-ucastii-podrostkov-v-zapreshhennyh-gruppah-5903771> (дата обращения: 12.06.2026).

[7] НАК рассказал о рассылаемой с Украины пропаганде для радикализации молодежи. URL: <https://ria.ru/20220923/ukraina-1818899106.html> (дата обращения: 20.06.2026).

[8] Преступники пользуются доверчивостью подрастающих россиян. URL: <https://iz.ru/2067571/ivan-petrov/soblazniteli-malykh-sikh-ukrainskie-terroristy-verbuiut-detei-v-internete> (дата обращения: 12.06.2026).

[9] Раскрыта схема Украины по вовлечению подростков в террористическую деятельность. URL: <https://ren.tv/news/v-rossii/1438494-raskryta-skema-ukrainy-po-vovlecheniiu-podrostkov-v-terroristicheskuiu-deiatelnost-rii> (дата обращения: 30.06.2026).

[10] Роль наставничества участников СВО в патриотическом воспитании и социализации детей и молодежи. URL: https://parlib.duma.gov.ru/common/upload/document_bibliodosie/I_Nastavnichestvo_uchastnikov_SVO_220225.pdf (дата обращения: 28.06.2026).

References:

[1] Bastrykin: Ukraine's intelligence services have launched a campaign to radicalize Russians. URL: <https://tass.ru/obschestvo/23060567> (access date: 20.06.2026).

[2] The Ministry of Internal Affairs named signs of the influence of extremism on adolescents. URL: <https://tass.ru/obschestvo/25118543> (access date: 12.06.2026).

[3] In four regions of the Russian Federation, cases were opened against teenagers involved in terrorism. URL: <https://tass.ru/proisshestviya/>

25214959 (access date: 12.06.2026).

[4] A channel administrator who recruited teenagers for terrorist attacks in Russia was detained. URL: <https://ren.tv/news/kriminal/1438482-zaderzhan-administrator-kanala-verbovavshii-podrostkov-dlia-teraktov-v-rossii> (дата обращения: 28.06.2026).

[5] Cyberdrugs will tackle negativity online. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/8636168> (access date: 08.07.2026).

[6] Indifferent parents will quickly take their place: a psychologist about adolescents and prohibited groups. URL: <https://www.tatar-inform.ru/news/subkultura-i-agressiya-pedagog-psixolog-ob-ucastii-podrostkov-v-zapreshhen-nykh-gruppax-5903771> (дата обращения: 12.06.2026).

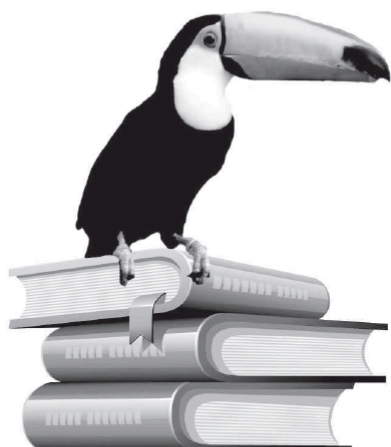
[7] The NAC spoke about propaganda sent from Ukraine for the radicalization of young people.

URL: <https://ria.ru/20220923/ukraina-1818899106.html> (access date: 20.06.2026).

[8] Criminals take advantage of the gullibility of younger Russians. URL: <https://iz.ru/2067571/ivan-petrov/soblazniteli-malykh-sikh-ukrainskie-terroristy-verbuiut-detei-v-internete> (дата обращения: 12.06.2026).

[9] Disclosed Ukraine's scheme to involve teenagers in terrorist activities. URL: <https://ren.tv/news/v-rossii/1438494-raskryta-skhema-ukrainy-po-vovlecheniiu-podrostkov-v-terroristicheskuiu-deiatelnost-rii> (дата обращения: 30.06.2026).

[10] The role of mentoring of SWO participants in the patriotic education and socialization of children and youth. URL: https://parlib.duma.gov.ru/common/upload/document_bibliodosie/I_Nastavnichestvo_uchastnikov_SVO_220225.pdf (дата обращения: 28.06.2026).

ЮРКОМПАНИ

www.law-books.ru

Юридическое издательство
«ЮРКОМПАНИ»

Издание учебников,
учебных и методических
пособий, монографий,
научных статей.

Профессионально.

В максимально
короткие сроки.

Размещаем
в РИНЦ, E-Library.

Дата поступления рукописи в редакцию: 16.07.2026 г.

DOI: 10.24412/2782-3849-2026-8-76-83

Дата принятия рукописи в печать: 06.08.2026 г.

КАРАБАНОВ Ростислав Михайлович,

кандидат технических наук, профессор, профессор кафедры
специальной техники и информационных технологий
юридического факультета Владимирского юридического
института ФСИН России, Владимир, Россия ORCID ID : [https://
orcid.org/0000-0003-2798-8461](https://orcid.org/0000-0003-2798-8461),
e-mail: krm730@mail.ru

СИСТЕМНЫЙ ПОДХОД К СОЦИАЛЬНО-ПЕДАГОГИЧЕСКОМУ ПОСРЕДНИЧЕСТВУ В ВОПРОСАХ РЕСОЦИАЛИЗАЦИИ, СОЦИАЛЬНОЙ АДАПТАЦИИ И СОЦИАЛЬНОЙ ПОМОЩИ ОСУЖДЕННЫМ К ЛИШЕНИЮ СВОБОДЫ

Аннотация. Проблема успешной ресоциализации и возвращения к полноценной жизни в обществе лиц, осужденных к лишению свободы, остается одной из приоритетных задач пенитенциарной системы и социальной педагогики. Статья посвящена определению теоретических и практических основ системного социально-педагогического посредничества для эффективной ресоциализации, социальной адаптации и адресной помощи осужденным. Рассматривается комплексный подход, объединяющий педагогические, психологические и социальные направления работы при организации и проведении мероприятий подготовки осужденных к жизни по окончании отбывания наказания. Раскрыта специфика и структура социально-педагогического посредничества как связующего звена между осужденным, администрацией пенитенциарного учреждения и внешней социальной средой. Предложены пути оптимизации мер социальной, воспитательной работы на этапах отбывания наказания и подготовки к освобождению осужденных к лишению свободы.

Ключевые слова: исправительные учреждения, осужденные к лишению свободы, ресоциализация, социальная адаптация, социальная помощь, посредничество, пенитенциарная педагогика.

KARABANOV Rostislav Mikhailovich,

candidate of technology, full professor, professor of the Department
of Special Technology and Information Technologies of the Law
Faculty of Vladimir Law Institute of the Federal Penitentiary Service of
Russia, Vladimir, Russia

SYSTEMATIC APPROACH TO SOCIAL AND PEDAGOGICAL MEDIATION IN MATTERS OF RESOCIALIZATION, SOCIAL ADAPTATION AND SOCIAL ASSISTANCE SENTENCED TO IMPRISONMENT

Annotation. The problem of successful resocialization and return to a full life in society of persons sentenced to imprisonment remains one of the priority tasks of the penitentiary system and social pedagogy. The article is devoted to determining the theoretical and practical foundations of systemic socio-pedagogical mediation for effective resocialization, social adaptation and targeted assistance to convicts. An integrated approach is being considered that combines pedagogical, psychological and social areas of work in organizing and conducting activities to prepare convicts for life at the end of their sentence. The specifics and structure of socio-pedagogical mediation as a link between the convict, the administration of the penitentiary institution and the external social environment are disclosed. Ways to optimize measures of social and educational work at the stages of serving sentences and preparing for the release of convicts to imprisonment have been proposed.

Key words: correctional institutions sentenced to imprisonment, resocialization, social adaptation, social assistance, mediation, penitentiary pedagogy.

Важной целью развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации (далее: УИС РФ) на период до 2030 года определено «совершенствование воспитательной, психологической и социальной работы с осужденными». В этой связи одним из основных направлений совершенствования УИС РФ обозначено «повышение уровня взаимодействия с институтами гражданского общества, включая обратную связь с гражданами и средствами массовой информации...» [1].

Возникающая в период отбывания наказания дезадаптивная направленность в поведении осужденных может способствовать совершению повторных преступлений [2, 3]. Так, например, в 2025 году уровень рецидива составлял 44 процента [2].

Рассматривая социально-психологические особенности личности осужденных, в исследовании автора А.В. Таптыкова отмечается, что основными причинами повторного совершения преступлений стали следующие [2]:

- алкогольная или наркотическая зависимость;
- неблагоприятное материальное положение;
- отсутствие денежных средств;
- негативное влияние окружающих.

В работе М.А. Яковлевой на основании опроса осужденных установлено, что, по мнению осужденных, к основным причинам рецидива следует отнести: педагогическую запущенность, отсутствие семейных связей, неприятие принятого поведения в обществе, детские психологические травмы, социальную неустроенность в жизни, финансовую несостоятельность, боязнь неприятия обществом после освобождения, криминальное окружение на свободе, отсутствие перспектив на будущее [4].

Указанные причины явно свидетельствуют о неблагоприятном социальном положении большого числа лиц, осужденных к лишению свободы, отсутствию или нарушении социальных связей, подверженности негативному влиянию, проявлении различных фобий и зависимостей. Такое положение вызывает необходимость проведения непрерывной эффективной воспитательной, психологической и социальной работы в исправительных учреждениях.

В соответствии с Конституцией Российской Федерации осужденные как граждане, но в пределах ограничений, установленных законодательно, имеют права, в том числе социального характера [5].

Права осужденных определяются Уголовно-исполнительным кодексом Российской Федерации (далее: УИК РФ). Так, в части 2 статьи 10 «Основы правового положения осужденных»

УИК РФ отмечается, что «при исполнении наказаний осужденным гарантируются права и свободы граждан Российской Федерации с изъятиями и ограничениями, установленными уголовным, уголовно-исполнительным и иным законодательством Российской Федерации» [6].

В УИК РФ предусмотрены положения, содержание которых тесно связано с восстановлением, сохранением и поддержанием социальных связей. К таким положениям относятся права осужденных на свидания (ст. 89), переписку и переводы денежных средств (ст. 91), телефонные разговоры (ст. 92), просмотр кинофильмов и телепередач, прослушивание радиопередач (ст. 94), приобретение и хранение литературы и письменных принадлежностей (ст. 95), возможность выездов за пределы исправительных учреждений (ст. 97), различные виды социальной помощи (ст. 180–182) [6].

Ряд положений УИК РФ о социальном, материально-бытовом и медико-санитарном обеспечении, а также мерах поощрения и воспитательной работе соотносятся с ресоциализацией осужденных (ст. 98-101, 110, 112, 113 и др.) [6].

Мероприятия по исправлению осужденных, воспитательной, социальной, психологической работе в исправительных учреждениях предусмотрены в качестве одного из основных видов деятельности. Кроме того, на завершающем этапе отбывания осужденными наказания (за 9 месяцев до окончания срока наказания) предусмотрена система пенитенциарной probation, реализующая принципы ресоциализации и социальной адаптации. Система probation призвана способствовать восстановлению социальных связей, навыков жизни в обществе, зачастую утрачиваемых осужденными в период отбывания наказания в условиях изоляции от общества и влияния криминальной обстановки в исправительном учреждении [7-9].

Понятие probation, требования к организации и проведению мероприятий, обеспечивающих оказание социальной помощи осужденным, вовлечение их в подготовку к жизни на свободе, интеграции в общество определены в Федеральном законе «О probation в Российской Федерации» [10], а также в приказе Минюста России «О ресоциализации, социальной адаптации и социальной реабилитации лиц, в отношении которых применяется probation в соответствии с Федеральным законом от 6 февраля 2023 г. № 10-ФЗ «О probation в Российской Федерации» [7].

Мероприятия probation в рамках адресной социальной помощи осужденным предусматривают повышение уровня взаимодействия Федеральной службы исполнения наказаний с институтами гражданского общества в лице органов государственной власти, местного самоуправле-

ния, общественных и религиозных организаций, учреждений и предприятий социального обслуживания [2, 4, 7, 11, 12].

В сфере пенитенциарной пробации учреждениями УИС РФ проводится социальная, воспитательная работа, оказывается психологическая помощь, содействие в восстановлении и укреплении социальных связей осужденных, подготовка их к освобождению, а также социальная помощь осужденным, освобождающимся из учреждений, содействие в трудовом и бытовом устройстве [7-13].

В настоящее время типовым штатным расписанием в исправительных колониях предусмотрена группа социальной работы с осужденными и пенитенциарной пробации в составе старшего специалиста по социальной работе, старшего инспектора, инспектора. Количество должностей старший инспектор и инспектор определяется исходя из среднегодовой численности осужденных из расчета: от 100 до 350 человек – 1 должность, и на последующие каждые 350 человек – по 1 должности. Соотношение должностей старший инспектор и инспектор устанавливается 1:2 [14]. Кроме того, в мероприятиях ресоциализации задействованы сотрудники подразделений воспитательной и психологической работы исправительных учреждений, а также подразделений территориальных органов и медицинских организаций УИС РФ.

Широкий спектр задач, а также перечень субъектов пробации требуют применения системного, комплексного подхода к реализации мероприятий социальной работы и пробации, использования научно-обоснованных педагогических, методических приемов и технологий, а также высокого уровня профессионализма сотрудников подразделений социальной работы и пробации учреждений УИС РФ, всех субъектов пробации, обеспечивающих реализацию социальной помощи, индивидуальных программ ресоциализации, социальной адаптации и социальной реабилитации, как непосредственно в исправительных учреждениях, так и осуществляющих межведомственное взаимодействие в сфере пробации и социальной работы.

Социальная работа с осужденными к лишению свободы предполагает широкий круг мероприятий, к основным из которых относятся [7]:

- комплексное изучение личности осужденных, нуждающихся в социальной помощи, их социальная диагностика;

- выявление лиц, нуждающихся в социальной помощи, планирование мероприятий для этой категории лиц;

- оказание социальной помощи;

- содействие по восстановлению и укреплению социальных связей осужденных, включая

- розыск родственников и иных лиц;

- предоставление осужденным полученной от органов государственной власти, организаций и лиц, информации, необходимой для получения им социальных услуг в целях ресоциализации, социальной адаптации и социальной реабилитации, а также консультирование по социальным вопросам;

- содействие в получении документов;

- реализация прав осужденных на социальное страхование, получение пенсий и социальных пособий;

- оказание содействия осужденным, освобождающимся из исправительных учреждений, в получении социальной помощи, трудовом и бытовом устройстве;

- социальная работа с особыми категориями осужденных лиц, такими, как инвалиды, несовершеннолетние, дети-сироты и дети, оставшиеся без попечения родителей, беременные женщины, женщины, имеющие при себе детей, лица, не имеющие определенного места жительства;

- формирование у осужденных к лишению свободы навыков самостоятельного решения своих социальных вопросов и проблем.

Анализ существующих подходов к организации социальной помощи и поддержки осужденных в процессе ресоциализации показывает, что немаловажной проблемой является присутствие формализма при осуществлении мероприятий, способствующих исправлению осужденных, фрагментированность социальных программ [2], недостаточная включенность в эту деятельность государственных и общественных учреждений, социальных служб, иных социальных институтов общества, отсутствие в этой сфере деятельности целостной, непрерывной взаимосвязи между субъектами пробации, а также недостаточный уровень компетенций сотрудников субъектов пробации.

В связи с этим, использование научного подхода к реализации социальных технологий в практической деятельности оказания социальной помощи осужденным, их, ресоциализации и социальной адаптации является актуальной задачей.

В настоящее время технологизация охватывает не только производственные отрасли, но и активно развивается в гуманитарных областях общественных отношений. Социальные технологии позиционируются как «процесс целенаправленного воздействия на социальный объект, обусловленный необходимостью и потребностью получения заданного результата» [15]. Технологичность данного воздействия обусловлена его этапностью, процедурностью и операциональностью. При этом к социальным объектам могут быть отнесены: социальное отношение, взаимо-

действие, группа, институт, организация, а сам объект находится в неразрывной связи с другими социальными объектами, является частью социальной системы, органически интегрирован в социальное целое.

Особенностью социальных технологий является то, что при их помощи моделируются и практически реализуются не отдельные социальные процессы, а социальная жизнь в целом. Учитывая, что социальные технологии должны применяться адресно, как ответ на конкретные возникшие социальные потребности, при их создании и реализации необходимо учитывать особенности как объектов, так и субъектов социальной деятельности.

Для повышения эффективности социальной деятельности социальные технологии целесообразно рассматривать в совокупности с педагогическими, представляющими собой совокупность педагогических приемов и методов, целенаправленно воздействующих на сознание, поведение и деятельность личности, как члена социума в процессе ее социализации, адаптации к новым социальным условиям и социально-ориентированным видам деятельности [16]. В условиях исправительного учреждения объектами социальной деятельности являются осужденные, под общим понятием социализации понимается ресоциализация и социальная адаптация осужденных, подготовка их к жизни вне изоляции от общества.

К одной из важных социально-педагогических технологий и форм организации социально-педагогической деятельности можно отнести социальное посредничество, представляющее собой «процесс содействия достижению соглашения между социальным субъектом и объектом для решения социальных проблем последнего и оказания ему помощи» [15].

В данном случае посредническая деятельность имеет место, когда не предполагается возможность разрешения проблемы объекта социальных отношений сотрудником самостоятельно, а также в своем учреждении, и требуется задействование иных субъектов социальной работы и пробации.

Педагогические аспекты социального посредничества при этом характеризуются тем, что они связаны с созданием условий, при которых разрешение социальных проблем объекта ресоциализации основывается на принципах гуманизма, сотрудничества, заботы, поощрения и поддержки стремления к позитивному совершенствованию.

Посредничество может быть реализовано между объектами ресоциализации и государственными учреждениями, между объектами ресоциализации и сотрудниками субъектов социальной помощи и пробации, между самими

сотрудниками субъектов социальной помощи и пробации, обеспечивающими разработку и реализацию социальных программ, между субъектами социальной помощи и пробации в решении социальных и личностных проблем [17].

Многие исследователи утверждают, что в настоящее время посредническая функция является одной из основных в деятельности специалистов социальной сферы. Так, «способность обеспечивать допустимое и целесообразное посредничество» рассматривается как одна из основных характеристик интегративного типа социального работника в контексте реализации социально-педагогической концепции социальной работы [18].

Основываясь на практическом опыте, исследователи В.Г. Бочарова, С.И. Григорьев и др. выделяют способность обеспечить допустимое и целесообразное посредничество в качестве базовой характеристики специалистов по социальной и социально-педагогической работе независимо от их специализации и сферы деятельности [18, 19]. Данная характеристика является базовой и для специалистов, осуществляющих свою деятельность в изолированной социальной среде, и умеющих организовывать и поддерживать взаимодействие между структурами, в различной форме оказывающими социальную помощь и поддержку осужденным.

К числу форм посредничества, а также задач, реализуемых в практике социальной и социально-педагогической работы, можно отнести:

посредничество в решении правовых, бытовых, а также медико-реабилитационных и иных проблем объектов социальных отношений: содействие в получении социально-бытовой помощи, в вопросах трудоустройства, профессиональной ориентации и адаптации, оказание помощи малоподвижным лицам, оказание медицинской помощи;

посредничество в выборе социальных служб и учреждений, способных оказать необходимую помощь и поддержку объекту социальных отношений: ориентирование в системе социальной помощи, выбор оптимальной социальной микроструктуры, способной наиболее эффективно помочь, обеспечение взаимодействия с требуемой социальной микроструктурой, выявление и оказание помощи лицам, нуждающимся в опеке и попечительстве, установление связей и контактов с другими лицами и социальными службами, создание положительной мотивации у лиц пожилого возраста к активной жизни;

посредничество в решении трудовых, семейных, межличностных конфликтов: выявление и разрешение конфликтов, профилактика; снятие конфликтов между осужденными и администрацией;

собственно социально-педагогическое

посредничество как технология социальной и социально-педагогической работы: координация и контроль деятельности различных ведомств по осуществлению мер социальной защиты; интеграция усилий различных институтов воспитания в социокультурной работе; преодоление отчуждения во взаимоотношениях подростков со взрослыми; содействие профессиональной адаптации, оказание содействия в обучении и воспитании детей и подростков [15, 17].

Используя возможности социально-педагогического посредничества, специалисты: координируют деятельность различных государственных и негосударственных организаций и учреждений по оказанию помощи нуждающимся в социальной поддержке лицам, стимулируют объекты социальных отношений к выполнению ими социально значимой деятельности, развивают у них инициативу и самостоятельность, корректируют девиантное поведение, предотвращают социальные взрывы, в целом способствуют гуманизации общественных отношений и социализации в исправительных учреждениях.

Рассматривая технологию социально-педагогического посредничества, важно учитывать, что она должна обеспечивать завершенный цикл мероприятий с объектом социальных отношений, начиная с выявления имеющихся проблем и заканчивая их разрешением, с учетом как собственных возможностей специалиста, так и привлекаемых специалистов, и социальных служб, иных учреждений и организаций, способных оказать эффективную помощь.

Деятельность специалиста в зависимости от цели и потребностей объектов социальных отношений различна в каждом конкретном случае, однако в технологической структуре социально-педагогического посредничества можно выделить пять основных этапов, обеспечивающих достижение целей ресоциализации и социальной адаптации осужденных:

Диагностический. Этап является начальным и предназначен для сбора, анализа и систематизации информации, требуемой для последующей работы специалиста. В этот период проводится исследование объекта социальных отношений, выявляются социальные проблемы, формируется прогноз их возможного развития, определяется собственный потенциал объекта по разрешению имеющихся социальных проблем. Важной задачей этапа является точное определение причин социальной проблемы, установление тесного контакта с объектом социальных отношений, нахождение путей взаимопонимания.

Этап выбора оптимальной технологии для решения выявленных социальных проблем. Этап предусматривает выбор технологии социально-педагогической деятельности, которая будет при-

меняться специалистом при работе с объектом социальных отношений. Определение конкретной технологии зависит от особенностей объекта социальных отношений, конкретной социальной проблемы и ее сложности, собственных возможностей как объекта, так и специалиста. Для разрешения социальной проблемы могут определяться необходимые социальные службы и специалисты. На данном этапе проводится анализ исходных материалов, необходимых для выбора наиболее оптимальной технологии. По результатам анализа делаются выводы и определяется конечная (промежуточная) цель работы.

Этап подготовки к реализации выбранной технологии. Этап имеет целью предупреждение возможных сложностей при разрешении проблемы объекта социальных отношений. В этот период решаются вопросы организационного плана, рассматриваются материальные и методические аспекты, возникающие в связи с необходимостью эффективного разрешения социальной проблемы и реализации выбранной технологии. В случае взаимодействия с другими социальными службами и специалистами определяются направления скоординированной деятельности, осуществляется совместное планирование и обмен необходимой информацией, выбор форм и методов совместной работы. Данный этап включает в себя планирование реализационной деятельности, а определение требований к мероприятиям, проводимым сотрудниками субъектов социальной работы и пробации, определение зон их ответственности.

Реализационный этап. Этап заключается в непосредственной работе с объектом социальных отношений, разрешении его проблемы. В случае если разрешение проблемы объекта возложено на иных специалистов или социальные службы, осуществляется контроль за их работой, эффективностью оказываемой ими помощи. Непосредственная практическая деятельность по разрешению социальной проблемы подразумевает определенную структуру:

- последовательная реализация методов, реализующих технологию;
- оценка их текущих результатов;
- требуемая коррекция цели, содержания и методики деятельности.

Оценочный этап. Этап является заключительным и позволяет оценить результат реализации технологии, определить качество проделанной работы, сделать вывод об окончательном разрешении проблемы или о необходимости дальнейшей работы с объектом социальных отношений.

При работе с объектом социальных отношений специалист должен создавать благоприятный климат общения, способствующий формиро-

ванию у него желания изменения, разрешения существующей проблемы.

Обобщая принципы социальной и социально-педагогической работы, к основным задачам социально-педагогического посредничества в условиях изоляции осужденных от общества и подготовки их к жизни на свободе можно отнести:

содействие в адаптации к специфическим условиям пребывания в исправительном учреждении;

содействие формированию в социуме исправительного учреждения гуманных, нравственно-здоровых отношений, развитию социальных инициатив, культурно-досуговой и общественно полезной деятельности;

содействие в восстановлении регулярных контактов с семьей и родственниками;

содействие в профессиональной переподготовке и трудоустройстве;

обеспечение педагогического характера форм и методов, используемых при оказании различных видов социальной помощи и поддержки;

обеспечение воспитательного характера социально-педагогической деятельности;

оказание профессионального содействия в разрешении социальных проблем;

предупреждение, а также выявление и разрешение конфликтных ситуаций в группах осужденных, а также в отношении администрации;

представление и защиту интересов во взаимоотношениях с различными государственными, общественными и иными структурами.

Таким образом, по нашему мнению, реализация технологий социально-педагогического посредничества в исправительных учреждениях позволит обеспечить комплексный подход к исправлению осужденных, повысить эффективность мероприятий и результативность процессов ресоциализации, социальной адаптации и социальной реабилитации. Личностно-ориентированная социальная и воспитательная работа, основанная на принципах гуманизма и социально-педагогического посредничества, позволит дополнить, развить и конкретизировать многоплановую деятельность социальных учреждений и общественных организаций на основе эффективного взаимодействия, обеспечивая интегративную функцию взаимосвязи государственно-общественных структур с осужденными.

Список литературы:

[1] Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации : [федер. закон от 8 янв. 1997 г. № 1-ФЗ (ред. от 23.07.2025, с изм. от 17.12.2025): принят Гос. Думой 18 дек. 1996 г.] // Собрание законодательства Российской Федерации. 1997. № 2, ст. 198.

[2] Валеева А.С. Ресоциализация как цель наказания: проблемы ресоциализации в современной России / А. С. Валеева // Инновационные научные исследования в современном мире : Сборник научных статей по материалам XIX Международной научно-практической конференции, Уфа, 27 марта 2026 года. Уфа: Общество с ограниченной ответственностью «Научно-издательский центр «Вестник науки». 2026. С. 133-138.

[3] Таптыков А.В. Социально-криминологическая характеристика лиц, в отношении которых применяется постпенитенциарная пробация / А. В. Таптыков // Антропология. 2025. № 2(18). С. 66-73.

[4] Яковлева М.А. Ресоциализация осужденных: психологическое и социальное направление (на примере исправительных учреждений Вологодской и Ивановской областей) / М. А. Яковлева // Уголовно-исполнительное право. 2024. Т. 19, № 4. С. 601-613.

[5] Конституция Российской Федерации : [принята всенар. голосованием 12 дек. 1993 г, с учетом поправок] // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2014. № 31, ст. 4398; Официальный интернет-портал правовой информации <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 03.07.2026).

[6] Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации : [федер. закон от 8 янв. 1997 г. № 1-ФЗ (ред. от 23.07.2025, с изм. от 17.12.2025): принят Гос. Думой 18 дек. 1996 г.] // Собрание законодательства Российской Федерации. 1997. № 2, ст. 198.

[7] О ресоциализации, социальной адаптации и социальной реабилитации лиц, в отношении которых применяется пробация в соответствии с Федеральным законом от 06.02.2023 № 10-ФЗ «О пробации в Российской Федерации»: Приказ Министерства юстиции РФ от 29 ноября 2023 г. № 350 [Электронный ресурс] // СПС «Гарант» (дата обращения: 03.07.2026).

[8] Адоевская О.А. Исправление и ресоциализация: к вопросу о концептуальной ясности / О. А. Адоевская // Уголовно-исполнительное право. 2024. Т. 19, № 2. С. 217-228.

[9] Абдракипова Д.И. Психологическое воздействие тюремного заключения на личность осужденного: адаптация, ресоциализация / Д.И. Абдракипова, З.Н. Ахметзянова // НАУКА. Технологии. Инновации - 2025 : сборник статей IV Международной научно-практической конференции, Петрозаводск, 27 октября 2025 года. Петрозаводск: Международный центр научного партнерства «Новая Наука» (ИП Ивановская И.И.). 2025. С. 113-120.

[10] О пробации в Российской Федерации : [федер. закон от 6 фев. 2023 г. № 10-ФЗ : принят Гос. Думой 25 янв. 2023 г.] // Собрание законодательства Российской Федерации. 2023.

№ 6, ст. 917.

[11] Стрилец О.В. Соотношение понятий «исправление», «ресоциализация» и «пробация» в правовой доктрине / О. В. Стрилец // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2025. № 2(73). С. 42-49.

[12] Трифонова Ж.Н. Ресоциализация правонарушителей в современных условиях через участие в социальных проектах / Ж. Н. Трифонова, Е. Н. Оберемок, Ю.Б. Борисова // Воспитательная система А.С. Макаренко как основа развития системы наставничества в отечественной и зарубежной образовательной практике : сборник статей участников Международной научно-практической конференции, Москва, 13 марта 2024 года. – Москва: Общество с ограниченной ответственностью «Издательско-торговый Дом «ПЕРСПЕКТИВА». 2024. С. 23-27.

[13] Кукурудза О.А. Пробация как основа ресоциализации личности / О.А. Кукурудза // Пенитенциарная и постпенитенциарная ресоциализация осужденных: проблемы и перспективы : Сборник научных трудов международной научно-практической конференции, Владимир, 05–06 июня 2025 года. Владимир: Владимирский юридический институт Федеральной службы исполнения наказаний. 2025. С. 135-139.

[14] Об утверждении типовых структур, типовых штатных расписаний и порядка расчета штатной численности исправительных колоний : Приказ Федеральной службы исполнения наказаний от 11.11.2024 № 797. Официальный интернет-портал правовой информации (pravo.gov.ru) 25 ноября 2024 г. № 0001202411250002.

[15] Социальная работа / Под общ. ред. В.И. Курбатова. Ростов н/Д.: «Феникс». 1999. 576 с.

[16] Овчарова Р.В. Справочная книга социального педагога. М.: Творческий центр «Сфера». 2001. 480 с.

[17] Данакин Н.С. Теория и методика (технология) социальной работы // Обучение социальной работе в России. Программы и технологии. В 6 ч. М.: Ассоц. соц. педаг. и работн. Рос. Федерации, 1997-1998. 4.1: Социальная работа: наука и профессия. 1997. С. 53-138.

[18] Теории социальной работы на пути к самоопределению, образованию и практике / Под ред. С.И. Григорьева. М.: Центр социальн. педагогики Рос. акад. Образования. 1994. 137с.

[19] Бочарова В.Г., Григорьев С.И. Стратегия и технология образования в области социальной работы // Обучение социальной работе в России. Программы и технологии: В 6 ч. М.: Ассоц. соц. педаг. и работн. Рос. Федерации, 1997-1998. 4.1: Социальная работа: наука и профессия. 1997. С. 5-52.

References:

[1] Criminal Executive Code of the Russian Federation: [feder. Law of January 8, 1997 No. 1-FZ (as amended on 23.07.2025, amended on 17.12.2025): adopted by the State Duma December 18, 1996] // Collection of legislation of the Russian Federation. 1997. No. 2, Art. 198.

[2] Valeeva A.S. Resocialization as a goal of punishment: problems of resocialization in modern Russia/A.S. Valeeva // Innovative scientific research in the modern world: Collection of scientific articles based on the materials of the XIX International Scientific and Practical Conference, Ufa, March 27, 2026. Ufa: Limited Liability Company "Scientific and Publishing Center "Bulletin of Science." 2026. pp. 133-138.

[3] Tapytkov A.V. Socio-criminological characteristics of persons for whom post-penitential probation is used/A.V. Tapytkov // Anthropogo-geek. 2025. № 2(18). pp. 66-73.

[4] Yakovleva M.A. Resocialization of convicts: psychological and social direction (on the example of correctional institutions of the Vologda and Ivanovo regions) / M.A. Yakovleva // Criminal executive law. 2024. Vol. 19, no. 4. pp. 601-613.

[5] Constitution of the Russian Federation: [adopted by the Congress. by a vote of December 12, 1993, as amended] // Sobr. legislation Ros. Federations. 2014. No. 31, Art. 4398; Official Internet portal of legal information <http://www.pravo.gov.ru> (Accessed: 03.07.2026).

[6] Penal Code of the Russian Federation: [feder. Law of January 8, 1997 No. 1-FZ (as amended on 23.07.2025, amended on 17.12.2025): adopted by the State Duma December 18, 1996] // Collection of legislation of the Russian Federation. 1997. No. 2, Art. 198.

[7] On the re-socialization, social adaptation and social rehabilitation of persons in respect of whom probation is applied in accordance with Federal Law No. 10-FZ of 06.02.2023 "On Probation in the Russian Federation": Order of the Ministry of Justice of the Russian Federation of November 29, 2023 No. 350 [Electronic Resource] // SPS "Garant" (Accessed: 03.07.2026).

[8] Adoevskaya O.A. Correction and resocialization: to the question of conceptual clarity // Criminal executive law. 2024. Vol. 19, no. 2. pp. 217-228.

[9] Abdrakipova D.I., Akhmetzyanova Z.N. Psychological impact of imprisonment on the convict's personality: adaptation, resocialization // SCIENCE. Technology. Innovations - 2025: collection of articles of the IV International Scientific and Practical Conference, Petrozavodsk, October 27, 2025. Petrozavodsk: International Center for Scientific Partnership "New Science" (IP Ivanovskaya I.I.).

2025. pp. 113-120.

[10] On probation in the Russian Federation: [feder. Law No. 10-FZ of February 6, 2023: adopted by the State Duma January 25, 2023] // Collection of legislation of the Russian Federation. 2023. No. 6, Art. 917.

[11] Strilets O.V. Correlation of the concepts of "correction," "resocialization" and "probation" in legal doctrine // Bulletin of the Volgograd Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2025. № 2(73). pp. 42-49.

[12] Trifonova Zh.N., Oberemok E.N. and Borisova Yu.B. Resocialization of offenders in modern conditions through participation in social projects // Educational system A.S. Makarenko as the basis for the development of a mentoring system in domestic and foreign educational practice: collection of articles by participants of the International Scientific and Practical Conference, Moscow, March 13, 2024. Moscow: Publishing and Trading House PERSPEKTIVA Limited Liability Company. 2024. pp. 23-27.

[13] Kukurudza O.A. Probation as the basis of resocialization of personality // Penitentiary and post-penitential resocialization of convicts: problems and prospects: Collection of scientific works of an international scientific and practical conference, Vladimir, June 05-06, 2025. Vladimir: Vladimir Law Institute of the Federal Penitentiary Service. 2025.

pp. 135-139.

[14] On the approval of standard structures, standard staffing schedules and the procedure for calculating the staffing of correctional colonies: Order of the Federal Penitentiary Service of 11.11.2024 No. 797. Official Internet portal of legal information (pravo.gov.ru) November 25, 2024 No. 0001202411250002.

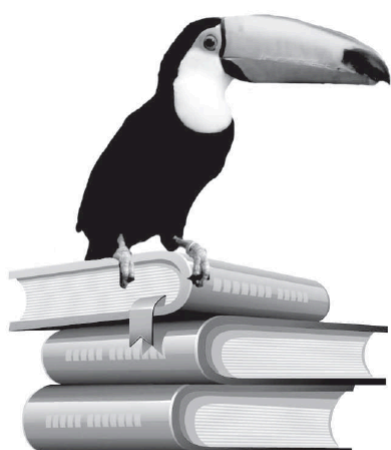
[15] Social work/Under the general. ed. V.I. Kurbatov. - Rostov n/D: "Phoenix." 1999. 576 p.

[16] Ovcharova R.V. Reference book of a social teacher. M.: Creative Center "Sphere." 2001. 480 p.

[17] Danakin N.S. Theory and methodology (technology) of social work // Training in social work in Russia. Programs and technologies. At 6 a.m.: Assoc. social. pedag. and rabotn. Grew. Federations, 1997-1998. 4.1: Social work: science and profession. 1997. pp. 53-138.

[18] Theories of social work on the way to self-determination, education and practice /Ed. S.I. Grigoriev. M.: Center for Social pedagogy Ros. acad. educations. 1994. 137 p.

[19] Bocharova V.G., Grigoriev S.I. Strategy and technology of education in the field of social work // Training in social work in Russia. Programs and technologies: At 6 a.m.: Assoc. social. pedag. and work. Grew. Federations, 1997-1998. 4.1: Social work: science and profession. 1997. pp. 5-52.

ЮРКОМПАНИ

www.law-books.ru

Юридическое издательство
«ЮРКОМПАНИ»

Издание учебников,
учебных и методических
пособий, монографий,
научных статей.

Профессионально.

В максимально
короткие сроки.

Размещаем
в РИНЦ, E-Library.

Дата поступления рукописи в редакцию: 13.08.2026 г.

DOI: 10.24412/2782-3849-2026-8-84-91

Дата принятия рукописи в печать: 31.08.2026 г.

МАЙСТРЕНКО Григорий Александрович,

кандидат юридических наук, старший научный сотрудник
Научно-исследовательского института Федеральной службы
исполнения наказаний России, Москва, Россия,
e-mail: g.maystrenko@yandex.ru

ВОПРОСЫ ЦИФРОВИЗАЦИИ УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА В РОССИИ

Аннотация. В статье исследуется современное состояние цифровизации уголовного судопроизводства в Российской Федерации через призму электронного документооборота, дистанционного участия в судебном заседании и перспектив нормативного закрепления электронного уголовного дела. Обосновывается, что действующее регулирование уже сформировало правовую основу для электронных документов на судебной и досудебной стадиях, однако пока не создало целостной модели цифрового уголовного производства. Выявлены ключевые риски: фрагментарность правового режима, зависимость процессуальных прав от технической возможности, неопределенность статуса цифрового массива материалов дела, проблема конфиденциальной связи защитника с подзащитным при видеоконференц-связи, а также сохранность и верифицируемость электронных доказательственных данных. Предложена концепция поэтапного перехода к электронному уголовному делу при сохранении бумажного резервного контура и усилении судебного контроля за цифровыми ограничениями прав участников процесса.

Ключевые слова: уголовный процесс; цифровизация; электронное уголовное дело; электронный документ; видеоконференц-связь; электронные доказательства; судебное производство; право на защиту.

MAISTRENKO Grigoriy Aleksandrovich,

PhD in Law, Senior Researcher of Research Institute of the Federal
Penitentiary Service of Russia, Moscow, Russia

ISSUES OF DIGITALIZATION OF CRIMINAL PROCEEDINGS IN RUSSIA

Annotation. The article examines the current state of digitalization of Russian criminal proceedings with regard to electronic document flow, remote participation in court hearings and the prospective legal model of an electronic criminal case. It is argued that Russian legislation has already created a basis for the use of electronic documents at judicial and pre-trial stages, but has not yet formed an integrated model of digital criminal proceedings. The article identifies procedural risks and proposes a gradual transition to an electronic criminal case while maintaining effective guarantees of defense, judicial control and evidentiary reliability.

Key words: criminal procedure; digitalization; electronic criminal case; electronic document; video conference; electronic evidence; judicial proceedings; right to defense.

Введение

Цифровизация уголовного процесса в России вышла из стадии вспомогательного судебного делопроизводства и перешла в стадию процессуального переустройства отдельных институтов. Если первоначально электронная форма воспринималась как способ подать жалобу или получить копию судебного акта, то сегодня она затрагивает порядок участия подсудимого в судебном заседании, направление процессуальных документов на досудебной стадии, проведение отдельных следственных действий с применением видеоконференц-связи, а также перспективу формирования электронного уголовного дела. Такое изменение не является техническим: оно ме-

няет структуру процессуального общения, режим доступа к материалам дела, способы фиксации доказательственной информации и пределы реализации права на защиту.

Актуальность темы определяется тем, что уголовное судопроизводство традиционно отличается наибольшей степенью формализации и наибольшей ценой процессуальной ошибки. В гражданском и административном процессе электронный документооборот может рассматриваться прежде всего как инструмент доступа к суду. В уголовном процессе тот же инструмент немедленно сталкивается с презумпцией невиновности, тайной предварительного расследования, правом не свидетельствовать против себя,

необходимостью личного участия подсудимого и особым значением непосредственного исследования доказательств. Поэтому цифровизация уголовного процесса должна оцениваться не по критерию удобства ведомственного документооборота, а по критерию сохранения и усиления процессуальных гарантий.

Цель статьи состоит в том, чтобы определить, в какой мере действующее российское регулирование электронных документов и дистанционного участия уже создает контуры электронного уголовного дела, а также какие законодательные решения необходимы для перехода от фрагментарной цифровизации к системной модели уголовного судопроизводства. Методологическую основу исследования составляют формально-юридический, системный, сравнительно-правовой и прогностический методы. Нормативная база анализа включает УПК РФ, федеральные законы о внесении изменений в уголовно-процессуальное законодательство, акты Верховного Суда Российской Федерации и Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации.

1. От электронного обращения к цифровому уголовному производству

Первый этап процессуальной цифровизации в судах общей юрисдикции был связан с легализацией электронных обращений и электронных образов документов. Федеральный закон от 23 июня 2016 г. № 220-ФЗ создал межпроцессуальную рамку применения электронных документов в деятельности органов судебной власти, а последующее разъяснение Верховного Суда Российской Федерации закрепило базовые понятия: «документ в электронном виде», «электронный образ документа», «электронный документ», «личный кабинет» и «система автоматизации судопроизводства». Для уголовного процесса это имело особое значение, поскольку легализовало не только электронную коммуникацию с судом, но и возможность процессуального признания электронного носителя как формы обращения участника уголовного судопроизводства [4].

Однако уже на этом этапе проявилось отличие уголовного процесса от иных видов судопроизводства. Электронная форма обращения не отменяет требований к допустимости, относимости и достоверности доказательств, не заменяет протоколирование судебного действия и не устраняет обязанность суда обеспечить равенство сторон. Более того, электронный канал связи может стать самостоятельным фактором ограничения прав, если доступ к нему зависит от технической оснащенности учреждения, наличия квалифицированной электронной подписи, подтвержденной учетной записи либо от состояния информационной системы. Тем самым цифровизация вводит в уголовный процесс новый вид

процессуального условия — техническую возможность.

Именно эта категория является одной из наиболее проблемных. Законодатель неоднократно использует формулу «при наличии технической возможности», но не раскрывает ее процессуального содержания и не устанавливает единый порядок проверки ее отсутствия. Между тем в уголовном процессе отсутствие технической возможности может означать не нейтральный организационный сбой, а отказ от более быстрого получения копии документа, невозможность оперативного заявления ходатайства или затруднение участия в судебном заседании. Поэтому техническая невозможность должна быть не фактическим оправданием, а процессуально фиксируемым обстоятельством, подлежащим мотивировке и последующей проверке.

Порядок подачи документов в электронном виде в федеральные суды общей юрисдикции, утвержденный Судебным департаментом при Верховном Суде Российской Федерации, имеет важное прикладное значение, поскольку переводит общие нормы процессуальных кодексов в режим конкретных действий пользователя: создание личного кабинета, загрузка электронного образа документа, подписание электронной подписью, направление через официальный сайт суда. Но для уголовного процесса такой порядок должен рассматриваться лишь как инфраструктурный слой. Его нельзя отождествлять с полноценным электронным уголовным делом, поскольку он не определяет внутреннюю структуру материалов дела, правила их формирования органами расследования, стандарты неизменности файлов, пределы доступа сторон и порядок судебной проверки цифровой целостности [9].

2. Новые нормы УПК РФ: судебная и досудебная электронная форма

Современное состояние регулирования характеризуется тем, что в УПК РФ появились самостоятельные нормы об электронных документах в ходе судебного и досудебного производства. Статья 474.1 УПК РФ регламентирует использование электронных документов в судебном производстве: ходатайство, заявление, жалоба или представление, не содержащие охраняемой законом тайны, при наличии технической возможности могут быть поданы в суд в форме электронного документа и подписываются усиленной квалифицированной электронной подписью, если иное не установлено кодексом. Такая конструкция делает электронный документ не факультативной перепиской, а процессуальной формой действия участника [1].

Более существенным шагом стало введение статьи 474.2 УПК РФ, посвященной электронным документам в ходе досудебного произ-

водства. Эта норма распространяет электронную форму на ходатайства, заявления, жалобы, представления и требования, адресуемые прокурору, следователю, руководителю следственного органа, органу дознания и дознавателю. Одновременно законодатель установил важные исключения: электронная форма не применяется к заявлению о преступлении, а также к материалам, содержащим государственную или иную охраняемую законом тайну, сведения, затрагивающие безопасность государства, права несовершеннолетних или данные о преступлениях против половой неприкосновенности и половой свободы личности [1].

Системное значение статьи 474.2 состоит в том, что она впервые выводит электронную форму за пределы суда и связывает ее с досудебной процессуальной деятельностью. Тем самым преодолевается прежняя асимметрия: суд мог получать электронные документы, но предварительное расследование оставалось преимущественно бумажным. Вместе с тем норма пока не создает электронного уголовного дела как единого цифрового объекта. Она регулирует отдельные документы и отдельные способы их направления, но не отвечает на вопросы о том, что является оригиналом электронного материала, кто отвечает за его цифровую целостность, каким образом фиксируется история доступа и изменений, как сторона защиты получает массив материалов в машиночитаемом и проверяемом виде.

Особого внимания заслуживает правило о возможности изготовления и направления электронных копий постановлений, обвинительного заключения, обвинительного акта, обвинительного постановления и иных процессуальных документов. Это положение имеет несомненный потенциал для ускорения процесса и снижения издержек, особенно в многоэпизодных делах. Но оно одновременно обостряет вопрос о равенстве доступа. Если обвиняемый содержится под стражей, цифровой формат не должен превращаться в формальную передачу файла, который невозможно полноценно изучить, аннотировать, сопоставить с доказательствами и обсудить с защитником. Законодательное решение о предоставлении технического устройства для чтения электронных документов является важным, но минимальным, а не исчерпывающим гарантийным стандартом [7].

Поэтому электронное уголовное дело должно пониматься не как сканированная копия бумажного дела и не как папка файлов, а как процессуально достоверный цифровой комплекс материалов, имеющий установленную структуру, метаданные происхождения, журнал доступа, механизм проверки неизменности и правила предоставления сторонам. Без такого понимания циф-

ровизация будет воспроизводить бумажную модель, лишь меняя носитель. В результате сохранится главный недостаток нынешнего периода: электронные документы уже допускаются, но электронная процессуальная среда еще не создана.

3. Дистанционное участие и право на защиту

Второй блок цифровизации уголовного судопроизводства связан с применением видеоконференц-связи. Федеральный закон от 30 декабря 2021 г. № 501-ФЗ дополнил УПК РФ статьей 189.1, позволив проводить допрос, очную ставку и опознание с использованием систем видеоконференц-связи государственных органов, осуществляющих предварительное расследование. Законодатель одновременно установил специальные гарантии: обязательность видеозаписи, приобщение материалов видеозаписи к протоколу, подписание необходимых документов по месту нахождения участника, запрет применения ВКС при риске разглашения тайны или данных о защищаемом лице. Эти положения показывают, что дистанционная форма в уголовном процессе допустима только как усложненная форма, а не как упрощение процессуальной процедуры [5].

Федеральный закон от 29 декабря 2022 г. № 610-ФЗ пошел дальше и ввел статью 241.1 УПК РФ об участии в судебном заседании путем использования систем видеоконференц-связи. Сама структура нормы компромиссна: подсудимый участвует непосредственно, но суд при наличии технической возможности вправе по ходатайству подсудимого принять решение о его дистанционном участии; кроме того, дистанционная форма допускается при обстоятельствах, исключающих непосредственное участие. При рассмотрении дела с участием присяжных заседателей участие подсудимого посредством ВКС запрещено, что отражает повышенное значение личного восприятия подсудимого коллегией присяжных [6].

Ключевой гарантией статьи 241.1 является обязательное участие защитника в случае дистанционного участия подсудимого и обязанность обеспечить беспрепятственное конфиденциальное общение защитника с подсудимым, поддерживаемым под стражей. Именно здесь концентрируется центральная проблема цифрового уголовного суда. Формальное присутствие адвоката в заседании не означает эффективной защиты, если адвокат не может без контроля третьих лиц обсудить позицию, реакцию на показания свидетеля, необходимость заявления ходатайства или вопрос о признании доказательств недопустимым. Следовательно, при ВКС должна быть предусмотрена не только связь «суд — учреждение», но и защищенный канал «защитник — под-

защитный», доступный до заседания, в перерывах и непосредственно после исследования значимых доказательств.

Дистанционное участие иных лиц — потерпевших, свидетелей, специалистов, экспертов — также не является нейтральной заменой личной явки. Суд оценивает не только содержание показаний, но и условия их дачи: самостоятельность ответа, отсутствие подсказок, возможность восприятия предъявляемых материалов, соблюдение порядка предупреждения об ответственности. При ВКС эти параметры должны быть специально удостоверены судом, иначе непосредственность судебного разбирательства превращается в техническую трансляцию без полноценной процессуальной верификации.

В доктрине справедливо отмечается, что применение видеоконференц-связи дает преимущества в экономии времени, обеспечении безопасности и доступности судебного участия, но порождает риски снижения качества коммуникации и ослабления гарантий состязательности. Для уголовного процесса это означает необходимость презумпции очного участия по существу обвинения и допустимости дистанционной формы только при наличии мотивированного решения суда, проверяемых технических условий и процессуального механизма немедленного устранения нарушений связи [12].

4. Электронные доказательства и цифровая целостность материалов дела

Цифровизация уголовного судопроизводства неизбежно связана с ростом значения электронных доказательственных данных. В уголовном процессе России термин «электронные доказательства» не получил самостоятельного нормативного закрепления, однако цифровая информация фактически присутствует в виде электронных документов, файлов, аудио- и видеозаписей, сведений биллинга, данных информационных систем, переписки, цифровых следов финансовых операций и результатов компьютерно-технических экспертиз. Вопрос состоит не в том, признавать ли такие данные доказательствами, а в том, как обеспечить их собирание, проверку, хранение и исследование в процессуальной форме.

Электронное уголовное дело требует особой модели доверия. В бумажном деле доверие обеспечивается подлинником, подписью, печатью, нумерацией листов и физической сохранностью тома. В цифровой среде аналогичную функцию должны выполнять усиленная электронная подпись, метка времени, криптографическая фиксация контрольной суммы, журнал действий пользователя, резервное хранение и возможность независимой проверки неизменности материала. Без этого электронный документ остается юридически допустимым, но доказательственно

уязвимым.

Особая проблема состоит в разграничении электронного документа и электронного образа документа. Электронный образ фиксирует бумажный оригинал, тогда как электронный документ изначально создается в цифровой форме. Для уголовного дела это различие принципиально. Скан протокола следственного действия не равен протоколу, составленному и подписанному как электронный документ. Электронная копия обвинительного заключения не тождественна электронному оригиналу процессуального документа. Поэтому законодатель должен закрепить презумпцию: при наличии электронного оригинала именно он имеет приоритет перед распечаткой или сканированным образом, если его подлинность подтверждена установленными техническими и процессуальными средствами.

Не менее значим вопрос о доступе защиты к цифровым материалам. Бумажное ознакомление с делом предполагает возможность делать выписки, копии, замечания, сопоставлять документы. Электронное ознакомление должно предоставить функционально эквивалентные возможности: поиск по тексту, выгрузку разрешенных копий, фиксацию закладок, проверку перечня материалов, отметку о времени доступа, получение протокола ознакомления. Нельзя считать право на ознакомление реализованным, если сторона защиты получает только просмотр без возможности эффективной навигации по материалам большого дела.

В перспективе электронное уголовное дело должно включать не только материалы в формате PDF, но и структурированные данные: сведения об участниках, процессуальные сроки, перечень доказательств, статусы ходатайств, историю судебных решений. Но структурирование не должно превращаться в алгоритмизацию обвинения. Любые аналитические инструменты, включая элементы искусственного интеллекта, в уголовном процессе допустимы лишь как вспомогательные средства организации информации, но не как источник вывода о виновности, мере пресечения или достоверности показаний. В противном случае цифровизация будет конфликтовать с принципами свободной оценки доказательств и личной ответственности суда за итоговое решение.

5. Концепция электронного уголовного дела: необходимые элементы

Научная дискуссия об электронном уголовном деле ведется не первый год. В литературе электронное уголовное дело рассматривается как инструмент модернизации судопроизводства, как способ ускорения доступа к материалам и как риск формализации процессуальных гарантий. Представляется, что спор «за» или «против» элек-

тронного уголовного дела уже не соответствует реальному состоянию законодательства. Электронные документы и дистанционные формы участия уже вошли в УПК РФ. Следовательно, вопрос должен ставиться иначе: какая модель электронного уголовного дела позволит сохранить права участников и обеспечить доказательственную надежность [11]?

Первый элемент такой модели — легальное определение электронного уголовного дела. Оно должно быть закреплено в УПК РФ как совокупность процессуальных документов, доказательственных материалов, цифровых носителей, метаданных и служебных записей информационной системы, сформированных, подписанных, полученных или приобщенных в установленном законом порядке. В определение необходимо включить указание на юридическую равнозначность электронного оригинала и бумажного документа при соблюдении требований к электронной подписи и фиксации неизменности.

Второй элемент — единый реестр процессуальных действий и документов. Каждое действие, связанное с созданием, изменением, направлением, просмотром или копированием материала дела, должно оставлять машинно фиксируемый след. Такой журнал не является внутренней технической информацией органа расследования: в пределах, не нарушающих тайну расследования и безопасность участников, он должен быть доступен суду и сторонам для проверки подлинности и полноты материалов.

Третий элемент — дифференцированный доступ. Уголовное дело содержит сведения различной степени чувствительности: данные несовершеннолетних, сведения о потерпевших по делам о половой неприкосновенности, государственную и иную охраняемую законом тайну, персональные данные, материалы оперативно-розыскного происхождения. Поэтому электронное дело не может строиться по принципу «открыть весь массив всем участникам». Требуется ролевая модель доступа, но ограничения доступа должны иметь процессуальную форму, быть мотивированными и подлежать судебной проверке.

Четвертый элемент — цифровой стандарт защиты. Конфиденциальность связи защитника и подзащитного, защищенное хранение материалов, резервирование данных, предотвращение несанкционированного изменения и фиксация технических сбоев должны быть не ведомственными рекомендациями, а условиями допустимости использования электронной формы. Иначе техническая инфраструктура станет слабым звеном процессуальной законности.

Пятый элемент — бумажный резервный контур. На переходном этапе отказ от бумаги в уголовном процессе невозможен и нежелателен.

Бумажный контур нужен для лиц, не имеющих цифровых средств, для ситуаций технической недоступности, для материалов с ограниченным режимом и для проверки электронного массива. Однако резервный контур не должен блокировать развитие электронного дела: бумага должна выполнять гарантийную, а не доминирующую функцию.

6. Предложения de lege ferenda

Проведенный анализ позволяет предложить несколько направлений совершенствования законодательства. Во-первых, в УПК РФ целесообразно включить самостоятельную главу или комплекс норм об электронном уголовном деле. Расположение таких норм в заключительных положениях о бланках и электронных документах недостаточно, поскольку электронное дело затрагивает все стадии процесса: возбуждение дела, расследование, ознакомление, направление прокурору, поступление в суд, судебное разбирательство, апелляцию и исполнение приговора.

Во-вторых, необходимо процессуализировать категорию технической возможности. Отсутствие технической возможности должно оформляться мотивированным постановлением или определением с указанием характера препятствия, срока его устранения и альтернативного способа реализации права участника. Такое решение должно приобщаться к материалам дела и подлежать проверке судом. Это позволит исключить ситуацию, когда цифровое право существует в законе, но исчезает в практике под ссылкой на неработающий сервис.

В-третьих, следует закрепить минимальный стандарт электронного ознакомления с материалами дела: предоставление доступа к перечню материалов, возможность поиска, копирования разрешенных документов, фиксация времени доступа, получение электронного протокола ознакомления, подача замечаний к полноте и качеству цифрового массива. Для обвиняемого, содержащегося под стражей, должен быть установлен специальный порядок обеспечения технического устройства, времени для ознакомления и конфиденциального обсуждения материалов с защитником.

В-четвертых, нормы о видеоконференц-связи требуют детализации в части конфиденциального общения защитника и подзащитного. В законе следует прямо закрепить обязанность суда проверять наличие защищенного канала связи и фиксировать такую проверку в протоколе. При отсутствии возможности конфиденциального общения судебное заседание не должно продолжаться, если дистанционно участвует подсудимый и обсуждается вопрос, затрагивающий его позицию по обвинению, меру пресечения, допустимость доказательств или иные существенные

права.

В-пятых, необходимо установить правила цифровой целостности доказательственных материалов: обязательное указание формата файла, контрольной суммы, источника получения, даты создания или поступления, лица, осуществившего загрузку, а также порядка воспроизведения в судебном заседании. Эти сведения должны включаться в протокол соответствующего процессуального действия или в электронную карточку материала дела.

В-шестых, внедрение элементов искусственного интеллекта в уголовном судопроизводстве должно быть ограничено организационно-аналитическими задачами: поиск по материалам, выявление дублей, проверка сроков, подготовка технических проектов уведомлений. Недопустимо использование алгоритмов для скрытой оценки виновности, прогнозирования наказания или ранжирования доказательств без раскрытия методики и возможности процессуального оспаривания. Уголовное судопроизводство не может быть передано в режим «автоматизированной вероятности», поскольку его предметом является личная уголовная ответственность.

В-седьмых, требуется межведомственная совместимость информационных систем суда, прокуратуры, следственных органов, органов дознания, учреждений исполнения наказаний и адвокатуры. Без такой совместимости электронное уголовное дело распадется на ведомственные фрагменты, между которыми документы будут передаваться как обычные файлы, теряя процессуальную прослеживаемость. Следовательно, нужен единый федеральный стандарт обмена процессуальными электронными документами по уголовным делам.

Заключение

Цифровизация уголовного судопроизводства в России развивается по модели последовательного расширения электронных процессуальных возможностей. Сначала была легализована подача электронных обращений в суд, затем сформирован режим электронных документов в судебном производстве, позднее урегулированы отдельные дистанционные следственные и судебные действия, а с 2024 г. электронная форма была распространена на часть досудебного производства. Эти изменения свидетельствуют о переходе от электронного делопроизводства к цифровой процессуальной форме.

Вместе с тем действующая модель остается фрагментарной. УПК РФ регулирует электронные документы, но не электронное уголовное дело; допускает видеоконференц-связь, но требует дальнейшей детализации конфиденциальной защиты; вводит электронное направление процессуальных документов, но сохраняет зависимость

прав участников от неопределенной технической возможности. Поэтому главный вызов ближайшего этапа состоит не в увеличении числа цифровых сервисов, а в создании процессуально гарантированной цифровой среды.

Электронное уголовное дело должно стать не способом ведомственной оптимизации, а правовым институтом уголовного процесса. Его нормативная модель должна включать легальное определение, правила формирования и хранения, журнал доступа, стандарты цифровой целостности, дифференцированный доступ, гарантии электронного ознакомления, защищенную коммуникацию защитника и подзащитного, а также судебный контроль за техническими ограничениями. Только при соблюдении этих условий цифровизация будет усиливать, а не ослаблять назначение уголовного судопроизводства.

Практический вывод заключается в следующем: электронная форма должна применяться в уголовном процессе по принципу функциональной эквивалентности и гарантийного приоритета. Если цифровой инструмент обеспечивает участнику те же или более высокие возможности защиты, доступа и проверки, чем бумажная форма, он должен внедряться. Если же цифровой инструмент снижает качество участия, конфиденциальность общения или проверяемость доказательств, приоритет должен сохраняться за традиционной процессуальной формой. Такой подход позволяет совместить технологическое развитие с конституционной природой уголовного судопроизводства.

Список литературы:

- [1] Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2001. № 52 (ч. I). Ст. 4921.
- [2] Федеральный закон от 6 апреля 2011 г. № 63-ФЗ «Об электронной подписи» // Собрание законодательства РФ. 2011. № 15. Ст. 2036.
- [3] Федеральный закон от 27 июля 2006 г. № 152-ФЗ «О персональных данных» // Собрание законодательства РФ. 2006. № 31 (ч. I). Ст. 3451.
- [4] Федеральный закон от 23 июня 2016 г. № 220-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части применения электронных документов в деятельности органов судебной власти» // Собрание законодательства РФ. 2016. № 26 (ч. I). Ст. 3889.
- [5] Федеральный закон от 30 декабря 2021 г. № 501-ФЗ «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202112300163..>
- [6] Федеральный закон от 29 декабря

2022 г. № 610-ФЗ «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202212290106..>

[7] Федеральный закон от 25 декабря 2023 г. № 672-ФЗ «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202312250081..>

[8] Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 26 декабря 2017 г. № 57 «О некоторых вопросах применения законодательства, регулирующего использование документов в электронном виде в деятельности судов общей юрисдикции и арбитражных судов» // Российская газета. 2017. 29 декабря.

[9] Приказ Судебного департамента при Верховном Суде РФ от 27 декабря 2016 г. № 251 «Об утверждении Порядка подачи в федеральные суды общей юрисдикции документов в электронном виде, в том числе в форме электронного документа» // СПС «КонсультантПлюс».

[10] Зуев С.В. Электронное уголовное дело: за и против // Правопорядок: история, теория, практика. 2018. № 4 (19). С. 6–12.

[11] Качалова О.В., Цветков Ю.А. Электронное уголовное дело — инструмент модернизации уголовного судопроизводства // Российское правосудие. 2015. № 2. С. 95–101.

[12] Кутуев Э.К. Использование видеоконференц-связи при производстве судебных действий по уголовному делу: преимущества, процессуальные проблемы // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2024. № 1. С. 147–154.

[13] Руденко Д.А. О необходимости внедрения концепции электронного уголовного дела в российское уголовное судопроизводство // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2024. № 1. С. 69–76.

[14] Рябчиков С.А. Актуальные вопросы внедрения электронных документов в досудебное производство и формирования электронного уголовного дела // Вестник экономической безопасности. 2024. № 2. С. 215–220.

[15] Осипов А.Л. Актуальные вопросы применения цифровых технологий в уголовном судопроизводстве // Lex russica. 2025. № 3. С. 87–99.

References:

[1] Code of Criminal Procedure of the Russian Federation dated December 18, 2001 No. 174-FZ // Collection of Legislation of the Russian Federation. 2001. No. 52 (part I). Art. 4921.

[2] Federal Law of April 6, 2011 No. 63-FZ "On Electronic Signature" // Collection of Legislation

of the Russian Federation. 2011. № 15. Art. 2036.

[3] Federal Law of July 27, 2006 No. 152-FZ "On Personal Data" // Collection of Legislation of the Russian Federation. 2006. No. 31 (part I). Art. 3451.

[4] Federal Law of June 23, 2016 No. 220-FZ "On Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation Regarding the Use of Electronic Documents in the Activities of Judicial Authorities" // Collection of Legislation of the Russian Federation. 2016. No. 26 (part I). Art. 3889.

[5] Federal Law of December 30, 2021 No. 501-FZ "On Amendments to the Criminal Procedure Code of the Russian Federation" // Official Internet portal of legal information. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202112300163..>

[6] Federal Law of December 29, 2022 No. 610-FZ "On Amendments to the Criminal Procedure Code of the Russian Federation" // Official Internet portal of legal information. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202212290106..>

[7] Federal Law of December 25, 2023 No. 672-FZ "On Amendments to the Criminal Procedure Code of the Russian Federation" // Official Internet portal of legal information. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202312250081..>

[8] Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of December 26, 2017 No. 57 "On some issues of application of legislation regulating the use of documents in electronic form in the activities of courts of general jurisdiction and arbitration courts" // Rossiyskaya Gazeta. 2017. December 29.

[9] Order of the Judicial Department under the Supreme Court of the Russian Federation dated December 27, 2016 No. 251 "On approval of the Procedure for submitting documents in electronic form, including in the form of an electronic document, to the federal courts of general jurisdiction" // SPS "ConsultantPlus".

[10] Zuev S.V. Electronic criminal case: for and against // Law and order: history, theory, practice. 2018. № 4 (19). С. 6–12.

[11] Kachalova O.V., Tsvetkov Yu.A. Electronic criminal case is an instrument for the modernization of criminal proceedings // Russian justice. 2015. № 2. С. 95–101.

[12] Kutuev E.K. The use of video conferencing in the production of court actions in a criminal case: advantages, procedural problems // Bulletin of St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2024. № 1. С. 147–154.

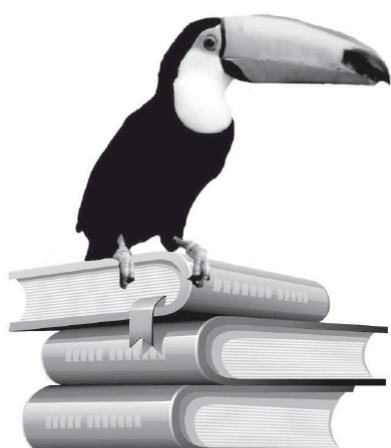
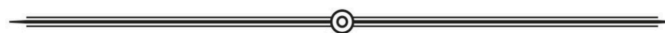
[13] Rudenko D.A. On the need to introduce the concept of an electronic criminal case into Russian criminal proceedings // Legal science and law enforcement practice. 2024. № 1. С. 69–76.

[14] Ryabchikov S.A. Topical issues of the introduction of electronic documents in pre-trial proceedings and the formation of an electronic criminal case // Bulletin of Economic Security. 2024.

№ 2. S. 215-220.

[15] Osipov A.L. Topical issues of the use of

digital technologies in criminal proceedings // Lex
russica. 2025. № 3. S. 87-99.

ЮРКОМПАНИ

www.law-books.ru

Юридическое издательство

«ЮРКОМПАНИ»

Издание учебников,
учебных и методических
пособий, монографий,
научных статей.

Профессионально.

В максимально
короткие сроки.

Размещаем
в РИНЦ, E-Library.

ПРЕСТУПЛЕНИЕ И НАКАЗАНИЕ

Дата поступления рукописи в редакцию: 09.07.2026 г.

DOI: 10.24412/2782-3849-2026-8-92-96

Дата принятия рукописи в печать: 29.07.2026 г.

ДЫМОВСКИХ Анастасия Феликсовна,

аспирант кафедры уголовного и публичного права,
Университет «Синергия» (Москва), Адвокат (Адвокатский
кабинет Дымовских А.Ф.),
e-mail: Ghost976@yandex.ru

Научный руководитель:

БАЙБАРИН Андрей Андреевич,

к.ю.н., доцент, заведующий кафедрой уголовного и публичного
права Университет «Синергия» (Москва),
e-mail: mail@law-books.ru

**СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ ИНСТИТУТА АДМИНИСТРАТИВНОЙ ПРЕЮДИЦИИ В
ПРЕСТУПЛЕНИЯХ ПРОТИВ БЕЗОПАСНОСТИ ДОРОЖНОГО ДВИЖЕНИЯ: ПРОБЛЕМЫ
ЗАКОНОДАТЕЛЬНОЙ КОНСТРУКЦИИ И ПЕРСПЕКТИВЫ РЕФОРМИРОВАНИЯ**

Аннотация. Статья посвящена изучению проблематики применения института административной преюдиции в уголовно-правовом регулировании ответственности за нарушения правил безопасности дорожного движения. Отмечается, что современная законодательная конструкция, базирующаяся на формальном учете повторности однородных административных правонарушений, характеризуется наличием недостатков, сопряженных с невозможностью адекватной комплексной оценки устойчивого противоправного поведения водителя. Целью исследования выступает определение перспектив совершенствования механизма уголовно-правового реагирования на систематические нарушения правил дорожного движения. Методологической основой исследования выступили общенаучные и специальные методы познания, включая анализ и синтез, сравнительно-правовой и структурно-функциональный методы.

По результатам исследования обоснована необходимость отказа от «фрагментарного» регулирования составов, предусмотренных статьями 264.1–264.3 УК РФ с последующим внедрением единой нормы, включающей ответственность за повторное совершение грубых нарушений правил дорожного движения независимо от их вида. Сделан вывод о том, что введение авторской категории «грубые нарушения правил дорожного движения» станет не только универсальным критерием разграничения административной и уголовной ответственности, но и реальным средством дифференциации применяемых к нарушителям мер.

Ключевые слова: административная преюдиция, безопасность дорожного движения, грубые нарушения, уголовная ответственность, административная ответственность, превышение скорости, водитель, правонарушение.

DYMOVSKIKH Anastasia Feliksovna,

Postgraduate student of the Department of Criminal and Public Law,
Synergy University (Moscow), Lawyer (Law Office of Dymovskikh A.F.)

Scientific advisor:

BAYBARIN Andrey Andreevich,

PhD, Associate Professor, Head of the Department of Criminal and
Public Law Synergy University (Moscow)

**IMPROVING THE INSTITUTE OF ADMINISTRATIVE JUDICATURE IN CRIMES AGAINST
ROAD SAFETY: LEGISLATIVE CONSTRUCTION PROBLEMS AND REFORM PROSPECTS**

Annotation. The article is devoted to the study of the problems of applying the institution of administrative prejudice in the criminal law regulation of liability for violations of traffic safety rules. It is noted that the current legislative structure, which is based on the formal consideration of the repetition of similar administrative offenses, has certain drawbacks that make it impossible to provide an adequate comprehensive assessment of the driver's persistent illegal behavior. The purpose of the

study is to identify the prospects for improving the mechanism of criminal law response to systematic violations of traffic rules. The study was based on general scientific and special methods of cognition, including analysis and synthesis, as well as comparative legal and structural-functional methods.

Based on the results of the study, it is necessary to abandon the "fragmented" regulation of the offenses provided for in Articles 264.1-264.3 of the Criminal Code of the Russian Federation, and instead introduce a unified approach.

Key words: *administrative prejudice, road safety, serious violations, criminal liability, administrative liability, speeding, driver, offense.*

Одной из ключевых характеристик, традиционно присущих составам преступлений за нарушения правил безопасности движения и эксплуатации транспортных средств в РФ, выступает их бланкетный характер, предполагающий существование межотраслевой природой регулируемых общественных отношений, находящихся на стыке уголовного, административного и технического регулирования. Согласно базовым предписаниям уголовно-правовой науки под бланкетной понимается такая диспозиция, содержание которой не может быть раскрыто без обращения к иным нормативным правовым актам [1, с.24].

В общей сложности оценивая практическую рентабельность изучаемой конструкции административной преюдиции, можно с уверенностью говорить о её прогрессивном характере. Посредством установления подобного поэтапного воздействия на нарушителя государству удается в полной мере обеспечить дифференциацию уголовной ответственности, позволяя учитывать устойчивость противоправного поведения лица. В данном аспекте исследуемый институт выступает в роли некоего «фильтра», ограничивающего применение уголовно-правового воздействия лишь теми случаями, когда иные меры оказались неэффективными.

Вместе с тем при наличии массы положительных черт рассматриваемые составы характеризуются наличием ряда правовых и организационных пробелов, в совокупности затрудняющих их эффективную реализацию. Целесообразно остановиться на вопросе конструирования и юридического закрепления данных норм, который вызывает немало сомнений. В частности, на сегодняшний день составы статей 264.1-264.3 УК РФ носят строго формализованный характер и построены таким образом, что не позволяют учитывать отдельные, комбинированные формы противоправного поведения личности.

В целях осмысления заявленной проблемы смоделируем ситуацию: лицо дважды совершает административное правонарушение в виде превышения установленной скорости движения транспортных средств на величину более 60 км/ч, за что оба раза привлекается к ответственности по ч.7 ст.12.9 КоАП РФ. Соответственно, следуя логике законодателя, если такое лицо вновь превысит скорость на величину более 60 км/ч, это

повлечет за собой уже уголовную ответственность, закрепленную в рамках ст. 264.2 УК РФ. Однако если лицо по-иному проявит свой правовой нигилизм, например, будет управлять автомобилем в состоянии алкогольного опьянения, его действия будут наказываться в административно-правовом порядке - по ст. 12.8 или 12.26 КоАП РФ (при отсутствии ранее имеющегося непогашенного взыскания по аналогичным статьям). Другой возможный пример – превышение скорости более чем на 60 км/ч при наличии административных взысканий за «двойной» выезд на встречную полосу. Несмотря на значительную, по меркам законодателя и социума, общественную опасность подобных действий, лицо также понесет в данной ситуации лишь административную ответственность.

Более утрированно подходу к данному вопросу, следует отметить, что закон фактически позволяет злоумышленнику до пяти раз совершить административные правонарушения (которые самостоятельно относит к категории нарушений «особой общественной опасности») и при этом нести только административное наказание. Одновременно с этим, если такой водитель совершит не однородное, а тождественное нарушение, к уголовной ответственности он будет привлекаться уже при третьем нарушении (в случае с состоянием опьянение – уже на втором), совершенном в течение года.

Очевидно, что выбранная нормативная модель, как минимум, нарушает принцип справедливости: законодатель фактически «привязывает» уголовную ответственность к конкретному виду нарушения, а не к факту устойчивого и систематического игнорирования базовых правил безопасности дорожного движения. Видится, что сохранение действующей редакции норм ст. 264.1-264.3 УК РФ в действительности нивелирует превентивный потенциал уголовного законодательства, ведь на практике возникает парадокс: лицо, дважды совершившее грубые нарушения одного вида (например, выезд на встречную полосу), при третьем эпизоде подлежит уголовной ответственности, в то время как аналогичная по опасности комбинация разнородных нарушений (например, превышение скорости + управление в состоянии опьянения) по-прежнему остаётся в административной плоскости.

В свою очередь, практический смысл института административной преюдиции состоит в том, что нарушитель должен четко осознавать, что любое повторное противоправное поведение — вне зависимости от его юридической формы — учитывается и накапливается, а значит, неизбежно ведет к ужесточению ответственности.

В данном вопросе достаточно иллюстративным видится опыт зарубежных государств, во многих из которых на сегодняшний день широко применяются модели накопительной ответственности, при которых значение имеет не столько наличие одного предыдущего нарушения, сколько их совокупность и систематичность. Например, в Великобритании применяется модель так называемых «штрафных баллов» (penalty points), при которой повторные нарушения правил дорожного движения ведут к автоматическому ужесточению санкций [2, с.21]. В свою очередь, в Германии, где также активно практикуется модель «эскалации ответственности», в практический оборот введен термин «Непригодности к управлению» (Ungeeignetheit zum Führen von Fahrzeugen), который применяется к злым водителям после совершения ими ряда нарушений правил дорожного движения [3]. Свою результативность также показала обратная «балльная» система, введенная в Португалии, где каждому водителю автоматически присваивается определенное количество баллов, которые «сгорают» при каждом допущенном им нарушении. Подобная система положительно себя зарекомендовала: «за год 242241 водитель потерял баллы по своему водительскому удостоверению» [2, с.21], что не могло не сказаться на снижении аварийности в целом.

Таким образом, проведенный «мини-анализ» зарубежного опыта ещё раз подтверждает, что эффективная модель уголовно-правового реагирования в сфере транспортных преступлений должна быть ориентирована не на формальное воспроизведение административной преюдиции, а на комплексную оценку поведения лица, степени его опасности и устойчивости противоправных установок. Вместе с тем, как было выявлено, в РФ в данном вопросе выработан более формализованный подход, построенный не на устойчивости игнорирования правил безопасности, а на декларативном совпадении диспозиций норм.

Переходя к конкретному, наиболее оптимальному, как представляется, решению заявленной проблемы, следует указать, что взамен имеющихся статей (ст.264.1, 264.2 и 264.3 УК РФ) целесообразно перейти к единому составу с альтернативными признаками, предусмотренному в рамках ст. 264.4 УК РФ. Разнесение сходных по своей природе деяний по нескольким статьям, отличающимся набором предикатных правонарушений и условиями наступления уголовной от-

ветственности, затрудняет их системное восприятие и применение. На практике это неизбежно приводит к конкуренции норм, неоднозначности квалификации и, как следствие, к различию в правоприменительных подходах. Отсутствие единой логики построения составов препятствует формированию устойчивой судебной практики и усложняет доказывание по делам данной категории.

Отказываясь от «дробления» близких по своей юридической природе деяний в самостоятельных нормах, которое только «загромождает» уголовный закон, отметим, что единая норма, четко фиксирующая, что любое альтернативное повторное административное нарушение «повышенного риска» в сфере БДД — независимо от его юридической «предыстории» — влечет уголовную ответственность, будет обладать более выраженным предупредительным потенциалом. При этом принципиально важно также отметить, что простое «слияние» статей без продуманной конструкции лишь перенесёт существующие проблемы в новую норму. Поэтому модель должна не механически объединять диспозиции, а выстраивать логичную систему нарастающей ответственности с чётко прописанными альтернативными признаками.

В рамках исследуемого аспекта рационально унифицировать и систематизировать составы транспортных административных правонарушений, выделяемые законодателем в отдельную категорию «повышенной общественной опасности». Речь идет о необходимости конкретизации таких правонарушений в рамках более обобщенной и устойчивой конструкции, которая позволит отойти от громоздкого «перечисления» опасных деяний в виде закрытого набора. Именно установление родового признака создаст универсальный критерий, позволяющий охватывать любые деяния, объективно создающие повышенную угрозу безопасности дорожного движения. Как видится на фоне тенденций аварийности последних лет, подобный перечень не является статичным, а, наоборот, подлежит постоянным изменениям в зависимости от текущих реалий в транспортной сфере. Так, не исключено, что спустя несколько лет данный набор деяний пополнится иными, которые аналитики выделяют в качестве наиболее «аварийных». Без введения данной категории сама по себе консолидация норм неизбежно сохранит существующие дефекты — фрагментарность, казуистичность и зависимость уголовной ответственности от формального совпадения диспозиций.

Переключая внимание на вопрос о формулировке конкретной юридической конструкции, которая будет объединять под собой исследуемые составы «придикатных» правонарушений,

важно отметить следующее. Применение в отношении данных деяний термина «нарушения повышенной общественной опасности» видится некорректным, прежде всего, из-за его преимущественного использования в отношении преступлений, а не административных правонарушений. Если применительно к преступлениям общественная опасность традиционно закреплена в качестве материального признака, то относительно административных правонарушений выделение такого признака до сих пор носит спорный и дискуссионный характер [4, с.259], [5, с. 348].

Вновь касаясь особенностей зарубежного опыта в данном вопросе, следует отметить, что в ряде стран выработан более дифференцированный подход к оценке административных правонарушений. Например, в Бразилии правонарушения в области дорожного движения, установленные в Транспортном кодексе, классифицируются по степени тяжести на четыре категории, в зависимости от размера наложенного штрафа: очень серьезные нарушения; нарушения серьезного характера; нарушение среднего характера; незначительные нарушения [2, с.21]. Вместе с тем полагаем, что термин «серьезность» носит в большей степени общеупотребимый, обиходный характер.

Не преследуя задачи в виде разработки глубоко дифференцированной классификации административных правонарушений в транспортной сфере, т.к. подобная гипотеза уже будет выходить за рамки настоящего исследования, ограничимся необходимостью введения в научный оборот понятия «грубые нарушения правил дорожного движения». Данный термин лишь фрагментарно упоминается в исследованиях отдельных правоведов [6;7;8], однако официально не закреплён в законе. Вместе с тем дополнение нормативных конструкций категорией «грубые нарушения правил дорожного движения» представляется не просто терминологическим уточнением, а необходимым шагом к устранению накопившихся противоречий в регулировании ответственности за дорожные деликты. Данная обобщающая категория будет непосредственно ориентировать правоприменителя на качественную характеристику нарушения, а именно, на его способность создавать повышенную угрозу безопасности. Такие образом, включение категории «грубые нарушения» в уголовно-правовую норму обеспечит логическую преемственность между административной и уголовной ответственностью, формируя единую шкалу оценки противоправного поведения.

С позиции законодательной техники применение данного термина также будет способствовать фактическому упорядочению нормативного материала, т.к. даст возможность отказаться от избыточного дублирования схожих по сути составов и сформировать более компактную мо-

дель. При этом необходимая определённость может быть обеспечена через раскрытие содержания «грубого нарушения» в примечаниях к норме либо посредством отсылки к административному законодательству. Ещё одним однозначным положительным преимуществом предлагаемой конструкции видится ее серьезное превентивное значение: фактическое прочтение текста закона позволит «автоматически» формировать у участников дорожного движения понимание того, что любое поведение, создающее повышенный риск, будет оцениваться государством комплексно и с учётом его повторяемости. Иначе говоря, прямое законодательное выделение из всей категории транспортных нарушений группы «грубых» станет важнейшим индикатором для более ответственного отношения водителей к соблюдению правил.

Предложенная норма позволяет перейти от формально-видовой модели к материальной оценке общественной опасности поведения, где уголовная ответственность обусловлена не совпадением диспозиций, а устойчивостью игнорирования правил безопасности. Тем самым ликвидируется выявленный разрыв в правовом регулировании, обеспечивается согласованность уголовного и административного воздействия и реализуется принцип справедливости в его содержательном, а не декларативном выражении.

Таким образом, можно констатировать, что предлагаемое решение в полной мере согласуется с общей тенденцией развития уголовного законодательства, направленной на приоритетную защиту общественной безопасности и предупреждение наиболее опасных форм поведения на ранних стадиях их проявления.

Список литературы:

- [1] Уголовное право. Общая часть: лекции / В. Е. Суденко; под ред. Н. А. Духно. — М.: Юридический институт МИИТа, 2016. — 197 с.
- [2] Веретенникова К.О. Зарубежный опыт законодательства в уголовной ответственности за нарушение правил дорожного движения // Право и общество. — 2021. — № 4(5). — С. 19-22.
- [3] Глава 19. Сомнения в пригодности или непригодности к вождению транспортных средств после совершения нарушений правил дорожного движения. — URL: <https://www.degruyterbrill.com/document/doi/10.1515/9783110359121.537/html> (дата обращения: 22.04.2026).
- [4] Антонова Л.Б. Правонарушение, преступление и общественная опасность // Вестник ВИ МВД России. — 2023. — № 1. — С. 257-261.
- [5] Руденко Е. В. Толкование понятия и признаков административного правонарушения как основания административной ответственности // Молодой ученый. — 2024. — № 50 (549).

— С. 347-350.

[6] Голубев И.В. Особенности привлечения к уголовной ответственности за грубые нарушения правил дорожного движения в отдельных европейских государствах // Полицейская деятельность. — 2024. — № 6. — С. 173-184.

[7] Щетинина Н.В., Первухин А.С. Гармонизация уголовно-правовых норм, предусматривающих ответственность за грубые нарушения правил дорожного движения РФ (ст. 264.1–264.3 УК РФ) // Электронное приложение к Российскому юридическому журналу. — 2025. — № 3. — С. 47-54.

[8] Первухин А.С. Совершенствование законодательной регламентации уголовной ответственности за грубые нарушения правил дорожного движения (статья 264.2 Уголовного Кодекса Российской Федерации) // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2025. № 4 (75). С. 65-75.

References:

[1] Criminal law. General part: lectures/ V.E. Sudenko; ed. N. A. Dukhno. - M.: MIIT Law Institute, 2016. - 197 s.

[2] Veretennikova K.O. Foreign experience of legislation in criminal liability for violation of traffic rules // Law and society. — 2021. — № 4(5). - S. 19-22.

[3] Chapter 19. Doubts about the suitability or unfitness to drive vehicles after committing traffic violations. - URL: <https://www.degruyterbrill.com/document/doi/10.1515/9783110359121.537/html> (access date: 22.04.2026).

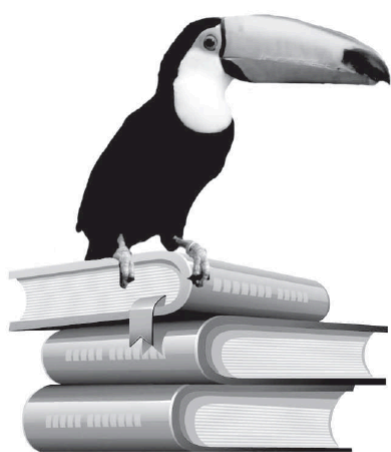
[4] Antonova L.B. Offense, crime and public danger // Bulletin of the VI Ministry of Internal Affairs of Russia. — 2023. — № 1. - S. 257-261.

[5] Rudenko E.V. Interpretation of the concept and signs of an administrative offense as a basis for administrative responsibility // Young scientist. — 2024. — № 50 (549). - S. 347-350.

[6] Golubev I.V. Peculiarities of criminal prosecution for gross violations of traffic rules in certain European states // Police activities. — 2024. — № 6. - S. 173-184.

[7] Shchetinina N.V., Pervukhin A.S. Harmonization of criminal law norms providing for liability for gross violations of traffic rules of the Russian Federation (Articles 264.1-264.3 of the Criminal Code of the Russian Federation) // Electronic Appendix to the Russian Legal Journal. — 2025. — № 3. - S. 47-54.

[8] Pervukhin A.S. Improvement of the legislative regulation of criminal liability for gross violations of traffic rules (Article 264.2 of the Criminal Code of the Russian Federation) // Bulletin of the Volgograd Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2025. № 4 (75). S. 65-75.

ЮРКОМПАНИ

www.law-books.ru

Юридическое издательство
«ЮРКОМПАНИ»

Издание учебников,
учебных и методических
пособий, монографий,
научных статей.

Профессионально.

В максимально
короткие сроки.

Размещаем
в РИНЦ, E-Library.

Дата поступления рукописи в редакцию: 09.07.2026 г.

DOI: 10.24412/2782-3849-2026-8-97-101

Дата принятия рукописи в печать: 31.07.2026 г.

КАНГЕЗОВ Марат Русланович,начальник кафедры СД Северо-Кавказского института
(филиал) Краснодарского университета МВД России,

полковник полиции,

e-mail: mail@law-books.ru

**ОБСТОЯТЕЛЬСТВА, ИСКЛЮЧАЮЩИЕ ПРЕСТУПНОСТЬ ДЕЯНИЯ: СОВРЕМЕННЫЕ
ПРОБЛЕМЫ ТОЛКОВАНИЯ И ПРИМЕНЕНИЯ**

Аннотация. В статье исследуются современные проблемы толкования и применения института обстоятельств, исключающих преступность деяния, предусмотренных главой 8 Уголовного кодекса Российской Федерации. Особое внимание уделено анализу пределов необходимой обороны и крайней необходимости, а также их разграничению в правоприменительной практике. Рассматривается эволюция соответствующих положений в уголовных кодексах РСФСР и РФ, выявляются противоречия в судебной практике 2022–2026 гг. и формулируются предложения по совершенствованию законодательства и правоприменения.

Ключевые слова: обстоятельства, исключающие преступность деяния; необходимая оборона; пределы необходимой обороны; крайняя необходимость; уголовное право; судебная практика; правоприменение; Верховный Суд Российской Федерации.

KANGEZOV Marat Ruslanovich,Head of the Department of SD of the North Caucasus Institute
(branch) of the Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs
of Russia, police colonel**CIRCUMSTANCES PRECLUDING CRIMINALITY: CONTEMPORARY PROBLEMS
OF INTERPRETATION AND APPLICATION**

Annotation. The article examines contemporary issues in interpreting and applying the institution of circumstances excluding the criminality of an act under Chapter 8 of the Criminal Code of the Russian Federation. Particular attention is paid to the limits of necessary defense and extreme necessity, as well as their differentiation in judicial practice. The evolution of these concepts in the Criminal Codes of the RSFSR and the Russian Federation is analyzed. Contradictions in judicial practice (2022–2026) are identified, and proposals for improving legislation and law enforcement are formulated.

Key words: circumstances excluding criminality of an act; necessary defense; limits of necessary defense; extreme necessity; criminal law; judicial practice; Supreme Court of the Russian Federation.

Институт обстоятельств, исключающих преступность деяния, занимает особое место в системе российского уголовного права, обеспечивая баланс между охраной общественных отношений и признанием правомерности причинения вреда в исключительных ситуациях. Исторически формирование данных положений происходило постепенно.

В Уголовном кодексе РСФСР 1922 года необходимая оборона рассматривалась как правомерное отражение общественно опасного посягательства при условии отсутствия превышения мер защиты. В последующем Уголовный кодекс РСФСР 1960 года закрепил более четкие критерии соразмерности и допустимости причинения вреда при защите, однако понятие «превышение пределов обороны» носило оценочный характер

и порождало значительные трудности в практике.

Современный Уголовный кодекс Российской Федерации (глава 8) системно регламентирует обстоятельства, исключающие преступность деяния, включая необходимую оборону (ст. 37), причинение вреда при задержании лица, совершившего преступление (ст.38) и крайнюю необходимость (ст. 39). Существенным шагом в развитии института стало расширение гарантий обороняющегося, в частности закрепление положения о том, что защита от посягательства, сопряженного с насилием, опасным для жизни, не ограничивается требованиями соразмерности.

Текущий этап характеризуется активным развитием судебной практики, в том числе разъяснениями Верховного Суда Российской Федерации, что обусловлено необходимостью единооб-

разного применения оценочных критериев. Тем не менее анализ дел 2022–2026 гг. свидетельствует о сохранении противоречий при определении пределов необходимой обороны и условий крайней необходимости [1; 3; 7].

Теоретические основы института обстоятельств, исключающих преступность деяния, представляет собой одну из ключевых гарантийных конструкций уголовного права, обеспечивающую баланс между публичными интересами охраны правопорядка и необходимостью признания правомерности причинения вреда в социально оправданных ситуациях. Его сущность заключается в том, что формально содержащие признаки состава преступления действия (или бездействие) не признаются преступными ввиду наличия особых условий, свидетельствующих об их правомерности.

В теории уголовного права данный институт традиционно рассматривается через призму категорий общественной опасности, противоправности и виновности. Причинение вреда при наличии обстоятельств, предусмотренных главой 8 Уголовный кодекс Российской Федерации, не обладает признаком противоправности, поскольку законодатель заранее допускает возможность причинения вреда ради защиты более значимых благ. Таким образом, речь идёт не об освобождении от ответственности, а об отсутствии самого основания уголовной ответственности.

Системно обстоятельства, исключающие преступность деяния, представляют собой юридические факты, при наличии которых деяние, формально подпадающее под признаки состава преступления, утрачивает свойство уголовной противоправности. В теории существуют различные подходы к определению их правовой природы.

Первая концепция рассматривает данные обстоятельства как элементы, исключающие общественную опасность деяния. Согласно этому подходу, причинение вреда в условиях необходимой обороны или крайней необходимости не является общественно опасным, поскольку направлено на защиту охраняемых законом интересов.

Вторая концепция исходит из того, что общественная опасность в подобных случаях сохраняется, однако исключается противоправность как признак преступления. Законодатель сознательно допускает причинение вреда в строго очерченных пределах, что трансформирует оценку деяния с позиции «запрещённого» в категорию «разрешённого».

Третья позиция носит комплексный характер и связывает правомерность с совокупностью факторов: социальной полезностью цели, отсутствием альтернативных способов предотвращения вреда и соблюдением принципа соразмер-

ности.

Современная доктрина склоняется к признанию обстоятельств, исключающих преступность деяния, самостоятельным институтом, отличным как от оснований освобождения от уголовной ответственности, так и от обстоятельств, смягчающих наказание. В отличие от последних, они полностью устраняют уголовно-правовую оценку деяния как преступного.

Глава 8 Уголовного кодекса Российской Федерации включает следующие обстоятельства: необходимую оборону (ст. 37), причинение вреда при задержании лица, совершившего преступление (ст. 38), крайнюю необходимость (ст. 39), физическое или психическое принуждение (ст. 40), обоснованный риск (ст. 41), исполнение приказа или распоряжения (ст. 42).

Объединяющим элементом данных норм является допустимость причинения вреда при наличии социально оправданной цели. Вместе с тем каждое обстоятельство обладает собственной юридической конструкцией и системой условий правомерности.

Анализ судебной практики Верховного Суда РФ 2022–2026 гг. показывает, что вопросы превышения пределов необходимой обороны рассматриваются с учётом комплекса обстоятельств дела:

- внезапность нападения;
- численное или силовое превосходство нападающего;
- психологическое состояние обороняющегося;
- характер и интенсивность угрозы [6; 7].

Например, в одном из дел суд признал правомерной оборону гражданина, который при нападении с ножом применил удар предметом, причинивший тяжкий вред нападавшему. Суд указал, что действия обороняющегося были обусловлены непосредственной угрозой жизни, а причинённый вред соразмерен характеру посяательства [6].

В то же время практика показывает случаи ошибочной квалификации: действия лица признавались превышением пределов обороны, несмотря на очевидную угрозу жизни, если причинённый вред воспринимался как «необходимый» формально, а не с точки зрения обороняющегося [2; 5]. Такие расхождения обусловлены ретроспективной оценкой действий, что в научной литературе называется «эффектом внешнего наблюдателя» [4].

В постановлении Пленума и обзорах судебной практики ВС РФ подчёркивается необходимость учитывать внезапность и интенсивность посяательства, соотношение вреда и опасности, исходящей от нападающего, отсутствие альтернативных способов защиты.

В частности, в Постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27.09.2012 № 19 (ред. 09.12.2025) «О применении судами законодательства о необходимой обороне и причинении вреда при задержании лица, совершившего преступление» Верховный Суд РФ рекомендовал при оценке соразмерности причинённого вреда исходить из позиции обороняющегося, а не внешнего наблюдателя, анализировать совокупность действий нападающего, а не отдельный эпизод, что позволяет корректно определить пределы допустимой обороны, учитывать эмоциональное состояние и стрессовую реакцию лица, защищающего себя или других.

Пределы необходимой обороны представляют собой комплексный оценочный критерий, основанный на сочетании соразмерности, необходимости и направленности действий. Основные трудности в теории и практике связаны с оценочным характером понятия «явная несоразмерность», различиями в региональной судебной практике и отсутствием унифицированной методологии оценки стрессовых ситуаций.

Современная доктрина и практика сходятся в том, что правоприменение должно ориентироваться на комплексный анализ всех обстоятельств, учитывать психологический аспект и динамику посягательства. Это позволяет минимизировать субъективизм в судебной оценке и повысить единообразие подходов к квалификации действий обороняющегося.

Институт крайней необходимости (ст. 39 УК РФ) регулирует ситуации, когда причинение вреда охраняемым законом интересам допускается для предотвращения более значительного общественного вреда. В отличие от необходимой обороны, здесь источником опасности может быть природный фактор, случайное событие или действия третьих лиц, а причинённый вред может затрагивать невиновных. Этот институт является ключевым для разрешения коллизий между охраняемыми интересами и часто вызывает споры как в доктринальной литературе, так и в судебной практике.

Современное понимание крайней необходимости строится на трёх основных критериях:

Наличие реальной и непосредственной опасности — угрозу необходимо рассматривать объективно, исходя из фактических обстоятельств, а не гипотетически. Важно, чтобы опасность была значительной и могла повлечь существенный вред личности, обществу или государству.

Отсутствие возможности устранения угрозы другими средствами — причинение вреда допустимо только если альтернативные меры (например, вызов органов власти, эвакуация, пассивное предотвращение угрозы) невозможны или

неэффективны.

Соотношение вреда — причинённый вред должен быть меньше или соизмерим с предотвращённым. Это ключевой и наименее формализованный критерий, вызывающий наибольшие трудности в правоприменении [2; 3].

Доктрина подчёркивает, что оценка соотношения вреда носит комплексный характер: учитываются не только материальные убытки, но и ценность жизни, здоровья, окружающей среды и других охраняемых интересов [3; 4].

Крайняя необходимость, в отличие от необходимой обороны, требует детальной оценки объективных обстоятельств, а также действий лица с точки зрения рациональности выбора средств. При этом субъективный элемент проявляется в намерении минимизировать вред при достижении социальной пользы. Судебная практика 2022–2026 гг. демонстрирует, что именно неопределённость границ допустимого вреда является источником конфликтов в квалификации дел [6; 7].

Например, в одном из дел Верховный Суд РФ признал правомерным уничтожение имущества гражданина для тушения пожара, который угрожал жизни соседей. Суд подчеркнул, что причинённый ущерб был значительно меньше предотвращённого риска для жизни и здоровья людей, что полностью соответствовало критериям ст. 39 УК РФ [6].

В другом деле действия лица, которое перевернуло автомобиль, угрожавший взрывом, были признаны превышением пределов крайней необходимости, поскольку существовала возможность удалиться на безопасное расстояние. Таким образом, суды оценивают необходимость причинения вреда с точки зрения возможности альтернативных действий [6].

Институт крайней необходимости играет важнейшую роль в урегулировании конфликтов охраняемых интересов и предотвращении чрезмерного наказания лиц, действующих в экстренных ситуациях. Основные трудности связаны с оценкой соразмерности и доказательством отсутствия альтернативных мер. Современные тенденции в судебной практике и науке направлены на комплексный анализ всех обстоятельств, что позволяет минимизировать субъективизм и повысить единообразие правоприменения.

Современная практика применения института обстоятельств, исключающих преступность деяния, отражает усилия Верховного Суда Российской Федерации по унификации подходов к оценке действий граждан в условиях необходимой обороны и крайней необходимости. Анализ судебных решений и обзоров практики за 2022–2026 годы позволяет выявить ключевые тенденции, проблемы и успешные подходы, обеспечива-

ющие баланс между правами граждан и охраной общественных интересов, а именно необходимость учета реальности угрозы и её характера, соразмерности причинённого вреда, отсутствия альтернатив предотвращению угрозы другими способами.

Систематизация судебной практики выявила, что суды всё чаще учитывают динамику развития посягательства, численное превосходство нападающих и эмоциональное состояние обороняющегося. Это свидетельствует о движении к гуманизации института необходимой обороны и снижению формального подхода к оценке соразмерности [1; 4].

Таким образом, современная судебная практика постепенно формирует устойчивые ориентиры для правоприменителей, однако сохраняется необходимость дальнейшей методологической и законодательной конкретизации критериев, позволяющей минимизировать субъективизм и обеспечить предсказуемость применения норм об обстоятельствах, исключающих преступность деяния.

Анализ современной доктрины и практики показывает, что институт обстоятельств, исключающих преступность деяния, является чрезвычайно гибким, но в то же время подвержен субъективной оценке. В связи с этим возникает потребность в разработке единых методических подходов, позволяющих минимизировать расхождения в правоприменении и повысить предсказуемость квалификации действий граждан в экстремальных ситуациях.

Современные исследования подчёркивают, что одной из центральных проблем является неопределённость критерия «соразмерности» в случае необходимой обороны и «меньшего вреда» при крайней необходимости. В условиях стресса и внезапности посягательства лицо, защищающее себя или других, не способно детально оценивать последствия своих действий. Именно поэтому формальная ретроспективная оценка действий с позиции постфактум наблюдателя часто приводит к признанию правомерного поведения превышением допустимых пределов. В современной литературе обращается внимание на феномен, который описывается как склонность оценивать поведение участника событий с позиции внешнего наблюдателя, располагающего полной информацией о произошедшем. Подобный подход нередко приводит к ретроспективной переоценке возможностей лица, действовавшего в условиях неопределённости. Указанное обстоятельство требует корректировки методологических ориентиров при квалификации действий, с учётом психологических и ситуационных факторов, влияющих на поведение человека в момент опасности.

Не менее сложной остаётся проблема установления отсутствия альтернативных способов предотвращения вреда. Судебная практика показывает, что доказательство невозможности иного выхода из ситуации — например, ухода от источника опасности либо обращения за помощью к третьим лицам — вызывает значительные трудности. Между тем формальный вывод о наличии таких возможностей без учёта реальной динамики событий может исказить оценку правомерности поведения лица, действовавшего в состоянии крайней необходимости.

В связи с этим целесообразно формировать методические указания, которые помогут следователям и судьям систематически анализировать возможности минимизации ущерба, оценивать их реалистичность и учитывать их при вынесении решения. Такой подход позволит избежать формального применения норм и снизить риск субъективных оценок.

Не менее значимой проблемой является неоднородность региональной практики. Несмотря на разъяснения Верховного Суда Российской Федерации, подходы к оценке соразмерности и необходимости причинённого вреда остаются различными. Это особенно заметно при квалификации действий при крайней необходимости, где оцениваются как материальные, так и нематериальные последствия. В этой связи необходимо продолжать работу над унификацией правоприменительных критериев, опираясь на комплексный анализ фактических обстоятельств, соотношение причинённого и предотвращённого вреда, характер угрозы, динамику её возникновения и психологическое состояние обороняющегося.

В отношении крайней необходимости подход носит аналогичный характер, но здесь ключевым моментом является соотношение причинённого и предотвращённого вреда, а также доказательство невозможности устранить угрозу иными средствами. В научных исследованиях подчёркивается, что при сопоставлении предотвращённого и причинённого вреда недопустимо ограничиваться исключительно количественными параметрами. Существенное значение имеют качественные характеристики охраняемых благ — ценность человеческой жизни и здоровья, общественная значимость защищаемых интересов, характер и масштаб потенциальных последствий. Анализ судебной практики последних лет подтверждает, что именно комплексный, всесторонний подход к оценке обстоятельств дела способствует вынесению более обоснованных и справедливых решений, снижая риск субъективных трактовок.

Совершенствование правоприменения в данной сфере представляется возможным по нескольким взаимосвязанным направлениям. С

одной стороны, требуется дальнейшая конкретизация законодательных ориентиров, позволяющих более чётко определить критерии соразмерности и минимизации вреда, что будет способствовать снижению разнотолков и укреплению принципа правовой определённости. С другой стороны, необходима разработка методических подходов, адресованных практическим работникам, предполагающих последовательный анализ характера угрозы, доступных средств реагирования, соотношения вреда и индивидуальных психофизиологических особенностей лица, действующего в экстремальной ситуации.

Реализация указанных мер способна обеспечить более взвешенное и гуманное применение норм об обстоятельствах, исключающих преступность деяния, укрепить доверие к уголовной юстиции и минимизировать риск произвольной квалификации. В перспективе подобная работа может стать основой для создания специализированных методических материалов и образовательных программ, ориентированных на формирование единообразных стандартов оценки сложных оценочных категорий.

Список литературы:

- [1] Беляев С.А. Институт необходимой обороны в современном уголовном праве // Российский судья. 2023. № 8. С. 21–27.
- [2] Кальченко Н.В. Крайняя необходимость: проблемы квалификации и доказывания // Уголовное право. 2024. № 3. С. 45–53.
- [3] Лопашенко Н.А. Обстоятельства, исключающие преступность деяния: новые подходы // Журнал российского права. 2025. № 6. С. 112–123.
- [4] Монахова Л.В., Михайлов А.А. Необходимая оборона: современные проблемы толкования // Законность. 2022. № 11. С. 30–35.
- [5] Соловьёв Д.П. Пределы необходимой обороны в судебной практике 2022–2025 гг. // Российский следователь. 2025. № 4. С. 18–24.
- [6] Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 1 (2025) // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2025. № 7.
- [7] Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27.09.2012 № 19 (ред. 09.12.2025) «О применении судами законодательства о необходимой обороне и причинении вреда при задержании лица, совершившего преступление» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2025. № 12.

References:

- [1] Belyaev S.A. Institute of Necessary Defense in Modern Criminal Law // Russian judge. 2023. № 8. S. 21–27.
- [2] Kalchenko N.V. Extreme necessity: problems of qualification and evidence // Criminal law. 2024. № 3. S. 45–53.
- [3] Lopashenko N.A. Circumstances excluding the crime of an act: new approaches // Journal of Russian Law. 2025. № 6. S. 112–123.
- [4] Monakhova L.V., Mikhailov A.A. Necessary defense: modern problems of interpretation // Legality. 2022. № 11. S. 30–35.
- [5] Solovyov D.P. Limits of necessary defense in judicial practice 2022–2025 // Russian investigator. 2025. № 4. S. 18–24.
- [6] Review of the judicial practice of the Supreme Court of the Russian Federation No. 1 (2025) // Bulletin of the Supreme Court of the Russian Federation. 2025. № 7.
- [7] Decision of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of 27.09.2012 No. 19 (ed. 09.12.2025) "On the application by the courts of legislation on the necessary defense and causing harm during the detention of a person who has committed a crime" // Bulletin of the Supreme Court of the Russian Federation. 2025. № 12.

Дата поступления рукописи в редакцию: 30.06.2026 г.

DOI: 10.24412/2782-3849-2026-8-102-104

Дата принятия рукописи в печать: 20.07.2026 г.

КУБАТИНА Ксения Сергеевна,

Адъюнкт, Нижегородская академия МВД России,

e-mail: ksenya.kubatina@mail.ru

ОСОБЕННОСТИ СОВЕРШЕНИЯ МОШЕННИЧЕСТВ В СФЕРЕ ОКАЗАНИЯ ЮРИДИЧЕСКИХ УСЛУГ

Аннотация. В настоящей статье подробно анализируются особенности совершения мошенничеств в сфере оказания юридических услуг. Рассматриваются типичные схемы и методы противоправных действий, а также факторы, способствующие росту таких преступлений, такие как недостаточная осведомленность граждан и слабая правовая регламентация отдельных аспектов деятельности юристов. Особое внимание уделяется способам, используемым мошенниками для завладения доверием клиентов, а также выявлению характерных признаков недобросовестных специалистов. Работа имеет теоретическое и практическое значение для совершенствования тактики борьбы с преступлениями в сфере оказания юридических услуг.

Ключевые слова: мошенничество, юридические услуги, права и свободы, юристы, правовое регулирование, профилактика мошенничества.

KUBATINA Kseniya Sergeevna,

Adjunct, Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs

of the Russian Federation

FEATURES OF FRAUDULENT ACTIVITIES IN THE FIELD OF LEGAL SERVICES

Annotation. This article provides a detailed analysis of the features of fraud in the legal services sector. It examines typical schemes and methods of illegal activities, as well as the factors contributing to the growth of such crimes, such as the lack of awareness among citizens and the weak legal regulation of certain aspects of legal professionals' activities. Special attention is given to the methods used by fraudsters to gain the trust of clients, as well as to identifying the characteristics of unscrupulous professionals. This work is of theoretical and practical importance for improving the tactics of combating crimes in the legal services sector.

Key words: fraud, legal services, rights and freedoms, lawyers, legal regulation, and fraud prevention.

Введение.

В условиях современного правового государства и развития гражданского общества обеспечение эффективной правовой помощи становится важнейшей задачей государства и профессионального сообщества юристов. Сфера оказания юридических услуг играет ключевую роль в формировании правовой культуры граждан, обеспечении реализации гарантий прав и свобод, а также в поддержании стабильности правового поля.

Актуальность темы обусловлена рядом факторов. Во-первых, последние годы отмечается значительный рост числа мошенничеств, связанных с оказанием юридических услуг, что подтверждается статистическими данными МВД РФ и аналитическими отчетами правоохранительных органов. Во-вторых, развитие цифровых технологий и сети Интернет значительно усложняет контроль и выявление противоправных действий, одновременно открывая новые возможности для мошенников. В-третьих, недостаточная инфор-

мированность граждан о способах совершения мошенничеств и их правах является фактором, увеличивающим риски их повседневного столкновения с преступными схемами.

Особенностью совершения мошенничеств в сфере оказания юридических услуг является то, что мошенники нередко маскируются под настоящих профессионалов, создают иллюзию легитимности своей деятельности и используют психологические, информационные и технологические методы обмана. Вследствие этого возрастает число пострадавших доверителей, многие из которых сталкиваются с материальными потерями и утратой доверия к системе оказания юридических услуг. Это, в свою очередь, негативно сказывается на имидже профессионального юридического сообщества и подрывает доверие к институтам правосудия.

Таким образом, рассмотрение особенностей совершения мошенничества в сфере оказания юридических услуг — актуальная задача, которая требует системного анализа, выявления ти-

пичных схем злоупотреблений и разработки эффективных мер по профилактике. Исследование данной проблемы способствует повышению правовой грамотности населения, укреплению правовых гарантий и усилению защиты прав граждан и организаций от противоправных посягательств.

Основная часть. Современное российское правовое поле, регулирующее сферу оказания юридических услуг, отличается сложностью и многоаспектностью, что связано с развитием правовых институтов, судебной практики и растущим спросом на квалифицированную юридическую помощь. Деятельность юристов и адвокатов непосредственно связана с защитой прав и интересов граждан, организаций и государства. Однако в условиях рыночных отношений и постоянного роста числа специалистов в правовой отрасли все чаще выявляются преступления, совершаемые под видом законной юридической помощи. Эти деяния наносят ущерб не только отдельным гражданам и организациям, но и престижу правовой системы в целом, подрывая доверие к институту адвокатуры и юридической профессии.

Автор диссертационного исследования «Гражданско-правовое регулирование отношений в сфере оказания юридических услуг: сравнительно-правовое исследование» А.В. Орлов для наглядности, что спрос на юридические услуги является одним из самых высоких, а также то, что некоторые из таких услуг, в силу закона, носят обязательный характер, приводит статистику жалоб, которые были поданы потребителями на действия недобросовестных юристов [1, с. 209]. Несмотря на то, что качество юридических услуг регулируется Гражданским кодексом и иными законодательными актами о профессиональной деятельности, при их оказании могут совершаться мошеннические действия.

Мошенничество в сфере оказания юридических услуг может проявляться в следующих формах:

- предоставление ложной информации о профессиональных сертификатах, лицензиях или квалификации;

- обещания нереальных результатов или быстрых решений;

- навязывание «дополнительных» услуг.

Одной из распространенных форм мошенничества является неправомерное заявление или демонстрация ложной информации о наличии профессиональных сертификатов, лицензий или высокой квалификации. Мошенники, выдающие себя за юристов или адвокатов, могут ложно утверждать, что имеют соответствующую лицензию или сертификат, что дает им право осуществлять юридическую деятельность; использовать фальшивые документы, которые выглядят как официальные свидетельства, чтобы создать впечатление

легитимности; указывать несуществующую специализацию или подтвержденные успехи в различных областях права, чтобы завлечь клиентов. Эта форма обмана особенно опасна, поскольку доверие клиента во многом основывается именно на доверии к профессионализму юриста. Обман в этом направлении может привести к тому, что гражданин или предприниматель попадает в руки мошенника, получая вместо квалифицированной помощи — фиктивные услуги. Одним из способов противодействия данному виду мошенничества может быть просьба к юристу о предоставлении документа об образовании или об отношении к конкретной организации (адвокатское удостоверение). В свою очередь, по представленным копиям документов, на получение которых имеет право клиент юридической услуги, можно определить обладает ли представивший их специалист соответствующей квалификацией.

Некоторые юристы, желая заработать денежное вознаграждение, предлагают своим клиентам услуги, которые не будут влиять на результат предстоящего судебного или другого разбирательства.

Эти случаи находят постоянное подтверждение на практике. Так, в Нижнем Новгороде пенсионерка поделилась историей о том, что ей нужно было перевести пенсионные выплаты из одного банка в другой. Так как женщина в силу своего возраста решить вопрос не могла, то она обратилась к юристу. А тот вместо того, чтобы помочь в этом конкретном деле, уговорил нижегородку подготовить документы на повышение пенсии. Юрист подготовил два обращения и отправил одно, как потом выяснилось, не по компетенции, а второе — вообще несуществующему адресату. Пенсионерка в итоге заподозрила неладное и обратилась в правоохранительные органы. За указанные услуги пенсионерка заплатила 20 000 рублей.

Юрист (адвокат), будучи хорошо осведомленным о нормах права и тенденциях судебной практики, намеренно вводит в заблуждение потенциального клиента относительно возможности с его стороны повлиять на ту ситуацию, в которую попал гражданин. Одновременно с этим юрист убеждает клиента, что его вопрос решить очень сложно, и только попытка обращения в суд может существенно увеличить шансы его разрешить. Несомненно, что для этого необходимо нести материальные расходы. Как правило, проигранное дело и становится оправданием того, что говорил юрист, когда указывал на сложность сложившегося положения. С другой стороны, для наглядности убедиться в данном факте, пройти путь судебной тяжбы было необходимо. Важным фактором в таком случае становится информация, получаемая в ходе первой консультации. В

ходе данной консультации наниматель уже вправе получить более или менее объективные сведения относительно того, что по его вопросу отражено в законе, и на первоначальном этапе попросить юриста разъяснить ему необходимость (обязательность) обращения в суд, а также несения бремени определенных договором расходов.

Как справедливо отмечает В.М. Горянова, к сожалению, обязанность выполнения указанных инсинуаций не определена законом, в том числе и отсутствует некая государственная стандартизация, согласно которой юрист при консультировании без договора обязан предупредить обратившегося к нему за юридической помощью лицу о последствиях совершения (несовершения) тех или иных действий. Поэтому юристы, видя, что уверенность в собственной правоте движет клиентом, стараются избегать разговоров о важнейших процессуальных моментах, в том числе и том, что доверяя свое дело юристу, он может сам участвовать в рассмотрении дела, и тем самым контролировать надлежащее качество оказываемых услуг [2, с.8].

В таком случае, как справедливо подтверждается несколькими исследователями, можно было бы обратиться с жалобой в соответствующие инстанции, и доказав, что, будучи введенным в заблуждение относительно исхода (а иногда и обстоятельств протекающего дела) заключил соглашение об услуге заведомо ненадлежащего качества.

Заключение. Подводя итоги вышеизложенному, можно сделать следующие выводы о том, что у мошенничеств в сфере оказания юридических услуг есть свои особенности:

Маскировка под легитимных юристов. Мошенники создают фиктивные юридические фирмы или поддельные сайты с имитацией лицензий и отзывов доверенных профессионалов, что вводит клиента в заблуждение. При этом они используют стандартные маркетинговые приемы, чтобы казаться более профессиональными.

Использование доверия и эмоциональных манипуляций. Многие мошенники используют психологические манипуляции, вызывая у граж-

дан ощущение срочности или страха (например, предстоящий арест, потеря собственности), что заставляет клиента принимать поспешные решения без должной проверки информации.

Недостаточная правовая грамотность доверителя. Многие граждане не обладают достаточными знаниями в сфере юриспруденции, что позволяет мошенникам использовать в своих интересах элемент неосведомленности и обещать, например, «быстрый» результат или «безопасную» сделку.

Использование злоумышленниками современных технологий. Практика показывает, что мошенники активно используют интернет: создают фальшивые сайты, рассылки, а также используют социальные сети (например, фальшивые аккаунты популярных юристов), что значительно расширяет масштабы преступлений.

Список литературы:

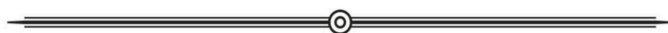
[1] Орлов А.В. Гражданско-правовое регулирование отношений в сфере оказания юридических услуг: сравнительно-правовое исследование: дисс...канд. юрид. наук. Специальность: 12.00.03. Гражданское право; предпринимательское право; семейное право; международное частное право. Москва, 2009.

[2] Горянова В.М. Государственный образовательный стандарт о качестве подготовки коммуникативно компетентной личности юриста-профессионала / О. М. Косянова // Наука и школа. - 2018.

References:

[1] Orlov, A.V. Civil Law Regulation of Relations in the Field of Legal Services: A Comparative Legal Study: Diss. Cand. Law. sciences'. Specialty: 12.00.03. Civil Law; Business Law; Family Law; Private International Law. Moscow, 2009.

[2] Goryanova V.M. State Educational Standard on the Quality of Training a Communicatively Competent Professional Lawyer / O. M. Kosyanova // Science and School. - 2018.

Дата поступления рукописи в редакцию: 10.07.2026 г.

DOI: 10.24412/2782-3849-2026-8-105-107

Дата принятия рукописи в печать: 01.08.2026 г.

КОДЗОКОВА Ляца Арсеньевна,

старший преподаватель кафедры организации
правоохранительной деятельности Северо-Кавказского
института повышения квалификации (филиал) Краснодарского
университета МВД России, к.ю.н., подполковник полиции,
e-mail: alida.eldarova@yandex.ru

РОМАНЮК Владимир Станиславович,

доцент кафедры административного права, административной
деятельности и управления органов внутренних дел
Казанского юридического института МВД России, к.пед.н.,
полковник полиции, Author SPIN: 8639-2700,
e-mail: rovlatt@mail.ru

ПРОБЛЕМЫ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА УМЫШЛЕННЫЙ ПОИСК ЭКСТРЕМИСТСКИХ МАТЕРИАЛОВ

Аннотация. По мнению некоторых экспертов, введение административной ответственности за умышленный поиск экстремистских материалов, как и другие некоторые нормы закона, входят в противоречие с рядом статей Конституции РФ, гарантирующих права и свободы человека. Реализация таких норм требует максимально точной настройки правоприменительной практики, понятие «умышленный поиск» должно быть четко и узко толкуемо – исключительно как систематическое, сознательное стремление к получению запрещенного контента.

Ключевые слова: поиск экстремистских материалов, административная ответственность, проблемы, доступ к информационным ресурсам.

KODZOKOVA Lyatsa Arsenyevna,

Senior Lecturer at the Department of Organization of Law
Enforcement Activities of the North Caucasus Institute for Advanced
Studies (branch) of the Krasnodar University of the Ministry of Internal
Affairs of Russia, Ph.D. in Law, Police Lieutenant Colonel

ROMANYUK Vladimir Stanislavovich,

Associate Professor of the Department of Administrative Law,
Administrative Activities and Management of Internal Affairs Bodies,
Kazan Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia,
Ph.D., Police Colonel,

PROBLEMS OF LIABILITY FOR THE DELIBERATE SEARCH FOR EXTREMIST MATERIALS

Annotation. According to some experts, the introduction of administrative liability for the deliberate search for extremist materials, as well as certain other legal provisions, contradicts several articles of the Russian Constitution guaranteeing human rights and freedoms. The implementation of such provisions requires the most precise adjustment of law enforcement practices; the concept of "deliberate search" must be clearly and narrowly defined – exclusively as a systematic, conscious desire to obtain prohibited content.

Key words: search for extremist materials, administrative liability, problems, access to information resources.

Введение

25 июля на 595-м пленарном заседании Совет Федерации одобрил поправки в КоАП РФ и в Федеральный закон от 8 августа 2024 г. № 225-ФЗ «О внесении изменений в Кодекс Российской Федерации об административных право-

нарушениях» в части усиления административной ответственности за нарушения в сфере связи и информации (законопроект № 755710-8)». [2] Законопроект был внесен в Думу в октябре 2024 г. и изначально был разработан в целях повышения безопасности при осуществлении транспортно-

экспедиционной деятельности, а также усиления контроля за перевозкой грузов. В частности, поправками ст. 11.14.3 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях (далее КоАП РФ) предлагалось дополнить ч. 3–10, устанавливающими ответственность за нарушение порядка деятельности экспедиторов для граждан, юридических лиц и индивидуальных предпринимателей.

Ко второму чтению в законопроект были внесены многочисленные изменения, касающиеся административной ответственности за нарушения в сфере связи и информации. Так, КоАП РФ будет дополнен ст. 13.29.1, которая предусматривает штраф в случае передачи своего телефонного номера третьему лицу для совершения противоправных действий, если эти действия не содержат признаков уголовно наказуемого деяния. Гражданам грозит штраф в размере от 30 тыс. до 50 тыс. руб., для индивидуальных предпринимателей – в размере от 50 тыс. до 100 тыс. руб.; для юридических лиц – от 100 тыс. до 200 тыс. руб. При этом административная ответственность не наступит в случае безвозмездной и кратковременной передачи телефона или сим-карты для звонка другому человеку в личных целях, передачи номера близким родственникам. Аналогичный штраф предусмотрен за передачу сведений для регистрации или входа в аккаунт в интернете.[4]

Закон дополняет КоАП РФ ст. 13.52, предусматривающей ответственность за неисполнение владельцем программно-аппаратных средств доступа к информационным ресурсам и информационно-телекоммуникационным сетям, доступ к которым ограничен, установленного порядка взаимодействия с Роскомнадзором. Такое нарушение влечет наложение штрафа на граждан в размере от 50 тыс. до 80 тыс. руб.; на должностных лиц – от 80 тыс. до 150 тыс. руб.; на юридических лиц – от 200 тыс. до 500 тыс. руб.[4]

Поправками в КоАП РФ вносится ст. 13.53 «Поиск заведомо экстремистских материалов и получение доступа к ним, в том числе с использованием программно-аппаратных средств доступа к информационным ресурсам, информационно-телекоммуникационным сетям, доступ к которым ограничен».[4]

Цель и задачи

Целью настоящей статьи выступает административно-правовой анализ ответственности за поиск заведомо экстремистских материалов и получение доступа к ним, в том числе с использованием программно-аппаратных средств доступа к информационным ресурсам, информационно-телекоммуникационным сетям, доступ к которым ограничен.

Методы

Методологическую основу исследования

составляет система философских, общенаучных и специально-юридических средств и способов познания, обеспечивающих объективность изучения заданной тематики. Применение в рамках исследования эмпирических методов сбора, обобщения и анализа информации позволило осуществить качественный сбор актуального и обоснованного с практической точки зрения исследовательского материала.

Результаты

На практике правоохранительным органам нужно будет доказать, что у пользователя был умысел на поиск экстремистских материалов. Если пользователь не знал, что материал включен в перечень экстремистских материалов, никакой ответственности применяться не будет. При этом понимаем, что эти материалы специально ищут приверженцы соответствующих идеологий, организаторы экстремистских сообществ.

Введение административной ответственности за умышленный поиск экстремистских материалов направлено на ограничение идеологического радикализма и, безусловно, имеет своими целями защиту общественной безопасности и формирование устойчивой гражданской идентичности. В условиях гибридных угроз и информационной войны государство вправе создавать барьеры для распространения опасной деструктивной информации, в том числе через ограничение доступа к ней, подчеркивал адвокат. Реализация таких норм требует максимально точной настройки правоприменительной практики. По его словам, ключевое понятие «умышленный поиск» должно быть четко и узко толкуемо – исключительно как систематическое, сознательное стремление к получению запрещенного контента.

Отдельную обеспокоенность вызывает то, что норма не содержит изъятий для профессиональной деятельности адвокатов. При подготовке к защите по делам об экстремизме адвокат вправе изучать как материалы уголовного дела, так и источники, содержащие запрещенную информацию, в том числе из федерального списка экстремистских материалов. Формально такие действия могут быть истолкованы как «умышленный поиск», если отсутствует четкое разграничение между профессиональной необходимостью и противоправным интересом. При этом следует отметить, что в отношении адвокатов действуют особые процессуальные гарантии: документы и устройства, содержащие сведения, относящиеся к адвокатской тайне, не могут быть осмотрены или изъяты без соблюдения специального порядка, установленного УПК РФ. Поэтому на практике риск привлечения адвоката к ответственности при добросовестном исполнении им своих обязанностей представляется низким, но сама правовая неопределенность требует устранения.

Основную угрозу для бизнес-сообщества в данном случае представляют штрафы, касающиеся VPN. Использование самой технологии не запрещено, однако нарушения, за которые раньше могли заблокировать VPN-сервис, теперь грозят обернуться штрафами до 500 тыс. руб. Особенно это касается случаев, когда компания не смогла обеспечить фильтрацию запрещенных ресурсов или в соответствии с требованием Роскомнадзора не подключилась к Федеральной государственной информационной системе с перечнем запрещенных ресурсов. До сих пор не очень понятно, кто может считаться «владельцем» VPN-сервиса в случае, когда компания использует сторонние VPN-сервисы, однако фактически имеет возможность самостоятельно обеспечить настройку или фильтрацию.

Формированием списка экстремистских материалов занимается Министерство юстиции России, при этом указанный список постоянно пополняется и не является исчерпывающим. Есть много вопросов к толкованию данного запрета, понятно одно: наиболее простым доказательством нарушения станет использование личного IP и аккаунта в российском сервисе.

Некоторые эксперты негативно оценили изменения в КоАП РФ в части его дополнения ст. 13.53. По его мнению, эта норма входит в противоречие с целым рядом статей Конституции РФ, гарантирующих права и свободы человека в соответствии с общепризнанными принципами и нормами международного права, в том числе право на поиск информации, которое гарантируется также п. 2 ст. 19 Международного пакта о гражданских и политических правах.[1]

Законом фактически запрещен любой поиск «заведомо экстремистских материалов», в том числе поиск в научных, образовательных, публицистических и иных целях. Данный закон – это попытка существенного ограничения конституционного права на свободный поиск и получение информации, которое в отношении совершеннолетних людей может быть ограничено только режимом государственной или иной охраняемой законом тайны, но на экстремистские материалы такие режимы не распространяются.

Закон предоставляет правоприменителю практически неограниченную свободу усмотрения при определении контента, поиск которого подпадает под действие этого состава правонарушения. Он обращал внимание, что таковым кон-

тентом предлагается считать не только материалы, включенные в федеральный список экстремистских материалов, но и материалы, указанные в п. 3 ст. 1 Закона о противодействии экстремистской деятельности, т.е. еще не включенные в вышеуказанный список.

Список литературы:

[1] Международный пакт о гражданских и политических правах (Принят 16.12.1966 Резолюцией 2200 (XXI) на 1496-ом пленарном заседании Генеральной Ассамблеи ООН). Ст. 19. П. 2.

[2] Федеральный закон от 8 августа 2024 г. № 225-ФЗ «О внесении изменений в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях» в части усиления административной ответственности за нарушения в сфере связи и информации (законопроект № 755710-8). Ст. 1.

[3] Федеральный закон «О противодействии экстремистской деятельности» от 25.07.2002 № 114-ФЗ (ред. от 27 октября 2025). Ст. 1. П. 3.

[4] Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 N 195-ФЗ (ред. от 09.04.2026). Ст.ст. 11.14.3, 13.29.1, 13.52, 13.53, 19.5.3.

[5] Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 N 63-ФЗ (ред. от 09.04.2026). Ст. 280.

References:

[1] International Covenant on Civil and Political Rights (Adopted by 16.12.1966 Resolution 2200 (XXI) at the 1496th plenary meeting of the UN General Assembly). Art. 19. ITEM 2.

[2] Federal Law of August 8, 2024 No. 225-FZ "On Amendments to the Code of Administrative Offenses of the Russian Federation" in terms of strengthening administrative responsibility for violations in the field of communications and information (bill No. 755710-8). "Art. 1.

[3] Federal Law "On Countering Extremist Activities" of 25.07.2002 No. 114-FZ (as amended on October 27, 2025). Art. 1. ITEM 3.

[4] Code of Administrative Offences of the Russian Federation of 30.12.2001 N 195-FZ (rev. of 09.04.2026). Art. 11.14.3, 13.29.1, 13.52, 13.53, 19.5.3.

[5] The Criminal Code of the Russian Federation of 13.06.1996 N 63-FZ (ed. 09.04.2026). Art. 280.

Дата поступления рукописи в редакцию: 08.07.2026 г.

DOI: 10.24412/2782-3849-2026-8-108-114

Дата принятия рукописи в печать: 29.07.2026 г.

ТАРНОВСКИЙ Александр Владимирович,
аспирант кафедры уголовного права ФГБОУ ВО
«Юго-Западный государственный университет»,
e-mail: ccrupt@mail.ru

**КВАЛИФИКАЦИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, СВЯЗАННЫХ С НЕЗАКОННЫМ ОБРАЩЕНИЕМ
АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ПРЕДМЕТОВ: ПРОБЛЕМЫ ТЕОРИИ И ПРАВОПРИМЕНИТЕЛЬНОЙ
ПРАКТИКИ ПО СТАТЬЯМ 243.2 И 243.3 УК РФ**

Аннотация. Предметом исследования являются теоретические и прикладные проблемы квалификации преступлений, предусмотренных статьями 243.2 и 243.3 Уголовного кодекса Российской Федерации, в части установления признаков незаконного обращения археологических предметов и нарушения режима сохранности объектов археологического наследия. Рассматриваются вопросы отграничения указанных составов друг от друга и от смежных уголовно-правовых норм (ст. 243, 243.4 УК РФ), критерии определения предмета посягательства, а также процессуальные аспекты формирования доказательственной базы на стадии проверки сообщения о преступлении и предварительного расследования.

Методологическую основу работы составляют формально-догматический метод при толковании диспозиций исследуемых уголовно-правовых норм, сравнительно-правовой метод при сопоставлении общих и специальных составов в сфере охраны культурного наследия, системно-структурный анализ соотношения уголовного, административного и отраслевого законодательства об объектах археологического наследия, а также метод обобщения правоприменительной практики.

Научная новизна состоит в выявлении квалификационных затруднений, порождаемых оценочным характером понятия «археологический предмет» и отсутствием нормативно закреплённых критериев его отграничения от смежных правовых категорий — «объект археологического наследия» и «культурный слой». Обоснована целесообразность законодательного установления презумпции недвижимого характера объектов археологического наследия с указанием на их принадлежность к федеральной собственности. Аргументирована необходимость ведомственной стандартизации первичных проверочных мероприятий, включающей унифицированный алгоритм фиксации обстоятельств обнаружения и изъятия археологических предметов, а также типовой перечень вопросов для комплексной экспертизы. Сформулированы рекомендации по применению института квалификации по совокупности преступлений при сопряжённости незаконного извлечения археологических предметов с хищением культурных ценностей и их контрабандным перемещением.

Ключевые слова: квалификация преступлений; археологические предметы; незаконное обращение; объект археологического наследия; культурный слой; статья 243.2 УК РФ; статья 243.3 УК РФ; предмет посягательства; разграничение смежных составов; доказывание; охрана культурного наследия; правоприменительная практика; экспертиза археологических предметов.

TARNOVSKY Alexander Vladimirovich,
graduate student of the Department of Criminal Law of the
Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education
"Southwestern State University"

**QUALIFICATION OF CRIMES RELATED TO ILLEGAL CIRCULATION OF ARCHAEOLOGICAL
OBJECTS: PROBLEMS OF THEORY AND LAW ENFORCEMENT PRACTICE
UNDER ARTICLES 243.2 AND 243.3 OF THE CRIMINAL CODE OF THE RUSSIAN
FEDERATION**

Annotation. The subject of the study is the theoretical and applied problems of qualification of crimes provided for by Articles 243.2 and 243.3 of the Criminal Code of the Russian Federation, in terms of establishing signs of illegal circulation of archaeological objects and violation of the regime of preservation of archaeological heritage sites. The issues of delimiting these compositions from each other and from related criminal law norms (Articles 243, 243.4 of the Criminal Code of

the Russian Federation), the criteria for determining the subject of encroachment, as well as the procedural aspects of the formation of the evidence base at the stage of checking the crime report and preliminary investigation are considered.

The methodological basis of the work is a formal dogmatic method for interpreting the dispositions of the investigated criminal law norms, a comparative legal method for comparing general and special compositions in the field of cultural heritage protection, a system-structural analysis of the ratio of criminal, administrative and sectoral legislation on objects of archaeological heritage, as well as a method for generalizing law enforcement practice.

The scientific novelty consists in identifying qualification difficulties caused by the evaluative nature of the concept of "archaeological object" and the absence of normatively fixed criteria for its delimitation from related legal categories - "object of archaeological heritage" and "cultural layer." The expediency of the legislative establishment of the presumption of the immovable nature of objects of archaeological heritage with an indication of their belonging to federal property is justified. The need for departmental standardization of primary verification measures, including a unified algorithm for recording the circumstances of the discovery and seizure of archaeological objects, as well as a standard list of issues for a comprehensive examination, has been argued. Recommendations are formulated on the application of the institute of qualifications for the totality of crimes when the illegal extraction of archaeological objects is associated with the theft of cultural property and their smuggling.

Key words: qualification of crimes; archaeological items; illegal treatment; archaeological heritage site; cultural layer; Article 243.2 of the Criminal Code of the Russian Federation; Article 243.3 of the Criminal Code of the Russian Federation; subject of encroachment; demarcation of adjacent trains; proving; protection of cultural heritage; law enforcement practice; examination of archaeological objects.

В контексте настоящего исследования под незаконным обращением археологических предметов надлежит понимать систему юридически значимых действий, охватывающих поиск, извлечение из мест залегания, перемещение, передачу третьим лицам либо иное введение в гражданский оборот материальных свидетельств жизнедеятельности человека минувших исторических эпох, осуществляемых в нарушение нормативно установленного режима охраны археологического наследия и в отсутствие предусмотренных законодательством разрешительных документов.

Центральное место в юридической характеристике рассматриваемого явления занимает вопрос о предмете противоправного посягательства. Категорию «археологический предмет» необходимо строго отграничивать от смежных правовых понятий. Во-первых, от понятия «объект археологического наследия», который, как правило, обладает признаками недвижимого имущества. Во-вторых, от понятия «культурный слой», представляющего собой контекстную среду, в которой залегают те или иные находки. Действующие нормативные акты описывают объекты археологического наследия посредством указания на значительное типологическое многообразие их форм — от городищ, селищ и курганных комплексов до собственно культурных слоёв. Применительно к культурному слою законодатель устанавливает формальный хронологический критерий: возраст материальных следов, его образующих, должен составлять не менее

ста лет. Вместе с тем в доктрине справедливо указывается на то, что дефиниция объекта археологического наследия неизбежно носит «размытый» характер, что обусловлено именно типологическим разнообразием охраняемых объектов [1, с. 5].

Объективные признаки незаконного обращения с археологическими предметами могут быть систематизированы следующим образом. Первый признак состоит в непосредственном физическом воздействии на предметы, находящиеся в земле, в водной среде либо извлечённые из таковых, которое влечёт за собой разрушение контекста обнаружения и существенно затрудняет последующую научную атрибуцию и интерпретацию находок [2, с. 101]. Второй признак выражается в нарушении установленного охранного режима соответствующей территории, а равно порядка проведения любых земляных, строительных и иных работ на ней [3, с. 48]. Третий признак связан с причинением вреда охраняемым публичным интересам, причём такой вред не сводится исключительно к физической утрате самого предмета — он в равной мере охватывает безвозвратную утрату научной информации о памятнике, его стратиграфии и пространственных связях между артефактами [4, с. 63].

Субъективная сторона данного деяния, как правило, характеризуется прямым умыслом: лицо осознаёт противоправность совершаемых действий по обходу разрешительного режима, желает извлечь археологические предметы из мест их залегания и распорядиться ими по соб-

ственному усмотрению. Нередко субъективная сторона дополняется корыстной мотивацией, направленной на последующую реализацию обнаруженных предметов.

С точки зрения правоприменительной практики существенным индикатором проблемности рассматриваемой сферы выступает фиксируемый исследователями разрыв между уголовно-правовыми конструкциями, закреплёнными в действующем законодательстве, и реальными возможностями их практического применения. В частности, констатируется утрата внутрисистемной согласованности между материально-правовыми нормами об охране археологического наследия и процессуальными механизмами выявления, пресечения и доказывания соответствующего противоправного поведения [5, с. 72].

Изложенное позволяет заключить, что юридическое понятие незаконного обращения археологических предметов должно фиксировать не только завершающую стадию — собственно «оборот» предметов, но и все предшествующие ей действия, подрывающие режим сохранности археологического наследия. Обязательным условием корректной квалификации является последовательное разграничение трёх самостоятельных категорий: предметов, объектов и контекста залегания. При этом ограничением доктринальной и правоприменительной определённости остаётся оценочный характер ряда используемых законодателем терминов, который неизбежно обуславливает вариативность квалификации конкретных деяний.

Квалификация деяний, предусмотренных ст. 243.2 и 243.3 УК РФ, предполагает последовательное разграничение указанных составов по двум критериям — предмету посягательства и содержанию объективной стороны, — каждый из которых несёт самостоятельную уголовно-правовую нагрузку.

Применительно к ст. 243.2 УК РФ квалификационно значимым обстоятельством выступает принадлежность изъятого либо перемещаемого объекта к категории археологических предметов. Данная принадлежность устанавливается не произвольно, а посредством специальных исследований (археологической, культурологической, историко-искусствоведческой экспертизы), результаты которых подтверждают наличие у объекта признаков культурной значимости в соответствии с критериями, выработанными в профильном законодательстве и подзаконной нормативной базе. Отсутствие надлежащего экспертного подтверждения закономерно влечёт невозможность вменения данного состава и обуславливает переквалификацию содеянного — как правило, в плоскость административной ответственности либо ответственности по иным нормам уголовно-

го закона [6, с. 55].

Иначе выстраивается квалификация по ст. 243.3 УК РФ. Здесь определяющее значение приобретает объективный факт нарушения установленного нормативными актами режима сохранности объекта археологического наследия в ходе проведения работ [7, с. 121]. Правоприменитель обязан установить причинно-следственную связь между конкретными действиями (равно как и бездействием) субъекта и наступившим вредом, причинённым охраняемому объекту, а равно противоправность самого избранного способа ведения работ. Указанная модель квалификации предполагает обращение к нормам Федерального закона от 25 июня 2002 г. № 73-ФЗ «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации» и изданным в его развитие подзаконным актам, определяющим допустимые параметры деятельности на территории объектов археологического наследия.

Практическая трудность разграничения двух рассматриваемых составов обусловлена тем, что внешне тождественные действия — поиск, извлечение, транспортировка, хранение археологических объектов — способны образовывать различные составы преступлений в зависимости от юридической природы затронутого объекта и того, какое именно деяние признаётся юридически значимым в конкретной ситуации [8, с. 162]. При возникновении конкуренции уголовно-правовых норм приоритет надлежит отдавать той статье, диспозиция которой с большей степенью определённости описывает предмет и способ посягательства. Оценка мотивов и направленности умысла субъекта при таком подходе выполняет вспомогательную функцию и приобретает квалификационное значение преимущественно в пограничных ситуациях — в частности, когда один и тот же материальный объект одновременно обладает свойствами культурной ценности и вещи, допущенной к гражданскому обороту. Обоснованность данного метода — разграничения смежных составов через комплексный анализ объекта, предмета и субъективной стороны — подтверждается доктринальными исследованиями и правоприменительной практикой в сфере уголовно-правовой охраны культурных ценностей [9, с. 203].

Таким образом, надлежащая квалификация по ст. 243.2 и 243.3 УК РФ достижима лишь при условии синтеза экспертных данных о природе и происхождении предмета посягательства с правовой оценкой действующего режима охраны конкретного объекта. Существенным ограничением при этом остаётся зависимость итоговых квалификационных выводов от качества первичных материалов доследственной проверки, полноты процессуальной фиксации обстоятельств

обнаружения и изъятия предметов, а также от уровня компетентности привлекаемых специалистов.

Уяснение юридической природы составов, закреплённых в ст. 243.2 и 243.3 УК РФ, требует их сопоставления, с одной стороны, с нормами общего характера, направленными на обеспечение сохранности объектов культурного наследия, а с другой — со специальными составами, ориентированными на охрану отдельных категорий культурных ценностей и объектов исторической памяти.

Первый аспект сравнительного анализа касается соотношения ст. 243.2–243.3 со ст. 243 УК РФ. Последняя криминализирует уничтожение или повреждение объектов культурного наследия и культурных ценностей, то есть деяния, результатом которых является утрата или существенное ухудшение физического состояния охраняемого объекта. Нормы же ст. 243.2 и 243.3 переносят центр квалификационной тяжести на иную плоскость: незаконное изъятие предметов из культурного слоя и нарушение установленного режима обращения с археологическими объектами. Данное различие предопределяет существенную специфику предмета доказывания: если при вменении ст. 243 УК РФ ключевым является установление характера и размера причинённого ущерба, то применение ст. 243.2–243.3 требует прежде всего доказывания происхождения предмета из культурного слоя, а также факта нарушения специального правового режима проведения работ и обращения с археологическими находками [10, с. 84].

Второй аспект связан с соотношением уголовно-правовых запретов и административно-правовых механизмов охраны. Анализ показывает наличие структурной зависимости между корректностью уголовной квалификации и состоянием позитивно-правовой регламентации охранительных режимов. Разграничение недвижимого археологического наследия как объекта государственной охраны и движимых культурных ценностей как объекта гражданского оборота опирается на различные нормативные массивы: режим охраны недвижимых объектов выстроен вокруг Федерального закона № 73-ФЗ, тогда как оборот движимых ценностей регулируется иными специальными законодательными актами. Смещение указанных режимов на стадии предварительного расследования и судебного разбирательства порождает квалификационные ошибки, связанные с некорректным определением предмета посяательства и, как следствие, с неверным выбором подлежащей применению нормы [11, с. 193].

Третий аспект сравнительного исследования обращён к тенденции специализации уголовно-правовой охраны объектов, обладающих

особой историко-культурной значимостью. Показательным примером данной тенденции служит включение в Уголовный кодекс ст. 243.4, устанавливающей ответственность за посяательства на воинские захоронения и мемориальные сооружения, посвящённые борьбе с фашизмом [12, с. 115]. Выделение самостоятельного предмета охраны и обособление специфической охраняемой сферы представляет собой законодательную модель, которая по структурной логике аналогична той, что положена в основу ст. 243.2–243.3 УК РФ. Криминализация незаконных действий в отношении археологического наследия обусловлена объективными факторами повышенной уязвимости данной сферы: высоким уровнем латентности преступных посятельств, наличием развитого трансграничного нелегального рынка археологических предметов, а также существенными трудностями идентификации контекста происхождения и провенанса обнаруженных объектов.

По итогам проведённого сравнительно-правового анализа представляется возможным сформулировать следующий вывод. Эффективность применения ст. 243.2 и 243.3 УК РФ находится в прямой зависимости от степени согласованности уголовно-правовых запретов с нормативным режимом охраны и оборота культурных ценностей, а также от нормативной ясности разграничения категорий «объект охраны» и «предмет оборота». Ограничивающим фактором правоприменения остаётся зависимость квалификации от полноты и достоверности экспертной реконструкции контекста обнаружения археологического предмета и от качества регистрационно-учётных и охранных процедур, осуществляемых на досудебной стадии.

Формирование обвинения по делам о преступлениях, предусмотренных ст. 243.2 и 243.3 УК РФ, сопряжено с рядом затруднений методологического и процессуального свойства, обусловленных спецификой предмета доказывания и многокомпонентностью объективной стороны рассматриваемых составов.

Существо проблемы состоит в необходимости одновременного решения органами предварительного расследования нескольких квалификационных задач: надлежало установления предмета посяательства (археологические предметы, культурные ценности), воссоздания механизма их незаконного оборота и обоснования причинно-следственной связи между инкриминируемыми действиями и нарушением охраняемых публичных интересов в сфере сохранности археологического наследия. Каждая из названных задач обладает собственной доказательственной спецификой и требует привлечения различных по характеру источников сведений — от заключений

экспертов-археологов до документации охранного режима соответствующей территории.

В правоприменительной практике границы предъявляемого обвинения нередко утрачивают необходимую определённую. Причиной тому служат два взаимосвязанных обстоятельства. С одной стороны, конкуренция ст. 243.2 и 243.3 со смежными уголовно-правовыми нормами (прежде всего со ст. 243 и ст. 243.4 УК РФ, а также с составами, предусматривающими ответственность за хищение и незаконный оборот имущества) побуждает следствие к расширительному толкованию диспозиций. С другой стороны, стремление охватить единой формулой обвинения разнородные по юридической природе эпизоды — поиск, извлечение, хранение, перевозку, сбыт археологических предметов — порождает альтернативу, в равной мере неблагоприятную для качества уголовного преследования: либо избыточное вменение, при котором объём обвинения выходит за рамки фактически доказанного, либо необоснованное дробление единого деяния на множество самостоятельных эпизодов, каждый из которых утрачивает достаточную доказательственную базу.

Центральной методической трудностью надлежит признать корректное разграничение конкурирующих норм по объекту, предмету и элементам объективной стороны состава. В отсутствие такого разграничения обвинительная конструкция неизбежно приобретает формальный характер и начинает определяться внешними признаками — наличием либо отсутствием государственной регистрации объекта археологического наследия, правовым статусом территории обнаружения, оформлением прав на земельный участок, — а не фактическим содержанием совершённого посягательства. В доктрине справедливо указывается на то, что системный анализ смежных составов с выделением различий по нескольким квалификационным критериям составляет необходимое условие разрешения спорных вопросов уголовно-правовой оценки содеянного.

Самостоятельный блок затруднений обнаруживается на стадии проверки сообщения о преступлении в порядке ст. 144–145 УПК РФ. Органы расследования при проверке информации о посягательствах на археологическое наследие вынуждены прибегать к опросам осведомлённых лиц и назначению экспертных исследований до вынесения постановления о возбуждении уголовного дела. Результаты подобных проверочных мероприятий, будучи положены в основу обвинения, впоследствии нередко оспариваются стороной защиты по мотивам их процессуальной недопустимости. Обвинение в таких условиях вынуждено выстраивать доказательственную кон-

струкцию с учётом уязвимости процессуального статуса первичных материалов, что существенно ограничивает свободу квалификационного усмотрения. Как обоснованно отмечается в специальной литературе, несоблюдение процессуальных требований, установленных уголовно-процессуальным законом для производства допроса, влечёт признание полученных таким путём сведений недопустимыми доказательствами, что ставит под угрозу устойчивость обвинения в целом.

Изложенное позволяет констатировать, что объём обвинения по ст. 243.2 и 243.3 УК РФ в значительном числе случаев определяется не столько юридической моделью вменяемого состава, сколько пределами фактической доказуемости инкриминируемых обстоятельств. Подобная зависимость обвинительной конструкции от доказательственных возможностей конкретного дела, при всей её объяснимости, несёт в себе повышенный риск процессуальной нестабильности: обвинение, основанное преимущественно на критерии доказуемости, оказывается уязвимым на стадии судебного разбирательства и создаёт предпосылки для частичного прекращения уголовного преследования или переквалификации содеянного. Минимизация указанных рисков предполагает выработку унифицированных методических рекомендаций по формированию обвинения, учитывающих как материально-правовую специфику составов в сфере охраны археологического наследия, так и процессуальные ограничения, присущие доказыванию по данной категории уголовных дел.

Анализ правоприменительной практики и доктринальных источников позволяет обосновать необходимость совершенствования квалификации деяний, посягающих на сохранность археологического наследия, по трём взаимосвязанным направлениям: уточнение нормативных характеристик предмета преступления, стандартизация доказательственной деятельности на начальном этапе расследования и устранение регуляторных пробелов, оказывающих опосредованное влияние на уголовно-правовую оценку содеянного.

Первое направление: уточнение правового статуса предмета посягательства. Надлежащая квалификация по ст. 243.2 и 243.3 УК РФ предполагает безусловное установление принадлежности объекта к археологическому наследию и его генетической связи с конкретным местом залегания в культурном слое. Между тем действующее законодательство не содержит достаточно определённых критериев, позволяющих однозначно разрешить вопрос о правовой природе обнаруженного объекта на стадии предварительного расследования. В этой связи представляется обоснованным нормативное закрепление пре-

зумпции недвижимого характера любого объекта археологического наследия с одновременным законодательным указанием на принадлежность как выявленных, так и включённых в единый государственный реестр объектов к федеральной собственности. Введение данной презумпции способно существенно снизить вариативность правоприменительных трактовок при отграничении предмета ст. 243.2–243.3 от предмета смежных составов преступлений, а равно минимизировать число ситуаций, в которых объект археологического наследия *de facto* квалифицируется правоприменителем как бесхозяйная вещь, допущенная к свободному гражданскому обороту.

Второе направление: стандартизация первичных проверочных мероприятий. Качество уголовно-правовой оценки деяний рассматриваемой категории находится в прямой зависимости от полноты и процессуальной корректности материалов, собранных на этапе проверки сообщения о преступлении в порядке ст. 144 УПК РФ. Практика свидетельствует об отсутствии единообразного подхода к процедуре первичной фиксации обстоятельств обнаружения археологических предметов, что неизбежно ослабляет доказательственную базу обвинения. Для преодоления указанного недостатка целесообразна разработка и ведомственное утверждение унифицированного алгоритма проверочных действий, включающего: геодезическую фиксацию координат места обнаружения с описанием признаков культурного слоя; процессуально корректное изъятие орудий, использованных при проведении земляных работ; детальное фото- и видеопроотоколирование места обнаружения и изъятых предметов; незамедлительное назначение комплексной археологической и стоимостной экспертизы с применением типового перечня вопросов, подлежащих разрешению экспертом. Внедрение подобной стандартизации призвано компенсировать разрыв между материально-правовыми конструкциями составов преступлений и реальными возможностями их выявления и доказывания, на наличие которого обращается внимание при исследовании последствий криминализации посягательств на археологическое наследие.

Третье направление: совершенствование практики квалификации при множественности преступлений. Нередки ситуации, в которых незаконное извлечение археологических предметов сопряжено с признаками иных уголовно наказуемых деяний — хищения культурных ценностей, их контрабандного перемещения через таможенную границу, легализации доходов, полученных преступным путём. В подобных случаях правоприменителю надлежит шире использовать институт квалификации по совокупности преступлений, однако обращение к данному институту допусти-

мо лишь при соблюдении строгой последовательности доказывания: вменение дополнительных составов возможно исключительно после достоверного установления археологического происхождения предметов и доказанного факта их незаконного извлечения из культурного слоя. Обратная логика — квалификация по смежным составам при неустановленном происхождении объекта — создаёт риск объективного вменения и нарушения принципа субъективной ответственности.

Реализация изложенных рекомендаций в совокупности способна повысить предсказуемость квалификационных решений и обеспечить единообразие правоприменительной практики по делам о посягательствах на археологическое наследие. Вместе с тем необходимо учитывать объективные пределы предлагаемого подхода: его действенность остаётся производной от качества привлекаемой экспертизы, уровня профессиональной подготовки следственных работников в области охраны культурных ценностей и состояния межведомственного информационного обмена между органами расследования, учреждениями культуры и территориальными органами охраны объектов культурного наследия.

Список литературы:

- [1] Абаканова, В. А. Проблемы правоприменительной практики при проведении проверки сообщения о преступлении / В. А. Абаканова, Е. Г. Шадрин // Криминалист. – 2024. – № 2 (47). – С. 3-9.
- [2] Селиверстов, Н. О. Проблемы разграничения статей 243 и 243.4 Уголовного кодекса Российской Федерации / Н. О. Селиверстов // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2021. – № 2 (90). – С. 99-103.
- [3] Ужанов, А. Е. Социологические и социально-правовые аспекты сбережения военно-мемориального наследия Второй мировой войны / А. Е. Ужанов // Пространство науки. – 2024. – Т. 1, № 1. – С. 102-117.
- [4] Шапчиц, П. А. Регистрация права государственной собственности на объекты археологического наследия / П. А. Шапчиц // Россия в глобальном мире. – 2024. – Т. 27, № 2. – С. 47-79.
- [5] Коробейникова, А. О. Хищение предметов, имеющих особую ценность: проблемные аспекты предмета преступления / А. О. Коробейникова, А. Д. Заика, С. С. Попова // Барометр экономики, управления и права. – 2025. – № 1(41). – С. 70-74.
- [6] Халиков, И. А. Незаконная археология. Уголовно-правовые средства противодействия / И. А. Халиков. – Казань : ИПФ "Бриг", 2020. – 206 с.
- [7] Халиков, И. А. Признаки субъекта преступления, предусмотренного статьей 243.2

Уголовного кодекса Российской Федерации / И. А. Халиков // Правосудие. – 2021. – Т. 3, № 1. – С. 113-127.

[8] Шебалов, В. А. Понятия "черная археология" и "черный копатель" / В. А. Шебалов // Международный научно-исследовательский журнал. – 2022. – № 5-3(119). – С. 160-163.

[9] Незаконный поиск и (или) изъятие археологических предметов из мест залегания: исторические аспекты и современные проблемы уголовно-правового регулирования / О. Е. Тарасова, Э. Ф. Закирова, Э. Ю. Латыпова, Э. М. Гильманов // Вестник экономики, права и социологии. – 2024. – № 4. – С. 200-205.

[10] Мельниченко, Н. Н. Посягательства на объекты археологического наследия, совершенные в соучастии: проблемы правовой регламентации и квалификации / Н. Н. Мельниченко // Теория и практика общественного развития. – 2020. – № 12(154). – С. 83-86.

[11] Кобзева, Е. В. Незаконные поиск и (или) изъятие археологических предметов из мест залегания — новое преступное посягательство на нравственные основы культурной памяти / Е. В. Кобзева // Вестник Саратовской государственной юридической академии. – 2014. – № 6 (101). – С. 191-197.

[12] Анощенко, С. В. Охрана культурных ценностей Российской Федерации уголовно-правовыми средствами / С. В. Анощенко // Журнал российского права. – 2014. – № 3. – С. 113-120.

References:

[1] Abakanova, V. A. Problems of law enforcement practice when checking a crime report/ V. A. Abakanova, E. G. Shadrina // Criminalist. – 2024. – № 2 (47). – S. 3-9.

[2] Seliverstov, N.O. Problems of delimitation of articles 243 and 243.4 of the Criminal Code of the Russian Federation/N.O. Seliverstov // Bulletin of St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. – 2021. – № 2 (90). – S. 99-103.

[3] Uzhanov, A.E. Sociological and socio-legal aspects of saving the military memorial heritage

of World War II/A.E. Uzhanov // Space of science. – 2024. – T. 1, NO. 1. – S. 102-117.

[4] Shapchits, P. A. Registration of state ownership of objects of archaeological heritage/ P. A. Shapchits // Russia in the global world. – 2024. – T. 27, NO. 2. – S. 47-79.

[5] Korobeinikova, A. O. Theft of objects of particular value: problematic aspects of the subject of crime/A. O. Korobeinikova, A. D. Zaika, S. S. Popova // Barometer of Economics, Management and Law. – 2025. – № 1(41). – S. 70-74.

[6] Khalikov, I. A. Illegal archeology. Criminal law countermeasures/I. A. Khalikov. – Kazan: IPF "Brig," 2020. – 206 s.

[7] Khalikov, I. A. Signs of the subject of the crime provided for in Article 243.2 of the Criminal Code of the Russian Federation/I. A. Khalikov // Justice. – 2021. – T. 3, NO. 1. – S. 113-127.

[8] Shebalov, V. A. Concepts of "black archeology" and "black digger" /V. A. Shebalov // International Research Journal. – 2022. – № 5-3(119). – S. 160-163.

[9] Illegal search and (or) removal of archaeological objects from their places of occurrence: historical aspects and modern problems of criminal law regulation/O. E. Tarasova, E. F. Zakirova, E. Yu. Latypova, E. M. Gilmanov // Bulletin of Economics, Law and Sociology. – 2024. – № 4. – S. 200-205.

[10] Melnichenko, N. N. Encroachments on objects of archaeological heritage committed in complicity: problems of legal regulation and qualification/N. N. Melnichenko // Theory and practice of social development. – 2020. – № 12(154). – S. 83-86.

[11] Kobzeva, E.V. Illegal search and (or) seizure of archaeological objects from their places of occurrence is a new criminal encroachment on the moral foundations of cultural memory/E.V. Kobzeva // Bulletin of the Saratov State Law Academy. – 2014. – № 6 (101). – S. 191-197.

[12] Anoshchenkova, S.V. Protection of cultural property of the Russian Federation by criminal law/S.V. Anoshchenkova // Journal of Russian Law. – 2014. – № 3. – S. 113-120.

Дата поступления рукописи в редакцию: 14.07.2026 г.

DOI: 10.24412/2782-3849-2026-8-115-122

Дата принятия рукописи в печать: 05.08.2026 г.

РАДЖАБОВ Шамиль Раджабович,

кандидат юридических наук, доцент, заведующий кафедрой
уголовного права и криминологии ФГБОУ ВО «Дагестанский
государственный университет»,
e-mail: shamil.1503@mail.ru

НИСРЕДОВ Джавидин Салаудинович,

аспирант 1 курса Юридического Института ФГБОУ ВО
«Дагестанский государственный университет»,
e-mail: mail@law-books.ru

ПОСТПЕНИТЕНЦИАРНАЯ ПРОБАЦИЯ КАК КЛЮЧЕВОЙ ФАКТОР ПРЕДОТВРАЩЕНИЯ РЕЦИДИВА: ДОКТРИНАЛЬНЫЕ ПОДХОДЫ И ПРАВОВЫЕ ПРОБЛЕМЫ РЕАЛИЗАЦИИ

Аннотация. В статье проводится комплексный криминологический анализ постпени-
тенциарной пробы как ключевого фактора предотвращения рецидивной преступности
в Российской Федерации. На основе доктринальных подходов, представленных в трудах
И.И. Бирюкова, Э.С. Рахмаева, Е.В. Кунц, У.К. Хаджиева, Л.Л. Малковой и других ученых,
исследуются правовая природа, социальная обусловленность и концептуальные принципы
постпени-тенциарной пробы. Анализируются механизмы реализации индивидуальных про-
грамм ресоциализации, выявляются проблемные аспекты правоприменительной практики,
включая недостатки нормативного регулирования, межведомственное взаимодействие и
ресурсное обеспечение. Обосновываются перспективные направления совершенствования
института постпени-тенциарной пробы в контексте предупреждения рецидива.

Ключевые слова: постпени-тенциарная проба, рецидивная преступность, ресоциа-
лизация, социальная адаптация, Федеральный закон № 10-ФЗ, индивидуальная программа
ресоциализации, предупреждение преступности.

RAJABOV Shamil Rajabovich,

Candidate of Legal Sciences, Associate Professor, Head of
the Department of Criminal Law and Criminology, Dagestan
State University

NISREDOV Javidin Salaudinovich,

1st year postgraduate student, Law Institute, Dagestan
State University

POST-PENITENTIARY PROBATION AS A KEY FACTOR IN PREVENTING RECIDIVISM: DOCTRINAL APPROACHES AND LEGAL PROBLEMS OF IMPLEMENTATION

Annotation. The article provides a comprehensive criminological analysis of post-penitentiary
probation as a key factor in preventing recidivism in the Russian Federation. Based on doctrinal
approaches presented in the works of I.I. Biryukov, E.S. Rakhmaev, E.V. Kunts, U.K. Khadzhiev,
L.L. Malkova and other scholars, the legal nature, social conditionality and conceptual principles
of post-penitentiary probation are examined. The mechanisms for implementing individual
resocialization programs are analyzed, problematic aspects of law enforcement practice are
identified, including shortcomings of regulatory regulation, interdepartmental interaction and
resource provision. Promising directions for improving the institution of post-penitentiary probation
in the context of recidivism prevention are substantiated.

Key words: post-penitentiary probation, recidivism, resocialization, social adaptation, Federal
Law No. 10-FZ, individual resocialization program, crime prevention.

Рецидивная преступность в Российской Федерации продолжает оставаться одной из наиболее острых проблем уголовно-исполнительной политики, детерминирующей устойчивую криминализацию общества и дестабилизирующую социально-экономическую сферу. Как справедливо отмечается в научной литературе, «рецидивная преступность представляет серьезную угрозу государственной и общественной безопасности» [15, с. 104], при этом «повторное совершение преступления» выступает индикатором недостаточной эффективности как карательного воздействия, так и постпенитенциарных мер социальной адаптации.

Принятие Федерального закона от 6 февраля 2023 г. № 10-ФЗ «О пробации в Российской Федерации» [1] ознаменовало кардинальный поворот в отечественной уголовно-исполнительной политике, заложив правовые основы для формирования комплексной системы ресоциализации и социальной адаптации лиц, подвергшихся уголовному наказанию. С 1 января 2025 г. в полном объеме вступили в силу положения закона, регулирующие постпенитенциарную пробацию – ключевой институт, направленный на оказание помощи лицам, освободившимся из учреждений уголовно-исполнительной системы и оказавшимся в трудной жизненной ситуации.

Степень научной разработанности проблематики постпенитенциарной пробации в контексте предотвращения рецидивной преступности характеризуется возрастающим интересом со стороны отечественных криминологов и пенитенциаристов. Как отмечает И.И. Бирюков, «к моменту принятия профильного нормативного правового акта о пробации сформировался комплекс проблем, представляющих угрозу безопасности личности, общества и государства, решение которых находится в том числе в плоскости эффективного содействия в ресоциализации, социальной адаптации и социальной реабилитации осужденных» [2, с. 61].

В правовой доктрине тема исправления осужденных, их ресоциализации и применения пробации занимает центральное место в дискуссиях об эффективности исполнения уголовного наказания. Вместе с тем, как обоснованно отмечает Л.Л. Малкова, «специализированные научные исследования по разработке критериев эффективности деятельности субъектов пробации отечественными учеными проводятся редко и имеют узкую направленность» [8, с. 320], что обуславливает необходимость дальнейшего теоретического осмысления постпенитенциарной пробации как системообразующего фактора предупреждения рецидива.

Цель настоящей статьи состоит в проведении комплексного криминологического анали-

за постпенитенциарной пробации как ключевого фактора предотвращения рецидивной преступности в Российской Федерации, с выявлением доктринальных подходов, проблемных аспектов реализации и обоснованием перспективных направлений совершенствования.

Федеральным законом № 10-ФЗ «О пробации в Российской Федерации» [1] предусмотрены три вида пробации: исполнительная, пенитенциарная и постпенитенциарная. Постпенитенциарная пробация определяется как совокупность мер, применяемых в отношении лиц, освободившихся из учреждений, исполняющих наказания в виде принудительных работ или лишения свободы, оказавшихся в трудной жизненной ситуации и нуждающихся в ресоциализации, социальной адаптации и социальной реабилитации.

В доктрине уголовного права сложились различные подходы к определению правовой природы пробации. Э.А. Саркисян рассматривает пробацию как «дуалистический институт, сочетающий императивные меры государственного принуждения и диспозитивные меры социальной поддержки» [10, с. 154]. Данный подход представляется обоснованным, поскольку пробация, с одной стороны, реализуется в рамках уголовно-исполнительной системы, а с другой – предполагает добровольное участие освобожденного лица и оказание ему адресной социальной помощи.

И.И. Бирюков, исследуя социальную обусловленность пробации, приходит к выводу, что «к началу 2020-х гг. внедрение инструментов пробации в российское законодательство с учетом актуальной социально-экономической и геополитической ситуации может быть охарактеризовано как необходимая ответная реакция государства на проблемы чрезвычайного распространения рецидивной преступности, криминализации общества» [2, с. 62]. Ученый выделяет комплекс факторов, обусловивших принятие закона о пробации: препятствия экономического развития, обусловленные недостаточно эффективным использованием имеющихся трудовых ресурсов; необходимость привлечения дополнительных доходов в бюджетную систему и оптимизации расходов федерального бюджета в условиях колоссального санкционного давления.

В.Г. Громов отмечает, что «Закон о пробации направлен на эффективное включение лиц, подвергнутых уголовным наказаниям, в законопослушное общество, а также на снижение уровня рецидивной преступности в стране» [4, с. 45]. При этом исследователь обращает внимание на то, что «правовая природа пробации требует дальнейшего осмысления», поскольку «ее законодательное определение напоминает криминологическую профилактику, но вместе с тем она таковой не является».

Существенный вклад в развитие доктринальных представлений о постпенитенциарной пробации внесла Л.Л. Малкова, разработавшая четыре концептуальных принципа пробации: отказ от стигматизации, добровольность пробации, направленность на возвращение лица, совершившего преступление, к нормальной жизни в обществе (ресоциализацию), участие общества в ресоциализации осужденных. Как отмечает исследователь, «когда разработчик как самого федерального закона, так и дополняющих его подзаконных нормативных правовых актов не имеет в своем арсенале указанных или подобных им принципов, то это приводит к концептуальным ошибкам и недочетам» [8, с. 321].

Особого внимания заслуживает проблема соотношения понятий «исправление», «ресоциализация» и «пробация» в правовой доктрине. Как отмечается в научной литературе, «хотя эти понятия и взаимосвязаны, каждое из них имеет свою уникальную сущность и направленность» [14, с. 68]. «Понимание их соотношения и специфики является ключевым для разработки основных направлений пенитенциарной политики и обеспечения успешной социальной адаптации осужденных» [11, с. 70]. Представляется, что постпенитенциарная пробация занимает особое место в системе указанных понятий, поскольку она выступает институциональной формой реализации ресоциализации и социальной адаптации лиц, освободившихся из мест лишения свободы, выходя за рамки сугубо карательного воздействия и ориентируясь на восстановление социального статуса личности.

Порядок применения постпенитенциарной пробации регламентирован главой 5 Федерального закона № 10-ФЗ [1]. Лица, освобожденные из учреждений, исполняющих наказания, либо их законные представители вправе обратиться в администрацию учреждения с заявлением об оказании содействия в ресоциализации, социальной адаптации и социальной реабилитации в течение шести месяцев после освобождения. Учреждение в тридцатидневный срок проводит оценку нуждаемости лица и принимает решение о целесообразности оказания содействия либо об отказе.

В случае положительного решения осуществляется подготовка индивидуальной программы ресоциализации, срок реализации которой не может превышать одного года со дня начала реализации мероприятий. В индивидуальную программу могут включаться мероприятия по: восстановлению и формированию социальных связей; консультированию по социальным и правовым вопросам; оказанию психологической помощи; получению (восстановлению) документов; трудоустройству; получению пособия по без-

работице; получению образования; получению государственной социальной помощи; получению пенсионного обеспечения.

Как справедливо отмечает Э.А. Саркисян, «пробация рассматривается как последовательные этапы ресоциализации личности» [10, с. 155]. При этом «особое внимание уделяется детальной характеристике исполнительной, пенитенциарной и постпенитенциарной пробации». В реализации мероприятий постпенитенциарной пробации принимают участие различные субъекты: федеральные органы исполнительной власти, органы государственной власти субъектов РФ, учреждения УИС, органы службы занятости и организации социального обслуживания.

Э.С. Рахмаев, исследуя ресоциализацию лиц, отбывших наказание, в системе предупреждения рецидивной преступности, подчеркивает, что «ресоциализация и адаптация осужденных, а также комплексные меры поддержки тем из них, кто оказался в трудной жизненной ситуации», являются необходимым условием предотвращения рецидивной преступности [9, с. 122]. Ученый акцентирует внимание на том, что «ресоциализация лиц, отбывших наказание, стала неотъемлемой частью предупреждения рецидивной преступности».

Е.В. Кунц, анализируя институт пробации и предупреждение рецидивной преступности, обращает внимание на то, что «в вопросах предупреждения совершения новых преступлений особое место отводится пробации как способу борьбы с рецидивной преступностью» [6, с. 38]. У осужденного, оказавшегося в изоляции, «происходят определенные изменения, нарушаются ранее сложившиеся социальные связи, а при освобождении нередко возникают серьезные проблемы с адаптацией к жизни и риски совершения повторных преступлений».

У.К. Хаджиев в своем теоретико-прикладном исследовании института пробации рассматривает «основные направления предупредительного воздействия на преступников-рецидивистов средствами пробации» [13, с. 392]. Исследователь подчеркивает, что «пробация включает в себя комплекс мер, которые помогают бывшим заключенным интегрироваться в общество, найти работу, восстановить социальные связи и избежать влияния криминальной среды».

Представляется, что ключевое значение постпенитенциарной пробации как фактора предотвращения рецидива заключается в ее способности обеспечить непрерывность ресоциализационного воздействия. Как отмечается в научной литературе, «постпенитенциарная ресоциализация рассматривается как особое направление государственной политики по приспособлению к условиям жизни в обществе (социальной

адаптации) осужденных, отбывших наказание либо освобожденных от его отбывания, защите их прав и интересов, разрешению социального конфликта, вызванного преступлением, профилактике совершения новых преступлений» [14, с. 70].

Эффективность постпенитенциарной probation как инструмента предотвращения рецидивной преступности является предметом активных научных дискуссий. Как отмечает И.И. Бирюков, «актуальность научного поиска в указанном направлении связана с тем, что к моменту принятия профильного нормативного правового акта о probation сформировался комплекс проблем, представляющих угрозу безопасности личности, общества и государства» [2, с. 63].

Первые результаты реализации постпенитенциарной probation свидетельствуют о ее востребованности и потенциальной эффективности. Как отмечает Е.В. Кунц, в 2024 году подготовку к освобождению прошли более 35 тыс. человек, с заявлением об оказании содействия в рамках probation обратились свыше 21 тыс. человек, почти 19 тыс. из них в дальнейшем была оказана индивидуальная поддержка [7, с. 27–31]. Чаще всего освободившиеся нуждались в получении документов, трудоустройстве, консультациях по социальным и правовым вопросам, а также в психологической помощи. С 1 января 2025 года по всей стране заработала постпенитенциарная probation, главная цель которой – снижение уровня рецидивной преступности.

Вместе с тем, как обоснованно отмечается в научной литературе, «существующие системы статистических показателей не позволяют в полной степени оценить постпенитенциарный рецидив как критерий эффективности деятельности УИС и (или) критерий эффективности уголовного наказания в виде лишения свободы» [15, с. 105]. Отсутствие объективных критериев оценки эффективности затрудняет выявление недостатков правоприменительной практики и выработку научно обоснованных рекомендаций по совершенствованию института probation. Как справедливо отмечает Л.Л. Малкова, «повышению эффективности реализации probation будет способствовать дальнейшая научная проработка научно-теоретической концепции (модели) probation, а также ее полная интеграция в единую систему средств профилактики правонарушений и системе оказания социальной помощи (поддержки) лицам, оказавшимся в трудной жизненной ситуации» [8, с. 323].

В правовой доктрине высказываются различные мнения относительно критериев эффективности постпенитенциарной probation. Одни исследователи предлагают оценивать эффективность по показателям снижения рецидивной преступности, другие – по степени социальной адап-

тации освободившихся лиц, третьи – по качеству реализации индивидуальных программ ресоциализации. Представляется, что комплексный подход к оценке эффективности, учитывающий как количественные, так и качественные показатели, является наиболее обоснованным.

Несмотря на несомненную значимость института постпенитенциарной probation, его реализация сопряжена с рядом серьезных проблем, требующих научного осмысления и практического решения.

Первая группа проблем связана с недостатками нормативного регулирования. Как отмечается в научной литературе, «анализ указанного закона позволил сделать вывод о наличии в нем отдельных недостатков, существенно препятствующих его практической реализации» [3, с. 12]. В частности, Л.Л. Малкова указывает на противоречие принципов принуждения и добровольности, содержащихся в ст. 3 Федерального закона № 10-ФЗ [8, с. 322]. Кроме того, «усматривается проблема неопределенности статуса probation, поскольку, с одной стороны, ее применение относится к компетенции уголовно-исполнительной системы, а с другой – в уголовном и уголовно-исполнительном законодательстве нет не только регламентации probation, но даже упоминания о ней» [3, с. 14].

В.Г. Громов также обращает внимание на то, что «использование в Законе понятий социальной адаптации, ресоциализации и социальной реабилитации вызывает трудности в понимании и может создавать проблемы при его реализации» [4, с. 47]. Исследователь предлагает «для лучшей реализации полномочий субъектов probation разработать детальный регламент со стороны Правительства РФ и Федеральной службы исполнения наказаний».

Вторая группа проблем связана с межведомственным взаимодействием. Как справедливо отмечает Л.Л. Малкова, в числе актуальных проблем находятся «определение надлежащего соотношения между законодательным и подзаконным уровнем правового регулирования; установление приоритета административно-правовых норм в регламентации вопросов реализации функций probation; законодательное закрепление алгоритмов решения типичных социальных проблем осужденных и бывших осужденных; совершенствование состава субъектов probation, обеспечение должной пропорциональности в правовом закреплении их полномочий и ответственности» [8, с. 324].

Третья группа проблем касается ресурсного обеспечения. Как отмечается в научной литературе, некоммерческие организации, активно участвующие в реализации probation, «обладают ограниченными ресурсами» [5, с. 58]. Дефицит

финансовых и кадровых ресурсов создает серьезные препятствия для полноценной реализации постпенитенциарной probation, особенно в регионах с ограниченными бюджетными возможностями.

Четвертая группа проблем связана с недостаточной разработанностью критериев эффективности. Как отмечает И.И. Бирюков, «цели выступают исходным положением социально-инклюзивной деятельности субъектов probation, его двигательной силой и направляющим фактором» [3, с. 15]. Однако «существующие системы статистических показателей не позволяют в полной степени оценить постпенитенциарный рецидив как критерий эффективности» [15, с. 106].

Пятая группа проблем связана с низкой активностью освобожденных лиц в обращении за помощью в рамках постпенитенциарной probation. Согласно мониторинговым данным, количество лиц, обратившихся с соответствующим заявлением в уголовно-исполнительную инспекцию, составляет от 0 до 20 человек в 48 регионах, более 20 – в 10 регионах, что в среднем не превышает 5% от общего числа освобожденных [8, с. 33–35]. Среди причин сложившегося положения называются: нежелание освобожденных лиц получать услуги постпенитенциарной probation, отсутствие обязанностей у освобожденных, а также страх перед попаданием под контроль со стороны государства.

Анализ доктринальных подходов и первых результатов реализации постпенитенциарной probation позволяет выделить ряд перспективных направлений ее развития.

Во-первых, требуется обеспечить устойчивую работу государственной информационной системы «Единый реестр лиц, в отношении которых применяется probation», что позволит создать единую базу данных для мониторинга эффективности probationных мероприятий и оценки динамики рецидивной преступности.

Во-вторых, необходима активизация поддержки работодателей, трудоустраивающих лиц, освобожденных из мест лишения свободы, через меры экономического стимулирования на региональном уровне. Как справедливо отмечает У.К. Хаджиев, probation «помогает бывшим заключенным интегрироваться в общество, найти работу, восстановить социальные связи и избежать влияния криминальной среды» [12, с. 393]. Трудоустройство является одним из наиболее значимых факторов успешной ресоциализации, и его стимулирование должно стать приоритетным направлением государственной политики.

В-третьих, требуется разработка общих стандартов для взаимодействия федеральных, региональных и местных властей в сфере probation, что позволит унифицировать подходы к реа-

лизации постпенитенциарной probation на всей территории Российской Федерации.

В-четвертых, как справедливо отмечает Л.Л. Малкова, необходимо «создание системы специализированных органов постпенитенциарной probation на базе региональных учреждений (центров) социального обслуживания населения; совершенствование научно-методического обеспечения деятельности субъектов probation; решение вопросов профессиональной подготовки персонала, задействованного в реализации функций probation» [8, с. 325].

В-пятых, заслуживает внимания предложение о рассмотрении вопроса о принудительной probation как основании для решения суда об условно-досрочном освобождении. Данная мера позволила бы распространить probationное воздействие на более широкий круг освобождающихся лиц, повысив тем самым эффективность предупреждения рецидива.

На основе проведенного анализа доктринальных подходов и выявленных проблемных аспектов реализации постпенитенциарной probation представляется необходимым предложить следующие конкретные меры по совершенствованию законодательства и правоприменительной практики.

Внесение изменений в Федеральный закон № 10-ФЗ «О probation в Российской Федерации» в части:

а) устранения нормативного противоречия между принципами принуждения и добровольности, закрепленными в ст. 3 Закона, путем четкого разграничения сфер применения принудительных (в рамках исполнительной и пенитенциарной probation) и добровольных (в рамках постпенитенциарной probation) мер, что позволит преодолеть концептуальную неопределенность правовой природы probation;

б) законодательного закрепления обязанности освобожденного лица, в отношении которого применяется постпенитенциарная probation, соблюдать условия индивидуальной программы ресоциализации, с установлением дифференцированных мер ответственности за их неисполнение (предупреждение, продление срока реализации программы, отказ в дальнейшем оказании содействия), что позволит повысить дисциплинирующий потенциал probation и обеспечить реальное исполнение принимаемых обязательств;

в) расширения перечня мероприятий, включаемых в индивидуальную программу ресоциализации, за счет мер по содействию в решении жилищного вопроса (включая содействие в постановке на учет в качестве нуждающихся в жилых помещениях и предоставлении жилья из маневренного фонда), медицинской реабилитации (включая оказание первичной медико-сани-

тарной помощи и направление на стационарное лечение при наличии медицинских показаний) и социально-психологической адаптации (включая индивидуальное и групповое психологическое консультирование, коррекцию деструктивных установок и формирование социально-позитивных ценностных ориентаций), что обусловлено комплексным характером проблем, с которыми сталкиваются освобожденные лица, и подтверждается данными мониторинга.

Разработка и принятие подзаконных нормативных правовых актов, регламентирующих:

а) детальный порядок взаимодействия субъектов пробации (федеральных органов исполнительной власти, органов государственной власти субъектов РФ, учреждений УИС, органов службы занятости, организаций социального обслуживания и некоммерческих организаций) с четким определением их компетенции, сроков и форм взаимодействия, механизмов обмена информацией и ответственности за неисполнение либо ненадлежащее исполнение возложенных функций, что позволит преодолеть межведомственные барьеры, на которые указывает Л.Л. Малкова [8, с. 324];

б) единые стандарты и критерии оценки эффективности деятельности субъектов пробации, включая показатели снижения рецидивной преступности (доля лиц, не совершивших повторных преступлений в течение одного, двух и трех лет после освобождения), степени социальной адаптации освобожденных лиц (трудоустроенность, наличие жилья, восстановление социальных связей, получение документов) и качества реализации индивидуальных программ ресоциализации (полнота и своевременность выполнения запланированных мероприятий), что позволит восполнить существующий пробел в статистическом обеспечении оценки эффективности постпенитенциарной пробации;

в) порядок финансового и материально-технического обеспечения деятельности центров постпенитенциарной пробации, включая механизмы государственной поддержки некоммерческих организаций, участвующих в реализации пробации (грантовая поддержка, субсидирование затрат, предоставление помещений на безвозмездной основе), что позволит преодолеть проблему ограниченности ресурсов, на которую справедливо обращает внимание И.В. Дворянсков [5, с. 58].

Внедрение института принудительной пробации как основания для решения суда об условно-досрочном освобождении (путем дополнения ст. 79 УК РФ положением о том, что применение к лицу принудительной пробации является одним из условий условно-досрочного освобождения, а также внесения соответствующих изме-

нений в Федеральный закон № 10-ФЗ), что позволит распространить пробационное воздействие на более широкий круг освобождающихся лиц, повысить мотивацию осужденных к социально-правомерному поведению и в конечном счете увеличить эффективность предупреждения рецидива.

Разработка научно обоснованной методики оценки эффективности постпенитенциарной пробации, включающей как количественные (динамика рецидивной преступности, доля лиц, успешно завершивших индивидуальные программы ресоциализации, количество трудоустроенных лиц, количество лиц, восстановивших социальные связи), так и качественные (степень социальной адаптации, уровень удовлетворенности освобожденных лиц оказанной помощью, субъективная оценка изменения ценностно-нормативной сферы личности) показатели, что позволит обеспечить объективный мониторинг результатов пробационной деятельности и выработать научно обоснованные рекомендации по ее совершенствованию, что соответствует позиции Л.Л. Малковой о необходимости дальнейшей научной проработки теоретической модели пробации и ее полной интеграции в единую систему профилактики правонарушений [8, с. 323].

Создание системы профессиональной подготовки и повышения квалификации кадров, задействованных в реализации функций пробации, включая разработку специализированных образовательных программ для сотрудников уголовно-исполнительных инспекций, центров социального обслуживания и некоммерческих организаций, с акцентом на формирование компетенций в области социальной работы, криминологической профилактики, психологического консультирования и межведомственного взаимодействия, что позволит обеспечить кадровый потенциал для эффективной реализации пробационных мероприятий и преодолеть проблему недостаточной профессиональной подготовки персонала, на которую обоснованно указывает Л.Л. Малкова [8, с. 325].

Проведенный криминологический анализ позволяет констатировать, что постпенитенциарная пробация объективно выступает системообразующим фактором предотвращения рецидивной преступности в Российской Федерации, поскольку именно она обеспечивает преемственность между карательным воздействием и постпенитенциарной социальной интеграцией освобожденных лиц. Принятие Федерального закона «О пробации в Российской Федерации» и вступление в силу с 1 января 2025 г. соответствующих положений заложили нормативный фундамент для формирования институциональной модели ресоциализации, однако, как показал доктри-

нальный анализ, ее концептуальная проработка остается незавершенной. В научной литературе представлены различные подходы к определению правовой природы пробации – от социально-обусловленной государственной реакции на рецидив (И.И. Бирюков) до дуалистического института, сочетающего принудительные и добровольные начала (Э.А. Саркисян), а также к ее принципам, включая отказ от стигматизации и добровольность (Л.Л. Малкова), однако единая теоретическая модель постпенитенциарной пробации до настоящего времени не сложилась.

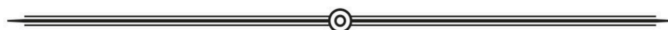
Ключевой потенциал постпенитенциарной пробации заключается в ее способности нейтрализовать основные криминогенные детерминанты постпенитенциарного периода – безработицу, отсутствие жилья, утрату социальных связей, документальную неопределенность и психологическую дезадаптацию – посредством комплексной социально-психологической, профессиональной и правовой поддержки. Вместе с тем реализация этого потенциала сопряжена с комплексом взаимосвязанных проблем: нормативная неопределенность статуса пробации, несогласованность межведомственного взаимодействия, кадровый и финансовый дефицит, отсутствие научно обоснованных критериев эффективности и низкая мотивация освободившихся лиц к обращению за помощью. Перспективное развитие института требует системного решения указанных проблем через совершенствование законодательной регламентации, создание специализированных государственных структур постпенитенциарной пробации, разработку объективных критериев оценки результативности и формирование действенных стимулов для участия освободившихся лиц в пробационных программах. Дальнейшие научные изыскания должны быть направлены на создание эмпирически обоснованной методики оценки эффективности, установление корреляционных связей между пробационными мероприятиями и динамикой рецидива, а также критическую адаптацию зарубежных моделей постпенитенциарной адаптации с учетом российской правовой и социокультурной специфики.

Список литературы:

- [1] О пробации в Российской Федерации: Федеральный закон от 6 февраля 2023 г. № 10-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2023. – № 6. – Ст. 941.
- [2] Бирюков, И. И. Социальная обусловленность пробации в современной России / И. И. Бирюков // Юридические исследования. – 2025. – № 9. – С. 61–74. – DOI: 10.25136/2409-7136.2025.9.75780..
- [3] Бирюков, И. И. Цели пробации в России: дефекты и противоречия / И. И. Бирюков // Право и политика. – 2025. – № 4. – С. 10–18.
- [4] Громов, В. Г. Пробация и проблемы ее реализации в Российской Федерации / В. Г. Громов // Уголовно-исполнительное право. – 2024. – № 3. – С. 44–49.
- [5] Дворянсков, И. В. Постпенитенциарная пробация: концептуальные принципы / И. В. Дворянсков // Пенитенциарная наука. – 2024. – Т. 18. – № 2. – С. 55–62.
- [6] Кунц, Е. В. Институт пробации и предупреждение рецидивной преступности: отечественный и зарубежный опыт / Е. В. Кунц // Юридический вестник Самарского университета. – 2024. – Т. 10. – № 4. – С. 35–42.
- [7] Кунц, Е. В. Специально-криминологические меры предупреждения рецидивной преступности / Е. В. Кунц // Уголовно-исполнительное право. – 2024. – Т. 19. – № 1. – С. 78–85.
- [8] Малкова, Л. Л. Отдельные концептуальные вопросы научно-теоретической модели пробации в Российской Федерации / Л. Л. Малкова // Пенитенциарная наука. – 2025. – Т. 19. – № 3 (71). – С. 320–327. – DOI: 10.46741/2686-9764.2025.71.3.011..
- [9] Рахмаев, Э. С. Ресоциализация лиц, отбывших наказание, в системе предупреждения рецидивной преступности / Э. С. Рахмаев // Уголовно-исполнительное право. – 2024. – № 2. – С. 120–127.
- [10] Саркисян, Э. А. Понятие и сущность пробации как правового института в системе мер социальной адаптации осужденных / Э. А. Саркисян // Образование. Наука. Научные кадры. – 2026. – № 1. – С. 153–157. – DOI: 10.24412/2073-3305-2026-1-153-157..
- [11] Стрилец, О. В. Институт исправления осужденных: становление, развитие и современное состояние / О. В. Стрилец // Вестник Волгоградской академии МВД России. – 2024. – № 2 (69). – С. 66–74.
- [12] Хаджиев, У. К. Роль пробации в предупреждении преступности / У. К. Хаджиев // Аграрное и земельное право. – 2025. – № 7. – С. 392–393.
- [13] Хаджиев, У. К. Теоретико-прикладное исследование института пробации в современной России: проблемы реализации и пути их решения / У. К. Хаджиев. – Махачкала : Изд-во ДГУ, 2026. – 180 с.
- [14] Соотношение понятий «исправление», «ресоциализация» и «пробация» в правовой доктрине // Вестник Волгоградской академии МВД России. – 2025. – № 1 (70). – С. 66–73.
- [15] Постпенитенциарный рецидив как критерий эффективности уголовного наказания // Азиатско-Тихоокеанский регион: экономика, политика, право. – 2023. – № 2. – С. 104–112.

References:

- [1] On probation in the Russian Federation: Federal Law of February 6, 2023 No. 10-FZ // Collection of legislation of the Russian Federation. – 2023. – № 6. – Art. 941.
- [2] Biryukov, I. I. Social conditioning of probation in modern Russia/I. I. Biryukov // Legal research. – 2025. – № 9. – S. 61-74. – DOI: 10.25136/2409-7136.2025.9.75780..
- [3] Biryukov, I. I. Goals of probation in Russia: defects and contradictions/I. I. Biryukov // Law and politics. – 2025. – № 4. – S. 10-18.
- [4] Gromov, V. G. Probation and the problems of its implementation in the Russian Federation/V. G. Gromov // Penal Law. – 2024. – № 3. – S. 44-49.
- [5] Dvoryanskov, I.V. Post-penitential probation: conceptual principles/I.V. Dvoryanskov // Penitentiary science. – 2024. – VOL. 18. – № 2. – S. 55-62.
- [6] Kunts, E.V. Institute for Probation and Prevention of Recurrent Crime: Domestic and Foreign Experience/E.V. Kunts // Legal Bulletin of Samara University. – 2024. – T. 10. – № 4. – S. 35-42.
- [7] Kunz, E.V. Special criminological measures for the prevention of recurrent crime/E.V. Kunz // Criminal executive law. – 2024. – VOL. 19. – № 1. – S. 78-85.
- [8] Malkova, L. L. Separate conceptual issues of the scientific and theoretical model of probation in the Russian Federation/L. L. Malkova // Penitentiary science. – 2025. – VOL. 19. – № 3 (71). – S. 320-327. – DOI: 10.46741/2686-9764.2025.71.3.011..
- [9] Rakhmaev, E. S. Resocialization of persons who have served their sentences in the system of preventing recurrent crime/E. S. Rakhmaev // Criminal enforcement law. – 2024. – № 2. – S. 120-127.
- [10] Sargsyan, E. A. The concept and essence of probation as a legal institution in the system of measures of social adaptation of convicts/E. A. Sargsyan // Education. Science. Scientific cadres. – 2026. – № 1. – S. 153-157. – DOI: 10.24412/2073-3305-2026-1-153-157..
- [11] Strilets, O. V. Institute for the Correction of Convicts: Formation, Development and Current State/O. V. Strilets // Bulletin of the Volgograd Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia. – 2024. – № 2 (69). – S. 66-74.
- [12] Hadzhiev, U. K. The role of probation in crime prevention/U. K. Hadzhiev // Agrarian and land law. – 2025. – № 7. – S. 392-393.
- [13] Hadzhiev, U. K. Theoretical and applied research of the probation institute in modern Russia: problems of implementation and ways to solve them/U. K. Hadzhiev. - Makhachkala: Publishing House of DSU, 2026. - 180 s.
- [14] The ratio of the concepts of "correction," "resocialization" and "probation" in the legal doctrine // Bulletin of the Volgograd Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia. – 2025. – № 1 (70). – S. 66-73.
- [15] Post-penitential relapse as a criterion for the effectiveness of criminal punishment // Asia-Pacific: economics, politics, law. – 2023. – № 2. – S. 104-112.

ПРОБЛЕМЫ РОССИЙСКОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

Дата поступления рукописи в редакцию: 10.07.2026 г.

DOI: 10.24412/2782-3849-2026-8-123-126

Дата принятия рукописи в печать: 01.08.2026 г.

ТХАЗЕПЛОВ Тимур Мухамедович,

Доцент кафедры огневой подготовки, Северо-Кавказского
института повышения квалификации (филиал) Краснодарского
университета МВД России, полковник полиции,
e-mail: mail@law-books.ru

**ЭФФЕКТИВНАЯ ГОСУДАРСТВЕННАЯ ПОЛИТИКА В СФЕРЕ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ
ЭКСТРЕМИЗМУ КАК ФАКТОР ДОСТИЖЕНИЯ ВЫСОКОГО УРОВНЯ
МЕЖНАЦИОНАЛЬНОГО И МЕЖКОНФЕССИОНАЛЬНОГО СОГЛАСИЯ**

Аннотация. Деятельность органов внутренних дел Российской Федерации, осуществляемая в сфере противодействия экстремизму, реализуется исключительно в рамках правового поля и установленной законом компетенции. В тоже время было бы неверным считать, что вся борьба с угрозой экстремизма замкнута исключительно на правоохранительной сфере деятельности органов государственной власти.

Ключевые слова: государственная политика, противодействие экстремизму, межнациональное согласие, межконфессиональное согласие, факторы целостности государства.

TKHAZEPOV Timur Mukhamedovich,

Associate Professor of the Department of Fire Training, North
Caucasus Institute for Advanced Studies (branch) of the Krasnodar
University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Police Colonel

**EFFECTIVE STATE POLICY IN COUNTERING EXTREMISM AS A FACTOR IN ACHIEVING A
HIGH LEVEL OF INTERETHNIC AND INTERFAITH HARMONY**

Annotation. The activities of the internal affairs bodies of the Russian Federation carried out in the field of countering extremism are carried out exclusively within the legal framework and competence established by law. At the same time, it would be wrong to believe that the entire fight against the threat of extremism is confined exclusively to the law enforcement sphere of activity of state authorities.

Key words: state policy, countering extremism, interethnic harmony, interfaith harmony, factors of state integrity.

Невозможно в полной мере нейтрализовать угрозы экстремистского характера, не устранив при этом предпосылки, которые способствуют возникновению идей экстремизма, либо служат их катализатором. Эти предпосылки и факторы затрагивают различные стороны жизни современного общества, среди которых: социальная, психологическая, культурная, экономическая, идеологическая, информационная и другие.

К социальной стороне проблемы распространения экстремизма можно отнести, например:

сложившийся кризис института семьи, сопровождающийся частым разрушением браков, а также деградацией системы семейного воспитания молодого поколения;

кризис доверия в обществе, связанный с существованием многочисленных предрассудков и стремлением человека обособиться от окружа-

ющего общества;

сохраняющаяся в современном мире тенденция распространения социального инфантилизма (безразличия и самоустраненности от общественной жизни и происходящих в ней процессов).

Работа государства по противодействию идеологии экстремизма в этом направлении должна включать в себя:

снижение социальной напряженности и поощрение проектов, связанных с защитой и помощью нуждающимся;

поддержку незащищенных и малообеспеченных групп населения;

осуществление мер по повышению роли семьи в воспитании;

активное материальное стимулирование молодых семей;

развитие социальных программ по улучшению качества жизни граждан.

К психологической стороне проблемы распространения идей экстремизма и вовлечению молодых лиц в деятельность экстремистских организаций можно, например, отнести характерный для молодого поколения развитых обществ экзистенциальный кризис, выражающийся в чувстве глубокого психологического дискомфорта при вопросе о смысле собственного существования, своего места в сложившейся действительности, а также цели своей дальнейшей жизни.

Отмечается, что причины вовлечения людей в экстремистские организации связаны с нерешенными проблемами субъектности и самоидентификации в результате непродуктивного разрешения бытийных противоречий и пессимистических выводов о собственной ненужности [1].

Работа по профилактике экстремизма в этой сфере должна быть связана с поддержанием здорового морально-психологического климата в обществе, с психологической поддержкой молодых лиц в наиболее сложные для них периоды жизни, а также подготовкой профессиональных психологов, способных оказывать квалифицированную помощь нуждающимся в ней лицам.

Экономическая сторона проблемы распространения экстремизма часто связывается исследователями с: потрясениями в мировой экономике, глубоким расслоением населения по уровню и качеству жизни, вызванным резким переходом от плановой социалистической модели экономики к рыночному капитализму, неравномерностью экономического развития различных регионов страны и отраслей экономики, высокой безработицей и иными факторами, которые в совокупности способны оказывать дестабилизирующее воздействие на общество, а также провоцировать у молодого и подрастающего поколений чувство незащищенности, уязвимости, отсутствия перспектив нормального трудоустройства и возможности финансового обеспечения себя и своих близких в будущем. Крупные экстремистские организации располагают возможностью аккумулировать значительные финансовые средства и пользуются этим, привлекая в свои ряды молодежь, обещая решить её финансовые проблемы.

Противодействие угрозам экстремистской направленности в этой сфере может включать в себя поддержку малого и среднего бизнеса; создание дополнительных рабочих мест; финансовое стимулирование молодого поколения; установление достойного минимального размера оплаты труда, а также иные меры, направленные на повышение уровня жизни населения.

Органы внутренних дел, хоть и не занимаются вопросами, связанными с экономическим развитием, не могут не учитывать в своей де-

ятельности экономические факторы, способные серьезно влиять на поведение граждан и вынуждать их к совершению противоправных действий.

Рассматривая вопросы противодействия экстремизму, сложно обойти стороной идеологический аспект этой проблемы. Одним из факторов распространения идей экстремистского характера на постсоветском пространстве стало образование идеологического вакуума, возникшего после перехода от социалистического государства (с установленной в нём государственной идеологией) к современному демократическому государству, где ни одна идеология не может считаться государственной и обязательной. Следствием резкого изменения общественно-политического строя стало заполнение образовавшегося вакуума различными видами радикальной идеологии. Борьба с экстремизмом в этой области должна опираться на поддержку и укрепление традиционных для российского общества ценностей, таких как патриотизм, гуманизм, дружба народов, уважение чужой культуры, а также стремление к благополучию, миру и всестороннему развитию [2].

Миграционный аспект оказывает активное влияние на облик современного общества. Развитие транспортных инфраструктур, открытость границ способствуют перемещению определенных групп населения из стран, находящихся в сложном социально-экономическом положении, в государства, считающиеся более благоприятным для жизни и профессиональной деятельности. Помимо миграции из других государств, особенно ближнего зарубежья и постсоветского пространства, перемещение определенных групп населения может иметь место и внутри самой страны. Так, долгие годы в России наблюдался отток граждан из сельских населенных пунктов в крупные города и административные центры. Естественно, систематический характер такого перемещения не мог не изменить возрастной, этнический, культурный облик городского и сельского населения.

Многие небольшие сельские населенные пункты в значительной мере лишились молодого трудоспособного населения. В то же время крупные города столкнулись с проблемами резкого роста населения за счёт приезжих из других областей России, а также зарубежья, что в значительной мере поспособствовало росту ксенофобии среди местных коренных жителей этих городов.

Органы внутренних дел в своей работе по противодействию экстремизму должны учитывать сложившуюся на определенной территории миграционную ситуацию, поскольку и она способна оказать влияние на рост межэтнической, межрелигиозной и иной напряженности в местном

обществе.

Культурный аспект. Для мультикультурных обществ, к которым относится и современный российский многонациональный социум, всегда существует опасность возникновения противоречий, связанных с непониманием и, как результат, неприятием одной частью общества культуры и уклада жизни другой его части. Уважая историческую самобытность и защищая право каждого народа на сохранение собственной культуры, Российская Федерация должна способствовать формированию в российском обществе атмосферы терпимости и взаимопонимания. Недостаточные усилия в этом направлении могут привести к возникновению среди части населения шовинистических, сепаратистских, дезинтеграционных и иных негативных идей. Это может также выражаться в отвержении опыта и достижений других культур, уничтожении исторических памятников, являющихся национальным достоянием народов России. Для преодоления противоречий в культурной среде российского общества и недопущения формирования в нём экстремистских тенденций необходима комплексная культурно-просветительская работа, включающая в том числе:

проведение национальных праздников;

межкультурный обмен;

приобщение граждан РФ к богатому культурному наследию народов, населяющих Российскую Федерацию;

сохранение исторической памяти, объектов культурного наследия, памятников истории народов России.

Эффективное противодействие экстремизму способно оказать общество, преодолевшее внутренние противоречия, сплоченное и интегрированное, где поддерживается высокий уровень культурного взаимопонимания [3].

Современный мир - это пространство стремительно распространяющейся информации. А определенный способ подачи информации, в свою очередь, представляет собой один из важнейших путей воздействия на сознание человека. Одним из важнейших аспектов, связанных с распространением экстремизма, является информационная сторона противодействия ему. Сложившееся современное информационное пространство перенасыщено информацией о жестокости, насилии, ксенофобии, расизме и прочих негативных антисоциальных явлениях не только внутри государств, но и за их пределами [4]. Существующий информационный фон чрезвычайно токсичен и это не может не сказываться на молодом поколении россиян, которые наиболее восприимчивы к новой информации и, благодаря активному использованию современных технологий получения такой информации, больше, чем остальные члены российского общества подвержены её воздей-

ствию. В этом направлении необходим комплекс мер, который включает в себя:

систематический мониторинг печатных и электронных СМИ, интернет-изданий и литературы, а также продуктов индустрии массовых развлечений на предмет выявления попыток разжигания расовой, этнической и религиозной вражды и ненависти и призывов к насилию;

разработку принципов освещения проблемы преодоления экстремизма;

активную поддержку в СМИ институтов гражданского общества, а также пропаганду идеалов гуманизма, добра и справедливости;

противодействие распространению экстремистских печатных изданий, выявление и блокировку сайтов, пропагандирующих идеи экстремистской направленности;

формирование положительного информационного фона, освещающего позитивные примеры мирного цивилизованного сосуществования в обществе лиц с различными политическими взглядами, религиозной принадлежностью, этническим происхождением.

Сложно переоценить значимость образовательного аспекта противодействия экстремизму среди молодежи.

Список литературы:

[1] Гусейнов А.Ш. Психологические факторы притягательности экстремистских организаций для российской молодежи // Казанский педагогический журнал. 2017. № 5. (124).

[2] Сайт: <https://gbukosino-uhomski.mos.ru/protivodeystvie-terrorizmu/profilaktika-terrorizma-i-ekstremizm/profilaktika-ekstremizma-v-oblasti-mezhetnicheskikh-i-mezhkonfessi-onalnykh-otnosheniy..>

[3] Гасанов Г. Г. Диссертация «Политическое сознание молодежи и этнополитическая ситуация в Республике Дагестан». В исследовании подчеркивается: конструктивный диалог с «умеренными» представителями различных течений может стать эффективным инструментом предотвращения радикализации молодежи.

[4] Бабинцев В. П., Заливанский Б. В., Самохвалова Е. В. «Этнический экстремизм в молодежной среде: диагностика и перспективы преодоления» // Мир России. 2011. Т. XX, № 1. С. 74–87. На основе социологического исследования (опрос в регионах ЦФО) авторы выявляют факторы распространения экстремизма и предлагают направления для государственной политики, направленной на укрепление межнационального согласия.

References:

[1] Huseynov A.Sh. Psychological factors of attractiveness of extremist organizations for Russian

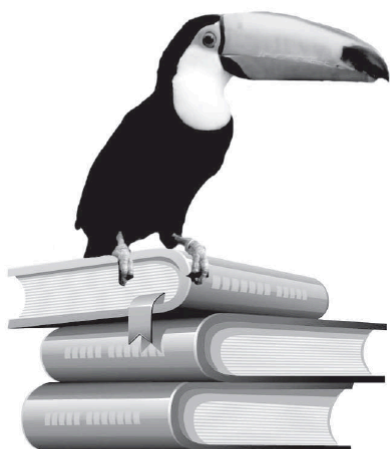
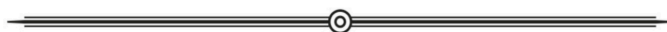
youth // Kazan Pedagogical Journal. 2017. № 5. (124).

[2] Сайт: <https://gbukosino-uhomski.mos.ru/protivodeystvie-terrorizmu/profilaktika-terrorizma-i-ekstremizm/profilaktika-ekstremizma-v-oblasti-mezhetnicheskikh-i-mezhkonfessionalnykh-otnosheniy..>

[3] Hasanov G. G. Dissertation "Political consciousness of youth and ethno-political situation in the Republic of Dagestan." The study emphasizes: constructive dialogue with "moderate"

representatives of various movements can be an effective tool to prevent youth radicalization.

[4] Babintsev V.P., Zalivansky B.V., Samokhvalova E.V. "Ethnic extremism in the youth environment: diagnosis and prospects for overcoming" // World of Russia. 2011. T. XX, NO. 1. S. 74-87. Based on a sociological study (survey in the regions of the Central Federal District), the authors identify the factors of the spread of extremism and offer directions for state policy aimed at strengthening interethnic harmony.

ЮРКОМПАНИ

www.law-books.ru

Юридическое издательство
«ЮРКОМПАНИ»

Издание учебников,
учебных и методических
пособий, монографий,
научных статей.

Профессионально.

В максимально
короткие сроки.

Размещаем
в РИНЦ, E-Library.

Дата поступления рукописи в редакцию: 20.07.2026 г.

DOI: 10.24412/2782-3849-2026-8-127-133

Дата принятия рукописи в печать: 12.08.2026 г.

ИОВЕНКО Андрей Романович,

аспирант, Дальневосточный федеральный университет,

e-mail: montle@mail.ru

К ВОПРОСУ ОБ УСТАНОВЛЕНИИ ВРЕМЕННЫХ РАМОК ПРАВОМОЧНОСТИ ИСПОЛНЕНИЯ ФУНКЦИЙ ДОЛЖНОСТНЫМ ЛИЦОМ

Аннотация. В данной статье рассматривается такой признак должностного лица, как время исполнения функций. По результатам исследования материалов судебной практики, научных трудов автор выделяет проблемы, одной из которых является искусственное разделение понятий осуществление функций должностного лица «временно» и по «специальному полномочию». Автор проводит анализ исторического становления законодательства в сфере должностных преступлений и предлагает пути решения выявленных проблем.

Ключевые слова: должностное лицо, представитель власти, временные рамки исполнения функций, специальные полномочия должностного лица, должностные преступления.

IOVENKO Andrey Romanovich,

graduate student, Far Eastern Federal University

ON THE ISSUE OF ESTABLISHING A TIME FRAME FOR THE VALIDITY OF AN OFFICIAL'S FUNCTIONS

Annotation. This article examines the time of performance of functions as a feature of an official. Based on the results of research of judicial practice materials and scientific works, the author highlights problems, one of which is the artificial division of the concepts of the performance of functions of an official "temporarily" and by "special authority". The author analyzes the historical development of legislation in the field of official crimes and suggests ways to solve the identified problems.

Key words: official, representative of the government, time limits of performance of functions, special authority of an official, official crimes.

Рассматривая субъектный состав преступлений, следует констатировать факт, что ответственность за значительное количество из них установлена по отношению к специальному субъекту, наиболее распространенным из которых является должностное лицо.

Данная категория субъектов обладает отличительными признаками, от правильного толкования которых напрямую зависят вопросы квалификации и вынесение справедливого приговора.

Одним из признаков должностного лица является время осуществления функций, согласно примечанию 1 к ст. 285 УК РФ должностное лицо может выполнять возложенные функции постоянно, временно или по специальному полномочию.

В случае, когда должностное лицо осуществляет возложенные функции на постоянной основе, предполагается, что такое лицо является штатным сотрудником в организации [10, с. 31].

Следует согласиться с мнением автора, указав, что постоянство выполнения лицом возложенных должностных функций подразумевает непрерывное и не прекращающееся во времени действие, и предполагает оформление трудовых

отношений в соответствии с законом.

Представленная позиция находит свое подтверждение и в материалах судебной практики, исходя из которой суды при определении временных рамок правомочности исполнения представителем власти функции должностного лица устанавливают на основании каких документов лицо принято на должность, на основании чего и приходит к выводу о «постоянстве» осуществления им функций, либо нет.

Так, Верховным судом Республики Бурятия в ходе судебного разбирательства было установлено, что гражданин А. принят на должность начальника службы безопасности в МУП «<...>», приказом от 1 февраля 2018 г. он же назначен ответственным за контроль, ведение табеля учета рабочего времени по исполнению направления УФСИН по Республике Бурятия.

Судом было установлено, что лицо принято на должность на основании приказа, в котором не был определен срок осуществления им возложенных на него функций, в связи с чем, суд пришел к выводу, что гражданин А. выполняет функции должностного лица на постоянной основе [5].

В постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 16.10.2009 № 19 «О судебной практике по делам о злоупотреблении должностными полномочиями и о превышении должностных полномочий» (далее – постановление Пленума № 19) относительно такого признака должностного лица, как время осуществления им функций содержится следующее указание – исполнение функций должностного лица по специальному полномочию означает, что лицо осуществляет функции представителя власти, исполняет организационно-распорядительные или административно-хозяйственные функции, возложенные на него законом, иным нормативным актом, приказом или распоряжением вышестоящего должностного лица либо правомочным на то органом или должностным лицом в течение определенного времени или однократно, а также могут совмещаться с основной работой. При временном исполнении функций должностного лица или при исполнении их по специальному полномочию лицо может быть признано должностным лишь в период исполнения возложенных на него функций.

Нельзя не согласиться с авторами, которые указывают, что существует неопределенность относительно вопроса, чем именно специальное полномочие отличается от временного [12, с. 115].

С целью разграничения представленных понятий, следует обратиться к толковом словаре, в котором понятие «специальный» определяется как особый, исключительно для чего-нибудь предназначенный, а «временный» – непостоянный, бывающий или действующий в течение некоторого времени [13, с. 326, 524].

А.А. Гравина разграничивает вышеуказанные понятия следующим образом: «специальное полномочие – это кратковременное выполнение функций без занятия соответствующей должности, но на основании закона, приказа, положения или другого правового акта, возможно разовое выполнение соответствующих функций, а временное – выполнение функций или занятие должностей в течение определенного срока» [14, с. 324].

Представленное мнение не соответствует положениям постановления Пленума № 19, согласно которым временное исполнение функций должностного лица не всегда связано с временными рамками, а осуществление функций по специальному полномочию не всегда подразумевает, что лицо не занимает соответствующую должность.

Иную позицию высказал Н.М. Ковалева, указав, что понятие специальных полномочий должно содержать в себе признаки, четко отграничивающие его от других понятий и иметь следующий вид: специальные полномочия — это офи-

циально предоставленные (путем издания нормативного или индивидуального акта) представителю общественности права на осуществление функций представителя власти, а также административно-хозяйственных или организационно-распорядительных функций. При этом под представителем общественности автор предлагает понимать лицо, добровольно оказывающее помощь органам власти путем выполнения общественно полезных функций [16, с. 59].

Автор, также, выделяет группы, которые входят в понятие представителей общественности, в частности таковыми являются - лица, являющиеся должностными лицами и выполняющие функции представителя власти по специальному полномочию (присяжные и арбитражные управляющие); представители общественности, не являющиеся таковыми, но выполняющие служебные обязанности по специальному полномочию. К этой группе относятся внештатные сотрудники органов внутренних дел, общественные помощники следователя, прокурора, стажеры правоохранительных органов и т.д. [17, с. 14].

Представленная позиция полностью раскрывает понятие специальных полномочий. На основании рассмотренных позиций, можно прийти к выводу, что выполнение должностных функций по специальному полномочию означает, что лицо признается должностным в связи с возложенными на него должностными функциями. В свою очередь под специальными полномочиями следует понимать осуществление разовых, либо краткосрочных поручений без занятия должности. Основанием для таких полномочий должны быть правовые акты (законы, приказы и т. п.).

В качестве примера исполнения функций представителя власти по специальному полномочию Пленум Верховного Суда РФ приводит исполнение функций присяжного заседателя [2].

Однако можно привести и другие примеры. В частности, ч. 3 ст. 40 Уголовно-процессуального кодекса РФ (далее – УПК РФ) предусмотрено, что возбуждение уголовного дела и выполнение неотложных следственных действий возлагаются в том числе и на капитанов морских и речных судов, находящихся в дальнем плавании, - по уголовным делам о преступлениях, совершенных на данных судах; руководителей геолого-разведочных партий и зимовок, начальников российских антарктических станций и сезонных полевых баз, удаленных от мест расположения органов дознания, - по уголовным делам о преступлениях, совершенных по месту нахождения этих партий, зимовок, станций, сезонных полевых баз.

Таким образом, данные лица наделяются функциями органов дознания, что представляется ничем иным как осуществлением функций представителя власти, с обладанием права требо-

вать подчинения от лиц, не находящихся от них в служебной зависимости [10, с. 32].

С целью избежать путаницы в рассматриваемых понятиях, необходимо рассмотреть их с точки зрения логики. Критерии деления должностных лиц на лиц, исполняющих обязанности постоянно, временно и по специальному полномочию – разные. Так, по длительности можно выделить лиц, осуществляющих свои полномочия постоянно и временно. Выделение лиц, исполняющих свои обязанности по специальному полномочию, осуществляется по иному критерию [15, с. 26].

По нашему мнению, в представленном случае является неверным рассматривать понятия «постоянное и временное осуществление возложенных функций» и «исполнение функций по специальному полномочию» в призме такого конструктивного признака представителя власти, как временные рамки правомочности исполнения им функции должностного лица, в следствие разграничения их по другому критерию.

Иную позицию заняли А.В. Бриллиантов, П.С. Яни, которые рассматривают данные понятия в рамках одного критерия, обосновывая тем, что в случае, если выполнения функций должностного лица осуществлялись без занятия должности и состояли в выполнении надлежаще оформленных разовых поручений должностного характера, либо выполнение на основе специального правового акта (приказа, доверенности и т.п.) такие полномочия характеризуются как специальные [11, с. 21].

Исходя из представленной позиции, с целью разграничения рассматриваемых понятий необходимо установить будет ли лицо в связи с изданием специального правового акта занимать определенную должность, либо его положение останется прежним.

Так, решением Совета депутатов МО «Федорогорское» от 29.03.2019 № 58 «О возложении временного исполнения полномочий главы муниципального образования «Федорогорское», гражданин Е. в период с 16 апреля 2019 года по 30 сентября 2019 года временно осуществлял полномочия главы МО «Федорогорское» Шенкурского района Архангельской области.

В ходе судебного заседания судом было установлено, что гражданин Е., в связи с изданием вышеуказанного решения стал занимать следующую должность – временно исполняющий полномочия главы МО «Федорогорское» Шенкурского района Архангельской области [9].

В представленном случае прослеживается, что гражданин в результате издания решения стал занимать другую должность, в связи с чем он осуществлял функции указанного должностного лица временно.

Рассматриваемая позиция А.В. Бриллиантова и П.С. Яни, по нашему мнению, не соответствует положениям п. 6 постановления Пленума № 19, поскольку при определении характера специальных полномочий, правоприменитель указывает, что они могут осуществляться в течение определенного времени или однократно. В данном случае лицо, выполняющее должностные функции по специальному полномочию, может осуществлять возложенные функции как в форме разовых поручений, так и в форме временного исполнения.

В таком случае встает вопрос о возможности занятия новой должности, в связи с реализацией функций должностного лица по специальному полномочию.

Ответ на данный вопрос также содержится в п. 6 постановления Пленума № 19, в частности правоприменитель при раскрытии понятия специальных полномочий приводит в качестве примера осуществление должностных функций по специальному полномочию – реализацию функций присяжных заседателей.

Согласно ст. 2, 9 Федерального закона от 20.08.2004 № 113-ФЗ «О присяжных заседателях федеральных судов общей юрисдикции в Российской Федерации», участие в осуществлении правосудия в качестве присяжных заседателей граждан, осуществляется по средства первоначального включения их в списки кандидатов в присяжные заседатели, согласно которым кандидаты в присяжные заседатели на определенный срок наделяются полномочиями присяжных заседателей [2].

Согласно положениям главы 42 УПК РФ, в результате поступления списка кандидатов в присяжные заседатели стороны под руководством судьи осуществляют отбор лиц в присяжные заседатели.

Согласно ч. 21 ст. 328 УПК РФ, председательствующий оглашает фамилии, имена и отчества присяжных заседателей, занесенные в протокол судебного заседания.

В данном случае, на основании протокола судебного заседания, сформированных списков стороны становятся присяжными заседателями – «фактически занимая должность присяжного заседателя».

В подтверждение позиции, что лица вступают в должность присяжного заседателя, послужат положения главы 42 УПК РФ, согласно которым законодатель изначально упоминает граждан – как кандидатов в присяжные заседатели, однако после осуществления отбора и утверждения списка кандидатов судьей, занесения их в протокол судебного заседания – такие лица именуются как присяжные заседатели, но не как лица, выполняющие функции присяжных заседа-

телей.

К тому же, присяжные заседатели, с целью осуществления правосудия, осуществляют выборы старшины присяжных заседателей, лицо, выбранное таковым, объявляется судьей и заносится в протокол судебного заседания. Фактически лицо в результате выборов и последующего утверждения кандидатуры приобретает должность – старшины присяжных заседателей.

На основании предварительно изложенного приходим к выводу, что осуществление лицом должностных функций по специальному полномочию может осуществлять как в форме разовых поручений, так и в форме временного исполнения. Такой критерий как занятие соответствующей должности в связи с исполнением должностных функций по специальному полномочию не имеет значение, так как лицо может как назначаться на должность, так и нет.

Продолжая дальнейшие рассуждения, возникает вопрос – обязательно ли наличие правоустанавливающего документа, в связи с которым лицо наделяется определёнными полномочиями.

В частности, в постановлении Пленума ВС СССР от 23 сентября 1977 г. № 16 «О судебной практике по делам о взяточничестве» говорилось, что «к ответственности за получение взятки могут привлекаться работники, временно исполняющие обязанности должностного лица, хотя бы по устному распоряжению руководителя, обладающего соответствующими полномочиями, в случае получения взятки в связи с исполнением этих временных обязанностей» [4].

В п. 6 постановлении Пленума № 19 содержится следующее указание, что исполнение функций должностного лица по специальному полномочию означает, что лицо осуществляет установленные функции, возложенные на него законом, иным нормативным правовым актом, приказом или распоряжением вышестоящего должностного лица либо правомочным на то органом или должностным лицом.

По данному вопросу специалисты приходят к следующему выводу, что «указанные функции могут быть возложены на лицо временно и по специальному полномочию в том числе и устным распоряжением другого должностного лица, в случае если последнему право устно наделять такими функциями иных лиц определено законом либо принятым в соответствии с законом подзаконным актом» [11, с. 21].

По нашему мнению, представленная позиция полностью соответствует содержанию постановления Пленума ВС РФ, а также находит свое подтверждение в материалах судебной практики. При этом оговорка, о которой указывают авторы является верной, так как должностное лицо

должно обладать правом устно наделять такими функциями иных лиц.

При этом стоит учитывать положения п. 22 постановления

Пленума № 19, согласно которым при рассмотрении уголовных дел о преступлениях, предусмотренных ст. 285 УК РФ или ст. 286 УК РФ, судам надлежит выяснять, какими нормативными правовыми актами, а также иными документами установлены права и обязанности обвиняемого должностного лица, с приведением их в приговоре, и указывать, злоупотребление какими из этих прав и обязанностей или превышение каких из них вменяется ему в вину, со ссылкой на конкретные нормы (статью, часть, пункт).

Так, гражданин Л., назначенный на основании приказа директора на должность заведующего отделением профилактики безнадзорности несовершеннолетних Администрации г. Санкт-Петербурга, имеет право давать устные распоряжения, наделяя подчиненных сотрудников правом вносить учетную документацию, оказывать возложенные социальные услуги гражданам (п. 3.22 приказа директора ФЮО).

В ходе предварительного следствия было установлено, что Л. дал устное распоряжение подчиненной ей А., которая внесла заведомо ложные сведения в акты о социальных услугах, предоставленных администрацией, а также незаконно завысила показатели эффективности работ, путем подписания актов о выполненных социальных услугах, от имени нуждающихся в социальных услугах лиц, которые фактически не оказывались [7].

Исходя из вышеприведенного, правоприменителю необходимо установить, что должностному лицу нормативным правовым актом предоставлено право наделять теми или иными должностными функциями иных лиц. Представляется, что в таком акте также будет указан и перечень конкретных функций, подлежащих передаче. В таком случае проблем с указанием в приговоре конкретных статей, частей и пунктов нормативных правовых актов, в соответствии с которыми лицо наделено определенными полномочиями, не должно возникнуть.

В ходе анализа материалов судебной практики, было установлено, что суды в своих решениях не разграничивают понятия «временного осуществления функций» и «исполнения должностным лицом обязанностей по специальному полномочию».

В частности, суд при квалификации деяния гражданина Б., члена комиссии по сдаче курсовых работ и промежуточной аттестации, получившего взятку за помощь в обеспечении успешной сдачи зачетов и экзаменов без фактической проверки знаний учебных дисциплин, установил,

что гражданин Б. был назначен на занимаемую должность на основании приказа директора филиала федерального государственного автономного образовательного учреждения высшего образования «Российский государственный университет нефти и газа имени И.М. Губкина». В ходе судебного заседания было установлено, что гражданин Б. был наделен распорядительными полномочиями на период проведения промежуточной аттестации [8].

Судья, в приговоре указывает, что гражданин Б. осуществлял прием курсовых работ на основании специального полномочия – поручения директора, однако далее при раскрытии признаков гражданина Б., как должностного лица, указывается на временный характер осуществления функций, путем издания приказа и закрепления за лицом функций по приему экзаменов и курсовых работ.

Неточность в определении временных рамок правомочности исполнения представителем власти функции должностного лица пролеживается в приговоре Нижегородского районного суда (республика Крым).

При рассмотрении дела судом установлено, что гражданин К., являлся заместителем главы муниципального образования, наделенным в силу занимаемой должности распорядительными полномочиями, в том числе по отказу в принятии документов на оказание государственных и муниципальных услуг от граждан, не имеющих установленного перечня документов, в том числе документов, удостоверяющих личность и полномочия представителя.

В результате преступных действий гражданин К., имея личную заинтересованность, необоснованно осуществил предоставление земельного участка С., путем вынесения незаконного распоряжение.

Свои должностные обязанности гражданин К. осуществлял на основании приказа, согласно которому он назначался на должность сроком на 1 год. При этом в полномочия заместителя главы муниципального входили права по распоряжению земельными участками.

Однако суд пришел к выводу, что гражданин К. осуществлял свои распорядительные функции по специальному полномочию [9].

В представленной ситуации, суд неверно определил временные рамки правомочности исполнения представителем власти функций должностного лица, так как лицо было назначено на должность приказом сроком на 1 год и в соответствии с данным приказом распоряжение земельными участками муниципального образования входит в перечень возможных функций лица. На основании изложенного, выполнение указанных функций осуществлялись не по специ-

альному полномочию.

Проведя анализ материалов судебной практики, изучив позицию исследователей, можно констатировать факт, что не следует искусственно разделять осуществление функций должностного лица «временно» и по «специальному полномочию», поскольку в контексте понятия должностного лица они являются синонимичными. В постановлении Пленума № 19 не случайно эти понятия не разделяются. Осуществление функций должностного лица по специальному полномочию – всегда временно.

Подводя итог всему вышеизложенному, автор приходит к следующему:

доказано, что для установления временных рамок правомочности исполнения представителем власти функций должностного лица, следует установить связь выполняемых им обязанностей не столько со временем, сколько с правовым основанием осуществления данных полномочий. Поэтому важным вопросом, связанным с возникновением статуса должностного лица при осуществлении им функций временно, либо по специальному полномочию, является вопрос о том, в каком порядке эти функции должны быть возложены на такое лицо;

установлено, что законодатель искусственно разделяет осуществление функций должностного лица «временно» и по «специальному полномочию». Однако в контексте понятия должностного лица они являются синонимичными, представленная позиция прослеживается в положениях постановления Пленума № 19, а также в материалах судебной практики, при этом осуществление функций должностного лица по специальному полномочию – всегда временно;

предложено понятие должностного лица, закрепленного в примечании 1 к ст. 285 УК РФ, изложить в следующей редакции: «должностными лицами признаются лица, постоянно, временно (в том числе по специальному полномочию) осуществляющие функции представителя власти, либо выполняющие организационно-распорядительные...».

Список литературы:

[1] Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63- // СПС «Консультант плюс».

[2] Федеральный закон от 20.08.2004 № 113-ФЗ «О присяжных заседателях федеральных судов общей юрисдикции в Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».

[3] Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 27.09.2012 № 19 «О применении судами законодательства о необходимой обороне и причинении вреда при задержании лица, совершившего преступление» // СПС «Консультант

плюс».

[4] Постановление Пленума Верховного Суда СССР от 23.09.1977 № 16 «О судебной практике по делам о взяточничестве» // СПС КонсультантПлюс. Утратил силу.

[5] Апелляционное постановление Верховного суда Республики Бурятия № 22-1318/2023 от 18 июля 2023 г. по делу № 1-66/2023 // URL: <https://sudact.ru/regular/doc/woqXRlfxj1xE/?regular-9330#snippet>.

[6] Приговор Нижегородского районного суда (Республика Крым) № 1-76/2021 от 16 июня 2021 г. по делу № 1-76/2021 // URL: https://sudact.ru/regular/doc/zYYNKNfXioow/?regular=&snippet_pos=2014#snippet.

[7] Приговор Сестрорецкий районный суд (Город Санкт-Петербург) № 1-23/2024 1-259/2023 от 17 января 2024 г. по делу № 1-23/2024 // URL: <https://sudact.ru/regular/doc/Qfs0GrwSkxNL/?regular-txt=1734#snippet>.

[8] Приговор Ленинского районного суда г. Оренбурга № 1-14/2024 1-576/2023 от 23 января 2024 г. по делу № 1-14/2024 // URL: <https://sudact.ru/regular/doc/DJVqdjhVRNZO/?regular-txt=9356#snippet>.

[9] Приговор Виноградовского районного суда № 1-117/2023 от 8 декабря 2023 г. по делу № 1-117/2023 // URL: <https://sudact.ru/regular/doc/fBR8VI4iVV6o/?page=2&regular-txt364#snippet>.

[10] Бугера Н.Н. Соотношение понятий «Специальное полномочие» и «Временное осуществление функций должностного лица» // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2011. № 4. С. 28-39.

[11] Бриллиантов А.В., Яни П.С. Должностное лицо: административно-хозяйственные функции, выполнение функций по специальному полномочию // Законность. 2010. № 7. С. 16-25.

[12] Волженкин Б. В. Служебные преступления. М., 2000. 328 с.

[13] Ожегов С.И. Толковый словарь русского языка. М., 1985. С. 894 с.

[14] Уголовное право Российской Федерации : Учебник / А. А. Гравина, В. П. Кашепов, Т. О. Кошаева [и др.]. Москва: Былина. 1999. 641 с.

[15] Карпова Е.А. Проблема толкования понятия должностного лица в современной уголовно-правовой мысли и усовершенствование его законодательной конструкции // Вести научных достижений. Экономика и право. 2019. С. 23-29.

[16] Ковалева Н.М. Кто является представителем власти по специальному полномочию? // Рос. юстиция. 2002. № 11. С. 56-63.

[17] Ковалева Н.М. Должностное лицо и должностное преступление в уголовном праве России: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Ростов

н/Д, 2004. 148 с.

References:

[1] Criminal Code of the Russian Federation No. 63- // SPS "Consultant Plus" dated 13.06.1996 .

[2] Federal Law of 20.08.2004 No. 113-FZ "On Jurors of Federal Courts of General Jurisdiction in the Russian Federation" // SPS "ConsultantPlus."

[3] Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of 27.09.2012 No. 19 "On the application by the courts of legislation on necessary defense and harm during the detention of a person who has committed a crime" // SPS "Consultant Plus."

[4] Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the USSR of 23.09.1977 No. 16 "On judicial practice in cases of bribery" // SPS ConsultantPlus. Lost power.

[5] Appeal ruling of the Supreme Court of the Republic of Buryatia No. 22-1318/2023 of July 18, 2023 in case No. 1-66/2023 // URL: <https://sudact.ru/regular/doc/woqXRlfxj1xE/?regular-9330#snippet>.

[6] Verdict of the Nizhnegorsky District Court (Republic of Crimea) No. 1-76/2021 of June 16, 2021 in case No. 1-76/2021 // URL: https://sudact.ru/regular/doc/zYYNKNfXioow/?regular=&snippet_pos=2014#snippet.

[7] Sentence Sestroretsky District Court (City of St. Petersburg) No. 1-23/2024 1-259/2023 of January 17, 2024 in case No. 1-23/2024 // URL: <https://sudact.ru/regular/doc/Qfs0GrwSkxNL/?regular-txt=1734#snippet>.

[8] Verdict of the Leninsky District Court of Orenburg No. 1-14/2024 1-576/2023 of January 23, 2024 in case No. 1-14/2024 // URL: <https://sudact.ru/regular/doc/DJVqdjhVRNZO/?regular-txt=9356#snippet>.

[9] Verdict of the Vinogradovsky District Court No. 1-117/2023 of December 8, 2023 in case No. 1-117/2023 // URL: <https://sudact.ru/regular/doc/fBR8VI4iVV6o/?page=2&regular-txt364#snippet>.

[10] Buguera N.N. Relationship between the concepts of "Special Authority" and "Temporary Exercise of the Functions of an Official" // Bulletin of the Volgograd Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2011. № 4. S. 28-39.

[11] Brilliantov A.V., Jani P.S. Official: administrative functions, performing functions under special authority // Legality. 2010. № 7. S. 16-25.

[12] Volzhenkin B.V. Service crimes. M., 2000. 328 pp.

[13] Ozhegov S.I. Explanatory dictionary of the Russian language. M., 1985. S. 894 p.

[14] Criminal Law of the Russian Federation: Textbook/A. A. Gravina, V. P. Kashepov, T. O. Koshaeva [and others]. Moscow: Bylina. 1999. 641 pp.

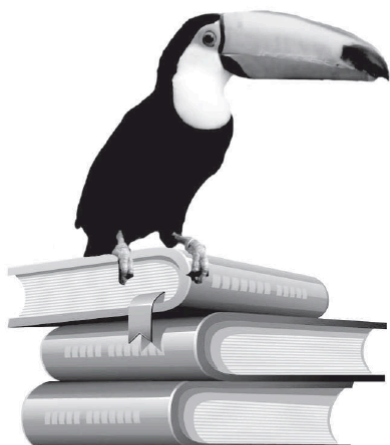
[15] Karpova E.A. The problem of interpreting

the concept of an official in modern criminal law thought and improving its legislative structure // Lead scientific achievements. Economics and law. 2019. S. 23-29.

[16] Kovaleva N.M. Who is the representative

of the authorities under special authority ? // Ros. justice. 2002. № 11. S. 56-63.

[17] Kovaleva N.M. Official and official crime in the criminal law of Russia: author. dis.... cand. jurid. sciences. Rostov n/a, 2004. 148 pp.

ЮРКОМПАНИ

www.law-books.ru

Юридическое издательство

«ЮРКОМПАНИ»

Издание учебников,
учебных и методических
пособий, монографий,
научных статей.

Профессионально.

В максимально
короткие сроки.

Размещаем
в РИНЦ, Е-Library.

Дата поступления рукописи в редакцию: 26.06.2026 г.

DOI: 10.24412/2782-3849-2026-8-134-142

Дата принятия рукописи в печать: 17.07.2026 г.

ЧЕПУРНАЯ Ирина Владимировна,

кандидат юридических наук, доцент Юридической
школы Дальневосточного федерального университета,
г. Владивосток,
e-mail: chepurnaia.iv@dvfu.ru

КОРОСТЕЛЕВ Данил Дмитриевич,

студент 4 курса Юридической школы Дальневосточного
федерального университета, г. Владивосток,
e-mail: korostelev.dd@dvfu.ru

ЦЕНЕВА Анастасия Витальевна,

студентка 3 курса Юридической школы Дальневосточного
федерального университета, г. Владивосток,
e-mail: tceneva.av@dvfu.ru

КРУГ КОНТРОЛИРУЮЩИХ ДОЛЖНИКА ЛИЦ ПРИ СУБСИДИАРНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ В БАНКРОТСТВЕ: ПРАКТИКА ОПРЕДЕЛЕНИЯ

Аннотация. В статье исследуются вопросы определения круга лиц, подлежащих привлечению к субсидиарной ответственности в делах о банкротстве. На основе анализа законодательства, судебной практики и статистических данных авторы раскрывают ключевые аспекты субъектного состава: перечень потенциальных контролирующих должника лиц. Особое внимание уделено разграничению формального и фактического контроля, а также роли таких категорий, как «теневые директора», номинальные руководители, финансовые директора, главные бухгалтеры и юристы в механизме субсидиарной ответственности. В заключении сформулированы выводы о сложившихся подходах судебной практики к идентификации контролирующих лиц и необходимости единообразного толкования соответствующих норм.

Ключевые слова: Субсидиарная ответственность, банкротство, контролирующее должника лицо, фактический контроль, теневой директор, презумпции вины, судебная практика.

CHEPURNAIA Irina Vladimirovna,

Candidate of Legal Sciences, Associate Professor of the Law School
of the Far Eastern Federal University, Vladivostok

KOROSTELEV Danil Dmitrievich,

4th year student of the Law School of the Far Eastern Federal
University, Vladivostok

TSENEVA Anastasia Vitalievna,

3rd year student at the Law School of the Far Eastern Federal
University, Vladivostok

THE CIRCLE OF PERSONS WHO CONTROL THE DEBTOR IN SUBSIDIARY RESPONSIBILITY IN BANKRUPTCY: PRACTICE OF DETERMINING

Annotation. The article explores the issues of determining the range of persons subject to subsidiary liability in bankruptcy cases. Based on an analysis of legislation, court practice, and statistical data, the authors reveal the key aspects of the subject composition: a list of potential persons controlling the debtor. Special attention is paid to the distinction between formal and actual control, as well as the role of categories such as "shadow directors," nominal managers, financial directors, chief accountants, and lawyers in the mechanism of subsidiary liability. In conclusion, the article draws conclusions on the existing approaches of judicial practice to the identification of controlling persons and the need for uniform interpretation of relevant norms.

Key words: Subsidiary liability, bankruptcy, controlling debtor, actual control, shadow director, presumption of guilt, judicial practice.

Введение. Субсидиарная ответственность в делах о банкротстве достаточно широко применяемый институт. Российские суды все чаще стали удовлетворять заявления о привлечении к субсидиарной ответственности, что порождает необходимость правильного толкования норм, а также выработки единых подходов для правоприменителя. Вопросы привлечения к субсидиарной ответственности в своих трудах рассматривали такие ученые как: Шиткина И.С., Валеев Д.Х., Загудиллин М.Р., Андреев В.К., Лаптев В.А. и другие [13,14]. Согласно статистическому бюллетеню Федресурса (Единый федеральный реестр юридически значимых сведений о фактах деятельности юридических лиц, индивидуальных предпринимателей и иных субъектов экономической деятельности) по банкротству в 2024 году было подано 6248 заявлений о привлечении к субсидиарной ответственности, в 2023 году это количество составило 6475, что на 4% больше, чем в 2024 году. Между тем, выросло количество актов о привлечении к ответственности, так за 2023 и 2024 годы было удовлетворено заявлений о привлечении к субсидиарной ответственности – 28006 и 3229 соответственно, таким образом число привлеченных увеличилось на 15% [17]. Приведённые статистические данные, по нашему мнению, свидетельствуют об ужесточении судебной практики, повышении доказательственной базы со стороны конкурсных кредиторов.

Цель и задачи статьи: выявить актуальные проблемы правового регулирования и правоприменения в сфере субсидиарной ответственности в банкротстве, проанализировать круг субъектов и основания их привлечения к ответственности, а также сформулировать рекомендации по единообразному толкованию норм.

Методы исследования: общенаучные (анализ, синтез, системный подход) и частнонаучные (формально-юридический, сравнительно-правовой, анализ судебной практики).

Основная часть. Институт субсидиарной ответственности в его современном виде закреплён в Федеральном законе от 26.10.2002 № 127-ФЗ (ред. от 09.04.2026) «О несостоятельности (банкротстве)» (далее – Закон о банкротстве) с 2017 года. При этом необходимо отметить, что положения о субсидиарной ответственности в том числе закреплены в статье 399 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ). Субсидиарная ответственность возникает, если это предусмотрено договором или законом. Как верно отмечает А.Г. Карапетов: «Иногда установление в законе ответственности субсидиарного должника обусловлено его виной (как, например, в случае субсидиарной ответственности руководителя или участников корпорации-банкрота), в ряде случаев – самим фактом наличия у субси-

диарного должника возможности осуществления контроля над основным должником (например, ответственность учредителя по долгам учреждения), но субсидиарная ответственность может быть предопределена и иными политико-правовыми основаниями» [11]. По своей правовой природе она является дополнительной ответственностью (факультативным обязательством), так как основным должником выступает юридическое лицо.

Верховный Суд РФ указал, что требование о привлечении к субсидиарной ответственности направлено на компенсацию последствий негативных действий контролирующих лиц по доведению должника до банкротства [4]. Как отмечает Шиткина И.С.: «исходя из теоретических положений условиями ответственности, установленной п. 2 ст. 10 Закона о банкротстве, являются: 1) противоправное поведение руководителя в форме неисполнения обязанности по подаче в суд заявления о банкротстве должника в течение месяца со дня возникновения одного из условий, предусмотренных п. 1 ст. 9 Закона; 2) наличие вреда, причиненного имущественным правам кредиторов по обязательствам, возникшим после истечения месячного срока, предусмотренного п. 2 ст. 9 Закона; 3) ППС между противоправным поведением в виде неисполнения обязанности по подаче заявления и вредом, который причинен имущественным правам «новых» кредиторов; 4) вина лица, не исполнившего обязанность по подаче заявления в арбитражный суд» [16].

Круг субъектов, которых можно привлечь к субсидиарной ответственности. Согласно ст. 61.11 Закона о банкротстве если полное погашение требований кредиторов невозможно вследствие действий и (или) бездействия контролирующего должника лица (КДЛ), такое лицо несет субсидиарную ответственность. В ст. 61.10 Закона о банкротстве КДЛ признается физическое или юридическое лицо, имеющее либо имевшее не более чем за 3 года, предшествующих возникновению признаков банкротства, а также после их возникновения до принятия арбитражным судом заявления о признании должника банкротом право давать обязательные для исполнения должником указания или возможность иным образом определять действия должника, в том числе по совершению сделок и определению их условий.

Отечественный законодатель наделил Арбитражный суд широкими полномочиями признавать лицо контролирующим по иным основаниям, тем самым в каждом конкретном случае суд может усмотреть кто фактически является КДЛ [9]. Согласно п. 4 ст. 61.10 Закона о банкротстве, закреплены опровержимые презумпции отнесения лица к КДЛ. Пока не доказано иное, лицо

предполагается контролирующим, если оно: 1) являлось руководителем должника, членом его исполнительного органа, ликвидатором или членом ликвидационной комиссии; 2) имело право самостоятельно либо совместно с заинтересованными лицами распоряжаться 50 и более процентами голосующих акций (долей) либо назначать (избирать) руководителя должника; 3) извлекало выгоду из незаконного или недобросовестного поведения лиц, указанных в п. 1 ст. 53.1 ГК РФ. Указанные презумпции являются опровержимыми: заинтересованное лицо вправе представлять доказательства отсутствия у него фактической возможности определять действия должника. При этом первые две презумпции носят формально-юридический характер, поскольку связь с контролем выводится из корпоративного статуса или управленческой должности. Третья презумпция имеет материально-правовую природу, так как её основу составляет извлечение выгоды из нарушения фидуциарных обязанностей (недобросовестное или незаконное поведение руководителя и иных лиц, фактически определявших деятельность юридического лица).

Между тем законодатель установил императивную норму в которой определил тех лиц, которые не могут быть отнесены к контролирующим, например КДЛ не могут быть отнесены лица, если такое отнесение связано исключительно с прямым владением менее чем 10% уставного капитала юридического лица и получением обычного дохода, связанного с этим владением.

Исходя из анализа двух норм приходим к выводу, что привлекается к субсидиарной ответственности контролирующее лицо, которое в свою очередь может быть как поименовано в законе (например: руководитель должника или управляющая организация, член исполнительного органа (в частности, генеральный директор), ликвидатор и др.), так и установлено судом (например: лицо непосредственно осуществлявшее фактический контроль за деятельностью должника и под его влиянием принимались юридически значимые действия, которые привели должника к неплатежеспособности). Важно, что сам по себе факт отнесения лица к контролирующему в силу закона или установления судом не дает оснований для привлечения последнего к ответственности. В соответствии с положениями п. 2 ст. 61.11 Закона о банкротстве законодателем установлена правовая презумпция причинно-следственной связи между действиями (бездействием) КДЛ и невозможностью полного удовлетворения требований кредиторов. Бремя опровержения данной презумпции возлагается на само КДЛ. Презумпция действует при доказанности одного из фактов: совершение КДЛ или в его пользу сделки, причинившей существенный ущерб кредиторам;

искажение бухгалтерской документации, затруднившее банкротство; превышение требований кредиторов вследствие правонарушения над 50% общего размера требований третьей очереди; отсутствие или искажение корпоративных документов; недостоверные сведения в ЕГРЮЛ. Для руководителя должника предусмотрены специальные основания (ст. 61.12 Закона о банкротстве).

Рассмотрим круг субъектов через призму правоприменительной практики. Решением Арбитражного суда Свердловской области (г. Екатеринбург) по делу № А60-12686/2020 от 25 декабря 2020 года были привлечены к субсидиарной ответственности руководитель должника и номинальный директор [10]. Суть дела состоит в следующем: в рамках дела о банкротстве Арбитражный суд рассмотрел требование о привлечении контролирующих лиц к субсидиарной ответственности и установил: «Обязанность подать заявление о банкротстве не была исполнена в установленный срок, суд частично удовлетворил требования кредитора компании Б. К субсидиарной ответственности привлечены: ФИО6, признанный фактическим бенефициаром и контролирующим лицом, который единолично управлял компанией и принимал ключевые решения. ФИО2, номинальный директор, действовавший исключительно по указаниям ФИО6 и не имевший реальной власти. В отношении других фигурантов дела (ФИО5, ФИО3, ФИО4) требования удовлетворены не были, так как суд не установил их реального контроля над деятельностью должника и возможность влиять на принятие решений о банкротстве».

В доктрине и правоприменительной практике для описания ситуаций расхождения формального и фактического управления юридическим лицом используются понятия «номинальный директор» (фиктивный, подставной руководитель) и «теневой директор» (shadow director). Под номинальным директором понимается лицо, формально внесённое в Единый государственный реестр юридических лиц (ЕГРЮЛ) в качестве единоличного исполнительного органа, но фактически не осуществляющее управленческих функций. Такое лицо, как правило, действует по указаниям иного субъекта, который реально определяет волю юридического лица. В отличие от номинального, теневой директор (в литературе его также именуют фактическим контролирующим лицом) не занимает формальной должности в органах управления, однако обладает фактической возможностью определять действия должника (давать обязательные указания, влиять на принятие решений, распоряжаться активами). Особое значение в контексте банкротства имеет субсидиарная ответственность номинального директора. Поскольку в силу абз. 3 п. 4 ст. 61.10 Закона о банкротстве номинальный руководитель презюмиру-

ется контролирующим должника лицом (КДЛ), он может быть привлечён к субсидиарной ответственности по долгам должника при недостаточности его имущества. При этом судебная практика учитывает, что номинальный директор нередко действует в интересах теневого (фактического) руководителя, однако сам факт формального нахождения на должности не освобождает его от ответственности, если он не докажет отсутствие фактической возможности определять деятельность должника [16].

Отметим, что привлекать в субсидиарной ответственности допускается и бывших руководителей. В частности, если имело место совершение сделок на невыгодных условиях, что привело к возникновению признаков банкротства у должника и к невозможности полного погашения требований кредиторов [18]. Между тем, нельзя привлечь бывшего руководителя основываясь только на том, что в период его руководства ухудшились показатели. Верховный суд России правомерно исключил субсидиарную ответственность в действиях бывшего директора и указал следующее: «сам по себе факт ухудшения финансовых показателей деятельности должника в период руководства контролирующего лица (сокращение штата, падение чистых активов, возникновение убытка) не может служить основанием для привлечения к субсидиарной ответственности. Иной подход неизбежно влечет возложение ответственности на последнего руководителя исключительно в силу ухудшения показателей в преддверии банкротства, что противоречит правовой природе субсидиарной ответственности» [19].

Также нельзя применить к бывшему руководителю субсидиарную ответственность в случае, если рассматриваемые сделки не привели к отрицательному экономическому эффекту для должника, так как не повлекли изменений в соотношении его активов и пассивов, что указывает на отсутствие вины бывшего руководителя при заключении данных сделок [20]. Отсутствие факта недобросовестных или неразумных действий со стороны директора влечет отказ от взыскания убытков. Например, материалами дела подтверждено, что «автомобили были использованы для служебных, а не для личных нужд. Руководитель должника осуществлял деятельность в ином населенном пункте и использовал транспортные средства для целей передвижения на работу» (Постановление Арбитражного суда Поволжского округа от 24.05.2022 по делу № А12-155579/2021) [23].

Продолжая анализировать круг субъектов, нельзя пройти стороной случаи, когда привлекают к субсидиарной ответственности финансового директора, главного бухгалтера, а также юриста. Рассмотрим наиболее распространен-

ные случаи привлечения финансовых директоров к субсидиарной ответственности, встречающиеся в судебной практике:

На финансового директора возложены полномочия заключать коммерческие контракты с контрагентами компании [21]. В рамках арбитражного дела № А55-32388/2019 суд признал финансового директора контролирующим должника лицом. Одним из доказательств этого статуса было то, что финансовый директор подписывал договоры от имени компании: «Б. от имени должника заключала сделки и подписывала договоры. В частности, Б. от имени должника с аффилированной компанией [...] подписан Договор беспроцентного займа, по условиям которого должник предоставил контрагенту беспроцентный заём в размере 6800000 руб. (а фактически перечислено 10 300 000 руб.), возврат займа даже в части по настоящее время отсутствует» (Определение Арбитражного суда Самарской области от 05.07.2022);

Финансовый директор имел право первой подписи в финансово-расчетных документах в банке и осуществлял платежи в пользу дебиторов, которые заведомо не возвращали денежные средства (фирмы-однодневки) (Постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 30 ноября 2021, дело № А40-221466/18);

Финансовый директор являлся стороной сделки с предприятием-банкротом, которая была убыточной для компании и повлекла банкротство организации (Постановление Арбитражного суда Поволжского округа от 25 мая 2021, дело № А06-640/2020).

Главный бухгалтер как лицо, через которое осуществляется часть административно-управленческих функций по управлению особо ценным движимым имуществом, а также финансовых операций может быть привлечено к субсидиарной ответственности. Например, в случаях занижения налогооблагаемой базы, искажения информации об активах и пассивах предприятия, а также при иных нарушениях, которые свидетельствуют о сокрытии от кредиторов должника его реального материального положения или о сокрытии вывода активов из компании [22].

Юристы также могут оказаться в зоне риска, так, управляющий пытался привлечь к субсидиарной ответственности штатного юриста должника. Он разработал договоры по выводу активов, которые причинили вред кредиторам. Избежать ответственности юристу помог довод: у него не было полномочий подписывать документы и принимать итоговые решения [23].

В другом деле суд прямо указал: юриста можно привлечь к субсидиарной ответственности за разработку документов, цель которых — причинить вред кредиторам [8]. Если сотрудник,

в частности юрист, хранит оригиналы документации компании, при ее банкротстве обязан передать их управляющему, в противном случае будет отвечать по долгам компании. Суды указывают, что непередача документов компании указывает на прямой умысел затруднить процедуру банкротства [6].

Конкурсный управляющий может доказать, что документацию должника хранил юрист, и попытаться привлечь его к ответственности. В случае, если будет доказано, что у юриста есть или по бумагам должны быть документы, без которых затруднительно вести процедуру, пополнять конкурсную массу, юрист скорее всего будет привлечен к субсидиарной ответственности. Так, в одном из дел юристу удалось этого избежать, поскольку управляющий не доказал, что у юриста есть такие документы. Чтобы этого избежать, следует фиксировать каждую передачу и возврат оригиналов документов в двустороннем акте, а также сохранять копии документов, которые получали. Корпоративным юристам следует ссылаться на должностную инструкцию, по которой хранение оригиналов не входит в обязанности сотрудника [7].

В подобных случаях привлечение юриста к субсидиарной ответственности представляет значительные сложности, обусловленные его функциональным положением в корпоративной структуре. По общему правилу, юристы не оказывают и не могут оказывать определяющего влияния на принятие управленческих решений, поскольку их деятельность сводится к консультированию и представлению интересов общества на основании указаний единоличного исполнительного органа. Иначе говоря, они не участвуют в даче должнику обязательных для исполнения указаний, что исключает признание их контролирующими должника лицами (КДЛ) в отсутствие дополнительных доказательств. В данной связи показательное следующее судебное дело. Суд указал, что доказательства извлечения ФИО1 (предполагаемым КДЛ) выгоды из недобросовестного поведения должника в материалы дела не представлены. Кроме того, суд первой инстанции правомерно констатировал, что ФИО1 не отвечает признакам контролирующего должника лица, предусмотренным пп. 3 п. 4 ст. 61.10 Закона о банкротстве (отсутствие формально-юридических полномочий давать обязательные указания). Конкурсным управляющим также не представлено доказательств фактической способности ФИО1 влиять на управленческие решения должника (фактического контроля) [24].

Таким образом, для привлечения юриста к субсидиарной ответственности необходимо доказать совокупность следующих объективных обстоятельств: (1) действия юриста фактически

определяли волю должника, то есть он оказывал реальное влияние на принятие корпоративных решений либо обладал правом решающего голоса; (2) поведение юриста выходило за пределы стандартной профессиональной деятельности, явно превышая рамки консультирования или формальной подготовки (разработки) документов компании.

Интересен вопрос о возможности привлечения к субсидиарной ответственности такого контролирующего лица, как государство [16]. Ни для кого не секрет, что государство в лице публично-правовых образований выступает наравне с юридическими лицами и наделено теми же правами и обязанностями, что вытекают из положений ГК РФ. Например, неисполнение казенным учреждением вступившего в законную силу решения суда о взыскании денежных средств порождает субсидиарное обязательство главного распорядителя бюджетных средств. Так, Общество и Учреждение (исправительная колония) заключили договор энергоснабжения, результате ненадлежащего исполнения Учреждением своих обязательств по договору образовалась задолженность, которая была взыскана в пользу Общества судом. Общество обратилось в суд с иском к ФСИН о взыскании в порядке субсидиарной ответственности за счет казны РФ задолженности. Суды трех инстанций отказали в удовлетворении требований. Верховный суд России напротив указал, что «исполнительные листы о взыскании с Учреждения задолженности и неустойки за нарушение обязательств по оплате потребленных ресурсов предъявлены истцом в установленном порядке в орган Федерального казначейства, однако не исполнены в трехмесячный срок (ст. 242.3 Бюджетного кодекса РФ). Принимая во внимание, что ФСИН России в пределах своей компетенции осуществляет полномочия собственника федерального имущества, переданного учреждениям и органам уголовно-исполнительной системы, является главным распорядителем средств федерального бюджета, оснований для отказа в удовлетворении исковых требований к ФСИН России у судов не имелось. Судебные акты отменены, дело направлено на новое рассмотрение» [2].

Заключение. Резюмируя вышеизложенное, можно констатировать, что институт субсидиарной ответственности контролирующих должника лиц носит сложный и динамично развивающийся характер. Формирование единообразной судебной практики и догматическое толкование соответствующих норм права остаются актуальными задачами в условиях ежегодного роста количества удовлетворенных требований о привлечении к субсидиарной ответственности. Анализ законодательства и судебной практики позволяет сделать ряд системообразующих выводов.

Во-первых, ключевым условием применения субсидиарной ответственности является установление специального субъекта – контролирующего должника лица. Критерий наличия фактической возможности определять действия должника является основополагающим, что подтверждается правоприменительной практикой, в рамках которой к ответственности привлекаются не только формальные руководители, но и фактические бенефициары, а также иные лица, реализующие функции так называемого «теневых директоров». Вместе с тем суды последовательно отказывают в удовлетворении требований к лицам, чье формальное положение (например, номинальный директор, юрист, главный бухгалтер) не подкреплено доказательствами их реального влияния на принятие ключевых управленческих решений, приведших к банкротству.

Во-вторых, законодатель закрепил систему презумпций, существенно облегчающих процесс доказывания наличия оснований для привлечения к ответственности. Установление одного из юридических фактов, перечисленных в п. 2 ст. 61.11 Закона о банкротстве, порождает презумпцию причинно-следственной связи между действиями контролирующего лица и невозможностью погасить требования кредиторов, перекладывая бремя опровержения данной презумпции на само привлекаемое лицо. Данный механизм направлен на выравнивание процессуальных возможностей кредитора и контролирующего лица, располагающего всей информацией о деятельности должника.

Таким образом, дальнейшее развитие института субсидиарной ответственности видится в совершенствовании критериев разграничения добросовестного предпринимательского риска и виновного поведения, а также в выработке более детализированных подходов к оценке степени вины и размера причиненного вреда для справедливого определения объема ответственности контролирующих лиц.

Список литературы:

[1] Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 18.08.2023 № 305-ЭС18-17629(5-7) по делу № А40-122605/2017. – Текст : электронный // Судебные и нормативные акты РФ (СудАкт) : [сайт]. – URL: <https://sudact.ru/vsrf/doc/6jQZgUZ5PDfD/> (дата обращения: 12.04.2026).

[2] Определение Верховного Суда Российской Федерации от 19.12.2022 № 305-ЭС22-14405 по делу № А40-124843/2021. – Текст : электронный // Судебные и нормативные акты РФ (СудАкт) : [сайт]. – URL: <https://sudact.ru/vsrf/doc/8gKxL1W2eRfG/> (дата обращения: 12.04.2026).

[3] Определение Верховного Суда Российской Федерации от 04.10.2023 № 305-ЭС23-11842 по делу № А40-143778/2022. – Текст : электронный // Судебные и нормативные акты РФ (СудАкт) : [сайт]. – URL: <https://sudact.ru/vsrf/doc/3nMpQ7Y9tRkL/> (дата обращения: 12.04.2026). (Примечание: источник продублирован в исходном перечне под № 12 и 13).

[4] Определение Верховного Суда Российской Федерации от 14.08.2023 № 301-ЭС22-27936 (1, 2) по делу № А29-8156/2017. – Текст : электронный // Судебные и нормативные акты РФ (СудАкт) : [сайт]. – URL: <https://sudact.ru/vsrf/doc/4aVbN6cX8zHj/> (дата обращения: 12.04.2026).

[5] Определение Верховного Суда Российской Федерации от 24.05.2022 № 305-ЭС22-7760 по делу № А40-191321/2019. – Текст : электронный // Судебные и нормативные акты РФ (СудАкт) : [сайт]. – URL: <https://sudact.ru/vsrf/doc/2fGdH9jK1lLp/> (дата обращения: 12.04.2026).

[6] Постановление Арбитражного суда Московского округа от 01.08.2019 по делу № А40-41171/2016. – Текст : электронный // Картотека арбитражных дел (КАД) : [сайт]. – URL: <https://kad.arbitr.ru/Document/Pdf/7f8e3d2c1b4a5e6f7g8h9i0j1k2l3m4n> (дата обращения: 12.04.2026).

[7] Постановление Арбитражного суда Поволжского округа от 18.05.2021 по делу № А12-18077/2017. – Текст : электронный // Картотека арбитражных дел (КАД) : [сайт]. – URL: <https://kad.arbitr.ru/Document/Pdf/9a8b7c6d5e4f3g2h1i0j9k8l7m6n5o4p> (дата обращения: 12.04.2026).

[8] Постановление Арбитражного суда Северо-Западного округа от 13.10.2021 по делу № А56-69038/2017. – Текст : электронный // Картотека арбитражных дел (КАД) : [сайт]. – URL: <https://kad.arbitr.ru/Document/Pdf/1a2b3c4d5e6f7g8h9i0j1k2l3m4n5o6p> (дата обращения: 12.04.2026).

[9] Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 21.12.2017 № 53 «О некоторых вопросах, связанных с привлечением контролирующих должника лиц к ответственности при банкротстве» (абз. 2 п. 3). – Текст : электронный // КонсультантПлюс : [сайт]. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_285476/ (дата обращения: 12.04.2026).

[10] Решение Арбитражного суда Свердловской области от 25 декабря 2020 г. по делу № А60-12686/2020. – Текст : электронный // Картотека арбитражных дел (КАД) : [сайт]. – URL: <https://kad.arbitr.ru/Card/b9d9d460-80a8-4a9e-8517-050c79a04411> (дата обращения: 12.04.2026).

[11] Договорное и обязательственное право (общая часть) : постатейный комментарий к

статьям 307–453 Гражданского кодекса Российской Федерации / отв. ред. А. Г. Карапетов. – Электронное издание, ред. 1.0. – Москва : М-Логос, 2017. – 1120 с. – URL: https://m-logos.ru/img/kommentarii_307-453_1.0.pdf (дата обращения: 12.04.2026). – Режим доступа: свободный.

[12] Механизмы банкротства и их роль в обеспечении благосостояния человека : монография / А. З. Бобылева, Д. Е. Горев, Ю. А. Зайцева [и др.] ; отв. ред. С. А. Карелина, И. В. Фролов. – Москва : Юстицинформ, 2022. – 312 с.

[13] Морхат, П. М. Субсидиарная ответственность в делах о банкротстве как самостоятельная (основная) ответственность контролирующего должника лица за нарушение обязанности действовать добросовестно и разумно по отношению к кредиторам подконтрольного лица / П. М. Морхат. – Текст : непосредственный // Вестник Арбитражного суда Московского округа. – 2019. – № 4. – С. 68–79.

[14] Попондопуло, В. Ф. Ответственность руководителя должника и иных лиц в деле о банкротстве / В. Ф. Попондопуло, Е. В. Силина (Слепченко). – Текст : непосредственный // Судья. – 2018. – № 4. – С. 10–15.

[15] Суханов, Е. А. Ответственность участников корпорации по ее долгам в современном корпоративном праве / Е. А. Суханов. – Текст : непосредственный // Проблемы современной цивилистики : сборник памяти профессора С. М. Корнеева. – Москва, 2011.

[16] Шиткина, И. С. Ответственность контролирующих должника лиц при несостоятельности (банкротстве) (лекция в рамках учебного курса «Предпринимательское право») / И. С. Шиткина. – Текст : непосредственный // Предпринимательское право. Приложение «Право и Бизнес». – 2017. – № 4. – С. 21–40.

[17] Единый федеральный реестр юридически значимых сведений о фактах деятельности юридических лиц, индивидуальных предпринимателей и иных субъектов экономической деятельности (ФЕДРЕСУРС) // Электронный доступ: <https://download.fedresurs.ru/news/Статбюл-летень%202024.pdf>.

[18] Определение Верховного Суда РФ от 09.09.2024 № 310-ЭС24-12186(2) по делу № А54-5283/2016 // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

[19] Определение ВС РФ № 305-ЭС22-7760 по делу № А40-191321/2019 // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

[20] Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 18.08.2023 № 305-ЭС18-17629(5-7) по делу № А40-122605/2017 // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

[21] Яковлева М.А. Субсидиарная ответственность финансового директора обанкротившейся компании: [Электронный ресурс] // Закон.ру: сайт. — 22.02.2023. URL: https://zakon.ru/blog/2023/02/22/otvetstvennost_finansovogo_direktora_obankrotivshejsya_kompanii_kogda_i_za_chno_finansovyj_direktor_ (дата обращения: 17.04.2026).

[22] Статья. Риски главного бухгалтера обанкротившейся компании: когда и за что главный бухгалтер может быть привлечен к субсидиарной ответственности? // Электронный ресурс: https://zakon.ru/blog/2022/09/20/riski_glavnogo_buhgaltera_obankrotivshejsya_kompanii_kogda_i_za_chno_glavnyj_buhgalter_mozhet_byt_pr_.

[23] Макаров Р., Деева К. Из-за чего юристов обвиняют в банкротстве компании. Как избежать субсидиарки [Электронный ресурс] // e.law.ru. – 2026. – Режим доступа: <https://e.law.ru/985289> (дата обращения: 17.04.2026).

[24] Постановление Седьмого арбитражного апелляционного суда по делу № А03-5121/2021 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://ras.arbitr.ru/Document/Pdf/003ac5d1-804b-4c56-8ac3-6501e5814b8a/e64725b0-1066-4f73-928a-0ee5abf34289/A03-5121-2021_20240417.pdf?isAddStamp=True (дата обращения: 17.04.2026).

References:

[1] Determination of the Judicial Collegium for Economic Disputes of the Supreme Court of the Russian Federation of 18.08.2023 No. 305-ES18-17629 (5-7) in case No. A40-122605/2017. - Text: electronic // Judicial and regulatory acts of the Russian Federation (Court Act): [site]. - URL: <https://sudact.ru/vsrf/doc/6jQZgUZ5PDfD/> (access date: 12.04.2026).

[2] Ruling of the Supreme Court of the Russian Federation of 19.12.2022 No. 305-EC22-14405 in case No. A40-124843/2021. - Text: electronic // Judicial and regulatory acts of the Russian Federation (Court Act): [site]. - URL: <https://sudact.ru/vsrf/doc/8gKxL1W2eRfG/> (access date: 12.04.2026).

[3] Ruling of the Supreme Court of the Russian Federation of 04.10.2023 No. 305-EC23-11842 in case No. A40-143778/2022. - Text: electronic // Judicial and regulatory acts of the Russian Federation (Court Act): [site]. - URL: <https://sudact.ru/vsrf/doc/3nMpQ7Y9tRkL/> (access date: 12.04.2026). (Note: source duplicated in source list # 12 and # 13).

[4] Ruling of the Supreme Court of the Russian Federation dated 14.08.2023 No. 301-EC22-27936 (1, 2) in case No. A29-8156/2017. - Text: electronic // Judicial and regulatory acts of the Russian Federation (Court Act): [site]. - URL: <https://sudact.ru/vsrf/doc/3nMpQ7Y9tRkL/>

//sudact.ru/vsrf/doc/4aVbN6cX8zHj/ (access date: 12.04.2026).

[5] Ruling of the Supreme Court of the Russian Federation dated 24.05.2022 No. 305-EC22-7760 in case No. A40-191321/2019. - Text: electronic // Judicial and regulatory acts of the Russian Federation (Court Act): [site]. - URL: <https://sudact.ru/vsrf/doc/2fGdH9jK1lLp/> (access date: 12.04.2026).

[6] Ruling of the Arbitration Court of the Moscow District dated 01.08.2019 in case No. A40-41171/2016. - Text: electronic // File of arbitration cases (CAD): [site]. - URL: <https://kad.arbitr.ru/Document/Pdf/7f8e3d2c1b4a5e6f7g8h9i0j1k2l3m4n> (access date: 12.04.2026).

[7] Resolution of the Arbitration Court of the Volga Region dated 18.05.2021 in case No. A12-18077/2017. - Text: electronic // File of arbitration cases (CAD): [site]. - URL: <https://kad.arbitr.ru/Document/Pdf/9a8b7c6d5e4f3g2h1i0j9k8l7m6n5o4p> (access date: 12.04.2026).

[8] Ruling of the Arbitration Court of the North-Western District dated 13.10.2021 in case No. A56-69038/2017. - Text: electronic // File of arbitration cases (CAD): [site]. - URL: <https://kad.arbitr.ru/Document/Pdf/1a2b3c4d5e6f7g8h9i0j1k2l3m4n5o6p> (access date: 12.04.2026).

[9] Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of 21.12.2017 No. 53 "On certain issues related to bringing the debtor's controlling persons to justice in bankruptcy" (paragraph 2, paragraph 3). - Text: electronic // ConsultantPlus: [site]. - URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_285476/ (access date: 12.04.2026).

[10] Decision of the Arbitration Court of the Sverdlovsk Region dated December 25, 2020 in case No. A60-12686/2020. - Text: electronic // File of arbitration cases (CAD): [site]. - URL: <https://kad.arbitr.ru/Card/b9d9d460-80a8-4a9e-8517-050c79a04411> (access date: 12.04.2026).

[11] Contractual and binding law (general part): article-by-article commentary to articles 307-453 of the Civil Code of the Russian Federation/ rev. ed. A. G. Karapetov. - Electronic edition, rev. 1.0. - Moscow: M-Logos, 2017. - 1120 p. - URL: https://m-logos.ru/img/kommentarii_307-453_1.0.pdf (access date: 12.04.2026). - Access mode: free.

[12] Bankruptcy mechanisms and their role in ensuring human well-being: monograph/ A. Z. Bobylev, D. E. Gorev, Yu. A. Zaitseva [et al.]; resp. ed. S. A. Karelin, I.V. Frolov. - Moscow: Justicinform, 2022. - 312 s.

[13] Morhat, P. M. Subsidiary liability in bankruptcy cases as an independent (main) liability of the controlling debtor of the person for violation

of the obligation to act in good faith and reasonably in relation to creditors of the controlled person/ P. M. Morhat. - Text: direct // Bulletin of the Arbitration Court of the Moscow District. - 2019. - № 4. - S. 68-79.

[14] Popondopulo, V.F. Responsibility of the head of the debtor and other persons in the bankruptcy case/V.F. Popondopulo, E.V. Silina (Slepchenko). - Text: direct // Judge. - 2018. - № 4. - S. 10-15.

[15] Sukhanov, E. A. Liability of Corporation Members for its Debts in Modern Corporate Law/ E. A. Sukhanov. - Text: immediate // Problems of modern civil studies: a collection of memory of Professor S. M. Korneev. - Moscow, 2011.

[16] Shitkin, I. S. Liability of persons controlling the debtor in case of insolvency (bankruptcy) (lecture within the framework of the training course "Business Law")/I. S. Shitkin. - Text: direct // Business law. Application "Law and Business." - 2017. - № 4. - S. 21-40.

[17] Unified Federal Register of Legally Significant Information on the Facts of Activities of Legal Entities, Individual Entrepreneurs and Other Economic Entities (FEDRESURS) // Electronic Access: <https://download.fedresurs.ru/news/Стат-бюллетень%202024.pdf>.

[18] Ruling of the Supreme Court of the Russian Federation of 09.09.2024 No. 310-EC24-12186 (2) in case No. A54-5283/2016 // Access from the ConsultantPlus legal system.

[19] Determination of the RF Armed Forces No. 305-EC22-7760 in case No. A40-191321/2019 // Access from the ConsultantPlus legal system.

[20] Determination of the Judicial Collegium for Economic Disputes of the Supreme Court of the Russian Federation of 18.08.2023 No. 305-ES18-17629 (5-7) in case No. A40-122605/2017 // Access from the ConsultantPlus legal system.

[21] Yakovleva M.A. Subsidiary liability of the financial director of a bankrupt company: [Electronic resource] // Закон.ру: website. — 22.02.2023. URL: https://zakon.ru/blog/2023/02/22/otvetstvennost_finansovogo_direktora_obankrotivshejsya_kompanii_kogda_i_za_chno_finansovyj_direktor_ (дата обращения: 17.04.2026).

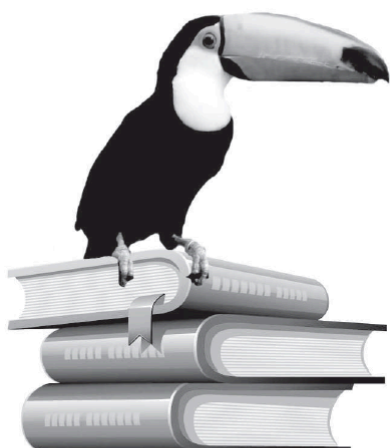
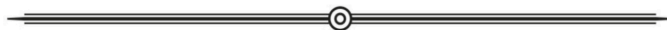
[22] Article. Risks of the chief accountant of a bankrupt company: when and for what the chief accountant can be held liable ? // Electronic resource: https://zakon.ru/blog/2022/09/20/riski_glavnogo_buhgaltera_obankrotivshejsya_kompanii_kogda_i_za_chno_glavnyj_buhgalter_mozhet_byt_pr.

[23] Makarov R, Deeva K. Which is why lawyers are accused of bankruptcy of the company. How to avoid subsidies [Electronic resource] // e.law.ru. - 2026. - Access mode: <https://e.law.ru/>

985289 (access date: 17.04.2026).

[24] Ruling of the Seventh Arbitration Court of Appeal in case No. A03-5121/2021 [Electronic Resource]. - Access mode:

https://ras.arbitr.ru/Document/Pdf/003ac5d1-804b-4c56-8ac3-6501e5814b8a/e64725b0-1066-4f73-928a-0ee5abf34289/A03-5121-2021__20240417.pdf?isAddStamp=True (access date: 17.04.2026).

ЮРКОМПАНИ

www.law-books.ru

Юридическое издательство
«ЮРКОМПАНИ»

Издание учебников,
учебных и методических
пособий, монографий,
научных статей.

Профессионально.

В максимально
короткие сроки.

Размещаем
в РИНЦ, Е-Library.

Дата поступления рукописи в редакцию: 27.06.2026 г.

DOI: 10.24412/2782-3849-2026-8-143-150

Дата принятия рукописи в печать: 20.07.2026 г.

МОРОЗОВ Виктор Иванович,

кандидат юридических наук, доцент, профессор
академического департамента Школы права и управления
Тюменского государственного университета, заслуженный
юрист Российской Федерации,
e-mail: v.i.morozov@utmn.ru

ПОЛОВИНКИН Сергей Станиславович,

студент Школы права и управления Тюменского
государственного университета,
e-mail: sergeyp1307@yandex.ru

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ КВАЛИФИКАЦИИ СОСТАВА ЖЕСТОКОГО ОБРАЩЕНИЯ С ЖИВОТНЫМИ И ПУТИ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ

Аннотация. В статье рассматриваются теоретические и правоприменительные проблемы квалификации жестокого обращения с животными по статье 245 Уголовного кодекса Российской Федерации. Авторы обращают внимание на высокую латентность указанных преступлений и недостаточную эффективность действующих уголовно-правовых механизмов противодействия им. В работе анализируются спорные аспекты признаков состава преступления, в частности отсутствие законодательно закреплённого понятия «увечье животного», что ведёт к разночтениям в судебной практике. Предлагается ввести соответствующее определение в Федеральный закон № 498-ФЗ, используя опыт Республики Беларусь. Отдельное внимание уделяется возрасту субъекта преступления: обосновывается целесообразность его снижения до 14 лет, поскольку существующие механизмы воспитательного воздействия, включая помещение в специальные учебно-воспитательные учреждения закрытого типа, на практике труднодоступны и не обеспечивают должного предупредительного эффекта. Авторы критически оценивают правовую неопределённость квалифицирующего признака «применение садистских методов», который в судебной практике трактуется либо как объективно изощрённый способ действия, либо как субъективная направленность на получение удовольствия от страданий животного. Для устранения данной коллизии предлагается разграничить объективный и субъективный критерии путём замены рассматриваемого признака на «из садистских побуждений» и введения нового признака «с особой жестокостью». Также обосновывается необходимость установления уголовной ответственности за совершение данного преступления лицом, ранее судимым за аналогичное деяние. Сформулированные предложения направлены на обеспечение единообразия судебной практики и более эффективную дифференциацию уголовной ответственности.

Ключевые слова: жестокое обращение с животными, квалификация, объективная сторона преступления, особая жестокость, рецидив, садистские методы, состав преступления, субъект преступления, уголовная ответственность, увечье животного.

MOROZOV Viktor Ivanovich,

PhD in Law, associate professor, professor of the Academic
Department of the School of Law and Management, Tyumen State
University, honored lawyer of the Russian Federation

POLOVINKIN Sergei Stanislavovich,

student of the School of Law and Management, Tyumen
State University

CURRENT PROBLEMS OF QUALIFYING THE ELEMENTS OF ANIMAL CRUELTY AND WAYS FOR ITS IMPROVEMENT

Annotation. The article examines theoretical and law enforcement problems of qualifying animal cruelty under Article 245 of the Criminal Code of the Russian Federation. The authors draw attention to the high latency of these crimes and the insufficient effectiveness of existing criminal

law mechanisms to counteract them. The paper analyzes controversial aspects of the elements of the crime, in particular the absence of a legally defined concept of "animal injury," which leads to divergent judicial interpretations. It is proposed to introduce a corresponding definition into Federal Law No. 498-FZ, drawing on the experience of the Republic of Belarus. Special attention is paid to the age of the offender: the authors substantiate the expediency of lowering it to 14 years, since the existing mechanisms of educational influence, including placement in closed-type special educational institutions, are difficult to apply in practice and do not provide a sufficient preventive effect. The authors critically assess the legal uncertainty of the qualifying feature "use of sadistic methods," which in judicial practice is interpreted either as an objectively sophisticated method of action or as a subjective orientation toward deriving pleasure from the animal's suffering. To resolve this conflict, the authors propose distinguishing between objective and subjective criteria by replacing this feature with "from sadistic motives" and introducing a new feature "with particular cruelty." The need to establish criminal liability for committing this crime by a person previously convicted of a similar act is also substantiated. The formulated proposals are aimed at ensuring uniformity of judicial practice and more effective differentiation of criminal liability.

Key words: animal cruelty, qualification, objective side of the crime, particular cruelty, recidivism, sadistic methods, elements of a crime, offender, criminal liability, animal injury.

Состав жестокого обращения с животными, предусмотренный статьей 245 Уголовного кодекса Российской Федерации, представляет реальную угрозу не только для животного мира, но и для социума в целом, что подтверждается тем, что законодатель поместил указанный состав в главу 25 – Преступления против здоровья населения и общественной нравственности. Как справедливо отмечает Р.Р. Отбоева, жестокость по отношению к животным «нередко становится катализатором для формирования преступного поведения» [1, с. 302]. Противодействие данным деяниям невозможно без использования уголовно-правовых средств, поскольку только уголовная ответственность способна обеспечить справедливую реакцию государства на наиболее опасные формы проявления такой жестокости.

Анализ официальных статистических данных позволяет оценить реальное состояние преступности в рассматриваемой сфере. Согласно статистике Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации, в 2024 году по ч. 1 ст. 245 УК РФ было осуждено 121 лицо, по ч. 2 ст. 245 УК РФ – 70 лиц. При этом в качестве дополнительной квалификации по ч. 1 ст. 245 УК РФ осуждено 13 лиц, по ч. 2 – 6 лиц. Всего по основной статье осужден 191 человек [2]. Однако официальные цифры не в полной мере отражают реальную картину. По данным МВД РФ, количество зарегистрированных преступлений по ст. 245 УК РФ в 2024 году снизилось на 3,8% – с 682 до 656 случаев [3]. Это снижение, однако, может свидетельствовать не об улучшении ситуации, а о высокой латентности данных деяний. Как отмечает О.В. Саратова, регистрируется не более 10% от реально совершаемых преступлений [4, с. 10]. Причины латентности обусловлены как объективными факторами, например, сложностью доказывания умысла на причинение боли и страданий или необходимостью проведения судебно-вете-

ринарных экспертиз, что не всегда является возможным на практике, так и субъективными, такими как: нежелание очевидцев, свидетелей обращаться в правоохранительные органы, отсутствие должного правосознания у населения – непонимание значимости преступления на фоне других, так как обществом транслируется второстепенная значимость жизни животного по сравнению с человеком.

Несмотря на предпринимаемые законодателем меры по ужесточению ответственности (последние значимые изменения были внесены Федеральным законом от 20.12.2017 № 412-ФЗ), эффективность применения ст. 245 УК РФ остается невысокой. Одной из главных причин этого является отсутствие единообразия в судебной практике, которое обусловлено несовершенством конструкции состава преступления и использованием оценочных, не вполне четко определенных терминов. Суды сталкиваются с проблемами при толковании признаков данного состава, что приводит к отсутствию единообразия при квалификации схожих деяний.

В связи с этим представляется необходимым комплексное исследование признаков состава жестокого обращения с животными, выявление проблемных аспектов квалификации и формулирование предложений по совершенствованию законодательства и правоприменительной практики.

Состав преступления, предусмотренный ст. 245 УК РФ, является материальным, то есть обязательным условием привлечения к ответственности является наступление указанных в законе последствий – гибели или увечья животного. Если вопрос о гибели животного обычно не вызывает затруднений, то понятие «увечье» законодательно не определено и трактуется правоприменителем по-разному. В доктрине высказаны различные позиции: по мнению В.И. Гладких

увечьем будет являться «повреждение животного, которое связано с нарушением его анатомической целостности или неисправимое обезображивание внешнего вида» [5, с. 256]. Как отмечает И.В. Попов, под увечьем животному следует понимать «повреждения, повлекшие частичную или полную утрату способности к выполнению конкретной функции организма, которые соответствуют тяжкому вреду здоровью человека» [6, с. 38]. Напротив, Р.Д. Шарапов под увечьем предлагает понимать телесное повреждение любой степени тяжести, а не только тяжкого [7, с. 54].

В ветеринарной сфере действует национальный стандарт ГОСТ Р 58436-2019 «Ветеринарная экспертиза механических повреждений у непродуктивных животных», который определяет увечье как случайное или целенаправленное телесное повреждение, сопровождающееся частичной или полной утратой способности к выполнению конкретной функции организма [8]. По мнению Д.С. Рогановой, данное понятие является неполным и не раскрывает его сущность применительно к ст. 245 УК РФ, с чем бесспорно можно согласиться [9, с. 162]. Важно отметить, что рассматриваемый документ является лишь национальным стандартом, а не законодательным актом, что создает правовую неопределенность и как следствие - суды вынуждены самостоятельно оценивать тяжесть причиненных животному повреждений, что в свою очередь порождает определенные разночтения.

Для устранения проблемы в толковании необходимо закрепление понятия «увечья» на уровне федерального законодательства. Здесь важно также отметить пример Республики Беларусь. В ч. 31 ст. 1 Закона Республики Беларусь № 361-З «Об ответственном обращении с животными» увечье животного определяется как «повреждение животного, связанное с нарушением его анатомической целостности, или наносящее ущерб внешнему виду, функциям организма животного, или приведшее к расстройству психики и поведения животного». Представляется, что российский законодатель должен последовать этому примеру и закрепить аналогичное понятие в Федеральном законе от 27.12.2018 № 498-ФЗ «Об ответственном обращении с животными...». Исходя из положений ГОСТ Р 58436-2019, обобщения судебной практики и опыта Республики Беларусь, предлагается дополнить ст. 3 Федерального закона № 498-ФЗ новым пунктом 12.1) следующего содержания:

«12.1) увечье животного - причинение вреда здоровью животного, вызвавшее полную или частичную утрату функции какого-либо его органа, а также связанное с нарушением анатомической целостности животного или приведшее к существенному расстройству психики или поведения

животного».

Закрепление данного определения именно на законодательном уровне, а не в национальном стандарте, позволит обеспечить единообразие судебной практики, устранив субъективность оценки тяжести причиненных животному повреждений и будет способствовать правильной квалификации деяний по ст. 245 УК РФ.

Субъект преступления, предусмотренного ст. 245 УК РФ, является общим - физическое вменяемое лицо, достигшее возраста 16 лет. В доктрине уголовного права ведутся активные споры о целесообразности снижения возраста уголовной ответственности за совершение данного преступления. Р.В. Свиридов, проанализировав материалы судебной практики, научные позиции, а также данные проведенных им социологических исследований, приходит к выводу о необходимости снижения возраста уголовной ответственности за жестокое обращение с животными до 14 лет, отмечая, что несовершеннолетние, достигшие этого возраста, должны сознавать недопустимость мучений, страданий и издевательств в отношении животных. [10, с. 84-85].

Здесь также важно отметить, что в 2019 году Законодательным Собранием Санкт-Петербурга был внесен проект федерального закона № 750685-7 «О внесении изменения в Уголовный кодекс Российской Федерации», которым предлагалось дополнить ч. 2 ст. 20 УК РФ указанием на ст. 245 УК РФ, установив уголовную ответственность за жестокое обращение с животными с 14 лет. Председатель Комитета Совета Федерации по конституционному законодательству и государственному строительству Андрей Клишас заявил о поддержке данной инициативы, отметив, что одной из предпосылок её разработки послужили участвовавшие случаи жестокого отношения к животным, совершаемые детьми и подростками [11]. Однако законопроект был отклонен Государственной Думой в первом чтении 2 марта 2023 года. В правовом заключении Комитета Государственной Думы по государственному строительству и законодательству указано, что данное предложение не согласуется с уголовно-правовой политикой Российской Федерации, направленной на дальнейшую гуманизацию уголовного законодательства в отношении несовершеннолетних, совершивших преступления, в том числе на расширение мер воспитательного воздействия, применяемых к указанной категории лиц, тем более что предусмотренные ст. 245 УК РФ преступления относятся к категориям небольшой и средней тяжести. В качестве альтернативы уголовному наказанию комитет сослался на возможность помещения несовершеннолетнего, не достигшего возраста уголовной ответственности, в специальное учебно-воспитательное учреждение закрыто-

го типа (СУВУЗТ) в соответствии со ст. 15 Федерального закона от 24 июня 1999 г. № 120-ФЗ «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних».

Однако анализ указанной нормы показывает, что на практике поместить несовершеннолетнего, жестоко обратившегося с животным, в СУВУЗТ будет затруднительно. Согласно п. 1) ч. 4 ст. 15 Федерального закона № 120-ФЗ, в такие учреждения могут быть помещены несовершеннолетние в возрасте от 11 до 18 лет, которые не подлежат уголовной ответственности в связи с недостижением возраста её наступления. Для этого необходимо решение суда, принимаемое по административному исковому заявлению, которое в соответствии со ст. 285.13 КАС РФ подаётся органом внутренних дел или прокурором. К заявлению, согласно ч. 2 ст. 285.14 КАС РФ должны прилагаться материалы прекращённого уголовного дела или об отказе в его возбуждении, а также постановление комиссии по делам несовершеннолетних и защите их прав, содержащее ходатайство о направлении несовершеннолетнего в СУВУЗТ. Таким образом, данный механизм носит сложный, многоступенчатый характер и требует активных действий со стороны нескольких государственных органов. При этом отсутствует обязанность этих органов обращаться с таким заявлением, в ст. 15 Федерального закона № 120-ФЗ слово «могут» прямо указывает на диспозитивность. Учитывая, что дела о жестоком обращении с животными, как уже было отмечено выше, отличаются высокой латентностью, а несовершеннолетние правонарушители зачастую не ставятся на профилактический учет, вероятность реального направления такого несовершеннолетнего в СУВУЗТ, представляется крайне низкой. Из этого следует, что несовершеннолетний, не достигший 16 лет и совершивший действия или бездействие, связанные с жестоким обращением с животным, предусмотренные статьей 245 УК РФ не будет привлечен к уголовной ответственности и не всегда и далеко не всегда к нему возможно применить такую меру воспитательного воздействия как направление в СУВУЗТ. Это создаст у него чувство безнаказанности, и, кроме того, может способствовать в дальнейшем переходу от жестокости к животным к насилию в отношении людей.

В связи с вышеизложенным, представляется, что позиция законодателя об отказе в снижении возраста уголовной ответственности за жестокое обращение с животными до 14 лет является недостаточно обоснованной.

Часть 2 ст. 245 УК РФ предусматривает ответственность за то же деяние при наличии квалифицирующих признаков, наиболее сложным в правоприменительной практике является толко-

вание признака «с применением садистских методов» (п. «в» ч. 2 ст. 245 УК РФ). Анализ научной литературы показывает, что садистский метод в доктрине понимается неоднозначно: одни авторы считают садистские методы оценочным понятием, схожим с особой жестокостью, т.е. связывают его конкретно с изощренными и особо мучительными способами воздействия [12, с. 179], [13, с. 20]. Другие делают акцент и настаивают на обязательном установлении получения виновным удовольствия от страданий животного [14, с. 39], [15, с. 167]. Как отмечает А.Е. Козлов, «садизм – это прежде всего мотивационное побуждение субъекта к совершению деяния», в силу чего «садизм не совсем корректно рассматривать в качестве изощренного метода жестокости» [16, с. 11]. В.С. Мирошниченко в свою очередь прямолинейно пишет о том, что «признак садистских методов субъективен и в целом бесполезен» [17, с. 121]. Таким образом, в научной литературе отмечается, что садистский метод рассматривается в двух аспектах.

На практике данный квалифицирующий признак также стал причиной коллизий, из-за того, что ни уголовный закон, ни постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации не содержат чёткого определения того, что именно следует понимать под «садистскими методами». Отсутствие легальной дефиниции ведет к тому, что суды вынуждены самостоятельно вырабатывать критерии оценки данного признака из чего следует разобщенность судебной практики и отсутствие единообразного подхода. Аналогично мнениям ученых, в одних случаях суды акцентируют внимание на субъективной стороне, а именно на том, испытывал ли виновный удовольствие от причиняемых животному страданий, в других же – на объективных характеристиках самого способа действий: его множественности, длительности, изощренности, явной избыточности для достижения цели умерщвления. Так, согласно приговору Саратовского районного суда Саратовской области от 1 декабря 2025 года П., желая избавиться от забежавшей во двор собаки, обмотал металлическую цепь вокруг её шеи и подвесил на перекладину. Собака в течение нескольких минут висела, скулила, билась в конвульсиях, испытывая мучительные страдания. Видя это, П. не прекратил действий, а взял нож и перерезал собаке горло, когда она была ещё жива. Суд квалифицировал действия П. по п. «в» ч. 2 ст. 245 УК РФ, указав, что способ умерщвления (повешение с последующим перерезанием горла) причинил животному длительные страдания и мучения, что свидетельствует о применении садистских методов [18]. В приведенном случае суд исходил из объективного характера способа действий, не говоря о необходимости «садистского» удовольствия у виновного

от собственных действий. Напротив, в Приговоре Ленинского районного суда города Иваново от 13.05.2025 г. № 1-41/2025 (оставленным без изменения Апелляционным постановлением Ивановского областного суда от 29.08.2025 г. и Кассационным постановлением Второго кассационного суда общей юрисдикции от 12.02.2026 г. № 77-373/2026) суд указал, что «законодатель под субъективной стороной садистских методов предполагает не просто жестокое обращение с животными, а цель поступков подразумевает убийство или причинение увечий животному ради удовольствия и наслаждения его страданиями» [19], [20], [21].

Такая двойственность приводит к тому, что деяние, объективно совершенное с особой жестокостью, может быть переквалифицировано судом на ч. 1 ст. 245 УК РФ только на том основании, что виновный действовал не ради садистского удовольствия. Можно сказать, что если практика пойдет исключительно по этому пути, то фактически исключается возможность квалификации по п. «в» ч. 2 ст. 245 УК РФ в случаях, когда виновный не испытывал явного садистского удовлетворения, совершая мучительное деяние.

В марте 2026 года сенатором А. Гибатдиновым был разработан законопроект, предусматривающий ужесточение ответственности за жестокое обращение с животными [22]. Среди прочего, предлагается дополнить статью новой частью, устанавливающей наказание за деяния, совершённые с «особой жестокостью», а также совершённые общеопасным способом и повторно. Представляется, что предложенная конструкция не лишена недостатков. Понятие «общеопасный способ» в контексте ст. 245 УК РФ представляется избыточным, поскольку угроза для иных животных уже учтена в действующем квалифицирующем признаке - совершение преступления в отношении нескольких животных (п. «д» ч. 2 ст. 245 УК РФ). Что касается «повторности», то в уголовном праве термин «повторно» не употребляется, а «неоднократность» связана с административной преюдицией. В данном случае более обоснованным было бы введение специального рецидива - совершение деяния лицом, имеющим непогашенную или неснятую судимость за аналогичное преступление. Предлагается дополнить ст. 245 УК РФ частью 3 следующего содержания: «Деяния, предусмотренные частями первой или второй настоящей статьи, совершённые лицом, имеющим судимость за жестокое обращение с животными, -».

Кроме того, сам факт разработки такого законопроекта косвенно подтверждает, что действующая конструкция рассмотренного выше п. «в» ч. 2 ст. 245 УК РФ не в полной мере отвечает потребностям правоприменительной практики.

Вместе с тем предлагаемое введение нового квалифицирующего признака «с особой жестокостью» без одновременного изменения существующего п. «в» ч. 2 ст. 245 УК РФ может повлечь за собой ещё большую неопределённость. Возникает закономерный вопрос: чем «особая жестокость» отличается от «садистских методов»? Такая конкуренция норм вряд ли способна обеспечить единообразие судебной практики.

Исходя из выявленных правоприменительных проблем, представляется более обоснованным иной подход, не требующий кардинального изменения структуры статьи, и позволяющий чётко разграничить два самостоятельных квалифицирующих признака. Предлагается заменить формулировку п. «в» ч. 2 ст. 245 УК РФ «с применением садистских методов» на «из садистских побуждений», а также дополнить ч. 2 ст. 245 УК РФ новым п. «е» «с особой жестокостью». Такое изменение позволит достичь следующих целей. Во-первых, признак «из садистских побуждений» будет акцентировать внимание на субъективной стороне квалифицированного состава - специальной цели виновного получить удовольствие от причиняемых животному страданий. Это будет соответствовать одному из сложившихся в правоприменительной практике толкований, но при этом найдет свое закрепление на законодательном уровне. Во-вторых, новый признак «с особой жестокостью» будет характеризовать исключительно объективную сторону деяния - способ действий, который по своему характеру (множественность, длительность, изощрённость, использование особо мучительных приёмов) причиняет животному сильные страдания, и при этом не будет связан с получением удовольствия (садизмом) от таких действий. Такое разграничение позволит судам квалифицировать по п. «е» ч. 2 ст. 245 УК РФ деяния, в которых объективная жестокость способа была очевидна, однако отсутствовал садистский мотив. Предлагаемая редакция будет органично вписываться в существующую систему квалифицирующих признаков, при этом устраняя такой главный недостаток действующей редакции, как смешение объективного и субъективного критериев в одном признаке, а также предоставляя судам чёткие и непротиворечивые основания для дифференциации уголовной ответственности.

В завершение сделаем следующие выводы:

Проведенное исследование состава жестокого обращения с животными (ст. 245 УК РФ) выявило ряд системных проблем, связанных с несовершенством законодательной конструкции и отсутствием единообразия в судебной практике;

Отсутствие легального определения «уве-

чья животного» в ст. 245 УК РФ влечет неединообразную судебную практику. Предлагается дополнить ст. 3 Федерального закона от 27.12.2018 № 498-ФЗ новым пунктом 12.1) следующего содержания: «увечье животного – причинение вреда здоровью животного, вызвавшее полную или частичную утрату функции какого-либо его органа, а также связанное с нарушением анатомической целостности животного или приведшее к существенному расстройству психики или поведения животного»;

Субъект преступления - физическое вменяемое лицо, достигшее 16 лет. В 2019 году был внесён законопроект о снижении возраста уголовной ответственности за жестокое обращение с животными до 14 лет, однако он был отклонён Государственной Думой со ссылкой на гуманизацию уголовного законодательства и возможность помещения несовершеннолетних в специальные учебно-воспитательные учреждения закрытого типа. Анализ показал, что на практике помещение в СУВУЗТ затруднительно. Предлагается вернуться к рассмотрению вопроса о снижении возраста уголовной ответственности по ст. 245 УК РФ до 14 лет.

Предлагается дополнить ст. 245 УК РФ новой частью 3 следующего содержания: «Деяния, предусмотренные частями первой или второй настоящей статьи, совершённые лицом, имеющим судимость за жестокое обращение с животными, -». Это позволит усилить ответственность для лиц, ранее судимых за аналогичные деяния.

Квалифицирующий признак «с применением садистских методов» (п. «в» ч. 2 ст. 245 УК РФ) толкуется судами двойственно: для одних достаточно изощренности, мучительности действий, другие же требуют установления цели получения удовольствия от страданий животного, т.е. садизма. Для устранения смещения объективного и субъективного критериев предлагается заменить п. «в» на «из садистских побуждений» и дополнить ч. 2 ст. 245 УК РФ новым п. «е» - «с особой жестокостью», что позволит дифференцировать ответственность и обеспечить единообразие судебной практики.

Список литературы:

[1] Отбоева Р.Р. Предупреждение жестокого обращения с животными // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2020. Т. 11. № 3 (41). С. 302-307.
[2] Статистические сведения Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации [Электронный ресурс]. URL: <https://cdep.ru/> (дата обращения: 20.05.2026).
[3] Наймушин И. В России снижается число случаев жестокого обращения с животными - МВД // <https://rapsinews.ru/> [сайт]. 2025. 27 марта.

URL: https://rapsinews.ru/incident_news/20250327/310738281.html (дата обращения: 20.05.2026).

[4] Саратов О.В. Предупреждение преступлений, связанных с жестоким обращением с животными: специальность 12.00.08 Уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право: автореф. дис. канд. юр. наук. М., 2012. 25 с.
[5] Гладких В.И., Есаян А.К. Уголовное право. Особенная часть: преступления против общественной безопасности и общественного порядка: учебник для вузов. Москва: Издательство Юрайт, 2025. 352 с.
[6] Попов И.В. Дискуссионные вопросы квалификации жестокого обращения с животными // Научный вестник Омской академии МВД России. 2026. Т. 32. №. 1 (100). С. 33-38.
[7] Шарапов Р.Д. Уголовная ответственность за жестокое обращение с животными // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2019. №. 1 (47). С. 51-61.
[8] ГОСТ Р 58436-2019 Ветеринарная экспертиза механических повреждений у непродуктивных животных: дата введения 27.06.2019 // Консультант Плюс: справочно-правовая система. Режим доступа: локальная сеть ТюмГУ (дата обращения: 02.05.2026).
[9] Роганова Д.С. Уголовно-правовая характеристика последствий при жестоком обращении с животными // Проблемы защиты прав: история и современность. 2023. С. 159-162.
[10] Свиридов Р. В. К вопросу о субъекте преступления, предусмотренного ст. 245 УК РФ // Евразийская адвокатура. 2019. №. 2 (39). С. 83-86.
[11] Мы поддерживаем снижение возраста, с которого наступает уголовная ответственность за жестокое обращение с животными — А. Клишас // <http://legislation.council.gov.ru/> [сайт]. 2019. 11 окт. URL: <http://legislation.council.gov.ru/events/news/108688/> (дата обращения: 20.05.2026).
[12] Михеева И.Е., Суспицына Т.П., Гутковский Я.А. Ответственность за жестокое обращение с животными: уголовно-правовой аспект // Вестник Университета имени ОЕ Кутафина. 2022. №. 10 (98). С. 174-182.
[13] Джук Н.А. «Садистские методы» как квалифицирующий признак жестокого обращения с животными // Вестник молодого ученого Кузбасского института. 2021. С. 18-22.
[14] Конин В.В., Корсаков К.А., Сидоренко Е.В. Некоторые вопросы методики расследования и предмета доказывания жестокого обращения с животными // Вестник Уральского юридического института МВД России. 2023. №. 2 (38). С. 37-44.
[15] Готчина Л.В., Семенова В.В. Жестокое обращение с животными с применением садистских методов // Вестник Санкт-Петербургского

университета МВД России. 2024. №. 3 (103). С. 161-169.

[16] Козлов А.Е. Садистский метод как квалифицирующий признак жестокого обращения с животными // Актуальные вопросы борьбы с преступлениями. 2020. №. 2. С. 9-12.

[17] Мирошниченко В.С. Некоторые вопросы квалификации жестокого обращения с животными (статья 245 УК РФ) // Законы России: опыт, анализ, практика. 2011. № 12. С. 120-122.

[18] Приговор Саратовского районного суда Саратовской области от 01.12.2025 № 1-173(1)/2025 // Консультант Плюс: справочно-правовая система. Режим доступа: локальная сеть ТюмГУ (дата обращения: 02.05.2026).

[19] Приговор Ленинского районного суда города Иваново от 13.05.2025 № 1-41/2025 // Консультант Плюс: справочно-правовая система. Режим доступа: локальная сеть ТюмГУ (дата обращения: 02.05.2026).

[20] Апелляционное постановление Ивановского областного суда от 29.08.2025 // Консультант Плюс: справочно-правовая система. Режим доступа: локальная сеть ТюмГУ (дата обращения: 02.05.2026).

[21] Кассационное постановление Второго кассационного суда общей юрисдикции от 12.02.2026 № 77-373/2026 // Консультант Плюс: справочно-правовая система. Режим доступа: локальная сеть ТюмГУ (дата обращения: 02.05.2026).

[22] Башлыкова Н. Не лают, не кусают: штрафы за жестокое обращение с животными хотят увеличить до 1 млн // iz.ru: [сайт]. 2026. 12 марта. URL: <https://iz.ru/2057278/natalia-bashlykova/ne-layut-ne-kusayut-shtrafy-za-zhestokoe-obrashchenie-s-zhivotnymi-hotyat-uvlichit-do-1-mln> (дата обращения: 02.05.2026).

References:

[1] Otboeva R.R. Prevention of cruelty to animals // Bulletin of the Kazan Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2020. T. 11. № 3 (41). PP. 302-307.

[2] Statistical information of the Judicial Department under the Supreme Court of the Russian Federation [Electronic resource]. URL: <https://cdep.ru/> (access date: 20.05.2026).

[3] Naymushin I. In Russia, the number of cases of cruelty to animals is decreasing - Ministry of Internal Affairs // <https://rapsinews.ru/>: [website]. 2025. March 27. URL: https://rapsinews.ru/incident_news/20250327/310738281.html (access date: 20.05.2026).

[4] O.V. Saratova. Prevention of crimes related to cruelty to animals: specialty 12.00.08 Criminal Law and Criminology; penal law: author. dis. cand. jur. sciences. M., 2012. 25 p.

[5] Gladkikh V.I., Yesayan A.K. Criminal law. Special part: crimes against public safety and public order: a textbook for universities. Moscow: Yurayt Publishing House, 2025. 352 pp.

[6] Popov I.V. Discussion issues of qualification of cruelty to animals // Scientific Bulletin of the Omsk Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2026. T. 32. №. 1 (100). S. 33-38.

[7] Sharapov R.D. Criminal liability for cruelty to animals // Legal science and law enforcement practice. 2019. №. 1 (47). S. 51-61.

[8] GOST R58436-2019 Veterinary Examination of Mechanical Injuries in Unproductive Animals: Date of Introduction 27.06.2019 // Consultant Plus: Reference and Legal System. Access mode: local network of Tyumen State University (access date: 02.05.2026).

[9] Roganova D.S. Criminal law characterization of the consequences of cruelty to animals // Problems of protection of rights: history and modernity. 2023. S. 159-162.

[10] Sviridov R.V. On the subject of a crime under Art. 245 of the Criminal Code of the Russian Federation // Eurasian Bar. 2019. №. 2 (39). S. 83-86.

[11] We support lowering the age at which criminal liability for cruelty to animals begins - A. Klishas // [http://legislation.council.gov.ru: \[site\].](http://legislation.council.gov.ru: [site].) 2019. 11 Oct URL: <http://legislation.council.gov.ru/events/news/108688/> (accessed on: 20.05.2026).

[12] Mikheeva I.E., Suspitsyna T.P., Guttakovskiy Ya.A. Responsibility for cruelty to animals: criminal legal aspect // Bulletin of OE Kutafin University. 2022. №. 10 (98). S. 174-182.

[13] Juk N.A. "Sadistic methods" as a qualifying sign of animal cruelty // Bulletin of a young scientist at the Kuzbass Institute. 2021. S. 18-22.

[14] Konin V.V., Korsakov K.A., Sidorenko E.V. Some issues of the investigation methodology and the subject of proving cruelty to animals // Bulletin of the Ural Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2023. №. 2 (38). S. 37-44.

[15] Gotchina L.V., Semenova V.V. Cruelty to animals using sadistic methods // Bulletin of the St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2024. №. 3 (103). S. 161-169.

[16] Kozlov A.E. Sadistic method as a qualifying sign of cruelty to animals // Current issues in the fight against crimes. 2020. №. 2. S. 9-12.

[17] Miroshnichenko V.S. Some issues of qualification of cruelty to animals (Article 245 of the Criminal Code of the Russian Federation) // Laws of Russia: experience, analysis, practice. 2011. № 12. S. 120-122.

[18] Verdict of the Saratov District Court of the Saratov Region dated 01.12.2025 No. 1-173(1)/2025 // Consultant Plus: reference and legal system. Access mode: local network of Tyumen State University (access date: 02.05.2026).

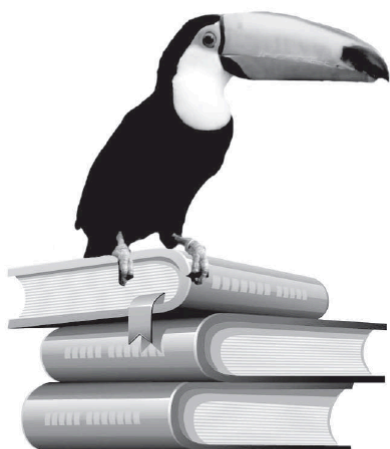
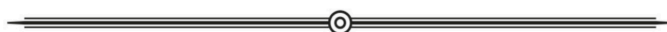
[19] Verdict of the Leninsky District Court of the city of Ivanovo dated 13.05.2025 No. 1-41/2025 // Consultant Plus: reference and legal system. Access mode: local network of Tyumen State University (access date: 02.05.2026).

[20] Appeal ruling of the Ivanovo Regional Court of 29.08.2025 // Consultant Plus: reference and legal system. Access mode: local network of Tyumen State University (access date: 02.05.2026).

[21] Cassation Decision of the Second Cassation Court of General Jurisdiction of

12.02.2026 No. 77-373/2026 // Consultant Plus: Reference and Legal System. Access mode: local network of Tyumen State University (access date: 02.05.2026).

[22] Bashlykova N. Do not bark, do not bite: they want to increase fines for cruelty to animals to 1 million // iz.ru: [site]. 2026. March 12. URL: <https://iz.ru/2057278/natalia-bashlykova/ne-layut-ne-kusayut-shtrafy-za-zhestokoe-obrashchenie-s-zhivotnymi-hotyat-uvelichit-do-1-mln> (дата обращения: 02.05.2026).

ЮРКОМПАНИ

www.law-books.ru

Юридическое издательство
«ЮРКОМПАНИ»

Издание учебников,
учебных и методических
пособий, монографий,
научных статей.

Профессионально.

В максимально
короткие сроки.

Размещаем
в РИНЦ, E-Library.

Дата поступления рукописи в редакцию: 07.08.2026 г.

DOI: 10.24412/2782-3849-2026-8-151-155

Дата принятия рукописи в печать: 28.08.2026 г.

МАРКЕЛОВА Мария Михайловна,

магистр права, юрист практики разрешения международных споров, Коллегия адвокатов «Монастырский, Зюба, Степанов и партнеры», Москва, Россия,
e-mail: markelova@mzs.ru

ПРОПОРЦИОНАЛЬНОЕ РАСКРЫТИЕ ФИНАНСИРОВАНИЯ ТРЕТЬЕЙ СТОРОНОЙ В ИНВЕСТИЦИОННОМ АРБИТРАЖЕ: ОТ МЯГКОГО ПРАВА К СМЕШАННОЙ МОДЕЛИ РЕГУЛИРОВАНИЯ

Аннотация. В статье исследуются пределы раскрытия информации о финансировании третьей стороной в международном инвестиционном арбитраже. Актуальность темы обусловлена переходом от дискуссии о допустимости такого финансирования к формированию процессуальных стандартов, обеспечивающих независимость арбитров, равенство сторон и защиту конфиденциальной коммерческой информации. Цель исследования состоит в обосновании модели пропорционального раскрытия, позволяющей разграничить минимально необходимую идентификацию фандера и исключительное раскрытие условий соглашения о финансировании. Используются формально-юридический, сравнительно-правовой методы, анализ арбитражной практики и правовое моделирование. Рассмотрены Руководящие принципы Международной ассоциации юристов 2024 г., Правила арбитража МЦУИС 2022 г., проекты Рабочей группы III ЮНСИТРАЛ, а также процессуальные распоряжения по делам *Muhammet Çap v. Turkmenistan*, *South American Silver v. Bolivia*, *Tennant Energy v. Canada*, *IC Power and Kenon v. Peru* и *RSM v. Saint Lucia*. Обосновано, что базовому раскрытию должны подлежать факт финансирования, личность и адрес фандера, а при использовании промежуточной структуры – лицо, фактически контролирующее финансирование. Доступ к договорным условиям допустим только при доказанной связи запрашиваемых сведений с конфликтом интересов, распределением расходов, обеспечением издержек или контролем над процессуальной стратегией. Предлагается трехуровневая модель disclosure, сочетающая автоматическое минимальное раскрытие, адресное раскрытие процессуально релевантных условий и исключительное раскрытие соглашения в расширенном объеме. Делается вывод о целесообразности смешанной модели регулирования, в которой мягкое право формирует стандарт, институциональные правила придают ему обязательность, а жесткое право закрепляет лишь минимальные гарантии.

Ключевые слова: финансирование третьей стороной; инвестиционный арбитраж; раскрытие информации; конфликт интересов; обеспечение расходов; конфиденциальность; мягкое право; МЦУИС; ЮНСИТРАЛ; пропорциональность.

MARKELOVA Maria Mikhailovna,

Master of Laws, lawyer, International Dispute Resolution Practice,
Monastyrsky, Zyuba, Stepanov & Partners Bar Association,
Moscow, Russia

PROPORTIONATE DISCLOSURE OF THIRD-PARTY FUNDING IN INVESTMENT ARBITRATION: FROM SOFT LAW TO A MIXED REGULATORY MODEL

Annotation. The article examines the limits of disclosure of third-party funding in international investment arbitration. The issue has become particularly relevant as the debate has shifted from the admissibility of funding to the design of procedural safeguards protecting arbitrator independence, equality of arms and confidential commercial information. The study aims to substantiate a proportionate disclosure model that distinguishes the minimum identification of a funder from exceptional disclosure of the funding agreement. The research applies doctrinal and comparative legal methods, case-law analysis and legal modelling. It considers the 2024 IBA Guidelines on Conflicts of Interest, the 2022 ICSID Arbitration Rules, the work of UNCITRAL Working Group III and procedural orders in *Muhammet Çap v. Turkmenistan*, *South American Silver v. Bolivia*, *Tennant Energy v. Canada*, *IC Power and Kenon v. Peru* and *RSM v. Saint Lucia*. The article argues that baseline disclosure should cover the existence of funding, the funder's identity and address and,

where an intermediary vehicle is used, the person effectively controlling the funding. Contractual terms should be disclosed only where the requested information has a proven connection with conflicts of interest, allocation or security for costs, or control over procedural strategy. A three-tier disclosure model is proposed: automatic minimum disclosure, targeted disclosure of procedurally relevant terms and exceptional broader disclosure of the funding agreement. The study concludes that a mixed regulatory model is preferable: soft law should formulate the standard, institutional rules should make it procedurally binding, and hard law should be confined to minimum guarantees.

Key words: third-party funding; investment arbitration; disclosure; conflicts of interest; security for costs; confidentiality; soft law; ICSID; UNCITRAL; proportionality.

Введение

Финансирование третьей стороной (далее – ФТС; third-party funding) стало устойчивым элементом инфраструктуры международного инвестиционного арбитража. Высокая стоимость разбирательств, их продолжительность и необходимость привлечения специализированных представителей и экспертов превращают доступ к капиталу в условие эффективной реализации инвестиционного требования. Одновременно фандер, не являясь стороной арбитражного соглашения, приобретает прямой экономический интерес в исходе спора и становится функционально значимым для оценки независимости арбитров, распределения расходов и добросовестности процессуального поведения [1; 2, с. 17-21].

В инвестиционном арбитраже эта двойственность выражена особенно отчетливо. Финансирование может обеспечивать доступ инвестора к правосудию, однако спор затрагивает бюджет государства и публичную легитимность механизма разрешения споров. Поэтому требование прозрачности здесь объективно выше, чем в конфиденциальном коммерческом арбитраже. Вместе с тем расширение disclosure не должно создавать презумпцию недобросовестности финансируемой стороны или превращаться в способ получения ее оценки перспектив дела, модели вознаграждения фандера и процессуальной стратегии.

В отечественной и зарубежной литературе раскрытие обычно анализируется через конфликты интересов либо обеспечение расходов. Недостаточно разработанным остается единый критерий, позволяющий определить, какие сведения должны сообщаться автоматически, какие могут быть истребованы при наличии конкретной процессуальной необходимости, а какие сохраняют конфиденциальность. Цель статьи – обосновать трехуровневую модель пропорционального раскрытия ФТС в инвестиционном арбитраже. Для этого сопоставляются мягко-правовые стандарты, институциональные правила и практика трибуналов; определяются пределы доступа к соглашению о финансировании; устанавливается связь disclosure с обеспечением расходов. Методологическую основу составляют формально-юридический и сравнительно-правовой методы,

анализ арбитражной практики и правовое моделирование.

Нормативная рамка раскрытия финансирования

Формирование режима ФТС демонстрирует характерную для международного арбитража траекторию: стандарт первоначально возникает в мягком праве, затем воспроизводится в процессуальных распоряжениях и институциональных регламентах и лишь после этого становится предметом ограниченной кодификации. Руководящие принципы Международной ассоциации юристов по конфликтам интересов 2024 г. относят к релевантным лицам субъектов, имеющих прямой экономический интерес в решении или контролирующее влияние на сторону. Общий стандарт 7(a) возлагает на сторону обязанность своевременно сообщать сведения, необходимые арбитру для проверки возможного конфликта [3]. Комментарий к пересмотренным Принципам подчеркивает, что обычный объем раскрытия ограничивается идентификацией такого лица; доступ к соглашению оправдан лишь тогда, когда после установления личности фандера необходимы дополнительные данные для оценки конкретного конфликта [4].

Правило 14 Правил арбитража МЦУИС 2022 г. закрепило уже обязательный минимальный стандарт: сторона должна раскрыть имя и адрес лица, от которого она прямо или косвенно получила финансирование, при регистрации требования либо немедленно после заключения соглашения; обязанность действует на протяжении разбирательства [5]. Трибунал вправе потребовать дополнительные сведения, однако структура правила не отождествляет уведомление о фандере с общим раскрытием договора. В рамках реформы ISDS Рабочая группа III ЮНСИТРАЛ продолжает разрабатывать проект положения 12 о ФТС, что отражает переход от фрагментарных решений к международно согласованной процедурной рамке [6]. Принципы Европейского института права 2024 г. развивают сходную логику применительно к более широкому рынку финансирования разбирательств [7].

Таким образом, складывается смешанная нормативная модель. Мягкое право определяет цели и критерии раскрытия, институциональный

регламент устанавливает момент и минимальный объем уведомления, а процессуальное усмотрение трибунала позволяет адаптировать требование к обстоятельствам дела. Ее ключевым ограничителем должен выступать принцип пропорциональности: вмешательство в конфиденциальную сферу допустимо только при наличии законной процессуальной цели, пригодности запрашиваемой информации для ее достижения и отсутствии менее обременительного средства.

Минимальный стандарт: факт финансирования и идентификация фандера

Первый уровень disclosure должен быть автоматическим и не зависеть от ходатайства другой стороны. Он включает факт наличия ФТС, полное наименование и адрес фандера, а также своевременное уведомление об изменении или прекращении финансирования. Эти данные необходимы прежде всего для conflict check: арбитр не способен раскрыть отношения с экономически заинтересованным лицом, если его участие остается неизвестным.

Практика инвестиционных трибуналов последовательно подтверждает достаточность такого исходного минимума. В деле *Muhammet Çar and Sehil v. Turkmenistan* трибунал потребовал сообщить, финансируется ли спор третьим лицом, кем именно и принял ли фандер обязательство покрыть неблагоприятное решение о расходах [8]. В *South American Silver v. Bolivia* раскрытие было ограничено личностью фандера: трибунал признал ее релевантной для проверки конфликтов, но отказался автоматически истребовать коммерческие условия соглашения [9]. Такой подход исключает подмену процессуальной прозрачности общим раскрытием финансовой модели требования.

Минимум, однако, не всегда исчерпывается формальным контрагентом. Если финансирование организовано через специальную проектную компанию, номинальную структуру или цепочку аффилированных лиц, идентификация юридического лица может не позволить провести реальную проверку конфликта. В *IC Power and Kenon v. Peru* трибунал разграничил сведения о непосредственно финансирующем субъекте и данные о лицах, стоящих за ним: расширение допустимо, когда особенности структуры создают обоснованную неопределенность относительно фактического контроля [10]. Следовательно, на первом уровне сторона должна провести разумную проверку и раскрыть лицо, которое фактически контролирует финансирование или имеет прямой экономический интерес, если без этого идентификация фандера носила бы формальный характер.

Расширенное раскрытие и защита конфиденциальности

Второй уровень охватывает отдельные условия соглашения, непосредственно связанные с разрешаемым процессуальным вопросом. Основанием выступает мотивированное ходатайство стороны или инициатива трибунала, указывающие, какие сведения необходимы и почему идентификация фандера недостаточна. К таким сведениям могут относиться обязательство покрыть неблагоприятные расходы, права на прекращение финансирования, полномочия по назначению представителей или согласованию мирового соглашения, а также положения, позволяющие оценить реальный контроль над стратегией дела.

В *Tennant Energy v. Canada* трибунал допустил раскрытие отдельных элементов финансирования, относившихся к покрытию расходов, но не признал необходимым неограниченный доступ ко всему договору [11]. Сходный функциональный подход следует из *IC Power and Kenon v. Peru*: корпоративная и договорная структура исследуется не сама по себе, а лишь в той мере, в какой она препятствует проверке конфликта или затрагивает конкретное процессуальное решение [10]. Истребование полного соглашения только потому, что оно существует, нарушало бы равенство сторон: документ обычно содержит юридическую оценку перспектив требования, бюджет, тактику, условия вознаграждения и сведения, близкие к результату работы представителей.

Пропорциональность требует использования защитных мер. Трибунал может ограничить раскрытие конкретными пунктами, разрешить редактирование коммерчески чувствительных данных, установить режим конфиденциальности, предоставить документ только составу арбитража или допустить краткое подтверждение обязательства вместо передачи договора. Выбор меры должен учитывать цель запроса, риск утечки и влияние раскрытия на привилегию и право стороны на эффективное представительство. Бремя обоснования второго уровня лежит на запрашивающей стороне; ссылка на сам факт ФТС недостаточна.

Финансирование и обеспечение расходов

Наиболее спорное практическое последствие disclosure связано с ходатайствами об обеспечении расходов (security for costs). Ошибочно выводить из участия фандера автоматическую неплатежеспособность инвестора: финансирование может использоваться платежеспособной компанией для управления риском или сохранения ликвидности. Аналогично отсутствие у фандера договорной обязанности покрыть неблагоприятные расходы не доказывает, что истец не исполнит соответствующее решение.

Решение по делу *RSM v. Saint Lucia* не формирует обратной презумпции. Обеспечение

было предоставлено в исключительной совокупности обстоятельств, включая предшествующее неисполнение истцом решений о расходах [12]. В *South American Silver v. Bolivia* трибунал, напротив, отказался считать наличие ФТС достаточным исключительным обстоятельством [9]. В доктрине обоснованно предлагается оценивать финансирование вместе с финансовым положением стороны, историей исполнения решений, поведением в процессе и реальным риском невозможности взыскания [13].

Следовательно, третий уровень – более широкое раскрытие соглашения – допустим лишь в исключительных случаях. Запрашивающая сторона должна представить конкретные данные о риске неисполнения, противоречиях в уведомлении, скрытом контроле фандера либо злоупотреблении процессом. Даже тогда сначала должны применяться менее инвазивные средства: подтверждение платежеспособности, выписка о покрытии неблагоприятных расходов, раскрытие отдельного пункта или заявление уполномоченного лица. Полный договор может быть истребован только если эти меры объективно не позволяют разрешить вопрос.

Трехуровневая модель пропорционального раскрытия

Проведенный анализ позволяет предложить следующую модель. Уровень I – автоматическое минимальное раскрытие: факт финансирования, имя (наименование) и адрес фандера, наличие посреднической структуры и, при необходимости, лицо, фактически контролирующее финансирование; уведомление подается при возбуждении дела и обновляется при изменениях. Уровень II – адресное раскрытие: отдельные положения договора или сведения о структуре предоставляются на основании мотивированного процессуального решения, если они необходимы для проверки конфликта, оценки контроля над делом, распределения расходов или обеспечения издержек. Уровень III – исключительное расширенное раскрытие: существенная часть либо полный текст соглашения доступны только при серьезных признаках скрытого конфликта, злоупотребления, недостоверного уведомления или риска неисполнения решения о расходах и при невозможности достичь цели менее обременительными средствами.

Процессуальные последствия нераскрытия также должны быть пропорциональными. Позднее уведомление может повлечь обязанность компенсировать дополнительные расходы, повторную проверку состава трибунала или неблагоприятный вывод относительно конкретного спорного факта. Однако автоматическое прекращение требования, обеспечение расходов или раскрытие всего соглашения не соответству-

ют характеру нарушения. Санкция должна быть связана с последствиями нераскрытия и учитывать, было ли оно умышленным, повлияло ли на формирование трибунала и можно ли устранить нарушение без ущерба для другой стороны.

Предлагаемая модель может быть закреплена в арбитражных регламентах как сочетание императивного Уровня I и усмотрения трибунала на Уровнях II-III. Международные мягко-правовые акты должны унифицировать критерии необходимости и защитные меры, а межгосударственная или национальная кодификация – ограничиться признанием допустимости ФТС, обязанности минимального раскрытия и полномочия трибунала истребовать дополнительные сведения. Такой дизайн сохраняет адаптивность арбитража и одновременно снижает риск различий, способных поставить под сомнение легитимность и исполнимость решения.

Заключение

Раскрытие ФТС в инвестиционном арбитраже должно оцениваться не по принципу «чем больше, тем лучше», а через функциональную связь сведений с конкретной процессуальной целью. Минимальная идентификация фандера необходима во всех случаях и уже формируется как международный стандарт. Раскрытие контролирующих лиц оправдано, когда формальная структура препятствует реальной проверке конфликта. Условия соглашения сохраняют конфиденциальность, пока не доказана их релевантность для обеспечения расходов, распределения издержек, независимости арбитров или контроля над процессом.

Научный результат исследования состоит в обосновании трехуровневой модели пропорционального disclosure. Она устраняет ложный выбор между полной конфиденциальностью и всеобъемлющей прозрачностью, распределяя объем раскрытия в зависимости от интенсивности процессуального риска. Одновременно модель исключает презумпцию неплатежеспособности, основанную лишь на факте финансирования.

Оптимальной является смешанная система регулирования: мягкое право формирует единые критерии, институциональные правила закрепляют минимальную обязанность и процедуру истребования, а жесткое право обеспечивает только базовые гарантии. В инвестиционном арбитраже такое сочетание позволяет согласовать доступ инвестора к правосудию, защиту публичного интереса государства и сохранение конфиденциальной экономической основы финансирования.

Список литературы:

- [1] Захаров А., Савельева Е. Финансирование арбитража третьими сторона-

ми // Статья участников Лаборатории по инвестиционному праву и арбитражу. М.: Центр международных и сравнительно-правовых исследований, 2025.

[2] International Council for Commercial Arbitration; Queen Mary University of London. Report of the ICCA-Queen Mary Task Force on Third-Party Funding in International Arbitration. ICCA Reports No. 4. The Hague: ICCA, 2018.

[3] IBA Guidelines on Conflicts of Interest in International Arbitration. London: International Bar Association, 2024.

[4] International Bar Association. Commentary on the Revised Text of the 2024 IBA Guidelines on Conflicts of Interest in International Arbitration. London, 2024.

[5] International Centre for Settlement of Investment Disputes. ICSID Convention, Regulations and Rules. Washington, D.C.: ICSID, 2022.

[6] UNCITRAL Working Group III. Possible Reform of Investor-State Dispute Settlement (ISDS): Draft Provisions on Procedural and Cross-Cutting Issues (Revised Text of Draft Provisions 5-8, 12, 18, 19 and 20). A/CN.9/WG.III/WP.262. New York: United Nations, 2026.

[7] European Law Institute. Principles Governing the Third Party Funding of Litigation. Vienna: ELI, 2024.

[8] Muhammet Çap and Sehil İnşaat Endüstri ve Ticaret Ltd. Şti. v. Turkmenistan, ICSID Case No. ARB/12/6, Procedural Order No. 3, 12 June 2015.

[9] South American Silver Limited v. The Plurinational State of Bolivia, PCA Case No. 2013-15, Procedural Order No. 10, 11 January 2016.

[10] IC Power Ltd and Kenon Holdings Ltd v. Republic of Peru, ICSID Case No. ARB/19/19, Procedural Order No. 2, 6 May 2020.

[11] Tennant Energy, LLC v. Government of Canada, PCA Case No. 2018-54, Procedural Order No. 4, 27 February 2020.

[12] RSM Production Corporation v. Saint Lucia, ICSID Case No. ARB/12/10, Decision on Saint Lucia's Request for Security for Costs, 13 August 2014.

[13] Shao X. Disrupt the Gambler's Nirvana: Security for Costs in Investment Arbitration Supported by Third-Party Funding // Journal of International Dispute Settlement. 2021. Vol. 12, Issue 3. P. 427-447.

References:

[1] Zakharov A., Savelyeva E. Third Party Financing of Arbitration // Article of the participants of the Laboratory on Investment Law and Arbitration. M.: Center for International and Comparative Legal Research, 2025.

[2] International Council for Commercial Arbitration; Queen Mary University of London. Report of the ICCA-Queen Mary Task Force on Third-Party Funding in International Arbitration. ICCA Reports No. 4. The Hague: ICCA, 2018.

[3] IBA Guidelines on Conflicts of Interest in International Arbitration. London: International Bar Association, 2024.

[4] International Bar Association. Commentary on the Revised Text of the 2024 IBA Guidelines on Conflicts of Interest in International Arbitration. London, 2024.

[5] International Centre for Settlement of Investment Disputes. ICSID Convention, Regulations and Rules. Washington, D.C. : ICSID, 2022.

[6] UNCITRAL Working Group III. Possible Reform of Investor-State Dispute Settlement (ISDS): Draft Provisions on Procedural and Cross-Cutting Issues (Revised Text of Draft Provisions 5-8, 12, 18, 19 and 20). A/CN.9/WG.III/WP.262. New York: United Nations, 2026.

[7] European Law Institute. Principles Governing the Third Party Funding of Litigation. Vienna: ELI, 2024.

[8] Muhammet Çap and Sehil İnşaat Endüstri ve Ticaret Ltd. Şti. v. Turkmenistan, ICSID Case No. ARB/12/6, Procedural Order No. 3, 12 June 2015.

[9] South American Silver Limited v. The Plurinational State of Bolivia, PCA Case No. 2013-15, Procedural Order No. 10, 11 January 2016.

[10] IC Power Ltd and Kenon Holdings Ltd v. Republic of Peru, ICSID Case No. ARB/19/19, Procedural Order No. 2, 6 May 2020.

[11] Tennant Energy, LLC v. Government of Canada, PCA Case No. 2018-54, Procedural Order No. 4, 27 February 2020.

[12] RSM Production Corporation v. Saint Lucia, ICSID Case No. ARB/12/10, Decision on Saint Lucia's Request for Security for Costs, 13 August 2014.

[13] Shao X. Disrupt the Gambler's Nirvana: Security for Costs in Investment Arbitration Supported by Third-Party Funding // Journal of International Dispute Settlement. 2021. Vol. 12, Issue 3. P. 427-447.

ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

Дата поступления рукописи в редакцию: 16.07.2026 г.

DOI: 10.24412/2782-3849-2026-8-156-160

Дата принятия рукописи в печать: 05.08.2026 г.

КУРОВ Альберт Иванович,

старший преподаватель кафедры физической подготовки и спорта, подполковник полиции, Краснодарский университет МВД России,
e-mail: albert.kurov.69@mail.ru

ДУДКО Алексей Сергеевич,

кандидат педагогических наук, заместитель начальника кафедры физической подготовки и спорта, полковник полиции, Краснодарский университет МВД России,
e-mail: Dudki@rambler.ru

ПИЩУЛИН Сергей Николаевич,

старший преподаватель кафедры физической подготовки и спорта, подполковник полиции, Краснодарский университет МВД России,
e-mail: pishulinsergey1972@gmail.com

ФОРМИРОВАНИЕ У СОТРУДНИКОВ ПОЛИЦИИ СПЕЦИАЛЬНЫХ НАВЫКОВ, НЕОБХОДИМЫХ ДЛЯ НЕСЕНИЯ СЛУЖБЫ В ЭКСТРЕМАЛЬНЫХ СИТУАЦИЯХ

Аннотация. Вопросы подготовки квалифицированных полицейских, способных эффективно и качественно выполнять поставленные перед государством задачи по охране общественного порядка, соответствующих требованиям рынка труда, становятся особенно важными. В этом процессе важное значение имеют современные и передовые методы обучения, всё чаще внедряемые в образовательных учреждениях силовых ведомств.

В данном исследовании подчёркивается, что внедрение ситуационных задач, которые воспроизводят реальные ситуации, в образовательный процесс является эффективным способом развития профессиональных навыков у сотрудников, впервые принятых на службу в ОВД РФ. Данный подход, основанный на практико-ориентированном обучении, помогает адаптировать теоретические знания к конкретным условиям оперативной деятельности, но и развивать у будущих сотрудников правоохранительных органов МВД РФ необходимые знания и умения, которые способствуют повышению их профессиональной готовности и эффективности выполнения служебных обязанностей.

Ключевые слова: сотрудники полиции, экстремальная ситуация, эксперимент, силовое противодействие, психофизическая подготовка.

KUROV Albert Ivanovich,

Senior Lecturer, Department of Physical Training and Sports, Police Lieutenant Colonel, Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia

DUDKO Alexey Sergeevich,

Candidate of Pedagogical Sciences, Deputy Head of the Department of Physical Training and Sports, Police Colonel, Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia

PISHCHULIN Sergey Nikolaevich,

Senior Lecturer, Department of Physical Training and Sports, Police Lieutenant Colonel, Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia

TRAINING POLICE OFFICERS IN SPECIAL SKILLS NECESSARY FOR SERVING IN EXTREME SITUATIONS

Annotation. *The issue of training qualified police officers who can effectively and efficiently carry out the tasks assigned to them by the state to maintain public order and meet the requirements of the labor market is becoming increasingly important. In this process, modern and advanced training methods are increasingly being implemented in educational institutions of law enforcement agencies.*

This study emphasizes that the implementation of situational tasks that replicate real-life situations in the educational process is an effective way to develop professional skills among employees who have been newly recruited into the Russian Interior Ministry. This approach, based on practice-oriented learning, helps to adapt theoretical knowledge to specific operational conditions and to develop the necessary knowledge and skills among future employees of the Russian Interior Ministry's law enforcement agencies, which contributes to their professional readiness and effectiveness in performing their duties.

Key words: *police officers, extreme situation, experiment, forceful resistance, psychophysical training.*

Современное общество характеризуется сложной и криминогенной обстановкой в стране, что отражается на повседневной деятельности сотрудников полиции. Сотрудники правоохранительных органов МВД РФ регулярно сталкиваются с ситуациями, в которых присутствует риск для жизни и здоровья не только сотрудников и, но и мирных граждан. В таких условиях недостаточно владеть только общими правовыми знаниями и базовыми профессиональными умениями. От сотрудников полиции требуется наличие устойчивых специальных умений и навыков, в условиях быстро меняющейся ситуации, когда требуется быстро реагировать, сотрудники правоохранительных органов сталкиваются с разнообразными вызовами, которые могут включать стихийные бедствия, террористические акты, массовые беспорядки и другие нестандартные ситуации.

Экстремальные ситуации во время службы могут проявляться по-разному: это и участие в задержании опасных и особо опасных правонарушителей, и выполнение служебных задач при массовых нарушениях общественного порядка, а также реагирование на чрезвычайные происшествия. Главное, что объединяет экстремальные ситуации является высокая степень неопределённости, когда привычные алгоритмы выполнения поставленных задач, оказываются недостаточными. Именно в эти моменты проявляется степень сформированности у сотрудника полиции специфических профессиональных качеств, таких как способность к быстрому оцениванию обстановки, умение принимать взвешенные решения под давлением, соблюдения техники безопасности, а также умение взаимодействовать с гражданами и коллегами в острых конфликтах. При отсутствии таких умений повышается вероятность ошибок, способных привести к тяжёлым последствиям как для самих сотрудников, так и для окружающих.

Подготовка к действиям в экстремальных условиях не сводится только к физической тренировке или отработке отдельных приёмов, а включает в себя развитие психической устойчи-

вости, умения контролировать своё состояние, поддерживать работоспособность при усталости и эмоциональном напряжении, а также учитываются правовые и нравственные нормы. Для этого требуется комплексный подход, объединяющий теоретические знания, практические умения и различные методы тренировки, приближённые к реальным служебным ситуациям. Существенное значение имеет и организация обучения: система подготовки должна быть последовательной, систематической и направленной на постепенное наращивание сложности упражнений, что позволяет сотрудникам полиции адаптироваться к возможным трудностям и выработать уверенность в своих действиях.

Формирование специальных навыков неразрывно связано с реальными условиями профессиональной деятельности. Разные виды служебных задач требуют от сотрудника полиции различных сочетаний физических, интеллектуальных и эмоционально-волевых качеств. Так, при силовом противодействии с правонарушителем на первый план выходят умения быстро оценить степень угрозы, выбрать безопасную дистанцию, использовать наиболее эффективные защитные и атакующие действия без излишнего риска. В ситуациях массового скопления людей (митинги, демонстрации протеста) важное значение имеет способность организации взаимопомощи при силовом задержании наиболее активных правонарушителей, чёткое информирование граждан, профилактика паники и конфликтов. В обоих случаях ключевым остаётся умение действовать чётко и последовательно, не поддаваясь панике влиянию страха, гнева или усталости. Поэтому психофизическая подготовка должна учитывать не только технические аспекты действий, но и формирование внутренней устойчивости и ответственности [1].

Цель — экспериментально подтвердить, что развитие двигательного образа в процессе отработки и совершенствования боевых приёмов борьбы существенно улучшит общую, специаль-

ную и психофизическую подготовку. [4]. Для этого будут использованы моделирующие ситуации силового столкновения с правонарушителем. [4].

На заседании кафедры физической подготовки и спорта Краснодарского университета МВД России было принято решение для подготовки более квалифицированных кадров, поступающих на первоначальное обучение по специальности РМНС, СНС (юр.), СНС (не юр.), провести исследование, связанное с внедрением моделирования ситуационных задач в образовательный процесс факультета профессиональной подготовки. Это решение было принято с учётом успешного опыта использования различных инновационных технологий в образовании.

Физическая подготовка сотрудников полиции должна быть систематической и комплексной. Она должна включать в себя развитие силы, быстроты, выносливости, ловкости. Эти качества необходимы для успешного выполнения разнообразных задач. Следует подчеркнуть, что физическая подготовка не может рассматриваться отдельно от других аспектов служебной деятельности и гармонично сочетаться с психологической тактической и правовой подготовкой.

Формирование и развитие у слушателей практических умений и психофизических качеств, необходимых для выполнения служебных задач в условиях повышенного риска.

Материалы и методы исследования. Исследование проводилось с февраля 2025 года по июль 2025 года и включало несколько этапов. Первый этап охватывал период с февраля по май 2025 года. Второй этап проходил с мая 2025 года по июль 2025 года.

В проводимом педагогическом эксперименте приняло участие 60 слушателей ФПП (факультета первоначальной подготовки):

контрольная группа 30 сотрудников;

экспериментальная группа 30 сотрудников, в возрасте от 19 до 42 лет.

Одним из основных предметов является физическая подготовка.

Слушатели ФПП должны за период обучения улучшить свою физическую подготовленность и в совершенстве освоить боевые приёмы борьбы, которые позволяют им эффективно и качественно противостоять правонарушителям в сложных и экстремальных условиях. Важно, чтобы они научились контролировать своё психофизическое состояние, которое по замыслу повысит стрессоустойчивость сотрудников и даст преимущество в ситуациях силового противодействия с правонарушителями. [4].

Преподаватели кафедры физической подготовки и спорта провели эксперимент. Где проверили, насколько эффективен метод, при решении ситуационных задач, основанные на формирова-

ние двигательного образа. Данный метод, который использоваться нами для обучения защитных и атакующих действий против правонарушителя (ассистента). Рассматриваются различные ситуации, как с применением оружия, так и без него. Основное внимание уделяется использованию холодного (нож) и огнестрельного (пистолет) оружия.

Результаты проведенного педагогического эксперимента дают основание, что применение метода визуализации двигательного образа положительно влияют на усвоении учебного материала по дисциплине «Физическая подготовка». Вследствие полученных данных слушатели экспериментальной группы продемонстрировали существенный прогресс не только в освоении раздела «Боевые приемы борьбы», но и достигли значительного роста общего уровня физической подготовленности, а также повысили степень устойчивости к психоэмоциональным нагрузкам. [4].

Полученные данные объективно фиксировались в специальных тетрадках, журналах: фото-видео фиксация, хронометраж, минуты, секунды, количество раз, выполнения боевых приемов борьбы. Данные исследования проводить в моделированных условиях (полигон [4]. преодоление препятствий в закрытом помещении, с последующим выполнением защитных действий против вооруженного холодным оружием ассистента, упражнение «квадрат».

Результаты исследования и их обсуждение. Порядок проведения работы заключался в следующем педагогическом эксперименте, в котором приняли участие 60 слушателей. В начале обучения слушатели условно были разделены на две группы: контрольная (30 слушателей один взвод) и экспериментальная (30 слушателей, один взвод), в возрасте от 19 до 42 лет. В контрольных группах процесс обучения был традиционный, а в экспериментальной группе процесс дополнялся методом формирования двигательного образа при обучении и совершенствовании боевых приемов, направленный на развитие психофизической устойчивости и эффективностью выполнения атакующих и защитных действий в различных условиях [2.,3].

Анализировались результаты выполнения нормативов по общей физической подготовке (в начале и в конце обучения), выполнение боевых приемов борьбы, по преодолению различных ситуационных задач в специально оборудованном помещении, после выполнения 4 боевых приемов. Преодоление препятствий в закрытых помещениях - это упрощенный доступный вариант преодоления препятствий на местности, оборудованный различными спортивными снарядами и инженерными сооружениями. Препятствия могут быть как переносными, так и постоянными (капитальными),

что более предпочтительно, поскольку повышает безопасность при их преодолении [3].

Результаты исследования доказали, что до эксперимента, поступающие на обучение слушатели показали примерно одинаковый низкий уровень физической подготовленности по общей физической подготовке таблица № 1:

- контрольная группа: средний бал (ср.) – 2,9%;
- экспериментальная группа: ср. – 2,8%.

Таблица № 1.

После проведения итогового экзамена результаты общей физической подготовленности слушателей за время обучения значительно изменились в лучшую сторону: контрольная группа: средний бал (ср.) – 3,6%; экспериментальная группа: ср. – 3,7%;

Результаты эксперимента выполнения боевых приемов борьбы на итоговом экзамене по предмету физическая подготовка приведены в таблице № 2:

Таблица № 2.

Итоговый экзамен по предмету «Физическая подготовка» состоит из двух основных частей: первая часть – преодоления препятствий в закрытом помещении (длинный кувырок, залезание по канату на высоту 5 метров, прохождение рукохода 8 метров, спуск по канату, преодоление барьеров, выполнение упражнение «бурпи» 10 раз, длинный кувырок, боевая стойка, удары по лапам (двойка), длинный кувырок, наклоны вперед из положения лежа на спине, руки за головой 10 раз, проползание под низкими барьерами три шт., прыжки через три высоких барьера, длинный кувырок в центр ковра и выполнение четырех боевых приема «Квадрат», где из центра ковра сдающий выполняет длинный кувырок к первому ассистенту (приемы задержания), затем ко второму (освобождение от захватов и обхватов), длинный кувырок к третьему ассистенту, (защитные действия от ассистента вооруженного холодным оружием (муляж-нож)), длинный кувырок к четвертому ассистенту (пресечение действий с огнестрельным оружием (муляж-пистолет, автомат, ружье), (приемы выполняются в боевом темпе), пятый вопрос наружный досмотр, сковывание наручниками, связывание брючным ремнем. Вторая часть – сдачи итогового экзамена состоит из трех нормативов по общей физической подготовке: на силу (отжимание, подтягивание, жим, толчок гири 24 кг.), на быстроту и ловкость (челночный бег 10х10, 4х20 метров), на выносливость, бег (кросс) на 1 км. [3]. Общая оценка по результатам экзамена: экспериментальная группа: отл. – 30%, хор – 50%, уд. – 20%. контрольная группа: отл. – 15%, хор. – 35%, уд. – 50%.

Выводы.

Результаты педагогического эксперимента показали эффективность метода по формированию у слушателей специальных умений и навыков необходимых для выполнения оперативно-служебных задач в экстремальных условиях.

Для дальнейшего совершенствования полученных данных сотрудникам полиции необходимо систематический подход к тренировочному процессу, который включает регулярный анализ при комбинировании, и решении ситуационных задач, что позволяет выявлять и корректировать ошибки, а также фиксировать положительные результаты.

Внедрение ведения дневника для документирования собственных положительных и отрицательных результатов, способствует пониманию собственного уровня специальной и общей физической подготовленности, и выявлению пробелов, требующих дополнительного совершенствования.

Формирование двигательного образа через осознанную работу над собой представляет собой ключевой этап в совершенствовании атакующих и защитных действий. Этот процесс не только способствует повышению эффективности выполнения боевых приемов при силовом противодействии с правонарушителем, но и играет важную роль в преодолении страха и формировании уверенности в собственных силах при выполнении оперативно-служебных задач.

Список литературы:

- [1] Боженова Н.А. Использование метода визуализации // Боженова Н.А., Джумагалиева А.А., Заикина О.А. Международный студенческий вестник, - № 5/ 2018. С-181.
- [2] Курашвили В.А. Метод визуализации в спорте // Вестник спортивных инноваций, выпуск, - № 25 (25)/2011. С-13.
- [3] Куров А.И. Формирование двигательного образа в процессе обучения боевым приемам борьбы курсантов и слушателей вузов МВД России / А.И. Куров, А.А. Клименко, А.А. Лунин, Ю.П. Никитин // Физическая культура, спорт – наука и практика. – 2022. – № 1. С-89-95.
- [4] Куров А.И. Алгоритм построения программы формирования двигательного образа при отработке боевых приемов борьбы в различных ситуациях // Куров А.И., Тумасян Л.Л., Хованский С.А., Лунин А.А., Новиков А.Н. Физическая культура, спорт – наука и практика. – 2024. – № 2. С. 60-65.

References:

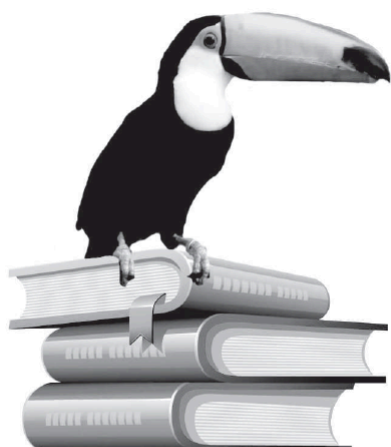
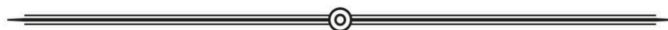
- [1] Bozhenova N.A. Use of the visualization method // Bozhenova N.A., Dzhumagalieva A.A., Zaikina O.A. International Student Bulletin, - No. 5/2018. S-181.

[2] Kurashvili V.A. Method of Visualization in Sports // Bulletin of Sports Innovations, issue, - No. 25 (25)/2011. S-13.

[3] Kurov A.I. Formation of motor image in the process of training in combat techniques of struggle of cadets and students of universities of the Ministry of Internal Affairs of Russia/A.I. Kurov, A.A. Klimenko, A.A. Lunin, Yu.P. Nikitin // Physical culture, sports -

science and practice. – 2022. – № 1. S-89-95.

[4] Kurov A.I. Algorithm for constructing a program for forming a motor image when practicing combat techniques of struggle in various situations // Kurov A.I., Tumasyan L.L., Khovansky S.A., Lunin A.A., Novikov A.N. Physical culture, sports - science and practice. – 2024. – № 2. S. 60-65.

ЮРКОМПАНИ

www.law-books.ru

Юридическое издательство
«ЮРКОМПАНИ»

Издание учебников,
учебных и методических
пособий, монографий,
научных статей.

Профессионально.

В максимально
короткие сроки.

Размещаем
в РИНЦ, Е-Library.

Дата поступления рукописи в редакцию: 10.07.2026 г.

DOI: 10.24412/2782-3849-2026-8-161-164

Дата принятия рукописи в печать: 30.07.2026 г.

МИСРОКОВ Тенгиз Замирович,

кандидат юридических наук, старший преподаватель
кафедры ГиГПД Северо-Кавказского института повышения
квалификации (филиал) Краснодарского университета
МВД России,
e-mail: mail@law-books.ru

**К ВОПРОСУ О СОВЕРШЕНСТВОВАНИИ РЕЧЕВЫХ НАВЫКОВ СОТРУДНИКОВ
ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ В ПРОЦЕССЕ
ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ ИХ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ПОДГОТОВКИ**

Аннотация. В статье рассматриваются возможности реализации потенциала учебных занятий для развития речевых навыков сотрудников органов внутренних дел Российской Федерации в период прохождения ими профессионального обучения в образовательных организациях системы МВД России. Определяются основные аспекты развития речевых навыков, на которые следует обращать внимание в процессе обучения сотрудников, впервые принятых на службу в органы внутренних дел Российской Федерации. Автор анализирует основные методы и подходы, направленные на совершенствование речевых навыков сотрудников, которые могут использоваться преподавателями, осуществляющими профессиональную подготовку личного состава органов внутренних дел.

Ключевые слова: речевые навыки сотрудников, коммуникативная компетентность, навыки служебного общения, профессиональная подготовка сотрудников полиции, служебное взаимодействие с населением.

MISROKOV Tengiz Zamirovich,

candidate of law sciences Senior lecturer of the state, civil and law
disciplines chair of the North-Caucasian Advanced Training Institute
(branch) of the Krasnodar University of the Ministry of Internal
Affairs of Russia

**TO THE QUESTION OF IMPROVING SPEECH SKILLS OF EMPLOYEES OF THE MINISTRY
OF INTERNAL AFFAIRS OF THE RUSSIAN FEDERATION DURING THEIR PROFESSIONAL
TRAINING**

Annotation. The article discusses the possibilities of realizing the potential of training sessions for the development of speech skills of employees of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation during their professional training in educational organizations of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation. The main aspects of the development of speech skills that should be taken into account in the process of training employees who have been first recruited to the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation are identified. The author analyzes the main methods and approaches aimed at improving the speech skills of employees, which can be used by teachers who provide professional training for personnel in internal affairs bodies.

Key words: speech skills of employees, communicative competence, skills of official communication, professional training, professional training of police officers, official interaction with the population.

Осуществление эффективной коммуникации с населением является одним из важнейших показателей профессиональной подготовленности сотрудников органов внутренних дел Российской Федерации и залогом успешного выполнения ими возлагаемых на них служебных задач. Абсолютное большинство сотрудников органов внутренних дел в той или иной степени вовлечено, пусть и не всегда на постоянной основе во взаимодействие с гражданами нашей страны, а

в некоторых случаях с иностранными гражданами и лицами без гражданства. Большую часть служебных ситуаций, в которых может оказаться сотрудник органов внутренних дел, в том числе конфликтных ситуаций, он должен быть способен разрешить посредством применения мер убеждения и путём быстрого установления устойчивой и эффективной коммуникации с различными категориями лиц.

Наряду с классической работой над изу-

чением норм русского делового языка и культуры речи, осуществляемой в рамках занятий по соответствующей учебной дисциплине, для совершенствования речевых навыков сотрудников органов внутренних дел можно использовать следующие методы и подходы:

Проведение деловых игр с распределением ролей, в ходе которых моделируются различные служебные ситуации, развиваются навыки ведения профессионального диалога, отстаивания собственной позиции, доказывания, убеждения и воздействия на поведение собеседника.

Стимулирование служебных дискуссий по проблемным вопросам изучаемых тем, где сотрудникам необходимо аргументировать обосновывать свои позиции, анализировать различные спорные ситуации.

Решение творческих заданий, подготовка докладов, участие в конкурсах способствуют совершенствованию навыков грамотного изложения мыслей, активизации познавательной деятельности и пополнению лексикона.

Развитие невербальных средств коммуникации, при котором сотрудники учатся распознавать и применять жесты, мимику и другие невербальные средства, способствующие получению и передачи дополнительной информации в процессе служебного общения.

Вышеуказанные решения можно внедрять в учебный процесс в рамках большинства учебных дисциплин, а не только тех, где непосредственно изучаются навыки служебной коммуникации.

Существует множество способов осуществления текущего и промежуточного контроля знаний обучаемых сотрудников органов внутренних дел. В условиях постоянного сокращения учебных часов, отводимых на освоение предусмотренных программой дисциплин, может складываться тенденция постепенного перехода к приоритетному использованию письменных и тестовых форм проверки знаний обучаемых, поскольку устные опросы, беседы, дискуссии и обсуждения требуют значительного времени и не всегда позволяют охватить всех обучаемых слушателей учебных групп, особенно, когда такие группы многочисленны. Преподаватель вынужден искать баланс между необходимостью найти быстрый способ оценки знаний каждого из слушателей и стремлением развить их речевые навыки посредством устного общения в ходе занятий. Время занятий сильно ограничено, а на каждую тему отводится сравнительно мало часов. Кроме того, в ряде случаев представляется, что такие формы контроля знаний как, например, тестирование являются более объективными и непредвзятыми, поскольку практически исключают человеческий фактор при объективности оценки

знаний слушателей. Такой подход, безусловно, обладает своими преимуществами и снижает саму влияния человеческого фактора при оценке знаний обучаемых в отдельных случаях.

Вместе с тем, повсеместное использование таких форм контроля, не включающих устное взаимодействие слушателя и преподавателя, представляется не всегда целесообразным. Именно в процессе профессиональной подготовки молодой неопытный сотрудник получает уникальную возможность развить и усовершенствовать навыки речевого общения. В рамках занятий, посвященных самым различным дисциплинам, он может ввести в свой речевой арсенал множество специальных понятий и терминов, необходимых ему в дальнейшей профессиональной деятельности, грамотное использование которых станет одним из маркеров его профессионализма.

Под руководством опытного преподавателя сотрудник органов внутренних дел может тренировать свои коммуникативные навыки, оттачивая с каждым новым занятием различные приемы речевого общения и получая необходимые наставления и корректировки со стороны обучающего его педагога. На какие аспекты развития речевых навыков следует обращать внимание в процессе профессиональной подготовки?

В-первую очередь, правильность речи, то есть её соответствие языковым нормам русского языка. Важно отрабатывать произношение часто используемых в профессиональной коммуникации слов (например, «протоколы», «рапорты», «обеспечение») и соблюдать орфографические и пунктуационные нормы при составлении служебной документации.

Во-вторых, это соблюдение техники речи, то есть того комплекса навыков, который включает постановку голоса, расширение его диапазона, укрепление силы и выносливости, обогащение интонации, улучшение дикции и отработку правильного темпа речи. Для этого используются двигательные, голосовые и артикуляционные упражнения.

В-третьих, особого внимания заслуживает следование сотрудников речевому этикету, под которым следует подразумевать соблюдение тех социально установленных правил поведения, которые реализуются в системе устойчивых формул и выражений, применяемых в ситуациях установления, поддержания или прекращения контакта с собеседником. Указанные правила поведения и культуры служебного общения имеют нормативное закрепление в законодательстве, поэтому любое отклонение от их требований может повлечь за собой юридическую ответственность сотрудника, не говоря уже о общественном осуждении. Сотрудники ОВД должны знать, как обращаться к собеседнику в различных ситуациях,

привлекать внимание, представляться, излагать требования, делать замечания, призывать к подчинению законным требованиям и осуществлять иное воздействие на поведение окружающих их лиц, которое обеспечит выполнение возложенных на сотрудника служебных задач.

В-четвертых, когда мы говорим о развитии речевых навыков сотрудников органов внутренних дел, мы должны учитывать не только устную коммуникацию, но письменную речь. Она включает в себя способность сотрудника адекватно отражать факты, обстоятельства и произошедшие события в служебных документах (рапортах, протоколах, объяснениях и др.), соблюдать языковые и стилистические нормы письменной деловой речи, следовать правилам делопроизводства. Корректно составленный служебный документ является наглядным подтверждением профессионального уровня каждого сотрудника, отражением его квалификации в глазах контролирующих должностных лиц и надзорных органов.

Одним из значимых показателей уровня готовности сотрудника к успешному выполнению служебных задач является уровень его коммуникативной культуры, включающей в себя умение грамотно говорить, внимательно слушать (рефлексивное и нерефлексивное), контролировать течение беседы, применять приёмы внушения и убеждения, аргументировать свою позицию, находить способы противодействия собеседникам, ведущим себя некорректно или вызывающе.

Какое положительное значение для успешности деятельности сотрудников органов внутренних дел имеет развитие речевых навыков? Наиболее очевидным представляется общее повышение качества профессионального общения и эффективности решения оперативно-служебных задач. Чем большим арсеналом речевых приёмов владеет сотрудник, тем легче для него выстраивать коммуникацию с другими людьми и добиваться в процессе служебного общения необходимого результата. Следует согласиться с позицией Геляховой Л.А. и Гуковой Н.А., согласно которой: «Культура устной речи, включая интонацию, выбор доводов и структурирование выступлений, имеет огромное значение при взаимодействии с обществом, проведении допросов, а также при выступлениях на совещаниях или перед публикой. Интонация способна изменить смысл и эмоциональную окраску высказывания, может подчеркнуть важность информации или выразить уверенность в своих словах» [1].

Отдельный интерес для изучения представляет гипотеза о взаимосвязи между речевой культурой и формированием профессиональной идентичности сотрудников органов внутренних дел. Так, исследующая этот вопрос Приходько О.В. приходит к выводу о том, что «речевая куль-

тура выступает внутренним маркером профессиональной идентичности и фактором формирования позитивного имиджа сотрудника МВД» [2].

И, наконец, отдельным положительным аспектом развития речевых навыков сотрудников органов внутренних дел Российской Федерации следует указать формирование положительного образа сотрудника в глазах людей [3], с которыми он будет контактировать как в процессе служебной деятельности, так и во внеслужебное время. Грамотная, поставленная речь, правильное использование различных речевых приёмов, способность в нужный момент подобрать правильные слова – это те признаки в поведении сотрудника, которые выдают в нём профессионала своего дела, человека, способного в любой ситуации найти правильный подход к каждому с кем данный сотрудник вступает во взаимодействие.

Подводя итог, следует отметить, что условием успешного развития и дальнейшего совершенствования речевых навыков сотрудников органов внутренних дел в процессе их профессиональной подготовки является постоянное комбинирование различных форм коммуникации преподавателя и обучаемых им сотрудников на занятиях, сбалансированное использование различных форм контроля знаний, обязательно включающих в себя устные формы общения с последовательным повышением готовности сотрудника к публичным выступлениям, которые будут в той или иной степени неотъемлемой частью его служебной деятельности, внедрение в учебный процесс различных форм коммуникативного взаимодействия между обучаемыми сотрудниками и преподавателями, стимулирование сотрудников к постоянному совершенствованию устного общения друг с другом, моделирование различных наиболее вероятных ситуаций служебного общения в ходе практических занятий по каждой учебной дисциплине.

Список литературы:

- [1] Геляхова Л.А., Гукова Н.А. Коммуникативная компетентность сотрудника органов внутренних дел: понятие, сущность, содержание // Право и управление. 2024. № 12. С. 416-420.
- [2] Приходько О.В. Лингвокультурные основания речевой культуры сотрудников МВД Российской Федерации: от профессиональной речи к профессиональной идентичности // Современное педагогическое образование. 2025. № 10. С. 291-296.
- [3] Машекуашева М.Х. Современное образование и новые технологии. Право и управление. 2024. № 10. С. 74-76.

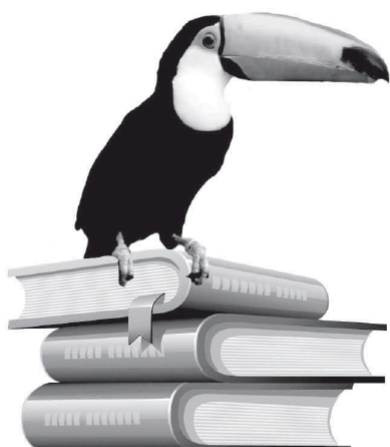
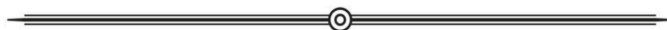
References:

[1] Gelyakhova L.A., Gukova N.A. Communicative competence of an employee of internal affairs bodies: concept, essence, content // Law and management. 2024. № 12. S. 416-420.

[2] Prikhodko O.V. Linguistic and cultural

foundations of the speech culture of employees of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation: from professional speech to professional identity // Modern pedagogical education. 2025. № 10. PP. 291-296.

[3] Mashekuasheva M.Kh. Modern education and new technologies. Law and governance. 2024. № 10. S. 74-76.

ЮРКОМПАНИ*www.law-books.ru***Юридическое издательство****«ЮРКОМПАНИ»**

Издание учебников,
учебных и методических
пособий, монографий,
научных статей.

Профессионально.

В максимально
короткие сроки.

Размещаем
в РИНЦ, Е-Library.

Дата поступления рукописи в редакцию: 10.07.2026 г.

DOI: 10.24412/2782-3849-2026-8-165-170

Дата принятия рукописи в печать: 01.08.2026 г.

БОРИСОВА Мария Игоревна,*преподаватель кафедры тактико-специальной подготовки
Волгоградской академии МВД России,
e-mail: mail@law-books.ru***КЛИМЕНТЬЕВ Иван Олегович,***преподаватель кафедры тактико-специальной подготовки
Барнаульского юридического института МВД России,
e-mail: mail@law-books.ru*

**ПРОБЛЕМЫ ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ РЕАБИЛИТАЦИИ СОТРУДНИКОВ ОРГАНОВ
ВНУТРЕННИХ ДЕЛ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ, УЧАСТВОВАВШИХ В ВЫПОЛНЕНИИ
ЗАДАЧ В ОСОБЫХ УСЛОВИЯХ**

Аннотация. В статье рассматриваются особенности психологической реабилитации сотрудников органов внутренних дел, участвовавших в выполнении задач в особых условиях, которые подверглись различным посттравматическим стрессовым расстройствам в результате воздействия профессиональных, социальных и организационных стрессоров. Анализируются организации, оказывающие такую помощь сотрудникам с учетом стадийности ее оказания в острой фазе, на этапе стабилизации и в целях долгосрочной реабилитации. Авторами выдвигаются обоснованные предложения по повышению эффективности прохождения психологической реабилитации.

Ключевые слова: психология, психологическая реабилитация, особые условия, посттравматические стрессовые расстройства, помощь сотрудникам полиции.

BORISOVA Maria Igorevna,*Instructor, Department of Tactical and Special Training Volgograd
Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia***KLIMENTYEV Ivan Olegovich,***Lecturer, Department of Tactical and Special Training Barnaul Law
Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia*

**PROBLEMS OF PSYCHOLOGICAL REHABILITATION OF EMPLOYEES OF THE INTERNAL
AFFAIRS BODIES OF THE RUSSIAN FEDERATION WHO PARTICIPATED IN PERFORMING
TASKS IN SPECIAL CONDITIONS**

Annotation. This article examines the psychological rehabilitation of law enforcement officers who performed tasks under special conditions and suffered from various post-traumatic stress disorders as a result of exposure to professional, social, and organizational stressors. Organizations providing such assistance to officers are analyzed, taking into account the stages of its delivery: the acute phase, the stabilization phase, and long-term rehabilitation. The authors offer substantiated proposals for improving the effectiveness of psychological rehabilitation.

Key words: psychology, psychological rehabilitation, special conditions, post-traumatic stress disorders, assistance to police officers.

В последние годы в Российской Федерации внимание уделяется вопросам психологической устойчивости и реабилитации сотрудников органов внутренних дел (далее - ОВД), находившихся в условиях повышенной опасности и риска для жизни и здоровья. Служба в ОВД предполагает регулярное соприкосновение с опасностью, высокой ответственностью, необходимостью быстрых решений в экстремальных ситуациях, а также регулярным контактом с лицом,

находящимся в нестабильном состоянии. Все это ведет к психологическим перегрузкам, которые вызывают профессиональное и эмоциональное выгорание, посттравматические стрессовые расстройства (далее - ПТСР) и другое.

Психологическая реабилитация сотрудников ОВД, участвовавших в выполнении задач в особых условиях - это системная деятельность, направленная на восстановление психического и эмоционального состояния, адаптацию к нор-

мальной служебной и социальной деятельности сотрудника. Особые условия включают в себя участие период действия военного и чрезвычайного положения, проведение контртеррористических операций, задержание вооруженных преступников, несение службы в районах вооруженных конфликтов.

Актуальность статьи обусловливается необходимостью дальнейшего совершенствования системы психологической поддержки и реабилитации сотрудников ОВД, так и существующие формы и программы не всегда обеспечивают продолжительную эффективность и совокупность подходов. На практике часто наблюдается бездушный формализм к восстановительным мероприятиям, недостаточная персонализация программ, нехватка квалифицированных специалистов и ресурсов.

Длительная служба в системе МВД Российской Федерации часто приводит к изменению эмоционально-ценностного мировосприятия сотрудника: равнодушие, повышенная подозрительность, отсутствие сопереживания, сострадания, склонность к авторитарности. Эти изменения снижают не только профессиональную деятельность, но и вызывают дополнительные трудности в социальной адаптации.

Психологические последствия участия в особых условиях проявляются в виде тревоги, напряженности, стресса, нарушении сна, нарушения внимания, а также симптомов ПТСР. По данным исследований среди сотрудников ОВД, участвовавших в контртеррористических операциях до 60% испытывают признаки профессионального выгорания, 20-25% симптомы ПТСР различной степени выраженности [1, с.5] (к симптомам ПТСР можно отнести: повторяющееся переживания травмирующего события, повышенное возбуждение, активность, выраженное снижение интереса к занятиям, ранее вызывающим интерес, притупление эмоций, раздражительность и вспышки гнева).

Отмечается, что большинство сотрудников полиции сталкивается с «аккумулированными стрессами» - последствиями многократных незначительных, но регулярных аффективных перегрузок.

Выделяются три группы стресс-факторов:

Профессиональные стрессоры - постоянный риск, физическая опасность, ответственность за жизнь и безопасность граждан, информационные перегрузки.

Социальные стрессоры - общественное недоверие, враждебное поведение граждан, осуждение со стороны средств массовой информации.

Организационные стрессоры - дефицит времени, бюрократическое давление, неопреде-

ленная структура обязанностей, недостаток признания.

Суммарное воздействие этих факторов формирует хроническое состояние напряжения, которое проявляется снижением концентрации, раздражительностью, нарушением сна и склонностью к конфликтам.

Психологическая помощь в подобных проявлениях направлена на восстановление личностного равновесия, повышения уровня саморефлексии, восстановлении способности к эмоциональной эмпатии и формировании позитивных установок на дальнейшее профессиональное развитие.

Целью психологической помощи является восстановление оптимального уровня деятельности психики, возвращение сотрудника к полноценной профессиональной деятельности и предупреждение формирования дефективных стрессовых состояний.

Психологическая реабилитация сотрудников ОВД представляет собой комплекс мер психологической и медико-психологической помощи, направленный на восстановление ментального здоровья, стабилизацию эмоционального фона, повышение адаптационных возможностей и профессиональной работоспособности, предупреждения неблагоприятных последствий профессиональной деятельности сотрудников, которые подверглись воздействию экстремальной ситуации при выполнении служебных задач.

Важное значение имеет стадийность психологической реабилитации, которая включает в себя:

острую фазу – момент, когда сразу после чрезвычайного происшествия оказывается кризисная психологическая помощь;

этап стабилизации, ориентированный на восстановление психологического состояния и нормализацию повседневной деятельности;

долгосрочную реабилитацию, обеспечивающую профилактику повторных травмирующих реакций и поддержку профессиональной устойчивости.

Эффективность реабилитации во многом зависит от своевременности оказания помощи, успешности налаживания контакта между сотрудником и специалистом, а также непрерывности отслеживания психологического состояния сотрудника медицинскими и психологическими службами. Важную роль в последнем из названных условий эффективности реабилитации играют ведомственные психологические службы, специалисты которых занимаются проведением различных психодиагностических и психотерапевтических мероприятий. В последние годы активно обсуждается вопрос внедрения в эту деятельность таких современных методов, как

арт-терапия, позволяющая через создание произведения искусства расслабиться, приобрести душевное равновесие, переписать травматический опыт и найти новые пути проживания сложной ситуации, и методы когнитивно-поведенческого подхода, обеспечивающие возможность сотруднику отслеживать и контролировать свои деструктивные мысли, заменять их на позитивные утверждения, анализировать информацию, адекватно реагируя на происходящие события.

Эффективность психологической реабилитации обусловлена соблюдением принципов системности, комплексности, индивидуализации и конфиденциальности.

Принцип системности предполагает общность диагностической, коррекционной и профилактической работы, а также взаимодействие психологов, медицинских работников, командиров и социальных служб.

Комплексность означает использование различных подходов, от медицинских и психотерапевтических до педагогических и управленческих.

Индивидуализация обеспечивает учет субъективных особенностей, характера травматического опыта, стажа службы и семейной ситуации сотрудника.

Конфиденциальность обеспечивает доверие к специалисту и защищает личные данные сотрудника, что способствует снижению психологических барьеров при обращении за помощью.

Организация психологической реабилитации в МВД Российской Федерации строится по ведомственному принципу. Основными структурными элементами выступают:

Ведомственные психологические службы, действующие в каждом территориальном органе.

Центры медико-психологической реабилитации МВД Российской Федерации, подведомственные главному центру медицинского обеспечения МВД Российской Федерации.

Санаторно-курортные учреждения МВД Российской Федерации, в которых осуществляется физическое и ментальное восстановление.

Психологическая помощь предоставляется по трем уровням:

Краткосрочную помощь сразу же после критического события, может проводиться в подразделении (работа с кризисными состояниями, дебрифинг, психодиагностика)

Среднесрочную поддержку (в течение 1-3 месяцев) включающую индивидуальную и групповую работу (комплексное восстановление, психотерапия, релаксационные процедуры и включение элементов ментальной гигиены в служебную подготовку).

Долгосрочную профилактику повторных стрессовых состояний через регулярные тренин-

ги, курсы повышения квалификации.

Научные исследования [2, с.87-93; 3, с.87-93; 4, с.41-48] подтверждают, что комплексная реабилитация, объединяющая психологическую, медицинскую и социальную помощь, значительно повышает устойчивость сотрудников к профессиональному перенапряжению и снижает риск психического и физического истощения.

Существуют некоторые концепции, выделяемые отечественными и зарубежными психологами, объясняющие механизмы реабилитации после психотравмирующих воздействий:

Психоаналитический подход (Фрейд, Юнг) рассматривает травму как результат внутреннего конфликта и подавленных эмоций. Реабилитация направлена на осознание и переработку этих эмоций.

Когнитивно-поведенческая теория (Лазарус, Бек) объясняет постстрессовые реакции как следствие искаженных когнитивных установок. Основная цель-изменить отношение человека к событию, переосмыслить опыт.

Гуманистическая модель (Роджерс, Маслоу) подчеркивает роль саморазвития и поддержки личности, создание настроения принятия и доверия.

Системный подход применяется в современной служебной психологии, рассматривает личность сотрудника как часть социальной и организованной системы, в которой воздействие среды может усиливать или снижать тревожные реакции.

Современная практика ОВД сочетает элементы всех этих подходов, применяя их в зависимости от характера травмы, личности сотрудника и цели реабилитации.

Следует отметить, что эффективность психологической реабилитации зависит не только от профессионализма специалистов, но и от отношения руководителей подразделений к вопросам психологического состояния личного состава [5, с.102-108]. От отношения руководителя подразделения к проблемам психологического здоровья подчиненных зависит эффективность всей системы. Командир, понимающий значимость ментального восстановления, создает атмосферу доверия, стимулирует участие сотрудников в реабилитационных мероприятиях и поддерживает их открытость к взаимодействию с психологом.

Ведомственные психологи выступают ключевыми фигурами в проведении диагностики нервных состояний, профилактических бесед, организации различных тренингов и координации дальнейшего лечения. Помимо оказания психологической помощи в их обязанности также входит разработка профилактических программ, направленных на формирование стрессоустойчивости и повышение адаптационного ресурса со-

трудников.

Несмотря на имеющуюся обширную научную базу, в практике реализации указанных программ психологической реабилитации сотрудников МВД России существуют отдельные проблемы и противоречия: разработаны стандарты и методические рекомендации, однако их внедрение часто носит формальный характер; с одной стороны, декларируется принцип индивидуализации, а с другой – значительная часть программ является типовыми и не учитывают личностные особенности сотрудников.

Также остается недостаточно исследованным вопрос оценки эффективности реабилитационных программ. Отсутствие единых критериев делает затруднительным отслеживание состояния сотрудников и анализ долгосрочных результатов.

Одним из наиболее острых вопросов остается обеспеченность психологическими работниками подразделениями в территориальных органах. По данным ГЦМО МВД, в среднем на одного штатного психолога приходится от 400 до 800 сотрудников, что делает невозможным индивидуально сопровождать каждого нуждающегося. В небольших территориальных органах часто отсутствует даже ставки психологов, и их функции выполняют кадры или инспекторы по воспитательной работе. К тому же не все специалисты имеют знания в области клинической психологии и психотерапии. Многие ограничиваются консультативной деятельностью, не владея методами глубокой коррекционной работы.

В последние годы МВД осуществляет меры по устранению этих проблем, например, повышение квалификации: открываются факультеты психологии в ведомственных вузах, проводятся семинары и курсы по тематике «Психологическая помощь в экстремальных условиях». Однако пока этого недостаточно для правильного и должного оказания помощи сотрудникам.

Каждое из этих направлений требует комплексных управленческих решений и долгосрочного планирования. Для обеспечения устойчивости результатов необходимо создание системы, которая была бы не только реактивной, но и превентивной, ориентированной на предупреждение профессиональных деструкций.

Предлагается:

Разработать единый федеральный стандарт психологической реабилитации сотрудников ОВД, содержащий: универсальные требования к программам; последовательность этапов реабилитации; обязательные методы диагностики; критерии направления на реабилитацию; правила работы с особыми категориями (участники контртеррористических операций, чрезвычайных ситуаций, боевых действий).

Прописать обязательность прохождения реабилитации не реже одного раза в 2 года для всех сотрудников подразделений повышенного риска.

Утвердить порядок межведомственного взаимодействия МВД Российской Федерации, Минздрава Российской Федерации, МЧС Российской Федерации и Минобороны Российской Федерации в части обмена данными, проведения медико-психологических экспертиз и реабилитации сотрудников, участвовавших в боевых операциях.

Разработать регламент анонимной психодиагностики – это существенно повысит доверие сотрудников к психологической службе, снижая страх «последствий».

Создать нормативы нагрузки на психологов. Не более 150-200 сотрудников на одного специалиста.

Также должно осуществляться развитие инфраструктуры материально-технического обеспечения.

Система пунктов медико-психологической реабилитации должна быть модернизирована путем создание специализированных реабилитационных кампусов нового типа, включающих отделение диагностики; кабинеты индивидуальной и групповой терапии; залы ЛФК; VR-комплексы; комнаты сенсорной релаксации; медико-диагностические кабинеты; гостиничный корпус для проживания сотрудников. Это создаст условия для полноценного восстановления, приближенного к стационарным.

Ключевой проблемой являются кадровый дефицит, поэтому совершенствование должно включать введение единой системы подготовки и аттестации психологов МВД Российской Федерации, предполагается: ежегодная обязательная аттестация, повышение квалификации не реже одного раза в 2 года, обучение современным методам (когнитивно-поведенческая терапия, EMDR, когнитивная реструктуризация, кризисное консультирование).

Введение системы супервизий, позволяют снизить эмоциональное выгорание психологов, сократить риск профессиональных ошибок, повысить качество работы.

Часть проблем позволяет снять подготовка специалистов по узким направлениям. В каждом региональном центре должны быть закреплены психологи по специальностям: работа с последствиями боевых действий; кризисная психотерапия; семейное консультирование; работа с агрессией; профилактика суицидального поведения.

Совершенствование системы психологического сопровождения командировок в особые условия. Предлагаются создать целостную модель сопровождения, включающую:

Предкомандировочный этап: расширенная психодиагностика; стресс-тренинги; обучение методам саморегуляции; подготовка командиров к поддержке подчиненных.

Этап пребывания в особых условиях: дистанционные консультации психолога; регулярный мониторинг эмоционального состояния; работа мобильных групп психологов.

Послекомандировочный этап: обязательный дебрифинг; курс реабилитаций 14-30 дней; совместная работа с врачами; при необходимости - направление на специализированное лечение.

Психологическая реабилитация сотрудников ОВД, участвующих в особых условиях, представляет собой сложный и многоуровневый процесс, требующий согласованности организационных, медицинских и психолого-педагогических мероприятий. Проведенный анализ показал, что специфика экстремальной служебной деятельности, постоянная угроза жизни, высокий уровень ответственности, дефицит кадров и негативные социальные факторы создают условия, при которых вероятность развития острых стрессовых реакций, профессионального выгорания и посттравматических нарушений существенно возрастает.

Изучение существующих программ реабилитации показало, что в системе МВД России уже реализован значительный комплекс мер: функционируют медико-психологические центры, службы кризисной помощи, используется психодиагностика, отдельные элементы когнитивно-поведенческого подхода, методы релаксации и медикаментозная поддержка. Вместе с тем выявлены и существенные недостатки: фрагментарность программ, недостаточная структурированность маршрутов помощи, слабая научно-методическая база, разный уровень подготовки специалистов, недостаточный постреабилитационный мониторинг.

Реализация предложенной модели позволит повысить устойчивость сотрудников к стрессовым нагрузкам, снизить риски развития профессиональных дезадаптаций, улучшить психологический климат в подразделениях и повысить эффективность служебной деятельности. В конечном счете это укрепит кадровый потенциал органов внутренних дел и обеспечит более высокий уровень безопасности граждан и государства.

Список литературы:

[1] МВД России. Отчет о деятельности психологической службы МВД РФ за 2024 год. – М., 2025. – 72с.

[2] Жовнерчук Е.В. Психологическая помощь сотрудникам ОВД, участвующим в служебной деятельности в экстремальных условиях //

Вестник СПбУ МВД России. 2021. № 4. С. 87-93.

[3] Човдыров Г.С. Психологическая помощь сотрудникам ОВД, участвующим в служебной деятельности в экстремальных условиях // Психология и право. 2020. Т. 10. № 3. С. 87-93.

[4] Глухов А.С. Особенности постстрессовой адаптации сотрудников органов внутренних дел // Психодиагностика в правоохранительных органах. 2022. № 2. С. 41-48.

[5] Семенова Л.Г. Организационно-психологические аспекты профилактики профессионального выгорания сотрудников ОВД // Управленческое консультирование. 2023. № 2. С. 102-108.

[6] О мерах по организации медико-психологической реабилитации сотрудников органов внутренних дел Российской Федерации: приказ МВД России от 10 января 2012 г. № 5. // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

[7] О медико-психологической реабилитации сотрудников органов внутренних дел Российской Федерации: приказ МВД России от 23 июля 2024 г. № 429 // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

[8] Концепция развития психологической службы МВД России до 2030 года. – М.: МВД РФ 2023.- 45 с.

[9] Об утверждении Положения о порядке организации морально-психологического обеспечения деятельности органов внутренних дел Российской Федерации: приказ МВД России от 27.08.2024 № 500 (ред. от 20.10.2025) // Доступ из СПС «Гарант».

[10] Морозова Н.В. Система психологической поддержки сотрудников правоохранительных органов: проблемы и перспективы // Вестник Санкт-петербургского университета МВД России. 2022. № 3. С. 59-67.

References:

[1] Ministry of Internal Affairs of Russia. Report on the activities of the psychological service of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation for 2024. - M., 2025. - 72s.

[2] Zhovnerchuk E.V. Psychological assistance to police officers involved in official activities in extreme conditions // Bulletin of the SPBU of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2021. № 4. S. 87-93.

[3] Chovdyrov G.S. Psychological assistance to police officers involved in official activities in extreme conditions // Psychology and law. 2020. T. 10. № 3. S. 87-93.

[4] Glukhov A.S. Features of post-stress adaptation of employees of internal affairs bodies // Psychodiagnostics in law enforcement agencies. 2022. № 2. S. 41-48.

[5] Semenova L.G. Organizational and

psychological aspects of prevention of professional burnout of ATS employees // Management consulting. 2023. № 2. S. 102-108.

[6] On measures to organize medical and psychological rehabilitation of employees of the internal affairs bodies of the Russian Federation: order of the Ministry of Internal Affairs of Russia of January 10, 2012 No. 5 . // Access from SPS "ConsultantPlus".

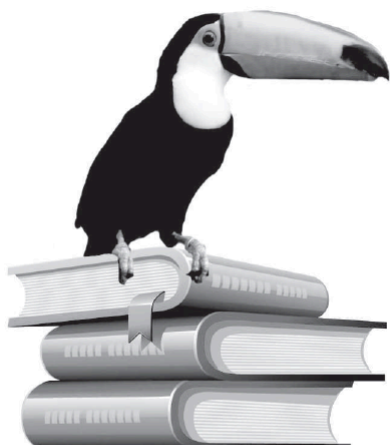
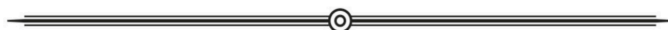
[7] On medical and psychological rehabilitation of employees of the internal affairs bodies of the Russian Federation: order of the Ministry of Internal Affairs of Russia dated July 23, 2024 No. 429 // Access from SPS "ConsultantPlus".

[8] The concept of the development of the

psychological service of the Ministry of Internal Affairs of Russia until 2030. - М.: Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation 2023.- 45 p.

[9] On approval of the Regulation on the Procedure for Organizing Moral and Psychological Support of the Activities of the Internal Affairs Bodies of the Russian Federation: Order of the Ministry of Internal Affairs of Russia of 27.08.2024 No. 500 (as amended on 20.10.2025) // Access from SPS "Garant".

[10] N.V. Morozova. System of psychological support for law enforcement officers: problems and prospects // Bulletin of the St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2022. № 3. S. 59-67.

ЮРКОМПАНИ

www.law-books.ru

Юридическое издательство
«ЮРКОМПАНИ»

Издание учебников,
учебных и методических
пособий, монографий,
научных статей.

Профессионально.

В максимально
короткие сроки.

Размещаем
в РИНЦ, Е-Library.

ПРАВА ЧЕЛОВЕКА В МИРЕ

Дата поступления рукописи в редакцию: 13.08.2026 г.

DOI: 10.24412/2782-3849-2026-8-171-175

Дата принятия рукописи в печать: 31.08.2026 г.

ТАРАНЕНКО Александра Константиновна,
аспирант юридического факультета ФГБОУ ВО РГПУ
им. А. И. Герцена,
e-mail: tak2001@yandex.ru

**«ТВАРЬ ЛИ Я ДРОЖАЩАЯ ИЛИ ПРАВО ИМЕЮ...»: К ВОПРОСУ ОБ ИСТОРИИ
СТАНОВЛЕНИЯ МЕЖДУНАРОДНОЙ СИСТЕМЫ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА**

Аннотация. В статье раскрывается сущность международной системы прав человека как самостоятельного правового явления, обосновывается необходимость ее разграничения со смежными категориями, в частности с международной системой защиты прав человека. В работе анализируются основные предпосылки возникновения международной системы прав человека и ее институциональное оформление после Второй мировой войны. В заключении освещаются современные вызовы, стоящие перед системой, и возможные сценарии ее дальнейшего развития.

Ключевые слова: права человека, история прав человека, система прав человека, международная система прав человека, международная система защиты прав человека.

TARANENKO Alexandra Konstantinovna,
PhD student of Herzen University

**“WHETHER I AM A TREMBLING CREATURE OR WHETHER I HAVE THE RIGHT...”:
ON THE HISTORY OF THE FORMATION OF THE INTERNATIONAL HUMAN RIGHTS SYSTEM**

Annotation. The article reveals the essence of the international human rights system as an independent legal phenomenon, justifies the need to distinguish it from related categories, in particular with the international system of human rights protection. The paper analyzes the main prerequisites for the emergence of the international human rights system and its institutional design after the Second World War. In conclusion, the current challenges facing the system and possible scenarios for its further development are highlighted.

Key words: history of human rights, human rights system, international human rights system, international human rights protection system.

Права человека – это сложная правовая конструкция, об истории возникновения и становления которой в науке спорят до сих пор.

Сегодня права человека можно условно представить в виде отдельных и взаимосвязанных систем: международной, региональной, национальной и др.

Однако данные системы не получили широкого распространения как понятия в юридической доктрине. Вместо них в науке активно разрабатывались и продолжают разрабатываться такие категории, как «права человека», «система прав человека», «система защиты прав человека» и «международная система защиты прав человека».

Вместе с тем, отдельного исследования заслуживает и международная система прав человека в силу особенностей ее структуры и не меньших дискуссий относительно истории ее становления и развития.

Определенную ясность в отношении

структуры рассматриваемой системы вносит речь министра иностранных дел СССР Э. А. Шеварднадзе, произнесенная в 1989 году на Парижском совещании. В ней министр указал на несовершенный вид международной системы прав человека. Им было отмечено, что «надежность международной системы прав человека не может не страдать от пустот, зияющих в самом ее фундаменте. Их оставили страны, не взявшие на себя обязательств по международным пактам» [3]. И, несмотря на то, что в самой речи не обозначены все структурные элементы системы, из нее следует составной элемент ее фундамента: обязательства, взятые на себя государствами-участниками международных пактов 1966 года.

Также примечательно, что среди российских и зарубежных исследований распространено смешение понятий «международная система прав человека» и «международная система защиты прав человека».

Так, в силу непопулярности разработки

международной системы прав человека как самостоятельного явления в юридической доктрине часто встречаются научные работы, в заглавии которых обозначена международная система прав человека, в то время как далее по тексту речь идет уже о международной системе защиты прав человека [2, 17, 18].

Как верно подметили И. А. Яковенко и С. З. Бессариади, для юридической доктрины характерно отсутствие четкого определения объекта правозащитной деятельности. Объект либо расширен, либо, напротив, сужен и включает иногда различные компоненты [16, с. 395]. Иными словами, зачастую исследователи оставляют без внимания непосредственный объект защиты (систему прав человека). Фактически в качестве предмета избирается некое общее представление о системе, контур и содержание которой, очевидно, размыты и неоднозначны. На наш взгляд, эти два понятия все же следует разграничивать.

Для того, чтобы дать определение международной системы прав человека вначале необходимо понимать, что в доктрине принято понимать под системой прав человека.

Есть несколько подходов: одни авторы определяют права человека как систему, упорядоченную своим структурным строением, первичными элементами которой являются отдельные права [1, с. 146], другие – отграничивают понятие «система прав человека» от понятия «права человека». Так, по мнению Ю. В. Суходольской, «система прав человека – это целостная, взаимосвязанная, структурно упорядоченная совокупность прав и свобод человека и гражданина, характеризующаяся дифференциацией прав на классы, виды, группы по определенным содержательным признакам» [13, с. 32]. Третьи авторы используют более широкое по содержанию понятие: «система прав и свобод человека и гражданина». И. Б. У. Салохиддинов и Н. А. Даньшина определяют ее как систему, включающую гражданские, политические, социальные, экономические и культурные права и свободы человека и гражданина [11, с. 18].

Итак, «система прав человека», как правило, характеризуется через совокупность прав и не содержит каких-либо разграничений по уровню действия.

Между тем считаем, что следует выделять и другие элементы, без которых ни одна из систем прав человека не будет полноценно функционировать. В частности, такими элементами являются: принципы и нормы, закрепляющие совокупность прав и свобод человека; юридические гарантии реализации; механизмы правовой защиты.

Таким образом, международная система прав человека – это внутренне упорядоченная

совокупность универсальных прав и свобод, принадлежащих человеку от рождения, признанных в принципах и нормах международного права и обеспечиваемых через систему договорных обязательств, добровольно принимаемых государствами-участниками.

Полнота и надежность данной системы напрямую зависит от широты круга государств, связанных такими обязательствами, и дополняются юридическими гарантиями реализации и механизмами правовой защиты.

Далее рассмотрим историю становления международной системы прав человека.

Предпосылки возникновения международной системы прав человека

Вопрос о предпосылках возникновения международной системы прав человека остается дискуссионным в современной науке. Он тесно переплетается с дискуссией о генезисе прав человека как идеи и института. Единая общепризнанная периодизация развития прав человека сегодня отсутствует, что обусловлено как сложностью самого явления, так и различиями в методологических подходах исследователей. Вместе с тем, большинство авторов единодушны во мнении, что зарождение идеи прав человека имело место еще в Древнем мире, а формирование учения о правах человека – в Новое время.

Одну из развернутых периодизаций предлагает Глухарева Л. И., выделяющая четыре этапа становления прав человека. Первый этап охватывает зарождение идеи в Древнем мире и формирование учения о правах человека, начиная с Нового времени. Второй этап связан с позитивным закреплением прав человека как системного образования в период со второй половины XVIII века. Третий этап охватывает социализацию прав человека в период с начала XX века. И четвертый этап – интернационализация прав – охватывает период с конца XIX века и середины XX столетия. При этом автор видит две формы проявления интернационализации прав человека: во-первых, заимствования и активный обмен опытом между государствами; во-вторых, интенсификация международного сотрудничества в этой сфере [4, с. 58-59].

На протяжении большей части своей истории права человека оставались сугубо внутригосударственным феноменом. Как констатирует С. Мойн, «на протяжении многих лет сторонники гражданских свобод в основном всматривались внутрь собственных стран, не занимаясь страданиями внешнего мира. По этой причине они не стали инициаторами создания международных прав человека – ни как идеи, ни как движения» [9, с. 033]. Вместе с тем, встречается и другая точка зрения, согласно которой возможным исключением, заложившим основу международного пра-

ва прав человека, был институт ответственности государств за вред, причиненный иностранцам [10, с. 19].

Таким образом, предпосылки возникновения международной системы прав человека в большей степени коренятся не в планомерной эволюции гуманистических идей и мирного межгосударственного взаимодействия, а в качественной встряске международного сообщества, вызванной глобальными вызовами и угрозами. История международной системы прав человека непосредственно связана с международным правом прав человека, а потому имеет такую же смешанную природу: она стала результатом смешения идей прав человека, проникших из сферы внутригосударственного права, и межгосударственного взаимодействия [6, с. 31].

Переход от внутригосударственного к международному измерению был обусловлен прежде всего внешними катализаторами (технологические изменения в том числе в военной сфере, природные катастрофы), которые продемонстрировали беспомощность разобщенного мира перед лицом общих угроз. История показывает, что лучшим клеем для объединения государств выступает борьба со «злом»: ранее этим злом было еретичество, затем – локальные войны и эпидемии, а позднее – масштабные нарушения прав человека, сопровождающие все возрастающие по уровню жестокости и территориальному охвату.

В этом контексте можно выделить две формы межгосударственного взаимодействия: позитивное (например, обмен законодательным и культурным опытом, заключение договоров о сотрудничестве в сфере торговли, религии, брачно-семейных отношений) и негативное (войны, колонизация). Именно сочетание этих форм и осознание участниками международных отношений, что отдельные правительства не способны в одиночку гарантировать соблюдение прав человека [12, с. 149], стали той основой, на которой впоследствии была построена современная международная система прав человека.

Становление международной системы прав человека после Второй мировой войны: институциональное оформление

Как показывает исторический опыт, почти каждый прорыв в развитии прав человека следовал за революциями, массовыми протестами, мировыми войнами и жесткими противостояниями невооруженного характера [5, с. 46]. Так, масштабные ужасы Первой и Второй мировой войны продемонстрировали небывалый ранее уровень цинизма и жестокости, на который способен человек. Эти события подвели человечество к важной критической точке, в которой стало очевидно, что без создания международной системы прав

человека и механизмов ее защиты нельзя будет достичь всеобщего мира и прогресса. Первым документом, в котором нашло отражение данное убеждение, стал Устав ООН, подписанный 26 июня 1945 года в Сан-Франциско на заключительном заседании Конференции Объединенных Наций по созданию Международной Организации. Так первым обещанием народов Объединенных Наций было «вновь утвердить веру в основные права человека, в достоинство и ценность человеческой личности, в равноправие мужчин и женщин и в равенство прав больших и малых наций» [14]. Данное обещание считалось необходимым условием, при соблюдении которого станет возможным достижение других целей организации: устойчивый мир и успех в развитии ее членов [15].

В качестве первого шага в данном направлении государства-участники должны были разработать международные документы или акты и решения ООН, которые бы содержали указания на конкретные права и свободы человека. Эти документы также должны были рекомендовать возможные законодательные, административные и иные меры, которые необходимо предпринять государствам в целях практического признания и осуществления всех этих прав и свобод [8, с. 26].

Путь к так называемой «Великой хартии» [7], Международному биллю о правах человека, был крайне тернист: по каждому вопросу члены Комиссии по правам человека проводили тщательные обсуждения, часто доходившие до дискуссий [8, с. 41], обусловленные культурными и правовыми особенностями представляемого государства-участника или же политическими интересами. Однако в конце концов данные разногласия не помешали создать универсальный перечень прав и свобод, служащий «общим демократическим стандартом» для всех государств-участников [12, с. 151].

Международная система прав человека в современном мире: вызовы и перспективы

С самых ранних вех развития человечество стремилось к установлению ясности и поиску истины в вопросах устройства мироздания и законов своего существования. В свою очередь, испытания климатического, социального, политического, экономического характера способствовали формированию золотого стандарта человеческой жизнедеятельности. Послевоенная международная система прав человека стала, возможно, самым масштабным воплощением этого стремления.

Однако мир не стоит на месте: меняется жизненный уклад, усложняется социальное взаимодействие. На этом фоне неизбежно меняются и ценностные ориентиры как на национальном, так и на международном уровне. Международная система прав человека не ограничена структур-

ными элементами, уже проявленными в правовом поле; она включает в себя также потенциальные элементы. Среди таких элементов также могут быть временные права и корреспондирующие им обязанности, которые в будущем могут перейти в постоянные. Система прав человека находится в постоянном движении, проходя испытания на прочность и изменяясь в том или ином аспекте. Сейчас она находится в переходном состоянии, результатом которого может стать усиление и доработка ее структурных элементов, сохранение прежнего порядка либо утрата ее правового, политического и социального значения. При последних двух исходах возникнет необходимость в создании нового идейного института, который, подобно правам человека, будет призван отвечать современным потребностям мира.

В то же время мир не может развиваться, не имея цели, в основу которой закладывается некая идея блага, будь то всеобщего или правящих элит. Подобно религии, эта идея обретает своих сторонников, противников и равнодушных. Неизбежно участие и лжесторонников, воспринимающих новые идеи исключительно как текущие тенденции, удобные в использовании для достижения серых целей (напрямую не противоречащих, но и не согласующихся с общепринятыми правовыми стандартами) и фактически не разделяющих провозглашаемые (декларируемые) ценности. Иной порядок в международном правовом порядке пока маловероятен, хотя и не исключен.

Придем ли мы к ироничному «Права человека умерли», подобно тому, как Ницше провозгласил смерть Бога? Некоторые авторы скептически относятся к идее прав человека, не говоря уже о международной системе прав человека. Однако ими не предлагаются и альтернативы, способствующие сдерживанию межгосударственных и межнациональных разногласий и предотвращению вооруженных конфликтов. А пока мы продолжаем бродить в поисках нового видения, способного «преодолеть близорукость и ограниченность привычных взглядов» [3], международная система прав человека фактически остается тем инструментом, который, при всех своих недостатках, продолжает выполнять функцию универсального регулятора отношений между человеком, обществом и государством в глобальном масштабе.

Список литературы:

[1] Афанасьева С.А. Политические права и свободы в системе основных прав и свобод человека и гражданина // Права человека в международном и национальном праве : сборник научных статей, посвященный 10-летию кафедры Международного права и прав человека Юридического института МГПУ. – М. : Права человека, 2015.

– С. 146-152.

[2] Бурьянов С.А. О необходимости развития международной системы прав человека в глобализирующемся мире: от уважения, соблюдения и защиты к реализации // Верховенство права: человек в государстве : Сборник научных статей, докладов Всероссийской научно-практической конференции с международным участием, Ижевск, 24 октября 2019 года. – Ижевск: Ижевский институт (филиал) ФГБОУ ВО «Всероссийский государственный университет юстиции (РПА Минюста России)», 2019. – С. 96-100.

[3] Выступление Э.А. Шеварднадзе на парижском совещании // Известия, – 1989. – № 152 (22690). – 1 июня. – С. 11.

[4] Глухарева Л.И. Права человека в системе теории права и государства: общетеоретические, философско-правовые и методологические проблемы : дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.01. – М., 2004. – 417 с.

[5] Дорская А.А., Дорский А.Ю. Кризисы в правовой сфере и развитие прав человека: проблема соотношения // Образование и право. – 2025. – № 11. – С. 45-50.

[6] Ковалев А.А. Международная защита прав человека: учебное пособие. – М.: Статут, 2013 – URL: https://www.consultant.ru/edu/student/download_books/book/kovalev_aa_mezhdunarodnaja_zashhita_prav_cheloveka/ (дата обращения: 03.06.2026).

[7] Международный билль о правах человека // Официальный сайт ООН. – URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/hr_bill.shtml (дата обращения: 15.06.2026).

[8] Мовчан А.П. Права человека и международные отношения. – М.: Наука, 1982. 145 с.

[9] Мойн С. Человечество до появления прав человека // Неприкосновенный запас. – 2023. – № 3. – С. 003-038. – URL: <https://eivis.ru/browse/doc/87405207> (дата обращения: 15.06.2026).

[10] Нурумов Д.И. Становление и развитие международной системы защиты прав человека : дисс. ... канд. юрид. наук : 12.00.10. – Алматы, 2000. – 193 с.

[11] Салохиддинов И.Б.У., Даньшина Н.А. Зарождение системы прав и свобод человека и гражданина // Актуальные проблемы науки и практики. – 2023. – № 4(33). – С. 15-18.

[12] Стремоухов А.В. Генезис прав человека в международном праве // Царскосельские чтения. – 2017. – С. 148-152.

[13] Суходольская Ю.В. Осуществление защиты прав и свобод граждан : учебное пособие. – М. : КноРус, 2023. – 172 с. – ISBN 978-5-406-10422-4. – URL: <https://book.ru/book/947354> (дата обращения: 09.07.2026).

[14] Устав Организации Объединенных

Наций. – URL: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102010084&rdk=&intelsearch=>. (дата обращения: 09.07.2026).

[15] Церемония открытия 34-й сессии Совета по правам человека в Женеве. – URL: <https://www.ohchr.org/ru/statements/2017/02/opening-ceremony-34th-session-human-rights-council-geneva?sub-site=HRC> (дата обращения: 10.07.2026).

[16] Яковенко И.А., Бессариади С.З. Понятие и сущность механизма защиты прав и свобод человека и гражданина // *Аграрное и земельное право*. – 2025. – № 2. – С. 394-398.

[17] Kleinlein T. The State of the International Human Rights System—Normativity and Compliance: Introduction // *Journal of Human Rights Practice*. – 2022. – DOI: 10.1093/JHUMAN/HUAC014.

[18] Tellez Patarroyo I. The International Human Rights System and the Subject of Lawfare // *Revista De La Facultad De Jurisprudencia RFJ*. – 2018. – DOI: 10.26807/RFJ.V014.106.

References:

[1] Afanasyeva S.A. Political rights and freedoms in the system of fundamental rights and freedoms of man and citizen // *Human rights in international and national law: a collection of scientific articles dedicated to the 10th anniversary of the Department of International Law and Human Rights of the Moscow State Pedagogical University*. – M.: Human Rights, 2015. – S. 146-152.

[2] Buryanov S.A. On the need to develop the international system of human rights in a globalizing world: from respect, observance and protection to implementation // *Rule of law: a person in the state: Collection of scientific articles, reports of the All-Russian Scientific and Practical Conference with international participation, Izhevsk, October 24, 2019*. – Izhevsk: Izhevsk Institute (branch) of the All-Russian State University of Justice (RPA of the Ministry of Justice of Russia), 2019. – S. 96-100.

[3] Speech by E.A. Shevardandze at the Paris meeting // *Izvestia*, – 1989. – No. 152 (22690). – June 1. – S. 11.

[4] Glukhareva L.I. Human rights in the system of theory of law and state: general theoretical, philosophical, legal and methodological problems: dis.... Dr. Jurid. Sciences: 12.00.01. – M., 2004. – 417 p.

[5] Dorskaya A.A., Dorsky A.Yu. Crises in the legal sphere and the development of human rights: the problem of correlation // *Education and law*. – 2025. – № 11. – S. 45-50.

[6] A.A. Kovalev. International protection

of human rights: a textbook. – M.: Статут, 2013 – URL: https://www.consultant.ru/edu/student/download_books/book/kovalev_aa_mezhdunarodnaja_zashhita_prav_cheloveka/ (дата обращения: 03.06.2026).

[7] International Bill of Human Rights // UN Official Website. – URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/hr_bill.shtml (accessed on: 15.06.2026).

[8] Movchan A.P. Human rights and international relations. – M.: Science, 1982. 145 s.

[9] Moin S. Humanity before the advent of human rights // *Untouchable reserve*. – 2023. – No. 3. – S. 003-038. – URL: <https://eivis.ru/browse/doc/87405207> (accessed on: 15.06.2026).

[10] Nurumov D.I. Formation and development of the international system of human rights protection: diss.... cand. jurid. Sciences: 12.00.10. – Almaty, 2000. – 193 p.

[11] Salokhiddinov I.B.U., Danshina N.A. The origin of the system of human and civil rights and freedoms // *Actual problems of science and practice*. – 2023. – № 4(33). – S. 15-18.

[12] Stremoukhov A.V. Genesis of human rights in international law // *Tsarskoye Selo Readings*. – 2017. – S. 148-152.

[13] Sukhodolskaya Yu.V. Implementation of the protection of the rights and freedoms of citizens: a textbook. – M.: KnoRus, 2023. – 172 p. – ISBN 978-5-406-10422-4. – URL: <https://book.ru/book/947354> (accessed on: 09.07.2026).

[14] Charter of the United Nations. – URL: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102010084&rdk=&intelsearch=>. (accessed on: 09.07.2026).

[15] Opening ceremony of the 34th session of the Human Rights Council in Geneva. – URL: <https://www.ohchr.org/ru/statements/2017/02/opening-ceremony-34th-session-human-rights-council-geneva?sub-site=HRC> (дата обращения: 10.07.2026).

[16] Yakovenko I.A., Bessariadi S.Z. The concept and essence of the mechanism for protecting human and civil rights and freedoms // *Agrarian and land law*. – 2025. – No. 2. – S. 394-398.

[17] Kleinlein T. The State of the International Human Rights System—Normativity and Compliance: Introduction // *Journal of Human Rights Practice*. – 2022. – DOI: 10.1093/JHUMAN/HUAC014.

[18] Tellez Patarroyo I. The International Human Rights System and the Subject of Lawfare // *Revista De La Facultad De Jurisprudencia RFJ*. – 2018. – DOI: 10.26807/RFJ.V014.106.

Дата поступления рукописи в редакцию: 22.07.2026 г.

DOI: 10.24412/2782-3849-2026-8-176-181

Дата принятия рукописи в печать: 14.08.2026 г.

ВОИНЦЕВ Алексей Николаевич,

Старший преподаватель кафедры теории и истории
государства и права ФКОУ ВО Самарский юридический
институт ФСИН России, ORCID ID 0009-0002-8586-2971,
e-mail: alexey@vointsev.ru

ТРУД ОСУЖДЕННЫХ К ЛИШЕНИЮ СВОБОДЫ В РОССИИ И СТРАНАХ ЗАПАДНОЙ ЕВРОПЫ: СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ

Аннотация. В статье проводится сравнительно-правовой анализ регулирования труда осужденных к лишению свободы в России и странах Западной Европы. Актуальность темы обусловлена реформированием уголовно-исполнительной системы и переориентацией пенитенциарной политики на ресоциализацию осужденных. Цель работы состоит в выявлении общих и особенных черт национальных моделей труда осужденных и в определении возможных направлений совершенствования российского законодательства. Методологическую основу составили сравнительно-правовой метод как основной, а также формально-юридический метод, системный подход и приемы анализа и синтеза. Установлено, что единой западноевропейской модели труда осужденных не существует: обязательный труд германского образца сосуществует с добровольным трудом Италии, Испании и Франции, отказавшейся от обязательности труда осужденных. Российская модель, закрепляющая обязательность оплачиваемого труда, наиболее близка к германской, а обязательный характер труда осужденных не противоречит конституционному запрету принудительного труда и международным обязательствам Российской Федерации. Показано, что возмездность труда признается во всех рассмотренных правовых системах, тогда как способ определения размера оплаты и степень социально-страховой защиты работающих осужденных существенно различаются. Отдельное внимание уделено вопросу о введении в России трудового договора с осужденным по аналогии с французским пенитенциарным трудовым договором; обоснован вывод о несовместимости договорной формы с обязательным характером труда осужденных. Автор приходит к заключению о целесообразности избирательного усиления трудовправовых гарантий в рамках уголовно-исполнительного законодательства, включая расширение социально-страхового обеспечения работающих осужденных, без выделения в Трудовом кодексе Российской Федерации специальной главы о труде осужденных.

Ключевые слова: труд осужденных; лишение свободы; принудительный труд; сравнительное правоведение; пенитенциарные системы; уголовно-исполнительное право; страны Западной Европы; трудовой договор; ресоциализация; оплата труда осужденных.

VOINTSEV Alexey Nikolaevich,

Senior Lecturer, Department of Theory and History of State and
Law, FKOUE Samara Law Institute of the Federal Penitentiary
Service of Russia

LABOR OF PRISONERS IN RUSSIA AND WESTERN EUROPEAN COUNTRIES: COMPARATIVE LEGAL ANALYSIS

Annotation. The article provides a comparative legal analysis of the regulation of the labour of persons sentenced to imprisonment in Russia and the countries of Western Europe. The relevance of the topic stems from the reform of the penal enforcement system and the reorientation of penitentiary policy towards the resocialisation of convicts. The purpose of the study is to identify the common and distinctive features of national models of convict labour and to determine possible directions for improving Russian legislation. The methodological basis comprises the comparative legal method as the principal one, as well as the formal legal method, the systemic approach and the techniques of analysis and synthesis. It is established that no single Western European model of convict labour exists: compulsory labour of the German type coexists with the voluntary labour of Italy, Spain and France, which has abandoned the obligatory character of convict labour. The Russian model, which enshrines the obligation of paid labour, is closest to the German one, while the compulsory nature of convict labour does not contradict the constitutional prohibition of forced

labour or the international obligations of the Russian Federation. It is shown that the remunerated character of labour is recognised in all the legal orders examined, whereas the method of determining the amount of payment and the degree of social insurance protection of working convicts differ substantially. Particular attention is paid to the question of introducing an employment contract with a convict in Russia by analogy with the French penitentiary employment contract; the conclusion is substantiated that the contractual form is incompatible with the compulsory nature of convict labour. The author concludes that it is expedient to selectively strengthen labour law guarantees within penal enforcement legislation, including the extension of social insurance for working convicts, without introducing a special chapter on convict labour into the Labour Code of the Russian Federation.

Key words: convict labour; imprisonment; forced labour; comparative law; penitentiary systems; penal enforcement law; countries of Western Europe; employment contract; resocialisation; remuneration of convict labour.

Общественно полезный труд отнесен статьей 9 Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации к основным средствам исправления осужденных. Одновременно статья 103 УИК РФ закрепляет обязанность каждого осужденного к лишению свободы трудиться в местах и на работах, определяемых администрацией исправительного учреждения. Сочетание этих положений порождает вопрос, который остается дискуссионным в отечественной науке: является ли труд лица, отбывающего лишение свободы, его правом или обязанностью и как обязательность такого труда соотносится с запретом принудительного труда, закрепленным в статье 37 Конституции Российской Федерации и в конвенциях Международной организации труда № 29 и № 105.

Актуальность обращения к этому вопросу связана с продолжающимся реформированием уголовно-исполнительной системы и с переориентацией пенитенциарной политики на ресоциализацию осужденных. Долгое время российские стандарты обращения с осужденными приводились в соответствие с рекомендациями Совета Европы, в связи с чем сопоставление отечественной модели обязательного труда с подходами государств Западной Европы вызывает огромный интерес для изучения, так как такое сопоставление позволяет оценить, насколько закрепленная в российском законе конструкция согласуется с общеевропейскими требованиями, и определить пределы использования зарубежного опыта в национальном законодательстве.

Цель настоящего исследования состоит в сравнительно-правовом анализе регулирования труда осужденных к лишению свободы в России и странах Западной Европы, в выявлении общих и особенных черт национальных моделей и в формулировании предложений по совершенствованию российского законодательства. Достижение этой цели предполагает решение ряда задач: установить нормативную модель труда осужденных в России и определить его отраслевую принадлежность; охарактеризовать регулирование труда осужденных в государствах романо-германской правовой семьи; сопоставить

национальные подходы с наднациональным европейским стандартом, выраженным в Европейских пенитенциарных правилах и в практике Европейского суда по правам человека; оценить возможность применения выявленных решений в отечественных условиях.

Отправной точкой правового регулирования служит статья 103 УИК РФ, согласно которой каждый осужденный к лишению свободы обязан трудиться в местах и на работах, определяемых администрацией исправительного учреждения. Труд рассматривается законодателем одновременно как цель и как средство исправления: часть 2 статьи 9 УИК РФ относит общественно полезный труд к основным средствам исправления осужденных. Обязательность труда образует исходный признак отечественной модели.

Такая конструкция ставит вопрос о ее соответствии конституционному запрету принудительного труда. Статья 37 Конституции РФ провозглашает труд свободным и запрещает принудительный труд, а статья 4 Трудового кодекса РФ воспроизводит этот запрет применительно к трудовым отношениям. М. С. Нурбаев отмечает, что «остроту этому противоречивому обстоятельству придает наличие двух диаметрально противоположных точек зрения на правомерность и, соответственно, допустимость обязательного привлечения к труду осужденных в местах лишения свободы» [1, с. 21].

Разрешение этого противоречия дают акты международного трудового права. Конвенция МОТ № 29 «Относительно принудительного или обязательного труда» 1930 г., ратифицированная в том числе Россией, в пункте «с» части 2 статьи 2 исключает из понятия принудительного труда работу, требуемую вследствие приговора суда и выполняемую под надзором и контролем государственных властей. Такое же изъятие содержит статья 8 Международного пакта о гражданских и политических правах 1966 г. Опираясь на эти положения, М. С. Нурбаев заключает, что «труд лиц, отбывающих наказание в местах лишения свободы, является их обязанностью, а привлечение осужденных к труду, организация

их трудоустройства является обязанностью администрации исправительного учреждения» [1, с. 22]. Обязательный труд осужденного, организованный на основании приговора под контролем государства, под конституционный запрет принудительного труда не подпадает.

Обязательность труда не носит абсолютного характера. Часть 2 статьи 103 УИК РФ освобождает от обязанности трудиться мужчин старше 60 лет, женщин старше 55 лет, а также инвалидов первой и второй групп; названные категории привлекаются к труду по их желанию. Законодатель сочетает общий режим обязательности с элементами добровольности для отдельных групп осужденных.

Отраслевая принадлежность труда осужденных остается предметом научной дискуссии. А. В. Уткин рассматривает его как предмет межотраслевого регулирования и обращает внимание на различие подходов законодателя в зависимости от вида и условий исполнения наказания. Присоединяясь к разграничению общественно-трудовых отношений и трудовых правоотношений, автор «выделяет специфические условия отбывания лишения свободы, не позволяющие согласиться с предложениями о закреплении в Трудовом кодексе Российской Федерации специальной главы об особенностях труда осужденных в местах лишения свободы» [2, с. 94]. Более продуктивным он считает согласование конкретных норм трудового и уголовно-исполнительного законодательства с устранением имеющихся пробелов и коллизий.

Труд осужденных не сводится к одной лишь обязанности. Статья 105 УИК РФ закрепляет право осужденных к лишению свободы на оплату труда в соответствии с трудовым законодательством Российской Федерации. Отечественная модель соединяет обязательность труда с его возмездностью. Именно это сближает ее с одними европейскими правовыми порядками и отличается от других, где труд осужденных построен на добровольных началах.

Насколько своеобразна российская конструкция обязательного оплачиваемого труда, показывает сопоставление с регулированием в государствах романо-германской правовой семьи, к которому следует обратиться далее.

В большинстве государств Западной Европы труд осужденных встроен в прогрессивную систему отбывания наказания. Н. А. Тюфяков указывает, что труд «является оценочным критерием определения исправления и учитывается при переводе в учреждения с более легким режимом» [3, с. 57]. Отношение осужденного к труду наряду с его поведением определяет движение по ступеням режима, а сама трудовая деятельность стимулируется дополнительными отпусками, пре-

мированием и зачетом рабочих дней в срок наказания.

Наиболее показателен германский тип пенитенциарных систем. П. В. Тепляшин относит к его чертам высокую степень конкретизации федерального пенитенциарного законодательства актами федеральных земель, микрогрупповой принцип размещения заключенных и институт превентивного заключения, предусмотренный § 66 Уголовного уложения ФРГ. Труд занимает в этой системе центральное место. По оценке автора, «важнейшим средством исправительного воздействия выступает труд заключенных, который организуется в мастерских, мини-цехах по сборке компьютеров, пекарнях, швейных мастерских и охватывает до 75 % осужденных» [4, с. 91].

Обязательность труда в ФРГ имеет прямую законодательную основу. Закон об исполнении наказания в виде лишения свободы от 1 января 1977 г. закрепляет обязанность заключенного трудиться с учетом специальности, трудоспособности и состояния здоровья до пяти дней в неделю по восемь часов, включает эту обязанность в индивидуальный план исполнения наказания и связывает ее выполнение с переводом в учреждение открытого типа [3, с. 57]. Конституционным основанием такого регулирования служит статья 12 Основного закона ФРГ, допускающая принудительный труд только при лишении свободы по приговору суда.

Оплата труда осужденных в ФРГ прошла показательную эволюцию. Как отмечает Н. П. Шилова, до 2000 г. работающие осужденные получали заработную плату в размере пяти процентов от оплаты труда обычного работника; решением Федерального конституционного суда от 1 июля 2000 г. нормы закона об исполнении наказания, фиксировавшие этот размер, признаны не соответствующими Основному закону ФРГ, после чего оплата была повышена [5, с. 81–82]. Пример показывает, что обязательность труда в германской модели уравнивается требованием его справедливой оплаты, обеспеченным конституционным контролем.

Особый интерес представляет французская модель, отошедшая от обязательности труда осужденных дальше других государств региона. Обязанность заключенных трудиться отменена во Франции законом о пенитенциарной службе от 22 июня 1987 г.; с этого времени труд в местах лишения свободы строится на началах добровольности и рассматривается как право осужденного, а не как его обязанность. Этим объясняется отмеченное Н. А. Тюфяковым исключение Франции из круга европейских государств с обязательным трудом осужденных [3, с. 57].

Пенитенциарный закон от 24 ноября 2009 г. № 2009-1436 сохранил добровольный ха-

рактр труда, но обязал окончательно осужденного участвовать хотя бы в одном из предложенных ему видов деятельности при условии, что она направлена на ресоциализацию и соответствует его возрасту, способностям и состоянию здоровья. Трудовые отношения осужденного оформлялись не трудовым договором, а особым актом присоединения, который подписывали начальник учреждения и осужденный. Тот же закон ввел почасовую оплату труда, привязанную к минимальному размеру оплаты труда (SMIC), размер устанавливается не менее 45 % SMIC за работу на производстве и от 20 до 33 % за работы по общему обслуживанию учреждения в зависимости от квалификации.

Наиболее значимые изменения принес закон о доверии к судебному учреждению от 22 декабря 2021 г. Он заменил односторонний акт присоединения пенитенциарным трудовым договором, вступившим в силу с 1 мая 2022 г. Одновременно начал действовать Пенитенциарный кодекс Франции, закрепивший самостоятельный статус работающего осужденного. Реформа сблизила условия труда в местах лишения свободы с условиями труда на свободе: договор определяет порядок приема на работу, испытательный срок, режим рабочего времени и основания прекращения трудовых отношений. Ордонансом от 19 октября 2022 г. осужденным, работающим по такому договору, открыты права на пенсионное страхование и страхование по безработице, на оплату отпуска по беременности и родам, а также на возмещение при несчастных случаях на производстве и профессиональных заболеваниях.

Практическая эффективность французской модели при этом ограничена. Доступ к труду в местах лишения свободы имеют лишь около трети осужденных, тогда как в начале 2000-х годов работой была занята почти половина. Установленные законом ставки оплаты на практике нередко не соблюдаются. Французский опыт показывает как последовательный отказ от принуждения к труду и оформление статуса работающего осужденного, так и разрыв между провозглашенными гарантиями и их реализацией.

Государства Северной Европы сочетают обязательность труда осужденных с выраженной ресоциализирующей направленностью исполнения наказания. По данным Н. П. Шиловой, труд заключенных признается обязанностью в Норвегии, Финляндии и Дании [5, с. 81]. Отличительной чертой этих правовых систем служит развитая система учреждений открытого типа и зависимость условий труда от вида учреждения. В открытых тюрьмах оплата труда приближается к оплате обычных работников, тогда как в закрытых она заметно ниже. Так, в Финляндии заработок осужденного в закрытом учреждении составляет око-

ло одной десятой от заработка в открытом, а в Норвегии минимальный и максимальный размеры оплаты устанавливает администрация тюрьмы [5, с. 82]. Труд включен в прогрессивную систему отбывания наказания, где отношение осужденного к работе влияет на его перевод в учреждение с более мягким режимом [3, с. 57].

Национальные модели западноевропейских государств формировались под воздействием общего наднационального стандарта, выработанного в рамках Совета Европы. Его основу составляют Европейские пенитенциарные правила, утвержденные Рекомендацией Комитета министров Совета Европы от 11 января 2006 г. № Rec(2006)2. Правило 26 определяет место труда в исполнении наказания: «Труд в местах заключения следует рассматривать как позитивный элемент внутреннего режима и никогда не применять в качестве наказания» (правило 26.1). Организация труда должна «максимально походить на организацию и методы аналогичной работы в обществе» (правило 26.7), а его оплата отвечать требованию справедливости: «В любом случае заключенные должны получать за свой труд справедливое вознаграждение» (правило 26.10).

Требование справедливой оплаты труда осужденных развивалось и в практике Европейского суда по правам человека. Пункт 3 (а) статьи 4 Конвенции о защите прав человека и основных свобод исключает из понятия принудительного труда всякую работу, которую обычно должно выполнять лицо, находящееся в заключении. Опираясь на это положение, Европейский суд в постановлении Большой палаты по делу «Штуммер против Австрии» (Stummer v. Austria, 2011 г.) признал, что обязательный труд заключенного не образует принудительного труда по смыслу статьи 4 Конвенции; при этом дело касалось соотношения труда осужденных с их пенсионным обеспечением и отразило движение европейского стандарта к включению работающих заключенных в систему социального страхования.

Проведенное сопоставление позволяет выделить общие черты и различия российской и западноевропейских моделей труда осужденных по нескольким основаниям.

Первым основанием для сравнения выступает природа труда осужденных. Российская модель относит труд к обязанности осужденного и в этом совпадает с моделями ФРГ, Норвегии, Финляндии и Дании, где труд заключенных также обязателен. Противоположный подход закреплен в законодательстве Италии и Испании, а также, после отказа от обязательности труда в 1987 г., во Франции, где труд рассматривается как право осужденного и осуществляется на добровольной основе. Единой западноевропейской модели по этому признаку не существует, а российское ре-

гулирование тяготеет к германскому образцу обязательного труда.

Вторым основанием выступает возмездность труда и порядок его оплаты. Оплата труда осужденных признается во всех рассмотренных правовых системах. Статья 105 УИК РФ закрепляет право осужденных к лишению свободы на оплату труда в соответствии с трудовым законодательством, что сближает российскую модель с европейскими. Различие проявляется в способе определения размера оплаты, так в ряде европейских государств он привязан к минимальному размеру оплаты труда и зависит от вида учреждения, а требование справедливого вознаграждения возведено в общий стандарт правилом 26.10 Европейских пенитенциарных правил.

Третьим основанием выступает функция труда в процессе достижения целей наказания. И российское, и западноевропейское законодательство рассматривают труд как средство исправления и ресоциализации осужденных. В государствах Западной Европы эта функция усилена интегрированностью труда в прогрессивную систему отбывания наказания, где добросовестное отношение к работе служит условием перевода в учреждение с более мягким режимом.

Четвертое основание основывается на процессе сближения трудовой деятельности осужденных к лишению свободы к трудовому законодательству. Наиболее последовательно она выражена во французской реформе 2021–2022 гг., распространившей на работающих осужденных элементы социального страхования, и в практике Европейского суда по правам человека, обозначившей движение к включению заключенных в систему пенсионного обеспечения. В России эта проблематика связана с вопросом о соотношении трудового и уголовно-исполнительного законодательства и его межотраслевом регулировании.

Обобщение этих результатов дает основание для выводов о возможных направлениях совершенствования российского регулирования труда осужденных к лишению свободы.

Сравнительно-правовой анализ показал, что единой модели труда осужденных к лишению свободы в странах Западной Европы не существует. Обязательный труд германского образца соседствует с добровольным трудом Италии, Испании и Франции, а условия и оплата труда заметно различаются в зависимости от вида пенитенциарного учреждения. Российская модель, закрепляющая обязательность оплачиваемого труда, ближе всего к германской. Наиболее заметная общеевропейская тенденция состоит в сближении труда осужденных с обычными трудовыми отношениями и в распространении на работающих заключенных элементов социального страхования.

Обязательный характер труда осужденных в России не вступает в противоречие с запретом принудительного труда. Изъятие, предусмотренное пунктом «с» части 2 статьи 2 Конвенции МОТ № 29 и статьей 37 Конституции Российской Федерации, выводит труд по приговору суда под надзором государства за пределы понятия принудительного труда. Оснований для отказа от обязательности труда осужденных сравнительный анализ не дает; совершенствование регулирования уместно вести внутри действующей конструкции.

Отдельного рассмотрения заслуживает вопрос о введении в России трудового договора с осужденным по аналогии с французским пенитенциарным трудовым договором. В пользу такого решения говорит его способность распространить на осужденных гарантии трудового законодательства, упорядочить рабочее время и оплату труда, а также приблизить условия труда в местах лишения свободы к условиям на свободе, что отвечает целям ресоциализации. Вместе с тем перенос французской конструкции наталкивается на принципиальное препятствие. Договорная модель Франции опирается на добровольность труда осужденных, установленную с 1987 г.; договор предполагает свободу волеизъявления и равенство сторон (статьи 2, 15 Трудового кодекса Российской Федерации), тогда как статья 103 УИК РФ возлагает труд на осужденного как обязанность, вытекающую из приговора. Обязательный труд и трудовой договор в этом смысле несовместимы, так как обязанность, возложенная государством, не может быть предметом свободного соглашения. Следует учитывать и то, что французский пенитенциарный трудовой договор не тождествен обычному трудовому договору и не влечет полного распространения трудового законодательства на осужденных, а образует особый институт пенитенциарного права.

По этим причинам более обоснованным представляется не заимствование договорной формы, а избирательное усиление трудовых гарантий в рамках уголовно-исполнительного законодательства. Речь идет о развитии гарантий рабочего времени и отдыха, о привязке оплаты труда к установленному минимальному размеру и о постепенном расширении социально-страхового обеспечения работающих осужденных, включая пенсионные права. Согласование норм трудового и уголовно-исполнительного законодательства при этом целесообразно проводить по линии, обозначенной А. В. Уткиным: без выделения в Трудовом кодексе Российской Федерации специальной главы о труде осужденных, но с устранением имеющихся пробелов и коллизий [2, с. 94]. Введение же трудового договора потребовало бы предварительного пересмотра обязательного характера труда осужденных, что составляет само-

стоятельный и более широкий вопрос уголовно-исполнительной политики.

Список литературы:

[1] Нурбаев, М. С. Труд осужденных в местах лишения свободы: право или обязанность? / М. С. Нурбаев // Вестник Самарского юридического института. – 2014. – № 2(13). – С. 20-24.

[2] Уткин, А. В. Труд осужденных к лишению свободы как предмет межотраслевого регулирования / А. В. Уткин // Вестник Кузбасского института. – 2024. – № 2(59). – С. 94-105.

[3] Тюфяков, Н. А. Изменение вида исправительного учреждения для осужденных к лишению свободы в пенитенциарном праве зарубежных стран / Н. А. Тюфяков // Психопедагогика в правоохранительных органах. – 2017. – № 3(70). – С. 55-60.

[4] Тепляшин, П. В. Германский тип европейских пенитенциарных систем / П. В. Тепляшин // Вестник Кузбасского института. 2016. № 1(26). – С. 87-97.

[5] Шилова, Н. П. Особенности труда лиц, осужденных к лишению свободы / Н. П. Шилова //

Вестник института: преступление, наказание, исправление. – 2009. – № 5. – С. 78-84.

References:

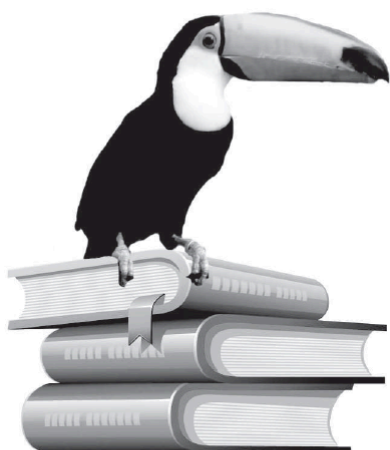
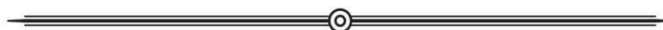
[1] Nurbaev, M. S. Labor of convicts in places of deprivation of liberty: right or duty ?/ M. S. Nurbaev // Bulletin of the Samara Law Institute. – 2014. – № 2(13). – S. 20-24.

[2] Utkin, A.V. Labor of those sentenced to imprisonment as a subject of intersectoral regulation/ A.V. Utkin // Bulletin of the Kuzbass Institute. – 2024. – № 2(59). – S. 94-105.

[3] Tyufyakov, N. A. Change in the type of correctional institution for those sentenced to imprisonment in the penitentiary law of foreign countries/N. A. Tyufyakov // Psychopedagogy in law enforcement agencies. – 2017. – № 3(70). – S. 55-60.

[4] Teplyashin, P.V. German type of European penitentiary systems/P.V. Teplyashin // Bulletin of the Kuzbass Institute. 2016. № 1(26). – S. 87-97.

[5] Shilova, N.P. Features of the labor of persons sentenced to imprisonment/N.P. Shilova // Bulletin of the Institute: crime, punishment, correction. – 2009. – № 5. – S. 78-84.

ЮРКОМПАНИ

www.law-books.ru

Юридическое издательство

«ЮРКОМПАНИ»

Издание учебников,
учебных и методических
пособий, монографий,
научных статей.

Профессионально.

В максимально
короткие сроки.

Размещаем
в РИНЦ, E-Library.

Дата поступления рукописи в редакцию: 16.07.2026 г.

DOI: 10.24412/2782-3849-2026-8-182-186

Дата принятия рукописи в печать: 07.08.2026 г.

ПЕЛЕНИЦЫНА Марина Валентиновна,

кандидат юридических наук, доцент, Крымского филиала
ФГБОУВО «Российский государственный университет
правосудия имени В.М. Лебедева»,
e-mail: mail@law-books.ru

ХАЛИКОВА Айше Аппасовна,

Помощник судьи Киевского районного суда города
Симферополя Республики Крым, советник юстиции 3 класса,
e-mail: mail@law-books.ru

АНАЛИЗ ПРАВОПРИМЕНИТЕЛЬНОЙ ПРАКТИКИ В СФЕРЕ ЗАЩИТЫ ПРАВ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ

Аннотация. В статье исследуются конкретные судебные акты Верховного Суда РФ, областных судов, других нижестоящих судов общей юрисдикции, в которых непосредственно раскрываются вопросы защиты прав несовершеннолетних. Акцент по ходу работы сделан на защите семейных прав детей в рамках гражданского судопроизводства. Указано на особую связь норм процессуального и материального права в части выяснения мнения ребенка, которое подлежит оценке судом наряду с другими доказательствами по делу.

Ключевые слова: судебная практика, судебная защита, гражданское процессуальное право, семейное право, несовершеннолетний, учет мнения ребенка.

PELENITSYNA Marina Valentinovna,

Candidate of Law, Associate Professor, Crimean Branch of the
Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education
"Russian State University of Justice named after V.M. Lebedev"

KHALIKOVA Aishe Appasovna,

Assistant to the Judge of the Kiev District Court of the city of
Simferopol, Republic of Crimea Justice Advisor, 3rd class

ANALYSIS OF LAW ENFORCEMENT PRACTICE IN THE FIELD OF PROTECTION OF MINORS' RIGHTS

Annotation. The article examines specific judicial acts of the Supreme Court of the Russian Federation, regional courts, and other lower courts of general jurisdiction, which directly address issues of protecting the rights of minors. The emphasis in the course of the work is on the protection of children's family rights in the framework of civil proceedings. It is pointed out that the norms of procedural and substantive law are particularly linked in terms of clarifying the child's opinion, which is subject to evaluation by the court along with other evidence in the case.

Key words: judicial practice, judicial protection, civil procedure law, family law, minor, consideration of the child's opinion.

Несомненно, во все времена ребенок являлся особым субъектом правоотношений. Изначально права и свободы ребенка не были закреплены и не провозглашались как наиболее приоритетные. Т. В. Козлова верно отмечает, что: «ребенок находился в прямой зависимости от воли своих родителей, от политики государства; о правах и интересах детей в каких-либо областях вовсе не приходилось рассуждать, поскольку не защищалось даже элементарно право ребёнка на жизнь» [3 с.43].

Первые шаги к регулированию отношений

с участием детей появились в XVI веке с принятием «Домостроя» и «Стоглава». В них рассматривалось «небрежное» отношение родителей к детям как грех, что можно считать преобразованием нынешних норм о лишении родительских прав.

При Петре I статус внебрачного ребенка стал зависеть от статуса матери, но отец был обязан участвовать в обеспечении ребенка. В 1775 году при правлении Екатерины II был издан указ, который более подробно регламентировал опеку, установил различия между опекой и попечительством.

В 1832 году в Своде законов Российской империи появилось положение, согласно которому надлежащая забота о детях была возложена на плечи их родителей вплоть до достижения ими 21 года. В 1834 году «Устав наказаний» в рамках ст. 143 впервые регламентирует ответственность родителей за неисполнение алиментных обязательств, что ярко свидетельствует об активном формировании в этот исторический период приоритетности в области защиты прав детей [13 с. 469].

После Октябрьской революции 1917 года произошло коренное изменение семейного законодательства. Декрет «О гражданском браке, детях и ведении книг актов гражданского состояния» (18 декабря 1917 г.) уравнивал права законных и незаконнорождённых детей, а также позволил матерям устанавливать отцовство через суд. Декрет о расторжении брака установил право детей на определённое место жительства и материальное обеспечение после расторжения брака родителей.

В 1918 году был принят Кодекс законов об актах гражданского состояния, браке, семье и опеке. В послевоенный период главной задачей государства была борьба с сиротством, сокращением числа малообеспеченных семей.

Конституция СССР 1977 года стала первым нормативным актом, который закрепил обязанность граждан заботиться о воспитании своих детей. В 1998 году был принят Федеральный закон «Об основных гарантиях прав ребенка в Российской Федерации», который определил основные гарантии прав и законных интересов ребенка, установил цели государственной политики в интересах детей [11 с. 3802].

В 2012-2017 годах в рамках Национальной стратегии действий в интересах детей были разработаны поправки в Гражданский процессуальный кодекс РФ. Они предусматривали, например, право несовершеннолетнего на обращение с ходатайством о назначении адвоката, обязанность суда выяснять мнение ребёнка, достигшего 10 лет, при решении вопросов, затрагивающих его права и интересы, а также обязательное присутствие педагога или психолога при проведении процессуальных действий с участием несовершеннолетнего.

В России судебный способ - наиболее распространённый для разрешения конфликтов, затрагивающих права детей [9 с. 126-129].

Таким образом, исторический анализ показывает, что защита прав несовершеннолетних в гражданском судопроизводстве прошла путь от полного игнорирования до формирования сложной системы правовых механизмов, хотя и не лишенной недостатков.

Судебная практика в области защиты

гражданских прав несовершеннолетних и участия несовершеннолетних в гражданском судопроизводстве в целом обладает несомненной важностью, поскольку несовершеннолетние в гражданском процессуальном праве обладают особым статусом. Защита их прав на практике порою бывает затруднительна, а также не во всех аспектах судебные инстанции сходятся в применении норм материального (семейного) и процессуального права. В связи с этим стоит изучить наиболее актуальную правоприменительную практику в указанной сфере, сделав особый акцент на судебном разрешении порядка учета мнения несовершеннолетнего ребенка в судебном процессе.

В судебной практике имеются ошибки толкования ч. 3 ст. 37 Гражданского процессуального кодекса РФ (далее - ГПК РФ) [2 т.3, с.14, 1990 г.], заключающиеся в неверном понимании судьями данной нормы. На данную проблему обращал внимание Верховный Суд РФ. В п. 8 Обзора судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 1 (2016) он указал, что нижестоящий суд допустил серьезную ошибку в том аспекте, что он не привлек к участию в деле самих несовершеннолетних, не выяснил у них мнение по делу об оспаривании отцовства. Принципиальный вывод сделал Верховный Суд РФ: «По делу об оспаривании отцовства суд не вправе принимать признание иска матерью несовершеннолетних детей, поскольку оно влечет нарушение прав детей, в том числе права знать своих родителей, права на их заботу, на получение соответствующей материальной помощи, на защиту от злоупотреблений со стороны родителей» [5].

Позиция Верховного Суда РФ, изложенная им в указанном выше Обзоре судебной практики, означает, что в тех случаях, которые указаны в законодательстве (речь идет о семейных спорах), несовершеннолетний ребенок должен привлекаться к участию в деле. Невыяснение судом мнения несовершеннолетнего, в частности, в делах об установлении отцовства, нарушает гражданские, семейные права ребенка. Суды не должны исходить из того, что ребенок согласно нормам ГПК РФ не обладает гражданской процессуальной дееспособностью, поскольку в таких категориях дел установлен специальный порядок, который обязует суд выяснять мнение ребенка.

В ст. 57 Семейного кодекса РФ (далее - СК РФ) [10] более того, устанавливается обязательный учет мнения ребенка, достигшего возраста 10 лет, что должно применяться не в разрыве с положениями ч. 3 ст. 37 ГПК РФ, а во взаимосвязи. Иное приведет к неправильному применению норм материального и процессуального права в совокупности.

Практика правоприменения является важным фактором, влияющим на эффективность

правовых гарантий. Важно, чтобы правоприменительные органы, включая суды, прокуратуру и органы опеки и попечительства, действовали в соответствии с законодательством и обеспечивали защиту прав несовершеннолетних [14 с. 173-178].

В судебной практике также всегда важно установить, каким образом было выяснено мнение несовершеннолетнего ребенка и оценить данное мнение не только сквозь призму общечеловеческих представлений, но и посредством сопоставления данного мнения с нормами гражданского процессуального и семейного права. Так, согласно определению Судебной коллегии по гражданским делам Московского областного суда от 23 октября 2024 г. № 33-37902/2024 [7], лицо подало жалобу на решение нижестоящего суда об установлении порядка общения с ребенком. Ответчик указывает, что данный порядок общения был установлен без учета мнения ребенка, а также пагубно на нем сказывается, поскольку отец, которым является ответчик, отсутствует в жизни ребенка, в связи с чем это эмоциональное состояние ухудшилось. Суд апелляционной инстанции не согласился с данными доводами. Он указал, что в рамках судебного разбирательства в первой инстанции была проведена экспертиза, а также сам несовершеннолетний участвовал в судебном разбирательстве. Суд отметил, что «Фактов психологического давления или отрицательного воздействия на ребенка со стороны кого-либо из родителей, бабушки, дедушки, иных лиц не выявлено; не выявлено наличие негативных представлений ребенка об отце от матери. А привязанность к отцу может быть нарушена раздельным проживанием, возрастными особенностями». Несовершеннолетний при этом в судебном заседании не отзывался негативно об отце, однако выразил наибольшую привязанность к матери. В соответствии с этим, суд апелляционной инстанции оставил жалобу без удовлетворения.

Л. А. Кучинская отмечает, что: «суды иногда не учитывают в полной мере принцип приоритета интересов ребёнка из-за отсутствия чёткого «взаимодействия» между нормами гражданского процессуального и семейного права» [4 с. 93-102].

Также согласно определению Четвертого кассационного суда общей юрисдикции от 29 марта 2022 года № 88-1723/2022 [8] лицо обратилось в суд кассационной инстанции и просило отменить решение нижестоящего суда об усыновлении. Жалоба мотивирована тем, что вывод суда не соответствует желанию самого ребенка и нарушает его права. Однако в суде первой инстанции ребенок выражал свое мнение о том, что желает, чтобы его усыновило конкретное лицо, не возражает против этого, указал, что наоборот с ответчиком у него не сложилось доверительных отношений, любви. Тем самым, жалоба была

оставлена без удовлетворения.

Интересным представляется еще один пример из судебной практики. Дело № 33-КГ22-6-К3 (Определение СК по гражданским делам ВС РФ от 16.08.2022). Суть: спор о праве несовершеннолетнего на жилую площадь. Верховный Суд указал: ребенок приобретает право на жильё, которое родители определили как место его жительства соглашением. Ошибочно считать, что право ребёнка производно от прав родителя - если родитель утратил право пользования, ребенок своё право не теряет автоматически. Этот пример хорошо иллюстрирует, как суды защищают имущественные права детей в сложных семейных спорах [6].

Таким образом, в законодательстве хоть и не указано, как именно суд должен выяснить мнение ребенка по делу, но оно должно быть выяснено в ходе судебного заседания. Как показывает практика, судья, а также другие участники процесса, задают вопросы несовершеннолетнему с целью выяснения его мнения по делу. В случае, если ребенок не выскажет своего мнения, это будет являться процессуальным нарушением и решение суда может быть обжаловано.

Интересно мнение Р.Р. Хазиевой: «нормативный блок... сталкивается с проблемой фрагментарности правового регулирования, выражающейся в отсутствии единого кодифицированного акта, комплексно регулирующего права несовершеннолетних. Усугубляет ситуацию наличие коллизий между федеральным и региональным законодательством... Институциональный блок... характеризуется разрозненностью действий органов и учреждений, проявляющейся в отсутствии эффективного межведомственного взаимодействия между органами опеки, образования, здравоохранения, социальной защиты, МВД» [12 с. 28-34].

Также хотелось бы заметить, что в судебной практике имеют место такие решения, согласно которым лица подают жалобы на судебные акты, в которых мнение ребенка было учтено, указывая, что данное мнение не соответствует действительности, реальным интересам ребенка. В таком случае суды, рассматривающие жалобу по существу, должны дать комплексную юридическую оценку акту нижестоящего суда. В качестве примера здесь можно привести апелляционное определение Московского городского суда от 17 февраля 2022 г. по делу № 33-6208/2022, согласно данному акту лицо подало жалобу на решение нижестоящего суда об определении места жительства несовершеннолетнего - с его биологическим отцом. Мать несовершеннолетнего с данным выводом не согласилась, указала, что в действительности ребенок желает проживать с ней, а в судебном заседании выразил недействи-

тельное мнение. Суд апелляционной инстанции изучил совокупность доказательств и пришел к выводу, что «Проживание ребенка с отцом на период до вступления в законную силу решения суда, не противоречит интересам ребенка, при разрешении ходатайства суд учел конкретные обстоятельства дела, заключения органов опеки и попечительства» [1]. Так, в удовлетворении жалобы отказано.

Конечно, на практике могут возникать ситуации, когда ребенок в судебном заседании высказывает не свое реальное мнение, а выученное мнение. Не стоит отменять и то, что несовершеннолетний может волноваться, испугаться суда и его участников, а также на него может быть оказано давление со стороны одного из родителей или лиц, их замещающих. Здесь суду следует в каждом индивидуальном случае решать вопрос о достоверности мнения ребенка, которое он излагает в судебном заседании. Данный вопрос разрешается посредством комплексного исследования всех доказательств по делу, которые должны оцениваться посредством сопоставления с мнением несовершеннолетнего. Только в таком случае судья не будет введен в заблуждение и ему удастся правильно оценить данную ситуацию с выяснением действительного мнения и интересов ребенка.

Подводя итог, исследование судебной практики защиты прав несовершеннолетних показало, что особой защиты требуют их семейные права. Ознакомление с материалами судебных актов позволяет судить о том, что далеко не всегда суды учитывают положения ч. 3 ст. 37 ГПК РФ во взаимосвязи с ст. 57 СК РФ. Суды вышестоящих инстанций указывали на то, что мнение ребенка, достигшего 10 лет, обязательно должно учитываться судом, а неучет данного мнения - нарушение норм материального и процессуального права. Как правило, мнение выясняется путем опроса ребенка в судебном заседании. Разумеется, мнение ребенка должно учитываться не обособленно, а наряду с другими доказательствами по делу. Судьям необходимо подразумевать, что отнюдь не всегда ребенок может излагать свое истинное, действительное мнение. Именно поэтому так важна совокупная оценка доказательств, чтобы не допустить нарушение семейных прав несовершеннолетнего, а напротив, защитить его как субъекта, который не обладает полной процессуальной дееспособностью.

Список литературы:

- [1] Апелляционное определение Московского городского суда от 17 февраля 2022 г. по делу № 33-6208/2022. – <https://login.consultant.ru/link/?req=doc&base=SOCN&n=1463126> (дата обращения 30.04.2026).
- [2] Гражданский процессуальный кодекс

Российской Федерации от 14 ноября 2002 г. № 138-ФЗ // Российская газета от 20 ноября 2002 г. № 220. Конституция (Основной Закон) Союза Советских Социалистических Республик (принята ВС СССР 07.10.1977) (утратила силу) // Свод законов СССР, т. 3, с. 14, 1990 г.

[3] Козлова Т. В. Первое право ребенка. Право на жизнь и здоровое развитие. Самара: Изд-во СамГМУ, 2003 – 43 с.

[4] Кучинская, Л. А. Определение и выявление интересов несовершеннолетних при рассмотрении споров о детях: постановка проблемы / Л. А. Кучинская // Актуальные проблемы российского права. — 2016. — № 12. — С. 93–102.

[5] Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 1 (2016) (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 13.04.2016) // Бюллетень Верховного Суда РФ, № 12, декабрь, 2016.

[6] Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 16.08.2022 № 33-КГ22-6-К3. URL: <https://login.consultant.ru/link/?req=doc&base=ARB&n=726266> (дата обращения 30.04.2026).

[7] Определение Судебной коллегии по гражданским делам Московского областного суда от 23 октября 2024 г. № 33-37902/2024. - URL: <https://sudrf.cntd.ru/document/1310320229> (дата обращения 29.04.2026).

[8] Определение Четвёртого кассационного суда общей юрисдикции от 29 марта 2022 года № 88-1723/2022. - URL: <https://login.consultant.ru/link/?req=doc&base=KSOJ004&n=79635> (дата обращения 30.04.2026).

[9] Садина О. В., Худойкин А. В. Судебная защита семейных прав ребёнка как способ разрешения юридических споров и конфликтов // Социально-политические науки. - 2012. - № 1. - С. 126-129.

[10] Семейный кодекс Российской Федерации от 29 декабря 1995 г. № 223-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации от 1 января 1996 г. № 1 ст. 16.

[11] Федеральный закон от 24.07.1998 № 124-ФЗ «Об основных гарантиях прав ребенка в Российской Федерации» // СЗ РФ 03.08.1998, № 31, ст. 3802.

[12] Хазиева Р. Р. Конституционно-правовые основы защиты прав несовершеннолетних в Российской Федерации: современные вызовы и перспективы развития // Общество, право, государственность: ретроспектива и перспектива. - 2025. - № 4 (24). - С. 28-34.

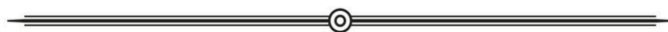
[13] Хрестоматия по истории государства и права России: Учеб. пособие / [Сост. Ю. П. Титов]. - Москва: Изд. группа «Проспект», 1997. - 469 с.

[14] Чакала А. Э. К вопросу о правовых га-

рантиях защиты прав несовершеннолетних законодательством России // Гуманитарный научный вестник. - 2025. - № 3. - С. 173-178.

References:

- [1] Appeal ruling of the Moscow City Court dated February 17, 2022 in case No. 33-6208/2022. - <https://login.consultant.ru/link/?req=doc&base=SOCN&n=1463126> (date of circulation 30.04.2026).
- [2] Civil Procedure Code of the Russian Federation of November 14, 2002 No. 138-FZ // Rossiyskaya Gazeta of November 20, 2002 No. 220. Constitution (Basic Law) of the Union of Soviet Socialist Republics (adopted by the USSR Armed Forces 07.10.1977) (expired) // Code of Laws of the USSR, vol. 3, p. 14, 1990.
- [3] Kozlova T.V. First right of the child. The right to life and healthy development. Samara: Publishing House of SamGMU, 2003-43 p.
- [4] Kuchinskaya, L. A. Determination and identification of the interests of minors in the consideration of disputes about children: raising a problem/L. A. Kuchinskaya // Actual problems of Russian law. — 2016. — № 12. - S. 93-102.
- [5] Review of judicial practice of the Supreme Court of the Russian Federation No. 1 (2016) (approved by Presidium of the Supreme Court of the Russian Federation 13.04.2016) // Bulletin of the Supreme Court of the Russian Federation, No. 12, December, 2016.
- [6] Determination of the Judicial Collegium for Civil Cases of the Supreme Court of the Russian Federation of 16.08.2022 No. 33-KG22-6-K3. URL: <https://login.consultant.ru/link/?req=doc&base=ARB&n=726266> (access date 30.04.2026).
- [7] Determination of the Judicial Collegium for Civil Cases of the Moscow Regional Court of October 23, 2024 No. 33-37902/2024. - URL: <https://sudrf.cntd.ru/document/1310320229> (date of contact 29.04.2026).
- [8] Determination of the Fourth Court of Cassation of General Jurisdiction dated March 29, 2022 No. 88-1723/2022. - URL: <https://login.consultant.ru/link/?req=doc&base=KSOJ004&n=79635> (date of contact 30.04.2026).
- [9] Sadina O. V., Khudoykin A. V. Judicial protection of the family rights of the child as a way to resolve legal disputes and conflicts // Socio-political sciences. - 2012. - № 1. - S. 126-129.
- [10] Family Code of the Russian Federation of December 29, 1995 No. 223-FZ // Collection of Legislation of the Russian Federation of January 1, 1996 No. 1, Art. 16.
- [11] Federal Law No. 24.07.1998 of 124-FZ "On Basic Guarantees of the Rights of the Child in the Russian Federation" // SZ RF 03.08.1998, No. 31, Art. 3802.
- [12] Khazieva R. R. Constitutional and legal foundations for protecting the rights of minors in the Russian Federation: modern challenges and development prospects // Society, law, statehood: retrospective and perspective. - 2025. - № 4 (24). - S. 28-34.
- [13] Reader on the history of the state and the law of Russia: Tutorial/[Comp. Yu. P. Titov]. - Moscow: Ed. Prospect group, 1997. - 469 p.
- [14] Chakala A.E. On the issue of legal guarantees for the protection of the rights of minors by the legislation of Russia // Humanitarian Scientific Bulletin. - 2025. - № 3. - S. 173-178.

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ПРАВООТНОШЕНИЯ

Дата поступления рукописи в редакцию: 01.07.2026 г.

DOI: 10.24412/2782-3849-2026-8-187-191

Дата принятия рукописи в печать: 24.07.2026 г.

КУЗЬМИНЫХ Максим Алексеевич,

студент 4 курса бакалавриата Международно-правового факультета, Московский государственный институт международных отношений (университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации, Москва, Россия,
e-mail: kuzminyh_m_a@my.mgimo.ru

КАТАРСКИЙ КРИЗИС 2017–2021 ГОДОВ КАК ТЕСТ-КЕЙС МЕХАНИЗМОВ МИРНОГО УРЕГУЛИРОВАНИЯ В РАМКАХ ЛИГИ АРАБСКИХ ГОСУДАРСТВ

Аннотация. В статье проводится правовой анализ катарского дипломатического кризиса 2017–2021 годов как прецедента функционирования механизмов мирного урегулирования споров в рамках Лиги арабских государств. Рассматривается инструментарий, закреплённый в статье 5 Пакта ЛАГ, и соотносится с фактической динамикой кризиса: самоустранением коллективных органов организации, посредничеством Кувейта и США, а также обращением Катара к параллельным международным форумам – МС ООН, ИКАО, МТО. Анализируется Аль-Ульская декларация 2021 года как дипломатически-консенсусный финал кризиса, оставивший содержательные правовые вопросы неразрешёнными. Делается вывод о структурных ограничениях Лиги как института мирного разрешения споров и о перспективах их преодоления.

Ключевые слова: Лига арабских государств, мирное разрешение международных споров, катарский кризис, посредничество, Аль-Ульская декларация, Пакт ЛАГ, региональные международные организации, добрые услуги.

KUZMINYKH Maksim Alekseevich,

Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation, Moscow, Russia

THE 2017–2021 QATAR CRISIS AS A TEST CASE FOR THE PEACEFUL DISPUTE SETTLEMENT MECHANISMS OF THE LEAGUE OF ARAB STATES

Annotation. The article provides a legal analysis of the 2017–2021 Qatari diplomatic crisis as a precedent for the functioning of peaceful dispute settlement mechanisms within the League of Arab States. The instruments enshrined in Article 5 of the LAS Pact are examined and correlated with the actual dynamics of the crisis: the disengagement of the organization's collective bodies, the mediation efforts of Kuwait and the United States, and Qatar's recourse to parallel international forums including the ICJ, ICAO, and WTO. The article analyses the 2021 Al-Ula Declaration as a diplomatically consensual conclusion to the crisis that left substantive legal issues unresolved. The conclusion highlights the structural limitations of the League as a dispute settlement institution and the prospects for overcoming them.

Key words: League of Arab States, peaceful settlement of international disputes, Qatar crisis, mediation, Al-Ula Declaration, LAS Pact, regional international organizations, good offices.

На протяжении последних десятилетий региональные международные организации всё чаще рассматриваются в качестве инструментов первичного урегулирования международных споров, призванных разгрузить универсальные механизмы ООН и привнести в мирный процесс региональную специфику и взаимное доверие сторон. Лига арабских государств (далее – ЛАГ), основанная в 1945 году, является старейшей межправительственной организацией арабского мира, и её учредительный документ – Пакт ЛАГ – содер-

жит ряд норм, прямо посвящённых мирному разрешению споров между государствами-членами. Вместе с тем реальная эффективность этих норм остаётся предметом дискуссий, а катарский дипломатический кризис 2017–2021 годов – редким по масштабу прецедентом, способным пролить свет на данную полемику [1].

Кризис разгорелся 5 июня 2017 года, когда Саудовская Аравия, Объединённые Арабские Эмираты, Бахрейн и Египет – так называемый «квартет» – одновременно разорвали диплома-

тические отношения с Катаром, закрыли для катарского транспорта воздушное пространство и морские границы, а Саудовская Аравия установила блокаду сухопутной границы. Формальным поводом послужили обвинения в поддержке Катаром террористических организаций и Ирана, хотя непосредственным триггером стала публикация на взломанном катарском государственном агентстве QNA сфабрикованных высказываний эмира [2]. В июне 2017 года квартет предъявил Дохе ультиматум из тринадцати требований, включавших закрытие телеканала Al Jazeera, сворачивание отношений с Ираном и ликвидацию турецкой военной базы на территории Катара [3]. Доха отвергла ультиматум, квалифицировав его как посягательство на суверенитет государства.

Правовая база ЛАГ в сфере мирного урегулирования споров

Прежде чем оценивать поведение ЛАГ в период кризиса, необходимо уяснить, каким нормативным содержанием наполнен соответствующий механизм организации. Статья 5 Пакта ЛАГ устанавливает запрет на применение силы и угрозы силой между государствами-членами и предусматривает передачу спора на рассмотрение в Совет Лиги, решение которого является обязательным для конфликтующих сторон, если они заблаговременно дали согласие на обязательное арбитражное разбирательство. Примечательно, что юрисдикция Совета в соответствии с той же нормой не распространяется на споры, затрагивающие суверенитет, территориальную целостность и политическую независимость членов организации [4]. Именно это ограничение приобретает принципиальное значение применительно к катарскому кризису: Доха с самого начала настаивала на том, что выдвинутые квартетом требования представляют собой посягательство на её суверенный выбор во внешней политике, а значит, сам предмет спора был *de facto* изъят из-под обязательной юрисдикции Совета ЛАГ.

Ряд исследователей рассматривает деятельность Совета ЛАГ по разрешению споров как арбитраж в функциональном смысле, апеллируя к квазисудебному характеру принимаемых им решений [5]. Такое прочтение, однако, требует оговорки: в отличие от классического арбитража, Совет ЛАГ не располагает постоянным независимым составом арбитров, процедура рассмотрения спора не кодифицирована надлежащим образом, а исполнение решений лишено каких-либо принудительных механизмов. Это принципиально отличает институциональный механизм ЛАГ от арбитражных процедур, предусмотренных, например, Конвенцией ООН по морскому праву 1982 года или Постоянной палатой третейского суда [6]. По существу, Совет ЛАГ выступает скорее дипломатическим форумом для согласо-

вания позиций, нежели юрисдикционным органом в строгом смысле слова.

Фактическое поведение ЛАГ в период катарского кризиса (2017–2021)

В разгар катарского кризиса ЛАГ не инициировала формальной процедуры по статье 5 Пакта. Совет организации не выступил с общеобязательным решением, не учредил следственной комиссии и не назначил посредника. Такое поведение организации объясняется рядом взаимосвязанных факторов.

Во-первых, принцип консенсуса при голосовании в Совете ЛАГ делает любое решение по спорам между его членами практически недостижимым, если хотя бы одна из сторон конфликта блокирует процесс. В катарском кризисе квартет располагал достаточным весом, чтобы парализовать коллективную волю организации. Во-вторых, само противоречие квалифицировалось государствами квартета не как «местный спор», требующий механизмов организации, а как реакция на нарушение международных норм о борьбе с финансированием терроризма, – тем самым делая аргумент об исключительной компетенции ЛАГ умозрительным. В-третьих, ЛАГ исторически функционирует по принципу «суверенного вето»: ни одно государство не может быть принуждено к признанию обязательной юрисдикции организации без явного на то согласия [7].

Наиболее деятельным посредником в кризисе выступил Кувейт, чей министр иностранных дел с первых же дней предпринял многочисленные «добрые услуги» в объездном режиме – челночную дипломатию между Дохой, Эр-Риядом и Абу-Даби. С точки зрения международно-правовой доктрины кувейтское посредничество вполне укладывается в рамки классических инструментов статьи 33 Устава ООН: третья сторона не навязывала условий урегулирования, а создавала условия для диалога и передавала сообщения между конфликтующими сторонами [8]. Тем не менее в 2017–2018 годах кувейтские инициативы не принесли видимых результатов – квартет настаивал на выполнении тринадцати требований, Катар их отверг, а ЛАГ как структура оставалась статистом.

Важнейшей характеристикой кризиса с точки зрения теории мирного урегулирования стало явление, которое можно обозначить как «форумный сдвиг»: не располагая эффективным механизмом внутри ЛАГ, Катар перенёс спор на параллельные международные площадки. В марте 2018 года Доха инициировала межгосударственные процедуры в Комитете по ликвидации расовой дискриминации (КЛРД/CERD) против Саудовской Аравии и ОАЭ – первые подобные обращения за полувековую историю конвенционного органа [9]. В июле 2018 года МС ООН по запросу

Катара вынес постановление о временных мерах против ОАЭ по делу о дискриминации катарских граждан. Одновременно в Международной организации гражданской авиации (ИКАО) рассматривалась жалоба Катара на закрытие воздушного пространства [10].

Столь разветвлённое использование международных механизмов само по себе свидетельствовало о том, что региональный механизм ЛАГ не справился с функцией первичного урегулирования. Государство, которое, согласно логике Главы VIII Устава ООН, должно было искать разрешения спора «через региональные соглашения» до обращения к универсальным институтам, оказалось вынуждено обращаться к этим самым универсальным институтам именно потому, что региональный механизм был заблокирован другими членами той же организации [11].

Аль-Ульская декларация 2021 года: дипломатический консенсус вместо правового урегулирования

Развязка кризиса наступила в январе 2021 года. 5 января на 41-м саммите ССАГПЗ в Аль-Уле Саудовская Аравия, ОАЭ, Бахрейн и Египет подписали с Катаром «декларацию солидарности и стабильности», которой формально положили конец блокаде [12]. Символически значимым стало то, что финальное примирение произошло не на площадке ЛАГ, а на саммите Совета сотрудничества арабских государств Персидского залива (ССАГПЗ) – организации с более узким и географически однородным членским составом. Посреднические усилия Кувейта, наконец приведшие к результату, были поддержаны американской стороной в лице советника Джареда Кушнера, проводившего интенсивные двусторонние переговоры в Эр-Рияде и Дохе в декабре 2020 года [13].

С правовой точки зрения Аль-Ульская декларация представляет собой политическое соглашение, а не юридически обязывающий договор: её текст так и не был опубликован в полном объёме, ни одно из тринадцати первоначальных требований официально не было ни принято, ни отозвано, судьба возбуждённых Катаром международных разбирательств решалась в рамках отдельных процессуальных механизмов. Доха отозвала иски из ИКАО и МТО в знак доброй воли, тогда как производство в МС ООН и КЛРД завершалось постепенно [14]. Аналитики отмечают, что урегулирование было достигнуто «без значительных приобретений для какой-либо из сторон» и не устранило институциональных причин конфликта [15].

Такой исход вполне логичен с позиций доктрины мирного разрешения споров. Как отмечал английский юрист Я. Браунли, обязанность государств «изыскивать разрешение», а не раз-

решать спор, не предполагает достижения содержательного правового результата – достаточно прекратить состояние напряжённости [16]. Именно это и произошло в Аль-Уле: стороны договорились снять взаимные меры давления, не разрешив разногласий по существу. С точки зрения теории международного права перед нами классическая «*politique du possible*» – урегулирование, продиктованное политической целесообразностью, а не верховенством права.

Структурные ограничения ЛАГ как института мирного урегулирования

Опыт катарского кризиса позволяет выделить несколько системных ограничений, которые препятствуют эффективному функционированию ЛАГ в качестве органа мирного урегулирования споров.

Первое из них – принцип единогласия при принятии решений в Совете. В отличие от Совета Безопасности ООН, располагающего правом принимать обязательные резолюции квалифицированным большинством, механизм ЛАГ требует консенсуса, что превращает организацию в заложника наиболее несговорчивого из её членов в любом конкретном споре. Государство, являющееся стороной конфликта, фактически сохраняет блокирующее влияние на коллективную реакцию – парадокс, делающий обязательное разбирательство в Совете ЛАГ декларативным.

Второе ограничение – отсутствие независимого механизма мониторинга и исполнения. Даже если бы Совет ЛАГ вынес решение, его исполнение зависело бы от доброй воли государств-членов. У организации нет ни собственных миротворческих сил, ни механизма санкций, ни процедуры, сопоставимой с Главой VII Устава ООН. Это делает ЛАГ принципиально иным актором по сравнению с ООН в части принудительного обеспечения мира.

Третье ограничение связано с изъятием из компетенции Совета споров, затрагивающих суверенитет и политическую независимость членов. Большинство острых конфликтов в арабском мире так или иначе апеллируют к понятию суверенитета – Катар ссылаясь на него в 2017 году, Сирия апеллировала к нему при обсуждении своего членства, Ливия фигурировала в повестке ЛАГ именно в суверенном измерении. Данная оговорка была призвана защитить членов от вмешательства организации во внутренние дела, однако на практике она систематически блокирует деятельность ЛАГ именно там, где её участие было бы наиболее востребовано [7].

Выводы

Катарский кризис 2017–2021 годов обнажил разрыв между нормативными амбициями Пакта ЛАГ и практической дееспособностью организации в сфере мирного урегулирования спо-

ров. Совет ЛАГ оказался неспособен инициировать обязательное разбирательство вследствие структурного паралича, обусловленного принципом консенсуса. Посредничество Кувейта, осуществлявшееся за пределами формальных органов организации, стало единственным региональным инструментом, реально повлиявшим на динамику кризиса, – однако и оно принесло плоды лишь в сочетании с внешним давлением США. Катар был вынужден прибегнуть к «форумному сдвигу» и задействовать параллельные международные механизмы, что само по себе свидетельствует об институциональной недостаточности регионального уровня.

Аль-Ульская декларация 2021 года знаменует политическое, но не правовое урегулирование конфликта: содержательные разногласия между сторонами остались неразрешёнными, а вопрос о соответствии блокады международному праву так и не получил авторитетного ответа. Это закономерный результат применения дипломатических, а не юридических инструментов разрешения спора – предсказуемый с позиций доктрины международного права, но недостаточный для формирования устойчивого правового порядка в регионе.

Перспективы укрепления потенциала ЛАГ в данной сфере требуют, на наш взгляд, реформирования нескольких ключевых элементов: введения квалифицированного большинства при голосовании по вопросам мирного урегулирования, создания специализированного органа для рассмотрения споров, а также уточнения объёма изъятия «суверенных споров» из компетенции организации. В отсутствие таких реформ ЛАГ будет оставаться прежде всего дипломатической площадкой, а не функциональным институтом мирного разрешения международных споров – что и подтвердил катарский прецедент.

Список литературы:

- [1] Levkowitz L. The Qatar Crisis and the Gulf Security Architecture // Middle East Policy. 2018. Vol. 25. № 2. P. 29–42.
- [2] GCC Crisis. Government Communications Office of Qatar [Электронный ресурс]. URL: <https://www.gco.gov.qa/en/media-centre/in-focus/gcc-crisis/> (дата обращения: 20.06.2026).
- [3] Qatar diplomatic crisis // Wikipedia. The Free Encyclopedia [Электронный ресурс]. URL: https://en.wikipedia.org/wiki/Qatar_diplomatic_crisis (дата обращения: 20.06.2026).
- [4] Пакт Лиги арабских государств: подписан 22 марта 1945 года [Электронный ресурс] // Официальный сайт Лиги арабских государств. URL: <http://www.lasportal.org/en/aboutlas/Pages/Charter.aspx> (дата обращения: 21.06.2026).

[5] Курс международного права : в 6 томах / [АН СССР, Ин-т государства и права]. – Москва : Наука, 1967–1969. – 284 с.

[6] Конвенция ООН по морскому праву: принята 10 декабря 1982 года [Электронный ресурс]. URL: <https://docs.cntd.ru/document/1900747> (дата обращения: 21.06.2026).

[7] Fawcett L. The Middle East // Regionalism and Global Order / ed. by L. Fawcett, A. Hurrell. Oxford : Oxford University Press, 1995. P. 287–311.

[8] Shaw M. N. International Law: The Settlement of Disputes by Peaceful Means. Cambridge : Cambridge University Press, 2003. P. 914–960.

[9] Lingering Gulf Dispute Gives Rise to Multi-Forum Legal Proceedings / American Society of International Law. Insights. Vol. 24. Issue 1 [Электронный ресурс]. URL: <https://asil.org/insights/volume/24/issue/1/lingering-gulf-dispute-gives-rise-multi-forum-legal-proceedings> (дата обращения: 21.06.2026).

[10] Устав Организации Объединённых Наций: принят 26 июня 1945 года [Электронный ресурс]. URL: <https://www.un.org/ru/charter-united-nations> (дата обращения: 22.06.2026).

[11] Декларация о принципах международного права, касающихся дружественных отношений и сотрудничества между государствами в соответствии с Уставом ООН: принята 24 октября 1970 года [Электронный ресурс]. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/intlaw_principles.shtml (дата обращения: 22.06.2026).

[12] The GCC Reconciliation: An Assessment. Arab Center Washington DC [Электронный ресурс]. URL: <https://arabcenterdc.org/resource/18767/> (дата обращения: 22.06.2026).

[13] Kabalan M. The Al-Ula GCC Summit: An End to Gulf Rivalry or Just Another Truce? // Insight Turkey. 2021. Vol. 23. № 1. P. 17–28.

[14] Al-Ula GCC Summit Ends the Blockade of Qatar. Doha Institute for Graduate Studies [Электронный ресурс]. URL: <https://www.dohainstitute.org/en/PoliticalStudies/Pages/The-Gulf-Reconciliation-Summit-Circumstances-and-Significance-of-its-Timing.aspx> (дата обращения: 23.06.2026).

[15] The Arab League's Many Failures. Arab Center Washington DC [Электронный ресурс]. URL: <https://arabcenterdc.org/resource/the-arab-leagues-many-failures/> (дата обращения: 23.06.2026).

[16] Brownlie J. International Law and the Use of Force by States. Oxford : Oxford University Press, 1963. P. 90.

References:

- [1] Levkowitz L. The Qatar Crisis and the Gulf Security Architecture // Middle East Policy. 2018. Vol.

25. № 2. P. 29–42.

[2] GCC Crisis. Government Communications Office of Qatar [Электронный ресурс]. URL: <https://www.gco.gov.qa/en/media-centre/in-focus/gcc-crisis/> (дата обращения: 20.06.2026).

[3] Qatar diplomatic crisis // Wikipedia. The Free Encyclopedia. URL: https://en.wikipedia.org/wiki/Qatar_diplomatic_crisis (дата обращения: 20.06.2026).

[4] Arab League Pact: signed on March 22, 1945 [Electronic Resource] // Official website of the League of Arab States. URL: <http://www.lasportal.org/en/aboutlas/Pages/Charter.aspx> (дата обращения: 21.06.2026).

[5] Course of international law: in 6 volumes / [USSR Academy of Sciences, Institute of State and Law]. - Moscow: Nauka, 1967-1969. - 284 s.

[6] UN Convention on the Law of the Sea: adopted on December 10, 1982 [Electronic Resource]. URL: <https://docs.cntd.ru/document/1900747> (access date: 21.06.2026).

[7] Fawcett L. The Middle East // Regionalism and Global Order / ed. by L. Fawcett, A. Hurrell. Oxford : Oxford University Press, 1995. P. 287–311.

[8] Shaw M. N. International Law: The Settlement of Disputes by Peaceful Means. Cambridge : Cambridge University Press, 2003. P. 914–960.

[9] Lingering Gulf Dispute Gives Rise to Multi-Forum Legal Proceedings / American Society of International Law. Insights. Vol. 24. Issue 1 [Electronic Resource]. URL: <https://asil.org/insights/volume/24/issue/1/lingering-gulf-dispute-gives-rise->

[multi-forum-legal-proceedings](#) (дата обращения: 21.06.2026).

[10] Charter of the United Nations: adopted on June 26, 1945 [Electronic resource]. URL: <https://www.un.org/ru/charter-united-nations> (access date: 22.06.2026).

[11] Declaration on the principles of international law concerning friendly relations and cooperation between states in accordance with the UN Charter: adopted on October 24, 1970 [Electronic resource]. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/intlaw_principles.shtml (дата обращения: 22.06.2026).

[12] The GCC Reconciliation: An Assessment. Arab Center Washington DC. URL: <https://arabcenterdc.org/resource/18767/> (access date: 22.06.2026).

[13] Kabalan M. The Al-Ula GCC Summit: An End to Gulf Rivalry or Just Another Truce? // Insight Turkey. 2021. Vol. 23. № 1. P. 17–28.

[14] Al-Ula GCC Summit Ends the Blockade of Qatar. Doha Institute for Graduate Studies [Электронный ресурс]. URL: <https://www.dohainstitute.org/en/PoliticalStudies/Pages/The-Gulf-Reconciliation-Summit-Circumstances-and-Significance-of-its-Timing.aspx> (дата обращения: 23.06.2026).

[15] The Arab League's Many Failures. Arab Center Washington DC. URL: <https://arabcenterdc.org/resource/the-arab-leagues-many-failures/> (дата обращения: 23.06.2026).

[16] Brownlie J. International Law and the Use of Force by States. Oxford : Oxford University Press, 1963. P. 90.

Дата поступления рукописи в редакцию: 09.07.2026 г.

DOI: 10.24412/2782-3849-2026-8-192-196

Дата принятия рукописи в печать: 31.07.2026 г.

ЯКОВЛЕВА Екатерина Сергеевна,

аспирант, Образовательное частное учреждение высшего образования «Институт международного права и экономики имени А.С. Грибоедова», Россия, г. Москва,
e-mail: yakovleva.katya2015@gmail.com

Научный руководитель:

САВИНА Виктория Сергеевна,

доктор юридических наук, профессор, Образовательное частное учреждение высшего образования «Институт международного права и экономики имени А.С. Грибоедова»,
Россия, г. Москва,
e-mail: savin-viktoriya@yandex.ru

РЕГИСТРАЦИЯ ФИРМЕННОГО НАИМЕНОВАНИЯ В СТРАНАХ ЕВРОПЕЙСКОГО СОЮЗА

Аннотация. Работа рассматривает этапы регистрации фирменного наименования в странах ЕС. Особое внимание уделяется способам противодействия недобросовестным практикам, таким как вводящее в заблуждение использование, копирование и подделки, с учётом взаимодействия национальных законов и правоприменительных органов.

Дальнейший фокус направлен на анализ судебных органов и их роль в разрешении споров, включая межгосударственные разногласия и национальные процедуры, что позволяет проследить эффективность внедрения директивных норм и выявить пробелы в их реализации. Особое значение придается изучению координат с международным правом, учитывая взаимосвязь европейских норм с Постановлениями Всемирной организации интеллектуальной собственности и договорными обязательствами.

Ключевые слова: фирменное наименование; средство индивидуализации; интеллектуальная собственность; товарный знак.

YAKOVLEVA Ekaterina Sergeevna,

Postgraduate student, Private Educational Institution of Higher Education "A.S. Griboyedov Institute of International Law and Economics", Moscow, Russia

Scientific supervisor:

SAVINA Victoria Sergeevna,

Doctor of Law, Professor, Private Educational Institution of Higher Education "Griboyedov Institute of International Law and Economics", Moscow, Russia

REGISTRATION OF A COMPANY NAME IN THE EUROPEAN UNION

Annotation. The work examines the stages of registering a trade name in EU countries. Special attention is paid to ways of countering unfair practices, such as misleading use, copying and counterfeiting, taking into account the interaction of national laws and law enforcement agencies.

Further focus is on the analysis of judicial bodies and their role in resolving disputes, including interstate disagreements and national procedures, which allows us to track the effectiveness of the implementation of directive norms and identify gaps in their implementation. Special attention is given to the study of the relationship with international law, taking into account the interconnection of European norms with the Regulations of the World Intellectual Property Organization and contractual obligations.

Key words: brand name; means for individualization; intellectual property; trademark.

Единые критерии регистрации фирменных наименований в странах ЕС

Регистрация фирменного наименования (товарного знака) в странах Европейского Союза проводится преимущественно через Европейское ведомство по интеллектуальной собственности (EUIPO). Заявитель обязан создать электронный аккаунт на официальном портале EUIPO и заполнить заявку в онлайн-формате. К заявке прилагается изображение или словесное обозначение, а также перечень товаров и услуг с указанием соответствующих классов по международной классификации Ниццы. В комплект документов включаются сведения о заявителе и адрес для корреспонденции, а для подачи через представителя требуется доверенность. Оплата государственной пошлины составляет 850 евро за первый класс, 50 евро за второй и 150 евро за каждый последующий класс товаров или услуг [7].

Процедура начинается с формальной проверки, в ходе которой проверяется правильность оформления документов. После этого проводится экспертиза на уникальность фирменного наименования — рассматривается его отличие от ранее зарегистрированных знаков. В случае отсутствия существенных сходств заявка публикуется в официальном бюллетене EUIPO на трехмесячный срок, в течение которого третьи лица имеют право подать возражения. По окончании этого срока, при отсутствии претензий либо после их урегулирования, знак регистрируется и заявителю выдается свидетельство о регистрации. Действие регистрации составляет десять лет, с возможностью неограниченного продления каждые десять лет. Средняя продолжительность процедуры регистрации варьируется от четырех до шести месяцев [3].

Заявки могут подавать как резиденты Европейского Союза, так и лица, находящиеся за его пределами. В последнем случае обязательным условием является наличие представителя, зарегистрированного в пределах Европейского экономического пространства. Языками подачи служат английский и французский. Часто рекомендовано проведение предварительного поиска по базе зарегистрированных знаков с помощью инструмента EUIPO eSearch plus, что значительно снижает вероятность отклонения заявки по причине совпадения с существующими обозначениями [7].

Если компания планирует защиту фирменного наименования в нескольких странах одновременно, целесообразно воспользоваться международной Мадридской системой регистрации. Этот механизм позволяет подать единое заявление в международное бюро Всемирной организации интеллектуальной собственности, охватывающее свыше 130 стран, включая государства ЕС.

Для использования Мадридской системы необходимо наличие базового знака, зарегистрированного в национальном ведомстве или EUIPO. Оплата пошлины происходит единовременно, а управление регистрацией централизовано. Такой способ позволяет существенно сократить затраты времени и ресурсов на регистрацию в разных юрисдикциях [6][8].

EUIPO не проводит полноценной экспертизы по вопросам тождественности или сходства торговых марок, ограничиваясь формальными аспектами и проверкой соответствия заявки установленным требованиям. Главную функцию по сопоставлению с уже существующими документально зарегистрированными знаками выполняют национальные службы экспертизы, куда при необходимости направляются соответствующие возражения и претензии. Все стадии процедуры регистрации происходят в электронной форме, что обеспечивает удобство, прозрачность и оперативный контроль за ходом рассмотрения заявки [3].

Таким образом, процесс регистрации фирменного наименования в странах Европейского Союза построен на прозрачных и стандартизированных правилах, предусматривающих четкие требования к заявительным документам, установленную систему оплаты, контроль на этапах формальной проверки и экспертизы, а также механизм реагирования на возражения третьих лиц. Эти стандарты минимизируют различия между национальными системами, способствуя единообразию.

Правовая защита от недобросовестного использования и подделок

Незаконное использование фирменных наименований и их подделка представляют серьезные риски для правообладателей, вызывая не только финансовые убытки, но и подрывая доверие потребителей. В Европейском Союзе многоканальная система защиты направлена на предупреждение нарушения прав и своевременное выявление контрафактной продукции. Помимо правовых норм, задействованы специальные технические средства, что позволяет повысить эффективность контроля и пресечения недобросовестных действий.

Правовая основа защиты базируется на исключительных правах владельцев товарных знаков и других средств индивидуализации, закрепленных в национальном и европейском законодательстве. Незаконное использование зарегистрированных фирменных наименований и схожих обозначений запрещается, что налагает ответственность как административного, так и уголовного характера на нарушителей. Кроме того, охрана распространяется на упаковку, рекламные материалы и сопроводительную доку-

ментацию, что минимизирует возможности маскировать оригинальную продукцию под дешевые подделки [11].

Для повышения доверия к продукции европейские бренды внедряют комплекс защитных элементов, сложных для копирования. Среди них — голограммы, уникальные серийные номера и коды, позволяющие покупателям проверить подлинность товара через официальные сайты производителей. Дополнительно используются качественные этикетки с подробной информацией о составе и условиях эксплуатации, фирменная упаковка и элементы дизайна, требующие значительных затрат на производство. Низкое качество швов, фурнитуры и материалов часто указывает на подделку, что особенно важно учитывать при оценке достоверности товара [2][5].

Потребительская осведомленность играет существенную роль в противодействии подделкам. Рекомендуется приобретать товары только у официальных дилеров и в авторизованных магазинах, тщательно проверять всю сопутствующую документацию, обращать внимание на цену и качество комплектации. Резко заниженные цены или отсутствие сертификатов являются первыми признаками потенциального нарушения прав правообладателей. Владельцы фирменных наименований часто организуют информационные кампании, направленные на формирование культуры ответственного потребления и предупреждение покупок контрафакта [5].

На государственном уровне функционируют специальные ведомства и контролирующие органы, которые принимают заявления о фактах незаконного использования средств индивидуализации и организуют проверки. В случае выявления нарушений предусмотрены меры административного воздействия, вплоть до изъятия контрафактной продукции и наложения штрафов. Помимо этого, судебные органы Европейского Союза рассматривают дела, направленные на восстановление прав и компенсацию убытков, что обеспечивает дополнительную защиту интеллектуальной собственности и стимулирует соблюдение правовых норм [11][4].

Использование комплексного подхода, объединяющего правовые, технические и организационные меры, создает многоуровневое препятствие для недобросовестных производителей и распространителей поддельной продукции. Это позволяет не только снизить объемы контрафакта, но и сохранять репутацию компаний, инвестирующих в развитие собственных брендов, что важно для поддержания конкурентоспособности на международных рынках и защиты интересов потребителей.

Эти меры обеспечивают сохранность деловой репутации владельцев.

Влияние национального законодательства государств-членов ЕС

Адаптация директивы 2015/2436 в национальных законодательствах государств-членов Европейского Союза представляет собой важный этап интеграции общеевропейских норм с локальными правовыми системами. В рамках этой адаптации страны согласуют свои внутренние законы с базовыми положениями директивы, обеспечивая гармонизацию требований к охране фирменных наименований и процедурам их регистрации. Несмотря на общую цель унификации, каждой стране предоставляется определённая свобода в детализации нормативных актов, что обусловлено особенностями правовых традиций и экономической структуры конкретного государства [1].

В результате национальные законодательства преследуют цель обеспечить эффективную защиту прав правообладателей на территории своей юрисдикции, дополняя общеевропейские институты. Например, в некоторых странах предусмотрены дополнительные механизмы охраны незарегистрированных фирменных наименований или особые правила относительно добросовестного использования. Такая дифференциация служит расширению возможностей субъектов предпринимательства для выбора стратегии защиты, включая возможность обращения в национальные суды по вопросам, не охватываемым непосредственно регулированием на уровне ЕС [1].

Кроме того, национальные законодательства учитывают специфику внутреннего рынка, оперативно реагируя на вызовы местной бизнес-среды и особенности применения правил в условиях конкуренции. Это касается, в частности, процедур разрешения споров, мер ответственности за нарушение прав и механизмов контроля за недобросовестным использованием фирменных наименований. Государственные органы в разных странах могут варьироваться по компетенциям и структуре, что отражается на практике реализации норм и взаимодействии с общеевропейскими ведомствами, такими как EUIPO и суды ЕС [10].

При этом Регламент (ЕС) 2017/1001, дополняющий директиву и устанавливающий общеевропейскую систему товарных знаков, не отменяет действия национальных законов, а функционирует параллельно с ними. Правообладатели получают возможность выбирать между регистрацией знака на национальном уровне, его регистрацией в системе Союза или комбинированным подходом для максимальной защиты. Такая двуязычная структура усиливает комплексность охраны, позволяя обеспечить юридическую защиту фирмы не только в рамках одной страны, но и в масштабах всего единого внутреннего рын-

ка [9].

Взаимодействие между национальным и общеевропейским законодательством характеризуется поиском баланса между единообразием правовых норм и сохранением суверенитета отдельных государств в регулировании вопросов интеллектуальной собственности. Это обеспечивает гибкость системы охраны фирменных наименований, способствует учёту экономических и культурных особенностей стран, и в то же время формирует согласованные стандарты, уменьшающие правовую неопределённость и способствующие развитию интегрированных рыночных отношений в ЕС [1][9].

Таким образом, национальные законодательства государств-членов ЕС, адаптированные под требования директивы 2015/2436 и функционирующие в комплексе с Регламентом (ЕС) 2017/1001, играют ключевую роль в обеспечении многоуровневой и комплексной охраны фирменных наименований. Они не только реализуют общеевропейские стандарты, но и обеспечивают необходимую гибкость, позволяющую учитывать разнообразие правовых систем и эффективно защищать интересы правообладателей на всех уровнях.

Список литературы:

[1] Закон о товарных знаках Европейского Союза - Википедия [Электронный ресурс] // tr-page.yandex.ru - Режим доступа: https://tr-page.yandex.ru/translate?lang=en-ru&url=https%3A%2F%2Fen.wikipedia.org%2Fwiki%2FTrade_mark_law_of_the_European_Union, свободный. - Загл. с экрана.

[2] Как отличить оригинальную европейскую одежду от подделки [Электронный ресурс] // mastoreoriginal.ru - Режим доступа: <https://mastoreoriginal.ru/blogs/blog-sportivnaya-originalnaya-odezhda/kak-otlichit-originalnuyu-evropeyskuyu-odezhdu-ot-poddelki>, свободный. - Загл. с экрана.

[3] Международная регистрация товарного знака [Электронный ресурс] // legal-support.ru - Режим доступа: <https://legal-support.ru/information/blog/trademarks/mezhdunarodnaya-registraciya-tovarnogo-znaka-poshagovo/>, свободный. - Загл. с экрана.

[4] Охота на двойников: как производителю подлинных... | Retail.ru [Электронный ресурс] // www.retail.ru - Режим доступа: <https://www.retail.ru/articles/okhota-na-dvoynikov-kak-proizvoditelyu-podlinnykh-tovarov-konkurovat-s-poddelkami/>, свободный. - Загл. с экрана.

[5] Покупка Подлинных Брендовых Товаров в Европе... | GlobusPost.eu [Электронный ресурс] // globuspost.ru

- Режим доступа: <https://globuspost.ru/kak-obeziposait-sebya-ot-poddelok-pri-pokupke-brendovyh-veschej-v-evrope>, свободный. - Загл. с экрана.

[6] РБК: Как оформить бренд за рубежом [Электронный ресурс] // rospatent.gov.ru - Режим доступа: <https://rospatent.gov.ru/ru/news/rbk-26092023>, свободный. - Загл. с экрана.

[7] Регистрация товарного знака в ЕС через EUIPO | WCR [Электронный ресурс] // wcr-consulting.com - Режим доступа: <https://wcr-consulting.com/blog/2025/11/01/trademark-registration-in-the-eu-through-euipo/>, свободный. - Загл. с экрана.

[8] Регистрация товарного знака в Европе - Ezybrand [Электронный ресурс] // ezybrand.ru - Режим доступа: <https://ezybrand.ru/blog/registracziya-tovarnogo-znaka-v-evrope-po-madridskoj-sisteme-i-drugie-sposoby/>, свободный. - Загл. с экрана.

[9] Регламент (ЕС) 2017/1001 Европейского Парламента и Совета от... [Электронный ресурс] // www.wipo.int - Режим доступа: <https://www.wipo.int/wipolex/ru/legislation/details/18298>, свободный. - Загл. с экрана.

[10] Регламент Европейского Парламента и Совета... | ГАРАНТ [Электронный ресурс] // base.garant.ru - Режим доступа: <https://base.garant.ru/71998502/>, свободный. - Загл. с экрана.

[11] Средства индивидуализации – защита от подделки [Электронный ресурс] // 86.rospotrebnadzor.ru - Режим доступа: <https://86.rospotrebnadzor.ru/news/sredstva-individualizaczii-%E2%80%93-zashhita-ot-poddelki.html>, свободный. - Загл. с экрана.

References:

[1] European Union Trademark Act - Wikipedia [Electronic Resource] // tr-page.yandex.ru - Access mode: https://tr-page.yandex.ru/translate?lang=en-ru&url=https%3A%2F%2Fen.wikipedia.org%2Fwiki%2FTrade_mark_law_of_the_European_Union, free. - Zagl. from the screen.

[2] How to distinguish original European clothing from counterfeit [Electronic resource] // mastoreoriginal.ru - Access mode: <https://mastoreoriginal.ru/blogs/blog-sportivnaya-originalnaya-odezhda/kak-otlichit-originalnuyu-evropeyskuyu-odezhdu-ot-poddelki>, free. - Zagl. from the screen.

[3] International trademark registration [Electronic resource] // legal-support.ru - Access mode: <https://legal-support.ru/information/blog/trademarks/mezhdunarodnaya-registraciya-tovarnogo-znaka-poshagovo/>, free. - Zagl. from the screen.

[4] Hunting for doubles: as a producer of genuine... | Retail.ru [Electronic resource] //

www.retail.ru - Access mode: <https://www.retail.ru/articles/okhota-na-dvoynikov-kak-proizvoditel-yu-podlinnykh-tovarov-konkurirovat-s-poddelkami/>, free. - Zagl. from the screen.

[5] Purchase of Genuine Branded Goods in Europe... | GlobusPost.eu [Electronic resource] // globuspost.ru - Access mode: <https://globuspost.ru/kak-obezopasit-sebya-ot-poddelok-pri-pokupke-brendovyh-veschej-v-evrope>, free. - Zagl. from the screen.

[6] RBC: How to brand abroad [Electronic resource] // rospatent.gov.ru - Access mode: <https://rospatent.gov.ru/ru/news/rbk-26092023>, free. - Zagl. from the screen.

[7] EU Trademark Registration via EUIPO | WCR [Electronic Resource] // wcr-consulting.com - Access Mode: <https://wcr-consulting.com/blog/2025/11/01/trademark-registration-in-the-eu-through-euipo/>, free. - Zagl. from the screen.

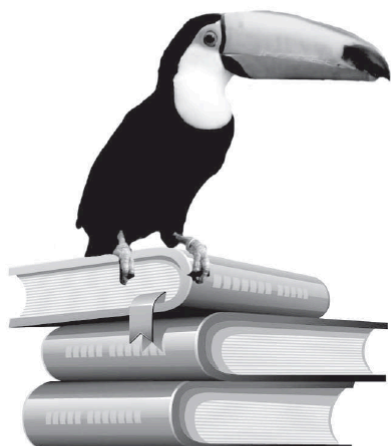
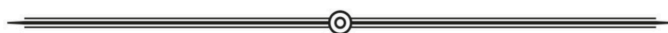
[8] Trademark registration in Europe

- Ezybrand [Electronic resource] // ezybrand.ru - Access mode: <https://ezybrand.ru/blog/registracziya-tovarnogo-znaka-v-evrope-po-madridskoj-sisteme-i-drugie-sposoby/>, free. - Zagl. from the screen.

[9] Regulation (EC) 2017/1001 of the European Parliament and of the Council dated... [Electronic resource] // www.wipo.int - Access mode: <https://www.wipo.int/wipolex/ru/legislation/details/18298>, free. - Zagl. from the screen.

[10] Regulation of the European Parliament and the Council... | GUARANTOR [Electronic resource] // base.garant.ru - Access mode: <https://base.garant.ru/71998502/>, free. - Zagl. from the screen.

[11] Means of individualization - counterfeit protection [Electronic resource] // 86.rospotrebnadzor.ru - Access mode: <https://86.rospotrebnadzor.ru/news/sredstva-individualizaczii-%E2%80%93-zashhita-ot-poddelki.html>, free. - Zagl. from the screen.

ЮРКОМПАНИ

www.law-books.ru

Юридическое издательство
«ЮРКОМПАНИ»

Издание учебников,
учебных и методических
пособий, монографий,
научных статей.

Профессионально.

В максимально
короткие сроки.

Размещаем
в РИНЦ, E-Library.

Дата поступления рукописи в редакцию: 26.06.2026 г.

DOI: 10.24412/2782-3849-2026-8-197-204

Дата принятия рукописи в печать: 17.07.2026 г.

ТУРОВА Анастасия Владимировна,

кандидат юридических наук, доцент практики, и.о.
заведующего кафедрой международного публичного и
частного права Юридической школы Дальневосточного
федерального университета г. Владивосток,
e-mail: mail@law-books.ru

КОРОСТЕЛЕВ Данил Дмитриевич,

студент 4 курса Юридической школы Дальневосточного
федерального университета, г. Владивосток,
e-mail: korostelev.dd@dvfu.ru

ЦЕНЕВА Анастасия Витальевна,

студентка 3 курса Юридической школы Дальневосточного
федерального университета, г. Владивосток,
e-mail: tceneva.av@dvfu.ru

АВТОНОМИЯ ВОЛИ СТОРОН И ОГРАНИЧИВАЮЩИЕ ЕЕ ИМПЕРАТИВНЫЕ НОРМЫ В ДОГОВОРАХ МОРСКОЙ ПЕРЕВОЗКИ ГРУЗОВ: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ПРАВА РОССИИ И АНГЛИИ

Аннотация. Настоящая статья посвящена сравнительно-правовому анализу пределов действия принципа автономии воли сторон в договорах морской перевозки грузов по праву России и Англии. Автор исследует концептуальные основы автономии воли, восходящие к римскому праву, и классификацию ограничивающих ее императивных норм (обычные и сверхимперативные). В работе выявляются ключевые различия в источниках и механизмах ограничения договорной свободы: английская модель «статутного императива», основанная на Гагско-Висбийских правилах (COGSA 1971), сопоставляется с российской моделью «ограниченной диспозитивности», закрепленной в КТМ РФ и ГК РФ и предполагающей дифференциацию правового режима в зависимости от вида плавания (каботаж или заграничное). Особое внимание уделяется коллизионным аспектам выбора применимого права, инкорпорации арбитражных оговорок, а также влиянию санкционных режимов (указы Президента РФ, регламенты ЕС) на реализацию автономии воли. Автор приходит к выводу, что, несмотря на общую цель защиты слабой стороны договора, подходы двух юрисдикций принципиально расходятся в материально-правовой, коллизионной и процессуальной плоскостях, а санкционное регулирование формирует новый слой императивных ограничений, блокирующих договорную свободу.

Ключевые слова: автономия воли, императивные нормы, сверхимперативные нормы, договор морской перевозки грузов, оговорка о публичном порядке, каботаж, заграничное плавание, арбитражная оговорка, санкционные ограничения.

TUROVA Anastasia Vladimirovna,

PhD in Law, Associate Professor of Practice, Acting Head of the
Department of International Public and Private Law at the Law School
of the Far Eastern Federal University, Vladivostok

KOROSTELEV Danil Dmitrievich,

4th year student at the Law School of the Far Eastern Federal
University, Vladivostok

TSENEVA Anastasia Vitalievna,

3rd year student at the Law School of the Far Eastern Federal
University, Vladivostok

AUTONOMY OF THE PARTIES' WILL AND IMPERATIVE NORMS LIMITING IT IN CONTRACTS FOR THE CARRIAGE OF GOODS BY SEA: A COMPARATIVE ANALYSIS OF RUSSIAN AND ENGLISH LAW

Annotation. *This article is devoted to a comparative legal analysis of the limits of the principle of autonomy of the will of the parties in contracts for the carriage of goods by sea under the law of Russia and England. The author explores the conceptual foundations of the autonomy of the will, dating back to Roman law, and the classification of imperative norms limiting it (ordinary and superimperative). The paper identifies key differences in the sources and mechanisms of restriction of contractual freedom: the English model of the "statutory imperative", based on the Hague-Visby Rules (COGSA 1971), is compared with the Russian model of "limited dispositivity", enshrined in the KTM of the Russian Federation and the Civil Code of the Russian Federation and assumes differentiation of the legal regime depending on the type of navigation (coasting or foreign). Particular attention is paid to the conflict-of-laws aspects of the choice of applicable law, the incorporation of arbitration clauses, as well as the impact of sanctions regimes (decrees of the President of the Russian Federation, EU regulations) on the implementation of the autonomy of the will. The author comes to the conclusion that, despite the common goal of protecting the weak side of the contract, the approaches of the two jurisdictions fundamentally differ in substantive, conflict-of-laws and procedural aspects, and sanctions regulation forms a new layer of imperative restrictions that block contractual freedom.*

Key words: *autonomy of will, imperative norms, super-imperative norms, contract for the carriage of goods by sea, public policy clause, cabotage, overseas navigation, arbitration clause, sanctions restrictions.*

Введение. Принцип автономии воли традиционно рассматривается в качестве краеугольного камня международного частного права и договорного регулирования. В сфере торгового мореплавания этот принцип позволяет сторонам самостоятельно определять применимое право, условия ответственности и порядок разрешения споров. Однако свобода договора не является абсолютной: как в доктрине, так и в законодательстве различных государств существуют императивные нормы, призванные защитить экономически более слабую сторону (грузовладельца), обеспечить единообразие правового регулирования и воспрепятствовать злоупотреблениям. Особенности регулирования морской перевозки грузов состоят в том, что она одновременно регулируется национальными законами, международными. Не малую роль играет практика, которая оказывает влияние на правоприменение. Взаимодействие этих источников порождает фундаментальное противоречие: с одной стороны, участники оборота стремятся к предсказуемости и свободе выбора (особенно при использовании чартер-партий), с другой — государство устанавливает законодательные ограничения, отступление от которых недопустимо.

Актуальность темы обусловлена несколькими факторами.

Во-первых, конкуренцией двух правовых систем: английское право, будучи *de facto* мировым лидером в области морского арбитража, и российское право, сохраняющее континентальную традицию с выраженной дихотомией режимов каботаж и заграничного плавания.

Во-вторых, возникновением подсистемы санкционного правового регулирования, применение которого привело к появлению новых императивных ограничений (блокирующие санкции, запрет на исполнение обязательств перед под-

санкционными лицами), вторгающихся в договорную свободу.

Автор данного исследования своей целью ставит провести системный сравнительно-правовой анализ пределов действия принципа автономии воли в договорах морской перевозки грузов в двух крупных правовых системах: России и Англии, выявив нормативные, доктринальные и правоприменительные различия.

Методологическая основа исследования включает несколько взаимодополняющих подходов. Формально-юридический метод применён для анализа содержания правовых норм, выявления их императивного или диспозитивного характера, а также для толкования терминов, используемых в законодательстве и судебной практике. Сравнительно-правовой метод использован для сопоставления правовых систем России и Англии по заранее определённым критериям: источники регулирования морских перевозок; сфера действия императивных норм (включая деление на каботаж и заграничное плавание); коллизионное регулирование (выбор права, нормы непосредственного применения, публичный порядок); процессуальные аспекты (действительность арбитражных и пророгационных соглашений); влияние экстраправовых факторов (санкции). Системно-структурный метод позволил рассматривать автономию воли не изолированно, а в системе ограничений, включая международные конвенции, национальные императивы и судебную практику.

Выявление сущности автономии воли и природы ее ограничений на доктринальном уровне создает необходимую методологическую базу для последующего анализа отраслевой специфики, присущей договорным отношениям в море. В связи с этим проведён краткий исторический экскурс, а также определен понятийно-категориальный аппарат, используемый в настоящем

исследовании.

Основная часть. В доктрине международного частного права автономия воли (*lex voluntatis*) традиционно рассматривается в качестве центрального института, что неоднократно подчеркивалось такими учеными, как И.В. Гетьман-Павлов, В.А. Канашевский, М.М. Богуславский и др. Данный институт выполняет троякую функциональную роль: выступает в качестве источника МЧП, его основополагающего специального принципа и одной из коллизионных привязок. Сущность принципа автономии воли заключается в том, что стороны в договоре могут устанавливать по своему усмотрению не только условия и содержание договора, но и определять право, которое будет применяться к заключенному ими договору [21], то есть у сторон имеется «свобода усмотрения» не только в вопросах определения о чем договориться и на каких условиях, но и в вопросе какой избранной ими правовой системе подчинить возникшее обязательство. Отдельные авторы понимают автономию воли еще как своеобразный способ регулирования отношений с иностранным элементом [22]. С последним трудно согласиться. Если рассматривать автономию воли как способ регулирования, то происходит смешение двух понятий «метод» и «способ» регулирования. В международном частном праве традиционно выделяют два метода регулирования: коллизионный и материально правовой (прямой) [23]. Когда авторы говорят о «способе», они, по-видимому, имеют в виду договорную свободу (т.е. материально-правовой метод), однако в международном частном праве это разные аспекты. Свобода договора как материально-правовое явление ограничена императивными нормами избранного сторонами правопорядка, а коллизионная привязка (выбор права), например оговоркой о публичном порядке. На пример, лицо А и Б заключили договор и указали, что к их отношениям применяется право государства А (вот автономия воли). Если в случае спора выяснится, что применение права государства А приведет к результату, явно противоречащему публичному порядку, суд откажет в применении права государства А на основании императива. В таком случае суд разрешая дело применяет материальную норму, а не коллизионную привязку (автономию воли). Таким образом автономия воли представляет собой не самостоятельный метод, а скорее инструмент (механизм), предоставляющий сторонам выбрать применимый правопорядок, пределы которой определены в его содержании.

Представляется, что концептуальной основой автономии воли выступает категория свободы, понимаемая как естественная способность индивида к самоопределению. В данной связи показательна мысль Флорентина, зафиксирован-

ная в Дигестах Юстиниана (Книга 1, Титул V, п. 4): «Свобода есть естественная способность каждого делать то, что ему угодно, если это не запрещено силой или правом». Из приведенного фрагмента для целей настоящего исследования можно извлечь два ключевых положения. Во-первых, свобода имплицитно включает в себя автономию воли как «естественную возможность» (*facultas naturalis*) действовать по собственному усмотрению. Во-вторых, данный постулат легитимирует существование внешних ограничителей — императивов в виде силы (*vis*) или права (*jus*), которые ставят предел этой свободе.

Понимание природы этих ограничений имеет принципиальное значение для корректной квалификации пределов действия автономии воли в современном МЧП, и особенно в таких сферах, как морские перевозки, где публично-правовые и частноправовые интересы тесно переплетены. Анализ приведенного римско-правового положения не дает однозначного ответа на вопрос о форме закрепления данных императивов: должны ли они быть непосредственно выражены в тексте закона (*lex scripta*) или могут вытекать из толкования правовых норм, обычаев, включая обычаи, признаваемые в качестве права (*opinio juris*). Представляется, что формальная легализация (санкционирование) не является конститутивным признаком императивности.

В современной теории международного публичного и частного права нормы, обладающие особой значимостью и императивностью вне зависимости от их текстуального закрепления в конкретном законе, квалифицируются как сверхимперативные (нормы *jus cogens* в международном публичном праве или нормы непосредственного применения в международном частном праве). Указанная дихотомия между свободой усмотрения сторон и жесткостью императивных ограничений приобретает особую остроту в договорах морской перевозки грузов, где сталкиваются диспозитивные традиции английского права и континентальный подход России к защите слабой стороны (грузовладельца).

Таким образом, родоначальником «теории автономии воли» в коллизионном праве как таковой в доктрине считается крупнейший французский юрист XVI века Шарль Дюмулен [24], однако, как видно из изложенного, первые прообразы этого принципа были заложены еще древнеримской правовой мыслью, заложившей фундамент для понимания соотношения свободы волеизъявления и необходимых пределов ее осуществления. Что касается императивных норм, то в международном частном праве различают две категории норм, ограничивающих автономию воли: обычные императивные нормы (*mandatory rules*), подлежащие применению в силу прямого

указания закона, и сверхимперативные нормы (overriding mandatory rules, lois de police), которые должны применяться независимо от выбранного сторонами права, если они выражают публичный интерес государства (ст. 1192 ГК РФ, ст. 9 Регламента «Рим I»).

В сфере морской перевозки грузов обычные императивные нормы направлены на установление минимальных стандартов ответственности перевозчика (обязанность обеспечить мореходное состояние судна, сроки подачи уведомлений о претензиях). Сверхимперативные нормы могут возникать, например, в связи с запретом на перевозку определённых грузов, требованиями экологической безопасности или санкционными режимами. Влияние последних на настоящем этапе развития международного частного права существенно влияет на саму частноправовую природу отношений, связанных с морской перевозкой грузов.

Основным источником регулирования договора морской перевозки груза в России является КТМ РФ (глава VIII). В соответствии со ст. 116 КТМ РФ правила главы применяются, если соглашением сторон не установлено иное, за исключением случаев, прямо указанных в законе, где соглашение сторон, не соответствующее правилам, ничтожно. Таким образом, российский законодатель избрал модель ограниченной диспозитивности.

К числу безусловно императивных относятся нормы, содержащиеся в ст. 124 (мореходное состояние судна), ст. 142 (выдача консамента), ст. 175 (ничтожность соглашений об освобождении перевозчика от ответственности или уменьшении её пределов). Однако в литературе справедливо отмечается, что многие другие нормы (например, о навигационной ошибке — ст. 167) формально диспозитивны, но при перевозках в каботаже их применение не может быть изменено соглашением сторон в силу прямого указания ст. 3 КТМ РФ о том, что правила КТМ РФ обязательны для судов, плавающих под Государственным флагом РФ, во внутренних водах и территориальном море.

Коллизионные нормы, применяемые к договорам морской перевозки, содержатся в ст. 1210–1211 ГК РФ. Стороны могут выбрать применимое право как в момент заключения договора, так и позднее (ст. 1210 ГК РФ). Однако выбор права не может ограничивать действие императивных норм страны, с которой договор реально связан (ст. 1192 ГК РФ). Кроме того, суд или арбитраж вправе применить сверхимперативные нормы России, если они выражают публичный интерес. Практика Верховного суда РФ показывает, что в спорах, возникающих в сфере торгового мореплавания, часто применяются императивные

положения КТМ РФ даже в случаях, когда стороны выбрали иностранное право. В частности, в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 09.07.2019 N 24 «О применении норм международного частного права судами Российской Федерации» указано следующее: «В силу прямого указания закона к числу норм непосредственного применения относятся положения пункта 2 статьи 414 КТМ РФ, согласно которым наличие соглашения сторон о выборе применимого права не может повлечь устранение или уменьшение ответственности, которую в соответствии с КТМ РФ перевозчик должен нести за вред, причиненный жизни или здоровью пассажира, утрату или повреждение груза и багажа либо просрочку их доставки».

Одной из специфических черт российского подхода является деление перевозок на каботажные (между портами РФ) и заграничные. Для каботажных практически все нормы КТМ РФ являются императивными, тогда как для заграничных стороны пользуются большей свободой, но с оговоркой о недопустимости снижения ответственности перевозчика ниже пределов, установленных международными конвенциями, которые РФ ратифицировала. Такая дифференциация отсутствует в английском праве.

С 2022 г. вступили в силу многочисленные указы Президента РФ, вводящие запреты на совершение сделок с лицами, находящимися под санкциями, и на исполнение обязательств перед ними (Указ № 95 «О временном порядке исполнения обязательств перед некоторыми иностранными кредиторами» и др [25]). Эти акты создают новый вид императивных ограничений, которые могут блокировать реализацию автономии воли, даже если стороны выбрали применимым английское право.

В литературе подчёркивается, что такие запреты подлежат применению как сверхимперативные нормы в силу прямого указания ст. 1192 ГК РФ. Арбитражные суды рассматривают экономическую санкцию в качестве препятствия исполнению договорных обязательств: она ограничивает договорную свободу участников, или является элементом применимого права либо является сверхимперативной нормой. Показательным в этой связи является Определение АС Красноярского края от 18 июня 2019 г. по делу N А33-17899/2018, которым отказано корейской фирме в признании и исполнении на территории России решения иностранного суда о взыскании с российского общества с ограниченной ответственностью суммы долга по договору перестрахования. В обоснование отказа арбитражный суд указал, что исполнение иностранного арбитражного решения противоречит публичному порядку РФ, так как согласно Указу Президента РФ от

14 октября 2017 г. N 484 «О мерах по выполнению резолюции Совета Безопасности ООН 2321 от 30 ноября 2016 года» запрещено исполнять требование об оплате любого контракта, предъявленное любым физическим или юридическим лицом в КНДР.

Параллельно с российскими ограничительными мерами развивается и европейское санкционное регулирование, непосредственно влияющее на морские перевозки. Согласно пункту 5 Регламента Совета (ЕС) 2024/3192 от 16 декабря 2024 года о внесении изменений в Регламент (ЕС) № 833/2014, касающийся ограничительных мер в связи с действиями России, дестабилизирующими ситуацию в Украине в целях дальнейшего ограничения деятельности судов, используемых для содействия или поддержки действий или политики, направленных на поддержку действий России против Украины, Решением (CFSP) 2024/3187 в список судов, указанный в Приложении XVI к Решению 2014/512/CFSP, добавлены новые суда, на которые распространяется запрет на заход в порты и шлюзы государств-членов ЕС, а также запрет на предоставление широкого спектра услуг, связанных с морскими перевозками. Эти меры создают дополнительные фактические препятствия для исполнения договоров морской перевозки, которые, в зависимости от применимого права и юрисдикции суда, могут квалифицироваться либо как обстоятельства форс-мажора, либо как императивные ограничения, преодолевающие договорную автономию сторон.

Английское право морских перевозок не кодифицировано в едином акте, но базируется на COGSA 1971, который инкорпорирует Гаагско-Висбийские правила (The Hague-Visby Rules). В соответствии с s. 1(2) COGSA 1971 Правила имеют силу закона и применяются к договорам перевозки, охватываемым коносаментом или аналогичным документом. В отличие от российского подхода, здесь нет разделения на диспозитивные и императивные нормы, в Англии Правила действуют как статутный императив.

Центральное ограничение автономии во-

ли в английском праве содержится в ст. III (8) Правил: любое условие, освобождающее перевозчика от ответственности или уменьшающее её иначе, чем это установлено Правилами, является ничтожным, недействительным и не имеющим силы. Английские суды последовательно применяют эту норму, признавая недействительными оговорки о сокращении сроков исковой давности (The Antares), об исключении ответственности за девиацию (The Sur [2018]) или о переносе бремени доказывания (Volcafe).

Вопрос о применимом праве к договорам морской перевозки в Англии регулируется Регламентом «Рим I» (сохранённым как retained EU law) и общим правом для тех аспектов, которые не охвачены Регламентом. Согласно ст. 3 Регламента, стороны свободны в выборе права, но этот выбор не может лишить грузовладельца защиты, предоставляемой императивными нормами того права, которое подлежало бы применению при отсутствии выбора (ст. 3(3), 3(4)). В контексте морских перевозок это означает, что даже если стороны выбрали, например, право Панамы, суд может применить Гаагско-Висбийские правила, если перевозка имеет тесную связь с Англией.

Английское право отличается жёстким подходом к инкорпорации арбитражных оговорок в коносаменты. Общее правило, сформулированное в The Fiona [1994], гласит: арбитражная оговорка не инкорпорируется в коносамент общей отсылочной оговоркой («all terms and conditions»), если только она не упомянута специально. Этот подход ограничивает возможность судовладельца навязать держателю коносамента арбитраж, о котором тот не знал. Кроме того, английские суды активно используют anti-suit injunctions для защиты юрисдикционных соглашений. В деле MUR Shipping BV v RTI Ltd [2024] UKSC 18 Верховный суд подтвердил, что ссылка на force majeure в связи с санкциями не освобождает сторону от исполнения арбитражного соглашения, что подчёркивает императивность процессуальных договорённостей.

Для систематизации различий предлагается следующая таблица.

Таблица 1. Сравнение подходов России и Англии к ограничению автономии воли в договорах морской перевозки грузов

Критерий	Право России	Право Англии
Источники	КТМ РФ (кодификация), ст. 1192–1211 ГК РФ, судебная практика	COGSA 1971 (инкорпорирует Гаагско-Висби), общее право, Регламент «Рим I»
Сверхимперативные нормы	Ст. 1192 ГК РФ признаёт ст. 175 КТМ РФ сверхимперативной	Аналоги ст. 9 Регламента «Рим I»; судебное признание overriding mandatory rules

Коллизионная привязка	Выбор права возможен (ст. 1210 ГК РФ), но ограничен публичным порядком и сверхимперативными нормами	Выбор права свободен, но ограничен ст. 3(3) Регламента «Рим I» и императивом Гаагско-Висби
Инкорпорация арбитражных оговорок	Возможна даже общей ссылкой; суды учитывают волю сторон (ст. 431 ГК РФ)	Строгое правило: требуется специальное упоминание арбитражной оговорки
Влияние санкций	Императивные запреты (указы Президента) могут блокировать исполнение, применяются как сверхимперативные нормы	Санкции рассматриваются как <i>force majeure</i> или <i>frustration</i> , но арбитражные соглашения сохраняют силу (MUR Shipping)

Заключение. Проведённое исследование позволяет сформулировать следующие основные выводы:

Во-первых, принцип автономии воли сторон в договорах морской перевозки грузов в России и Англии подвергается существенным ограничениям, однако природа и механизмы этих ограничений различны. В Англии доминирует модель «статутного императива», основанная на Гаагско-Висбийских правилах, которые не могут быть изменены соглашением сторон в коносаментных перевозках. В России действует модель «ограниченной диспозитивности», где императивные нормы перечислены в законе, но для заграничного судоходства допускается более широкая свобода договора.

Во-вторых, ключевые различия проявляются в трёх плоскостях: (а) материально-правовой (дифференциация каботаж или заграничное судоходство в России против универсального применения Правил в Англии); (б) коллизионной (активное использование ст. 1192 ГК РФ российскими судами против более сдержанного применения сверхимперативных норм в Англии); (в) процессуальной (формальный подход к инкорпорации арбитражных оговорок в Англии против гибкого подхода в России).

В-третьих, санкционные ограничения, введённые с 2022 года, создают новый слой императивных норм, которые могут блокировать реализацию автономии воли независимо от выбранного сторонами права. В России эти ограничения применяются как сверхимперативные нормы (ст. 1192 ГК РФ), что подтверждается практикой МАК. В Англии санкции рассматриваются в рамках доктрин *force majeure* и *frustration*, но не отменяют обязательности арбитражных соглашений.

В-четвертых, перспективы дальнейших исследований связаны с анализом возможной ратификации Россией Роттердамских правил, которые предлагают более гибкий механизм балансирования автономии воли и императивных норм (включая возможность «опциона» применения правил). Кроме того, требует отдельного изучения практика применения блокирующих санкционных указов в арбитражных разбирательствах,

особенно в контексте признания и приведения в исполнение иностранных арбитражных решений.

Список литературы:

- [1] Кодекс торгового мореплавания Российской Федерации : Федеральный закон от 30.04.1999 № 81-ФЗ (ред. от 26.12.2024) // Собрание законодательства РФ. – 1999. – № 18.
- [2] Гражданский кодекс Российской Федерации (часть третья) : Федеральный закон от 26.11.2001 № 146-ФЗ (ред. от 24.07.2023) // Собрание законодательства РФ. – 2001. – № 49.
- [3] Carriage of Goods by Sea Act 1971 (с. 19) // UK Public General Acts. – London: HMSO, 1971.
- [4] Regulation (EC) No 593/2008 of the European Parliament and of the Council of 17 June 2008 on the law applicable to contractual obligations (Rome I) // OJ L 177, 4.7.2008. – P. 6–16.
- [5] Гуцуляк, В.Н. Международное морское право (публичное и частное) : учебное пособие / В.Н. Гуцуляк. – М. : Статут, 2022. – 480 с.
- [6] Wilson, J.F. Carriage of Goods by Sea / J.F. Wilson. – 10th ed. – London : Pearson, 2020. – 500 p.
- [7] Baatz, Y. Maritime Law / Y. Baatz. – 5th ed. – London : Informa Law, 2021. – 550 p.
- [8] Berlingieri, F. Berlingieri on Arrest of Ships / F. Berlingieri. – 6th ed. – London : Informa Law, 2021. – Vol. 1. – 800 p.
- [9] Todd, P. Principles of the Carriage of Goods by Sea / P. Todd. – 2nd ed. – Abingdon : Routledge, 2020. – 450 p.
- [10] Volcafe Ltd v Cia Sud Americana de Vapores SA [2018] UKSC 61 // UKSC Judgment. – 2018. – URL: <https://www.supremecourt.uk/cases/docs/uksc-2016-0105-judgment.pdf> (дата обращения: 19.03.2026).
- [11] The Meritz [2021] EWHC 3399 (Comm) // Lloyd's Law Reports. – 2022. – Vol. 1. – P. 112–128.
- [12] MUR Shipping BV v RTI Ltd [2024] UKSC 18 // UKSC Judgment. – 2024. – URL: <https://www.supremecourt.uk/cases/docs/uksc-2022-0142-judgment.pdf> (дата обращения: 19.03.2026).

[13] Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 09.07.2019 N 24 "О применении норм международного частного права судами Российской Федерации" // "Бюллетень Верховного Суда РФ", N 10, октябрь, 2019.

[14] Гетьман-Павлова, И.В. Международное частное право : учебник / И.В. Гетьман-Павлова. – 5-е изд., перераб. и доп. – М. : Юрайт, 2025. – 620 с.

[15] Международное частное право: учебник / В.А. Канашевский. – 5-е изд., перераб. и доп. – М.: Международные отношения, 2024. – 1184 с., с. 23.

[16] Fernández, J.E. Party Autonomy and Mandatory Rules in Maritime Transport Contracts / J.E. Fernández // Journal of International Maritime Law. – 2024. – Vol. 30. – № 2. – P. 112–129.

[17] Асосков, А.В. Сверхимперативные нормы в международном частном праве / А.В. Асосков // Вестник гражданского права. – 2022. – № 3. – С. 56–78.

[18] Указ Президента РФ от 05.03.2022 № 95 «О временном порядке исполнения обязательств перед некоторыми иностранными кредиторами» // Собрание законодательства РФ. – 2022. – № 10. – Ст. 1465.

[19] Указ Президента РФ от 28.02.2022 N 79 «О применении специальных экономических мер в связи с недружественными действиями Соединенных Штатов Америки и примкнувших к ним иностранных государств и международных организаций».

[20] The Rotterdam Rules: UN Convention on Contracts for the International Carriage of Goods Wholly or Partly by Sea, 2008 // UNCITRAL. – URL: https://uncitral.un.org/en/texts/transportgoods/conventions/rotterdam_rules (дата обращения: 19.03.2026).

[21] Богуславский М.М. Международное частное право : учебник. – 5-е изд., перераб. и доп. – М. : Юристъ, 2005. – С. 267.

[22] Мосс Д.К. Автономия воли в практике международного коммерческого арбитража / под ред. А.А. Рубанова. – М., 1996. – С. 8.

[23] Канашевский В.А. Международное частное право : учебник. – 5-е изд., перераб. и доп. – М. : Международные отношения, 2024. – С. 23.

[24] Словарь международного права / отв. ред. С.А. Егоров. – 3-е изд., перераб. и доп. – М. : Статут, 2014. – С. 495.

[25] Указ Президента РФ от 28.02.2022 N 79 (ред. от 09.06.2022, с изм. от 20.05.2024) "О применении специальных экономических мер в связи с недружественными действиями Соединенных Штатов Америки и примкнувших к ним иностранных государств и международных организаций" // URL: <https://www.consultant.ru/>

document/cons_doc_LAW_410417/ (дата обращения: 26.03.2026).

References:

[1] Merchant Shipping Code of the Russian Federation: Federal Law of 30.04.1999 No. 81-FZ (as amended on 26.12.2024) // Collection of Legislation of the Russian Federation. – 1999. – № 18.

[2] Civil Code of the Russian Federation (part three): Federal Law of 26.11.2001 No. 146-FZ (as amended on 24.07.2023) // Collection of Legislation of the Russian Federation. – 2001. – № 49.

[3] Carriage of Goods by Sea Act 1971 (c. 19) // UK Public General Acts. – London: HMSO, 1971.

[4] Regulation (EC) No 593/2008 of the European Parliament and of the Council of 17 June 2008 on the law applicable to contractual obligations (Rome I) // OJ L 177, 4.7.2008. – P. 6–16.

[5] Gutsulyak, V.N. International Law of the Sea (Public and Private): A Textbook/V.N. Gutsulyak. – M.: Statute, 2022. – 480 s.

[6] Wilson, J.F. Carriage of Goods by Sea / J.F. Wilson. – 10th ed. – London : Pearson, 2020. – 500 p.

[7] Baatz, Y. Maritime Law / Y. Baatz. – 5th ed. – London : Informa Law, 2021. – 550 p.

[8] Berlingieri, F. Berlingieri on Arrest of Ships / F. Berlingieri. – 6th ed. – London : Informa Law, 2021. – Vol. 1. – 800 p.

[9] Todd, P. Principles of the Carriage of Goods by Sea / P. Todd. – 2nd ed. – Abingdon : Routledge, 2020. – 450 p.

[10] Volcafe Ltd v Cia Sud Americana de Vapores SA [2018] UKSC 61 // UKSC Judgment. – 2018. – URL: <https://www.supremecourt.uk/cases/docs/uksc-2016-0105-judgment.pdf> (access date: 19.03.2026).

[11] The Meritz [2021] EWHC 3399 (Comm) // Lloyd's Law Reports. – 2022. – Vol. 1. – P. 112–128.

[12] MUR Shipping BV v RTI Ltd [2024] UKSC 18 // UKSC Judgment. – 2024. – URL: <https://www.supremecourt.uk/cases/docs/uksc-2022-0142-judgment.pdf> (access date: 19.03.2026).

[13] Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of 09.07.2019 No. 24 "On the Application of Private International Law by the Courts of the Russian Federation" // "Bulletin of the Supreme Court of the Russian Federation," No. 10, October, 2019.

[14] Hetman-Pavlova, I.V. Private international law: textbook/I.V. Hetman-Pavlova. – 5th ed., Revised and add. – M.: Yurayt, 2025. – 620 s.

[15] Private international law: textbook/ V.A. Kanashevsky. – 5th. ed., Revised and add. – M.: International Relations, 2024. – 1184 p., p. 23.

[16] Fernández, J.E. Party Autonomy and

Mandatory Rules in Maritime Transport Contracts / J.E. Fernández // Journal of International Maritime Law. – 2024. – Vol. 30. – № 2. – P. 112–129.

[17] Asoskov, A.V. Super Imperative Norms in Private International Law/A.V. Asoskov // Bulletin of Civil Law. – 2022. – № 3. – S. 56–78.

[18] Decree of the President of the Russian Federation of 05.03.2022 No. 95 "On the temporary procedure for fulfilling obligations to certain foreign creditors" // Collection of legislation of the Russian Federation. – 2022. – № 10. – Art. 1465.

[19] Decree of the President of the Russian Federation of 28.02.2022 No. 79 "On the application of special economic measures in connection with the unfriendly actions of the United States of America and foreign states and international organizations that have joined them".

[20] The Rotterdam Rules: UN Convention on Contracts for the International Carriage of Goods Wholly or Partly by Sea, 2008 // UNCITRAL. – URL: https://uncitral.un.org/en/texts/transportgoods/conventions/rotterdam_rules (дата обращения: 19.03.2026).

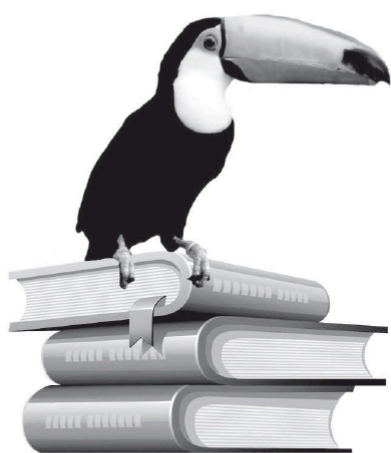
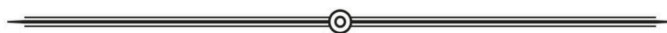
[21] Boguslavsky M.M. International private law: textbook. – 5th ed., Revised and add. – M.: Lawyer, 2005. – S. 267.

[22] Moss D.K. Autonomy of will in the practice of international commercial arbitration/ed. A.A. Rubanova. – M., 1996. – S. 8.

[23] Kanashevsky V.A. International private law: textbook. – 5th ed., Revised and add. – M.: International Relations, 2024. – S. 23.

[24] Dictionary of International Law/Rev. ed. S.A. Egorov. – 3rd ed., Revised and add. – M.: Statute, 2014. – S. 495.

[25] Decree of the President of the Russian Federation of 28.02.2022 No. 79 (as amended on 09.06.2022, as amended on 20.05.2024) "On the application of special economic measures in connection with the unfriendly actions of the United States of America and foreign states and international organizations that have joined them" // URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_410417/ (date of reference: 26.03.2026).

ЮРКОМПАНИ

www.law-books.ru

Юридическое издательство
«ЮРКОМПАНИ»

Издание учебников,
учебных и методических
пособий, монографий,
научных статей.

Профессионально.

В максимально
короткие сроки.

Размещаем
в РИНЦ, E-Library.

Дата поступления рукописи в редакцию: 09.07.2026 г.

DOI: 10.24412/2782-3849-2026-8-205-209

Дата принятия рукописи в печать: 30.07.2026 г.

БУРТ Альбина Анасовна,

кандидат медицинских наук, ведущий научный сотрудник
филиала ФКУ НИИ ФСИН России в г. Ижевск,
e-mail: albinaburt@yandex.ru

БАЖАНОВ Сергей Андреевич,

кандидат юридических наук, ведущий научный сотрудник
отдела по совершенствованию нормативно-правового
регулирующего деятельности уголовно-исполнительной
системы центра изучения проблем управления и организации
исполнения наказаний в уголовно-исполнительной системе
ФКУ НИИ ФСИН России,
e-mail: sergey.bazhanov62@yandex.ru

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ЗАРУБЕЖНОГО ОПЫТА УСТАНОВЛЕНИЯ САНИТАРНО-ЗАЩИТНЫХ ЗОН НА ГРАНИЦЕ ОБЪЕКТОВ ПЕНИТЕНЦИАРНОЙ СИСТЕМЫ

Аннотация. В статье проводится сравнительный анализ зарубежного опыта установления санитарно-защитных и буферных зон на границе объектов пенитенциарной системы, совмещающих производственные, хозяйственные и жилые функции. Обосновывается, что в зарубежной практике такие зоны, как правило, не формируются как самостоятельный ведомственный институт вокруг тюремных производств, а регулируются через общие экологические, гигиенические, градостроительные и трудовые требования. Рассматриваются подходы Австралии, Канады, США, стран Европейского союза и Германии, основанные на моделировании выбросов, шума, аварийных рисков, метеорологических условий, плотности населения, вентиляции, освещенности и безопасности труда. Показано, что зарубежные модели чаще имеют планировочно-рисковый характер и предполагают гибкое определение защитных зон с учетом фактической опасности объекта, мониторинговых данных, общественного участия и междисциплинарной экспертизы. Сделан вывод о целесообразности дальнейшей детализации российского санитарного регулирования применительно к объектам уголовно-исполнительной системы, включая закрепление жилой зоны учреждения УИС как объекта защиты при проектировании санитарно-защитной зоны и повышение гибкости требований к объектам, не представляющим санитарной и экологической опасности.

Ключевые слова: санитарно-защитная зона, пенитенциарная система, уголовно-исполнительная система, зарубежный опыт, буферная зона, риск-ориентированный подход, экологическая безопасность, пенитенциарная гигиена, производственные объекты, общественное участие.

BURT Albina Anasovna,

Candidate of Medical Sciences, Leading Researcher of the Izhevsk
Branch of the Federal Government Research Institute of the Federal
Penitentiary Service of Russia

BAZHANOV Sergey Andreevich,

Candidate of Legal Sciences, Leading Researcher, Department for
Improving the Legal Regulation of the Activities of the Penal System
of the Center for the Study of Management Problems and the
Organization of the Execution of Sentences in the Penal System,
Federal Government Research Institute of the Federal Penitentiary
Service of Russia

COMPARATIVE ANALYSIS OF FOREIGN EXPERIENCE IN ESTABLISHING SANITARY PROTECTION ZONES AT THE BOUNDARIES OF PENITENTIARY SYSTEM FACILITIES

Annotation. *The article presents a comparative analysis of foreign experience in establishing sanitary protection and buffer zones at the boundaries of penitentiary system facilities combining production, utility and residential functions. It is substantiated that in foreign practice such zones are usually not formed as a separate departmental institution around prison industries, but are regulated through general environmental, hygienic, urban planning and occupational safety requirements. The article examines the approaches of Australia, Canada, the United States, the European Union and Germany, based on modelling of emissions, noise, accident risks, meteorological conditions, population density, ventilation, lighting and occupational safety. It is shown that foreign models are more often planning- and risk-oriented and involve flexible determination of protection zones taking into account the actual danger of the facility, monitoring data, public participation and interdisciplinary expertise. The author concludes that Russian sanitary regulation concerning penal system facilities should be further detailed, including the recognition of the residential area of a penal institution as an object of protection when designing a sanitary protection zone and increasing the flexibility of requirements for facilities that do not pose sanitary or environmental hazards.*

Key words: *sanitary protection zone, penitentiary system, penal system, foreign experience, buffer zone, risk-oriented approach, environmental safety, penitentiary hygiene, production facilities, public participation.*

Вопросы обеспечения санитарно-эпидемиологического благополучия населения вокруг производственных объектов являются одной из наиболее актуальных задач современного административного и экологического права. Особую значимость в этой связи приобретают сложные комплексы объектов, имеющих в своем составе как производственные, так и жилые площади. Одним из примеров таких объектов являются пенитенциарные учреждения уголовно-исполнительной системы. С одной стороны, данные учреждения выполняют важные производственные задачи, являясь местом осуществления хозяйственной деятельности [1], имеющей целью обеспечения нужд не только учреждения, но и отдельных отраслей народного хозяйства, в том числе в рамках приносящей доход деятельности, а с другой стороны, являются местом проживания для лиц, отбывающих наказание, среди которых содержатся инвалиды, женщины и несовершеннолетние. Все эти лица попадают в сферу воздействия различных производственных факторов, влияющих на здоровье пребывающего в данной местности населения и работающего персонала.

Рассматривая международный опыт обоснования данной проблемы, следует отметить, что пенитенциарная гигиена является самостоятельным направлением исследований. Стандарты Комитета по предотвращению пыток (КПП) указывают на необходимость обеспечения достаточной вентиляции, освещенности и отсутствия токсического воздействия в местах содержания под стражей [2].

За рубежом санитарно-защитные зоны (industrial buffer / sanitary protection zones) вокруг производств в исправительных учреждениях, как правило, регулируются общими природоохранными и гигиеническими нормами, а не отдельными правилами пенитенциарных учреждений, однако практика отличается от российской по

нескольким ключевым аспектам [3, 4, 5].

В ряде стран (например, в Австралии, Канаде, США, странах ЕС) вокруг промышленных объектов, включая предприятия в составе исправительных учреждений, применяются общие нормы по буферным или «охранным» зонам между промышленной площадкой и жилыми застройками. Такие зоны рассчитываются по выбросам, шуму, риску аварий и включают в себя не только санитарный, но и экологический и планировочный аспект [3, 4]. В большинстве стран конкретно вокруг тюремных производств отдельных исчисляемых сотнями метров «санитарно-защитных зон» как вокруг отдельного класса объектов обычно не выделяют, а рассматривают как часть общей промышленной площадки [3, 6].

В ЕС и национальных системах (Германия, Великобритания и др.) требования к санитарным условиям и гигиене в учреждениях содержания базируются на общих экологических и трудовых нормах, а также на стандартах ВОЗ и Европейских правил по пенитенциарным учреждениям; специальные «санитарно-защитные зоны вокруг тюремных цехов» как отдельный институт не закреплены [5, 7, 8].

В США акцент делается на том, чтобы тюрьмы не размещались на «загрязненных территориях» — Superfund-сайтах, то есть официально классифицированных участках земли, которые сильно загрязнены опасными химическими веществами и отходами, и не создавали дополнительной экологической нагрузки на прилегающие населенные пункты [9]. При этом в научной литературе встречается критическое мнение о том, что часть тюрем все же размещается в зонах с высоким уровнем загрязнения [4, 10, 11].

В современных подходах (ЕС, ВОЗ, Penal Reform International, ICRC) акцент делается на соблюдении гигиены, вентиляции, освещенности и безопасности труда именно внутри рабочих

цехов, а не на формировании отдельной «санитарной зоны» между тюрьмой и городом [6, 12, 13]. К примеру, в австралийских и канадских руководствах по тюрьмам требуют, чтобы любые производственные и коммунальные службы (кухни, прачечные, цеха) имели утвержденные планы по гигиене, вентиляции и управлению рисками, но не устанавливают отдельные 100- или 300-метровые «санитарно-защитные зоны» как в российской системе классификации объектов по классу вредности [2, 6, 12].

Таким образом, разница подходов к определению СЗЗ в типичной зарубежной законодательной практике от российской заключается прежде всего в риск-ориентированном подходе, то есть расчете вероятности и последствий чрезвычайного происшествия на данных видах производств. Нормативная база основывается на комплексе подходов: гигиеническом, экологическом и экономическом. Нормативные документы не имеют четкого ведомственного перераспределения и представлены различными директивами ЕС, EPA (Агентства по охране окружающей среды США) и ISO (Международной организации по стандартизации), что в целом может указывать на дифференцированный характер управления. Так, Директива 2012/18/ЕС — SEVESO III подразумевает динамические СЗЗ в зависимости от характера объекта и используемого вещества, уровня безопасности производства. В рамках данного документа СЗЗ строятся вокруг концепции зональности воздействия: зона внутри объекта, где возможны опасные явления; промежуточная зона — зона эвакуации близлежащего населения и внешняя зона — зона консультирования и оповещения. Особенностью данной директивы является учет социально-экономических факторов региона, в котором располагается производство.

Согласно Директиве EPA (Агентства по охране окружающей среды США) реализуется риск-ориентированный подход. Защитные зоны определяются путем моделирования риска. Для этого учитываются вероятность выброса, разнообразие метеоусловия данной местности и демографические характеристики, в том числе плотность населения. Это приводит к тому, что стирается само понятие СЗЗ как фиксированной зоны в метрах, а предлагаются только буферные зоны в виде коридора воздействия. Таким образом, буферные зоны часто уже, чем подразумевает российское санитарное законодательство.

Техническая инструкция по защите воздуха (TA Luft), принимаемая во внимание для различных производств в Германии, также подразумевает построение дистанционной модели на основании Гауссовой модели рассеивания с учетом реальных метеоусловий (климатических особенностей местности, розы ветров и даже темпе-

ратурной инверсии).

При анализе нормативной базы показано, что за рубежом предъявляются четкие требования к освещению, вентиляции, средствам индивидуальной защиты, планам по гигиене и безопасности для всех рабочих мест, включая тюремные [6, 13, 14], а также, помимо гигиены труда, большое внимание уделяется как экологической оценке производственного объекта, так и экологическому воздействию на население в целом [2, 4, 12].

В целом можно охарактеризовать, что зарубежные подходы чаще строятся как планировочно-рисковые. Аналогичные зоны формируются в рамках градостроительства и землеустройства и определяются не только расстоянием, но и конкретным видом риска, модельными расчетами и функцией защищаемого объекта; в ряде стран используются переменные расстояния или набор зон с разными режимами ограничений [15]. Некоторые зарубежные законодательства позволяют местным органам власти адаптировать размеры СЗЗ в зависимости от конкретных условий. Это может включать применение различных стандартов для разных типов производств или условий.

Во многих странах существуют механизмы общественного участия в процессе определения и изменения санитарно-защитных зон. Это может включать открытые общественные заседания, консультации с населением и другие формы вовлечения общества. Кроме того, более задействован междисциплинарный подход: в некоторых странах интегрируется мнение разных экспертов, включая экологов, медицинских работников и градостроителей, что позволяет учитывать многообразие факторов, влияющих на здоровье населения.

Таким образом, международная практика показывает, что пенитенциарные учреждения за рубежом рассматриваются прежде всего как объекты общественной инфраструктуры и безопасности, а не как источники санитарной опасности. Зарубежный опыт в отношении защитных зон свидетельствует о довольно гибком подходе к механизму их установления вокруг тюрем. Законодательство зачастую базируется на риск-ориентированном подходе. При предъявлении данных мониторинговых исследований и применении методов математического моделирования в достаточно жестких условиях соблюдения охраны труда работающих и защиты прав населения на окружающую среду удается достичь баланса размеров защитных зон, которые устраивали бы всех субъектов и участников процесса.

Российское законодательство в определенном смысле демонстрирует тенденцию к гармонизации с международными нормами, однако механизмы реализации этих гарантий на уровне подзаконных актов Роспотребнадзора требуют

дальнейшей детализации. В частности, целесообразно законодательно закрепить статус «жилой зоны» учреждения УИС как объекта защиты при проектировании СЗЗ. Вторым не менее важным направлением является повышение гибкости санитарного законодательства в отношении установления СЗЗ для объектов, не представляющих санитарной и экологической опасности.

Список литературы:

[1] Калиниченко И. А., Кузнецов С. М. Проблемы экологической безопасности в деятельности учреждений уголовно-исполнительной системы // Вестник Владимирского юридического института. 2019. № 2 (51). С. 28–33.

[2] Комментарий к стандартам Европейского комитета по предотвращению пыток и бесчеловечного или унижающего достоинство обращения или наказания. — М. : Права человека, 2016. — 240 с.

[3] Statement of Planning Policy No. 4.1 State Industrial Buffer. URL: https://www.wa.gov.au/system/files/2021-06/SPP-4_1-State-industrial-buffer.pdf (дата обращения: 17.06.2026).

[4] Toxic Prisons? Local Environmental Quality and the Wellbeing of Incarcerated Populations. URL: https://pure-oai.bham.ac.uk/ws/portalfiles/portal/219229716/Moran_Jordaan_Jones_2024_Land_publisher_PDF.pdf (дата обращения: 17.06.2026).

[5] Status Report on Prison Health in the WHO European Region. URL: <https://iris.who.int/server/api/core/bitstreams/d5cd048e-21c8-45c3-898b-cf484a86adc3/content> (дата обращения: 17.06.2026).

[6] Green Prisons / Penal Reform International. URL: https://cdn.penalreform.org/wp-content/uploads/2025/03/Green-prisons_-PRI_UNICRI_2025.pdf (дата обращения: 25.06.2026).

[7] Germany — Sanitary Conditions // Criminal Detention in the EU. URL: <https://fra.europa.eu/en/databases/criminal-detention/node/789> (дата обращения: 25.06.2026).

[8] Prison Conditions Monitoring Index. URL: https://csd.eu/fileadmin/user_upload/publications_library/files/22285.pdf (дата обращения: 25.06.2026).

[9] What is Superfund? // United States Environmental Protection Agency. URL: <https://www.epa.gov/superfund/what-superfund> (дата обращения: 25.06.2026).

[10] Prisons as Sacrifice Zones // The [F]law. URL: <https://theflaw.org/articles/prisons-as-sacrifice-zones> (дата обращения: 25.06.2026).

[11] Prisons Are a Daily Environmental Injustice. URL: https://www.prisonpolicy.org/blog/2022/04/20/environmental_injustice/ (дата обращения: 25.06.2026).

[12] Water, Sanitation, Hygiene and Habitat in Prisons: A Handbook / ICRC. URL: <https://www.icrc.org/sites/default/files/external/doc/en/assets/files/other/icrc-002-0823.pdf> (дата обращения: 25.06.2026).

[13] F.02.Res.02 Hygiene and Sanitation // Department of Corrections. URL: https://www.corrections.govt.nz/resources/policy_and_legislation/Prison-Operations-Manual/Public-RL/resources/F.02.Res.02-Hygiene-and-sanitation (дата обращения: 25.06.2026).

[14] Гигиеническая оценка условий труда в учреждениях исправительной системы: проблемы и пути решения / Н. В. Полунина, М. И. Тимерзянов, О. Ю. Милушкина [и др.] // Вестник Российского государственного медицинского университета. 2017. № 6. С. 36–41. EDN BSQJWJ.

[15] Determination of the Boundaries of the Sanitary Protection Zone. URL: <https://elar.usfeu.ru/bitstream/123456789/9225/1/2-s2.0-85070929977.pdf> (дата обращения: 25.06.2026).

References:

[1] Kalinichenko I. A., Kuznetsov S. M. Problems of environmental safety in the activities of institutions of the penitentiary system // Bulletin of the Vladimir Law Institute. 2019. № 2 (51). S. 28-33.

[2] Commentary on the standards of the European Committee for the Prevention of Torture and Inhuman or Degrading Treatment or Punishment. - M.: Human Rights, 2016. - 240 s.

[3] Statement of Planning Policy No. 4.1 State Industrial Buffer. URL: https://www.wa.gov.au/system/files/2021-06/SPP-4_1-State-industrial-buffer.pdf (access date: 17.06.2026).

[4] Toxic Prisons? Local Environmental Quality and the Wellbeing of Incarcerated Populations. URL: https://pure-oai.bham.ac.uk/ws/portalfiles/portal/219229716/Moran_Jordaan_Jones_2024_Land_publisher_PDF.pdf (дата обращения: 17.06.2026).

[5] Status Report on Prison Health in the WHO European Region. URL: <https://iris.who.int/server/api/core/bitstreams/d5cd048e-21c8-45c3-898b-cf484a86adc3/content> (access date: 17.06.2026).

[6] Green Prisons / Penal Reform International. URL: https://cdn.penalreform.org/wp-content/uploads/2025/03/Green-prisons_-PRI_UNICRI_2025.pdf (дата обращения: 25.06.2026).

[7] Germany — Sanitary Conditions // Criminal Detention in the EU. URL: <https://fra.europa.eu/en/databases/criminal-detention/node/789> (дата обращения: 25.06.2026).

[8] Prison Conditions Monitoring Index. URL: https://csd.eu/fileadmin/user_upload/publications_library/files/22285.pdf (дата обращения: 25.06.2026).

ния: 25.06.2026).

[9] What is Superfund? // United States Environmental Protection Agency. URL: <https://www.epa.gov/superfund/what-superfund> (access date: 25.06.2026).

[10] Prisons as Sacrifice Zones // The [F]law. URL: <https://theflaw.org/articles/prisons-as-sacrifice-zones> (дата обращения: 25.06.2026).

[11] Prisons Are a Daily Environmental Injustice. URL: https://www.prisonpolicy.org/blog/2022/04/20/environmental_injustice/ (access date: 25.06.2026).

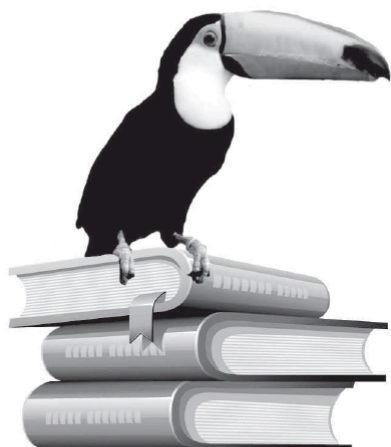
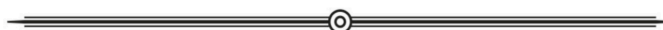
[12] Water, Sanitation, Hygiene and Habitat in Prisons: A Handbook / ICRC. URL: <https://www.icrc.org/sites/default/files/external/doc/en/assets/files/other/icrc-002-0823.pdf> (дата обра-

щения: 25.06.2026).

[13] F.02.Res.02 Hygiene and Sanitation // Department of Corrections. URL: https://www.corrections.govt.nz/resources/policy_and_legislation/Prison-Operations-Manual/Public-RL/resources/F.02.Res.02-Hygiene-and-sanitation (дата обращения: 25.06.2026).

[14] Hygienic assessment of working conditions in correctional institutions: problems and solutions/N.V. Polunina, M.I. Timerzyanov, O. Yu. Milushkina [et al.] // Bulletin of the Russian State Medical University. 2017. № 6. S. 36-41. EDN BSQJWJ.

[15] Determination of the Boundaries of the Sanitary Protection Zone. URL: <https://elar.usfeu.ru/bitstream/123456789/9225/1/2-s2.0-85070929977.pdf> (access date: 25.06.2026).

ЮРКОМПАНИ

www.law-books.ru

Юридическое издательство
«ЮРКОМПАНИ»

Издание учебников,
учебных и методических
пособий, монографий,
научных статей.

Профессионально.

В максимально
короткие сроки.

Размещаем
в РИНЦ, Е-Library.

Дата поступления рукописи в редакцию: 25.06.2026 г.

DOI: 10.24412/2782-3849-2026-8-210-215

Дата принятия рукописи в печать: 17.07.2026 г.

ИГОШИН Владимир Геннадьевич,

Доцент кафедры организации режима, охраны и
конвоирования ФКОУ ВО Самарский юридический институт
ФСИН России,
e-mail: salvajo@yandex.ru

ПОТЕХИН Дмитрий Сергеевич,

Старший преподаватель кафедры организации режима и
надзора юридического факультета ФКОУ ВО Владимирский
юридический институт ФСИН России,
e-mail: potehin-ds@yandex.ru

СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ ТРЕБОВАНИЙ ПО ОБЕСПЕЧЕНИЮ РЕЖИМА В УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНЫХ СИСТЕМАХ РОССИИ И США

Аннотация. В статье проводится сравнительно-правовой анализ режима в уголовно-исполнительных системах Российской Федерации и США. Основное внимание уделено законодательным требованиям, определяющим содержание режима, его функции, пределы допустимых ограничений прав осужденных и практику их реализации в учреждениях, исполняющих наказание в виде лишения свободы. Исследование основано на нормах российского уголовно-исполнительного законодательства, официальных материалах федерального бюро тюрем США, данных Бюро статистики правосудия США, а также на доктринальных положениях отечественной уголовно-исполнительной науки. Показано, что российская модель отличается высокой степенью нормативной формализации и централизации, тогда как американская модель строится на сочетании федеральных правил, судебного контроля и ведомственных политик, ориентированных на обеспечение безопасности. В выводах сформулированы направления взаимного заимствования, связанные с совершенствованием режимной организации, технического надзора и гарантий прав осужденных.

Ключевые слова: уголовно-исполнительная система, режим, исправительное учреждение, осужденные, безопасность, права осужденных, дифференциация исполнения наказания.

IGOSHIN Vladimir Gennadievich,

Associate Professor of the Department of Organization of Regime,
Protection and Escort of the Federal State Educational Institution of
Higher Education Samara Law Institute of the Federal Penitentiary
Service of Russia

POTEKHIN Dmitry Sergeevich,

Senior Lecturer, Department of Organization of Regime and
Supervision, Faculty of Law, Federal Penitentiary Service of Russia,
Vladimir Law Institute

COMPARATIVE LEGAL ANALYSIS OF REQUIREMENTS FOR REGIME IN THE CRIMINAL-EXECUTIVE SYSTEMS OF RUSSIA AND THE UNITED STATES

Annotation. The article provides a comparative legal analysis of the regime in the criminal-executive systems of the Russian Federation and the United States of America. The main focus is on the legislative requirements that determine the content of the regime, its functions, the limits of permissible restrictions on the rights of convicts, and the practice of their implementation in institutions that carry out the punishment of imprisonment. The study is based on the norms of Russian criminal-executive legislation, official materials of the Federal Bureau of Prisons of the United States, data from the Bureau of Justice Statistics of the United States, as well as on the doctrinal provisions of Russian criminal-executive science. It is shown that the Russian model is characterized by a high degree of regulatory formalization and centralization, while the American model is based on a combination of federal rules, judicial control, and departmental policies focused

on ensuring security. The conclusions outline areas for mutual borrowing related to improving the regime organization, technical supervision, and guarantees of the rights of convicts.

Key words: criminal-executive system, regime, correctional facility, convicts, security, rights of convicts, differentiation of punishment execution.

Вопрос о сравнительно-правовом анализе уголовно-исполнительных систем России и США имеет не только теоретическое, но и сугубо прикладное значение. В обоих государствах исполнение наказания в виде лишения свободы рассматривается как особый правовой режим, внутри которого соотносятся два начала: охрана общественной безопасности и обеспечение требований по содержанию лиц, лишенных свободы. Именно поэтому, категория режим отбывания наказания, предстает для исследования не столько в абстрактном, а в институциональном смысле. Она соединяет в себе порядок содержания осужденных, систему ограничений, механизмы надзора, средства обеспечения безопасности, порядок применения поощрений и взысканий, а также условия реализации основных прав и законных интересов осужденных [1, с. 103].

Актуальность выбранной темы обусловлена тем, что российская и американская модели развиваются в различных правовых традициях. Российская модель основана на кодифицированном уголовно-исполнительном законодательстве, в котором режим прямо закреплен как одно из основных средств исправления осужденных и установленный законом порядок исполнения и отбывания наказания. Американская модель, напротив, не имеет единого кодифицированного уголовно-исполнительного кодекса федерального уровня; в ней доминируют конституционные гарантии, федеральные законы, ведомственные указания и судебная практика. Такое различие предопределяет не только объем правового регулирования, но и сам характер управленческих решений администрации учреждений.

Методологически сопоставление указанных систем целесообразно проводить по нескольким критериям. Во-первых, по критерию нормативной определенности режима: насколько детально закон формулирует требования к поведению осужденных, администрации учреждения и иных лиц. Во-вторых, по уровню организации: каким образом выстроена сеть учреждений, их типология, а также уровни безопасности. В-третьих, по критерию гарантий прав человека: где проходит граница между допустимыми ограничениями и вмешательством в права осужденных. Наконец, по критерию практической эффективности: насколько режим обеспечивает порядок, дисциплину, безопасность персонала, предупреждение противоправных действий и в конечном счете ресоциализацию осужденных.

В российской уголовно-исполнительной

системе режим закреплен как самостоятельный правовой институт, причем его содержание раскрывается не только в статье 82 УИК РФ, но и через взаимосвязанные нормы о правовом положении осужденных, учреждениях и органах, исполняющих наказания, условиях отбывания наказания и применении мер безопасности. Статья 9 УИК РФ прямо относит режим к основным средствам исправления осужденных, подчеркивая тем самым его не вспомогательный, а системообразующий характер. Ч.1 статьи 82 определяет режим как установленный законом и соответствующими ему нормативными правовыми актами порядок исполнения и отбывания лишения свободы, обеспечивающий охрану и изоляцию осужденных, постоянный надзор, исполнение ими возложенных обязанностей, реализацию прав и законных интересов, личную безопасность осужденных и персонала, а также иные цели уголовно-исполнительной деятельности. [2, с. 33].

Таким образом, российский законодатель исходит из того, что режим не может сводиться лишь к совокупности запретов. Он выполняет одновременно карательную, охранительную, профилактическую и воспитательную функции. Именно в этом состоит его ценность как правового инструмента: режим обеспечивает не только изоляцию от общества, но и юридическую упорядоченность всей жизни осужденного в учреждении. В научной литературе обоснованно подчеркивается, что режим является формой выражения наказания, средством исправления и условием применения иных средств исправительного воздействия [3, с. 11-12]. Данный вывод имеет принципиальное значение, поскольку позволяет видеть в режиме не внешнюю оболочку исполнения наказания, а основу всего механизма пенитенциарной организации.

Практическая реализация режима в российской системе опирается на типологию исправительных учреждений, закрепленную в статье 74 УИК РФ, а также на правила внутреннего распорядка и ведомственные акты, регулирующие прием осужденных, их размещение, перемещение, свидания, переписку, пользование предметами первой необходимости и иные вопросы повседневного быта [4, с. 51]. Существенное значение имеет и то обстоятельство, что режим в российской модели строится на принципе дифференциации в зависимости от категории осужденного, тяжести совершенного преступления, поведения лица и вида исправительного учреждения. Такая дифференциация проявляется в разделении

условий отбывания наказания, в возможности изменения условий содержания и в переводе осужденного из одного учреждения в другое.

Отдельного внимания заслуживает то, что в российском праве режим неразрывно связан с вопросом личной безопасности и охраны законных интересов осужденных. Нормы о личной безопасности (ст. 13 УИК РФ), о возможности применения мер безопасности (ст. 86 УИК РФ), о медицинском обеспечении (ст. 101 УИК РФ) и о праве на обращение (ст. 15 УИК РФ) формируют правовую среду, в которой допускаются ограничения. [5, с. 69] Так, режимные требования затрагивают свободу передвижения, общение, распорядок дня, порядок пользования вещами, труд и досуг, однако каждый из этих элементов предполагает юридически очерченные пределы. Российская модель в этом смысле стремится к нормативной предсказуемости, что особенно важно для правоприменителя и для самого осужденного.

Не следует, однако, идеализировать российскую модель. Ее сильная сторона — высокая степень нормативной детализации — одновременно порождает риск чрезмерной формализации. В практике исполнения наказания это выражается в том, что большое число режимных предписаний не всегда своевременно обеспечиваются. В результате отдельные предписания остаются декларативными либо реализуются неравномерно в зависимости от региона, вида учреждения и фактической его оснащенности материально-техническим и кадровым обеспечением. Именно поэтому вопрос о режиме в российской системе следует рассматривать не только как вопрос закона, но и как вопрос управленческой способности государства обеспечить выполнение предписанного законом порядка.

Американская модель построена иначе. Федеральное бюро тюрем США является частью системы Министерства юстиции США и управляет сетью учреждений, работающих на пяти уровнях безопасности. По официальным данным, в ведении Бюро находится 118 учреждений, а уровень безопасности определяется, в частности, наличием внешних патрулей, сторожевых башен, защитных барьеров, технических средств обнаружения, особенностями размещения заключенных, внутренними средствами безопасности и соотношением численности персонала и заключенных [6, с. 83]. В этом проявляется ключевой принцип американской системы: режим в значительной степени выражается через уровни безопасности учреждений.

При этом Бюро стремится размещать заключенных в учреждениях, соотносимых с их уровнем безопасности и программными потребностями, обычно в пределах пятисот автомобильных миль от места будущего освобождения. Если

заключенный направляется дальше, то такое решение, как правило, мотивируется конкретными вопросами обеспечения безопасности, программы или наполняемости учреждения. Данная логика показывает, что в американской системе режим понимается как определенный инструмент. Иными словами, правовая конструкция не исчерпывается установлением единого порядка содержания; напротив, она ориентирована на индивидуализацию размещения и на динамическую оценку опасности конкретного лица.

Американская правовая модель также опирается на конституционные гарантии и специальные федеральные нормы. В частности, на сферу исполнения наказания распространяются положения о запрете жестоких наказаний, равной защите правовой и свобод, а также свободе религии. При этом федеральное законодательство и правоприменительная практика придают особое значение религиозным и иным нематериальным правам заключенных, если их реализация не подорывает безопасность учреждения. Министерство юстиции США прямо указывает, что ограничения для находящихся в учреждениях лиц допустимы лишь постольку, поскольку они необходимы для охраны порядка, предотвращения насилия и обеспечения функционирования учреждения. Следовательно, в американской системе режим не является только дисциплинарным порядком; он встроен в более широкую конституционно-правовую конструкцию судебного контролируемых ограничений.

Сопоставление российских и американских начал показывает наличие важных общих критериев. Обе системы исходят из того, что лишение свободы не может исполняться вне режима. И в России, и в США режим служит инструментом дифференциации осужденных, классификации их по уровню опасности, обеспечения внутренней безопасности учреждений, предупреждения побегов, а также организации повседневной жизни в учреждении. В обоих случаях администрация обязана обеспечивать не произвольное, а юридически оправданное вмешательство в права осужденного. Нельзя также игнорировать и то, что в обеих системах правоприменитель все чаще использует не только запреты, но и стимулирующие механизмы, связанные с поощрениями, в том числе переводом на более мягкие условия отбывания наказания.

Однако юридическая природа указанных механизмов различна. В России базовой является модель прямого законодательного регулирования: нормы закона и подзаконных актов устанавливают пределы, в которых действует администрация учреждения. В США режим зависит от ведомственной политики, судебных решений и конкретных процедур оценки безопасности.

Именно здесь проявляется одно из наиболее заметных различий между двумя системами. Российская модель тяготеет к централизованной унификации: она предполагает единый кодекс, общие правила, единые виды учреждений и сопоставимые требования к персоналу. Американская модель более фрагментарна: федеральный уровень существует рядом с уровнем штатов, а внутри федеральной системы регламентация дополняется множеством внутриведомственных документов. В результате правовое положение осужденного в значительной степени зависит не только от закона, но и того, кто именно принимает решение о его размещении или переводе.

Существенно различается и сама пенитенциарная архитектура. В России основными видами исправительных учреждений являются колонии-поселения, исправительные колонии общего, строгого и особого режима, воспитательные колонии, тюрьмы, лечебные исправительные учреждения и следственные изоляторы в предусмотренных законом случаях. В США учреждения могут иметь минимальный, низкий, средний или высокий уровень безопасности, а также специальный режим содержания. Следовательно, российский законодатель мыслит прежде всего категориями вида учреждения и условий отбывания наказания, тогда как американская администрация — категориями классификации и степени ограничения свободы.

Не менее показательна и разница в практике контроля. В российской системе доминируют режимные мероприятия, связанные с охраной, надзором, пропускным порядком, изоляцией, досмотром, техническими средствами наблюдения и дисциплинарной практикой. В американской системе центральное место занимают камеры наблюдения, поисковые мероприятия, досмотр персонала и посетителей, контроль переписки и передач, система классификации и переводов, а также особые административные меры в отношении лиц, создающих риски причинения вреда здоровью. Официальные отчеты Министерства юстиции США указывают, что вопросы доставки запрещенных предметов и материально-технического обеспечения остаются для Бюро тюрем устойчивой проблемой, а в 2025 году дополнительно было выделено значительное финансирование на решение данных задач[7, с. 461].

Одновременно следует подчеркнуть, что проблемы обеспечения режима в российских учреждениях и американских учреждениях имеют разную природу, но сходную структуру. Особенно наглядно это проявляется в вопросах обеспечения прав осужденных. В России правовой режим закреплён таким образом, чтобы сочетать изоляцию с гарантией прав по обеспечению: безопасности, медицинской помощи, свободы совести и

вероисповедания, переписку и свиданий в предусмотренных законом случаях. В США на аналогичную сферу влияют конституционные права, федеральные законы и решения судов, а правоприменительная практика нередко формируется через споры о допустимости ограничений. С одной стороны, это повышает уровень судебной защиты, а с другой стороны, придает режиму более аморфный характер, поскольку границы прав и обязанностей в значительной степени уточняются постфактум.

В российской системе режим рассматривается как средство исправления, а потому его связь с ресоциализацией является нормативно подчеркнутой. В американской системе риторика исправления также присутствует, однако она чаще сочетается с охраной общественной безопасности и предотвращением рецидива преступлений через программы оценки потребностей. Сравнение режимных требований по месту их реализации показывает, что российская система обладает более ясной иерархией правовых источников. Основополагающее значение имеют Конституция Российской Федерации, Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации, федеральный закон о свободе совести и о религиозных объединениях, а также правила внутреннего распорядка учреждений уголовно-исполнительной системы. Американская система больше зависит от разнородных источников: конституционных положений, федеральных законов, ведомственных правил и судебных актов[8, с. 21-32]. В результате российский режим можно описать как единый комплекс, тогда как американский режим следует принимать как совокупность стандартов, конкурирующих и дополняющих друг друга.

Существенное значение имеет и вопрос о взаимодействии режима с соблюдением прав осужденных. В российской системе административная вертикаль и единые правовые предписания повышают роль персонала как исполнителя закона; от его квалификации зависит, будет ли режим служить целям исправления либо превратится в совокупность формальных ограничений. В американской системе персонал сталкивается с иной нагрузкой: помимо дисциплинарных функций он обязан действовать в условиях постоянной судебной проверки, повышенной вероятности жалоб. Отсюда следуют общие проблемы: дефицит квалифицированного персонала, избыточная нагрузка на сотрудников, необходимость непрерывной подготовки и укрепления профессиональной этики поведения. В этой части обе системы демонстрируют не столько различие, сколько общую уязвимость.

Отдельным аспектом сравнительного анализа является медицинское и бытовое обеспечение. Российское пенитенциарное законодатель-

ство исходит из того, что медицинская помощь, материально-бытовое обеспечение и режим содержания должны сочетаться с целями наказания, не превращая учреждение ни в исключительно карательную, ни в чисто социальную структуру. В американской системе, как показывают официальные материалы Бюро тюрем и Бюро статистики правосудия, медицинская и режимная составляющие встроены в иерархическую систему безопасности учреждений. Это позволяет более гибко реагировать на потребности личности, но одновременно создает риск неравномерности и усложняет контроль за соблюдением единых стандартов.

Сравнительно-правовой анализ показывает, что при всех различиях две системы движутся в одном направлении: к поиску устойчивого баланса между режимом и обеспечением прав человека.

С точки зрения практической деятельности для российской уголовно-исполнительной системы наиболее значимыми являются следующие выводы. Во-первых, дальнейшее развитие режима требует не увеличения числа абстрактных запретов, а повышения обеспеченности уже существующих предписаний техническими, кадровыми и методическими ресурсами. Во-вторых, целесообразно расширять применение современных технологий по обеспечению надзора. В-третьих, необходимо усилить связь режима с ресоциализацией: режим должен не только предотвращать нарушения, но и создавать условия для последовательного исправительного воздействия, в том числе посредством труда, образования и профилактики рецидива.

Для американской системы полезными представляются иные ориентиры. Во-первых, требуется повышение нормативной ясности в тех сегментах, где ведомственная политика и судебная практика создают значительную вариативность. Во-вторых, необходимо устранение кадровых и материально-технических проблем, о чем прямо свидетельствуют отчеты надзорных органов. В-третьих, целесообразно усилить превентивную составляющую режима, чтобы безопасность учреждения обеспечивалась не только после совершения нарушения, но и в порядке опережающего правового и организационного реагирования. В этом смысле российский опыт может быть интересен как пример кодифицированной законодательной фиксации основных режимных требований.

Таким образом, сравнительный анализ позволяет сделать вывод о том, что режим в уголовно-исполнительных системах России и США выполняет сходную функцию, но реализуется через различные правовые механизмы. В российской модели режим является элементом кодифи-

цированного правового порядка и прямо соотносится с целями исправления осужденных. В американской модели режим выступает частью более широкой правовой системы и судебно-контролируемых ограничений. Для науки уголовно-исполнительного права это означает необходимость дальнейшего изучения не только нормативных конструкций, но и фактической практики их реализации в учреждениях, где именно и проверяется действенность права.

Список литературы:

- [1] Режим в исправительных учреждениях и средства его обеспечения : Учебное пособие / С. Л. Бабаян, А. А. Бабкин, Р. В. Комбаров [и др.] ; Под общей редакцией И. А. Янчука. – Вологда : Вологодский институт права и экономики Федеральной службы исполнения наказаний, 2019. – 118 с.
- [2] Молчанова С.И. Уголовно-исполнительное право. практикум. Учебное пособие для студентов, обучающихся по направлению подготовки 40.03.01 «Юриспруденция» / Молчанова С.И., 2024 г. – 180 с.
- [3] Безбородов, Д. А. Уголовно-исполнительное право в определениях, таблицах и схемах : учебное пособие / Д. А. Безбородов, А. В. Зарубин. — 2-е изд., перераб. и доп. — Санкт-Петербург : Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) Университета прокуратуры Российской Федерации, 2024. — 83 с. - ISBN 978-5-6051509-7-8. - Текст : электронный. - URL: <https://znanium.ru/catalog/product/2239199> (дата обращения: 22.06.2026).
- [4] Комментарий к уголовно-исполнительному кодексу РФ / В. И. Селиверстов, Ю. И. Калинин, А. В. Бриллиантов [и др.]. – 3-е изд.. – Москва : Общество с ограниченной ответственностью "Издательство ЮРАЙТ", 2010. – 589 с. – (Профессиональные комментарии). – ISBN 978-5-9916-0853-4. – EDN VTSONP.
- [5] Зубарев, С. М. Уголовно-исполнительное право : учебное пособие для вузов / С. М. Зубарев. — 9-е изд., перераб. и доп. — Москва : Издательство Юрайт, 2021. — 186 с. — (Высшее образование). — ISBN 978-5-534-01930-8. — Текст : электронный // Образовательная платформа Юрайт [сайт]. — URL: <https://urait.ru/bcode/469879> (дата обращения: 22.06.2026).
- [6] Режапова, И. М. Отбывание наказания в США / И. М. Режапова // Вестник Кузбасского института. – 2011. – № 4(7). – С. 82-84.
- [7] Слабая, Д. Н. Эволюция экономической модели пенитенциарной системы США: управление бюджетом в условиях структурной трансформации / Д. Н. Слабая // Экономика: вчера, сегодня, завтра. – 2025. – Т. 15, № 7-1. – С. 455-462.

[8] Пертли, Л. Ф. Исполнение уголовных наказаний в иностранных государствах / Л. Ф. Пертли. – Москва : Общество с ограниченной ответственностью "Русайнс", 2020. – 196 с.

References:

[1] Regime in correctional institutions and means of ensuring it: Textbook/S. L. Babayan, A. A. Babkin, R. V. Kombarov [and others]; Edited by I. A. Yanchuk. - Vologda: Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penitentiary Service, 2019. - 118 s.

[2] Molchanova S.I. Penal law. workshop. Textbook for students studying in the direction of training 40.03.01 "Jurisprudence "/Molchanova S.I., 2024 - 180 p.

[3] Bezborodov, D. A. Penal law in definitions, tables and schemes: textbook/D. A. Bezborodov, A. V. Zarubin. - 2nd ed., Revised and add. - St. Petersburg: St. Petersburg Law Institute (branch) of the University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation, 2024. - 83 p. - ISBN 978-5-6051509-7-8. - Text: electronic. - URL: <https://znanium.ru/catalog/product/2239199> (access date: 22.06.2026).

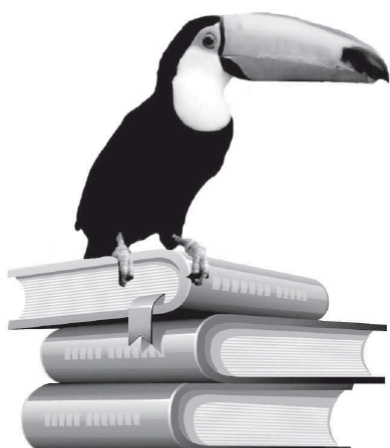
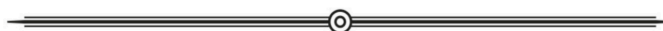
[4] Commentary on the Penal Code of the Russian Federation/V. I. Seliverstov, Yu. I. Kalinin, A. V. Brilliantov [and others]. - 3rd ed.. - Moscow: URAIT Publishing House Limited Liability Company, 2010. - 589 p. - (Professional comments). - ISBN 978-5-9916-0853-4. - EDN VTSOHP.

[5] Zubarev, S. M. Criminal executive law: a textbook for universities/S. M. Zubarev. - 9th ed., Revised. and add. - Moscow: Yurayt Publishing House, 2021. - 186 p. - (Higher education). — ISBN 978-5-534-01930-8. - Text: electronic // Educational platform Yurayt [site]. - URL: <https://urait.ru/bcode/469879> (access date: 22.06.2026).

[6] Rezhapova, I. M. Serving a sentence in the USA/I. M. Rezhapova // Bulletin of the Kuzbass Institute. – 2011. – № 4(7). – S. 82-84.

[7] Weak, D. N. Evolution of the economic model of the US penitentiary system: budget management in the context of structural transformation/D. N. Weak // Economy: yesterday, today, tomorrow. – 2025. - T. 15, NO. 7-1. - S. 455-462.

[8] Pertley, L. F. Enforcement of Criminal Penalties in Foreign States/L. F. Pertley. - Moscow: Rusines Limited Liability Company, 2020. - 196 s.

ЮРКОМПАНИ

www.law-books.ru

Юридическое издательство
«ЮРКОМПАНИ»

Издание учебников,
учебных и методических
пособий, монографий,
научных статей.

Профессионально.

В максимально
короткие сроки.

Размещаем
в РИНЦ, Е-Library.

СУДЕБНЫЙ ПРОЦЕСС

Дата поступления рукописи в редакцию: 13.08.2026 г.

DOI: 10.24412/2782-3849-2026-8-216-220

Дата принятия рукописи в печать: 31.08.2026 г.

МАЙСТРЕНКО Григорий Александрович,

кандидат юридических наук, старший научный сотрудник
Научно-исследовательского института Федеральной службы
исполнения наказаний России, Москва, Россия,
e-mail: g.maystrenko@yandex.ru

ВОПРОСЫ ЦИФРОВИЗАЦИИ ГРАЖДАНСКОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА В РОССИИ

Аннотация. В статье исследуются актуальные направления цифровизации гражданского судопроизводства в Российской Федерации: электронная подача процессуальных документов, дистанционное участие в судебном заседании посредством видеоконференц-связи и веб-конференции, электронные доказательства, аудиопотоколирование и формирование электронного гражданского дела. Обосновывается вывод о том, что цифровизация не является только техническим обновлением судебного делопроизводства, а затрагивает саму гражданскую процессуальную форму. Поэтому критериями ее допустимости должны выступать доступ к правосудию, равенство сторон, состязательность, непосредственность, гласность, защита персональных данных и проверяемость судебной деятельности. Автор предлагает закрепить в ГПК РФ конструкцию электронного гражданского дела и специальные правила процессуальной надежности электронных доказательств.

Ключевые слова: гражданский процесс, цифровизация судопроизводства, электронное правосудие, электронное гражданское дело, веб-конференция.

MAISTRENKO Grigoriy Aleksandrovich,

PhD in Law, Senior Researcher of Research Institute of the Federal
Penitentiary Service of Russia, Moscow, Russia

ISSUES OF DIGITALIZATION OF CIVIL PROCEEDINGS IN RUSSIA

Annotation. The article examines the current areas of digitalization of civil proceedings in the Russian Federation: electronic filing of procedural documents, remote participation in court hearings through videoconferencing and web-conferencing, electronic evidence, audio recording and the formation of an electronic civil case file. The author argues that digitalization is not merely a technical modernization of court administration but affects the civil procedural form itself. Therefore, its admissibility should be assessed through access to justice, equality of arms, adversarial proceedings, immediacy, publicity, personal data protection and verifiability of judicial activity. The article proposes to introduce a statutory model of the electronic civil case file and special criteria for the procedural reliability of electronic evidence.

Key words: civil procedure, digitalization of judicial proceedings, e-justice, electronic civil case file, web-conference.

Цифровизация гражданского судопроизводства в России перешла из стадии экспериментального внедрения отдельных сервисов в стадию изменения процессуальной формы. Электронная подача документов, дистанционное участие в заседании, электронные уведомления, аудиопотоколирование и доступ к материалам дела уже не могут рассматриваться как факультативные удобства. Они влияют на момент обращения в суд, реальность извещения, возможность представить доказательства, доступность участия в заседании и последующую проверку судебного акта.

Действующий ГПК РФ закрепляет электронные элементы гражданского процесса, вклю-

чая участие в заседании посредством видеоконференц-связи и системы веб-конференции, а также возможность подачи ходатайств и документов в электронном виде в ходе такого участия [2]. Ведомственное регулирование Судебного департамента развивает порядок подачи документов через модуль «Электронное правосудие» ГАС «Правосудие» и через Единый портал государственных и муниципальных услуг [9]. Вместе с тем законодательство пока не формирует завершённую модель электронного гражданского дела как единого процессуального массива.

1. Цифровизация как изменение гражданской процессуальной формы

Гражданская процессуальная форма выполняет гарантийную функцию: она обеспечивает предсказуемость процедуры, равенство сторон, проверяемость судебных действий и легитимность судебного решения. Поэтому всякое изменение способа совершения процессуального действия имеет юридическое, а не только техническое значение. Если иск подается через электронный сервис, ходатайство направляется в ходе веб-конференции, а доказательство существует в виде цифрового файла, меняется не оболочка процесса, а способ реализации процессуальных прав.

В этом смысле цифровизация гражданского процесса должна пониматься шире, чем электронный документооборот. Она включает: электронное обращение в суд; электронную идентификацию; удаленное участие; цифровую фиксацию заседания; электронное направление судебных актов; доступ к электронным материалам дела; использование электронных доказательств; последующую передачу материалов в апелляцию и кассацию. Все эти элементы должны быть подчинены не логике удобства аппарата суда, а логике процессуальных гарантий.

Основная опасность заключается в технологической подмене правовой формы. Формально участник сохраняет право на обращение в суд, но фактически зависит от подтвержденной учетной записи, стабильности портала, размера файла, формата вложения, электронной подписи и качества интернет-соединения. Для профессионального представителя это обычные рабочие условия; для гражданина они могут стать барьером доступа к судебной защите.

Следовательно, электронная форма должна дополнять, а не вытеснять традиционные способы участия в процессе. Бумажное обращение, очное участие и получение судебного акта на бумажном носителе сохраняют значение гарантий для тех лиц, которые объективно не могут пользоваться цифровыми сервисами. Приоритет цифровой коммуникации допустим для профессиональных участников, но не должен превращаться в скрытую обязанность для всех граждан.

2. Электронное обращение и электронные документы

Электронная подача процессуальных документов стала наиболее устойчивым элементом цифровизации гражданского судопроизводства. Ее достоинства очевидны: экономия времени, фиксация момента направления, снижение расходов, возможность обращения из другого региона. Через электронный канал могут подаваться иски, заявления, жалобы, ходатайства и приложения. Приказ Судебного департамента от 25 июля 2025 г. N 118 прямо указывает на подачу документов в электронном виде через личный кабинет

ГАС «Правосудие» либо через личный кабинет Единого портала [9].

Однако для гражданского процесса принципиально важно различать электронный документ, электронный образ документа и цифровые данные. Электронный документ изначально создается в электронной форме и удостоверяется электронной подписью. Электронный образ документа является цифровой копией бумажного носителя. Цифровые данные могут вообще не иметь традиционной документарной формы: переписка в мессенджере, сведения личного кабинета, файл, метаданные, запись информационной системы. Отождествление этих объектов ведет к ошибкам при решении вопросов допустимости и достоверности доказательств.

Федеральный закон об электронной подписи закрепляет правовую основу удостоверения электронных документов [4]. Но наличие подписи не решает всех вопросов гражданского процесса. Суду важно установить, кто создал документ, не был ли он изменен, каким способом поступил в дело, имела ли другая сторона возможность ознакомиться с ним и заявить возражения. Поэтому электронная форма требует не снижения, а усиления процедурной проверяемости.

Особое значение имеет момент совершения процессуального действия. При электронной подаче необходимо защищать лицо от последствий технических сбоев. Если документ направлен через официальный сервис до истечения процессуального срока и пользователь получил подтверждение отправки, последующие задержки регистрации не должны автоматически лишать его права. В ГПК РФ целесообразно закрепить презумпцию своевременной электронной подачи при наличии технического подтверждения направления документа.

3. Дистанционное участие: ВКС и веб-конференция

ГПК РФ предусматривает две формы дистанционного участия в судебном заседании. Первая - видеоконференц-связь по статье 155.1 ГПК РФ. Она предполагает участие лица при действии другого суда или учреждения, которое проверяет явку, устанавливает личность и совершает необходимые процессуальные действия [2]. Такая модель является более институционально защищенной, поскольку рядом с участником находится суд или уполномоченное учреждение.

Вторая форма - веб-конференция по статье 155.2 ГПК РФ. Она ориентирована на подключение участника без явки в другой суд. Личность гражданина, представителя или представителя юридического лица устанавливается с использованием информационно-технологических средств, включая ЕСИА и Единую биометрическую систему [2]. Участники, подключенные

посредством веб-конференции, вправе в ходе заседания подавать заявления, ходатайства и прилагаемые документы в электронном виде [2].

Веб-конференция существенно расширяет доступ к правосудию. Она позволяет участвовать в деле из другого региона, снижает расходы, уменьшает число отложений и облегчает участие свидетелей, экспертов и представителей. Верховный Суд Российской Федерации отмечал, что дистанционное заслушивание свидетелей и экспертов способствует сокращению сроков рассмотрения дел, поскольку не требует ожидания их прибытия из удаленных регионов или из-за рубежа [16].

Вместе с тем веб-конференция не может применяться автоматически. ГПК РФ предусматривает отказ в ее проведении при отсутствии технической возможности либо при закрытом судебном заседании [2]. Кроме того, суд должен оценивать качество связи, возможность идентификации участника, отсутствие влияния третьих лиц, способность участника воспринимать ход заседания, задавать вопросы и представлять возражения. Если дистанционный формат снижает состязательность или непосредственность исследования доказательств, суд обязан избрать очную форму либо отложить заседание.

Особенно осторожно веб-конференция должна использоваться по делам, где важны личные объяснения сторон, семейные обстоятельства, поведение участника, оценка добросовестности, психологическое состояние лица. В таких случаях техническая доступность веб-конференции не равна ее процессуальной допустимости.

4. Электронные доказательства и аудиопротоколирование

Цифровая среда изменила доказательственную базу гражданских дел. В суд представляются скриншоты, электронная переписка, аудио- и видеозаписи, электронные чеки, сведения из банковских приложений, данные маркетплейсов, материалы государственных информационных систем. Общие нормы ГПК РФ позволяют использовать сведения о фактах, на основании которых суд устанавливает обстоятельства дела, а также оценивать доказательства по внутреннему убеждению [2]. Однако цифровые доказательства нуждаются в специальных критериях проверки.

Представляется возможным выделить четыре уровня надежности электронных доказательств. Первый - простая визуализация: скриншот или распечатка. Второй - удостоверенная визуализация: нотариальный протокол осмотра интернет-страницы либо заверенная выгрузка. Третий - электронный документ с электронной подписью. Четвертый - данные, полученные непо-

средственно из государственной или иной надежной информационной системы по судебному запросу. Такая классификация не вводит заранее установленную силу доказательств, но помогает суду определить глубину проверки.

Критериями процессуальной надежности электронного доказательства должны быть: идентифицируемость источника; воспроизводимость содержания; сохранение целостности; возможность проверки другой стороной; фиксация способа получения; наличие электронной подписи, метаданных или иного технического подтверждения. Эти критерии целесообразно закрепить в ГПК РФ, поскольку они позволяют сохранить свободу оценки доказательств и одновременно снизить произвольность судебной практики.

Важным элементом цифровизации является аудиопроколирование. Федеральный закон от 12 июня 2024 г. N 135-ФЗ внес изменения в ГПК РФ, связанные с фиксацией сведений об использовании аудио-, видеозаписи, систем видеоконференц-связи, системы веб-конференции и иных технических средств. [6] Судебный департамент в 2025 году утвердил регламент организации аудиопроколирования в федеральных судах общей юрисдикции [11].

Аудиофиксация повышает проверяемость судебного заседания и снижает риск споров о содержании объяснений, ходатайств и возражений. Но ее потенциал реализуется только при включении аудиозаписи в единый электронный массив дела. Иначе аудиопрокол, электронные ходатайства, сведения о подключении участников и судебные акты остаются разрозненными фрагментами цифрового процесса.

5. Электронное гражданское дело как ядро будущей модели

Главный недостаток действующей модели состоит в фрагментарности. Закон допускает электронные действия, ведомственные акты регулируют электронную подачу и направление документов, суды используют цифровые сервисы, но электронное гражданское дело как самостоятельная процессуальная конструкция не закреплено. В результате электронный документ часто становится лишь способом доставки материала, который затем воспроизводится в бумажной логике.

Электронное гражданское дело должно пониматься как официальный процессуальный массив, включающий все материалы дела в электронной форме: иск, приложения, доказательства, судебные извещения, ходатайства, определения, протоколы, аудиозаписи, сведения о подключении участников, судебные акты и данные о вручении. Оно должно фиксировать автора документа, способ подписания, время поступления, результат проверки подписи, процессуальный

статус документа и историю изменений.

Отчет Судебного департамента за 2025 год показывает, что развитие ГАС «Правосудие» связывается с реализацией федерального проекта «Цифровое государственное управление» и суперсервиса «Правосудие онлайн» [11]. В том же отчете отмечены изменения ведомственных инструкций в части электронного направления судебных актов, доступа к делу в электронном виде, оформления и заверения судебных актов, выполненных в электронной форме [11]. Эти данные свидетельствуют о движении к более глубокой цифровой инфраструктуре правосудия.

Для придания такой инфраструктуре процессуальной устойчивости необходимо закрепить в ГПК РФ признаки электронного гражданского дела: полноту, достоверность, неизменяемость, доступность, совместимость с апелляцией и кассацией, архивную сохранность. Электронное дело должно быть не копией бумажного, а равнозначной и в перспективе основной формой существования процессуальных материалов.

6. Риски цифровизации и пределы автоматизации

Цифровизация гражданского процесса несет не только преимущества, но и риски. Первый риск - цифровое неравенство. Банки, страховые организации, управляющие компании, маркетплейсы и государственные органы обладают технологическими ресурсами, тогда как гражданин может не иметь необходимых навыков и оборудования. Поэтому цифровизация не должна усиливать фактическое неравенство сторон.

Второй риск - зависимость правосудия от технических статусов. Ошибка формата файла, сбой авторизации, недоступность портала или отказ проверки подписи не должны автоматически вести к утрате процессуального права. Суд обязан сохранять возможность правовой оценки технической ситуации.

Третий риск - ослабление гласности. Пленум Верховного Суда Российской Федерации подчеркивает значение открытости судопроизводства и доступа к информации о деятельности судов [8]. В цифровой среде гласность означает не только публикацию судебных актов, но и понятность электронных процедур, прозрачность статусов, доступность сведений о движении дела и возможность проверки действий суда.

Четвертый риск - защита персональных данных. Гражданские дела содержат сведения о здоровье, семейной жизни, доходах, детях, имуществе и банковских операциях. Электронный доступ к делу требует разграничения прав, журналирования действий пользователей, защиты от несанкционированного распространения и специальных режимов для закрытых материалов.

Пятый риск - скрытая алгоритмизация.

Автоматизация распределения дел, шаблоны документов, интеллектуальный поиск и иные цифровые инструменты могут помочь суду, но не вправе подменять судебное усмотрение. Оценка доказательств, установление фактов и мотивировка решения должны оставаться результатом деятельности судьи.

Заключение

Цифровизация гражданского судопроизводства в России достигла уровня, при котором она должна рассматриваться как изменение процессуальной формы. Электронная подача, веб-конференция, видеоконференц-связь, электронные доказательства и аудиопотоколирование уже влияют на содержание процессуальных прав и обязанностей.

Наиболее перспективным направлением является нормативное закрепление электронного гражданского дела. Оно должно стать единым достоверным массивом процессуальных материалов, обеспечивающим доступ участников, проверяемость судебных действий и передачу дела в вышестоящие инстанции. Без такой конструкции цифровизация будет оставаться набором сервисов, встроенных в бумажную модель процесса.

Дальнейшее развитие законодательства должно идти по пути процессуальной, а не только технической цифровизации. Необходимо закрепить презумпцию своевременной электронной подачи, критерии надежности электронных доказательств, правила действий суда при технических сбоях веб-конференции, требования к электронному доступу к делу и гарантии для лиц, не способных использовать цифровые сервисы. Только при таком подходе цифровизация будет не ограничивать, а усиливать право на судебную защиту.

Список литературы:

- [1] Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. // Российская газета. 1993. 25 декабря.
- [2] Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14 ноября 2002 г. N 138-ФЗ (ред. от 9 апреля 2026 г.) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2002. N 46. Ст. 4532.
- [3] Федеральный закон от 22 декабря 2008 г. N 262-ФЗ «Об обеспечении доступа к информации о деятельности судов в Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2008. N 52 (ч. I). Ст. 6217.
- [4] Федеральный закон от 6 апреля 2011 г. N 63-ФЗ «Об электронной подписи» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2011. N 15. Ст. 2036.
- [5] Федеральный закон от 30 декабря

2021 г. N 440-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2022. N 1 (ч. I). Ст. 9.

[6] Федеральный закон от 12 июня 2024 г. N 135-ФЗ «О внесении изменений в Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации» // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://pravo.gov.ru>.

[7] Федеральный закон от 28 декабря 2024 г. N 521-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://pravo.gov.ru>.

[8] Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 13 декабря 2012 г. N 35 (ред. от 9 декабря 2025 г.) «Об открытости и гласности судопроизводства и о доступе к информации о деятельности судов» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2013. N 3.

[9] Приказ Судебного департамента при Верховном Суде РФ от 27 декабря 2016 г. N 251 «Об утверждении Порядка подачи в федеральные суды общей юрисдикции документов в электронном виде, в том числе в форме электронного документа» // Бюллетень актов по судебной системе. 2017. N 2.

[10] Приказ Судебного департамента при Верховном Суде РФ от 25 июля 2025 г. N 118 «О внесении изменений в некоторые акты Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».

[11] Отчет об итогах деятельности Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации за 2025 год. М., 2026. URL: <https://cdep.ru>.

[12] Сахнова Т.В. Курс гражданского процесса. М.: Статут, 2020.

[13] Ярков В.В. Гражданский процесс: учебник. М.: Статут, 2024.

[14] Решетняк В.И. Электронное правосудие в гражданском судопроизводстве: проблемы теории и практики. М.: Норма, 2019.

[15] Осокина Г.Л. Гражданский процесс. Общая часть. М.: Норма, 2021.

[16] Четверть века применения видеоконференц-связи в Верховном Суде Российской Федерации // Верховный Суд Российской Федерации. 2025. 18 апреля. URL: <https://vsrf.ru>.

References:

[1] Constitution of the Russian Federation: adopted by popular vote on December 12, 1993 // Rossiyskaya Gazeta. 1993. December 25.

[2] Civil Procedure Code of the Russian Federation No. 138-FZ dated November 14, 2002 (as amended on April 9, 2026) // Collection of Legislation

of the Russian Federation. 2002. N 46. Art. 4532.

[3] Federal Law No. 262-FZ of December 22, 2008 "On Ensuring Access to Information on the Activities of Courts in the Russian Federation" // Collection of Legislation of the Russian Federation. 2008. N 52 (part I). Art. 6217.

[4] Federal Law No. 63-FZ "On Electronic Signature" dated April 6, 2011 // Collection of Legislation of the Russian Federation. 2011. N 15. Art. 2036.

[5] Federal Law No. 440-FZ dated December 30, 2021 "On Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation" // Collection of Legislation of the Russian Federation. 2022. N 1 (part I). Art. 9.

[6] Federal Law of June 12, 2024 N 135-FZ "On Amendments to the Civil Procedure Code of the Russian Federation" // Official Internet portal of legal information. URL: <http://pravo.gov.ru>.

[7] Federal Law of December 28, 2024 N 521-FZ "On Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation" // Official Internet portal of legal information. URL: <http://pravo.gov.ru>.

[8] Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of December 13, 2012 N 35 (as amended on December 9, 2025) "On the openness and publicity of legal proceedings and on access to information on the activities of the courts" // Bulletin of the Supreme Court of the Russian Federation. 2013. N 3.

[9] Order of the Judicial Department under the Supreme Court of the Russian Federation of December 27, 2016 No. 251 "On approval of the Procedure for submitting documents to federal courts of general jurisdiction in electronic form, including in the form of an electronic document" // Bulletin of Acts on the Judicial System. 2017. N 2.

[10] Order of the Judicial Department under the Supreme Court of the Russian Federation of July 25, 2025 N 118 "On Amendments to Certain Acts of the Judicial Department under the Supreme Court of the Russian Federation" // SPS "ConsultantPlus".

[11] Report on the results of the activities of the Judicial Department under the Supreme Court of the Russian Federation for 2025. М., 2026. URL: <https://cdep.ru>.

[12] T.V. Sakhnova Civil Procedure Course. М.: Statute, 2020.

[13] V.V. Yarkov. Civil procedure: textbook. М.: Statute, 2024.

[14] Reshetnyak V.I. Electronic justice in civil proceedings: problems of theory and practice. М.: Norma, 2019.

[15] Osokina G.L. Civil trial. General part. М.: Norma, 2021.

[16] A quarter of a century of video conferencing in the Supreme Court of the Russian Federation // Supreme Court of the Russian Federation. 2025. April 18. URL: <https://vsrf.ru>.

Дата поступления рукописи в редакцию: 25.06.2026 г.

DOI: 10.24412/2782-3849-2026-8-221-227

Дата принятия рукописи в печать: 18.07.2026 г.

ЧЕРНЯВСКАЯ М.С.,

к.ю.н., старший преподаватель кафедры судебных экспертиз

Университета имени О.Е. Кутафина,

e-mail: mariach96@mail.ru

**ЭТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ НЕЙРОТЕХНОЛОГИЙ В СУДЕБНОЙ
ЭКСПЕРТИЗЕ**

Аннотация. В статье рассматриваются этические проблемы использования нейротехнологий и искусственного интеллекта в судебной экспертизе. В первую очередь, отсутствие нормативного регулирования сбора и обработки чувствительных данных при создании баз для обучения нейросетей. Бесконтрольное обращение с такими данными может привести к судебным претензиям к экспертам и последующему ужесточению правил, тормозящему развитие технологий. Этические риски использования биоданных рассматриваются в концепции нейроправ человека. На международном уровне эти вопросы проанализированы в Рекомендациях ЮНЕСКО об этике искусственного интеллекта. Также существует большое число стандартов, регулирующих применение искусственного интеллекта и нейротехнологий в области медицины. Эти стандарты учитывают все этапы формирования технологий искусственного интеллекта, а также особенности взаимодействия с лицами, чьи данные используются для дальнейшего анализа. В связи с этим следует учесть опыт, существующий в области медицинских исследований, чтобы принципы судебно-экспертной деятельности соответствовали вызовам времени.

Ключевые слова: искусственный интеллект, нейротехнологии, судебная экспертиза, стандарты, стандартные операционные процедуры, этические риски, нейроправа, биоданные, клинические испытания, базы данных.

CHERNYAVSKAYA M.S.,

PhD in Law, Senior Lecturer, Department of Forensic Examinations,

Kutafin University

ETHICAL CHALLENGES TO THE USE OF NEUROTECHNOLOGY IN FORENSICS

Annotation. This article examines the ethical issues surrounding the use of neurotechnology and artificial intelligence in forensic science. Primarily, the lack of regulatory framework for the collection and processing of sensitive data when creating training databases for neural networks. Uncontrolled handling of such data can lead to legal action against experts and subsequent tightening of regulations, hindering technological development. The ethical risks of using biodata are considered within the framework of human neurorights. At the international level, these issues are analyzed in the UNESCO Recommendations on the Ethics of Artificial Intelligence. Numerous standards also exist regulating the use of artificial intelligence and neurotechnology in medicine. These standards take into account all stages of the development of artificial intelligence technologies, as well as the specifics of interactions with individuals whose data is used for further analysis. Therefore, it is important to consider existing experience in medical research to ensure that the principles of forensic science are consistent with the challenges of the times.

Key words: artificial intelligence, neurotechnology, forensic science, standards, standard operating procedures, ethical risks, neurolaw, biodata, clinical trials, databases.

Развитие нейротехнологий, в том числе с использованием искусственного интеллекта, порождает не только технологические вызовы, но также и ставит этические вопросы перед судебной экспертизой. При этом этика имеет конкретное воплощение в организационных вопросах и требованиях к компетенции судебного эксперта.

Предмет статьи касается разработки нейросетей для целей судебной экспертизы и исполь-

зования нейротехнологий. В первом случае необходим сбор объектов для базы данных, на основе которой следует проводить машинное обучение. Часть из этих данных может напрямую относиться к персональным данным (образцы звучащей речи), часть может иметь потенциал для использования в противоправных целях (образцы подписей, почерка). Однако в рамках судебной экспертизы порядок использования подобных образцов

и их отбора для создания баз данных фактически не регулируется. То же самое касается и нейротехнологий, например, методы нейровизуализации: функциональная магнитно-резонансная томография – фМРТ или электроэнцефалография – ЭЭГ. Их использование означает получение предельно чувствительной информации: когнитивно значимая информация, которая впоследствии может быть использована, в том числе манипулятивных техниках, например, нейромаркетинга. Проблема заключается в том, что судебный эксперт получает полный доступ к таким данным без получения согласия лица и не уведомляя его о возможных рисках. Кроме того, для судебных экспертов и судебно-экспертных организаций не предусмотрено каких-либо требований в отношении обеспечения сохранности таких данных и их защиты, т.к. доступ к ним эксперт получает в судебной порядке. Тем не менее, работа с такими данными сопряжена со значительными рисками.

Наиболее подробный анализ возможных рисков представлен в рекомендациях ЮНЕСКО об этике искусственного интеллекта (далее – Рекомендации) [1]. Стоит отметить, что данный документ посвящен анализу искусственного интеллекта (далее ИИ), однако в данном документе указывается, что при его разработке не ставилось цели дать единое определение рассматриваемой технологией, но выделяются ключевые для этических целей аспекты: способность обрабатывать данные и информацию таким образом, который напоминает интеллектуальное поведение и, как правило, включает в себя аспекты рассуждения, обучения, восприятия, прогнозирования, планирования или управления. При этом следует понимать, что такой аспект, как обучение, в обязательном порядке должен учитывать необходимость формирования баз данных, которые для него необходимы. Кроме того, Рекомендации охватывают весь жизненный цикл технологий ИИ, исходя из чего можно проследить применение ИИ уже в нейротехнологиях или его использование в их разработке, или использование нейротехнологий для получения данных, на основе которых происходит машинное обучение. В связи с этим нами будут учитываться данные технологии и в отношении рисков, связанных с нейротехнологиями.

Как уже было сказано, этические аспекты, подлежащие рассмотрению при анализе рисков, связанных с нейротехнологиями должны учитывать все этапы их жизненного цикла: предварительные исследования, проектирования и разработки до внедрения и использования, включая техническое обслуживание, эксплуатацию, торговлю, финансирование, мониторинг и оценку, валидацию, прекращение использования, разборку и вывод из эксплуатации. Кроме того, субъектами нейротехнологического функционирования можно

считать любого участника, задействованного хотя бы на одном этапе жизненного цикла системы ИИ, и это может относиться как к физическим, так и к юридическим лицам, таким как исследователи, программисты, инженеры, специалисты по обработке данных, конечные пользователи, коммерческие предприятия, университеты, а также государственные и частные организации и другие.

Нейросетевые технологии порождают новые типы этических проблем, которые включают, помимо прочего, их влияние на принятие решений, занятость и трудовые отношения, социальное взаимодействие, здравоохранение, образование, СМИ, доступ к информации, цифровое неравенство, персональные данные и защиту прав потребителей, окружающую среду, демократию, верховенство права, безопасность и правоохранительную деятельность, возможность двойного доступа, а также права человека и основные свободы, включая свободу выражения мнения, неприкосновенность частной жизни и отсутствие дискриминации дискриминацию.

Кроме того, как отмечено в Рекомендациях, новые этические проблемы возникают из-за потенциальной способности нейросетевых алгоритмов воспроизводить и усиливать существующие предрассудки, тем самым усугубляя уже существующие формы дискриминации, предубеждений и стереотипов. В связи с этим нейросетевые технологии приобретают особую роль в развитии человеческого общества, а также во взаимоотношениях человека с окружающей средой и экосистемами. Таким образом, создается новый контекст для взросления детей и молодежи, развития понимания мира и самих себя, критического осмысления СМИ и информации, а также обучения принятию решений. Отсюда возникает риск, нарушения системы личностного опыта и самостоятельности человека, вызывая дополнительные опасения, в частности, по поводу самопонимания человека, социального, культурного и экологического взаимодействия, автономии, самостоятельности, ценности и достоинства.

Если рассмотреть содержание Рекомендаций, то можно выделить следующие риски:

Риски нарушения прав человека, в частности права на неприкосновенность частной жизни.

Риски безопасности в отношении доступа к базам данных и обеспечения конфиденциальности.

Риски отсутствия объяснимости и прозрачности и как следствие риски для осознанного использования нейросетевых технологий.

Непосредственно с правами человека также связана проблема внедрения нейротехнологий в правовую деятельность. В первую очередь здесь стоит упомянуть возможности нейробиологических доказательствах. В упрощенном виде

речь идет о сведениях, получаемых при помощи полиграфа. Здесь стоит отметить, что даже те юрисдикции, которые ограничивают коммерческое использование нейротехнологий, оставляют такую возможность для судебной экспертизы [4]. Таким образом область правоприменения является более открытой, чем коммерческая сфера. Это может быть допустимо только при наличии соответствующих нормативов. Некоторыми авторами отмечаются возможности использования получаемой через нейротехнологии информации, в том числе путем визуализации деятельности мозга, принимать правовые решения, например, о вероятности рецидива [5]. Очевидно, подобные дискуссии указывают на наличие риска отклонения от классического понимания правовой ответственности, которая может наступать только за содеянное или осознанно планируемое, но не за потенциальную угрозу. Также применение нейротехнологий в формате анализа активности головного мозга в уголовном судопроизводстве может означать нарушение права не свидетельствовать против себя. В целом нужно учитывать, что в отношении передовых технологий при их использовании для получения доказательств может снижаться уровень критического отношения относительно других доказательств ввиду их кажущейся повышенной объективности [6, С. 40].

По результатам исследования, проведенного ООН и Фондом «Нейроправо», был подготовлен отчет «Пробелы международного законодательства по защите прав человека в эпоху нейротехнологий». Содержание нейроправ по версии авторов доклада включает: (1) право на ментальную идентичность или «самоопределение», (2) право на свободу действий или «свободу воли», (3) право на неприкосновенность сознания, (4) право на справедливый доступ к технологиям усиления умственных возможностей, и (5) право на защиту от алгоритмической предвзятости — в случаях, когда нейротехнологии сочетаются с искусственным интеллектом [7, С. 40].

В связи с вышеуказанными проблемами актуально развитие концепции «нейроправа». На данный момент у нейроправ нет конкретного определения. Нам близка позиция, в соответствии с которой нейроправа не заменяет и не создают новых основополагающих прав человека, но уточняют их, фиксируя изменения в современном обществе с учетом внедрения новых технологий [8]. Эти права включают в себя право на самоидентичность, психологическую конфиденциальность и индивидуальность [12, С. 714]. Однако на данный момент вопрос о самостоятельном характере нейроправ остается дискуссионным. Целью их выделения является попытка этико-правовой регламентации ментальных процессов, включающих процессы физиологии и обработки инфор-

мации человеческим мозгом, и на этой основе выработки надлежащей адаптивной интерпретации прав человека в свете новейших технологий [15, С. 106]. В связи с этим также следует учитывать развитие нейроэтики как отдельного направления биоэтики [11, С. 131]. Например, развиваются идеи биоэтического конституционализма, направленного на создание правовых основ жизнедеятельности и биобезопасности [14, С. 33]. Говоря о концепции биоэтического конституционализма, авторы указывают, что в ней в том числе будут рассматриваться нормативно-правовые и этические аспекты формирования и реализации государственной политики в сфере биоинформатики и сохранности биоданных [14, С. 38].

В первую очередь, следует обратить внимание на проблему правового регулирования технологий, которые уже значительно влияют на общественные процессы и непосредственно влияют на возможность обеспечения базовых прав человека. В связи с этим необходимо устранение правовой фрагментарности: создание единого законодательства в отношении нейротехнологий [16].

Таким образом, можно утверждать, что работа с биоданными требует установления определенных ограничений. В противном случае, в будущем бесконтрольное использование таких данных может привести, во-первых, к нарушению прав граждан, во-вторых, в следствие этого к поступлению претензий к судебным экспертам, в том числе в судебном порядке ввиду нарушения требований конфиденциальности и нарушения правил обращения с персональными данными. В случае таких претензий может возникнуть резкое ужесточение правил, которое повлечет срыв разработок с использованием нейросетей для судебно-экспертной деятельности. Для предотвращения этого, следует заранее выработать правила для работы с данными, которые отбираются у физических лиц. С учетом того, что часть из них носит непосредственно биологический характер (образцы крови, ДНК и т.п.) представляется логичным обратиться к требованиям, действующим в медицинской практике. Это с особенно актуально с учетом того, что в сфере клинической медицины уже действует более ста стандартов, регулирующих использование технологий искусственного интеллекта.

Например, ГОСТ Р 71484.2-2024 (ИСО/МЭК 5259-2:2024) «Искусственный интеллект. Качество данных для аналитики и машинного обучения. Часть 2. Показатели качества данных» приводит характеристики качества данных, которые организация должна документировать, с тем чтобы подтверждать корректность машинного обучения [2]. Еще одним базовым стандартом является ГОСТ Р 71737-2024 «Системы искусственного интеллекта в здравоохранении. Применение

менеджмента риска к медицинским изделиям. Общие положения» [2]. В соответствии с ним изготовитель должен установить, внедрить, документировать и поддерживать в рабочем состоянии непрерывный процесс: а) для идентификации опасностей и опасных ситуаций, связанных с медицинским изделием; б) определения и оценивания сопутствующих рисков; в) управления этими рисками; г) мониторинга результативности мер по управлению рисками.

ПНСТ 961-2024 «Системы искусственного интеллекта в здравоохранении. Этические аспекты» указывает, что протоколы сбора данных должны гарантировать, что соответствующие характеристики предполагаемой популяции пациентов (например, с точки зрения возраста, пола, этнической принадлежности) достаточно представлены в наборах данных адекватного размера, включая наборы данных для обучения, тестирования и клинической валидации [2].

Согласно ГОСТ Р 53079.2-2008 системой управления качеством лаборатории с учетом особенностей медицинской организации, в состав которой она входит, и/или видов исследований, которые данная лаборатория выполняет, должны быть определены: политика, процессы, программы, процедуры, инструкции, которые должны быть четко и детально сформулированы и описаны в соответствующих документах [3]. К политике по качеству, согласно пункту 3.3 ГОСТ Р 53079.2-2008, относится в том числе распоряжение заведующего лабораторией о выполнении исследований в соответствии с утвержденными в установленном порядке стандартными операционными процедурами (далее по тексту — СОП) по каждому виду исследований.

Пунктом 3.5.3 ГОСТ Р 53079.2-2008 установлены требования к разработке внутренних документов в лаборатории, согласно которым «СОП по каждому виду исследований (формы протоколов исследований)» в составе внутренних документов лаборатории, обеспечивающих качество преаналитического, аналитического и постаналитического этапов, разрабатываются на основе действующих технических регламентов, национальных стандартов, правил по метрологии, документов федерального органа исполнительной власти в области здравоохранения и территориальных органов управления здравоохранением (приказы, методические указания, рекомендации, фармакопейные статьи); паспортов и инструкций производителей по применению наборов реактивов, контрольных и калибровочных материалов, по эксплуатации приборов.

СОП – это документально оформленный набор инструкций или пошаговых действий, которые надо осуществить, чтобы выполнить ту или иную работу. СОП делает процесс работы

и его результаты последовательными, согласованными, предсказуемыми и воспроизводимыми. Риски, которые должны предотвратить СОПы можно подразделить на категории, связанные с физическим, психическим ущербом и нарушением конфиденциальности. Первые два в целом являются минимальными при проведении клинических испытаний, особенно в части сбора образцов. Для предотвращения нарушения конфиденциальности должна быть разработана и внедрена система кодирования [13, С. 5].

СОП должен содержать следующую базовую информацию:

кто участвует в реализации, выполняет его требования и какие ресурсы необходимы для реализации;

в каком подразделении, отделении фирмы следует выполнять требования СОП;

в какой временной промежуток необходимо уложиться, выполняя требования СОП, в какой последовательности и при каких обстоятельствах.

Одним из ключевых СОП является добровольное информированное согласие при проведении клинических испытаний – письменное подтверждение участником своего согласия на участие в исследовании после того, как ему была предоставлена полная и понятная информация. Это согласие должно быть получено без какого-либо принуждения, и участник имеет право отозвать его в любой момент без каких-либо негативных последствий для дальнейшего лечения. Добровольное согласие должно отвечать следующим требованиям:

Информированность: Потенциальный участник должен получить полную информацию о целях, методах, длительности и условиях исследования, а также о применимом лекарственном средстве, возможных альтернативных вариантах лечения, потенциальной пользе и рисках, а также возможных осложнениях. Важно достичь адекватного понимания у участника или его представителя.

Добровольность: Участие в исследовании является исключительно добровольным. Никакое давление, угрозы или обман не допускаются.

Право на отказ: Участник имеет право прекратить участие в исследовании в любое время и без объяснения причин. Это не должно повлиять на качество его последующего медицинского обслуживания.

Документальное оформление: Согласие оформляется в письменном виде с подписью участника и датой. Если участник неграмотен, потребуется свидетель, который подтвердит, что информация была ему полностью разъяснена.

Конфиденциальность: Участник должен понимать, что его личные данные и медицинская

информация будут рассматриваться как конфиденциальные, и доступ к ним будут иметь только уполномоченные представители контролирующих органов и этического комитета.

В завершение разработанные СОПы, иная документация должны пройти этическую экспертизу, которую проводит комиссия по этике (Этический комитет).

Кроме того, необходимо создание базы данных с ограниченным доступом. Создание базы данных для клинических исследований включает в себя проектирование (определение назначения, сбор и структурирование данных). Полученные данные необходимо разделить на логические группы (например, «вид образца», «пациент», «заболевание и т.п.»). Необходимо предусмотреть защиту данных от несанкционированного доступа, а также от уничтожения.

Если говорить о наполнении баз данных, то это в первую очередь та информация, которая имеет значение для получения результата, в рассматриваемом случае это те признаки, которые позволят провести машинное обучение нейросетевых технологий для получения возможности автоматического и ускоренного анализа пациентов по вопросам их психического состояния. Подбор признаков имеет первостепенное значение для качества обучения. Эти признаки должны быть детерминированными по отношению к выявляемому заболеванию или состоянию. При этом их обнаружение должно быть возможно для искусственного интеллекта, т.е. они должны считываться при использовании компьютерных технологий (например, при анализе цифровой видеосъемки, отсканированного изображения, цифровой звукозаписи и т.д.).

Для решения этой проблемы предлагается использовать разработанное К. Ясперсом разграничение «объяснения» и «понимания» психопатологических феноменов. Объяснение связано с выявлением общих закономерностей, а понимание – с постижением смысла конкретных явлений; применение этих двух подходов в комплексе может повысить объяснимость ИИ-моделей в медицине [9]. Перспективным направлением развития ИИ является переход к третьему поколению, основанному на интеграции символического и коннекционистского подходов [10]. Это позволит создать более объяснимые, устойчивые и безопасные ИИ-системы.

При том, что все указанные требования относятся к работе с пациентами и в рамках медицинской деятельности, представляется возможным рассмотреть их адаптацию к судебно-экспертной деятельности при разработке нейросетей и применении нейротехнологий. Это позволит предотвратить возможные негативные последствия, в том числе ужесточение или лишения

возможности использования данных, полученных при производстве судебных экспертиз, для исследовательской деятельности. Сейчас этот вопрос не регулируется, но концепции нейроправ человека находятся в разработке на международном уровне, а применение искусственного интеллекта во многих сферах стандартизируется. В судебно-экспертной деятельности с учетом ее специфики также следует предусмотреть соответствующее регулирование.

Список литературы:

- [1] Рекомендации об этике искусственного интеллекта / [Электронный ресурс] // : [сайт]. — URL: <https://unesdoc.unesco.org/ark:/48223/pf0000381137> (date of access: 27.05.2026).
- [2] Стандарты по направлению «Искусственный интеллект» / [Электронный ресурс] // : [сайт]. — URL: <https://www.rst.gov.ru/portal/gost/home/standarts/aistandarts> (дата обращения: 27.05.2026).
- [3] ГОСТ Р 53079.2-2008 Технологии лабораторные клинические. Обеспечение качества клинических лабораторных исследований. Часть 2. Руководство по управлению качеством в клинико-диагностической лаборатории. Типовая модель / [Электронный ресурс] // Электронный фонд нормативно-технической и нормативно-правовой информации Консорциума «Кодекс» : [сайт]. — URL: <https://docs.cntd.ru/document/1200073591> (дата обращения: 27.05.2026).
- [4] Гражданский кодекс Франции. Режим доступа [URL]: <https://www.legifrance.gouv.fr/affichCode.do?cidTexte=LEGITEXT000006070721> (дата обращения: 15.04.2026).
- [5] Goodenough O. R. Law and Cognitive Neuroscience / O. R. Goodenough, M. Tucker // Annual Review of Law and Social Science. – 2010. – Vol. 6. – P. 61–92. – DOI: 10.1146/annurev.lawsocsci.093008.131523..
- [6] Дюфло, А. Развитие нейроправа во Франции / А. Дюфло // Право и цифровая экономика. – 2023. – № 3(21). – С. 38-42. – DOI 10.17803/2618-8198.2023.21.3.038-042. – EDN AJXPZS. С. 38-42.
- [7] Genser J., Herrmann S., Yuste R. International Human Rights Protection Gaps in the Age of Neurotechnology. 06.05.2022. Режим доступа [URL]: <https://static1.squarespace.com/static/60e5c0c4c4f37276f4d458cf/t/6275130256dd5e2e11d4bd1b/1651839747023/Neurorights+Foundation+PUBLIC+Analysis+5.6.22.pdf> (дата обращения 20.04.2026 г.).
- [8] González, A. R. (2021). “Neuroderechos”, prueba neurocientífica y garantía de independencia judicial. Derecho & Sociedad, 57, P. 1-26. <https://doi.org/10.18800/dys.202102.007>.

[9] Starke G, Poppe C. Karl Jaspers and artificial neural nets: on the relation of explaining and understanding artificial intelligence in medicine. *Ethics Inf Technol.* 2022; 24:26. <https://doi.org/10.1007/s10676-022-09650-1> Режим доступа [URL]: <https://link.springer.com/article/10.1007/s10676-022-09650-1> (дата обращения 11.05.2026 г.).

[10] Zhang B, Zhu J, Su H. Toward the third generation artificial intelligence. *Sci China Inf Sci.* 2023; 66(2):121101. <https://doi.org/10.1007/s11432-021-3449-x> Режим доступа [URL]: <https://link.springer.com/article/10.1007/s11432-021-3449-x> (дата обращения 20.04.2026 г.).

[11] Галюков И.А., Галюкова М.И. Нейроэтика, нейронаука и нейрохакинг: правовые основы медицинского эксперимента над terra incognita. *Lex russica.* 2023; 76(12). <https://doi.org/10.17803/1729-5920.2023.205.12.124-133> С. 124-133. Корнехо, Я. Нейроправа, нейротехнологии и персональные данные: обзор проблем психологической автономии / Я. Корнехо // *Journal of Digital Technologies and Law.* – 2024. – Т. 2, № 3. – С. 711-728. – DOI 10.21202/jdtl.2024.36. – EDN SPERFJ. С. 711-728.

[12] Корнехо, Я. Нейроправа, нейротехнологии и персональные данные: обзор проблем психологической автономии / Я. Корнехо // *Journal of Digital Technologies and Law.* – 2024. – Т. 2, № 3. – С. 711-728. – DOI 10.21202/jdtl.2024.36. – EDN SPERFJ. С. 711-728.

[13] Косарев В. В. Этическая экспертиза клинических испытаний / В. В. Косарев, С. А. Бабанов // *Проблемы стандартизации в здравоохранении.* 2008. № 11. С. 3-9.

[14] Кравец И.А. Биоэтический конституционализм как новый вектор развития правового и экзистенциального мировоззрения в эпоху генетической информации и биокориспуденции прав человека. *Юридическая наука и практика.* 2025; 21(3). <https://doi.org/10.25205/2542-0410-2025-21-3-27-44> С. 27-44.

[15] Крылатова И. Ю. Природа нейроправ человека и достоинства личности в условиях развития нейротехнологий, особенности их этико-правового регулирования / И. Ю. Крылатова // *Вестник Гуманитарного университета.* – 2024. – Т. 12, № 4. – С. 104-112. – DOI 10.35853/vestnik.gu.2024.12-4.08. – EDN XMSLJN. С. 106.

[16] Филипова И. А. Нейротехнологии в праве и правоприменении: прошлое, настоящее и будущее // *Правоприменение.* 2022. Т. 6. № 2. С. 32-49.

References:

[1] AI Ethics Guidelines/[Electronic Resource] // : [site]. — URL: <https://unesdoc.unesco.org/ark:/48223/pf0000381137> (date of access:

27.05.2026).

[2] Standards in the direction of "Artificial Intelligence" / [Electronic resource] // : [site]. — URL: <https://www.rst.gov.ru/portal/gost/home/standarts/aistandarts> (дата обращения: 27.05.2026).

[3] GOST R 53079.2-2008 Clinical laboratory technologies. Quality assurance of clinical laboratory tests. Part 2. Guidelines for Quality Management in the Clinical Diagnostic Laboratory. Typical Model/ [Electronic Resource] // Electronic Fund of Regulatory Technical and Regulatory Information of the Kodeks Consortium: [website]. - URL: <https://docs.cntd.ru/document/1200073591> (access date: 27.05.2026).

[4] French Civil Code. Режим доступа [URL]: <https://www.legifrance.gouv.fr/affichCode.do?cidTexte=LEGITEXT000006070721> (accessed on: 15.04.2026).

[5] Goodenough O. R. Law and Cognitive Neuroscience / O. R. Goodenough, M. Tucker // *Annual Review of Law and Social Science.* – 2010. – Vol. 6. – P. 61–92. – DOI: 10.1146/annurev.lawsocsci.093008.131523..

[6] Duflo, A. The development of neuro-law in France/A. Duflo // *Law and the digital economy.* – 2023. – № 3(21). - S. 38-42. – DOI 10.17803/2618-8198.2023.21.3.038-042. – EDN AJXPZS. S. 38-42.

[7] Genser J., Herrmann S., Yuste R. International Human Rights Protection Gaps in the Age of Neurotechnology. 06.05.2022. Access Mode [URL]: <https://static1.squarespace.com/static/60e5c0c4c4f37276f4d458cf/t/6275130256dd5e2e11d4bd1b/1651839747023/Neurorights+Foundation+PUBLIC+Analysis+5.6.22.pdf> (Accessed 20.04.2026).

[8] González, A. R. (2021). "Neuroderechos", prueba neurocientífica y garantía de independencia judicial. *Derecho & Sociedad*, 57, P. 1-26. <https://doi.org/10.18800/dys.202102.007>.

[9] Starke G, Poppe C. Karl Jaspers and artificial neural nets: on the relation of explaining and understanding artificial intelligence in medicine. *Ethics Inf Technol.* 2022; 24:26. <https://doi.org/10.1007/s10676-022-09650-1> Access Mode [URL]: <https://link.springer.com/article/10.1007/s10676-022-09650-1> (accessed 11.05.2026).

[10] Zhang B, Zhu J, Su H. Toward the third generation artificial intelligence. *Sci China Inf Sci.* 2023; 66(2):121101. <https://doi.org/10.1007/s11432-021-3449-x> Access Mode [URL]: <https://link.springer.com/article/10.1007/s11432-021-3449-x> (accessed 20.04.2026).

[11] Galyukov I.A., Galyukova M.I. Neuroethics, neuroscience and neurohacking: the legal basis of a medical experiment on terra incognita. *Lex russica.* 2023; 76(12). <https://doi.org/10.17803/1729-5920.2023.205.12.124-133>

S. 124-133. Kornejo, Y. Neurorava, neurotechnology and personal data: review of problems of psychological autonomy/J. Cornejo // Journal of Digital Technologies and Law. – 2024. – Т. 2, NO. 3. – S. 711-728. – DOI 10.21202/jdtl.2024.36. – EDN SPERFJ. S. 711-728.

[12] Cornejo, J. Neuro-Law, Neurotechnology and Personal Data: A Review of Problems of Psychological Autonomy/J. Cornejo/ Journal of Digital Technologies and Law. – 2024. – Т. 2, NO. 3. – S. 711-728. – DOI 10.21202/jdtl.2024.36. – EDN SPERFJ. S. 711-728.

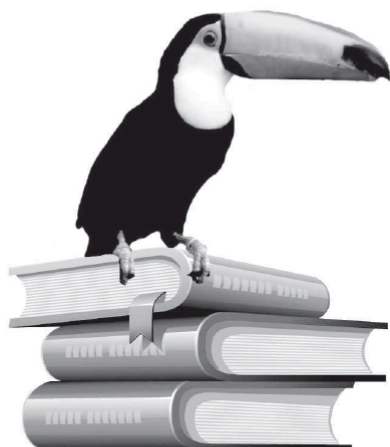
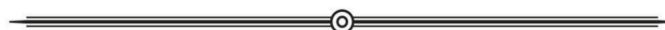
[13] Kosarev V.V. Ethical examination of clinical trials/V.V. Kosarev, S. A. Babanov // Problems of standardization in healthcare. 2008. № 11. S. 3-9.

[14] Kravets I.A. Bioethical constitutionalism

as a new vector for the development of a legal and existential worldview in the era of genetic information and the biociality of human rights. Legal science and practice. 2025;21(3). <https://doi.org/10.25205/2542-0410-2025-21-3-27-44> С. 27-44.

[15] Krylatova I. Yu. The nature of human neuro-rights and individual dignity in the context of the development of neurotechnologies, the peculiarities of their ethical and legal regulation/ I. Yu. Krylatova // Bulletin of the Humanitarian University. – 2024. – Т. 12, NO. 4. – S. 104-112. – DOI 10.35853/vestnik.gu.2024.12-4.08. – EDN XMSLJN. S. 106.

[16] Filipova I. A. Neurotechnology in Law and Law Enforcement: Past, Present and Future // Law Enforcement. 2022. Т. 6. № 2. S. 32-49.

ЮРКОМПАНИ

www.law-books.ru

Юридическое издательство
«ЮРКОМПАНИ»

Издание учебников,
учебных и методических
пособий, монографий,
научных статей.

Профессионально.

В максимально
короткие сроки.

Размещаем
в РИНЦ, Е-Library.

Дата поступления рукописи в редакцию: 10.07.2026 г.

DOI: 10.24412/2782-3849-2026-8-228-233

Дата принятия рукописи в печать: 01.08.2026 г.

КНЯЗЕВ Константин Сергеевич,

старший преподаватель кафедры деятельности ОВД в особых
условиях Омской ордена Почета академии МВД России,
e-mail: mail@law-books.ru

ЧИЧИН Сергей Валерьевич,

доцент кафедры вооружения танков и стрельбы Омского
автобронетанкового инженерного института,
e-mail: mail@law-books.ru

ТРАНСФОРМАЦИЯ ПРИНЦИПА СОСТЯЗАТЕЛЬНОСТИ СТОРОН В «ЦИФРОВОМ» ГРАЖДАНСКОМ ПРОЦЕССЕ: ВЫЗОВЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Аннотация. Статья посвящена исследованию трансформации принципа состязательности сторон в гражданском процессе под влиянием цифровизации и внедрения искусственного интеллекта. Анализируются риски технологической асимметрии, изменение порядка доказывания и зарубежный опыт. На основе доктринальных подходов формулируются предложения по совершенствованию процессуального законодательства, направленные на сохранение равенства сторон и справедливости правосудия в цифровую эпоху.

Ключевые слова: принцип состязательности, гражданский процесс, цифровизация правосудия, электронные доказательства, искусственный интеллект, процессуальное равенство, электронное правосудие.

KNYAZEV Konstantin Sergeevich,

Senior Lecturer, Department of Internal Affairs Activities in Special
conditions, Omsk Order of Honor Academy of the Ministry of Internal
Affairs of Russia

CHICHIN Sergei Valerievich,

Associate Professor, Department of Tank Armament and Firing Omsk
Armored Engineering Institute

TRANSFORMATION OF THE ADVERSARIAL PRINCIPLE IN DIGITAL CIVIL PROCEDURE: CHALLENGES AND PROSPECTS

Annotation. This article examines the transformation of the adversarial principle in civil proceedings under the influence of digitalization and the introduction of artificial intelligence. The risks of technological asymmetry, changes in the procedure for proof, and international experience are analyzed. Based on doctrinal approaches, proposals are formulated for improving procedural legislation aimed at preserving equality of arms and judicial fairness in the digital age.

Key words: adversarial principle, civil procedure, digitalization of justice, electronic evidence, artificial intelligence, procedural equality, e-justice.

Стремительная цифровизация всех сфер общественной жизни неизбежно ставит перед правовой системой вызовы, требующие не только адаптации существующих институтов, но и переосмысления их сущностного содержания. Гражданское судопроизводство, традиционно консервативное в силу приверженности принципам формальной определенности, сегодня активно внедряет электронные технологии — от подачи исков через порталы Государственной автоматизированной системы Российской Федерации «Правосудие» (далее – ГАС «Правосудие») до использования видеоконференц-связи и искусственного

интеллекта для анализа доказательств. Однако, если процедурные аспекты автоматизации регламентируются достаточно динамично, то фундаментальные принципы процесса, в особенности принцип состязательности, остаются в зоне доктринальной неопределенности. Актуальность настоящего исследования обусловлена необходимостью ответить на ключевой вопрос: сохраняется ли классическая состязательная конструкция, предполагающая равенство процессуальных возможностей и активную роль сторон в доказывании, в условиях, когда цифровой алгоритм все чаще становится «третьим игроком», а доступ к

электронным доказательствам может быть асимметричен в силу технологической грамотности участников.

Значимость данной проблематики выходит за рамки сугубо процессуальных споров, затрагивая конституционные гарантии судебной защиты. Принцип состязательности, закрепленный в ст. 123 Конституции РФ и детализированный в ст. 12 Гражданском процессуальном кодексе РФ (далее – ГПК РФ), является краеугольным камнем справедливого правосудия. В цифровой среде его реализация сталкивается с новыми рисками: цифровой разрыв между участниками, манипулирование электронными данными, а также снижение роли устного судебного разбирательства, где традиционно проявляется непосредственность и состязательность аргументов. Как справедливо отмечает А.В. Юдин, «электронное правосудие не отменяет принципа состязательности, но требует его новой интерпретации, где акцент смещается с формального равенства сторон на обеспечение реального доступа к информации и механизмам ее проверки» [1, с. 45]. Это требует от законодателя и правоприменителя поиска баланса между эффективностью автоматизации и сохранением гарантий процессуальной справедливости.

Степень изученности темы характеризуется значительным массивом работ в области цифрового права, однако комплексные исследования трансформации именно состязательности как системообразующего принципа представлены фрагментарно. Большинство авторов, таких как М.А. Рожкова и В.В. Аргунов, сосредотачиваются на технических аспектах электронного документооборота, оставляя в тени философско-правовые последствия алгоритмизации доказывания [2, с.45-62]. Между тем, зарубежная практика (опыт Эстонии, Сингапура, Китая) свидетельствует о том, что внедрение элементов «искусственного судьи» влечет за собой объективную пассивность сторон, так как решение все меньше зависит от риторики и все больше — от формализованных данных, загруженных в систему. В российской науке данный пробел частично восполняется работами Е.И. Носыревой, которая обращает внимание на то, что «цифровизация создает иллюзию упрощения процесса, но на деле усложняет реализацию прав слабой стороны, лишая ее возможности использовать тактические приемы, основанные на устной аргументации» [3, с. 112-113].

Цель данной работы заключается в выявлении основных векторов трансформации принципа состязательности в условиях цифрового гражданского процесса и выработке предложений по совершенствованию процессуального законодательства. Для достижения поставленной цели необходимо решить следующие задачи:

проанализировать изменения в содержании элементов состязательности (сбор доказательств, их представление и оценка) под влиянием цифровых технологий; оценить риски асимметрии процессуальных возможностей сторон; а также предложить критерии допустимости использования автоматизированных систем при разрешении споров.

Методологическая основа базируется на диалектическом методе познания, системном и формально-юридическом подходах, а также на сравнительно-правовом методе, позволяющем сопоставить отечественный опыт с международными стандартами в области цифрового правосудия.

Принцип состязательности, будучи стержневым началом гражданского судопроизводства, традиционно включает в себя три взаимосвязанных элемента: право сторон на представление доказательств, право на участие в их исследовании и право на заявление ходатайств и доводов перед судом. Классическая модель предполагает, что суд, сохраняя независимость и объективность, лишь создает необходимые условия для всестороннего и полного исследования обстоятельств дела, при этом бремя доказывания распределяется между сторонами в соответствии с правилами ст. 56 ГПК РФ. Однако цифровая реальность вносит существенные коррективы в реализацию каждого из перечисленных элементов. Во-первых, сама форма доказательств претерпевает изменения: бумажные документы уступают место электронным образам, аудиозаписям, скриншотам и иным цифровым следам, что требует от сторон не просто юридической грамотности, но и специальных технических знаний для их надлежащего оформления и заверения.

Во-вторых, изменяется порядок представления доказательств. Внедрение системы электронного правосудия, в частности возможность подачи процессуальных документов через личный кабинет на портале ГАС «Правосудие», формально облегчает доступ к правосудию. Однако, как верно подмечает В.В. Янков, «технологический доступ не равен процессуальному равенству, поскольку лицо, не владеющее навыками работы с квалифицированной электронной подписью или цифровыми носителями, оказывается в заведомо более слабой позиции, чем профессиональный участник» [4, с. 208]. Данная асимметрия приобретает системный характер, так как сторона, имеющая доступ к более широкому спектру цифровых инструментов и IT-специалистов, получает возможность формировать доказательственную базу значительно качественнее. Более того, суды все чаще предлагают сторонам раскрывать доказательства путем обмена файлами через облачные сервисы, что порождает вопросы

о конфиденциальности и защите персональных данных, особенно в коммерческих спорах, где информация составляет охраняемую коммерческую тайну.

Третий элемент — оценка доказательств — также попадает в зону турбулентности. Классический принцип свободной оценки доказательств по внутреннему убеждению судьи (ст. 67 ГПК РФ) предполагает их всестороннее, полное и непосредственное исследование. В цифровой среде непосредственность утрачивается: судья все чаще работает не с оригиналом документа, а с его электронной копией, и если ранее подлог можно было выявить при визуальном осмотре, то сейчас требуется назначение дорогостоящей технической экспертизы, что затягивает процесс и увеличивает судебные издержки. Это объективно снижает активность сторон в оспаривании подлинности доказательств, так как затраты на экспертизу могут превышать цену иска. По мнению Л.А. Грось, «в таких условиях состязательность превращается из механизма установления истины в инструмент экономического давления, где сторона с большими финансовыми ресурсами может буквально "задавить" оппонента количеством ходатайств о назначении экспертиз и привлечении технических специалистов» [5, с. 157].

Кроме того, цифровизация порождает новый вид доказательств — так называемые «цифровые следы», которые не имеют аналогов в материальном мире. Это метаданные, логи файлов, геолокационные данные и прочее. Сторона, обладающая доступом к таким данным (например, провайдер или владелец информационной системы), часто отказывается их предоставлять или затягивает их предоставление, ссылаясь на коммерческую тайну или сложность извлечения, и суд, не имея технической возможности ознакомиться с ними, фактически лишает другую сторону права на эффективное доказывание. Таким образом, принцип состязательности, заложенный как гарантия равных процессуальных прав, в цифровом измерении начинает работать в пользу более технологически оснащенного участника, что противоречит его изначальной сути.

Наконец, существенную роль играет фактор времени. Электронное правосудие ускоряет движение дела, однако сжатые сроки для представления возражений в электронном виде часто оказываются критическими для физических лиц и малого бизнеса, у которых нет штатных юристов. Исследования показывают, что в 40% случаев сторона, представляющая интересы гражданина в цифровом процессе, не успевает подготовить мотивированные письменные возражения в установленный судом срок, что фактически превращает состязательность в формальность, когда решение выносится на основе односторонних

доводов [6, с. 89]. Это свидетельствует о том, что адаптация принципа состязательности к цифровой среде требует не просто технического апгрейда, а системного пересмотра процессуальных гарантий с учетом новых рисков.

Одним из наиболее дискуссионных аспектов цифровизации гражданского судопроизводства становится внедрение элементов искусственного интеллекта (далее - ИИ) в процессуальную деятельность. Сегодня уже не фантастикой выглядят сценарии, при которых ИИ-системы помогают судье в систематизации доказательств, анализе судебной практики и даже в формировании проекта решения. В зарубежных юрисдикциях — например, в Китае, где функционируют «интернет-суды» с элементами автоматизированного принятия решений по бесспорным требованиям, — алгоритмы фактически берут на себя функцию оценки типовых доказательств [7, с. 203]. Однако перенос подобных моделей на российскую почву сталкивается с фундаментальным противоречием: принцип состязательности предполагает активную диалоговую природу судебного разбирательства, тогда как ИИ работает по жестким, заранее заданным алгоритмам, которые не способны учитывать уникальные нюансы фактических обстоятельств и человеческую составляющую доводов сторон.

Главная опасность алгоритмизации кроется в том, что сторона процесса фактически лишается возможности влиять на оценку доказательств через устные выступления, психологические аспекты восприятия и риторику. Если судья, рассматривая дело, может быть убежден аргументом, который не укладывается в формальную логику, но отражает суть справедливости, то ИИ-система оценивает исключительно формализованные критерии — наличие документа, его реквизиты, соответствие шаблону. Как справедливо указывает С.В. Васильева, «внедрение искусственного интеллекта в процесс доказывания рискует нивелировать человеческую составляющую правосудия, где состязательность всегда предполагала возможность "переубедить" суд, а не просто "предоставить данные"» [8, с. 79-80]. В результате состязательность трансформируется из творческого процессуального противоборства в техническую процедуру верификации документов, что значительно обедняет содержание принципа.

Не менее остро стоит проблема так называемой «алгоритмической несправедливости». Алгоритмы машинного обучения, применяемые для оценки доказательств, обучаются на массиве предыдущих судебных решений, которые, в свою очередь, могут содержать систематические погрешности или отражать устоявшуюся судебную практику, не всегда отвечающую требованиям ди-

намичного развития права. В таких условиях сторона, которая не соответствует «типовому портрету» успешного истца или ответчика, заложенному в обучающей выборке, ставится в заведомо проигрышное положение. Более того, алгоритмы не разъясняют мотивов своего решения, и сторона не имеет возможности их оспорить, поскольку внутренняя логика нейросетей зачастую является «черным ящиком» даже для разработчиков. Это вступает в прямое противоречие с требованием ст. 195 ГПК РФ о законности и обоснованности судебного постановления, так как в случае рекомендательного характера ИИ сторона не может понять, на каких именно основаниях суд отдал предпочтение одним доказательствам перед другими.

В российской правовой системе пока не закреплено использование ИИ в качестве «советчика» судьи, однако активно внедряются автоматизированные системы распределения дел, которые также косвенно влияют на состязательность. Например, автоматическое распределение дел между судьями не учитывает специализацию и опыт судьи в конкретной категории споров, что может приводить к затягиванию процесса и, как следствие, к утрате стороной возможности оперативно представить новые доказательства, если судья не погружен в специфику дела. Исследователи отмечают, что в условиях перегрузки судов автоматизация распределения, призванная обеспечить беспристрастность, парадоксальным образом снижает качество состязательного процесса, так как судья, получив не свойственное ему дело, вынужден больше полагаться на письменные материалы, нежели на детальное исследование доводов сторон в устной части [9, с. 115].

Однако полностью отрицать потенциал ИИ было бы неверным. В ряде аспектов алгоритмы могут усилить состязательность, например, при автоматическом выявлении противоречий в доказательствах или при предоставлении сторонам статистической информации о том, какие аргументы чаще всего принимаются судами по аналогичным делам. Это позволяет сторонам более качественно выстраивать свою правовую позицию и прогнозировать исход дела. Таким образом, ключевая задача законодателя — не запрещать ИИ, а разработать четкие критерии его применения, при которых алгоритм будет выступать исключительно вспомогательным инструментом, а финальное решение и его мотивировка останутся исключительно прерогативой судьи, действующего в условиях полной состязательности и гласности.

Осмысление проблемы трансформации состязательности невозможно без обращения к зарубежным правовым порядкам, которые столкнулись с вызовами цифровизации значительно

раньше России. Наибольший интерес представляет опыт Эстонии — страны, признанного лидера в сфере электронного правосудия, где с 2005 года функционирует система e-File, позволяющая полностью вести процесс в цифровой среде. Примечательно, что эстонские процессуалисты пришли к выводу о необходимости законодательного закрепления права стороны на «человеческий судья» в случаях, если одна из сторон заявляет о технической сложности или недостаточной цифровой компетенции. Данный подход демонстрирует, что даже при тотальной цифровизации принцип состязательности может быть сохранен за счет предоставления выбора формата участия, что гарантирует реальное, а не формальное равенство. Как отмечает Т.С. Кузьмина в своем сравнительном исследовании, «эстонская модель убедительно доказывает: цифровизация и состязательность не антагонисты, но при условии, что законодатель обеспечивает "цифровую амнистию" для слабой стороны, позволяя ей участвовать в процессе традиционным способом без ущерба для своих процессуальных прав» [10, с. 246-247].

В Сингапуре, где внедрена система интеллектуального анализа доказательств, судьи используют ИИ лишь на стадии предварительной проверки документов на предмет их соответствия формальным требованиям, тогда как оценка относимости и допустимости доказательств остается исключительно компетенцией судьи. При этом сингапурский законодатель закрепил обязанность сторон заблаговременно раскрывать не только доказательства, но и методологию их цифровой обработки, что позволяет противоположной стороне проверять достоверность электронных данных и заявлять мотивированные возражения. Такой подход, по мнению Е.Г. Стрельцовой, создает «прозрачную состязательность», при которой стороны информированы не только о содержании, но и о происхождении и преобразованиях каждого доказательства, что в разы снижает риск процессуальной асимметрии [11, с. 132]. Российское процессуальное законодательство пока не содержит аналогичных требований, что оставляет широкое поле для злоупотреблений, особенно в спорах, связанных с электронными платежами и цифровыми контрактами.

Американская доктрина пошла по пути акцента на «процессуальную добросовестность» (procedural fairness) в условиях цифрового разбирательства. В ряде решений Верховного суда США подчеркивается, что автоматизация не должна создавать препятствий для реализации права на полное и своевременное представление доказательств, а стороны должны иметь доступ к техническим специалистам за счет суда в случае «доказанной малоимущести». Этот подход корре-

лирует с позицией Европейского суда по правам человека, который в постановлении по делу «Жилин против России» подчеркнул, что принцип состязательности требует обеспечения сторонам возможности ознакомиться со всеми доказательствами и высказать по ним свои соображения, причем любые технологические нововведения не должны сужать это право. Таким образом, международные стандарты задают вектор: цифровизация должна служить доступности и равенству, а не наоборот.

Отечественная наука предлагает несколько моделей адаптации. Так, А.Т. Боннер обосновывает идею введения в ГПК РФ специальной главы, регулирующей «электронное доказывание», где отдельно прописываются правила проверки электронных доказательств, обязанность сторон предоставлять их в машиночитаемом виде и право суда назначать технического консультанта за счет бюджета, если сторона не имеет средств для привлечения такого специалиста [12, с. 301-302]. Другие авторы, например, Т.А. Савельева, предлагают дополнить принцип состязательности принципом «технологической сдержанности», суть которого заключается в том, что суд не вправе применять автоматизированные системы оценки, если они не раскрыты для обеих сторон и не прошли публичной апробации. Это позволит избежать ситуации, когда сторона не может оспорить результаты ИИ-анализа из-за закрытости алгоритма.

Резюмируя обзор зарубежных практик и доктринальных предложений, можно выделить несколько универсальных ориентиров. Во-первых, любое внедрение цифровых инструментов должно сопровождаться правом стороны на выбор традиционного формата участия при наличии уважительных причин. Во-вторых, раскрытие доказательств в цифровой среде должно включать информацию об их техническом происхождении и неизменности. В-третьих, ИИ-системы могут использоваться исключительно в технических вспомогательных целях, но не для оценки доказательств по существу или формирования вывода о победе одной из сторон. Реализация этих подходов в российском процессуальном законодательстве позволит сохранить ядро состязательности, наполнив его современным содержанием, адекватным вызовам цифровой эпохи.

Проведенное исследование позволяет утверждать, что принцип состязательности сторон в гражданском судопроизводстве переживает глубокую трансформацию, обусловленную тотальной цифровизацией как судебной системы в целом, так и всей коммуникативной среды, в которой возникают, фиксируются и представляются доказательства. Классическая модель состяза-

тельности, основанная на равных возможностях устного и письменного доказывания, непосредственности исследования материалов и свободе внутреннего убеждения судьи, вступает в объективное противоречие с цифровыми реалиями, где техническая оснащенность, доступ к информации и алгоритмическая обработка данных все чаще играют решающую роль. Выявленная асимметрия процессуальных возможностей сторон, обусловленная цифровым разрывом и стоимостью экспертных процедур, ставит под сомнение способность современного процессуального законодательства обеспечивать реальное равенство, закрепленное в ст. 123 Конституции РФ.

На основе анализа теоретических подходов и зарубежного опыта представляется возможным сформулировать следующие выводы и практические предложения. Во-первых, необходимо внести изменения в ГПК РФ и Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации (далее - АПК РФ), закрепив в ст. 12 ГПК РФ и ст. 9 АПК РФ положение о том, что суд обязан принимать меры к устранению технологического неравенства сторон, в том числе путем разъяснения порядка работы с электронными доказательствами и предоставления стороне, не имеющей технической возможности, помощи в истребовании доказательств через судебные запросы. Во-вторых, целесообразно ввести в ГПК РФ отдельную статью, регламентирующую «электронное доказывание», где будут прописаны: требования к форматам файлов, порядок заверения копий, процедура проверки электронной подписи и обязанность стороны, представляющей цифровые доказательства, раскрывать информацию о метаданных и «цепочке хранения». Это позволит противоположной стороне полноценно оспаривать подлинность и достоверность представленных данных, сохраняя состязательную природу их исследования.

В-третьих, законодатель должен четко определить допустимые пределы использования искусственного интеллекта в гражданском судопроизводстве. Представляется обоснованным разрешить применение ИИ исключительно для вспомогательных функций: автоматическая группировка документов, проверка формальных реквизитов, поиск аналогичной практики. Однако оценка относимости, допустимости, достаточности и взаимосвязи доказательств, равно как и формирование мотивировочной части решения, должны оставаться исключительной компетенцией судьи-человека. Указанное положение предлагается закрепить в ст. 67 ГПК РФ, дополнив ее частью 4 следующего содержания: «Суд оценивает доказательства по своему внутреннему убеждению, основанному на всестороннем, полном, объективном и непосредственном исследовании».

Использование автоматизированных систем и алгоритмов допускается исключительно в технических целях и не может подменять судебскую оценку доказательств по существу».

В-четвертых, в целях обеспечения реальной состязательности в цифровых спорах, целесообразно создать специализированные консультационные подразделения при судах (по аналогии с бюро судебных экспертиз), которые оказывали бы бесплатную помощь сторонам в подготовке и проверке электронных доказательств в случае, если цена иска не превышает определенного порога, либо если сторона подтвердит свою финансовую несостоятельность. Это снизит риски процессуальной монополии технологически оснащенных участников и вернет состязательности ее социальную справедливость.

Таким образом, цифровая трансформация правосудия не должна вести к отказу от принципа состязательности, но требует его творческой перезагрузки с сохранением всех гарантий равенства сторон. Будущее гражданского процесса — за гибридной моделью, где высокие технологии служат инструментом расширения, а не сужения процессуальных прав, а человек остается главным субъектом и бенефициаром судебной защиты.

Список литературы:

- [1] Юдин А.В. Принцип состязательности в гражданском судопроизводстве: традиции и новации. - М.: Статут, 2020. - 312 с.
- [2] Рожкова М.А., Аргунов В.В. Электронное правосудие в гражданском процессе: проблемы и перспективы // Вестник гражданского процесса. 2021. № 4. С. 45-62.
- [3] Носырева Е.И. Цифровые технологии в доказывании: новые вызовы для процессуального права // Арбитражный и гражданский процесс. 2022. № 2. С. 110-118.
- [4] Ярков В.В. Цифровизация гражданского процесса и доступ к правосудию // Российский юридический журнал. 2021. № 3. С. 205-215.
- [5] Грось Л.А. Состязательность и материальная истина в условиях цифрового судопроизводства // Журнал российского права. 2020. № 11. С. 153-165.
- [6] Иванова Т.С. Электронные доказательства в гражданском процессе: проблемы допустимости и достоверности. - СПб.: Юридический центр Пресс, 2021. - 198 с.
- [7] Смирнов Д.А. Искусственный интеллект в правосудии: опыт Китая и Сингапура // Сравнительное конституционное обозрение. 2022. № 5. С. 198-212.
- [8] Васильева С.В. Алгоритмы и право: проблемы «черного ящика» в судебной оценке доказательств // Информационное право. 2021. № 6. С. 76-83.
- [9] Петрова Е.Н. Автоматизация распределения судебных дел: последствия для состязательности процесса // Судебная власть и уголовный процесс. 2022. № 1. С. 112-120.
- [10] Кузьмина Т.С. Электронное правосудие в странах Балтии: правовое регулирование и практика. - М.: Норма, 2021. - 288 с.
- [11] Стрельцова Е.Г. Прозрачность электронного доказывания: опыт Сингапура // Зарубежное законодательство и сравнительное правоведение. 2022. № 7. С. 128-136.
- [12] Боннер А.Т. Реформирование гражданского процессуального права в эпоху цифровизации: концептуальные подходы. - М.: Проспект, 2023. - 354 с.
- References:**
- [1] A.V. Yudin. The principle of competition in civil proceedings: traditions and innovations. - M.: Statute, 2020. - 312 s.
- [2] Rozhkova M.A., Argunov V.V. Electronic justice in the civil process: problems and prospects // Bulletin of the civil process. 2021. № 4. S. 45-62.
- [3] Nosyreva E.I. Digital technologies in evidence: new challenges for procedural law // Arbitration and civil procedure. 2022. № 2. S. 110-118.
- [4] V.V. Yarkov. Digitalization of the civil process and access to justice // Russian Law Journal. 2021. № 3. S. 205-215.
- [5] Gros L.A. Adversarial and material truth in digital legal proceedings // Journal of Russian Law. 2020. № 11. S. 153-165.
- [6] T.S. Ivanova. Electronic evidence in civil proceedings: problems of admissibility and reliability. - St. Petersburg: Legal Center Press, 2021. - 198 s.
- [7] Smirnov D.A. Artificial Intelligence in Justice: The Experience of China and Singapore // Comparative Constitutional Review. 2022. № 5. S. 198-212.
- [8] Vasilyeva S.V. Algorithms and law: black box problems in the judicial assessment of evidence // Information law. 2021. № 6. S. 76-83.
- [9] Petrova E.N. Automation of the distribution of court cases: consequences for the adversarial process // Judicial power and criminal process. 2022. № 1. S. 112-120.
- [10] Kuzmina T.S. E-justice in the Baltic States: legal regulation and practice. - M.: Norma, 2021. - 288 p.
- [11] E.G. Streltsova. Transparency of electronic evidence: the experience of Singapore // Foreign law and comparative jurisprudence. 2022. № 7. S. 128-136.
- [12] Bonner A.T. Reforming civil procedural law in the age of digitalization: conceptual approaches. - M.: Prospect, 2023. - 354 s.

Дата поступления рукописи в редакцию: 14.07.2026 г.

DOI: 10.24412/2782-3849-2026-8-234-240

Дата принятия рукописи в печать: 03.08.2026 г.

КАМИНСКАЯ Олеся Олеговна,

Адъюнкт адъюнктуры Санкт-Петербургского университета
МВД России, Санкт-Петербургский университет МВД России,
Санкт-Петербург, Россия,
e-mail: l.lese4kina@yandex.ru

ЗАЩИТНИК ПО НАЗНАЧЕНИЮ В ДОСУДЕБНОМ ПРОИЗВОДСТВЕ: ПРЕДЕЛЫ ФОРМАЛЬНОГО И РЕАЛЬНОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ ПРАВА НА ЗАЩИТУ

Аннотация. В статье исследуется реализация права на защиту при участии адвоката по назначению в досудебном производстве. Цель исследования состоит в определении критериев разграничения формального и реального обеспечения права на защиту. Используются формально-юридический, системный, функциональный и сравнительно-правовой методы, а также анализ законодательства и правоприменительной практики. Обосновано, что деятельность назначенного адвоката должна оцениваться не только по наличию ордера и подписи в процессуальном документе, но и по фактической возможности осуществлять функцию защиты. К критериям реальной защиты отнесены своевременность вступления в дело, наличие времени для подготовки и конфиденциального общения, содержательность и независимость деятельности адвоката, а также проверяемость процессуально значимых обстоятельств. Рассмотрены проблемы непрерывности защиты, замены адвоката по соглашению и цифровизации назначения. Сделан вывод, что автоматизированное распределение поручений снижает риск подбора «удобного» адвоката, но не гарантирует качества юридической помощи. Научная новизна заключается в рассмотрении защитника по назначению как элемента механизма оценки фактической обеспеченности права на защиту.

Ключевые слова: право на защиту; защитник по назначению; досудебное производство; подозреваемый; обвиняемый; квалифицированная юридическая помощь; формальная защита; реальное обеспечение права на защиту; процессуальная непрерывность защиты.

KAMINSKAYA Olesya O.,

Adjunct Student at the St. Petersburg University of the Ministry of
Internal Affairs of Russia, St. Petersburg University of the Ministry of
Internal Affairs of Russia, St. Petersburg, Russia

APPOINTED DEFENCE COUNSEL IN PRE-TRIAL PROCEEDINGS: THE BOUNDARIES BETWEEN FORMAL AND EFFECTIVE SAFEGUARDING OF THE RIGHT TO DEFENCE

Annotation. The article examines the implementation of the right to defence where legal assistance in pre-trial proceedings is provided by appointed defence counsel. The purpose of the study is to identify criteria for distinguishing between the formal and effective safeguarding of the right to defence. The research employs formal legal, systemic, functional, and comparative legal methods, as well as an analysis of legislation and law-enforcement practice. It is argued that the performance of appointed defence counsel should be assessed not only by reference to the existence of a counsel's warrant and signature in a procedural document, but also by determining whether counsel had a genuine opportunity to perform the defence function. The criteria for effective defence include timely entry into the proceedings, sufficient time for preparation and confidential communication, the substantive and independent nature of counsel's activities, and the verifiability of procedurally significant circumstances. The article addresses the continuity of legal representation, the replacement of retained counsel, and the digitalisation of appointment procedures. It concludes that the automated allocation of assignments reduces the risk of selecting a compliant or investigator-friendly lawyer but does not guarantee the quality of legal assistance. The scientific novelty of the study lies in treating appointed defence counsel as an element of the mechanism for assessing whether the right to defence has been effectively secured in practice.

Key words: right to defence; court-appointed defence counsel; pre-trial proceedings; suspect; accused person; qualified legal assistance; formal defence; effective safeguarding of the right to defence; procedural continuity of defence.

Проблема участия защитника по назначению в досудебном судопроизводстве в условиях цифровизации особо актуальна для современной уголовно-процессуальной науки и правоприменительной практики. По своему назначению данный институт должен гарантировать получение лицом квалифицированной юридической помощи в случаях, когда защитник не приглашен самим подозреваемым, обвиняемым или иными лицами, либо когда участие защитника является обязательным. Однако в практической деятельности ненадлежащее исполнение адвокатом по назначению своих профессиональных обязанностей может привести к тому, что его участие, призванное выступать необходимой гарантией реализации права на защиту, фактически превращается в средство формального подтверждения законности следственного или иного процессуального действия без обеспечения подозреваемому или обвиняемому полноценной квалифицированной юридической помощи. Именно различие между юридической (процессуальной) формой участия защитника и фактическим содержанием осуществляемой им защиты требует научного осмысления в рамках уголовно-процессуальной науки в целях выработки объективных критериев оценки надлежащего исполнения защитником своих профессиональных обязанностей, разграничения формального и реального обеспечения права на защиту, а также совершенствования следственной, судебной и дисциплинарной практики.

В доктрине уголовного процесса не сформирован единый подход к оценке деятельности защитника по назначению. Классическая процессуальная наука исходила из того, что защитник не является пассивным наблюдателем, а призван противодействовать нарушениям прав обвиняемого [1, с. 51]. Современная литература демонстрирует эту идею через понимание защиты как активной процессуально-тактической деятельности [2, с. 12]. Вместе с тем дискуссионными остаются пределы участия адвоката в доказывании, границы законной тактики защиты и злоупотребления правом, а также допустимость участия назначенного защитника при наличии ранее вступившего защитника по соглашению [3, с. 20-25; 4, с. 35-37; 5; 6].

Исследование основано на формально-юридическом, системном, функциональном и сравнительно-правовом методах и направлено на определение критериев разграничения формального и реального обеспечения права на защиту.

Научная новизна состоит в рассмотрении защитника по назначению как элемента механизма оценки фактической обеспеченности права на защиту по объективным признакам его профессиональной деятельности.

Право на защиту на досудебных стадиях

уголовного судопроизводства

Право на защиту имеет сложную правовую природу ведь оно выступает субъективным правом лица, принципом уголовного процесса и обязанностью государства создать условия для его реального осуществления. На стадии возбуждения уголовного дела, когда процессуальный статус лица еще не определен, данное право проявляется как гарантия лица, в отношении которого проводятся действия при проверке сообщения о преступлении. На основании ч. 1.1 ст. 144 УПК РФ такому лицу разъясняются права и обязанности, обеспечивается возможность пользоваться услугами адвоката и обжаловать действия, бездействие и решения должностных лиц. Согласно п. 6 ч. 3 ст. 49 УПК РФ защитник участвует с момента начала процессуальных действий, затрагивающих права и свободы лица, в отношении которого проводится проверка сообщения о преступлении. Поэтому значимые для дальнейшего доказывания процессуальные действия, затрагивающие непосредственно права и свободы лица, не должны формироваться до фактического обеспечения доступа к защитнику.

На стадии предварительного расследования содержание права на защиту приобретает более развернутый характер, подозреваемый или обвиняемый вправе знать существо подозрения либо обвинения, давать показания или отказаться от их дачи, пользоваться помощью защитника, иметь свидание с ним наедине и конфиденциально, представлять доказательства, заявлять ходатайства и отводы, приносить жалобы, участвовать в следственных действиях и использовать иные не запрещенные средства защиты. Следовательно, право на защиту в досудебном судопроизводстве не сводится к наличию ордера адвоката в материалах доследственной проверки или уголовного дела, а предполагает возможность лица совместно с защитником выработать позицию и повлиять на формирование доказательственной базы.

Именно здесь возникает ключевое различие между формальным и реальным обеспечением права на защиту. Формальное обеспечение выражается во внешней видимости соблюдения действующего законодательства: адвокат назначен, удостоверение предъявлено, ордер представлен, следственное или процессуальное действие проведено в присутствии защитника, процессуальный документ (протокол, постановление) подписан. Реальное обеспечение означает, что адвокат своевременно приступает к осуществлению своей профессиональной деятельности, конфиденциально общается с доверителем, формирует согласованную позицию, анализирует доказательства, выявляет нарушения, заявляет ходатайства, задает вопросы, вносит замечания и

действует в интересах лица, подвергающегося уголовному преследованию. Данный подход согласуется с европейским стандартом права на защиту. В обобщении практики Европейского суда по правам человека (далее - ЕСПЧ) посвященном применению п. 1 и подп. «с» п. 3 ст. 6 Конвенции о защите прав человека и основных свобод указано, что в деле *Beuze v. Belgium* Суд выделил право на контакт и консультацию с адвокатом до допроса, включая конфиденциальные инструкции, а также физическое присутствие адвоката при первом полицейском допросе и последующих допросах на досудебной стадии [7]. В деле *Soytemiz v. Turkey* Суд подчеркнул, что адвокат должен не только находиться рядом с подозреваемым, но и активно помогать ему во время допроса, вмешиваться для защиты прав и участвовать до прочтения и подписания показаний [7; 8].

Для российской модели досудебного судопроизводства такой подход особенно актуален, поскольку нарушение права на защиту на первоначальном этапе способно повлиять на формирование доказательственной базы и последующее процессуальное положение лица.

Речь идет не о противопоставлении защитника по соглашению и защитника по назначению как более или менее качественных участников процесса. Назначенный адвокат обладает теми же профессиональными обязанностями и тем же процессуальным назначением, что и приглашенный защитник. Проблема возникает не из самого факта назначения, а из ситуации, когда назначение используется для минимального соблюдения процессуальной формы без создания условий для подготовки, консультации и отстаивания самостоятельной правовой позиции. Следовательно, предметом критической оценки является не институт назначения как таковой, а его формальное применение.

Активность защитника и пределы злоупотребления правом

Одним из критериев реальной защиты является участие адвоката в проверке информации, имеющей доказательственное значение, сформированное уже стороной обвинения, а также в получении контринформации. Так, к примеру, вопрос о доказательственном значении адвокатского опроса остается дискуссионным. В одних случаях результаты опроса рассматриваются как «иной документ» в смысле ст. 74 и 84 УПК РФ, в других не признаются самостоятельным доказательством из-за невозможности проверки источника сведений или отсутствия последующего допроса соответствующего лица [9]. Представляется, что адвокатский опрос не должен автоматически подменять процессуальные доказательства, но обязан рассматриваться как юридически значимый источник сведений, требующий проверки

путем допроса, истребования документов, очной ставки либо производства иных следственных действий. В противном случае иной подход сужает поведение защитника до пассивного реагирования на доказательственную деятельность обвинения.

Активность защитника не должна смешиваться с противодействием расследованию, затягиванию процессуальных сроков, нарушению прав иных участников уголовного судопроизводства. Адвокат не обладает властными полномочиями по принудительному собиранию доказательств, однако это не делает его участие в доказывании факультативным. При осуществлении досудебного судопроизводства, где сторона обвинения самостоятельно направляет ход расследования, активность защитника является одним из механизмов компенсации процессуальной асимметрии. Поэтому требование времени для конфиденциальной консультации, заявление ходатайств о проверке версии защиты, назначении дополнительной экспертизы, несогласие с незамедлительным допросом или внесение замечаний в протокол не должны автоматически квалифицироваться как злоупотребление правом. Критерием должна быть не степень неудобства для органа расследования, а наличие разумной цели, направленной на защиту лица, а также связь действия с интересами доверителя.

Процессуальная непрерывность защиты и проблема «двойной защиты»

Современная модель уголовного судопроизводства исходит из уведомительного, а не разрешительного характера допуска защитника, с предъявлением удостоверения и ордера, у органа расследования возникает обязанность учитывать его процессуальный статус, уведомлять о действиях, затрагивающих права доверителя, и обеспечивать возможность реализации полномочий [4, с. 13]. Если в деле последовательно появляются несколько защитников, само по себе это не нарушает право на защиту. Проблема возникает тогда, когда новый назначенный защитник фактически замещает ранее вступившего адвоката без отказа обвиняемого от его помощи и без мотивированного разрешения вопроса о невозможности участия прежнего защитника.

Такую ситуацию целесообразно оценивать через категорию процессуальной непрерывности защиты. Она предполагает сохранение полномочий вступившего защитника до их надлежащего прекращения, отсутствие письменного и добровольного отказа обвиняемого, надлежащее уведомление адвоката, выяснение позиции доверителя и предоставление защитнику возможности участвовать в предъявлении обвинения, допросе, заявлении ходатайств, окончании следственных действий и ознакомлении с материала-

ми дела. Показателен пример из следственной практики: 19 марта 2025 г. заместителем прокурора Республики Карелия для дополнительного расследования возвращено уголовное дело по обвинению Б. в совершении преступления, предусмотренного ч. 4 ст. 159 УК РФ. Наряду с адвокатом по соглашению в деле участвовали два назначенных защитника, письменных отказов от их помощи не имелось. Один из них не был уведомлён о предъявлении обвинения и допросе, позиция обвиняемой относительно его участия не выяснялась. Назначенные защитники также не уведомлялись об окончании следственных действий и не были допущены к ознакомлению с материалами дела в порядке ст. 217 УПК РФ. Этот пример показывает, что множественность ордеров сама по себе не обеспечивает реальность защиты.

Разрыв сложившейся связи между обвиняемым и вступившим в дело защитником допустим при надлежащем отказе от его помощи, прекращении полномочий либо объективно подтверждённой невозможности участия.

Проблема «двойной защиты» требует учета двух противоположных процессуальных опасностей. Первая опасность состоит в том, что под предлогом пресечения злоупотребления правом орган расследования может устранить «неудобного» защитника по соглашению и заменить его назначенным адвокатом. Вторая – в возможности искусственного затягивания расследования путем необоснованной смены адвокатов, неявки защитника или иных действий, не имеющих разумной цели защиты. Поэтому назначение защитника при наличии адвоката по соглашению допустимо только как исключительный механизм, при наличии фактического и правового обоснования злоупотребления правом, а не как обычный способ преодоления активной позиции защитника [4, с. 35-37].

Российская дисциплинарная практика демонстрирует, что формальная или заместительная модель защиты может повлечь применение к адвокату мер дисциплинарной ответственности: замечание, предупреждение либо прекращение статуса. Так, Совет Адвокатской палаты г. Москвы в 2026 г. признал нарушением участие назначенного адвоката в следственных действиях до истечения 24 часов с момента фактического задержания доверителя и при отсутствии достоверного подтверждения невозможности явки защитника по соглашению, мерой дисциплинарной ответственности стало предупреждение [10]. Наиболее строгая мера применяется, когда формальность защиты сопряжена с грубым нарушением профессиональных обязанностей. Так, Совет Адвокатской палаты г. Москвы прекратил статус адвоката, который подписал протоколы допроса доверителя без фактического ознакомления, не

внес замечаний, а затем дал следствию показания, противоречившие позиции доверителя [11]. Совет Адвокатской палаты Ленинградской области по делу № 21/2023 прекратил статус адвоката, вступившего в уголовное дело в обход правил назначения и принципа непрерывности защиты [12]. В другом деле, связанном с фактическим самоустранением от защиты и согласием с произвольной заменой защитника, было применено дисциплинарное наказание в виде предупреждения [13]. Эти примеры подтверждают, что формальная защита является нарушением обязанности адвоката (защитника) действовать честно, разумно, добросовестно, квалифицированно и независимо.

Статистика, цифровизация назначения и критерии реальной защиты

Проблема формальной и не эффективной защиты имеет системный характер, даже добросовестный назначенный в установленном порядке адвокат на практике может быть поставлен в условия, при которых он приглашен непосредственно перед следственным действием, не знаком с материалами, не имеет времени на консультацию и объективно не способен сформировать позицию. Российские статистические данные подтверждают практическую значимость контроля за качеством исполнения адвокатами профессиональных обязанностей. Отдельная статистическая категория «формальная защита в досудебном производстве» не выделяется, поэтому такие случаи отражаются в более широких группах: ненадлежащее исполнение обязанностей перед доверителем, нарушение профессиональной этики, порядка участия по назначению и принципа непрерывности защиты. За 2023-2024 гг. поступило 22 186 жалоб и обращений; квалификационные комиссии рассмотрели 9053 жалобы, 2927 прекращены без вынесения решения, 5511 адвокатов получили замечания и предупреждения, 615 лишены статуса; из числа прекращения статуса 107 связаны с неисполнением обязанностей перед доверителем, 28 из них – с уголовным судопроизводством по назначению [14, 15]. Региональные данные также показательны, так, в адвокатской палате Московской области во втором полугодии 2024 г. рассмотрено 253 дисциплинарных дела, проступок установлен по 189 делам [16]; в адвокатской палате Республики Дагестан за тот же период рассмотрено 88 дисциплинарных производств, нарушения доказаны по 46 обращениям, применены 22 замечания, 18 предупреждений и 6 прекращений статуса [17].

Значимость организационного механизма назначения подтверждается развитием подсистемы автоматизированного распределения между адвокатами поручений на защиту по назначению Комплексной информационной системы адвокатуры России (далее – КИС АР). В 2024 г. Феде-

ральная палата адвокатов Российской Федерации сообщала о решении перейти всем адвокатским палатам на подсистему автоматизированного распределения поручений к 1 октября 2025 г. На тот момент в системе было размещено около 1,5 млн. заявок [18]. По данным Центра внедрения и эксплуатации КИС АР, к 4 марта 2026 г. в подсистеме автоматизированного распределения поручений было сформировано более 2,5 млн заявок [19]. Автоматизированное распределение снижает риск ручного подбора адвоката, однако цифровой след подтверждает лишь организационную сторону назначения и не свидетельствует о содержательности оказанной помощи.

С учетом изложенного, по нашему мнению, реальное обеспечение права на защиту при участии назначенного адвоката должно оцениваться по следующим критериям:

своевременность вступления адвоката (защитника) – адвокат (защитник) должен быть допущен к участию до начала процессуальных действий, затрагивающих права и свободы лица, а также до закрепления сведений, способных существенно повлиять на его процессуальное положение и последующее формирование доказательственной базы обвинения;

наличие разумного времени для подготовки и конфиденциального общения – защитнику должна быть обеспечена возможность до начала допроса либо иного значимого процессуального действия наедине и конфиденциально обсудить с доверителем позицию, согласовать ее, ознакомиться с необходимыми процессуальными документами и определить способы защиты;

содержательность участия защитника – реальное использование адвокатом предоставленных законом полномочий в интересах доверителя: постановка вопросов, заявление ходатайств и отводов, принесение жалоб, внесение замечаний в протокол, представление сведений и документов, а также применение иных не запрещенных законом средств защиты;

независимость защитника от интересов органа предварительного расследования – осуществление адвокатом защиты как самостоятельной профессиональной деятельности в интересах доверителя, без подмены функции защиты содействием стороне обвинения либо формальным подтверждением законности следственных действий;

проверяемость процессуально значимых обстоятельств – документальная фиксация уведомления защитника, отказа от защитника, факта предоставления конфиденциального общения, а также заявленных ходатайств, жалоб, замечаний и иных процессуальных возражений.

Предложенные критерии могут использоваться следователем и дознавателем при обеспе-

чении участия защитника, прокурором и судом – при проверке соблюдения права на защиту, адвокатской палатой – при профессионально-этической оценке поведения адвоката.

Предложенная модель позволяет разделить процессуально допустимую сдержанность тактики защиты от формального участия адвоката, свидетельствующего о нарушении реального обеспечения права на защиту. Ведь не всякое отсутствие ходатайств или жалоб свидетельствует о ненадлежащей защите, адвокат может сознательно избрать сдержанную тактику, если она согласована с доверителем и основана на анализе материалов уголовного дела. Формализация возникает тогда, когда пассивность не объясняется защитительной целью, а обусловлена отсутствием подготовки, несогласованностью позиции, игнорированием существенных процессуальных нарушений либо подменой ранее выбранного защитника. Именно поэтому оценка должна быть конкретной и фактической, а не автоматической.

Заключение

Таким образом, можно сделать вывод, что формальная защита представляет собой самостоятельную процессуальную проблему досудебного судопроизводства. Ее опасность состоит в том, что при внешнем соблюдении закона фактически снижается способность лица противостоять преследованию на досудебных стадиях уголовного судопроизводства. В связи с этим, основной критерий разграничения формальной и реальной защиты должен проходить не по факту допуска адвоката, наличию ордера или подписи в протоколе, а по фактической возможности осуществления функции защиты.

Российские статистические данные, дисциплинарные производства адвокатских палат, а также зарубежная практика подтверждают общий вывод: доступ к адвокату как процедура и эффективная защита как содержание права не совпадают. Реальная защита предполагает своевременную, независимую, профессионально подготовленную, активную и согласованную с доверителем деятельность адвоката. Только при таком подходе защитник по назначению перестает быть процессуальным статистом и выполняет свое подлинное назначение – обеспечивает реальное право на защиту, противодействуя уголовному преследованию.

Список литературы:

- [1] Строгович М. С. Право обвиняемого на защиту и презумпция невиновности. – М.: Наука, 1984. – 143 с.
- [2] Поляков И. М. Стратегия и тактика уголовной защиты: научно-практическое пособие. – М.: Федеральная палата адвокатов Российской Федерации, 2026. – 336 с.

[3] Набатов М. Б. Реализация права на защиту в уголовном процессе в условиях применения цифровых технологий / под ред. Л. А. Воскобитовой. - М.: Информ-Право, 2025. - 256 с.

[4] Багрян А. А. Вступление адвоката в уголовное дело в качестве защитника по назначению органов дознания, органов предварительного следствия или суда: методические рекомендации. - М.: Информ-Право, 2024. - 56 с.

[5] Баев М. О. Теоретические и практические основы профессиональной защиты от уголовного преследования: монография. - М.: Юрлитинформ, 2014. - 336 с.

[6] Воложанин С. Н., Буфетова М. Ш. Об актуальных проблемах участия адвоката-защитника в доказывании по уголовным делам // Адвокатская практика. - 2021. - № 6. - С. 47-50.

[7] European Court of Human Rights. Key Theme - Article 6 §§ 1 and 3 (c). Access to a lawyer. Last updated: 28 February 2026. URL: <https://ks.echr.coe.int/documents/d/echr-ks/access-to-a-lawyer> (дата обращения: 11.07.2026).

[8] Soytemiz v. Turkey, no. 57837/09, Judgment of 27 November 2018 // HUDOC. URL: <https://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-187905> (дата обращения: 11.07.2026).

[9] Брянская Е. В. Адвокатский опрос как «иное доказательство» по уголовному делу // Уголовный процесс. 2026. № 5. URL: <https://e.ugpr.ru/1180852> (дата обращения: 11.07.2026).

[10] Совет объявил предупреждение адвокату за участие в следственных действиях в качестве назначенного защитника до истечения 24 часов с момента фактического задержания доверителя и в отсутствие достоверного подтверждения невозможности явки защитника по соглашению // Адвокатская палата города Москвы. 29.06.2026. URL: <https://www.advokatymoscow.ru/advocate/docs/discipline/solutions/15851/> (дата обращения: 11.07.2026).

[11] Адвокат подписал протокол допроса своего доверителя без ознакомления, а затем дал показания следствию, которые противоречили позиции его доверителя. Совет АПМ прекратил статус адвоката // Адвокатская палата города Москвы. 09.04.2025. URL: <https://www.advokatymoscow.ru/press/news/14624/> (дата обращения: 11.07.2026).

[12] Вступивший в уголовное дело в обход правил, «карманный» адвокат был изгнан из профессии: решение Совета Адвокатской палаты Ленинградской области по делу № 21/2023 // Адвокатская палата Ленинградской области. URL: <https://aplo.fparf.ru/documents/chamber/distsiplinarnaya-praktika/reshenie-soveta-ap-lo-delo-21-2023/> (дата обращения: 11.07.2026).

[13] Адвокату вынесено предупрежде-

ние за отказ от защиты по назначению без уважительных причин // Адвокатская газета. 11.03.2026. URL: <https://www.advgazeta.ru/novosti/advokatu-vyneseno-preduprezhdenie-za-otkaz-ot-zashchity-po-naznacheniyu-bez-uvazhitelnykh-prichin/> (дата обращения: 11.07.2026).

[14] Адвокатские палаты за два года лишили статуса адвоката 615 человек // Право.ru. 18.04.2025. URL: <https://pravo.ru/news/258335/> (публикация со ссылкой на сведения адвокатского сообщества; дата обращения: 12.07.2026).

[15] Судебное представительство - это вершина юридической работы // Федеральная палата адвокатов Российской Федерации. 27.10.2025. URL: <https://fparf.ru/news/fpa/sudebnoe-predstavitelstvo-eto-vershina-yuridicheskoy-raboty/> (дата обращения: 12.07.2026).

[16] Обзор дисциплинарной практики Адвокатской палаты Московской области за второе полугодие 2024 г. // Федеральная палата адвокатов РФ. 15.01.2025. URL: <https://fparf.ru/documents/disciplinary-practice/obzor-distsiplinarnoy-praktiki-advokatskoy-palaty-moskovskoy-oblasti-za-vtoroe-polugodie-2024-g/> (дата обращения: 11.07.2026).

[17] Обзор дисциплинарной практики за второе полугодие 2024 года // Адвокатская палата Республики Дагестан. URL: https://advokatrd.ru/disciplinary-practices/disciplinary-practices_556.html (дата обращения: 11.07.2026).

[18] Всероссийский съезд адвокатов транслировался в прямом эфире // Федеральная палата адвокатов Российской Федерации. 20.04.2023. URL: <https://fparf.ru/news/fpa/pryamoy-efir-xi-vserossiyskogo-sezda-advokatov/> (дата обращения: 12.07.2026).

[19] Система работает, регионы последовательно подключаются: количество поручений в АРПН КИС АР превысило 2,5 миллиона // Федеральная палата адвокатов РФ. 04.03.2026. URL: <https://fparf.ru/news/fpa/sistema-rabotaet-regiony-posledovatelno-podklyuchayutsya/> (дата обращения: 11.07.2026).

References:

[1] Strogovich M.S. The right of the accused to defense and the presumption of innocence. - М.: Nauka, 1984. - 143 s.

[2] Polyakov I.M. Strategy and tactics of criminal defense: a scientific and practical manual. - М.: Federal Chamber of Lawyers of the Russian Federation, 2026. - 336 p.

[3] Nabatov M. B. Realization of the right to protection in criminal proceedings in the context of the use of digital technologies/ed. L. A. Voskobitova. - М.: Inform-Right, 2025. - 256 s.

[4] A. A. Bagryan. Introduction of a lawyer

into a criminal case as a defender by appointment of bodies of inquiry, bodies of preliminary investigation or court: methodological recommendations. - M.: Inform-Law, 2024. - 56 s.

[5] Baev M.O. Theoretical and practical foundations of professional protection against criminal prosecution: monograph. - M.: Yurlitinform, 2014. - 336 p.

[6] Volozhanin S. N., Bufetova M. Sh. On topical problems of participation of a lawyer-defender in evidence in criminal cases // Legal practice. - 2021. - № 6. - S. 47-50.

[7] European Court of Human Rights. Key Theme - Article 6 §§ 1 and 3 (c). Access to a lawyer. Last updated: 28 February 2026. URL: <https://ks.echr.coe.int/documents/d/echr-ks/access-to-a-lawyer> (дата обращения: 11.07.2026).

[8] Soytemiz v. Turkey, no. 57837/09, Judgment of 27 November 2018 // HUDOC. URL: <https://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-187905> (access date: 11.07.2026).

[9] Bryansk E.V. Lawyer survey as "other evidence" in a criminal case // Criminal process. 2026. № 5. URL: <https://e.ugpr.ru/1180852> (accessed: 11.07.2026).

[10] The Council issued a warning to the lawyer for participating in investigative actions as a designated defender until 24 hours from the moment of the actual detention of the client and in the absence of reliable confirmation of the impossibility of the lawyer's appearance by agreement // Moscow Bar Association. 29.06.2026 URL: <https://www.advokatymoscow.ru/advocate/docs/discipline/solutions/15851/> (accessed on: 11.07.2026).

[11] The lawyer signed the protocol of interrogation of his client without familiarization, and then gave testimony to the investigation, which contradicted the position of his client. APM Council terminated the status of a lawyer // Moscow Bar Association. 09.04.2025 URL: <https://www.advokatymoscow.ru/press/news/14624/> (accessed on: 11.07.2026).

[12] Having entered into a criminal case bypassing the rules, the "pocket" lawyer was expelled from the profession: the decision of the Council of the Leningrad Region Bar Association in case No. 21/2023 // Leningrad Region Bar

Association. URL: <https://aplo.fparf.ru/documents/chamber/distsiplinarnaya-praktika/reshenie-soveta-ap-lo-delo-21-2023/> (дата обращения: 11.07.2026).

[13] A lawyer was warned for refusing to defend himself without good reason // Lawyer's newspaper. 11.03.2026. URL: <https://www.advgazeta.ru/novosti/advokatu-vyneseno-preduprezhdenie-za-otkaz-ot-zashchity-po-naznacheniyu-bez-uvazhitelnykh-prichin/> (дата обращения: 11.07.2026).

[14] For two years, the Chambers of Lawyers deprived 615 people of the status of a lawyer // Право.ru. 18.04.2025. URL: <https://pravo.ru/news/258335/> (publication with a link to the information of the legal community; date of contact: 12.07.2026).

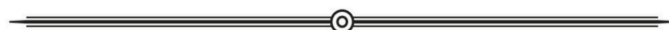
[15] Judicial representation is the pinnacle of legal work // Federal Chamber of Lawyers of the Russian Federation. 27.10.2025. URL: <https://fparf.ru/news/fpa/sudebnoe-predstavitelstvo-eto-vershina-yuridicheskoy-raboty/> (дата обращения: 12.07.2026).

[16] Review of the disciplinary practice of the Moscow Region Bar Association for the second half of 2024 // Federal Chamber of Lawyers of the Russian Federation. 15.01.2025. URL: <https://fparf.ru/documents/disciplinary-practice/obzor-distsiplinarnoy-praktiki-advokatskoy-palaty-moskovskoy-oblasti-za-vtoroe-polugodie-2024-g/> (дата обращения: 11.07.2026).

[17] Review of disciplinary practice for the second half of 2024 // Bar of the Republic of Dagestan. URL: https://advokatrd.ru/disciplinary-practices/disciplinary-practices_556.html (дата обращения: 11.07.2026).

[18] The All-Russian Congress of Lawyers was broadcast live // Federal Chamber of Lawyers of the Russian Federation. 20.04.2023. URL: <https://fparf.ru/news/fpa/pryamoy-efir-xi-vserossiyskogo-sezda-advokatov/> (дата обращения: 12.07.2026).

[19] The system works, the regions are sequentially connected: the number of orders in the ARPN KIS AR exceeded 2.5 million // Federal Chamber of Lawyers of the Russian Federation. 04.03.2026. URL: <https://fparf.ru/news/fpa/sistema-rabotaet-regiony-posledovatelno-podklyuchayutsya/> (дата обращения: 11.07.2026).

МЕЖДУНАРОДНОЕ ПРАВOTВOPЧЕСТВО

Дата поступления рукописи в редакцию: 01.07.2026 г.

DOI: 10.24412/2782-3849-2026-8-241-249

Дата принятия рукописи в печать: 22.07.2026 г.

ЯКОВЛЕВА Е.О.,

ФГБОУ ВО «Юго-Западный государственный университет»
к.ю.н., доцент, доцент кафедры уголовного права,
e-mail: pragmatik-alenka@yandex.ru

РУЖИНА А.П.,

ФГБОУ ВО «Юго-Западный государственный
университет», Студент,
e-mail: kristalentz@yandex.ru

МАЛАХОВА Е.А.,

ФГБОУ ВО «Юго-Западный государственный
университет», Студент,
e-mail: ekamalahovaa@yandex.ru

**ТЕНДЕНЦИИ СОВРЕМЕННОГО ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ТЕХНОЛОГИЙ ИИ
(НА ПРИМЕРЕ СТРАН США И КИТАЙ)**

Аннотация. В данной статье проводится структурированный сравнительный анализ нормативно-правового регулирования технологий искусственного интеллекта на примере стран США и Китая. Актуальность темы обусловлена стремительным развитием искусственного интеллекта во всем мире и внедрением его во все сферы нашей жизни, что делает необходимым закрепление специальных правовых норм, регулирующих правовые отношения, которые возникают в результате разработки, создания, внедрения, применения, распространения технологий искусственного интеллекта. Значимость работы раскрывается в необходимости перенятия Российской Федерацией международного опыта законодательного регулирования в рамках вопросов технологий искусственного интеллекта в связи с его возросшим влиянием на происходящие в жизни общества процессы. Выбор анализируемых стран обусловлен заниманием ими лидирующих позиций в разработке и применении технологий искусственного интеллекта и вытекающим из этого последствием - активной деятельности по законодательному регулированию этих и иных процессов, связанных с технологиями искусственного интеллекта. Рассмотрены американский подход к регулированию - он ориентирован на защиту прав граждан и стимулирование технологического развития, что выражено в выработанных принципах, на которые ориентируется законодатель как на федеральном уровне, так и на уровне штатов, и китайский подход, который характеризуется жесткой централизацией и приоритетом государственного контроля, что выражается в активном участии государства не только в законодательной сфере, но и в сфере непосредственной разработки технологий искусственного интеллекта. На основе данного анализа авторы систематизировали массив зарубежного законодательства, сделав выводы в отношении создания нормативной базы по регулированию ИИ в Российской Федерации.

Статья подготовлена в рамках государственного задания на 2026 год № 075-03-2026-489.

Ключевые слова: законодательство, Китай, США, технологии искусственного интеллекта, подход, принципы, развитие.

YAKOVLEVA E.O.,

Southwest State University, Candidate of Law, Associate Professor,
Associate Professor of the Department of Criminal Law

RUZHINA A.P.,

Southwest State University Student

MALAKHOVA E.A.,

Southwest State University Student

TRENDS IN MODERN LEGAL REGULATION OF AI TECHNOLOGIES (USING THE EXAMPLE OF THE USA AND CHINA)

Annotation. This article provides a structured comparative analysis of the regulatory framework for artificial intelligence technologies using the example of the United States and China. The relevance of the topic is due to the rapid development of artificial intelligence worldwide and its implementation in all spheres of our lives, which makes it necessary to consolidate special legal norms governing legal relations that arise as a result of the development, creation, implementation, application, and dissemination of artificial intelligence technologies. The significance of the work is revealed in the need for the Russian Federation to adopt the international experience of legislative regulation in the framework of artificial intelligence technologies due to its increased influence on the processes taking place in society. The choice of the analyzed countries is determined by their leading positions in the development and application of artificial intelligence technologies and the resulting consequences of active legislative regulation of these and other processes related to artificial intelligence technologies. The American approach to regulation is considered - it is focused on protecting the rights of citizens and stimulating technological development, which is expressed in the developed principles that legislators follow at both the federal and state levels, and the Chinese approach, which is characterized by strict centralization and priority of state control, which is expressed in the active participation of the state not only in the legislative sphere, but also in the field of direct development of artificial intelligence technologies. Based on this analysis, the authors systematized an array of foreign legislation, drawing conclusions regarding the creation of a regulatory framework for regulating AI in the Russian Federation.

Key words: legislation, China, USA, artificial intelligence technologies, approach, principles, development.

The article was prepared as part of the state assignment for 2026 No. 075-03-2026-489.

На современном этапе общественного развития основными трендами выступают интенсивная цифровизация и интеграция технологий искусственного интеллекта во все сферы человеческой жизнедеятельности. Многие люди знакомы с такой информационной технологией как искусственный интеллект. По данным ВЦИОМ в России о технологиях искусственного интеллекта в той или иной степени знают от 91 до 96% процентов граждан нашей страны. Однако, на сегодняшний день этим технологиям скорее доверяют 52%, или каждый второй, не доверяют — 38%. Одной из причин недоверия к ИИ является опасение людей в том, что он может применяться в противоправных целях. Эти опасения небеспочвенны, поскольку как свидетельствуют данные официального статистического учета, в последнем отчетном периоде зафиксирован рост числа преступлений, совершенных с применением информационно-телекоммуникационных технологий или в сфере компьютерной информации. Характерной особенностью объективной стороны указанных деяний все чаще становится использование интеллектуальных алгоритмов и технологий на базе нейросетей.

Поэтому правовое регулирование отношений, возникающих в ходе использования искусственного интеллекта, является актуальной темой в настоящее время, а своевременное и всеобъемлющее реформирование законодательства насущной проблемой, поскольку технологи-

ческий прогресс идет зачастую настолько стремительно, что между ним и правом возникает значительный разрыв. Следует сказать, что в сложившейся международной обстановке, в которой каждое государство стремится занять лидирующее положение в различных сферах, развитие ИИ на национальном уровне является важным способом достижения превосходства над другими странами, поскольку искусственный интеллект это стремительно развивающаяся технология будущего.

Следовательно в связи с нарастающей вовлеченностью государств в развитие ИИ, они не могут игнорировать необходимость установления переделённых правил, которые бы обеспечивали постоянную охрану прав и свобод как людей, так и компаний, занимающихся разработкой передовых технологий.

Таким образом, вопрос ограничений в отношении искусственного интеллекта, которые необходимы для прекращения его бесконтрольного развития и применения стоит как перед законодательствами отдельных стран, так и перед международным правом. Для успешного принятия норм в отношении искусственного интеллекта в Российской Федерации необходимо обратиться к опыту внедрения таких норм в других государствах.

Достаточно обширным является опыт регулирования общественных отношений, связанных с искусственным интеллектом в США, поскольку эта страна занимает лидерские позиции в его развитии и применении, что обуславливает

необходимость государственного вмешательства в данную сферу. Важно отметить, что в данной деятельности власти стремятся поддерживать равновесие между защитой прав, свобод и законных интересов граждан и тем, чтобы предоставить возможности для развития технологий искусственного интеллекта с целью упрочения своих позиций на мировой арене. Так, еще в 2016 году в США был утвержден Национальный стратегический план по развитию ИИ. Данный документ определил цели и приоритетные направления в отношении его развития на государственном уровне. Главной целью стала разработка и внедрение передовых знаний и технологий искусственного интеллекта, направленных на максимизацию общественной пользы и минимизацию потенциальных рисков. Государство не стремилось жестко ограничивать новые неизвестные и неизученные технологии, оно осознало их потенциал и приняло решение о взаимовыгодном сотрудничестве, где оно за счет финансирования исследований из федерального бюджета делает инвестиции в будущее социальное и экономическое превосходство. В связи со стремительным развитием технологий этот документ претерпевал несколько обновлений, последнее из которых произошло в 2025 году. Неизменными положениями остаются высокая вовлеченность государства в разработку технологий искусственного интеллекта, предоставление широких возможностей для разработчиков, открытость к международному сотрудничеству, которая, однако, не исключает стремление к мировому лидерству в данной сфере, а также комплексный подход к защите прав человека, который выразился в установленных принципах разработки систем с применением искусственного интеллекта. К ним относятся безопасность и эффективность систем ИИ, алгоритмическая защита от дискриминации, конфиденциальность данных и другие [8].

В продолжении развития законодательства об ИИ в 2023 году Джо Байден подписал Указ о безопасном, надежном и заслуживающем доверия ИИ. Он обязывает наиболее крупных разработчиков ИИ предоставлять Правительству данные о безопасности своих систем. Указ призван к осуществлению защиты граждан США от неправомерного завладения их личными данными и предотвращению нарушения их прав и свобод, посредством отчетности создателей перед властями [6].

Об основополагающих положениях в отношении применения искусственного интеллекта в Соединенных Штатах можно говорить не только на основании правительственных и законодательных актов, но и по другим документам, определяющим направления развития систем ИИ. Так, в 2017 году на конференции разработчиков и ис-

следователей в сфере ИИ - Beneficial AI 2017 были разработаны и приняты Азиломарские принципы ИИ, подписанные в том числе И. Маском и Б. Гейтсом. Ключевым аспектом документа стало утверждение положения о том, что «суперинтеллект должен разрабатываться только для служения широко разделяемым этическим идеалам и на благо всего человечества, а не одного государства или организации» [3]. Из этого можно сделать вывод, что даже заинтересованные лица осознают необходимость ограничения искусственного интеллекта для защиты прав и свобод человека с одной стороны и предоставления доступа к его возможностям для всех людей с другой.

Известно, что одной из особенностей американского законодательства является широкая самостоятельность штатов в принятии нормативно правовых актов. В связи с этим и в вопросах правового ограничения искусственного интеллекта каждый штат имел возможность действовать на свое усмотрение, так, например, в отсутствие федерального закона об ИИ в штате Нью-Йорк, уже активно принимаются законы о правах граждан в борьбе с ненадежным и мошенническим использованием искусственного интеллекта, в Техасе закон ограничивает неправомерное использование ИИ, в том числе в уголовном судопроизводстве. в общем, можно сказать, что штаты активно разрабатывали законы в отношении ИИ, ограничивая неправомерные действия как его разработчиков, так и иных лиц, использующих ИИ в незаконных целях. Однако в декабре 2025 года президентом Д. Трампом был подписан указ, который ограничил штаты в отношении установления своих норм, посредством предоставления генеральному прокурору и созданной им целевой группе полномочий оспаривания законов штатов об искусственном интеллекте, и определил стремление к созданию нормативной базы в сфере искусственного интеллекта на федеральном уровне, поскольку, по мнению действующего лидера США, существование различных законов штатов об ИИ препятствует более быстрому развитию технологий. Целью такого шага является обеспечение ИИ-компаний наиболее выгодными условиями при их работе, что в конечном итоге приведет к увеличению потока инвестиций, хотя критики опасаются, что такое решение может привести к слишком слабому правовому регулированию, недостаточной защите прав и свобод человека и чрезмерной свободе разработчиков ИИ. И несмотря на противодействие ограничению возможностей со стороны властей некоторых штатов на самостоятельное правовое регулирование в вопросах ИИ и их несогласию с действиями Д. Трампа, очевидно, федеральные власти придут к своим целям и добьются создания федерального закона об ИИ.

В уголовном законодательстве Соединенных Штатов не приняты специальные нормы, закрепляющие уголовную ответственность за преступления, совершенные с применением ИИ. Также сам ИИ не признается субъектом преступления. Это, однако, не означает, что такие преступления приравниваются к тем, которые совершены исключительно человеком, без его применения. Несмотря на отсутствие норм, прямо регулирующих такие общественные отношения, суды, рассматривая подобные дела принимают во внимание факт использования ИИ в качестве отягчающего обстоятельства, а поскольку судебный прецедент в США является источником права, принятые решения оказывают большое влияние на дальнейшую правоприменительную деятельность. Кроме того, в 2024 году Министерство юстиций США рекомендовало прокурорам добиваться назначения более суровых наказаний за те преступления, при совершении которых применялся искусственный интеллект, обусловлено это повышенной общественной опасностью, которую нельзя не учитывать при оценке деяния обвиняемого и вынесении ему наказания. Это говорит о том, что даже в отсутствии законодательно закрепленных норм, система осознает и признает необходимость более серьезных последствий за преступления, совершенные с помощью ИИ.

Таким образом, политика Соединенных Штатов в большой степени находит свое выражение в принимаемом законодательстве в отношении искусственного интеллекта, поскольку государство стремится к лидерству на мировом уровне, а в настоящий момент оно выражается не только в сфере обороны, как это было раньше, но и в развитии технологий, а наиболее ярким примером таких технологий и является искусственный интеллект, который открывает новые возможности как для отдельных людей (он упрощает их бытовую жизнь, рабочие задачи и др.), для различных компаний, поскольку они при помощи него могут значительно оптимизировать свои производства, так как искусственный интеллект способен осуществлять ряд задач качественнее и быстрее человека, во-первых, а также за счет него уменьшаются расходы на оплату труда работникам, во-вторых, так и для государства, которое может применять его для достижения своих целей и выполнения задач в различных сферах: социальной, экономической и других.

В законодательстве присутствуют множественные положения, которые направлены на защиту прав и законных интересов людей, что говорит о нацеленности Соединенных Штатов на предотвращение противоправных действий с использованием технологий искусственного интеллекта, что можно наблюдать как на примерах принятых стратегических планов, так и на примерах

законов штатов, и несмотря на последние изменения в политике федеральных властей в лице президента США, которая выражается в стремлении предоставления большей свободы разработчикам ИИ с помощью смягчения и проявления лояльности в вопросах их ограничения, принципы правозащиты сохраняются.

Из вышесказанного можно сделать вывод о том, что США уделяют значительное внимание этическим и правовым аспектам, а также гуманитарным ценностям в вопросах регулирования искусственного интеллекта, а также признают повышенную общественную опасность преступлений с использованием ИИ.

Иной подход наблюдается в Китае, так закономерным следствием его борьбы за мировое экономическое лидерство и не только стало активное участие в глобальной технологической гонке, в частности, в области искусственного интеллекта. Отправной точкой закрепления этой стратегии стал опубликованный в июле 2017 г. «План развития искусственного интеллекта нового поколения» (далее – План развития ИИ), в котором была поставлена основная цель – превратить КНР в глобального лидера ИИ-индустрии к 2030 г. План предусматривает поэтапную реализацию задач, призванную к 2030 г. сделать Китай мировым инновационным центром в области ИИ [5].

Практическая реализация стратегии началась с создания специальных территорий опережающего развития. В августе 2019 г. Министерство науки и технологий КНР выпустило «Руководство по строительству национальных пилотных зон инноваций и развития искусственного интеллекта нового поколения». Документ предполагал создание к 2023 г. около 20 зон, которые должны были стать точками роста, объединяющими лучшие исследовательские и коммерческие компетенции. Высокие темпы развертывания программы подтверждаются тем фактом, что уже к марту 2020 г. в стране действовало 11 таких зон. В первую очередь ожидалось, что к 2025 г. Китай определит этические стандарты, правовые нормы, систему политики в области ИИ, формируя возможности оценки и контроля безопасности ИИ [7].

Специфика китайского подхода к регулированию ИИ заключается в его исключительной ориентации на научно-технический и экономический прогресс, что контрастирует с политикой США. Игнорирование вопросов защиты прав граждан и гуманитарных ценностей в основной повестке свидетельствует о более выраженной, по сравнению с США, нацеленности Китая на бескомпромиссную конкурентную борьбу. Материальным подтверждением этого курса служит беспрецедентный объем инвестиций в ИИ-стартапы, по ряду показателей опережающий американ-

ский.

Внешнеполитическая обусловленность данной стратегии: гонка за технологическое превосходство инициирована не только внутренними амбициями, но и действиями США – главного геополитического соперника. Политика Вашингтона, направленная на сдерживание Китая и усиление своего технологического суверенитета, создает эффект «зеркальной реакции» со стороны Пекина. В этих условиях двусторонний конфликт приобретает характер полноценной так называемой «технологической холодной войны».

1 марта 2024 года Национальный комитет Китая по стандартизации в области технологий кибербезопасности опубликовал документ «Базовые требования безопасности для сервисов генеративного искусственного интеллекта» (Основные требования безопасности для услуг генеративного искусственного интеллекта). Указанный акт конкретизирует порядок реализации соответствующих положений Временных мер по управлению сервисами генеративного ИИ, включая вопросы законности источников данных и безопасности информации, а также предлагает поставщикам данных услуг практический инструментарий для проведения оценки безопасности. Это способствует не только повышению уровня безопасности предоставляемых сервисов со стороны бизнеса, но и формированию для контролирующих органов критериев оценки реальной защищенности конкретных решений в данной сфере.

Регулирование искусственного интеллекта на уровне подзаконных нормативных актов по мнению Ю.С. Харитоновой должно осуществляться в строгом соответствии с законодательством КНР, образующим фундамент правового обеспечения развития информационных технологий и цифровой среды. К числу таких основополагающих актов относятся: Закон КНР о кибербезопасности, Закон КНР о безопасности данных, Закон КНР о защите персональных данных, Закон КНР о научно-техническом прогрессе, а также Положение об оценке безопасности интернет-сервисов, обладающих признаками формирования общественного мнения или способностью к социальной мобилизации. Указанные нормативные документы в совокупности формируют систему управления алгоритмами в различных сферах, особенно в контексте предоставления услуг генеративного ИИ. В целом правовое регулирование применения технологий ИИ в Китае предусматривает закрепление обязательств нескольких категорий: обязанности, вытекающие из контрольных функций надзорных органов; обязанности, касающиеся процессов обучения алгоритмов; требования в области управления контентом; а также обязательства провайдеров перед пользователя-

ми соответствующих сервисов [7].

В связи с расширением сфер применения искусственного интеллекта в Китае активно формируется механизм правового обеспечения принципа прозрачности. Ученые выделяют две основные составляющие прозрачности: предметную (или по-другому ее еще называют содержательной) и формальную. Формальная прозрачность предполагает открытие базовой информации об ИИ, ликвидируя приватность его развертывания и использования. Предметная прозрачность неотделима с интерпретируемостью ИИ и подчеркивает потребность объяснения раскрываемой информации в доступной форме для людей, что обеспечивает её реальную возможность познания многими субъектами.

Анализируя китайский подход к раскрытию информации об алгоритмах неизбежно приводит к выводу о противоречивом характере самой категории «прозрачности». С одной стороны, законодательство действительно требует от провайдеров обнародования определенных данных – например, информирования пользователей о факте использования генеративных моделей или предоставления объяснений по результатам работы алгоритма. Эта формальная сторона призвана ликвидировать «информационную асимметрию» между разработчиком и потребителем, создавая иллюзию классических рыночных отношений. Однако содержательное наполнение этой прозрачности жестко ограничено рамками национальной безопасности и государственной тайны, что, в свою очередь, порождает неизбежное разногласие [4].

Требование объяснимости сталкивается с недопустимостью раскрытия коммерческой тайны и, что более важно, с необходимостью сокрытия механизмов контроля за контентом. По сути, пользователю объясняют итоги работы ИИ ровно настолько, насколько это необходимо для удовлетворения его потребности (почему в ленте появилась эта реклама или почему сгенерирован именно такой текст), но не для глубокого понимания принципов систематизации или модерации, которые определяются национальной политикой. Интерпретируемость в китайской парадигме подменяется доступностью изложения – пользователю предоставляется упрощенная, адаптированная версия объяснения, которая, будучи формально понятной, не раскрывает действительных механизмов контроля.

Особенность китайского подхода к осуществлению принципа прозрачности определяется несколькими аспектами. Во-первых, исследования ИИ в Китае ведутся через призму доктрины верховенства закона. В этом контексте принципы открытости и объяснимости должны учитываться при реализации верховенства права

дифференцированно: с учетом стандартов организации устанавливаются различные обязательства по раскрытию и разъяснению информации, сообразно возможностям регулирующих органов и общественности.

Во-вторых, основным компонентом является стремление к классификации систем ИИ, что знаменует переход от индивидуального предотвращения рисков к структурному управлению на основе иерархического подхода и управления полным жизненным циклом. Положение об алгоритмических указаниях вводит классификацию поставщиков в зависимости от атрибутов публичного мнения, способности к социальной мобилизации, содержания контента, количества пользователей и важности обрабатываемых данных. Это предполагает иерархическую структуру надзора: для платформ, формирующих общественное мнение, обязательна регистрация и анализ безопасности; для новостных сервисов требуется лицензирование. Строгость профилактических мер варьируется в зависимости от уровня риска: более жесткие требования предъявляются к контенту, затрагивающему национальную и общественную безопасность, и менее строгие - к нарушениям частных прав. Таким образом, осуществляется дифференцированный подход, обеспечивающий как защиту информации пользователей от использования другими лицами, так и регуляторные полномочия государства.

В-третьих, существенным признаком является приверженность требованиям общественной морали и нравственности. Положение об алгоритмах и Временные меры по управлению генеративным ИИ требуют исполнения не только писаных законов, но и общественной морали, принципов честности, справедливости и основных социалистических ценностей. Запрещается использование алгоритмов для дискриминации, манипулирования общественным мнением, становления алгоритмической власти или несоблюдения прав личности. Контент, разрушающий социалистические ценности, относится к категории критического риска. Согласно этому подходу, развитие ИИ в Китае обеспечивается через усовершенствование систем тестирования, надзора и юридической ответственности, что позволяет провайдером эффективно определять и воздерживаться от потенциальных нарушений.

Ключевой особенностью китайской модели регулирования является её ярко выраженная инновационная и экономическая ориентация. Китай формирует стройную иерархическую систему нормативных, которая призвана обеспечить безопасность и управляемость технологий.

Китайский подход к прозрачности является дифференцированным: он разделяется на формальную (факт эксплуатации ИИ) и содержа-

тельную (объяснимость результатов), при этом требования к раскрытию информации варьируются в зависимости от технических возможностей и уровня общественного риска. Наконец, важнейшей специфической чертой китайского регулирования является его идеологическая составляющая. Требование соблюдения не только позитивного права, но и «основных социалистических ценностей, общественной морали и недопущение манипуляций общественным мнением встраивает развитие ИИ в контекст государственной идеологии. Это создает уникальный прецедент, где технологический прогресс, правовое регулирование и политико-идеологический контроль объединяются в единую систему управления.

Вероятно, наиболее приоритетным аспектом текущего этапа является попытка китайского правительства создать самовоспроизводящуюся экосистему, в которой технологический прогресс и правовые ограничения не противостоят, а взаимно коррелируют друг друга. Развитие ИИ в Китае – это не столько о запретах и ограничениях, сколько о направляемом ориентире развития. Государство, выступая в роли главного «архитектора», не просто возводит «барьеры», но прокладывает «русло», в котором разрешено течь инновационной мысли.

Это достигается через механизмы экспериментальных зон (тех самых территорий опережающего развития, создаваемых Министерством науки и технологий), где современные технологии могут тестироваться в облегченном регуляторном режиме, но под неусыпным оком надзорных органов. Такой подход позволяет бизнесу сохранять быстрый темп разработки, которая критически важна в гонке с США, одновременно приучая его к мысли о неизбежности государственного аудита на этапе вывода продукта на массовый рынок. Правовое регулирование, таким образом, выполняет функцию селективного фильтра: на ранних стадиях оно минимально и стимулирует эксперименты, но по мере масштабирования технологии и приближения её к широкому пользователю – ужесточается, отсекая решения, несовместимые с доктриной цифрового суверенитета [2].

Таким образом, складывающаяся в КНР модель управления искусственным интеллектом представляет собой своеобразный гибрид цифрового воодушевления и жесткой политической дисциплинированностью.

Это система, где стремление к международному превосходству реализуется не вопреки, а посредством всепроникающего государственного контроля, а право выступает не столько гарантом охраны прав отдельной личности (как в западной либеральной традиции), сколько инструментом оптимизации управления обще-

ством и экономикой в эпоху цифровых трансформаций. Исход этого масштабного эксперимента - способна ли авторитарная система создать по-настоящему инновационный ИИ, не жертвуя при этом стабильностью и идеологической чистотой - определит не только будущее самого Китая, но и, вероятно, задаст направление развития технологий для значительной части остального мира.

Развитие искусственного интеллекта в России находится в центре внимания государства и общественности, как и во многих других государствах в 2019 г. Указом Президента РФ была утверждена «Национальная стратегия искусственного интеллекта» на период до 2030 г., которая определила главную стратегическую цель, заключающуюся в обеспечении ускоренного развития ИИ, проведении научных исследований в этой области, повышении доступности информации и вычислительных ресурсов, а также совершенствовании системы подготовки кадров. Как и для любой другой страны для России важно войти в число мировых лидеров в области ИИ. Анализ опыта США и Китая показывает, что не существует единого идеального шаблона для регулирования развития искусственного интеллекта. Для России необходимо вырабатывать уникальный подход, в котором стоит учесть иностранный опыт, но при этом базироваться на национальных интересах, утвержденных в национальной стратегии.

Из опыта США можно вынести ориентированность на защиту прав граждан, где они не будут приноситься в жертву технологическому прогрессу, однако наряду с этим не сковать отрасль развития ИИ для ее результативного улучшения.

Из опыта же Китая под наши реалии можно адаптировать требования к системам ИИ в зависимости от сферы применения, например при работе с личными данными людей поставить ИИ под жёсткий контроль, а в сфере промышленности дать большую свободу это позволит защитить информационное пространство, не затормозив развитие производства.

Также постепенно на подобию США можно вводить в отрасль уголовного права нормы, регулирующие применение ИИ при совершении преступлений, однако в связи со сложностью определения юридических рамок сущности искусственного интеллекта этот процесс будет достаточно долгим и противоречивым. Например, в феврале 2026 года по инициативе Министерства цифрового развития, связи и массовых коммуникаций Российской Федерации Правительство РФ внесло в Государственную Думу Российской Федерации законопроект «Об основах государственного регулирования сфер применения технологий искусственного интеллекта в Российской

Федерации». Он был раскритикован Министерством юстиции, практикующими юристами и учеными в связи с слишком абстрактным и размытым определением искусственного интеллекта, под которым предлагается понимать «комплекс технологических решений, позволяющий имитировать когнитивные функции человека», исходя из этого, искусственным интеллектом в правоприменительной практике могут считать информационно-коммуникационные технологии, и программное обеспечение, и иные технологии, в реальности не являющиеся искусственным интеллектом. Несмотря на определенную недоработанность, введение данного закона необходимо поскольку наподобие с иностранными государствами он вводит важные нормы, которые закрепляют право граждан на компенсацию вреда, причиненного неправомерным использованием технологий искусственного интеллекта, устанавливает риск-ориентированный подход к регулированию применения искусственного интеллекта, обязанности разработчика модели искусственного интеллекта, оператора системы искусственного интеллекта, владельца и пользователя сервиса искусственного интеллекта, в частности вводится обязанность владельца сервиса искусственного интеллекта обеспечивать размещение информационного предупреждения пользователя о применении технологий искусственного интеллекта для создания аудио- и (или) визуального информационного материала или иного контента, и вводит понятие суверенных, национальных и доверенных моделей искусственного интеллекта, эти положения способствуют укреплению информационного и технологического суверенитета Российской Федерации. Так, введение норм, регулирующих ИИ крайне необходимо во всех отраслях права, в том числе и в уголовном праве, поскольку в России не используется прецедентное право, а число преступлений с применением ИИ возрастает с каждым днем, однако в связи с принципом законности в уголовном праве к лицам совершающим такие преступления не могут быть применены специальные нормы вследствие этого они не приняты и не содержатся в уголовном законодательстве.

Таким образом, можно сказать о том, что несмотря на факт существования в России и реализации своей Национальной стратегии, которая закрепляет приоритетные направления развития, важные цели и принципы, наше государство может позаимствовать успешный правовой опыт зарубежных государств в области искусственного интеллекта в связи с чем предстоит сложный и долгий процесс для законодателя по формированию законодательной базы в сфере регулирования искусственного интеллекта.

Список литературы:

[1] Указ Президента РФ от 10 октября 2019 г. N 490 "О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации" (с изменениями и дополнениями) // СПС "Гарант" URL: <https://internet.garant.ru/#/document/72838946/paragraph/1/doclist/245/1/0/0/национальная%20стратегия%20развития%20и:0> (дата обращения: 19.03.2026).

[2] Бегишев И. Р. Жертвы преступлений интеллектуальных алгоритмов // [Электронный ресурс]: Виктимология. 2025. № 3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/zhertvy-prestupleniy-intellektualnyh-algoritmov> (дата обращения: 17.03.2026).

[3] Бегишев И. Р. Технология искусственного интеллекта мировой опыт развития // [Электронный ресурс]: Baikal Research Journal. 2020. № 3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/tehnologiya-iskusstvennogo-intellekta-mirovoy-opyt-razvitiya> (дата обращения: 17.03.2026).

[4] Карцхия А.А., Макаренко Г.И. Правовые проблемы применения искусственного интеллекта в России // [Электронный ресурс]: Правовая информатика. 2024. № 1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/pravovye-problemy-primeneniya-iskusstvennogo-intellekta-v-rossii> (дата обращения: 17.03.2026).

[5] Медведев А.И. Правовые аспекты искусственного интеллекта и смежных технологий // [Электронный ресурс]: Журнал Суда по интеллектуальным правам. Декабрь 2022. Вып. 4 (38). С. 48–63. URL: <https://ipcmagazine.ru/articles/1729271/> (дата обращения: 15.03.2026).

[6] Овчинников А.И., Селиванова Е.С., Конопий А. С. Правовая политика в сфере регулирования искусственного интеллекта: зарубежный опыт нормирования и выстраивания приоритетов // [Электронный ресурс]: Вестн. Том. гос. ун-та. 2024. № 502. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/pravovaya-politika-v-sfere-regulirovaniya-iskusstvennogo-intellekta-zarubezhnyy-opyt-normirovaniya-i-vystraivaniya-prioritetov> (дата обращения: 15.03.2026).

[7] Харитонов, Ю.С. Правовые подходы к регулированию искусственного интеллекта: уроки китайского права/ Ю.С. Харитонов // [Электронный ресурс]: Lex russica. 2025. Т. 78. № 5. С. 130-138. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/pravovye-podhody-k-regulirovaniyu-iskusstvennogo-intellekta-uroki-kitayskogo-prava/viewer> (дата обращения: 15.03.2025).

[8] Шейкин А.Г. Принципы законодательного регулирования искусственного интеллекта в США и их влияние на развитие технологического сектора // [Электронный ресурс]: Пролог: журнал о праве. 2024. № 2 (42). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/printsiipy-zakonodatel'nogo-regulirovaniya-iskusstvennogo-intellekta-v-ssha-i-ih-vliyaniye-na-razvitie-tehnologicheskogo-sektora> (дата обращения: 15.03.2026).

References:

[1] Decree of the President of the Russian Federation of October 10, 2019 No. 490 "On the Development of Artificial Intelligence in the Russian Federation" (as amended) // SPS "Guarantor" URL: <https://internet.garant.ru/#/document/72838946/paragraph/1/doclist/245/1/0/0/national%20strategy%20development%20ii:0> (Accessed: 19.03.2026).

[2] Begishev I.R. Victims of crimes of intellectual algorithms // [Electronic resource]: Victimology. 2025. № 3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/zhertvy-prestupleniy-intellektualnyh-algoritmov> (дата обращения: 17.03.2026).

[3] Begishev I.R. Artificial intelligence technology world development experience // [Electronic resource]: Baikal Research Journal. 2020. № 3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/tehnologiya-iskusstvennogo-intellekta-mirovoy-opyt-razvitiya> (дата обращения: 17.03.2026).

[4] Kartskhia A.A., Makarenko G.I. Legal problems of the use of artificial intelligence in Russia // [Electronic resource]: Legal informatics. 2024. № 1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/pravovye-problemy-primeneniya-iskusstvennogo-intellekta-v-rossii> (дата обращения: 17.03.2026).

[5] A.I. Medvedev. Legal Aspects of Artificial Intelligence and Related Technologies // [Electronic Resource]: Journal of the Court for Intellectual Rights. December 2022. No. 4 (38). S. 48-63. URL: <https://ipcmagazine.ru/articles/1729271/> (accessed on: 15.03.2026).

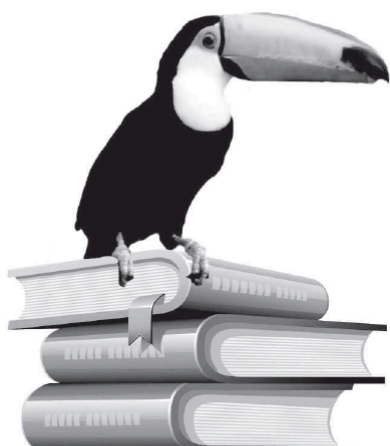
[6] Ovchinnikov A.I., Selivanova E.S., Konopiy A.S. Legal policy in the field of regulation of artificial intelligence: foreign experience in rationing and priority building // [Electronic resource]: West. Volume. state university. 2024. № 502. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/pravovaya-politika-v-sfere-regulirovaniya-iskusstvennogo-intellekta-zarubezhnyy-opyt-normirovaniya-i-vystraivaniya-prioritetov> (дата обращения: 15.03.2026).

[7] Kharitonova, Yu.S. Legal approaches to the regulation of artificial intelligence: lessons from Chinese law/Yu.S. Kharitonova // [Electronic resource]: Lex russica. 2025. Т. 78. № 5. С. 130-138. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/pravovye-podhody-k-regulirovaniyu-iskusstvennogo-intellekta-uroki-kitayskogo-prava/viewer> (дата обращения: 15.03.2025).

[8] Sheikin A.G. Principles of legislative regulation of artificial intelligence in the USA and their impact on the development of the technology

sector // [Electronic resource]: Prologue: a journal about law. 2024. № 2 (42). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/printsiy-zakonodatelnogo-regulirovani>

ya-iskusstvennogo-intellekta-v-ssha-i-ih-vliyanie-na-razvitie-tehnologicheskogo-sektora (дата обращения: 15.03.2026).

ЮРКОМПАНИ

www.law-books.ru

Юридическое издательство
«ЮРКОМПАНИ»

Издание учебников,
учебных и методических
пособий, монографий,
научных статей.

Профессионально.

В максимально
короткие сроки.

Размещаем
в РИНЦ, E-Library.

Дата поступления рукописи в редакцию: 26.06.2026 г.

DOI: 10.24412/2782-3849-2026-8-250-255

Дата принятия рукописи в печать: 19.07.2026 г.

ФОКИНА Светлана Павловна,

кандидат педагогических наук, доцент, доцент кафедры
русского и иностранных языков юридического факультета,
ВЮИ ФСИН России,
e-mail: svetlanafokina@yandex.ru

ПОДГОТОВКА ПЕРСОНАЛА ИСПРАВИТЕЛЬНЫХ УЧРЕЖДЕНИЙ США В УСЛОВИЯХ КРИЗИСА МЕНТАЛЬНОГО ЗДОРОВЬЯ ЗАКЛЮЧЕННЫХ

Аннотация. В статье рассматриваются изменения в системе специализированной подготовки персонала исправительных учреждений США с учетом увеличения числа лиц с расстройствами психики в местах лишения свободы. Автор обращает внимание на тот факт, что рост психических заболеваний среди американских заключенных создает дополнительную нагрузку на уголовно-исполнительную систему США, определяет необходимость в подготовке сотрудников к взаимодействию с заключенными с ментальными девиациями и корректному вмешательству в кризисных ситуациях. В работе исследован практический опыт обучения сотрудников американских тюрем навыкам психологического сопровождения осужденных в рамках программ первоначальной подготовки и дополнительного образования, представлены наиболее востребованные направления обучения на уровне отдельных штатов, раскрыто содержание учебных модулей. Особое внимание уделено современным требованиям Стандартов оказания медицинских услуг и психиатрической помощи в исправительных учреждениях США к специальной подготовке и служебной деятельности сотрудников УИС.

Ключевые слова: уголовно-исполнительная система, США, персонал тюрем, психическое здоровье заключенных, программы подготовки, содержание, методы обучения, кризисное вмешательство, национальные стандарты здравоохранения в исправительных учреждениях.

FOKINA Svetlana Pavlovna,

Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor, Associate
Professor of the Department of Russian and Foreign Languages,
Faculty of Law, VUI FSIN of Russia

TRAINING U.S. CORRECTIONAL PERSONNEL IN A MENTAL HEALTH CRISIS FOR INMATES

Annotation. The article deals with the changes in the system of specialized training of the U.S. prison staff to address the increasing number of persons with mental disorders in prisons. The author highlights the fact that the growth of mental illness among American prisoners puts additional strain on the U.S. penal system and determines the need for training personnel to interact with inmates with mental disabilities and intervene appropriately in crisis situations. The article studies practical experience of mental health training of the U.S. correctional officers within the framework of initial and additional education programs, presents the most popular courses at the level of individual states, reveals the content of teaching modules. Special attention is given to the requirements of the U.S. Standards for Health Services in Jails and Mental Health Service in Correctional Facilities for special training and duties of correctional officers.

Key words: penal system, USA, prison staff, mental health of inmates, training programs, contents, teaching methods, crisis intervention, national standards for health services in correctional facilities.

Кризис психического здоровья в пенитенциарной среде является серьезной проблемой, с которой сталкивается современная уголовно-исполнительная система Соединенных Штатов Америки. По оценкам Управления по борьбе со злоупотреблением психоактивными веществами и психическими заболеваниями (SAMHSA), в среднем 44 % заключенных в тюрьмах США

имеют в анамнезе психические заболевания [15]. Примерно 15-20 % тюремного населения страдают серьезными заболеваниями психики, среди которых шизофрения, биполярное расстройство и глубокая депрессия.

Согласно данным, предоставленным Бюро судебной статистики США и Министерством здравоохранения и социальных служб США, в

тюрьмах и исправительных учреждениях страны сейчас находится в три раза больше людей с отклонениями в психике, чем в специализированных медицинских центрах. В зависимости от штата эти показатели могут варьироваться. Так, в Аризоне и Неваде это соотношение составляет 10 к 1 [2].

Исследования показывают, что проблемы с ментальным здоровьем выявлены у примерно 14,5 % мужчин и 31 % женщин, осуждённых к лишению свободы в Соединенных Штатах, что в шесть раз превышает аналогичный показатель у населения страны в целом. Обращают на себя внимание и такие эмпирически подтвержденные факты, что заключенные с психическими расстройствами в отличие от основной массы спецконтингента чаще нарушают установленный порядок отбывания наказания (58 % к 43 %), подвергаются нападениям (24 % к 14 %), получают травмы в ходе тюремных беспорядков (20 % к 10 %), выдворяются в одиночные изоляторы [3, с. 53-55; 12].

На нарастающий кризис ментального здоровья, обусловленный тюремным заключением, указывают и представители американской общественности, среди которых журналист Алиса Рот. Она отмечает, что «в настоящее время оказанием психиатрической помощи американским гражданам в большей степени занимаются тюрьмы США, а не национальные медицинские учреждения» [13, с. 4]. Как выяснилось, американские исправительные учреждения де-факто становятся «поставщиками» медико-психиатрической помощи населению, хотя абсолютно для этого не предназначены и, более того, не подготовлены должным образом. В пенитенциарные учреждения Федерального Бюро Тюрем Соединенных Штатов поступают десятки тысяч людей с расстройствами психики, которые, по некоторым оценкам, составляют половину численности всего тюремного контингента страны.

Действительно, несмотря на то, что общее число людей, отбывающих наказание в исправительных учреждениях в США, за последние годы сократилось (с 2071686 заключенных в 2020 году до 1900000 – в 2025 году), доля заключённых с психическими расстройствами продолжает расти [7]. В 2010 году около 30% заключённых в тюрьме Райкерс (англ. – Rikers Island) в Нью-Йорке имели нарушения психики, а в 2023 году эксперты отмечали рост этого показателя до 40% [9].

Такая ситуация с психическими заболеваниями среди спецконтингента создает ощутимую нагрузку на пенитенциарную систему в целом и на сотрудников, осуществляющих надзор за осужденными, в частности. Наиболее уязвим в сложившихся условиях остается именно персонал тюрем.

Американские психологи свидетельствуют, что «...до недавнего времени в Соединенных Штатах сотрудники исправительных учреждений в силу недостаточной подготовки имели преимущественно ограниченные представления о том, как реагировать на проявления психоэмоционального кризиса у осужденных». В таких ситуациях и сегодня в США используются силовые методы с последующим выдворением заключенных в изоляторы» [5, с. 2-4].

Заметим, что подобный «формат взаимодействия» приводит к психической и физической травматизации как заключенных, так и самих сотрудников.

Первые заметные реформы в вопросе подготовки персонала к сопровождению ментально больных заключенных начались в штате Орегон. Специалисты признают, что Орегон – один из немногих штатов, где применяется пенитенциарная модель, призванная улучшить условия как для сотрудников, так и тюремного населения. В первую очередь это касается уровня квалификации персонала в вопросах психологического сопровождения поднадзорных лиц. В исправительных учреждениях этого штата сформированы специальные «ресурсные команды (от англ. – Resource Teams)», в которые входят специалисты, прошедшие подготовку по следующим направлениям:

- оказание психологической помощи осужденным в кризисных ситуациях;

- коррекция девиантного поведения в пенитенциарной среде;

- разрешение межличностных конфликтов;

- повышение мотивации заключенных к участию в программах психологической поддержки. Сотрудники исправительных учреждений штата, работая в составе ресурсных команд, взаимодействуют с работниками медицинской и психологической служб, участвуют в реализации программ индивидуальной терапии для осужденных. Штат Орегон первым ввел программу профессионально-психологической подготовки для персонала тюрем, что позволило добиться значимых результатов в снижении психоэмоциональной напряженности у поднадзорных лиц. Так, средний уровень нарушений дисциплинарного характера (на каждые 100 дней тюремного заключения) снизился на 55,7 %. Практика работы сотрудников в составе ресурсных команд позволила также уменьшить количество случаев тюремного насилия и аутоагрессивных действий осужденных (на каждые 100 дней тюремного заключения) на 73,9 % [5, с. 1-25].

В дальнейшем этот опыт переняли и другие штаты США. Например, подобные ресурсные команды были организованы в Северной Дакоте, Вашингтоне и Калифорнии.

Следует отметить, что рассмотренный подход к подготовке персонала тюрем в составе специальных ресурсных команд получил лишь локальное применение в США. Однако важность повышения компетентности сотрудников исправительных учреждений в аспекте психологического сопровождения поднадзорных лиц признается сегодня повсеместно в Соединенных Штатах. В частности, для получения работы в учреждениях, исполняющих уголовные наказания в США, будущие сотрудники должны пройти сертифицированные курсы подготовки [1, с. 172 - 173]. В большинстве штатов такие программы длятся от нескольких недель до нескольких месяцев, в частности, в штате Орегон продолжительность обучения составляет от 3 до 6 месяцев [6]. Помимо изучения стандартных процедур (методы сдерживания, выявление контрабанды, личный досмотр, подавление беспорядков, конвоирование обвиняемых и подозреваемых, перевоз заключенных), особое внимание уделяется обучению новобранцев навыкам реагирования в чрезвычайных ситуациях и оказания заключенным медико-психологической помощи.

Исследование, проведенное американскими учеными в 2019 году, показало, что во всех юрисдикциях США, включая округ Колумбия, курсы по психическому здоровью составляют часть программы первоначальной подготовки. Исправительные учреждения признают значимость повышения компетентности персонала в этом вопросе для обеспечения безопасности как служащих, так и заключенных. Продолжительность обучения на уровне отдельных юрисдикций варьируется от 1,5 до 80 часов. Показательно, что каждый отдельный штат самостоятельно определяет направления психологической подготовки сотрудников в зависимости от конкретных потребностей. Если рассматривать направления курсов, то самыми популярными в США являются «Кризисное вмешательство» (44 штата), «Общая психологическая подготовка» (24 штата), «Работа с наиболее уязвимыми группами тюремного населения» (12 штатов), «Методы лечения и специализированные программы» (12 штатов), «Институциональные процедуры и услуги по оказанию психиатрической помощи» (6 штатов), «Ментальное здоровье сотрудника» (7 штатов) [10, с. 1-5].

Обращает на себя внимание и тот факт, что в Соединенных Штатах действуют Национальные Стандарты здравоохранения в исправительных учреждениях, с учетом которых разрабатываются Минимальные стандарты охраны психического здоровья в исправительных учреждениях конкретной юрисдикции [16].

Согласно требованиям данных стандартов, служащие американской уголовно-исполнительной системы не реже 1 раза в год должны

проходить дополнительное обучение по направлению «Психическое здоровье». Программы данного профиля направлены на повышение компетентности сотрудников в вопросах психологического сопровождения поднадзорных лиц и способах взаимодействия с заключенными, имеющими ментальные отклонения и склонными к агрессии и суициду.

Исследование выявило, что такие программы минимально охватывают следующие направления психологической подготовки служащих американских пенитенциарных учреждений:

- распознавание признаков и симптомов психических заболеваний, злоупотребления психоактивными веществами, нарушений интеллектуального развития у заключенных;

- формирование навыков общения с заключенными, у которых отмечается патология психического развития и различные поведенческие девиации;

- методы предупреждения и профилактики суицида;

- тактики реагирования в кризисных ситуациях;

- порядок направления заключенных с жалобами на психическое здоровье к специалистам медико-психологической службы.

Анализ содержания данных программ показал, что обучение предусматривает как очный, так и дистанционный формат. Учебные материалы многих курсов находятся в открытом доступе и размещены для ознакомления на официальных сайтах образовательных организаций. Прослеживается определенная аналогия и в методах и формах обучения, среди которых преимущество отдается лекциям, ролевым играм, учебным симуляциям (кейсам), дискуссиям. В рамках занятий используется мультимедийное сопровождение – тематические презентации и видеофрагменты. Особую практическую значимость имеют практико-ориентированные методы обучения – учебные симуляции, или кейсы.

В частности, Колледж социальной работы Университета Южной Каролины предлагает сотрудникам исправительных учреждений штата обучение по программе дополнительного образования «Психическое здоровье в УИС: выбор в пользу безопасности и благополучия» [11]. В рамках учебного модуля 14 «Предотвращение кризиса» сотрудники анализируют предложенные ситуации, или кейсы, что позволяет научиться:

- выявлять симптомы психических отклонений у осужденных;

- определять возможные риски как для заключенных, так и самих сотрудников;

- применять адекватные методы и стратегии деэскалации кризиса.

К участию и проведению занятий в рам-

ках рассматриваемого модуля привлекаются клинические специалисты (медицинские работники, психологи, психиатры, суицидологи), которые предлагают сотрудникам, зачисленным на обучение, разобрать вероятные практические случаи, или кейсы, например:

Джастину 50 лет. Он отбывает наказание в виде лишения свободы сроком от 10 до 15 лет в одном из исправительных учреждений США. С ним трудно справиться, т.к. он склонен к агрессии. У Джастина диагностирована параноидная шизофрения и назначена медикаментозная терапия. Однако он не принимает лекарственные препараты на регулярной основе. Без приема лекарств он ведет себя непредсказуемо. В приступах психоза Джастин слышит голоса и страдает манией преследования. Такое состояние часто сопровождается приступами агрессии, Джастин отбивается от воображаемых преследователей. Он легко впадает в ярость, начинает спорить и ругаться с сотрудниками исправительного учреждения, кричать и размахивать руками.

В группах по 2-5 человек сотрудникам предлагается:

- обсудить возможные сценарии возникновения кризисных состояний у заключенного, а также вероятные риски как для Джастина, так и для сотрудников службы надзора;

- определить оптимальные стратегии общения с Джастином в случае его отказа принимать лекарства и во время приступа психоза;

- предложить превентивные мероприятия, позволяющие оптимально эффективно справиться с различными проявлениями девиантного поведения у заключенного.

Согласно исследованию (2023 г.), проведенному канадскими учеными, программы обучения в рамках направления «Психическое здоровье в УИС» (для сотрудников исправительных учреждений США и Канады) позволяют изменить отношение персонала тюрем к проблеме ментального здоровья в пенитенциарной среде, повысить компетентность сотрудников в вопросах медико-психологического сопровождения заключенных и эффективного взаимодействия с ними [4]. К сильным сторонам таких образовательных программ можно отнести:

- их универсальность, т.е. любой сотрудник, независимо от отношения к проблеме и наличия специальных знаний и навыков, может пройти обучение;

- привлечение к преподаванию специалистов сферы охраны психического здоровья и работников уголовно-исполнительной системы;

- применение эффективных практико-ориентированных методов обучения.

Однако зарубежные специалисты указывают на важность повышения стандартов медико-

психологического обслуживания в тюрьмах [8, с. 503 - 507], обеспечения непрерывного образования сотрудников в этой области, мониторинга эффективности применения полученных знаний в практической деятельности. Отчасти эти моменты были учтены в актуальных нормативных документах.

Так, Стандарты оказания медицинских услуг и психиатрической помощи в исправительных учреждениях 2026 года (The 2026 NCHC Standards for Health Services in Jails and Prisons and Standards for Mental Health Service in Correctional Facilities (далее – Стандарты 2026 года), разработанные Национальной комиссией по здравоохранению США, предусматривают обязательный и постоянный контроль за психическим состоянием поднадзорных лиц, своевременное оказание им медико-психологической помощи, а также непрерывное образование и профессиональное развитие (Стандарт C-09) персонала американских тюрем в вопросах психического здоровья. Данные стандарты определяют принципиальную важность обеспечения скоординированного взаимодействия отделов охраны, надзора и пробации с сотрудниками медицинской и психологической служб исправительных учреждений [16]. Стандарты 2026 года вводят также усиленные меры по предотвращению самоубийств в пенитенциарной среде, повышают требования к обеспечению должного наблюдения за осужденными, имеющими ментальные расстройства и девиации в поведении, и, соответственно, к профессиональной квалификации сотрудников, способных оказать поднадзорным медико-психологическую помощь.

Пересмотренный стандарт G-02 «Ограничительные меры в отношении заключенных» предписывает, что сотрудники, обеспечивающие режим и надзор за заключенными, помещенными в блоки ограниченного доступа, должны совершать покамерный обход поднадзорных, осуществляя постоянное наблюдение за их поведением и состоянием здоровья. В США одиночное заключение как мера принудительная характера зачастую применяется в отношении заключенных, имеющих проявления психических расстройств, что определяет важность специализированного обучения сотрудников, которые непосредственно контактируют с лицами из групп риска по ментальному фактору. Так, в штате Нью-Йорк персонал изоляторов, а также офицеры, проводящие допросы обвиняемых и осужденных, в обязательном порядке проходят курс специальной подготовки в объеме 37 часов, а также ежегодно осваивают 21-часовую программу дополнительного обучения [14]. В рамках этих программ акцент сделан на изучение целей и задач «некараательной» терапевтической среды и перспектив

её применения в деятельности исправительных учреждений, основ восстановительного правосудия, а также методов психокоррекции и психологической поддержки заключенных.

Таким образом, сегодня пенитенциарные учреждения США столкнулись с необходимостью оказания заключенным медико-психологической помощи на фоне стремительного роста числа заключенных с патологией психики. В таких условиях повышение компетентности персонала американских тюрем в вопросах психологического сопровождения поднадзорных лиц можно считать ответной мерой, направленной на преодоление кризиса ментального здоровья в пенитенциарной среде. Общей подготовки сотрудников становится недостаточно для эффективного выполнения обязанностей по управлению заключенными, что объясняет тенденцию к расширению практики первоначальной подготовки и дополнительного образования тюремного персонала США за счет специализированных программ по реабилитации и психокоррекции. Сегодня обучение по этим программам является для служащих американских тюрем обязательной частью квалификационных требований, установленных национальными стандартами оказания медицинских услуг и психиатрической помощи в исправительных учреждениях. Полученные навыки становятся, как показало исследование, важной составляющей профессиональной компетентности сотрудников, которым приходится взаимодействовать с заключенными в кризисных ситуациях, выводить их различных дефицитных состояний, оказывать экстренную психологическую помощь.

Следует отметить, что психические расстройства в пенитенциарной среде – это проблема, которая носит глобальный характер и является актуальной для уголовно-исполнительной системы любого развитого государства. Такое положение дел создает почву для совместного поиска решений проблемы, изучения имеющийся международной практики и обмена опытом, в частности, в сфере повышения квалификации кадрового состава УИС, профессионального совершенствования сотрудников в вопросах психологического сопровождения лиц, отбывающих наказания в местах лишения свободы.

Список литературы:

[1] Дворцов В. Б. Система профессиональной подготовки и повышения квалификации сотрудников исправительных учреждений США / В. Б. Дворцов, А. В. Диденко // Вестник Кузбасского института. – 2016. – № 2(27). – С. 169-176.

[2] An Overview of Mental Illness in US Jails and Prisons. Published on 05.02.2023. – URL: <https://mental-health-matters.org/2023/05/02/an-overview-of-mental-illness-in-us-jails-and-prisons/> (дата об-

ращения: 06.03.2026).

[3] Bark N. Prisoner mental health in the USA / Nigel Bark // Int. Psychiatry, 2014. – Vol. 11(3). – P. 53–55.

[4] Darani Sh. A. Addressing the Mental Health Needs of Inmates through Education for Correctional Officers – A Narrative Review / Darani Sh. A., McMaster R., Wolff E., Bonato S., Simpson A., Glancy G., Sandhu K., Quinn J. // Journal of Continuing Education in the Health Professions, 2023. – Vol.43, № 4. – Pp. 247 – 253.

[5] Haney C. The resource team: A case study of a solitary confinement reform in Oregon / C. Haney, D. H. Cloud, D. Augustine, C. Ahalt // Plos One, 2023. – P.1-25.

[6] How to become a correctional officer in Oregon // the U.S. Bureau of Labor Statistics – URL: <https://dreambound.com/blog/how-to-become-a-correctional-officer-in-oregon> (дата обращения: 01.06.2026).

[7] Imprisonment statistics in U.S. 2025 – URL: <https://www.theglobalstatistics.com/united-states-imprisonment-statistics/> (дата обращения: 01.02.2026).

[8] Rich J. D. The Need for Higher Standards in Correctional Healthcare to improve Public Health / Rich J. D., Allen S. A., Williams B. A. // Journal of General Internal Medicine, 2014. – Vol. 30, № 4. – Pp. 503 – 507.

[9] Is Rikers a dangerous prison? – URL: <https://inmate-lookup.org/blog/is-rikers-island-a-dangerous-prison> (дата обращения: 01.02.2026).

[10] Kois L.E. Correctional Officer Mental Health Training: Analysis of 52 U.S. Jurisdictions / Lauren E. Kois, Kortney Hill, Preeti Chauhan // Criminal Justice Policy review, 2019. – Vol.31. Issue 4. – P. 1-18.

[11] Mental Health in the Correctional System: making Choices for Safety and Well-Being / University of South Carolina. Collage of Social Work – URL: <http://cmhtraining.sc.edu/> (дата обращения: 26.05.2026).

[12] Montross Ch. Waiting for an Echo: The Madness of American Incarceration. Penguin Books. Kindle ed, 2020. – 347 p.

[13] Roth A. Insane: America's Criminal Treatment of Mental Illness. Basic Books, 2018. – 320 p.

[14] Sadler M. An End of Solitary Confinement? The Halt Act and the Future of the Criminal Justice in the US. // St. Andrews Law Review, 2021. – URL: <https://www.standrewslawreview.com/> (дата обращения: 26.05.2026).

[15] SAMHSA releases new 2024 data on rates of mental illness and substance use disorder in the U.S. – URL: <https://www.naco.org/news/samhsa-releases-new-2024-data-rates->

mental-illness-and-substance-use-disorder-us (дата обращения: 01.02.2026).

[16] The 2026 Standards for Mental Health Service in Correctional Facilities by National Commission on Correctional Health Care, NCCHC. – URL: <https://ncchc.org> (дата обращения: 26.05.2026).

References:

[1] Dvortsov V. B. System of professional training and advanced training of employees of correctional institutions in the USA/V. B. Dvortsov, A. V. Didenko // Bulletin of the Kuzbass Institute. – 2016. – № 2(27). – S. 169-176.

[2] An Overview of Mental Illness in US Jails and Prisons. Published on 05.02.2023. – URL: <https://mental-health-matters.org/2023/05/02/an-overview-of-mental-illness-in-us-jails-and-prisons/> (дата обращения: 06.03.2026).

[3] Bark N. Prisoner mental health in the USA / Nigel Bark // Int. Psychiatry, 2014. – Vol. 11(3). – P. 53–55.

[4] Darani Sh. A. Addressing the Mental Health Needs of Inmates through Education for Correctional Officers – A Narrative Review / Darani Sh. A., McMaster R., Wolff E., Bonato S., Simpson A., Glancy G., Sandhu K., Quinn J. // Journal of Continuing Education in the Health Professions, 2023. – Vol.43, № 4. – Pp. 247 – 253.

[5] Haney C. The resource team: A case study of a solitary confinement reform in Oregon / C. Haney, D. H. Cloud, D. Augustine, C. Ahalt // Plos One, 2023. – P.1-25.

[6] How to become a correctional officer in Oregon // the U.S. Bureau of Labor Statistics – URL: <https://dreambound.com/blog/how-to-become-a-correctional-officer-in-oregon> (дата обращения: 01.06.2026).

[7] Imprisonment statistics in U.S. 2025 – URL: <https://www.theglobalstatistics.com/united-states-imprisonment-statistics/> (дата обращения:

01.02.2026).

[8] Rich J. D. The Need for Higher Standards in Correctional Healthcare to improve Public Health / Rich J. D., Allen S. A., Williams B. A. // Journal of General Internal Medicine, 2014. – Vol. 30, № 4. – Pp. 503 – 507.

[9] Is Rikers a dangerous prison? – URL: <https://inmate-lookup.org/blog/is-rikers-island-a-dangerous-prison> (дата обращения: 01.02.2026).

[10] Kois L.E. Correctional Officer Mental Health Training: Analysis of 52 U.S. Jurisdictions / Lauren E. Kois, Kortney Hill, Preeti Chauhan // Criminal Justice Policy review, 2019. – Vol.31. Issue 4. – P. 1-18.

[11] Mental Health in the Correctional System: making Choices for Safety and Well-Being / University of South Carolina. Collage of Social Work - URL: <http://cmhtraining.sc.edu/> (Accessed: 26.05.2026).

[12] Montross Ch. Waiting for an Echo: The Madness of American Incarceration. Penguin Books. Kindle ed, 2020. – 347 p.

[13] Roth A. Insane: America's Criminal Treatment of Mental Illness. Basic Books, 2018. – 320 p.

[14] Sadler M. An End of Solitary Confinement? The Halt Act and the Future of the Criminal Justice in the US. // St. Andrews Law Review, 2021. – URL: <https://www.standrewslawreview.com/> (access date: 26.05.2026).

[15] SAMHSA releases new 2024 data on rates of mental illness and substance use disorder in the U.S. – URL: <https://www.naco.org/news/samhsa-releases-new-2024-data-rates-mental-illness-and-substance-use-disorder-us> (дата обращения: 01.02.2026).

[16] The 2026 Standards for Mental Health Service in Correctional Facilities by National Commission on Correctional Health Care, NCCHC. – URL: <https://ncchc.org> (access date: 26.05.2026).

МЕЖДУНАРОДНОЕ ПУБЛИЧНОЕ ПРАВО

Дата поступления рукописи в редакцию: 23.07.2026 г.

DOI: 10.24412/2782-3849-2026-8-256-274

Дата принятия рукописи в печать: 12.08.2026 г.

ГОРБУНОВ Владимир Евгеньевич,Аспирант РГПУ им. А.И. Герцена, Юридический факультет,
кафедра Международного права,
e-mail: veg.post@mail.ru**ГОСУДАРСТВЕННЫЙ СУВЕРЕНИТЕТ КАК ОСНОВА СОБЛЮДЕНИЯ МЕЖДУНАРОДНЫХ
ЗАКОНОВ ВОЙНЫ, ГУМАНИТАРНОГО ПРАВА И ВСЕОБЩЕЙ БЕЗОПАСНОСТИ**

Аннотация. В статье рассматривается проблема низкой результативности обеспечения всеобщей безопасности, законов войны и гуманитарного права методами международно-правового регулирования, а также их взаимосвязь с институтом государственного суверенитета. Предмет исследования – международные и внутригосударственные правовые доктрины, нормативные акты, а также мнения авторитетных учёных. Цель исследования – определить более результативный способ обеспечения соблюдения международных законов войны, гуманитарного права и всеобщей безопасности. В статье исследуются материалы отечественных и зарубежных авторов. Особый интерес представляет собой литература по международному публичному праву периода Российской Империи и до учреждения ООН, так как позволяет почерпнуть дополнительные сведения о событиях, теориях и сравнить их с действительностью. Методологическую основу составляют следующие общенаучные и специальные методы: дескриптивный, исторический, системного анализа, моделирования, научной индукции.

Ключевые слова: государственный суверенитет, гуманитарное право, законы войны, всеобщая безопасность, вечный мир, военнопленные, оккупация, уголовная ответственность, международная ответственность, ответственность государств за международно-противоправные деяния.

GORBUNOV Vladimir Evgenievich,Graduate student of the Herzen Russian State Pedagogical
University, Faculty of Law, Department of International Law**STATE SOVEREIGNTY AS A BASIS FOR COMPLIANCE WITH INTERNATIONAL
LAWS OF WAR, HUMANITARIAN LAW AND UNIVERSAL SECURITY**

Annotation. This article examines the low effectiveness of ensuring universal security, the laws of war, and humanitarian law through international legal regulation, as well as their relationship with the institution of state sovereignty. The subject of the study is international and domestic legal doctrines, regulations, and the opinions of authoritative scholars. The purpose of the study is to identify a more effective way to ensure compliance with the international laws of war, humanitarian law, and universal security. The article examines the materials of domestic and foreign authors. Of particular interest is the literature on public international law from the period of the Russian Empire and before the establishment of the UN, as it allows for additional information on events and theories and their comparison with reality. The methodological basis consists of the following general scientific and specialized methods: descriptive, historical, systems analysis, modeling, and scientific induction.

Key words: state sovereignty, humanitarian law, laws of war, universal security, perpetual peace, prisoners of war, occupation, criminal liability, international responsibility, responsibility of States for internationally wrongful acts.

Решение вопроса войны и мира методами правового регулирования является предметом интереса и обещаний политиков, юристов и философов с одной стороны и предметом искренних надежд самой широкой общественности уже не одну сотню лет. Благодаря изначально высокому авторитету таких Первоначальных Членов ООН как СССР, США и Соединённое Королевство

после 1945 года на многие десятилетия в отечественной науке права утвердилась точка зрения если не о практическом разрешении указанного вопроса, то в силу принятия принципов Уставов ООН и ЮНЕСКО о нахождении правильного метода его разрешения.

Однако, действительность опровергает правильность данной точки зрения. Вскоре после

2-й Мировой войны было подсчитано, что за 3 600 прошедших лет (примерно со времён законов Хаммурапи) на Земле было только 292 мирных года, что составляет около 8% всего этого исторического периода [32, С. 208]. В 1989 году сообщалось, что с 1945 года в мире произошло 120 вооружённых конфликтов в которых погибло 20 мл. человек, и только в 80-х годах на Земле велось 22 войны, 85% их жертв – гражданское население [24, С. 221]. В 2009 году на 64й сессии Генеральной Ассамблеи ООН Муаммар Каддафи констатировал, что со времени образования ООН и не смотря на принятие «новых принципов» международного права произошло более 60 войн и ООН было бессильно предотвратить их. Трагические судьбы Каддафи его страны только подтвердили правоту данного утверждения, превратив их в аксиому. Войны с 1945 года шли в мире практически каждый день. К текущему моменту соотношение мира и войны на Земле, к сожалению, ухудшилось, война только разрастается. Надо признать, что пока речь идёт о войнах не мирового масштаба и население ряда стран (особенно Германии, Италии, Японии, Франции, Англии, США) смогло весьма благополучно пережить прошедшие с 1945 года восемьдесят лет. Однако, легче ли от этого десяткам миллионов погибших в «немирных» войнах по всему Миру и жителям разрушенных государств и государств с подорванной социальной и экономической сферой? Тем более, что количество жертв 1-й и 2-й Мировой войн сопоставимо с количеством погибших в «мирное» время, наступившие после 1945 года. В любом случае факт очевиден, одним удалось обеспечить свою мирную жизнь лучше, чем другим. Важно понять, кому, как и что делать? Настоящее исследование также относит к своему предмету оценку результативности норм международного гуманитарного права, обеспечивающих всеобщую безопасность, законы войны и гуманитарного права.

Идея достижения всеобщего мира посредством права и учреждения глобальной организации всегда была популярна и оптимистично воспринималась и во время создания Священного Союза в 1815 году, и Лиги Наций в 1919 году, и ООН в 1945 году. Однако, через сорок с небольшим лет после учреждения ООН и утверждения его подходов к ведению международных и внутренних дел, через шестнадцать лет после принятия Хельсинского протокола пережил без какого-либо внешнего военного воздействия катастрофу СССР – результат прямо противоположный заявленным целям. Количество крупных военных конфликтов на территории СССР (при явных признаках их провоцирования и недружественного вмешательства других членов ООН) превысило восемь, а бессчётное количество погибших не позволяет снять этот вопрос без подробного ис-

следования и окончательного решения, что, в любом случае, ставит в первую очередь вопрос о качестве как соответствующей международной, так и внутригосударственной правовой системы.

Другой иллюстрацией низкой результативности международно-правового регулирования, в том числе не затронутого им «спящего» общественного мнения являются: Иск Никарагуа к США в Международном суде ООН, который ещё в 1986 году закончился формальной победой маленькой страны, но уже несколько десятков лет игнорируется «мировым лидером» без видимых последствий для него и его руководства, но при явном извлечении своей выгоды. В рамках этого дела ООН определил недопустимость военного и иного (ныне имеющего определение «цветные революции») вмешательства [27, С. 271, 272]; претензия Ирана к США закончилась признанием законности требований, но отказом в выплате компенсации; иск Югославии к странам НАТО (США, Соединенное королевство, Испания, Бельгия, Канада, Франция, Италия, Германия) после многолетнего рассмотрения закончился решением о том, что иск вне компетенции Суда ООН при состоявшейся экзистенциальной катастрофе одного государства и полученной выгоды ответчиками; дело по запросу Генассамблеи ООН о деятельности Израиля на границе с Палестинской автономией было решено в пользу Палестины и одобрено ГА ООН, но осталось проигнорированным Израилем; иск ЮАР к Израилю о геноциде палестинского народа повлёк обвинения ЮАР в пособничестве террористам и не привёл к практическим результатам.

Чётко отражает действительность сформировавшийся высокий уровень безнаказанности традиционных государств-лидеров в деле защиты мира, которые уже давно перестали стесняться официально признаваться в своём отношении к происходящему кровопролитию, вмешательству в дела других стран и провоцированию конфликтов. Наверное, лучшим примером этого является выступление государственного секретаря США М.К. Олбрайт, которая в 1996 году (через десять лет после решения суда ООН по Никарагуа) выступая в телепрограмме CBS «60 минут» перед ведущей запись телекамерой уверено заявила, что политика США, приведшая к гибели полумиллиона иракских детей, «стоила того» [33].

Примером норм международного права, которые на официальном межгосударственном уровне направлены на пересмотр причин и результатов 2-й Мировой войны и фактически являются актом интервенции против России является решение в 2009 году ПАСЕ – одного из ключевых органов Совета Европы (в том числе избирающее судей ЕСПЧ) и имевшего в тот момент в своём составе Россию как полноправного члена.

Несмотря на то, что статьёй 53 Устава ООН установлен термин «вражеское государство», а Устав ЮНЕСКО фиксирует постулат о том, что основной причиной возникновения 2-й Мировой войны была именно доктрина «неравенства людей и рас, которая насаждалась на основе невежества и предрассудков», в нарушение преамбул Устава ООН и Устава ЮНЕСКО ПАСЕ была принята резолюция «О воссоединении разделённой Европы», перенесшая ответственность за развязывание 2-й Мировой войны на СССР [35]. Многократные инициативы России о принятии ГА ООН резолюции о борьбе с героизацией нацизма в большинстве случаев не находят поддержки у североатлантических стран (ни тех, кто был на стороне Третьего рейха, ни у стран Антигитлеровской коалиции) [34]. Однако, с данного момента представители североатлантических стран официально могут выстраивать отношения в отношении России только с позиции данной резолюции. Очевиден фундаментальный нормативный отход от юридических принципов ООН, которые воспринимались как залог обеспечения всеобщей безопасности.

Произошедшее полностью продолжает практику, начатую в 1959 году Федеральным законом США «О поработанных народах» PL 86-90, в котором был закреплён постулат о том, что русский народ является народом поработителем (не государство СССР, не его руководители, а народ) [13]. Данный не единственный закон изначально противоречил основным принципам международного публичного права и Уставу ООН, в том числе запрету на вмешательство в дела, входящие во внутреннюю компетенцию любого государства, создание угрозы для международной безопасности и справедливости, политической независимости, и не терял своей силы даже в моменты максимального соответствия политики России ожиданиям США.

Общепризнанна практика назначения в послевоенном ФРГ на руководящие посты вчерашних руководителей НСДАП, СС и вермахта (лучшим примером может служить Г-Д Геншер, принявший в октябре 1991 года в рамках Московского заседания СБСЕ по человеческому измерению у М.С. Горбачёва и Э.А. Шеварнадзе официальное признание государственной независимости прибалтийских республик); а в отношении военных преступников, совершивших преступления против СССР и его народов, – их укрывательство официальными союзниками СССР: США, Канадой, Англией, в том числе их поддержка вплоть до высшего политического уровня данных стран (что показал случай с чествованием в 2023 году премьер-министром и парламентом Канады ветерана дивизии СС «Галичина» Я. Хунки).

Ещё более показателен современный под-

ход к пониманию международного права, продемонстрированный созданным в 1873 году при участии России (как и ООН) «эталонным» в вопросах международного права Институтом международного права. Три вынесенных данной международной организацией резолюции: «Декларация о вызовах международному правопорядку после военной операции в Венесуэле» от 18.01.2026 года, «Декларация о военной операции против Ирана» от 31.03.2026 года, а также «Декларация по вопросам агрессии в Украине» от 01.03.2022 года доказывают возможность отсутствия таких базовых признаков права как нормативность, равенство и беспристрастность в исторически призванном обеспечивать мир международном праве [17].

«Декларация о вызовах международному правопорядку после военной операции в Венесуэле» от 18.01.2026 года вынесена в условиях, когда в рамках своей военной операции США при публичном одобрении высшего руководства по традиционному надуманному (после вторжения в Ирак, Сирию и Афганистан) поводу военным путём вторглось в другое государство, похитило, арестовало и судит у себя по своему законодательству его руководителя, а также извлекает прибыль и принудительно распоряжается ресурсами данного государства; «Декларация о военной операции против Ирана от 31.03.2026 года» – США и Израиль при публичном одобрении своего высшего руководства уничтожили подряд несколько уровней высшего руководства Ирана и значимую часть его промышленной, гражданской и военной инфраструктуры, а также попытались поставить под свой контроль функционирование данного государства, угрожая уничтожить всё живое на его территории; «Декларация по вопросам агрессии в Украине от 01.03.2022 года» – полное игнорирование истории произошедшего.

В то время как в первых двух случаях юристы Института смогли найти формулировки, практически уравнивающие в ответственности за произошедшее агрессора и пострадавшую сторону и фактически ограниচিতся этим, то для России было сделано исключение не только в подборе самой жёсткой квалификации происходящего и допустимости привлечения к ответственности его руководства, но даже на уровне названий указанных деклараций. Это особенно важно с учётом существования принятой ГА ООН 26.11.2001 года Резолюции A/56/589 об ответственности государств за международно-противоправные деяния. Нельзя сомневаться в том, что Институт и его юристы обязаны были учитывать последствия своих действий, в том числе того на сколько они будут препятствовать установлению мира, а также подрывать доверие и силу международного права. Всё это при том, что девиз института

«Justitia et pax» переводится как «Справедливость и мир».

Несмотря на явную предвзятость произошедшее отражает наличие крайне высоких рисков для России как в лице её высшего руководства, так и её народов, так как оценивать надо данную позицию не в абстрактном теоретическом аспекте и не в свете привлечения к ответственности в предусмотренном ООН порядке, а в свете существующей параллельно ему парадигмы об универсальной юрисдикции, позволяющей отдельным государствам преследовать в уголовном порядке лиц, обвиняемых в преступлениях против мира и нарушении прав человека, Чикагской доктрины постконфликтной юстиции [1, С. 831]. Уголовное принуждение в данном порядке осуществляется не смотря на формально уважаемый всеми принцип государственного суверенитета и осуществляется на основании своего толкования истории, подборки необходимых юридических фактов и фактически без сроков давности.

Сейчас можно только предполагать в какой степени используется данная политико-правовая доктрина в суде США над действующим президентом Мадуро, но можно быть уверенным однозначно, что в основе его преследования лежит идея о суверенном государстве, которая даёт право США привлекать к ответственности к лиц, причиняющих её вред. Очевидно, что наибольшие риски несут те люди, которые уже находятся в санкционных списках указанных стран, так как уже юридически зафиксирован и признан факт их «противоправной» с точки зрения соответствующих государств деятельности, который просто так не исчезнет с окончанием конфликта. Оспаривать же соответствующее решение в юрисдикции принявшего его государства – это подчинить себя и своё государство суверенитету другого, смириться с последствиями «проигрыша процесса» и фактически только надеяться на пощаду. Кроме того, всегда найдётся другое государство, которое будет готово выдвинуть «повторно» обвинения.

Нельзя сказать, что вышеуказанная доктрина является новым словом в юриспруденции. Закон об уголовном праве Израиля 1977 года в статье 13 «Преступления, совершённые против Израиля или еврейского народа» прямо провозглашает право данного государства преследовать деяния вне его пределов в случае, если они направлены против безопасности государства Израиль, его международных отношений или тайн; государственных устоев Израиля; исправной деятельности израильских государственных органов власти; имущества или экономики Израиля, его транспортных и коммуникационных связей, имущества и исправной деятельности его объединений и организаций (в особенности пря-

мо указанных Всемирного Еврейского Конгресса, Еврейского Агентства для Израиля, Еврейского Национального Фонда, Фонда Еврейского Агентства); жизни, тела, здоровья, свободы, имущества еврея, гражданина Израиля, жителя Израиля, израильского служащего общественной организации, израильского учреждения если преступление было совершено потому что они являются таковыми [9, С. 26, 31, 33, 129].

Израиль не разделяет свою безопасность и международные отношения как разные процессы, сферы интересов и регулирования. Та часть израильского Уголовного закона, которая в отечественном уголовном праве называлась бы как «Особенная часть», начинается с раздела, называющегося «Безопасность государства, международные отношения и официальные тайны». В качестве принципиальных моментов следует отметить сразу введённые определения: «враг» и «террористическая организация» – для того, чтобы попасть под любое из данных определений достаточно не только осуществлять практические действия или находиться в официальном состоянии войны, а просто объявить себя врагом или стремящимся свергнуть израильское государство, «причинить вред его безопасности, его жителей или евреев в других государствах». Следует отметить, что израильское уголовное право формировалось на основании подходов и принципов английской правовой системы.

В свою очередь, как сообщило 14.07.2026 года ТАСС: 11-й суд Стамбула по тяжким уголовным делам выдал ордер на арест премьер-министра Нетаньяху и 34 высокопоставленных госслужащих Израиля, обвинив их в преступлениях против человечности, геноциде, лишении свободы, жестоком обращении, умышленном причинении вреда здоровью, грабеже, задержании транспортных средств [38]. У Турции нет сомнений в своём праве принимать такое решение.

Статья 12 УК РФ в гораздо более общей и мягкой форме использует доктрину государственного суверенитета, распространяя действие уголовного закона на иностранных граждан, совершивших деяние вне пределов Российской Федерации, если оно направлено против интересов России. Следует отметить, что ранее отечественная правовая система имела статью 73 УК РСФСР 1960 года, которая предусматривала наказание за совершение особо опасного преступления против союзного государства (была отменена перед насильственной сменой государственного режима в ГДР и Югославии).

Вышеизложенное позволяет принять за аксиому утверждение о том, что принципы ООН и ЮНЕСКО являются только очередной юридической версией предлагаемой обществом нормы поведения государств, а не состоявшимся фак-

том; как минимум вторая за двадцатый век попытка человечества обеспечить мир и всеобщую безопасность посредством разработки правовых доктрин международного права на базе сообщества государств не создала цельную правовую систему международного права, которая бы надлежащим образом и единообразно применялась участниками международного общения, а также сохраняла бы доверие широкого общественного мнения. В результате государства по отдельности обеспечивают свои зачастую несовпадающие интересы, в лучшем случае демонстрируя признание норм международного права, что во многом обусловлено неустраняемыми различиями их правовых систем, институтов исторической памяти и культур, которые по-разному воспринимают силу норм международного права.

Например, если отечественная школа права традиционно высоко воспринимает их силу, то как сообщает нам признанный в мире специалист в сфере сравнительного правоведения профессор Парижского университета Рене Давид: английское право мало ценит абстрактные правовые декларации, выдвигающие принципы справедливости, но не заботящиеся об их практическом осуществлении [10, С. 299]. Философ и теоретик права, профессор права Оксфордского университета, основатель аналитической философии права, адвокат и работник контрразведки MI5 Герберт Лайонел Адольф Харт подтверждает вышеуказанную оценку своей родной правовой системы, прямо указывая, что как бы ни важны были принципы ООН, но они существуют лишь на бумаге, а функционирование международного права очень отлично от внутригосударственного [45, С. 217, 219]. Данное разнотечение предопределяет постоянную необходимость учитывать разную регулируемую силу одних и тех же норм международного права у взаимодействующих государств и искать юридические методы обеспечивать желаемого состояния мира.

В любом случае, можно считать доказанным, что североатлантический «Drang nach Osten» не прекращался и продолжается [4, С. 6]. Только после 2-й мировой войны и создания ядерного оружия – юридическими, в том числе философскими, доктринальными методами.

Таким образом, учитывая вышеизложенное и принимая во внимание связанные с деятельностью североатлантических стран риски, которые были признаны «Концепцией внешней политики Российской Федерации», утверждённой Указом Президента Российской Федерации № 229 от 31.03.2023 года [6, С. 212], целесообразно оценить с точки зрения риск-менеджмента старейший раздел международного права, с которого во многом и началось само международное право и который изначально призван регулировать осно-

вы сохранения существования и выживания как человечества в целом, так и каждого по отдельности – международные законы войны, гуманитарного права и всеобщей безопасности.

В первую очередь необходимо отметить, что само название и, соответственно, предмет данного раздела международного права постоянно трансформируется. Если изначально он формировался как «Право войны, военные обычаи» (например, в работах Гефтера, Каченовского, Ривье, Мартенса, Листа), и до 60-х годов 20-го века данный раздел преимущественно именовался как «Международное право и война», «Законы и обычаи войны», «Международноправовые средства борьбы с вооруженной агрессией», «Международные договоры и обычаи о правилах ведения войны» (Кожевников Ф.И., Мовчан А.П., Лисовский В.И.); то концу двадцатого века он уже преимущественно именовался как «Право международной безопасности», «Международное гуманитарное право» (Лукашук И.И., Бекашев К.А.), а в начале двадцать первого века – «Право вооружённых конфликтов» и «Международное гуманитарное право» (Егоров С.А., Тузмухамедов Б.Р.). Отечественная дипломатическая школа оказалась более устойчивой к изменениям, «Дипломатический словарь» под редакцией Громыко А.А. – «Законы и обычаи войны» [11, С. 215, 221, 374].

Наименование любого института права основано на предмете его регулирования, функциональном содержании и направленности. Но существует взаимосвязь – изменение названия содействует изменению содержания, что создаёт риски для прекращения правового регулирования реально существующих в природе межгосударственных правоотношений, нуждающихся в установлении нормы поведения. Изложенное не позволяет согласиться с наметившимся процессом «сглаживания» названия данного раздела международного публичного права, что делает целесообразным на базе необходимого содержания и с учётом вышеуказанной терминологии, в целях настоящей работы сформулировать следующее определение для него: «Международные законы войны, гуманитарного права и всеобщей безопасности» (не хочется давать войне право).

Выполнение поставленной в интересах настоящей работы вышеуказанной задачи осложняется тем, что отечественная школа права уже давно фактически прекратила изучение природы войны и связанных с ней явлений и последствий, «забыв» про уроки истории и риск-ориентированный подход к правовому регулированию международных отношений буквально приняв и преимущественно поверив в прекращение «старого международного права» и начало «нового международного права», основанного на принципах ООН [40, С. 101, 108], а также «подлинно научном

объяснении происхождении войны», которое указывает «человечеству верный путь избавления от войн» [22, С. 602].

Такой подход не был характерен для отечественной школы права, которая в свой имперский период, в советский довоенный, в первые двадцать лет ооновского периода старалась учитывать историю и реальность, а также общественное мнение, мнение североатлантических стран о природе войны и была далека от восприятия международных отношений как лишённых существенных рисков и упрощённого восприятия войны.

Ещё Курс международного права в шести томах, издаваемый Институтом Государства и права Академии наук СССР в 1969 году, соглашался с тем, что война «есть продолжение политики другими (именно насильственными) средствами» [23, С. 208]. Причём подчёркивалось, что политическая компонента присутствует и в объявлении войны, и в процессе её ведения. Курс международного права в семи томах 1992 года, который можно считать пиком советского периода развития отечественной школы международного права, сузил определение войны и вооружённого конфликта до вооружённого столкновения субъектов международного права, а соответствующий раздел международного права, до регулирования процесса этой борьбы, что, не может быть приемлемо с учётом текущих реалий [24, С. 241, 242]. Изданное ещё в 1917 году в переводе В.Э. Грабаря шестое издание Ф. Листа даёт более развёрнутое понятие войны и её видов, а также содержит утраченный ныне термин «интервенция», который охватывает более широкий перечень опасных для мира ситуаций по сравнению с современным термином «агрессия», утверждённым Резолюцией ГА ООН от 14.12.1974 года [25, С. 84, 385, 386]. Почему данная информация более соответствует действительности, чем большая часть напечатанных за последнее шестьдесят лет трудов по правоведению?

Ф.Ф. Мартенс самостоятельно и не ссылаясь на признанных авторитетов определял войну как «политическое орудие», средство «международного управления» и «борьба для охранения принадлежащих им прав и интересов» [29, С. 326, 327].

Энциклопедия государства и права 1929 года, под редакцией наркома юстиции РСФСР, заместителя наркома иностранных дел, первого председателя Верховного суда РСФСР, одного из основоположников системы советского правосудия и создателя, директора Института советского права Петереса Яновича Стучки приводит такой большой объём информации о множественности точек зрения на онтологическую природу войны, который в наше время трудно встретить в какой-

либо современной отечественной учебно-просветительской литературе. Стоит отметить следующие положения, которые считалось необходимым популяризировать: право войны является частью международного права; война выходит за пределы права и не может быть определена ни как правомерная, ни как неправомерная; в современном праве отсутствуют нормы, которые позволяют решить какая сторона «права», а какая «неправа»; деление войн на «справедливые» и «несправедливые» является уделом прессы по обработке народных масс, что делает неприемлемыми позиции ни об оправдании войны, если она ведёт к увеличению мощи своей страны, ни «лицемерно пацифистские» точки зрения; трансформация представлений о военной добыче и сохранении интересов частных лиц; вооружённом мире [47, С. 338, 370, 694].

Отечественная дипломатическая школа более традиционно и развёрнуто воспринимала природу войны и её законы, что в любом случае ставит вопрос о согласованности двух данных институтов отечественной школы принятия государственных решений и руководства [11, С. 215, 374].

Оценивая позицию иностранных правоведов и дипломатов необходимо отметить точку зрения востребованного и успешно функционировавшего как во времена Третьего рейха, так и после его разгрома немецкого правоведа, философа, социолога и политического теоретика Карла Шмитта, которая развивает и усиливает широко известное определение Клаузевицем войны и политики как «ведение войны другими средствами». Шмитт трактует цель войны и политики – навязать другому свою волю. Цель одна, а средства разные. Война использует насилие, а политика другие методы [14, С. 167]. В первую очередь правовые.

В середине двадцатого века Б. Рассел поддерживал позицию Гегеля по вопросу международного права и взаимодействия государств, указывая, что интерес каждого государства есть его собственный наивысший закон. «Не существует контраста морали и политики, потому что государства не подчинены обыкновенным моральным законам», а «Священный союз и кантовская Лига мира ошибочны потому, что содружеству государств необходим враг» [36, С. 256]. В наше время госсекретарь США, доктор Дипломатической академии МИД России, руководитель Council on Foreign Relations (CFR), издающего Foreign Affairs, Г.А. Киссинджер в своей «Дипломатии» подтвердил, что закон народов и закон природы суть то же самое, а восприятие угроз у каждой нации своё и они не желают идти на одинаковый риск в преодолении тех угроз, которые принципиально признают, что во многом обесценило ООН и Лигу Наций.

Справедливости ради необходимо отметить, что наметилась тенденция к возвращению изначальных подходов в изучении природы войны. Философ, доктор политических наук, доктор социологических наук, профессор, директор Высшей политической школы имени Ивана Ильина при РГГУ Александр Гельевич Дугин обращает наше внимание на то, что уже Гоббс трактует войну расширительно. Он понимал под ней не только прямые столкновения регулярных армий, но всё, что их предваряет и им сопутствует. Гоббс пишет: «война состоит не только в битвах и реальных боях, но во временном промежутке, когда воля столкновения в битве достаточно представлена» [14, С. 167].

В целях настоящего исследования необходимо акцентировать внимание на том обстоятельстве, что крупнейший отечественный исследователь вопроса всеобщей безопасности, законов войны и гуманитарного права, доктор международного права, член Совета МИД и Государственного совета Российской Империи, сенатор, представитель России в Постоянной палате Международного третейского суда в Гааге, профессор Санкт-Петербургского и Мюнстерского университетов Михаил Александрович Таубе, исследуя проблему «Вечного мира», в том числе ведя переписку по данному вопросу с Л.Н. Толстым, указывал, что данная идея была известна европейской философской и юридической науке как минимум с 1023 года, когда монастырём Ключни был иницирован съезд главы Священной Римской Империи Генриха II и французского короля Роберта на котором договорились при одобрении папы Бенедикта VIII провести общехристианский Собор в Павии в целях образования мировой мирной лиги. Следующее всеевропейское «Божье перемирие» было провозглашено папой Урбаном II на Клермонтском соборе в целях начала 1-го Крестового похода. Последующие столетия были отмечены многочисленными схожими идеями, основанными на необходимости объединении государств ради мира (и часто против кого-то, кто не вписывался в картину будущего мира), высказанные непрерываемыми авторитетами своего времени: Фома Аквинский, Георгий Подебрад, Кампанелла, Сьюлли и Генрих IV, кардинал Альберони, Руссо, Бентам, Наполеон, Блюнчли. Отдельно в этом ряду надо выделить кантовское «К вечному миру» с очередной идеей объединения государств [39, С. 59, 73-78, 81]. Однако ключевым отличием всех этих идей всегда было только одно – вопрос под руководством какого государства должно было произойти это объединение ради мира.

На протяжении всего двадцатого века идея отмены «устаревшего» института государственного суверенитета и возникновения «мирового», «транснационального», «универсального»,

«глобального» «права», продвигалась Расселом, Кельзеном, Киссинджером, Фридманом, Кларком, Танакой, Соросом [37, С. 390, 396]. Традиционно для английской школы социальных наук Харт не только критиковал сохранение идеи суверенитета и необходимости существования в каждой национальной правовой системе суверенного законодателя, но ставил под сомнение функциональную значимость международного права (формы которого еще подлежат изучению и выяснению «являются ли они или нет просто пустыми формами») [45, С. 223]. Доктор юридических и экономических наук Фридрих Август фон Хайек отвергает идею суверенитета ради обеспечения властвования меньшинства над большинством (в чём основную функцию отводит законодательной деятельности) [43, С. 357]. Ранее, авторитетнейший немецкий правовед Еллинек в рамках своего труда «Право меньшинства» обосновывал ту же идею в целях обеспечения права государственно-го управления немецкого меньшинства над противопоставляемым ему славянским большинством, причём, по его мнению, принадлежность любого немца к которому «по справедливости» достойна «общего презрения» [15, С. 21, 41, 44]. При таком настрое научного сообщества и общественного мнения сложно допустить мысль о том, что международное право будет на практике в равной степени обеспечивать интересы всех народов. Особенно с учётом утверждения профессора Гарвардского университета Менли О. Хадсона о том, что «Современное международное право – это право западного мира.» (вряд ли он подразумевал правовую систему Германии, Франции и Италии. И точно – не СССР) [42, С. 226].

Истинное отношение к России и страданиям её народов, наверное, лучше всего иллюстрирует история выступления Д.А. Гранина 27.01.2014 года в Рейхстаге с рассказом о Блокаде Ленинграда. История показала, что искренне сопереживающие рассказу о противостоянии под Ленинградом руководители Германии в это же время участвовали в обеспечении Евромайдана на Украине, усугубляли ухудшение отношений Украины и России, содействовали срыву договорённостей по урегулированию разгорающегося конфликта и развязыванию гражданской войны между ними, а в последующее время приложили значительные усилия к «нанесению России стратегического поражения». В данной связи становится крайне актуальным исследование природы института исторической памяти и обеспечение правовыми методами его долгосрочного функционирования, в том числе в целях применения информации о рисках, задачах и целях международных отношений [8, С. 166-167].

Таубе обращает внимание отечественной школы права и государственного управления, что

идея Вечного мира и безопасности, которая сейчас более всего представлена в международном гуманитарном праве, последнюю тысячу лет была взаимосвязана с институтом государственного суверенитета и всегда в качестве одной из своих основных целей имела отмену данного института в пользу одной конкретной единой высшей политической и военной силы.

Кроме того, Таубе предсказал все три способа обеспечения правовыми методами вечного мира, которые в течение всего столетия мировое сообщество пыталось реализовать, а именно: через субъективный отказ людей от всяких военных действий; через добровольное договорное учреждение Союза народов или государств с обязательными судебным разрешением споров международными трибуналом; через поглощение всех народов и государств в одном единственном мировом государстве, которое делает невозможной международную войну. В конце концов Таубе после всех своих испытаний и исследований отверг возможность достижения «полного и постоянного мира» через международное право, международные институты типа Лиги Наций и возложил основные надежды на достижение мира через религию (с учётом «психики международной жизни»), а также указал на риск перехода от войны государств к войне рас (что тоже сбылось) [39, С. 58, 102, 109]. Если его надежда означает необходимость руководствоваться старой русской мудростью «На Бога надейся, а сам не плошай» и сохранение государственного суверенитета для её реализации, то с учётом современных международных отношений и международного права она могла бы стать основой для новой доктрины безопасности, международных отношений и толкования норм международного права.

Вышеуказанные сомнения нашли своё независимое подтверждение в работе Л. Иванова «Лига Наций», которая вышла в 1929 году под редакцией Е. Пашуканиса и Б. Виноградова, и практически полностью соответствуют современной проблематике международных отношений [16, С. 10, 20].

Существенно позже, Тункин Г.И. в своей фундаментальной работе «Теория международного права» пытался опровергнуть концепцию о необходимости устранения института государственного суверенитета как первоисточника войн в пользу «мирового правительства» [41, С. 324]. В 1986 году Дипломатический словарь, изданный под редакцией министра иностранных дел СССР А.А. Громыко также уделил значительное внимание «концепции отмирания государственного суверенитета» [12, С. 437]. Лукашук И.И. рассматривал эту же концепцию, но в аспекте «мирового права» и указывал на необходимость разграничения юрисдикций различных правовых систем

в целях исключения вторжения во внутреннюю компетенцию государства [26, С. 92]. Авторитет авторов и изданий слишком высок, чтобы считать данную совпадающую точку зрения надуманной или «незначительным риском».

К сожалению, современная отечественная школа права не только не выработала свою концепцию выстраивания взаимоотношений с правовыми системами, которые традиционно настроены на отмену института государственного суверенитета, но и преимущественно утратила саму проблематику, которой занимались её лучшие представители предыдущих поколений. В значительной мере этому способствует отсутствие устоявшейся единой точки зрения на институт государственного суверенитета как в международном, так и внутригосударственном праве [7, С. 262].

Например, если Всесоюзный институт Юридических наук МЮ ССР в лице А.Я. Вышинского на этапе учреждения и становления ООН определял суверенитет как «состояние независимости государственной власти от всякой другой власти как внутри, так и вне границ этого государства» [3, С. 405], то уже в середине шестидесятых годов официальная отечественная школа международного публичного права провозгласила, что Вышинский «нанёс серьёзный ущерб советской международноправовой науке, дав извращённое толкование принципа суверенитета как состояния независимости государственной власти от всякой другой власти. ... что послужило на Западе поводом для обвинения советских учёных в их якобы приверженности к феодальной доктрине суверенитета, которая признавала абсолютный и ничем не ограниченный суверенитет государства» [22, С. 161].

В итоге, системный анализ современных отечественных научно-методических материалов по международному праву показывает, что развивается серьёзная тенденция к фактическому ограничению государственного суверенитета в результате процессов трансформации и амнезии о его действительной природе и содержании, а дискуссия о нужности суверенитета не считается закрытой. Более того, один из наиболее авторитетных современных отечественных правоведов был полностью уверен в сохранении института государственного суверенитета только в горизонте тридцати лет [30, С. 21].

Вышеизложенное позволяет сформировать рабочую гипотезу о том, что что раздел международного права, регулирующий законы войны, гуманитарного права и всеобщей безопасности, в первую очередь стал инструментом североатлантических правовых систем нацеленным на фактическое упразднение государственного суверенитета как института, обеспечивающего

сохранение, безопасность и благополучие других участников международного общения, а также снижение военных рисков данных государств на случай их интервенции против других государств. Как сказал награждённый Железным крестом за участие в войне против СССР, коллега Поппера и Харта по Лондонской школе экономики, философ и методолог науки, профессор философии Калифорнийского университета Пол Фейерабенд: «Каким бы «фундаментальным» или «необходимым» правило не было для науки, всегда существуют обстоятельства, когда целесообразно не только игнорировать это правило, но и принять его противоположность».

Следствием указанного утверждения должна стать пригодность международного гуманитарного права к официальному измерению в не меньшей степени, чем существующее в международном праве «человеческое измерение» норм, защищающих права человека. Очевидно, что бессмысленно надеяться на счастливое улучшение того, что на протяжении десятилетий и от одной войны к другой не приносит желаемого результата. По крайней мере, менеджмент как наука об управлении и принятии решений требует оценки результатов исполнения принятых решений и внесения в них корректировки в случае недостижения цели.

Важнейшим критерием оценки результативности международно-правового обеспечения является степень гуманного отношения к русским военнопленным и оккупированному населению, а также реальное возмещение народам России причинённого в результате интервенции вреда (что в конечном итоге должно быть главной целью всех отечественных профильных политических и юридических усилий, а также одним из главных элементов всеобщего мира и благополучия народов).

Во время Великой Отечественной Войны на территории России было уничтожено 1 700 городов (среди которых и города-миллионники), более 70 000 деревень, тысячи километров транспортных коммуникаций, разрушены миллионы жилых домов, 32 000 заводов и фабрик, разорено около 100 000 колхозов и 3 000 МТС; существенно сокращено поголовье скота и площадь посевных земель. В целом материальный ущерб СССР составил 2 569 млрд. рублей, СССР потерял около 30% своего национального богатства. Потеря 27 000 000 жизней своих граждан и обусловленные этим демографические, социальные проблемы и вред ощущаются до сих пор и также должны быть учтены максимально исчерпывающим образом.

Открытые источники сообщают, что в настоящее время в Германии существует лишь около 2 056 городов, из которых только четыре имеют население более миллиона жителей (Берлин,

Гамбург, Мюнхен, Кёльн). Население Германии в 1939 году без учёта аннексированных территорий составляло 69 316 500 человек, в наше время население Германии составляет около 85 000 000 человек. Количество разрушенных немцами городов-миллионников в СССР было большим чем у них есть в двадцать первом веке; показательно количество городов и людей, которое осталось бы в Германии, если бы они в результате понесли такие же потери, как и СССР.

На Потсдамской конференции сумма общих репараций от Германии для всех стран-победителей обсуждалась только в размере 20 млрд. долларов США [1, С. 53, 268, 270]. Предложения и притязания СССР на компенсацию не были поддержаны Англией и США. СССР получил существенно меньше (причём с учётом того обстоятельства, что к зоне ведения СССР относилась разорённая войной часть Германии, Польши, Венгрии и т.п., которые надо было восстанавливать, что в конечном итоге и стало предметом бремени СССР и его народов). Получение СССР репараций за счёт западной части Германии (ФРГ) было прекращено в 1949 году, а репарации от ГДР в 1954 году.

К зоне ведения США была отнесена существенно менее разорённая часть Германии (ставшей ФРГ), а план Маршала по финансированию послевоенной Германии фактически привёл её к окончательной потере суверенитета и зависимости (принадлежности) от США, при одновременном фактическом освобождении США в лице ФРГ от необходимости существенных послевоенных выплат СССР (В данном случае следует обратить внимание на важное обстоятельство – не смотря на обширные философские, политологические, юридические и иные социальные изыскания немецкая государственная управленческая школа, наверное, является худшей в мире, так как за всю свою историю она смогла обеспечить суверенитет и независимость Германии только на протяжении 52 лет, с 1871 по 1918 и с 1939 по 1945 годы). Взамен Россия стала единственной страной, которая несла основную тяжесть по борьбе союзников с странами Оси и которой США не был прощён долг за поставки по лэнд-лизу (был полностью погашен только в 2006 году). Очевидно, что СССР не получил в итоге должного возмещения не потому, что не понимал выгод получения активов, а потому, что военная сила США и Англии, существенно менее пострадавших во Второй мировой войне и имевших ядерную монополию, не позволила получить должное возмещение за счёт сохранившихся активов на западе Германии.

Несмотря на то, что и СССР, и США восстанавливали соответствующие послевоенные иностранные регионы говорить об одинаковой

природе данных мероприятий нельзя. То, что для США было вопросом установления финансового, корпоративного контроля, извлечения прибыли, а также улучшения своих геополитических притязаний, то для СССР, в первую очередь, было последней попыткой на окончательное обеспечение своей безопасности, установление мирных отношений со своими соседями и, в конечном итоге, подтверждения делом провозглашённых им идеалов ООН.

В результате, несмотря на принятые принципы и цели ООН, в том числе об ответственности за совершённые преступления, на деле по результатам 2-й мировой войны политика США, Англии и международное право не только фактически обеспечили получение ими существенной экономической выгоды, а их жителям более высокий уровень жизни, но и жителям Германии, которые должны были быть бенефициарами от завоеваний и зверств своих родственников в СССР. Следует отметить, что американский социолог и политолог, президент Американской Ассоциации политических наук, главный редактор журнала *Foreign Policy* Самуэль Филлипс Хантингтон напоминает нам, что военная мощь имеет четыре измерения, к которым принадлежит и такие категории как моральный дух войск, влияющий на организационный, и общественная поддержка – желание общества применять военную силу [44, С. 135]. Подчеркнём, ведущий и общепризнанный североатлантический профильный специалист сам утверждает, что ведение войны (в том числе колониальной, захватнической) без предварительного обеспечения и последующей поддержки её всеми значимыми социальными группами данного государства невозможно. Данное обстоятельство не может не поставить вопрос о степени и виде ответственности за причинённые страдания и убытки потерпевшей стороне.

Необходимо отметить, что Россия, как минимум, за последние триста лет в отличие от североатлантических стран никогда не улучшала своего благосостояния в результате выигранной войны и не наносила проигравшему агрессору экономического сокрушающего возмездия. Страна всегда за свой счёт восстанавливала последствия нашествий на неё шведов, поляков, французов, немцев, американцев, итальянцев, испанцев, румын, венгров, болгар, финнов и не получала компенсацию за «упущенную выгоду» в том размере, чтобы обеспечить прежний уровень благосостояния и превзойти его, а также не лишала стран-агрессоров ресурсов, чтобы они могли свою инфраструктуру после окончания проигранной ими войны. Белинский В.Г., оценивая признаки государства отметил необходимость для него не только обеспечить умение «храбро биться и великодушно умирать за свою родину, побеждать

сильного врага с малыми средствами», но и умение пользоваться плодами своих побед [2, С. 238].

Как доказывает история, любой более-менее значимый успех России на поле боя всегда обуславливал немедленную консолидацию всех европейских стран против неё. Примером могут служить причины Крымской войны или пересмотр условий Сан-Стефанского мира в рамках Берлинского конгресса в результате угроз тех же государств. Не менее показательна история признания Англией и Францией права России на получение Константинополя и пролива в Средиземное море по результатам 1-й Мировой войны в условиях, когда остро требовалась её помощь в 1914 – 1915 годах (несмотря на то, что именно это они любой ценой пытались не допустить в 1815, 1854 и 1879 годах) [19, С. 18]. Необходимость исполнения данного соглашения отпала после проведённой Англией, Францией, США в 1918 году вооружённой интервенции в России (на фоне которой оказание запрашиваемого политического убежища царской семье Англией, другими родственными домами действительно было бы непоследовательным решением и могло поставить в неудобное положение короля Георга V). Нельзя не упомянуть активную поддержку теми же государствами стран-лимитрофов и Польши в период между 1-й и 2-й Мировыми войнами.

Следовательно, в соответствии с правилами риск-менеджмента вышеизложенное, в том числе результаты агрессии США, Израиля и союзных государств, даёт все основания считать, что соответствующие нормы международного права скорее предоставляют возможность для недобросовестного сохранения полученного экономического преимущества североатлантическими странами (которые последние сто лет более успешны на ниве юриспруденции, чем на поле боя) и не обеспечивают действительного справедливого возмещения вреда пострадавшим от агрессии государствам, их народам и препятствуют такому возмещению.

Результаты обеспечения международным сообществом гуманного отношения к русским военнопленным и оккупированному населению столь же сомнительны. Надо отметить, что ещё Каченовский Д.И. описывал природу войны и соответствующие обычаи Западной Европы, подчёркивая их рыцарскую корпоративную избирательность и не распространение на людей другой веры, сословий или которых они считали опасными для себя [20, С. 300]. Существенно позже Стучка подтверждал: «Рыцари облегчали себе военное ремесло, космополитическими рыцарскими правами, которые находили свое высшее выражение в боевой морали противоположной дикому истреблению, но рыцарское самоограничение прекращалось вне рамок господствующих клас-

сов. Право войны не признавалось и не соблюдалось европейскими странами в колониальных войнах в отношении туземцев» [47, С. 338]. Данный подход совпадает с теми правилами ведения войны, которые Гефтер описывал как традиционно сложившиеся при ведении европейскими странами, например, во время Американской войны за независимость или войн в Ост-Индии. Являлось нормой разорение неприятельской страны, если это является средством получить контрибуцию, вынудить неприятельские войска оставить позиции, занятые ими для защиты государства, наконец, «нанести неприятелю вред и образумить его, в случае восстания и возмущения» [5, С. 239].

Мартенс Ф.Ф. как современник и как специалист, касающийся профильных аспектов в силу своей профессиональной деятельности, свидетельствует нам о том, что во время Крымской войны и Русско-турецкой войны в 1877 году обращение с русскими пленными и ранеными отличалось «невероятными зверствами», практика Красного креста на них не распространялась, а англичане и французы находили в себе основания не только для военной борьбы, но и для уничтожения культурных ценностей во время их нахождения в Крыму [28, С. 351, 358, 359].

Кроме того, Мартенс предоставляет нам сведения о примерах решений французских, английских, немецких, турецких властей, которые принимались и исполнялись на протяжении практически всех войн 18го – 19го веков в результате чего можно сделать вывод, что практика грабежа, реквизиций у населения, уничтожения мирного населения, его массового насильственного перемещения, использования в качестве заложников, «живого щита» и инструмента борьбы с воюющими регулярными частями и партизанскими отрядами, а также рекрутирование оккупированного населения является обычным для европейских стран.

В целях настоящей работы нельзя не вспомнить об избирательной расправе шведов над русскими пленными после битвы под Фрауштадтом в 1706 году, в то время как к солдатам других стран отношение было подчёркнуто рыцарским. Нельзя не напомнить, что государственный гимн Польши основан на песне, которая прославляет Наполеона, Чарнецкого и Костюшко. Первый начал с того, что велел заколоть 6000 сдавшихся в плен под Яффой в 1799 году (чтобы сберечь патроны) и стал известен систематическим разграблением попавшихся ему населённых пунктов, последние два – своими приказами в отношении мирного населения и военнопленных.

История обращения с русскими военнопленными до настоящего момента полностью повторяет вышеизложенное. Если история и знает иное обращение с нами, то эти случаи должны

быть выявлены и тщательно исследованы для выяснения обеспечивших их причин. Однако, случай маниакального истребления советских военнопленных силами преимущественно австрийского мирного населения за месяц до вступления Красной армии на территорию Австрии в марте 1945 года, которая вошла в историю как «Мюльфиртельская охота на зайцев», является тем фактором, который необходимо включить в исследование функционирования гуманитарного права. Подвиг семьи Лангталер, которая смогла быть «не как все», достоин того, что бы и сейчас о нём упомянуть, но он доказывает, что международные нормы обращения с военнопленными и регулирующие отношение к другим народам не работают даже в той ситуации, когда не только правосознание, но и чувство самосохранения должны были бы подсказать правильное решение. Однако, следует отметить, что данное преступление практически никак не отразилось на судьбе практически всех австрийских «охотников». Не формирует ли международное гуманитарное право парадигму, что опаснее быть защитником России, чем её противником, так как неотвратимое и равнозначное возмездие практически никогда не грозит им, а умиротворяющая гуманная политика скорее провоцирует жестокое отношение? Кто защитит защитников и как участвует в этом отечественная школа права?

При оценке результативности вышеуказанных норм международного права необходимо отметить ещё более важный фактор, так как он связан с несравненно большим количеством жертв и разрушений. За последние четыреста лет основные боевые действия, массовая гибель мирного населения (но с точки зрения оккупантов – сопротивляющихся партизан), тотальное разрушение социальной инфраструктуры в Евразийской части мира происходят практически на одной и той же территории – территория, основную часть которой занимает Ленинградская, Псковская, Новгородская, Смоленская области, а также Белоруссия, Центральная и Восточная Украина и другие области от линии Румыния-Польша до Москвы. Территория Псковской и Смоленской области за это время опустошалась каждое столетие (а иногда и по несколько раз) в результате нахождения на них военных одних и тех же стран – Польша, Швеция, Франция, Германия, Италия, Англия. С жертвами, понесёнными на данной территории, могут сравниться только жертвы Китая, начиная с Опиумных войн до времён 2-й Мировой войны, голодомор в Британской Индии 1943 года или жертвы Вьетнама, Ирака и Сирии.

В любом случае, методы обращения с местным населением и борьба с партизанами войск Наполеона, Веллингтона, Шварценберга и Блюхера, о которых нам сообщает Мартенс

[28, С. 343], ничем не отличаются от поведения англичан, американцев в 1918 – 1919 годах, а также немцев, финнов, прибалтов и поляков, итальянцев, французов, румын, испанцев, венгров, японцев и т.д. в 1941 – 1945 годах. Методы ведения войны США и союзников, путём тотального уничтожения всего находящегося на территории известны как в 20-м, так и 21-м веке, что подтверждали президент Трамп или Нетаньяху.

Следовательно, ни история войн, ни история международного права не содержит в себе каких-либо сведений о том, чтобы гуманитарное право вооружённых конфликтов защитило население и военнопленных государств, не относящихся к североатлантическим, или помогало в равной мере. Последние является особенно важным, так как с 1453 (окончание Столетней войны и падение Восточной (Византийской) Римской империи – точка отсчёта формирования современной системы европейских государств и международных отношений) по 1953 год (фактическое окончание Корейской войны и окончательное формирование современной североатлантической системы международных отношений) большинство произошедших войн и актов агрессии, геноцида были инициированы одними и теми же странами: Англия, Франция, Италия, Испания, Швеция и Германия. Наличие указанного рубежа начала современной эры глобальной политики признаёт и С. Хантингтон в «Столкновении цивилизаций» [44, С. 14].

Чаадаев П.Я. не зная по чьей вине и какие несоизмеримо большие страдания выпадут на долю народов России в последующее время говорил: «Народы России прошли через такие испытания, что народы запада не могли бы преодолеть и половины в своих мечтах» [46, С. 406]. Нельзя не задать вопрос, как бы выглядели Мюнхен и Бавария, если бы также часто разорялись войной как Псковщина?

Можно и нужно не только удивляться долгосрочной способности одних и тех же стран быть одновременно во главе «мирного процесса» и процесса развязывания войн, а также их умению причислить к ответственности за войны те страны, за счёт которых они обогащались и которые больше всего из-за них же и страдали, но и неспособности большинства других государств обеспечить в долгосрочной перспективе сохранение в своих системах государственного управления и правовых системах исторической памяти о соответствующих постоянных критических для них рисках. Объяснить это иначе как эффектом Земмельвейса невозможно. Важно определить перечень юридических и политических методов, которыми пользуются страны-агрессоры, страны-провокаторы для достижения своих целей, а также разработать равнозначные меры противо-

действия и сделать их достоянием международного публичного права.

Вышеизложенное на основе метода моделирования позволяет утверждать, что современное гуманитарное право скорее обеспечивает агрессивную политику североатлантических стран, а также страхует их от справедливого возмездия в случае неудачи, чем позволяет всем народам и государствам мира приблизиться к всеобщей безопасности.

Данное предположение подтверждается результатами сформировавшейся после 2-й Мировой войны практики привлечения к ответственности за военные преступления. Нюрнбергские и Токийские процессы показали, что к ответственности привлекается только незначительная часть людей, которые медийно известны, но и это очень выборочно и не пропорционально причинённому ими злу. Пример императора Хирохито (1901 – 1989), Маннергейма (1867 – 1951) и Франко (1892 – 1975) доказывает, что можно совсем не понести наказания. Хусейну и Милошевичу – не повезло. Однако, для отечественной школы права более важно сохранение и понимание причин проведения Хабаровского процесса, который во многом являлся реакцией СССР на предвзятое и сочувствующее к военным преступникам отношение. Но и Хабаровский процесс нельзя признать примером правосудия, который восстанавливает справедливость и обеспечивает профилактику подобных преступлений и способствует последующему миру. Правовыми методами не была обеспечена ни соответствующее преступлению наказание, ни сохранение исторической памяти. В результате, практически всё руководство японского «Отряда 731», занимавшегося разработкой, применением биологического оружия и опытами над людьми – пытками, вернулось домой в период с 1951 по 1956 годы, и пользовалось в Японии уважением и защитой (что доказывает обращение Ассоциации бывших военнопленных Японии за их реабилитацией в Генеральную прокуратуру РФ в 1993 году. Не получили ли мы в исторической перспективе обратный эффект – закрепление в Японии за Россией репутации страны, которая необоснованно и негуманно издевалась над их военнопленными, которые честно исполняли свой воинский долг и не более?).

Дело лейтенанта Келли, допустившего «эксцесс исполнителя» при уничтожении нескольких десятков женщин и детей в деревне Сонгми, или военных в тюрьме Абу-Грейб, наказание которых было аналогично наказанию хулигана позволяет утверждать, что международное гуманитарное право фактически не является таковым, так как функционирует выборочно и в первую очередь основано на праве сильного и политических решениях, основанных на воле суверенного госу-

дарства. Более подробную статистику можно получить от Amnesty International, но это только усилит проблематику. В любом случае, в настоящем исследовании нельзя не учитывать действие внутригосударственного федерального закона США American Service-Members' Protection Act, ASPA (Title 2 of Public Law No. 107—206, H.R. 4775, 116 Stat. 820) или Закон о защите американских военнослужащих или неформально «Акт о вторжении в Гаагу», принятый в 2002 году, который фактически устанавливает пределы для всего профильного международного права. С точки зрения высшего политического руководства США только они имеют право оценивать действовали ли их комбатанты с преступными намерениями или печальные последствия вызваны лучшими из возможных решений американского командования на тот момент борьбы с вражескими силами. В результате расстрел десятка человек может быть наказан, а гибель сотен в результате ковровой бомбардировки нет. Результаты работы Международного трибунала по бывшей Югославии также не позволяют сомневаться в избирательности гуманитарного международного права и вынесении решений только благодаря воле и могуществу государства-победителя.

Следовательно, актуальным становится вопрос о принципиальной возможности согласовать участниками международного общения и обеспечить реальное соблюдение профильных норм международного права. При ответе на данный вопрос необходимо учитывать тот факт, что чрезвычайно сложной задачей даже для юриста является выявление и ознакомление с исчерпывающим перечнем десятков международных актов, регламентирующих гуманитарное право и практику его применения. Разобраться в том какой конкретно текст является действующей редакцией, в какой части и для какого государства является гораздо более сложной задачей. Уяснить для дальнейшего исполнения весь комплекс данных многостраничных актов, разобравшись в их соотношении, может только узко специализирующийся на данной теме профессионал. Задача обеспечить одинаковое восприятие и исполнение одних и тех же норм гуманитарного права юристами разных государственных правовых систем и правовых семей гарантированно неисполнима.

Однако, это не является главной сложностью и недостатком. Предполагается, что данные нормы одинаково и непосредственно должны соблюдаться от рядового партизана до верховного главнокомандующего, монарха и президента по обе стороны фронта, а также гражданским населением воюющих государств (не юристами). Более того, предполагается, что исполнение данных норм должно иметь преимущественную мотивирующую силу при принятии решения на театре

военных действий: в первую очередь исполнять международное право несмотря на увеличивающиеся риски своей гибели и проигрыша в войне своего государства или поступать таким образом как подсказывает в конкретный момент логика выживания с отнесением на потом абстрактные риски несоблюдения международного права (особенно, как показывает история, если воюешь против России)?

С учётом вышеизложенного, методы индукции и моделирования предлагают наиболее вероятный ответ, что нормы международного гуманитарного права утратили изначальное назначение для применения на местах и более не предназначены для достижения тех целей, которые были изначально заявлены, трансформировавшись в инструмент воздействия на процесс принятия и исполнения решений высшим военным и политическим руководством государства в критическое для них время. Правоту указанной концепции подтверждает и тот факт, что современное международное публичное право утратило существовавшие в его рамках несколько столетий такие правовые категории как «самосохранение государства», «основные права государства», которые существовали в период формирования большей части норм современного гуманитарного права, на что указывал профессор Владимир Михайлович Корецкий в своей работе «Проблема «основных прав и обязанностей государств» в международном праве» [21. С. 416]. Современное толкование принципа самообороны, не имея возможности отменить в реальной жизни конституционные обязательства обеспечения сохранения и безопасности государства, всё же способствует увеличению рисков для большинства государств в следствие усложнения диалога между государствами перед началом конфликта, а также в результате невозможности полноценного сопротивления недружественному воздействию, родственному мерам поддержки «оранжевых революций».

Можно принять за доказанное, что исполнение гуманитарного права зависит только от воли конкретной государственной власти и её понимания иерархии факторов при принятии соответствующих государственных решений, что выдвигает на первый план необходимость обладания внутригосударственными компетенциями и ресурсами для надёжного контроля за процессом международного нормотворчества и государственного законодательства. Более того, история подтверждает, что скорее такой подход соответствует природе государства и международных отношений, чем попытка последних десятилетий обеспечить исполнение гуманитарного права на надгосударственном уровне, в том числе за счёт международных организаций. Вышеука-

занное утверждение уже имеет подтверждение в истории международных отношений и отечественной школы права.

В 1947 году СССР поставил перед ГА ООН вопрос о запрещении пропаганды войны и предложил всем государствам издать у себя закон об уголовной ответственности за пропаганду агрессии [3, С. 402]. Под пропагандой скорее понимался достаточно широкий спектр мероприятий, который во всём комплексе обеспечивал формирование международного и внутригосударственного общественного мнения, поддерживающего необходимость военного противостояния между государствами, чем буквальное скандирование призывающих к войне лозунгов. В единообразии действий и установлении единых запретов, которые в целях обеспечения сохранения и безопасности государства обеспечивались бы внутригосударственным законодательством, виделось решение вопроса достижения всеобщей безопасности.

Подобный подход не был революционным для того времени. «Конвенция о защите прав человека и основных свобод» 1950 года в статье 15 «Отступление от соблюдения обязательств в чрезвычайных ситуациях» также делает акцент на волю конкретного государства и предусматривает, что в случае войны или при иных чрезвычайных обстоятельствах, угрожающих жизни нации, возможно отступление от неё при наличии общей оговорки о непротиворечии таких мер другим обязательствам по международному праву, но признаётся возможность гибели людей в результате правомерных военных действий.

16.07.1956 года Верховный Совет СССР обратился к парламентам всех стран мира о разоружении в котором констатировалось, что усилия ООН за десять лет работы не увенчались успехом и необходимо каждому предпринимать меры, не дожидаясь пока ООН сможет найти приемлемое для всех решение [18, С. 936].

Международный пакт о гражданских и политических правах, принятый резолюцией 2200 А (XXI) ГА ООН от 16.12.1966 года, в статье 20 предусматривает запрет пропаганды войны и всякое выступление в пользу национальной, расовой или религиозной ненависти, представляющее собой подстрекательство к дискриминации, вражде или насилию и предполагает обеспечить достижение цели в результате принятия участниками международного общения своих соответствующих законов.

Однако, заявленных результатов и действительного исполнения инициатива СССР не нашла. В результате, борясь «с безнаказанностью, ведущейся агрессивными кругами некоторых государств пропаганды войны», был принят Закон Верховного Совета Союза ССР «О защите

мира» от 12.03.1951 года, который в одностороннем порядке установил «Считать, что пропаганда войны, в какой бы форме она ни велась, подрывает дело мира, создаёт угрозу войны и является ввиду этого тягчайшим преступлением против человечества. Лиц, виновных в пропаганде войны, предавать суду и судить как тяжких уголовных преступников.». Практический результат данный закон обеспечивал только в одном случае – провозглашение государством своего права наказания как своих граждан, так и иностранных за вышеуказанную деятельность.

К сожалению, результат оказался совершенно иным и скорее оказал негативное воздействие на отечественную школу права и иные социальные науки. Статья 59.7. УК РСФСР 1926 года, которая запрещала пропаганду или агитацию, направленную на возбуждение национальной или религиозной вражды или розни, стала замещаться запретом «пропаганды войны в любой форме». Статья 71 УК РСФСР 1960 года «Пропаганда войны» уже запретила «пропаганду войны, в какой бы форме она ни велась», но утратила изначальную первую составляющую.

Североатлантические государства и родственные им системы не восприняли данную норму права, но сохранили доктрину о том, что государство может подвергать уголовному наказанию иностранного гражданина в случае, если его деятельность создаёт риски определённого характера, что подтверждает уголовное законодательство Израиля и Чикагская доктрина постконфликтной юстиции. В результате, запрет «пропаганды войны» в любой форме если и повлиял на что-то, то это на сокращение в СССР работ в области юриспруденции, изучающих риски и проблематику международных и межнациональных отношений. Следует отметить крайне важное обстоятельство, что по своему характеру данная норма отечественного законодательства, существенно отличалась от современных ей положений уголовного законодательства североатлантических государств, которые запрещали именно «агрессивную войну» не смотря на тот факт, что в условиях международного общения практически невозможно объективно установить первоисточник агрессии. В последствии государства Варшавского договора и Россия перешли в своём уголовном законодательстве к формулировке о запрете «агрессивной войны». Однако, определённые возможности отечественной школой права были опять упущены, так как призывы и стремление наиболее авторитетных в сфере международного права государств «нанести России стратегическое поражение» и назначать меры уголовного принуждения вне всеобщего согласия членов СБ ООН очевидны.

Следует признать за традиционную про-

блему то, что как минимум со времён П.Я. Чаадаева, отечественные социальные науки имеют слабое представление о различии между такими социальными категориями как «пропаганда войны в любой форме», «возбуждение ненависти либо вражды, унижение достоинства человека либо группы лиц по признакам пола, расы, национальности, языка, происхождения, отношения к религии, а равно принадлежности к какой-либо социальной группе» (статья 282 УК РФ), с одной стороны, и процессом выявления, описания, исследования преобладающего и устоявшегося в других странах негативного общественного мнения и восприятия России, её народов, в том числе в деле формирования социально-философских концепций и политико-правовых доктрин в целях обеспечения безопасности страны и её народов.

Таким образом, вышеизложенное более не позволяет сколь-либо полагаться на защиту действующих доктрин и норм международного права, призванных обеспечить мир и всеобщую безопасность. Современное международное гуманитарное право, во многом основано на гипотезе о необходимости создания надгосударственных институтов (как норм права, так и организаций), интегрирующих все государства посредством подчинения их единым алгоритмам и нормам поведения для воплощения идеи о всеобщем мире, а также на идее о независимости и самостоятельности государств как первопричине войн.

С точки зрения истории России, Китая, Индии, Кореи, Кубы, Вьетнама, Гренады, Сербии, Ирака, Сирии указанный подход нельзя признать успешным ни при каких обстоятельствах. Скорее миролюбие и буквальное соблюдение требований норм всеобщей безопасности одними государствами и умение североатлантических стран осуществить интервенцию и каждый раз с помощью международного права не понести реальной ответственности, способствовало развязыванию большинства современных войн. Однако, с данными выводами они не смогут смириться.

Кроме того, при вышеуказанном подходе не только не доказано, но и отсутствует достоверное объяснение причинно-следственной связи между желаемым и предлагаемым, а также отсутствует учёт рисков для тех, кто действительно понадеялся и доверился силе декларируемых норм. Действительность показывает, что несмотря на то, что главными сторонниками данной позиции являлись разработавшие её наиболее влиятельные в международном праве североатлантические государства, они же во имя достижения своих целей всегда находили способ исполнять соответствующие нормы права в соответствии со своими исключениями. Очевидно, что описываемая указанную доктрину формула: «всем (государствам) один алгоритм (поведения) для

достижения одной абстрактной цели (избежания агрессивной войны)» не соответствует интересам большинства государств.

Необходимо отметить, что Хайек раскрывает европейское видение природы и действительной силы социально-философской концепции и политико-правовой доктрины, законодательства следующим образом: «Власть абстрактных идей покоится, главным образом, на том, что большинство людей воспринимают не как теории, а как самоочевидные истины, выступающие в роли неявных предпосылок.», «Процесс изменения законов с редкой наглядностью демонстрирует, как доминирующие концепции ведут к непрерывным изменениям, порождая меры, непредвиденные и нежелательные, но со временем ставшие неизбежными. Каждый отдельный шаг является во многом неожиданным результатом действия предыдущих решений на основании действующих концепций, формируя «внутреннюю динамику законодательства» [43, С. 84, 88]. Политика открытого общества Сороса формируется на тех же принципах, которые позволяют актору двигаться к своей цели без заботы о истине и за счёт других, даже, если для них наступают неблагоприятные последствия, вызванные его советами или иной деятельностью, что называется теорией «плодотворных ошибок», лежащей в основе его же теории исторического развития, которая предусматривает, что «ущербные теории и политические установки» могут приносить временную пользу, но никогда не могут быть плодотворными вечно [37, С. 70, 180]. Главное уметь вовремя переходить от одной к другой, в том числе создавая их.

Учитывая изложенные риск-факторы, пока риски, возможности и поведение всех государств не станут обеспечивать взаимное сохранение и безопасность, следует принять в качестве рабочей концепции утверждение о невозможности объективного единообразного определения войны и её рисков в международном праве. Для одних государств – это постоянный вопрос своего экзистенциального выживания, но не благополучия; для других – вопрос улучшения своего материального благополучия, при разных рисках и возможностях в случае поражения или победы. Хотя принцип нормативности предполагает, что право, в том числе международное, должно регулировать соответствующие социальные явления и предлагать методы их решения «в одном знаменателе».

Следовательно, прежде чем обеспечивать безопасность и соблюдение гуманитарного права сразу в мировом масштабе целесообразно первым этапом «упростить» решение до размеров обеспечения сохранности, безопасности и благополучия России и её граждан и только на базе этого переходить к последующим этапам. Следу-

ет отметить, что такой подход будет новым для отечественной школы права последних шестидесяти лет, которая традиционно рассматривала его сразу в мировом масштабе, хотя конституционная обязанность обеспечивать сохранность, безопасность и благополучие народов своего государства является высшей обязанностью каждого в доступных ему сферах жизни. Данное обстоятельство ставит задачу самостоятельно разработать юридические методы обеспечения сохранности, безопасности и благополучия государства, его народов. В любом случае, мировая история показывает, что безопасность Чехии и Китая, Эстонии и Англии обеспечивается разным набором средств и методов; процесс обеспечения безопасности Китая и Индии может быть во многом схож, но обеспечение безопасности России требует преимущественно уникальных решений.

Д.И. Менделеев в «К познанию России» указал «Из-за грубой подражательности, того гляди, призовутся новые беды и несоответствие с тем, что имеется налицо и что требует своих последствий и сознательных желаний, стремлений, обсуждений и мероприятий. Страна-то, ведь, наша особая, стоящая между молотом Европы и наковальней Азии», «Россия, содержа войско и не поддаваясь утопическим соблазнам «разоружения», может, благодаря своему положению, играть важную роль в общем концерте мирного соглашения всех стран, ... Дружественное сближение с Китаем полезно тем более, что Китай граничит с нами непосредственно и если задумает что-либо против Европы, то прежде всего может причинить нам много зла» [31, С. 3,69].

В целях настоящей работы можно признать, что именно природе государственного суверенитета свойственно реальное обеспечение соблюдения в сфере международного взаимодействия законов войны, гуманитарного права и всеобщей безопасности, так как на деле только данный институт может обеспечить оценку причиняемого его государству вреда и инициировать его защиту. Никто не будет защищать государство, если оно само не захочет себя защищать. Исходя из имеющегося инструментария и с учётом исторических фактов, в первую очередь, целесообразно изменить последовательность решения и рассматривать не ограничение института государственного суверенитета как метод обеспечения всеобщей безопасности, а, наоборот, развитие института государственного суверенитета как способ реального соблюдения международных законов войны, гуманитарного права и всеобщей безопасности.

Следовательно, целесообразен переход к формуле: «всем (государствам) разные алгоритмы (поведения) для постоянного выполнения множества конкретных равноценных и взаимных

задач, качество исполнения которых всегда очевидно». В основе данного принципа лежит идея не интеграции, а конвергенции (лат. *con* «вместе» + *vergere* «направленность, стремление; склоняться»), когда разные неродственные виды приобретают схожие черты в результате длительного функционирования в схожих условиях (главное, что бы соответствующие государства действительно оказались в них).

Можно утверждать, что данный подход будет более соответствовать природе международного права, определяемого как комплекс норм поведения, обеспечивающих стабильное и предсказуемое взаимодействие участников международного общения, который формируется в результате их разноразличных волевых усилий в целях обеспечения собственного сохранения, безопасности и благополучия. В любом случае, каждый из вышеизложенных в настоящей работе примеров связан с рисками такого высокого уровня для государств и их народов, что ни одному из пострадавших государств невозможно ни один из них пропустить, не предприняв в целях их минимизации самостоятельной исследовательской и практической деятельности в сфере международного права.

Следствием вышеизложенного должно быть создание на основе идеи о государственном суверенитете как основе соблюдения международных законов войны, гуманитарного права и всеобщей безопасности (а также с учётом исторического опыта и описываемых им геополитических рисков) комплекса социально-философских и политико-правовых доктрин с последующей их реализацией во внутригосударственном законодательстве Российской Федерации. Данные меры должны прямо и однозначно распространяться на всех лиц, не являющихся гражданами России, и постоянно обеспечивать действительную (в том числе профилактическую) и постоянную защиту всех органов государственного руководства и управления (принятия и исполнения государственных решений), а также сделать заведомо критически опасным как для непосредственных исполнителей, так и для обеспечивающих, поддерживающих их деятельность лиц причинение вреда русским военнопленным, раненым, оккупированному населению, гражданской инфраструктуре. Скорее такой подход позволит выстроить стабильное и предсказуемое взаимодействие с другими участниками международного общения в деле соблюдения необходимых законов войны, гуманитарного права и всеобщей безопасности, закрепив их посредством международных актов, учитывающих взаимные интересы, возможности и риски (что особенно важно в условиях зависимости любой государственной власти от общественного мнения), чем попыт-

ка исправления текущих норм международного права, многократно доказавших свою низкую результативность (что не означает их полный отказ от них).

Список литературы:

- [1] Бекашев К.А. Международное публичное право: учебник. – Москва, 2021.
- [2] Белинский В.Г. Собрание сочинений. В 9-ти томах. Т. 5. Статьи, рецензии и заметки, апрель 1842 – ноябрь 1843 года. / Ред. М.Я. Поляков. М., 1979.
- [3] Вышинский А.Я. Вопросы теории государства и права. – М., 1949.
- [4] Генри Э. Гитлер над Европой / Перевод с английского Л. Борового. – Москва, 1935.
- [5] Гефтер А.-В. Европейское Международное право / перевод Бар. К. Таубе. – С-Петербург, 1880.
- [6] Горбунов В.Е. Международное право как инструмент управления рисками в условиях смены миропорядка. Право и правосудие в современном мире. Сборник научных статей молодых исследователей. / Под общ. ред. Я.Б. Жолобова, А.А. Дорской. – СПб.: Астерион, 2024: 212-222.
- [7] Горбунов В. Е. Государственный суверенитет как неизвестная переменная в международном праве // Актуальные вопросы юридической науки глазами молодых исследователей: сб. ст. по итогам Четвёртой Всероссийской научн. конф. курсантов, студентов, адъюнктов, аспирантов и соискателей / под ред. В. А. Илюхиной. М., 2025: 262-266.
- [8] Горбунов В.Е. Историческая память и проблема обеспечения государственного суверенитета: международно-правовой аспект. Право и управление. XXI век. 2026;22(1):166-177.
- [9] Государство Израиль. Закон об уголовном праве Израиля / Предисл., пер. с иврита: магистра права (LL.M) М. Дофман; науч. Ред. канд. юрид. наук Н.И. Мациев. – СПб., 2005.
- [10] Давид Рене. Основные правовые системы современности (сравнительное право) / перевод с французского д.ю.н. М.А. Крутоголова, к.ю.н. В.А. Туманова. – М., 1967.
- [11] Дипломатический словарь в 3-х томах, Том I А – И. / глав. ред. Громыко А. А., Ковалев А. Г., Севостянов П. П., Тихвинский С. Л. – М., 1984.
- [12] Дипломатический словарь: в 3 т. Т. III. С–Я. / глав. ред. Громыко А. А., Ковалев А. Г., Севостянов П. П., Тихвинский С. Л. – М., 1986.
- [13] Домрин А. Н.: Антироссийское законодательство США // Кв. – 2019. – № 4 (22). сайт: URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/antirossiyskoe-zakonodatelstvo-ssha> (дата обращения: 04.07.2026).
- [14] Дугин А.Г. Международные отношения. Парадигмы. Теории. Социология: Учебное пособие для вузов /3-е изд. – М.: Академический проект, 2024.
- [15] Йеллинек Г. Право меньшинства. Доклад, читанный в юридическом обществе в Вене. – Москва, 1906.
- [16] Иванов Л. Лига Наций. – М., 1929.
- [17] Институт международного права. Сайт Institut de droit internationale: <https://www.idi-iil.org/en/publications-par-categorie/declarations> / (дата обращения: 04.07.2026).
- [18] История советской конституции (в документах) 1917 – 1956. – М., 1957.
- [19] История дипломатии. Том III. Издание второе, переработанное и дополненное. / под редакцией А.А. Громыко, И.И. Земскова, В.А. Зорина, В.С. Семенова, С.Д. Сказкина, В.М. Хвостова. – Москва, 1965.
- [20] Каченовский Д. И. Курс международного права. Часть 1. Книга 2. – М., 2025.
- [21] Корецкий В.М. Избранные труды. в 2 кн. Кн. 2. Киев, 1989.
- [22] Курс международного права. / Ред. коллегия: Кожевников Ф. И., Менжинский В. И., Мовчан А. П., Морозов Г. И. – М., 1966.
- [23] Курс международного права в шести томах. Том V. Основные институты и отрасли современного международного права. / Главная редакция Ф.И. Кожевников, В.М. Корецкий, Д.Б. Левин, Г.И. Тункин, Н.А. Ушаков, В.М. Чхеидзе (руководитель), В.М. Шуршалов. – М., 1969.
- [24] Курс международного права. В 7 т. Т. 6. Отрасли международного права / И.Н. Арцибасов, И.И. Лукашук, Б.М. Ашавский и др. – М., 1992.
- [25] Листъ Ф. Международное право в систематическом изложении / Перевод съ шестого немецкого издания под редакцией и съ дополнениями проф. В.Э. Грабаря. Четвертое русское издание, исправленное и дополненное. – Юрьев (Дерпт), 1917.
- [26] Лукашук И.И. Международно-правовое регулирование международных отношений. – М., 1975.
- [27] Лукашук И.И. Международное право. Общая часть. Учебник. – М., 1997.
- [28] Мартенс Ф.Ф. Современное международное право цивилизованных народов. В 2-х томах. Том 1 / Под редакцией с биографическим очерком доктора юридических наук, профессора В.А. Томсинова. – М., 2008.
- [29] Мартенс Ф.Ф. Современное международное право цивилизованных народов. В 2-х томах. Том 2 / Под редакцией с биографическим очерком доктора юридических наук, профессора В.А. Томсинова. – М., 2008.
- [30] Международное право: Учебник. / Егоров С.А., отв. ред. д.ю.н., проф. – М., 2016.

[31] Менделеев Д.И. К познанию России. – М., 2021.

[32] Некоторые вопросы философии. Учебное пособие для студентов. / Авторы и редакторы к.ф.н., доц. Г.В. Чефранков, к.ф.н., доц. И.И. Логанов, к.ф.н., доц. И.А. Донцов. – Таганрог, 1967.

[33] Олбрайт М.: CBS «60 минут», 1996: сайт: URL: <https://tass.ru/encyclopedia/person/olbrayt-madlen> (дата обращения: 04.07.2026).

[34] О принятии резолюции о борьбе с героизацией нацизма в Третьем комитете 80-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН /Министерство иностранных дел Российской Федерации. Сайт: URL: https://mid.ru/ru/foreign_policy/news/2059462 (дата обращения: 04.07.2026).

[35] Палухина Е. С. Политика исторической памяти в странах ЕС: смена парадигмы или банальная фальсификация истории? // Философия права. – 2023. – № 2 (105). Сайт: URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/politika-istoricheskoy-pamyati-v-stranah-es-smena-paradigmy-ili-banalnaya-falsifikatsiya-istorii> (дата обращения: 04.07.2026).

[36] Рассел Б. История западной философии II. – М., 1993.

[37] Сорос Дж. Открытое общество. Реформируя глобальный капитализм / Пер. с англ. – М., 2001.

[38] ТАСС. Halk TV: в Турции Нетаньяху объявили в международный розыск через Интерпол. Сайт: URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/27916477> (дата обращения: 14.07.2026).

[39] Таубе М.А., бар. Вечный мир или вечная война? (Мысли о «Лиге Націй»). Съ facsimile неизданного письма Л.Н. Толстого от 18 Декабря 1903 г. – Берлинъ, 1922.

[40] Тункин Г.И. Идеологическая борьба и международное право. – М., 1967.

[41] Тункин Г.И. Теория международного права. / Под общей ред. проф. Л.Н. Шестакова. – М., 2025.

[42] Хадсон Менли О. Международные суды в прошлом и будущем. – М., 1947.

[43] Хайек Ф.А., фон. Право, законодательство и свобода: Современное понимание либеральных принципов справедливости и политики / пер. с англ. Б. Пинскера и Кустарева под ред. А. Куряева. – М., 2006.

[44] Хантингтон С. Столкновение цивилизаций / пер. с англ. Т. Велимеева. – Москва, 2024.

[45] Харт Г.Л.А. Понятие права / Пер. с англ.; под общ. ред. А.В. Афонасина и С.В. Моисеева. – СПб., 2007.

[46] Чаадаев П.Я. Полное собрание сочинений и избранные письма. Том I. / – Москва, 1991.

[47] Энциклопедия государства и права. Том первый. / под редакцией П. Стучка. – Москва,

1929.

References:

[1] Bekyashev K.A. International public law: textbook. – Moscow, 2021.

[2] Belinsky V.G. Collected works. In 9 volumes. VOL. 5. Articles, reviews and notes, April 1842 - November 1843. /Ed. M.Ya. Polyakov. M., 1979.

[3] Vyshinsky A.Ya. Questions of theory of state and law. – M., 1949.

[4] Henry E. Hitler over Europe/Translated from English by L. Borovoy. – Moscow, 1935.

[5] A.-V. Geffer European International Law/ translation Bar. K. Taube. – St. Petersburg, 1880.

[6] V.E. Gorbunov. International law as a risk management tool in a changing world order. Law and justice in the modern world. Collection of scientific articles by young researchers. /Under the general. ed. Ya.B. Zholobova, A.A. Dorskaya. – St. Petersburg: Asterion, 2024: 212-222.

[7] Gorbunov V.E. State sovereignty as an unknown variable in international law // Current issues of legal science through the eyes of young researchers: Sat. Art. according to the results of the Fourth All-Russian Scientific. conf. cadets, students, adjuncts, graduate students and applicants/ed. V. A. Ilyukhina. M., 2025: 262-266.

[8] Gorbunov V.E. Historical memory and the problem of ensuring state sovereignty: international legal aspect. Law and governance. XXI century. 2026;22(1):166-177.

[9] State of Israel. Law on Criminal Law of Israel/Foreword, translated from Hebrew: Master of Law (LL.M) M. Dofman; scientific. Ed. cand. jurid. N.I. Matsiev. – St. Petersburg, 2005.

[10] David René. The main legal systems of our time (comparative law) /translation from French Doctor of Law M.A. Krutogolova, Ph.D. V.A. Tumanova. – M., 1967.

[11] Diplomatic Dictionary in 3 volumes, Volume I A - I./chapters. ed. Gromyko A. A., Kovalev A. G., Sevostyanov P. P., Tikhvinsky S. L. – M., 1984.

[12] Diplomatic dictionary: in 3 vols. T. III. S-Ya. /chapters. ed. Gromyko A. A., Kovalev A. G., Sevostyanov P. P., Tikhvinsky S. L. – M., 1986.

[13] Domrin A.N.: US Anti-Russian Legislation // Apt. – 2019. – № 4 (22). сайт: URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/antirossiyskoe-zakonodatelstvo-ssha> (дата обращения: 04.07.2026).

[14] Dugin A.G. International Relations. Paradigms. Theories. Sociology: Textbook for universities/3rd ed. – M.: Academic project, 2024.

[15] Iellinek G. Minority rights. Report read in the legal society in Vienna. – Moscow, 1906.

[16] Ivanov L. League of Nations. – M., 1929.

[17] Institute of International Law. Сайт

Institut de droit internationale: <https://www.idi-iiil.org/en/publications-par-categorie/declarations/>(дата обращения: 04.07.2026).

[18] History of the Soviet Constitution (in documents) 1917-1956. - M., 1957.

[19] History of diplomacy. Volume III. Second edition, revised and supplemented /edited by A.A. Gromyko, I.I. Zemskova, V.A. Zorina, V.S. Semenova, S.D. Skazkina, V.M. Khvostova. - Moscow, 1965.

[20] D. Kachenovsky Course of International Law. Part 1. Book 2. - M., 2025.

[21] Koretsky V.M. Selected works. in 2 books Kn. 2. Kyiv, 1989.

[22] Course of international law /Ed. collegium: Kozhevnikov F.I., Menzhinsky V.I., Movchan A.P., Morozov G.I. - M., 1966.

[23] International law course in six volumes. Volume V. Main institutes and branches of modern international law /Main edition F.I. Kozhevnikov, V.M. Koretsky, D.B. Levin, G.I. Tunkin, N.A. Ushakov, V.M. Chkheidze (leader), V.M. Shurshalov. - M., 1969.

[24] International law course. In 7 vol. 6. Branches of international law/I.N. Artsibasov, I.I. Lukashuk, B.M. Ashavsky et al. - M., 1992.

[25] Sheet F. International Law in a Systematic Presentation/Translation of the Sixth German Edition by the Editorial Board and Supplemented by prof. V.E. Grabarya. The fourth Russian edition, corrected and supplemented. - Yuriev (Derpt), 1917.

[26] Lukashuk I.I. International legal regulation of international relations. - M., 1975.

[27] Lukashuk I.I. International Law. General part. Textbook. - M., 1997.

[28] Martens F.F. Modern international law of civilized peoples. In 2 volumes. Volume 1/Edited with a biographical sketch of the Doctor of Law, Professor V.A. Tomsinova. - M., 2008.

[29] Martens F.F. Modern international law of civilized peoples. In 2 volumes. Volume 2/Edited with a biographical sketch of the Doctor of Law, Professor V.A. Tomsinova. - M., 2008.

[30] International law: Textbook /Egorov S.A., resp. ed. Doctor of Legal Sciences, prof. - M., 2016.

[31] Mendelev D.I. To the knowledge of Russia. - M., 2021.

[32] Some questions of philosophy. Textbook for students /Authors and editors Ph.D., Assoc. G.V. Chefrankov, Ph.D., Assoc. I.I. Loganov, Ph.D.,

Assoc. I.A. Dontsov. - Taganrog, 1967.

[33] Albright M.: CBS "60 Minutes," 1996: site: URL: <https://tass.ru/encyclopedia/person/olbrayt-madlen> (Accessed: 04.07.2026).

[34] On the adoption of a resolution on combating the glorification of Nazism in the Third Committee of the 80th session of the UN General Assembly/Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation. Site: URL: https://mid.ru/ru/foreign_policy/news/2059462 (access date: 04.07.2026).

[35] Palukhina E. S. Politics of historical memory in the EU countries: paradigm shift or banal falsification of history ? // Philosophy of law. - 2023. - № 2 (105). Сайт: URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/politika-istoricheskoy-pamyati-v-stranah-es-smena-paradigmy-ili-banalnaya-falsifikatsiya-istorii> (дата обращения: 04.07.2026).

[36] Russell B. History of Western Philosophy II. - M., 1993.

[37] Soros J. Open Society. Reforming global capitalism/Per. from English - M., 2001.

[38] TASS. Halk TV: In Turkey, Netanyahu was put on the international wanted list through Interpol. Site: URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/27916477> (access date: 14.07.2026).

[39] Taube MA, bar. Eternal peace or eternal war? (Thoughts on the "League of Nazis"). Facsimile unreleased letter to L.N. Tolstoy from December 18, 1903 - Berlin, 1922.

[40] Tunkin G.I. Ideological struggle and international law. - M., 1967.

[41] Tunkin G.I. Theory of international law /Under the general ed. Prof. L.N. Shestakova. - M., 2025.

[42] Hudson Menley O. International Courts Past and Future. - M., 1947.

[43] Hayek FA, von. Law, legislation and freedom: Modern understanding of liberal principles of justice and politics/trans. From English B. Pinsker and Kustarev ed. A. Kuryaeva. - M., 2006.

[44] Huntington S. Clash of civilizations/trans. With English. T. Velimeeva. - Moscow, 2024.

[45] Hart G.L.A. Concept of Law/Trans. from English; under the general. ed. A.V. Afonasina and S.V. Moiseeva. - St. Petersburg, 2007.

[46] Chaadaev P.Ya. Complete works and selected letters. Volume I./- Moscow, 1991.

[47] Encyclopedia of State and Law. Volume One /edited by P. Knock. - Moscow, 1929.

Дата поступления рукописи в редакцию: 13.08.2026 г.

DOI: 10.24412/2782-3849-2026-8-275-280

Дата принятия рукописи в печать: 31.08.2026 г.

ДРОГАЛИНА Светлана Андреевна,

аспирант 1 курса кафедры международного права ФГБОУВО

«Российский государственный педагогический университет

имени А.И. Герцена»,

e-mail: svetlanad01@yandex.ru

**ПРОБЛЕМА ОПРЕДЕЛЕНИЯ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА В МЕЖДУНАРОДНОМ
ПУБЛИЧНОМ ПРАВЕ: ОТ ОНТОЛОГИЧЕСКИХ СПОРОВ К ФУНКЦИОНАЛЬНЫМ
РЕШЕНИЯМ**

Аннотация. Статья посвящена проблеме, с которой сталкивается международное публичное право при попытке дать юридическое определение искусственного интеллекта. В технических науках до сих пор не сложилось единого понимания этого явления. Отсутствие общепризнанной научной дефиниции создает для права ситуацию, в которой регулировать технологию необходимо, а опереться на готовое знание невозможно. С помощью сравнительно-правового и формально-юридического анализа ключевых международных актов автор демонстрирует последовательный отход от попыток определить сущность искусственного разума. Взамен утверждается функциональный подход, при котором правовые нормы начинают описывать не то, чем является искусственный интеллект по своей природе, а то, как он действует и какие риски порождает. Параллельно наблюдается осознанная ставка на инструменты мягкого права и принцип предосторожности. Такие инструменты не обладают обязательной силой, но формируют ценностные ориентиры и со временем могут перерасти в жесткие нормы. Указанная гибкость позволяет праву своевременно реагировать на технологические изменения, не дожидаясь окончательного разрешения научных споров. В итоге складывается адаптивное правовое регулирование, которое признает границы доступного сегодня знания и одновременно обеспечивает необходимый уровень контроля над стремительно развивающимися технологиями.

Ключевые слова: искусственный интеллект, международное публичное право, правовая неопределенность, мягкое право, функциональный подход.

DROGALINA Svetlana Andreevna,

1st-year postgraduate student, Department of International Law,

Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education

«A.I. Herzen Russian State Pedagogical University»

**THE PROBLEM OF DEFINING ARTIFICIAL INTELLIGENCE IN INTERNATIONAL PUBLIC
LAW: FROM ONTOLOGICAL DISPUTES TO FUNCTIONAL SOLUTIONS**

Annotation. The article addresses the problem that public international law faces when attempting to provide a legal definition of artificial intelligence. In the technical sciences, there is still no consensus on the understanding of this phenomenon. The absence of a universally recognized scientific definition creates a situation for law in which the technology must be regulated, yet there is no established knowledge to rely on. Through a comparative legal and formal-legal analysis of key international instruments, the author demonstrates a consistent departure from attempts to define the essence of artificial intelligence. Instead, a functional approach is being established, whereby legal norms begin to describe not what artificial intelligence is by its nature, but rather how it operates and what risks it generates. Concurrently, there is a conscious reliance on soft law instruments and the precautionary principle. Such instruments do not have binding force, but they shape value orientations and over time may evolve into hard norms. This flexibility allows the law to respond in a timely manner to technological changes, without waiting for a final resolution of scientific disputes. The result is an adaptive legal regulation that acknowledges the limits of currently available knowledge while simultaneously providing the necessary level of control over rapidly developing technologies.

Key words: artificial intelligence, public international law, legal uncertainty, soft law, functional approach.

Введение

Одна из наиболее острых коллизий, с которой столкнулось международное публичное право в начале XXI века, связана с необходимостью регламентации технологий, сама сущность которых остается предметом незавершенных научных дискуссий. Понятие искусственного интеллекта, введенное Дж. Маккарти в 1956 году на Дартмутском семинаре, за прошедшие десятилетия так и не обрело общепризнанного научного наполнения. Инженерные дисциплины, когнитивная наука и философия сознания предлагают различные, иногда взаимоисключающие, трактовки интеллектуального поведения. Спектр этих трактовок простирается от оперирования абстрактными символами по строгим логическим правилам до незапрограммированных свойств, рождающихся внутри многослойных искусственных нейронов. Эта многозначность создает ситуацию, при которой объект регулирования ускользает от строгого определения именно в силу своей научной неопределенности.

Подобное положение дел не является простым терминологическим недоразумением и имеет глубокие корни. На протяжении десятилетий внутри самой науки об искусственном интеллекте конкурируют две парадигмы, по-разному объясняющие природу разума. Одна из них отождествляет интеллект с логическим выводом из явно заданных правил и в этом случае каждое решение машины может быть прослежено и проверено. Другая, напротив, видит в интеллекте результат обучения сети, внутренняя логика которой принципиально скрыта от внешнего наблюдателя. Этот «черный ящик» современных систем искусственного интеллекта лишает юриста возможности проследить причинно-следственную связь, на которой традиционно строится вменение ответственности. К тому же фундаментальный вопрос о том, способна ли машина действительно понимать свои действия или лишь искусно имитирует понимание, оставаясь инструментом, не получил окончательного ответа.

Подобная двойная неопределенность, как в отношении прозрачности причинно-следственных связей, так и в отношении самого статуса машинного интеллекта, ставит под вопрос привычные юридические конструкции, от уголовной ответственности за военные преступления, совершенные с применением автономных систем, до определения надлежащего ответчика в делах о причинении вреда беспилотным транспортным средством. Неудивительно, что доктрина и практика международного права оказались перед необходимостью искать обходные пути, позволяющие регулировать технологию, не дожидаясь окончательного разрешения споров о ее сущности.

Таким образом, международное право столкнулось с ситуацией, в которой ключевые факты о природе регулируемого явления не устояны, оценки сопряженных с ним рисков расходятся, а технологический прогресс не позволяет медлить с выработкой норм. И именно эта ситуация и предопределяет те нестандартные регуляторные стратегии, которые рассматриваются в настоящей статье.

Цель и задачи

Настоящая статья ставит перед собой цель показать, что фундаментальная научная неопределенность в вопросе о сущности искусственного интеллекта не парализует международно-правовое регулирование, а задает его особую логику. Для достижения этой цели необходимо последовательно решить три задачи. Во-первых, проследить противоречия внутри самой технической науки, которые делают невозможной выработку единой дефиниции и одновременно создают трудности для юридической квалификации действий систем искусственного интеллекта. Во-вторых, на примере действующих международных актов проследить, каким образом право отвечает на эту невозможность, переходя от сущностных определений к функционально-ориентированным описаниям. В-третьих, обосновать, что наблюдаемое доминирование инструментов мягкого права и опора на принцип предосторожности являются не признаком слабости формирующегося режима, а его закономерной и наиболее адаптивной чертой в условиях подобной научной ситуации.

Методология

Методологический инструментарий, задействованный в настоящей статье, носит комплексный характер, что обусловлено самой постановкой вопроса на стыке международного публичного права, философии науки и когнитивных дисциплин. Центральное место занимает системно-структурный подход, позволивший рассмотреть правовую неопределенность в сфере искусственного интеллекта не как недоработку отдельных нормативных актов, а как закономерное следствие глубинных проблем определения понятия внутри технических наук. Сравнительно-правовой метод применен при сопоставлении подходов к определению искусственного интеллекта, отраженных в документах различной юридической силы и географического охвата. Формально-юридический метод при анализе документов и целей, ради которых они создавались, позволил заметить, как их авторы намеренно отказываются от попыток определить сущность искусственного интеллекта и вместо этого описывают его через те функции, которые он выполняет. Поскольку предмет исследования лежит на пересечении дисциплинарных границ, работа с неиз-

бежностью выходит за рамки сугубо нормативного анализа. Так, отдельные положения философии сознания и истории вычислительной техники описываются в данной работе ровно в том объеме, в каком это необходимо для юридических обобщений. Наконец, элементы метода правового моделирования использованы при обосновании тезиса о том, что наблюдаемое сегодня доминирование мягко-правовых инструментов в сочетании с принципом предосторожности является не временным отступлением от идеала правовой определенности, а наиболее рациональной регуляторной стратегией в условиях динамично развивающихся технологий.

Результаты

Самое первое, что необходимо отметить при обращении к заявленной проблеме, это невозможность дать единое и непротиворечивое определение искусственного интеллекта [3]. Эта невозможность связана не с недостатком усилий со стороны ученых или юристов, а с тем, что внутри самой технической дисциплины на протяжении десятилетий сосуществуют два принципиально разных взгляда на природу моделируемого разума. Символьный подход, долгое время доминировавший в исследованиях, уподобляет интеллект логическому выводу из явно заданных правил [1, С. 97]. В этой картине мира любое решение системы может быть представлено как цепочка последовательных шагов, доступных проверке. Для права это наиболее комфортный случай, поскольку причинно-следственная связь прослеживается без труда, а сама система остается прозрачным инструментом, полностью подконтрольным человеку. Однако требование того, чтобы все необходимые знания были явно и исчерпывающе закодированы разработчиками, одновременно является и минусом данного подхода. Это делает создание таких систем чрезвычайно трудоемким, а их возможности сильно ограничены той конкретной предметной областью, для которой они проектировались. Любое изменение ситуации или предмета, не предусмотренное заранее, ставило экспертную систему фактически в тупик.

Современные системы искусственного интеллекта функционируют иначе. Знание в них не формулируется разработчиком в явном виде, а распределяется по множеству параметров, настраиваемых в процессе обучения [2]. Итоговое решение возникает как системный эффект взаимодействия тысяч или миллионов элементов. Внутренняя логика такого решения скрыта от наблюдателя, и даже создатели системы часто не могут проследить, почему на конкретную задачу было выдано именно это решение. Возникает эффект «черного ящика», который напрямую затрагивает юридическую сферу. Так, традиционные механизмы вменения ответственности, построен-

ные на оценке предвидимости и разумной связи между деянием и последствием, сталкиваются с объектом, чья причинно-следственная связь совершенно непрозрачна. Это и есть коннекционистский подход к исследованию искусственного интеллекта.

К этому техническому затруднению добавляется еще более фундаментальный спор. В философии сознания до сих пор не дан окончательный ответ на вопрос, способна ли машина действительно понимать совершаемые операции или она лишь манипулирует формальными символами, создавая иллюзию понимания. Если справедлива вторая точка зрения, то любой искусственный интеллект остается объектом права, а вся полнота ответственности лежит на человеке, то есть, на разработчике, операторе или пользователе. Если же допустить первую, то право в перспективе столкнется с необходимостью обсуждать формы квазисубъектности и, возможно, пересматривать устоявшиеся институты. Таким образом, наука не только не дает правоведам готового определения, но и не разрешает предварительного вопроса о том, с объектом какого рода мы имеем дело. Именно эта двойная неопределенность и образует тот эпистемологический фон, на котором разворачивается международное правотворчество в сфере искусственного интеллекта.

Осознав, что попытка закрепить в норме сущностную природу искусственного разума заведомо обречена на устаревание либо на бесконечные терминологические споры, международное право пошло принципиально иным путем. Анализ основных источников свидетельствует о последовательном смещении акцента. Так, вместо попыток дать определение интеллекту как таковому, внимание сосредоточивается на тех характеристиках систем, которые можно наблюдать и которые имеют юридическое значение.

Наиболее показателен в этом отношении Акт Европейского союза об искусственном интеллекте [4]. Его статья 3(1) определяет систему искусственного интеллекта через перечень признаков, не апеллирующих ни к разуму, ни к сознанию:

- машинная основа;
- автономность и адаптивность;
- воздействие на физические и виртуальные среды.

Ни один из этих элементов не является философски нагруженным. Все они могут быть эмпирически зафиксированы и при необходимости проверены техническим специалистом.

Сходную логику обнаруживает Рамочная конвенция Совета Европы об искусственном интеллекте, правах человека, демократии и верховенстве права, открытая для подписания в 2024 году [5]. Документ оперирует понятием машинно-

го обучения и логического вывода, но не пытается определить, где заканчивается автоматизация и начинается интеллект в содержательном смысле. Рекомендация ЮНЕСКО об этических аспектах искусственного интеллекта 2021 года применяет еще более осторожный подход, определяя искусственный интеллект через способность обрабатывать информацию способом, напоминающим разумное поведение [6]. Тем самым авторы сознательно вводят оговорку, позволяющую избежать ответа на принципиально неразрешимый вопрос о том, является ли интеллект машины подлинным.

Принципиально важно, что такие условные определения выполняют двойную задачу. С одной стороны, они задают достаточный уровень определенности, позволяющий правоприменителю идентифицировать объект регулирования здесь и сейчас. С другой стороны, они не претендуют на окончательность и при необходимости могут быть скорректированы без радикального изменения всей нормативной конструкции, поскольку изначально построены не на фундаменте вечных истин, а на временном согласии государств относительно того, какие технологические феномены требуют внимания. Таким образом, международное право отвечает на научную неопределенность не ее игнорированием, а созданием подвижных рамок, способных эволюционировать вместе с технологией.

Второй важнейшей чертой формирующегося международно-правового режима в сфере искусственного интеллекта выступает преобладание инструментов, не обладающих формальной юридической обязательностью.

Для понимания логики, которой руководствуются субъекты международного правотворчества в сфере искусственного интеллекта, принципиально важно разграничить два типа нормативных инструментов, традиционно обозначаемых как жесткое и мягкое право. Под жестким правом понимаются юридически обязывающие нормы, закрепленные в международных договорах, конвенциях или решениях наднациональных органов, нарушение которых влечет за собой конкретные правовые последствия в виде международно-правовой ответственности. Мягкое право, напротив, представляет собой свод положений рекомендательного характера, которые не обладают прямой принудительной силой, но способны формировать ожидаемое поведение государств и иных субъектов международного права через авторитет принявшего их органа, репутационные издержки, а также через последующее заимствование в национальное законодательство или деловую практику.

Так, очень большое количество документов международного права принимается именно в качестве документов мягкого права. К примеру,

принципы ОЭСР в отношении искусственного интеллекта, сначала принятые в 2019 году и обновленные в 2024-м [7], Рекомендация ЮНЕСКО об этических аспектах искусственного интеллекта 2021 года и другие документы. На первый взгляд, такой выбор может показаться свидетельством неспособности государств договориться о чем-то более весомом. Однако более глубокий анализ показывает, что мягко-правовая форма избрана вполне сознательно и является оптимальным ответом на подобную ситуацию.

Жесткая конвенционная норма, особенно в области стремительно развивающихся технологий, несет в себе два риска. Она рискует либо зафиксировать устаревшее состояние техники, превратившись в тормоз для инноваций, либо, напротив, преждевременно юридически урегулировать представления, которые последующие научные исследования опровергнут. Мягкое право свободно от этих недостатков. Оно задает общие ценностные ориентиры и процедурные стандарты должной осмотрительности, но оставляет государствам и корпорациям достаточную свободу для адаптации своих действий к конкретным обстоятельствам. При этом его влияние не является иллюзорным. Так, через механизмы репутационного давления, включения в национальные стратегии рекомендательные нормы постепенно «отвердевают», превращаясь в элементы жесткого регулирования, однако этот процесс идет органично, по мере накопления практики, а не волевым решением.

Методологическим фундаментом такого подхода выступает принцип предосторожности, реципированный международным правом из экологической сферы. Его классическая формулировка из Декларации Рио-де-Жанейро 1992 года, которая заключается в том, что отсутствие полной научной уверенности не должно служить причиной для отсрочки принятия мер по предотвращению потенциально серьезного или необратимого ущерба, как нельзя лучше описывает ситуацию с искусственным интеллектом [8]. Именно логикой предосторожности объясняется введение запретов на определенные виды практик искусственного интеллекта (социальный скоринг, отдельные методы биометрической идентификации) еще до того, как их вредоносность будет исчерпывающе доказана. С точки зрения классического правового подхода такое регулирование может показаться не вполне обоснованным. Однако в ситуации, когда риск серьезного ущерба высок, а время для принятия решений ограничено, упреждающие запреты представляют собой не чрезмерную осторожность, а осознанную стратегию управления неизвестностью.

Соединение принципа предосторожности с арсеналом мягко-правовых инструментов да-

ет международному сообществу ту степень гибкости, которая необходима для регулирования объекта, чья фундаментальная природа остается предметом спора. Право в этой модели не пытается догнать науку и тем более не стремится подменить ее своими суждениями о сущности разума. Оно выстраивает процедурные и ценностные рамки, внутри которых технологическое развитие может продолжаться, но под контролем и с распределением ответственности, адекватным масштабу рисков. Такой подход вряд ли можно назвать совершенным с точки зрения идеала правовой определенности, но в сложившихся условиях он представляется наиболее разумным компромиссом между необходимостью действовать и невозможностью знать наверняка.

Заключение

Таким образом, фундаментальная научная неопределенность относительно сущности искусственного интеллекта, вызванная многолетним противостоянием символического и коннекционистского подходов и неразрешенностью философского спора о машинном понимании, не блокировала развитие международно-правового регулирования, а придала ему своеобразную логику. Современное международное право отказывается от классического стремления к правовой определенности и исчерпывающих определений в пользу адаптивных норм, нацеленных на управление рисками в условиях, которые, судя по всему, останутся неопределенными и в обозримом будущем. Такой подход формирует гибкие границы, позволяющие технологиям развиваться под общественным контролем и при понятном распределении ответственности. В сложившихся обстоятельствах именно такое равновесие между необходимостью действовать и невозможностью достичь окончательного знания выглядит наиболее оправданным.

Список литературы:

- [1] Барбашова Е.В., Строганова М.В. Гибридные системы поддержки принятия решений: интеграция символического AI и машинного обучения // Экономика и качество систем связи, 2025. - № 4 – С. 96 – 106.
- [2] Добычина Н.В. «Нейронные сети, формализация смысла и будущее искусственного интеллекта» // Философские проблемы информационных технологий и киберпространства, 2011. - № 2 – С. 97 – 103.
- [3] Степаненко А.С. Системные подходы к проблематике определения искусственного интеллекта // Современные технологии. Системный анализ. Моделирование., 2008. – С. 216 – 221.
- [4] Регламент (ЕС) 2024/1689 Европейского парламента и Совета от 13 июня 2024 года, устанавливающий гармонизированные правила в

области искусственного интеллекта, и вносящий поправки в Регламенты (ЕС) № 300/2008, (ЕС) № 167/2013, (ЕС) № 168/2013, (ЕС) 2018/858, (ЕС) 2018/1139 и (ЕС) 2019/2144 и Директивы 2014/90/EU, (ЕС) 2016/797 и (ЕС) 2020/1828 (Закон об искусственном интеллекте) // EUR-Lex. Доступ к праву Европейского Союза – URL: <https://eur-lex.europa.eu/eli/reg/2024/1689/oj/eng> (дата обращения: 13.07.2026).

[5] Рамочная конвенция Совета Европы об искусственном интеллекте и правах человека, демократии и верховенстве права (СДСЕ № 225) // Официальный сайт Совета Европы – URL: <https://rm.coe.int/1680afae3c> (дата обращения 13.07.2026).

[6] Рекомендация об этических аспектах искусственного интеллекта. Принята 23 нояб. 2021 г. Генеральной конференцией ЮНЕСКО на 41-й сессии. – Париж: ЮНЕСКО, 2021. – URL: <https://unesdoc.unesco.org/ark:/48223/pf0000377897> (дата обращения: 13.07.2026).

[7] Рекомендация Совета ОЭСР по искусственному интеллекту // Юридические инструменты ОЭСР – URL: <https://legalinstruments.oecd.org/en/instruments/OECD-LEGAL-0449> (дата обращения 13.07.2026).

[8] Рио-де-Жанейрская декларация по окружающей среде и развитию. Принята Конференцией ООН по окружающей среде и развитию, Рио-де-Жанейро, 3–14 июня 1992 года // Официальный сайт Организации Объединенных Наций. - https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/riodecl.shtml?ysclid=mrmgau01x875431970 (дата обращения 13.07.2026).

References:

- [1] Barbashova E.V., Stroganova M.V. Hybrid decision support systems: integration of symbolic AI and machine learning // Economics and quality of communication systems, 2025. - NO. 4 - S. 96-106.
- [2] Dobychina N.V. "Neural networks, formalization of meaning and the future of artificial intelligence" // Philosophical problems of information technology and cyberspace, 2011. - NO. 2 - S. 97-103.
- [3] Stepanenko A.S. Systemic approaches to the problems of determining artificial intelligence // Modern technologies. Systems analysis. Modeling., 2008. - S. 216-221.
- [4] Regulation (EU) No 2024/1689 of the European Parliament and of the Council of 13 June 2024 laying down harmonised rules in the field of artificial intelligence and amending Regulations (EU) No 300/2008, (EU) No 167/2013, (EU) No 168/2013, (EU) 2018/858, (EU) 2018/1139 and (EU) 2019/2144 and Directives 2014/90/EU, (EU) 2016/797 and (EU) 2020/1828 (Artificial Intelligence Act) // EUR-Lex. Access to European Union law - URL: <https://eur-lex.europa.eu/eli/reg/2024/1689/oj/eng> (date of access: 13.07.2026).

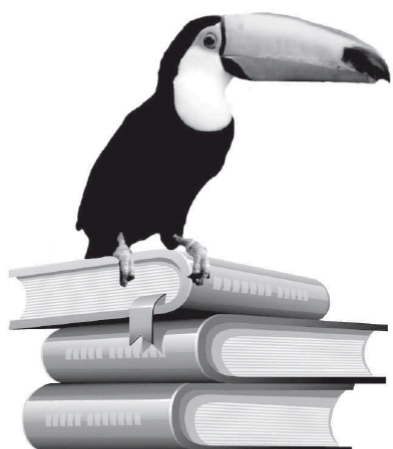
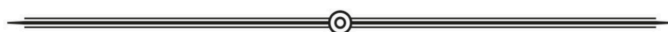
europa.eu/eli/reg/2024/1689/oj/eng (accessed on: 13.07.2026).

[5] Council of Europe Framework Convention on Artificial Intelligence and Human Rights, Democracy and the Rule of Law (CSCE No. 225) // Official website of the Council of Europe - URL: <https://rm.coe.int/1680afae3c> (date of appeal 13.07.2026).

[6] Recommendation on ethical aspects of artificial intelligence. Accepted 23 Nov. 2021 by the UNESCO General Conference at the 41st session. - Paris: UNESCO, 2021. - URL: <https://unesdoc.unesco.org/ark:/48223/pf0000377897> (accessed on: 13.07.2026).

[7] OECD Council Recommendation on Artificial Intelligence // OECD Legal Instruments - URL: <https://legalinstruments.oecd.org/en/instruments/OECD-LEGAL-0449> (date of reference 13.07.2026).

[8] Rio Declaration on Environment and Development. Adopted by the UN Conference on Environment and Development, Rio de Janeiro, June 3-14, 1992 // Official website of the United Nations. - https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/riodecl.shtml?ysclid=mrmgauc01x875431970 (дата обращения 13.07.2026).

ЮРКОМПАНИ

www.law-books.ru

Юридическое издательство
«ЮРКОМПАНИ»

Издание учебников,
учебных и методических
пособий, монографий,
научных статей.

Профессионально.

В максимально
короткие сроки.

Размещаем
в РИНЦ, E-Library.

ОБРАЗОВАНИЕ И ПРАВО

Дата поступления рукописи в редакцию: 10.07.2026 г.

DOI: 10.24412/2782-3849-2026-8-281-284

Дата принятия рукописи в печать: 01.08.2026 г.

МАЗДОВО ЗАИРА ЗАУРОВНА,

Профессор кафедры ГиГПД Северо-Кавказского института
повышения квалификации, кандидат политологических наук,
e-mail: mail@law-books.ru

**ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ ЭТНОПЕДАГОГИЧЕСКИЕ ФАКТОРЫ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ
ЭКСТРЕМИЗМУ В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ**

Аннотация. Экстремизм в современном обществе представляет собой многогранное и сложное явление, которое проявляется в различных формах и аспектах. Он охватывает широкий спектр идеологий, от политических до религиозных, и включает в себя как насильственные, так и ненасильственные действия. Важно понимать, что экстремизм не является чем-то новым; он существовал на протяжении всей истории человечества.

Ключевые слова: формы экстремизма, радикальные движения, политический порядок, насилие, угроза, профилактика.

MAZDAGOVA Zaira Zaurvna,

Professor, Department of State and Public Administration,
North Caucasus Institute for Advanced Studies, Candidate of
Political Sciences

**PEDAGOGICAL AND ETHNOPEDAGOGICAL FACTORS IN COUNTERING EXTREMISM
IN MODERN CONDITIONS**

Annotation. Extremism in modern society is a multifaceted and complex phenomenon that manifests itself in various forms and aspects. It encompasses a wide range of ideologies, from political to religious, and includes both violent and non-violent actions. It is important to understand that extremism is not something new; it has existed throughout human history.

Key words: forms of extremism, radical movements, political order, violence, threat, prevention.

Наиболее распространенными формами экстремизма являются политический, религиозный, этнический и экологический экстремизм. Политический экстремизм часто проявляется в радикальных движениях, которые стремятся к изменению существующего политического порядка, используя для этого насилие или угрозы.

Однако в последние десятилетия его проявления стали более заметными и разнообразными, что связано с глобализацией, развитием технологий и изменением социально-экономических условий. Экстремизм может быть, как внутренним, так и внешним, и его корни нередко уходят в глубокие социальные, экономические и культурные проблемы, которые требуют комплексного подхода к решению [1].

Религиозный экстремизм, в свою очередь, основывается на радикальных интерпретациях религиозных текстов и может приводить к насильственным действиям в имени веры. Этнический экстремизм возникает из чувства принадлежности к определенной этнической группе и может проявляться в ксенофобии, ненависти к другим

народам и насильственным конфликтах. Экологический экстремизм, хотя и менее распространен, также представляет собой важную проблему, когда радикальные экологические группы прибегают к насилию в попытках защитить окружающую среду [2].

Современный экстремизм также имеет свои особенности, связанные с развитием технологий и информационных технологий. Социальные сети и интернет стали мощными инструментами для распространения экстремистских идеологий. Они позволяют радикальным группам легко находить сторонников и распространять свои идеи, используя различные формы пропаганды и манипуляции.

Виртуальные сообщества становятся платформами для обсуждения экстремистских взглядов, что способствует их распространению и нормализации. Это создает новые вызовы для общества, так как традиционные методы противодействия экстремизму, такие как образование и социальная работа, могут оказаться недостаточными в условиях быстрого изменения информа-

ционного пространства [3].

Экстремизм также часто коренится в социальных и экономических проблемах, таких как бедность, безработица, дискриминация и отсутствие доступа к образованию. Люди, испытывающие эти трудности, могут стать более восприимчивыми к радикальным идеям, которые обещают быстрое решение их проблем или предоставляют им чувство принадлежности к чему-то большему. В этом контексте важно понимать, что экстремизм не является лишь вопросом индивидуально-го выбора; он также является следствием более широких социальных процессов и структурных проблем, которые требуют внимания со стороны государства и общества [4].

Педагогический и этнопедагогический факторы противодействия экстремизму играют ключевую роль в формировании устойчивого общества, способного противостоять радикализации. Образование может служить мощным инструментом для предотвращения экстремизма, так как оно способствует развитию критического мышления, толерантности и уважения к различиям. Педагогические подходы, направленные на формирование у молодежи навыков конструктивного диалога и решения конфликтов, могут значительно снизить вероятность их вовлечения в экстремистские группы [5]. Кроме того, этнопедагогика, как дисциплина, учитывающая культурные и этнические особенности обучаемых, может помочь в создании более инклюзивной образовательной среды, где каждый человек будет чувствовать себя принятым и уважаемым.

Важным аспектом противодействия экстремизму является работа с молодежью, которая является наиболее уязвимой к радикализации. Молодежные программы, направленные на развитие лидерских качеств, гражданской активности и социальной ответственности, могут помочь создать альтернативные модели поведения и мышления, которые противостоят экстремистским идеям.

Важно также вовлечение родителей, педагогов и местных сообществ в процесс формирования у молодежи устойчивых к экстремизму ценностей и убеждений. Таким образом, комплексный подход, включающий педагогические и этнопедагогические факторы, является необходимым условием для успешного противодействия экстремизму в современном обществе.

Современные вызовы, связанные с экстремизмом, требуют от общества новой парадигмы мышления и действий. Необходимо не только реагировать на проявления экстремизма, но и работать на опережение, создавая условия для формирования устойчивых к радикализации сообществ. Это возможно только при условии активного участия всех членов общества, включая

государственные органы, образовательные учреждения, неправительственные организации и самих граждан.

Только совместными усилиями можно создать общество, в котором экстремизм не найдет почвы для своего роста, а люди будут жить в атмосфере взаимопонимания, уважения и сотрудничества.

В ходе исследования темы «Педагогический и этнопедагогический фактор противодействия экстремизму в современных условиях» мы пришли к важным выводам, которые подчеркивают значимость образовательного процесса в формировании устойчивости молодежи к экстремистским идеологиям. Экстремизм, как явление, представляет собой не только социальную, но и культурную угрозу, затрагивающую основы общественного порядка и стабильности.

Он проявляется в различных формах и имеет многоуровневые причины, включая политические, экономические, социальные и культурные факторы. Понимание сущности и особенностей экстремизма в современном обществе позволяет нам более эффективно разрабатывать стратегии противодействия этому явлению, особенно в контексте образования.

Педагогические подходы к противодействию экстремизму, рассматриваемые в данной работе, подчеркивают важность формирования критического мышления у молодежи, развития навыков анализа информации и способности к конструктивному диалогу. Образование должно стать не только источником знаний, но и площадкой для обсуждения актуальных социальных вопросов, что позволяет молодежи осознавать последствия экстремистских идеологий и принимать осознанные решения. Важно, чтобы образовательные учреждения внедряли программы, направленные на развитие эмоционального интеллекта, толерантности и уважения к культурным различиям. Эти элементы помогают создать безопасную образовательную среду, способствующую личностному росту и социальной интеграции.

Этнопедагогические аспекты борьбы с экстремизмом, в свою очередь, акцентируют внимание на необходимости учитывать культурные и этнические особенности различных групп населения. В условиях многонационального общества важно развивать программы, которые будут способствовать межкультурному диалогу и взаимопониманию между народами. Этнопедагогика, опираясь на культурные традиции и ценности, может стать мощным инструментом в формировании у молодежи уважения к своему и другим культурам, что, в свою очередь, снижает вероятность возникновения экстремистских настроений. Понимание культурных контекстов и использование

этнопедагогических методов в образовательном процессе способствуют созданию атмосферы доверия и сотрудничества, что является важным фактором в противодействии экстремизму.

Роль образования в предупреждении экстремистских убеждений нельзя переоценить. Образовательные учреждения должны не только передавать знания, но и формировать у студентов активную гражданскую позицию, критическое мышление и навыки решения конфликтов. В этом контексте важно, чтобы образовательные программы включали в себя темы, связанные с правами человека, демократией и гражданской ответственностью. Студенты должны быть вовлечены в проекты, способствующие развитию их социальной активности и ответственности, что поможет им стать не только потребителями информации, но и активными участниками общественной жизни.

Эффективные практики противодействия экстремизму, учитывающие педагогические и этнопедагогические факторы, показывают, что комплексный подход к образованию может значительно снизить уровень экстремистских настроений среди молодежи. Важно, чтобы в образовательных учреждениях разрабатывались и внедрялись программы, направленные на развитие межкультурной компетенции, навыков критического мышления и эмоциональной устойчивости. Такие программы могут включать в себя как теоретические занятия, так и практические мероприятия, такие как тренинги, семинары и проекты, которые способствуют формированию у молодежи активной жизненной позиции и способности к конструктивному диалогу.

Ключевым аспектом успешной реализации образовательных программ противодействия экстремизму является сотрудничество различных стейкхолдеров, включая образовательные учреждения, государственные органы, неправительственные организации и местные сообщества. Только совместными усилиями можно создать эффективную систему, способствующую формированию у молодежи устойчивости к экстремистским идеологиям [6]. Важно, чтобы все участники этого процесса понимали свою роль и ответственность в борьбе с экстремизмом, что позволит создать единую стратегию, направленную на профилактику этого опасного явления.

В заключение, можно сказать, что противодействие экстремизму в современных условиях требует комплексного подхода, в котором педагогические и этнопедагогические факторы играют ключевую роль. Образование должно стать основным инструментом формирования у молодежи навыков, необходимых для противостояния экстремистским идеологиям, и создания общества, основанного на уважении, толерантности и

взаимопонимании. Важно помнить, что борьба с экстремизмом начинается с каждого из нас, и именно через образование мы можем заложить основы для мирного и безопасного будущего.

Список литературы:

[1] Авакян М. В. и др. Методические рекомендации по профилактике распространения идеологии терроризма и экстремизма // Калининград: Издательство БФУ им. И. Канта. – 2023. – Т. 44. URL: https://nfreg.ru/wp-content/uploads/2023/12/Metodicheskie-rekomendatsii_profilaktika-ekstremizma-i-terrorizma_proekt_itog-1.pdf (дата обращения: 14.04.2026).

[2] Андрианова Р. А. Профилактика экстремизма как актуальная проблема современного российского общества // ББК 74.00+ 88 Н 34. – 2018. URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_36802279_20488870.pdf#page=63 (дата обращения: 14.04.2026).

[3] Апанасюк Л. А. Теоретико-методологические основы профилактики ксенофобии в студенческой среде средствами социально-культурной деятельности // дис.... д-ра пед. наук. – 2014. – Т. 13. – №. 05. URL: <https://disser.tsutmb.ru/uploaddocuments/dissertacii/apanasuk.pdf> (дата обращения: 14.04.2026).

[4] Вердиханова А. Н., Голубкова Н. И. Противодействие экстремизму в современных условиях // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. – 2023. – №. 4 (68). – С. 155-167. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/protivodeystvie-ekstremizmu-v-sovremennyh-usloviyah-1> (дата обращения: 14.04.2026).

[5] Гогиберидзе Г. М., Реан А. А., Кузьмин Р. Г. Педагогическая профилактика проявлений молодежного экстремизма: отечественный и зарубежный опыт // Вестник Московского университета. Серия 20. Педагогическое образование. – 2025. – №. 3. – С. 42-67. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/pedagogicheskaya-profilaktika-proyavleniy-molodezhnogo-ekstremizma-otechestvennyy-i-zarubezhnyy-opyt> (дата обращения: 14.04.2026).

[6] Машекуашева М.Х. Ресурсный потенциал патриотизма и особенности его реализации в современной России в условиях противодействия экстремизму и терроризму. Право и управление. 2024. № 4. С. 35-37.

References:

[1] Avakyan M.V. et al. Methodological recommendations for the prevention of the spread of the ideology of terrorism and extremism // Kaliningrad: Publishing House BFU named after I. Kant. – 2023. – T. 44. URL: <https://nfreg.ru/wp-content/uploads/>

2023/12/Metodicheskie-rekomendatsii_profilaktika-ekstremizma-i-terrorizma_proekt_itog-1.pdf (дата обращения: 14.04.2026).

[2] R. Andrianova. Prevention of extremism as an urgent problem of modern Russian society // BBK 74.00+ 88 N 34. – 2018. URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_36802279_20488870.pdf#page=63 (access date: 14.04.2026).

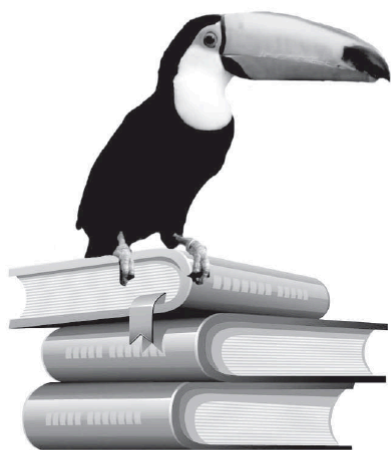
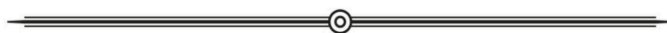
[3] Apanasyuk L. A. Theoretical and methodological foundations of the prevention of xenophobia in the student environment by means of socio-cultural activities // dis.... Dr. ped. sciences. – 2014. – Т. 13. – №. 05. URL: <https://disser.tsutmb.ru/uploaddocuments/dissertacii/apanasuk.pdf> (дата обращения: 14.04.2026).

[4] Verdikhanova A. N., Golubkova N. I. Countering extremism in modern conditions // News of higher educational institutions. Volga region.

Social sciences. – 2023. – №. 4 (68). – S. 155-167. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/protivodeystvie-ekstremizmu-v-sovremennyh-usloviyah-1> (дата обращения: 14.04.2026).

[5] Gogiberidze G. M., Rean A. A., Kuzmin R. G. Pedagogical prevention of manifestations of youth extremism: domestic and foreign experience // Bulletin of Moscow University. Series 20. Teacher education. – 2025. – №. 3. – S. 42-67. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/pedagogiches-kaya-profilaktika-proyavleniy-molodezhnogo-ekstremizma-otechestvennyy-i-zarubezhnyy-opyt> (дата обращения: 14.04.2026).

[6] Mashekuasheva M.Kh. The resource potential of patriotism and the peculiarities of its implementation in modern Russia in the context of countering extremism and terrorism. Law and governance. 2024. № 4. S. 35-37.

ЮРКОМПАНИ

www.law-books.ru

Юридическое издательство
«ЮРКОМПАНИ»

Издание учебников,
учебных и методических
пособий, монографий,
научных статей.

Профессионально.

В максимально
короткие сроки.

Размещаем
в РИНЦ, Е-Library.

Дата поступления рукописи в редакцию: 16.07.2026 г.

DOI: 10.24412/2782-3849-2026-8-285-291

Дата принятия рукописи в печать: 05.08.2026 г.

КАРПОВА Александра Владимировна,

преподаватель кафедры специальных дисциплин
Волгодонского филиала Ростовского юридического института
МВД России, канд. полит. наук,
e-mail: av_karpova@list.ru

КЛОЧКО Юлия Витальевна,

профессор кафедры психолого-педагогического и
медицинского обеспечения деятельности ОВД Всероссийского
института повышения квалификации сотрудников
Министерства внутренних дел Российской Федерации, канд.
психол. наук, доцент,
e-mail: Chenklo@mail.ru

ЮРИН Алексей Михайлович,

преподаватель кафедры криминалистики Белгородского
юридического института МВД России им. И.Д. Путилина,
подполковник полиции,
e-mail: alex.iurin2015@yandex.ru

ОРГАНИЗАЦИЯ НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ КУРСАНТОВ И СЛУШАТЕЛЕЙ В ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ОРГАНИЗАЦИЯХ СИСТЕМЫ МВД РОССИИ: ПРОБЛЕМЫ И ПУТИ РЕШЕНИЯ

Аннотация. В статье рассматриваются проблемы организации научно-исследовательской деятельности курсантов и слушателей в образовательных организациях системы МВД России. Актуальность исследования обусловлена необходимостью совершенствования системы подготовки высококвалифицированных кадров для органов внутренних дел, способных не только эффективно выполнять служебные обязанности, но и применять научные подходы к решению оперативно-служебных задач. На основе анализа практики организации научно-исследовательской деятельности в ведомственных вузах выделяются основные группы проблем: мотивационные, организационные, методические и инфраструктурные. Предлагается комплекс мер по их преодолению, включающий разработку единого алгоритма организации научно-исследовательской деятельности, совершенствование системы мотивации, методического обеспечения, развитие наставничества и привлечение практических сотрудников к руководству исследованиями. Обосновывается вывод о том, что реализация предложенных мер позволит повысить качество подготовки будущих сотрудников органов внутренних дел, укрепить связь между учебным процессом и практической деятельностью, а также создать условия для развития научного потенциала ведомственной системы образования.

Ключевые слова: научно-исследовательская деятельность, курсанты, слушатели, образовательные организации МВД России, профессиональная подготовка, научно-исследовательская работа, алгоритм организации, наставничество.

KARPOVA Alexandra Vladimirovna,

Lecturer in the departments of special disciplines of the Volgodonsk
branch of the Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of
Russia, Candidate of Political Sciences

KLOCHKO Yulia Vitalievna,

Professor of the Department of Psychological, Pedagogical and
Medical Support for Internal Affairs Activities All-Russian Institute
for Advanced Training of Employees of the Ministry of Internal
Affairs of the Russian Federation, Candidate of Psychological
Sciences, Associate Professor

YURIN Alexey Mikhailovich,

Lecturer at the Department of Criminalistics, Belgorod Law Institute
of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after. I.D. Putilina,
police lieutenant colonel

ORGANIZING RESEARCH ACTIVITIES FOR CADETS AND STUDENTS IN EDUCATIONAL INSTITUTIONS OF THE RUSSIAN MINISTRY OF INTERNAL AFFAIRS SYSTEM: PROBLEMS AND SOLUTIONS

Annotation. This article examines the challenges of organizing research activities for cadets and students in educational institutions within the Russian Ministry of Internal Affairs. The relevance of the study stems from the need to improve the system for training highly qualified personnel for internal affairs agencies, capable of not only effectively performing their official duties but also applying scientific approaches to solving operational and service problems. Based on an analysis of the practice of organizing research activities at departmental universities, key groups of problems are identified: motivational, organizational, methodological, and infrastructural. A set of measures to overcome these challenges is proposed, including the development of a unified algorithm for organizing research activities, improving the motivation system and methodological support, developing mentoring, and involving practitioners in research management. It is concluded that the implementation of the proposed measures will improve the quality of training for future employees of internal affairs agencies, strengthen the connection between the educational process and practical activities, and create conditions for the development of the scientific potential of the departmental education system.

Key words: research activities, cadets, students, educational organizations of the Ministry of Internal Affairs of Russia, professional training, research work, organization algorithm, mentoring.

Научно-исследовательская деятельность курсантов и слушателей в системе МВД органично вписана в процесс профессиональной подготовки. В научной литературе ее справедливо выделяют как важнейшую составляющую профессионального становления обучающихся. Научно-исследовательская деятельность не только формирует аналитическую компетенцию, но и развивает творческое мышление, самостоятельность и способность принимать решения в нестандартных ситуациях.

Сегодняшняя оперативная обстановка ставит перед полицией задачи, которых десять лет назад ещё не было, так, например, киберпреступность, использование технологий искусственного интеллекта в противоправных целях, что в свою очередь влечет ужесточение требований к качеству правоохранительной деятельности. Для оперативного решения указанных задач, на первый план выходит проблема формирования у сотрудников ОВД компетенций, позволяющих адекватно реагировать на вызовы. Научно-исследовательская деятельность является одним из наиболее действенных механизмов решения этой задачи, так как она развивает системное аналитическое мышление, навыки прогнозирования и готовность к нестандартным решениям [1, с. 112]. Особую важность приобретает исследование проблем организации научно-исследовательской деятельности, а также выработка путей их преодоления.

Научно-исследовательская деятельность

в системе ведомственного образования представляет собой целенаправленный процесс, в ходе которого курсанты и слушатели последовательно овладевают инструментарием научного познания. Этот процесс включает в себя ряд взаимосвязанных этапов: обнаружение проблемного поля, формирование исследовательского вопроса, накопление и критическую обработку эмпирических данных, их анализ и теоретическое осмысление, а также формулирование обоснованных выводов и практических рекомендаций. В совокупности данные этапы образуют логику исследовательского поиска, в рамках которой происходит становление профессионального мышления будущего офицера.

Первая ступень — учебно-исследовательская — является обязательной для всех обучающихся и реализуется в рамках учебного процесса как его неотъемлемая часть. К данному уровню относятся: подготовка рефератов и устных докладов к семинарским занятиям; курсовые работы, предполагающие самостоятельный анализ теоретических источников, нормативных документов и фактического материала; выпускные квалификационные работы как завершённое авторское исследование; аналитические справки и отчёты по результатам практик, основанные на обобщении и интерпретации эмпирических данных, полученных в ходе служебной деятельности.

Второй уровень — собственно научно-исследовательская работа, осуществляемая во внеучебное время. Она ориентирована на наиболее

мотивированных курсантов и слушателей и предполагает более глубокое погружение в исследовательскую деятельность. Данное направление научной деятельности реализуется посредством участия в работе научных кружков и проблемных групп на кафедрах, где под руководством преподавателей разрабатываются актуальные темы, а так же организован творческий процесс подготовки докладов и выступлений на научных конференциях, семинарах, круглых столах различного уровня. Важными направлениями являются: написание и публикация статей, тезисов в ведомственных и иных научных сборниках, участие в конкурсах научных работ, вовлечение в выполнение плановых научных исследований кафедр и научно-исследовательских подразделений.

Указанная двухуровневая структура направлена на последовательное формирование исследовательских компетенций у всех обучающихся, одновременно создавая основу для раскрытия научного потенциала наиболее мотивированных и одарённых из них. В исследовательской работе рождается то, что невозможно дать через лекции и инструкции: способность мыслить системно, видеть скрытые связи, не поддаваться стереотипам. Эти качества не менее важны для полицейского, чем владение оружием или знание законов. Их формирование начинается именно в научной деятельности. Кроме того, научно-исследовательская деятельность способствует формированию таких качеств, как самостоятельность, ответственность, инициативность и стремление к самосовершенствованию [2, с. 89].

Важным аспектом является и то, что научно-исследовательская деятельность позволяет обучающимся осваивать методы работы с научной литературой, статистическими данными и нормативными правовыми актами, что непосредственно применимо в их будущей профессиональной деятельности, требующей высокого уровня правовой грамотности и умения работать с большими массивами информации [3, с. 114].

Современная оперативная обстановка диктует свои условия. Она становится всё более сложной и непредсказуемой, что объективно повышает роль аналитической подготовки. Профессионализм сегодняшнего сотрудника определяется не столько умением действовать по шаблону, сколько способностью анализировать, обобщать, прогнозировать и принимать решения в условиях неполноты информации. Именно эти навыки закладываются в исследовательской работе.

На практике реализация научно-исследовательской деятельности сопряжена с существенными трудностями, которые имеют различную природу. Часть из них обусловлена объективными факторами — дефицитом ресурсного обеспечения, недостатками организационного харак-

тера. Другая группа препятствий связана с субъективными причинами, среди которых выделяются низкая заинтересованность обучающихся и отсутствие у них внутренних побудительных мотивов к исследовательской работе.

Если исходить из опыта организации научно-исследовательской деятельности в ведомственных вузах, можно выделить несколько устойчивых проблемных зон. Начнём с наиболее заметной — мотивационной. Именно внутреннее отношение обучающихся к научной работе во многом определяет её реальный уровень и результативность. Низкая мотивация курсантов и слушателей к занятиям научной деятельностью является одной из наиболее распространённых проблем [4, с. 130]. Одна из ключевых проблем — слабая связь между научными достижениями и карьерным ростом. Научные публикации, победы в конкурсах, участие в конференциях не дают курсанту или слушателю никаких преимуществ при распределении на практику, при зачислении в магистратуру или адъюнктуру, при выдвижении на должность. Научная работа не становится значимым критерием профессиональной перспективности. В результате обучающийся не видит, зачем тратить на неё время, если это никак не отражается на его дальнейшей судьбе.

Проблема усугубляется тем, что курсанты и слушатели не получают содержательной оценки своих научных работ, что не позволяет им видеть направления для дальнейшего роста. Курсанты часто не знают, как оценена их работа, что в ней было сильным, а что слабым. Научные конференции и конкурсы зачастую превращаются в формальные мероприятия. Кроме того, отсутствие обратной связи блокирует формирование профессиональной рефлексии — навыка, критически важного для сотрудника органов внутренних дел.

Важной причиной низкой вовлечённости в научно-исследовательскую деятельность является непонимание курсантами того, каким образом результаты научных исследований могут быть применены в их будущей служебной деятельности участкового, следователя, инспектора. В сознании многих обучающихся научная работа остаётся абстрактным занятием, далёким от оперативно-служебной деятельности. Пока эта связь не будет видимой и объяснённой, интерес к науке останется поверхностным.

Наконец, важным, но часто упускаемым аспектом является отсутствие системы наставничества в научной работе. Курсант или слушатель, впервые столкнувшийся с исследовательской задачей, оказывается один на один с неизвестностью. Ему не объясняют алгоритм действий, не помогают выбрать тему, не показывают, как работать с источниками. Без этого первый опыт

оказывается неудачным, что снижает мотивацию и закрепляет убеждение: «наука — не мое».

Даже при наличии устойчивого интереса к науке курсант или слушатель может столкнуться с препятствиями иного рода — организационными. Они коренятся не в сознании обучающегося, а в самой системе: в том, как планируется, координируется и обеспечивается научная работа. К организационным проблемам относится отсутствие четкого алгоритма организации научно-исследовательской деятельности на всех этапах образовательного процесса [5, с. 75]. Эти проблемы объективны, они не зависят от желания курсанта заниматься наукой, они создают рамки, в которых это желание либо реализуется, либо угасает.

Существенную остроту приобретает проблема дефицита времени, которым располагают курсанты и слушатели для ведения научной работы. Высокая насыщенность учебного плана дисциплинами, практиками и мероприятиями служебной подготовки обуславливает восприятие научной деятельности как дополнительной нагрузки, подлежащей минимизации. Вследствие этого глубокое погружение в исследовательскую проблематику оказывается затруднённым, а научная работа приобретает формальный характер, ограничиваясь выполнением минимальных требований. В результате обучающиеся, даже при наличии исследовательского потенциала, вынуждены выбирать между академической успеваемостью и научной деятельностью, и выбор, как правило, делается в пользу первой.

Не менее актуальной выступает проблема фрагментарности учёта научных разработок обучающихся и отсутствия единой информационной базы, что затрудняет системное обобщение результатов исследовательской работы и препятствует межведомственному обмену опытом. Научная деятельность фактически остаётся прерогативой отдельных кафедр и преподавателей, не приобретая статуса общеузовской системной задачи. Результаты участия в конференциях, публикационной активности и конкурсных мероприятиях зачастую не фиксируются в личных делах и не учитываются при итоговой аттестации. Вследствие этого научные достижения остаются без внимания, курсант не получает обратной связи, а его исследовательский интерес не переходит в долгосрочный проект. Отсутствует преемственность между курсовыми, выпускными квалификационными работами и публикациями.

Значимым ограничением выступает высокая учебно-методическая нагрузка профессорско-преподавательского состава, поскольку руководство исследовательской работой обучающихся является дополнительной функцией, не всегда нормируемой в общем объёме. Курирование значительного числа работ одновременно

сужает возможности персональной работы с каждым курсантом.

Организационные условия, при всей их существенности, не охватывают всей совокупности факторов, сдерживающих развитие научно-исследовательской деятельности. Не менее остро стоит проблема методического обеспечения, а именно разработки и внедрения таких форм, приёмов и дидактических материалов, которые позволяли бы обучающемуся не только формально выполнить работу, но и овладеть методологией научного исследования.

К числу методических проблем относится неопределённость критериев выбора темы исследования. Обучающийся оказывается перед необходимостью выбора темы при отсутствии чётких ориентиров: ему предлагается либо чрезмерно широкая область, либо узкоспециализированная тема, содержание которой остаётся неясным. Вследствие этого выбор приобретает случайный характер. Избранная тема не вызывает познавательного интереса, не соотносится с будущей практической деятельностью и, главное, не создаёт условий для самостоятельного исследования. Курсант не осознаёт ни содержания, ни целесообразности предстоящей исследовательской работы.

Не менее важной методической проблемой является отсутствие алгоритма работы над научным текстом. Обучающемуся не раскрывается последовательность исследовательских процедур: отправная точка работы, порядок формулировки проблемы, алгоритм работы с литературными источниками, методика сбора эмпирического материала, способы анализа данных и оформления выводов. Вместо целостного алгоритма предлагаются разрозненные рекомендации. В результате исследовательская работа выполняется методом проб и ошибок, что негативно сказывается на её качестве и ведёт к увеличению временных затрат.

Невозможно обойти стороной недостаток навыков работы с источниками. Обучающиеся не всегда владеют навыками сопоставления различных научных позиций и выявления оригинальных исследований. Нередко круг используемых источников ограничивается учебной литературой и интернет-ресурсами, тогда как монографии, статьи в рецензируемых журналах и диссертационные работы остаются вне поля внимания. Подобная практика обуславливает поверхностный характер исследования и снижает убедительность формулируемых выводов.

Следует отметить неопределённость требований к оформлению научных работ, а также дефицит качественных образцов научных работ. Обучающиеся сталкиваются с противоречивыми либо устаревшими нормативами, в итоге значи-

тельные временные затраты направляются на оформление, а не на содержательную часть работы. А отсутствие эталонных образцов затрудняет освоение жанра научного текста.

Инфраструктурное обеспечение является тем условием, без которого даже высокая мотивация, продуманная организация и отработанная методика не гарантируют успешного выполнения исследования. Речь идёт не о дополнительных удобствах, а о необходимом минимуме: доступе к научной литературе, базам данных, программным продуктам и техническим средствам.

На всех этапах исследовательского процесса дают о себе знать инфраструктурные ограничения. Библиотечные фонды пополняются с опозданием, доступ к зарубежным информационным ресурсам либо отсутствует, либо существенно сужен, объём подписки на научные журналы не соответствует потребностям обучающихся. Специализированное программное обеспечение для статистической обработки и анализа данных либо не закуплено, либо доступно в крайне ограниченном объёме. Компьютерное оборудование морально и физически устаревает, качество интернет-соединения оставляет желать лучшего. Нет и помещений, приспособленных для сосредоточенной самостоятельной работы. В результате исследование подменяется преодолением технических препятствий, а его содержательная сторона отходит на второй план.

Результат предсказуем: курсант либо не может выполнить работу на должном уровне, либо теряет интерес к науке вообще. Инфраструктура не должна тормозить исследование — она должна создавать для него условия. Обновление библиотек, доступ к базам данных, закупка современного программного обеспечения, модернизация компьютерных классов, поддержка публикационной активности и участия в конференциях — это не дополнительные бонусы, а базовые элементы системы, без которых научная работа в вузе остаётся формальностью.

Результат научно-исследовательской деятельности зависит от того, кто именно направляет, корректирует и оценивает исследовательскую работу. Кадровый вопрос здесь не менее важен, чем любой другой. Кадровая ситуация в научно-исследовательской работе курсантов определяется двумя основными факторами: перегруженностью преподавателей и их квалификацией. Не все научные руководители имеют достаточный опыт и учёную степень, особенно когда речь идёт о современных методах исследования. Вторая группа проблем связана с кадровым составом и его стабильностью. Кадровая нестабильность разрывает устойчивые связи между научными руководителями и курсантами, что негативно сказывается на преемственности в исследовательской подго-

товке. Ситуация усугубляется эпизодическим участием сотрудников практических подразделений в научном руководстве, что отдаляет тематику исследований от актуальных задач оперативно-служебной деятельности.

На основе проведённого анализа целесообразно перейти к формулировке практических рекомендаций. Предлагаемые меры должны носить системный, адресный и реалистичный характер. Рассмотрим их последовательно.

Первая группа мер связана с устранением неопределённости, с которой курсант сталкивается на начальном этапе исследовательской работы. Для этого требуется разработка и внедрение пошагового алгоритма действий, охватывающего все этапы — от постановки исследовательской задачи до защиты результатов. Такой алгоритм не только упорядочивает научную деятельность, делая её предсказуемой и управляемой, но и даёт обучающемуся ясные ориентиры, снимает страх перед неизвестностью. При этом алгоритм должен предусматривать гибкость, учитывая индивидуальные особенности курсантов: различный темп работы, уровень подготовки, наличие предшествующего исследовательского опыта. Тогда он становится не формальной инструкцией, а реальным рабочим инструментом.

Вторая группа мер направлена на повышение мотивации. Информационная работа должна быть усилена: курсанты должны быть осведомлены о возможностях, которые открывает научная деятельность — публикации, участие в конференциях, стажировки, дополнительные баллы при поступлении в магистратуру и адъюнктуру. Важно установить прямую связь между научными достижениями и академическими результатами, чтобы исследовательская работа воспринималась не как нечто отдельное от учёбы, а как её органичная часть. Необходимо также предусмотреть материальные и моральные стимулы: надбавки к стипендии, премии за публикации, гранты, оплата поездок на конференции, почётные грамоты и благодарности. Целесообразно внедрение элементов геймификации и соревновательности — рейтингов научной активности, конкурсов, номинаций. Только комплексная, разнонаправленная мотивационная работа способна сформировать у обучающихся устойчивый интерес к науке.

Третье направление — создание системы наставничества. За каждым курсантом, вовлечённым в научную работу, должен быть закреплён опытный наставник из числа преподавателей, научных сотрудников, адъюнктов или докторантов, который оказывает методическую помощь на всех этапах исследования. Наставничество не только повышает качество работ, но и даёт курсанту живой пример профессиональной тра-

ектории, формирует представление о науке как о достижимой и осмысленной карьере.

Четвёртым направлением необходимо обозначить в сфере привлечения к руководству исследованиями действующих сотрудников практических подразделений органов внутренних дел. Это позволяет приблизить тематику научных работ к реальным запросам практики и преодолеть разрыв между вузом и оперативной обстановкой. Совместное руководство создаёт основу для системного взаимодействия, взаимного обучения и обмена информацией, делая науку прикладной, а практику — осмысленной с научной точки зрения.

Пятым ориентиром следует отметить совершенствование материально-технической базы. Исследование невозможно без доступа к научным базам данных, современной литературе, программному обеспечению и оборудованию. Необходимо расширение доступа к электронным библиотечным системам, регулярное обновление фондов, оснащение компьютерных классов и лабораторий современной техникой, обеспечение доступа к профессиональным пакетам статистической обработки данных, а также организация удалённого доступа к ресурсам вуза. Решение этих задач требует не разовых вложений, а системного подхода к поддержанию инфраструктуры. Инвестиции в материально-техническую базу служат для курсантов сигналом о значимости науки в вузе, что укрепляет их мотивацию и уважение к исследовательскому труду.

Шестое направление — создание на базе кафедр постоянно действующих научных лабораторий и проектных групп. Такая форма работы развивает навыки проектной деятельности: целеполагание, распределение задач, координацию, контроль сроков, ответственность за результат. Эти компетенции непосредственно востребованы в управленческой деятельности в органах внутренних дел. Кроме того, работа в научной лаборатории предполагает командное взаимодействие. Курсанты разных курсов, а иногда и разных специальностей, объединяются для решения общей проблемы.

Таким образом, научно-исследовательская деятельность в вузах МВД России остаётся недооценённым, но стратегически важным ресурсом профессиональной подготовки. Она развивает аналитическое мышление, самостоятельность и способность к нестандартным решениям — качества, которые невозможно сформировать в полной мере через лекции и практические занятия. Однако потенциал научно-исследовательская деятельность реализуется не полностью из-за системных проблем: низкой мотивации, отсутствия чётких алгоритмов, перегруженности преподавателей и слабой материально-технической базы. Преодоление этих барьеров возмож-

но лишь через комплекс мер, включающих разработку единого алгоритма, создание системы мотивации и наставничества, привлечение практических сотрудников и укрепление инфраструктуры. Только такая системная работа позволит превратить научную деятельность курсантов из формальной обязанности в реальный инструмент профессионального роста и укрепления связи вузовской науки с практикой.

Список литературы:

- [1] Ковалёв А.С., Борисов А.С. Формирование профессиональных компетенций курсантов вузов МВД России в процессе научно-исследовательской деятельности // Психопедагогика в правоохранительных органах. – 2023. – № 4. – С. 112–117.
- [2] Проблемы и перспективы развития научно-исследовательской деятельности курсантов и слушателей в вузах МВД России: материалы Всероссийской научно-практической конференции. – М.: Академия управления МВД России, 2025. – 156 с.
- [3] Ковалёв А.С., Борисов А.С. Формирование профессиональных компетенций курсантов вузов МВД России в процессе научно-исследовательской деятельности // Психопедагогика в правоохранительных органах. – 2023. – № 4. – С. 112–117.
- [4] Михайлов С.В. Мотивация курсантов к научно-исследовательской деятельности в вузах МВД России // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2024. – № 2. – С. 130–135.
- [5] Михайлов С.В. Мотивация курсантов к научно-исследовательской деятельности в вузах МВД России // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2024. – № 2. – С. 130–135.

References:

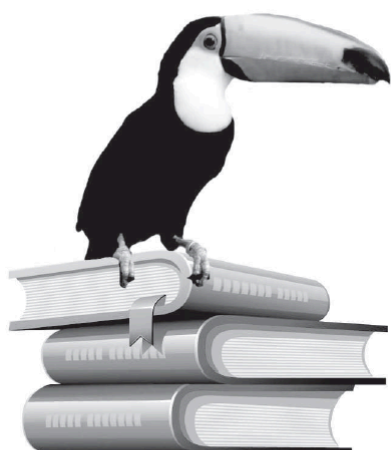
- [1] Kovalev A.S., Borisov A.S. Formation of professional competencies of cadets of universities of the Ministry of Internal Affairs of Russia in the process of research activities // Psychopedagogy in law enforcement agencies. – 2023. – № 4. – S. 112-117.
- [2] Problems and prospects for the development of research activities of cadets and students in universities of the Ministry of Internal Affairs of Russia: materials of the All-Russian Scientific and Practical Conference. - M.: Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2025. - 156 s.
- [3] Kovalev A.S., Borisov A.S. Formation of professional competencies of cadets of universities of the Ministry of Internal Affairs of Russia in the process of research activities // Psychopedagogy

in law enforcement agencies. – 2023. – № 4. – S. 112-117.

[4] Mikhailov S.V. Motivation of cadets to research activities in universities of the Ministry of Internal Affairs of Russia // Bulletin of St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

– 2024. – № 2. – S. 130-135.

[5] Mikhailov S.V. Motivation of cadets to research activities in universities of the Ministry of Internal Affairs of Russia // Bulletin of St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. – 2024. – № 2. – S. 130-135.

ЮРКОМПАНИ

www.law-books.ru

Юридическое издательство
«ЮРКОМПАНИ»

Издание учебников,
учебных и методических
пособий, монографий,
научных статей.

Профессионально.

В максимально
короткие сроки.

Размещаем
в РИНЦ, E-Library.